BIBLIOTHECA TATARICA

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Главное архивное управление
при Кабинете Министров Республики Татарстан
Казанский государственный университет

BIBLIOTHECA TATARICA

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Казань 2009

ББК 63.3
Вос 74

BIBLIOTHECA TATARICA

Ответственные редакторы:
И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдиков

Научные редакторы:
И.В.Зайцев, Д.А.Мустафина

Вводная статья:
В.В.Трепавлов

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А.А.Арсланова*
доктор исторических наук *И.К.Загидуллин*

Перевод с французского языка:
Л.Н.Лысенко, Л.Р.Низамиева, Д.А.Ногманова

Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей / Отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдиков; науч. ред. И.В.Зайцев, Д.А.Мустафина; ввод. ст. В.В.Трепавлов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 428 с.

Сборник включает в себя статьи французских исследователей, посвященные истории взаимоотношений тюркских и монгольских народов Восточной Европы и Российского государства со странами Востока, прежде всего с Османской империей.

ISBN 978-5-94981-146-7

© Институт истории АН РТ, 2009
© Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2009
© Казанский государственный университет, 2009

Содержание

От издателей 5

В.В.Трепавлов. Тюркские народы Евразии и Османская империя в XVI в. 7

Ш.Лемерсье-Келькеже. Один неопубликованный источник по истории России XVI века 35

Ш.Лемерсье-Келькеже. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному источнику из архива Музея дворца «Топкапы» 47

О.Гёкбильгин. Несколько рукописных источников об эпохе крымского хана Сахиб-Гирея I (1532–1551 гг.), хранящихся в Стамбуле, Париже, Ленинграде 57

А.Беннигсен, Ш.Лемерсье-Келькеже. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива..... 68

А.Беннигсен, Ш.Лемерсье-Келькеже. Большая Ногайская Орда и проблема контактов между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг. 86

Э.Каррер д'Анкос. Торговые пути Центральной Азии и попытки отвоевания Астрахани 116

А.Беннигсен. Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. по материалам «Реестров важных дел» Османского архива..... 145

Т.Гёкбильгин. Османский поход на Астрахань в 1569 г. 167

Ж.Вайнштейн. Послание Селима II польскому королю Сигизмунду-Августу об астраханской кампании 1569 г. 174

А.Беннигсен, М.Бериндей. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.) 194

Ш.Лемерсье-Келькеже. Походы Девлет-Гирея против Москвы в 1571 и 1572 году по документам Османского архива 214

А.Беннигсен, Ш.Лемерсье-Келькеже. Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. 220

Ш.Лемерсье-Келькеже. Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива)..... 255

Ш.Лемерсье-Келькеже. Социальная, политическая и религиозная структура Северного Кавказа в XVI в. 272

Э.Беннигсен. К вопросу о торговле русскими мехами 295

А.Беннигсен, Ш.Лемерсье-Келькеже. Османские придворные купцы и торговля московитскими мехами во второй половине XVI в. 314

А.Беннигсен, Ж.Вайнштейн. Большая Ногайская Орда и торговля в Причерноморских степях (конец XV в. – 1560-е гг.) 341

Ж.Вайнштейн. Москва и Большая Ногайская Орда за кулисами покорения Сибири 365

М.Бериндей. Роль мехов в торговых взаимоотношениях между Россией и Османской империей до завоевания Сибири 376

Список сокращений 384

Факсимиле

К статье *Ш.Лемерсье-Келькеже*
«Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному источнику из архива Музея дворца “Топкапы”» 386

К статье *О.Гёкбильгина*
«Несколько рукописных источников об эпохе крымского хана Сахиб-Гирея I (1532–1551 гг.)...» 388

К статье *А.Беннигсена* и *Ш.Лемерсье-Келькеже*
«Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету...» 390

К статье *А.Беннигсена* и *Ш.Лемерсье-Келькеже*
«Большая Ногайская Орда и проблема контактов между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг.» 391

К статье *А.Беннигсена*
«Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. ...» 395

К статье *Т.Гёкбильгина*
«Османский поход на Астрахань в 1569 г.» 403

К статье *Ж.Вайнштейна*
«Послание Селима II польскому королю Сигизмунду-Августу об астраханской кампании 1569 г.» 405

К статье *А.Беннигсена* и *М.Бериндея*
«Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.)» 406

К статье *Ш.Лемерсье-Келькеже*
«Походы Девлет-Гирея против Москвы в 1571 и 1572 году по документам Османского архива» 409

К статье *А.Беннигсена* и *Ш.Лемерсье-Келькеже*
«Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг.» 413

К статье *Ш.Лемерсье-Келькеже*
«Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого...» 422

От издателей

Основу исследований истории народов Западной Евразии периода Средневековья и Нового времени, как правило, составляют русские источники. Тем ценнее источники по истории этого региона, происходящие из других государств, составленные людьми, принадлежащими к иному культурному миру.

Именно поэтому отечественных исследователей должны заинтересовать публикуемые в настоящем сборнике переводы статей французских исследователей. В значительной мере они опирались на документы, происходящие из канцелярий Османской империи и Крымского ханства. Большая часть этих работ увидела свет в 1960–1970-х гг. Несмотря на прошедшие со времени их публикации годы, они не потеряли своего научного значения*. К сожалению, эти работы еще мало знакомы многим отечественным исследователям.

За прошедшие годы были выявлены новые источники, появились новые толкования уже известных документов, увидели свет новые исследования проблем, поставленных в статьях французских ученых. Это побудило нас сопроводить переводы статей некоторыми уточнениями и дополнениями редакторского и технического характера.

Редакторские примечания к текстам статей и переводам документов даны постраничными сносками, к авторским примечаниям – в квадратных скобках. Уточнения к легендам документов, сноскам и отдельным моментам в текстах статей также приведены в квадратных скобках. Авторы редакторских примечаний обозначены инициалами (*И.З.* – Илья Зайцев, *И.М.* – Ильяс Мустакимов, *Д.М.* – Дина Мустафина).

Пересчет дат с лунной хиджры на современное европейское (григорианское) летоисчисление приводится в соответствии с текстами французских исследователей. Даты по мусульманскому летоисчислению, не пересчитанные французскими авторами на григорианский календарь, пересчитаны редакторами и приведены в квадратных скобках рядом с датой по хиджре. По техническим причинам в переводы не вошли имеющиеся в некоторых статьях генеалогические схемы и географические карты.

Издание настоящего сборника было бы невозможно без любезного разрешения Издательской службы Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж) на перевод и издание статей, опубликованных в журнале «Cahiers du monde russe et sovietique» (в настоящее время выходит под названием «Cahiers du monde

* Важность этих работ для изучения истории Восточной Европы (прежде всего населяющих ее тюркских народов) с исчерпывающей полнотой освещена в открывающей сборник статье В.В.Трепавлова.

russe»). Составители с глубокой признательностью отмечают помощь редакции названного журнала и личное содействие Ш.Лемерсье-Келькеже, М.Бериндея и Ж.Вайнштейна, отнесшихся к нашей инициативе с пониманием и поддержкой.

Наличием факсимиле османских документов в настоящем сборнике издатели обязаны руководству архивных ведомств Турции и Польши, а также администрации Музея дворца «Топкапы» (Стамбул), любезно предоставившим копии ценных источников.

Тексты некоторых статей из труднодоступных зарубежных изданий были предоставлены И.В.Зайцевым и В.В.Трепавловым.

Также считаем своим приятным долгом выразить благодарность О.Ф.Кудрявцеву и И.Н.Миляевой за содействие в переводе староитальянских фраз и выражений, встречающихся в некоторых текстах.

В.В.Трепавлов

Тюркские народы Евразии и Османская империя в XVI в.

В 1960-х гг. группа французских исследователей во главе с профессором Александром Беннигсеном[1] исследовала документы турецких древлехранилищ – Османского архива при ведомстве Премьер-министра и Архива Музея дворца Топкапы. Результатом их разысканий стала большая серия публикаций в европейских и турецких изданиях 1960–70-х гг., посвященная международным отношениям в Евразии XV–XVIII вв., а также книга «Крымское ханство по архивам Музея дворца Топкапы» (1978). В научный оборот были введены уникальные источники, раскрывающие важные подробности исторических событий, связанных с внешней политикой и экономикой Османской империи, тюркских ханств Восточной Европы и Центральной Азии, Московского государства и других окрестных стран.

При этом вовсе не изучение средневековья являлось основной сферой интересов А.Беннигсена и его учеников. Во Франции, Великобритании, США вокруг него образовалась большая школа исследователей, работавших на стыке истории и политологии. Сам Беннигсен, его постоянный соавтор, профессор Сорбонны Ш.Лемерсье-Келькеже, Э.Каррер д'Анкос (ныне постоянный секретарь Французской академии), Ж.Вайнштейн, М.Ривкин, С.Уимбуш и многие другие свои главные труды посвятили анализу внутреннего положения СССР, в том числе изучению ислама и состояния мусульманской общины в условиях советского строя. В историографии и политологии они известны благодаря прежде всего этим работам. Однако и цикл трудов Беннигсена и его учеников, посвященных средневековой истории, высоко ценится специалистами.

* * *

Публикуемые в данном сборнике источники посвящены в основном событиям XVI века. Бурная история этого столетия, усиление одних государств и упадок других, многообразные политические, экономические и культурные связи между народами Северной Евразии в той или иной степени отразились в турецких архивных документах, исследованных французскими ориенталистами.

---

[1] Граф Александр Адамович Беннигсен (1913–1988) происходил из знатного немецкого (ганноверского) рода, представители которого с XVIII в. жили в России. После Октябрьской революции семья Беннигсенов эмигрировала в Эстонию. С 1924 г. А.Беннигсен жил в Париже. Закончил Парижский университет, работал в Сорбонне, Высшей школе социальных наук.

Из этих материалов видно, что при всей своей занятости главными геополитическими проблемами османское правительство (Порта) держала в поле зрения ситуацию в землях бывшей Золотой Орды – в татарских ханствах и Ногайской Орде. Для российского читателя судьба и история именно этих государств составляет особый интерес, т.к. большинство их располагались на территории современной Российской Федерации, поэтому их история является частью общей российской истории.

XVI век был эпохой апогея могущества Османской империи и ее успешной экспансии. Возглавляя огромную трансконтинентальную державу, турецкий султан превратился в самого могущественного мусульманского государя. Впервые после Монгольской империи под властью единого центра объединилось такое множество стран и народов. В определенном смысле османы перехватили историческую эстафету от «Еке Монгол Улуса». Сама империя Чингисидов к тому времени давно исчезла с лица земли. Не существовали и некогда составлявшие ее улусные ханства, возглавлявшихся различными ветвями династии Чингис-хана, в том числе Улус Джучи (Золотая Орда).

На месте бывшего Джучиева улуса образовалось несколько государств, которые в разное время и с разной степенью активности вступали в контакты со Стамбулом. В XVI в. это были Астраханское, Крымское, Казанское, Казахское, Тюменское (Сибирское) ханство и Ногайская Орда. Так называемая Большая Орда (*Тахт эли* или *Тахт мемлекети*, как называли ее татары) – домениальная часть правого крыла Золотой Орды в Нижнем Поволжье и Предкавказье – была разгромлена крымцами в самом начале столетия.

Из всех перечисленных «постордынских» государственных образований самые тесные связи с османами имел Крымский юрт. В силу формально-вассального подчинения султанам крымские ханы-Гиреи не только координировали с Портой свою политику, но и выступали в качестве проводников и агентов политики Порты в Восточной Европе и на Кавказе. Впрочем, туркам не всегда удавалось добиваться от властителей Бахчисарая полной покорности, между ними случались периоды охлаждения.

В тот исторический период основные геополитические интересы Порты находились в стороне от «постордынского» мира. Главными врагами турок являлись в Европе папы и Габсбурги, в Азии – Сефевиды и португальцы. Именно против них были направлены главные военные кампании и дипломатические интриги Порты. Армии султанов то и дело выступали в походы на Балканы и в Венгрию, подступали к Вене – столице Габсбургов; на востоке, сопровождаемые ополчениями союзных и вассальных кавказских владетелей, они пытались прорваться на Средний Восток. Татарские и ногайские северные соседи представляли реальную ценность для османов, во-первых, как возможное дополнительное военное подспорье (прежде всего против шахских владений на Кавказе) и, во-вторых, как держатели протяженных сухопутных торговых путей. Турки были не прочь распространить свое влияние на владения Дешт-и Кипчака и

Поволжья, но все-таки долговременной и целенаправленной политики на этом направлении они не вели.

Это обстоятельство следует подчеркнуть в связи с утвердившимся и до сих пор встречающимся в российской историографии и российских учебниках истории тезисом о том, будто Османская империя уже в середине XVI в. вела активную антироссийскую политику, сколачивала антимосковские коалиции, разворачивала «турецко-татарскую агрессию» против Руси и т.п. На самом деле из Стамбула до поры до времени довольно нейтрально, если не сказать равнодушно, наблюдали за политическими перипетиями в далеких северных странах. Даже завоевание Иваном IV поволжских юртов (Казанского и Астраханского ханств) не испортило отношений Порты с Москвой. В османских архивах не обнаружено документов с непосредственной реакцией на падение Казанского ханства. Совершенно не замеченным турецким правительством оказалось и русское завоевание Сибирского ханства.

Французские исследователи, чьи работы помещены здесь, также придерживаются мнения об отстраненности Порты от крымско-русских конфликтов. А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже в своих работах особо подчеркивают, что сокрушительное нашествие крымского хана Девлет-Гирея I 1571 г., когда была сожжена Москва, не являлось турецкой инициативой, направленной якобы на восстановление Казанского и Астраханского ханств (как считалось в советской историографии и иногда утверждается в российской), – это было «чисто татарским делом». Правда, в послании к хану султан поддержал намерение воевать за восстановление независимости поволжских татар, а к царю Ивану IV обратился с требованием (предложением) передать Казань и Астрахань Девлет-Гирею. Но этой эпизодической словесной поддержкой все и ограничилось.

Точно также воздержалась Порта и от поддержки союзной Речи Посполитой в Ливонской войне против Московии. Султан Селим II уклонился от прямого вмешательства в конфликт держав (см. об этом статью Ж.Вайнштейна).

Важнейшим препятствием на пути крымских реваншистских планов были торговые интересы турок; этот вопрос исследовали в ряде публикуемых статей А.Беннигсен, М.Бериндей и Ш.Лемерсье-Келькеже. Османы были заинтересованы в бесперебойном поступлении русских товаров – прежде всего драгоценной пушнины, монопольным правом на торговлю которой обладала казна падишаха. Русские же закупали у турецких коммерсантов дорогие восточные ткани и золотые изделия. Активный обмен товарами между двумя державами начался с конца XV в., когда Иван III присоединил к своему государству богатые пушниной Приуралье и Северо-Западную Сибирь (Югру), а турки заняли Южный Крым и Азов, где вошли в непосредственные отношения с русскими купцами.

Таким образом, между Москвой и Стамбулом установились прочные взаимовыгодные связи, и Порта не желала прерывать их из-за амбиций слабых и разрозненных наследников Золотой Орды.

Здесь не должна вводить в заблуждение религиозная риторика в официальных османских документах (в том числе в переписке с татарами), показное возмущение захватом «неверными» Казани и Астрахани, созданием ими препятствий для паломников-*хаджи*. Вступая на престол, каждый османский падишах во время коронационной церемонии в стамбульской мечети Абу Айюб опоясывался символической саблей Пророка, символизирующей готовность к священной войне за веру. Он на правах халифа демонстрировал готовность воевать за ислам в любой точке земли и призывал к этому своих дипломатических партнеров. Однако эти эмоциональные высказывания не воплощались в реальные политические действия.

Жестокая борьба за гегемонию в Средиземноморье и на Кавказе занимала Порту гораздо больше, чем передел сфер влияния в «постордынском» мире. Цели османской внешней политики – в том числе идеальное стремление заполучить мифическое Красное Яблоко (*Кызыл Элма*), которое давало бы господство над христианским миром,– не предполагали активного участия Порты в борьбе за наследство Золотой Орды.

Как известно, непосредственные русско-турецкие военные столкновения начались лишь в конце XVII в. и достигли наивысшего накала в следующем столетии. Тогда Россия превратилась в главного противника турок, но у Османской империи уже не хватало сил долго и успешно бороться с могущественной молодой державой. А в XIX в. Россия стала одним из основных участников конфликтов вокруг т.н. Восточного вопроса – фактически дележа сфер влияния европейских государств на территории слабеющего «Великого государства». Но в XVI в. до этого было еще далеко.

* * *

В начале XV в. в истории Малой Азии завершилась т.н. эпоха бейликов – около двух десятков мелких тюркских владений, которые сохранились после распада здесь Сельджукского государства. Среди прочих поначалу ничем не выделялся Османский бейлик. Его правитель Осман около 1300 г. окончательно освободился от подчинения Сельджукам и постепенно стал расширять свои владения за счет соседней слабеющей Византии. Сын Османа Орхан захватил крепость Брусса (Бурса), которую сделал своей резиденцией, взял штурмом византийские города Никею и Никомедию. Так границы Османского бейлика постепенно приблизились к черноморским проливам. Столицу империи тюрки (с тех пор – турки-османы) взять пока не смогли и обратили свой завоевательный пыл на лежащие к западу Балканы.

Оставив Константинополь в тылу, они в течение второй половины XIV в. сумели подчинить земли балканских славян. В решающих сражениях османы одержали победы, которые определили судьбу Юго-Восточной Европы на несколько столетий: в 1389 г. на Косовом поле было разгромлено сербско-босний-

ское ополчение. а в 1393 г. под Никополем – объединенные войска венгров, валахов (румын), болгар и католиков-крестоносцев.

Военные успехи были временно прерваны вторжением в Малую Азию Тимура (Тамерлана), который в 1402 г. под Анкарой разбил и пленил султана Баязида. Власть османских правителей ослабла, и наследникам Баязида пришлось заново приводить к покорности малоазийских беев. Удалось это им только к 1425 г., после чего начинается новая череда успешных внешних кампаний. Их кульминацией стало окончательное завоевание остатков Византии. В 1453 г. под ударами войск Мехмеда II пал Константинополь, в 1461 г. – Трапезунт.

В XVI в. на западе была захвачена Венгрия, на востоке и юге – Сирия, Палестина, Египет, а также принадлежавший Египту аравийский Хиджаз со священными городами. Позднее империя присоединила весь арабский север Африки от Египта до границ Марокко. В ходе жестоких войн с Сефевидским Ираном турки стремились распространить свою власть на Средний Восток и Кавказ. По Амасийскому договору с шахом 1555 г. они получили Ирак Арабский с Багдадом, западные области Армении и Грузии. В 1590 г. шах Аббас I уступил туркам все Закавказье и Южный Азербайджан. А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже показали, что Аббас оказался вынужденным пойти на это соглашение, будучи втянутым в тяжелый конфликт с узбеками на противоположном краю сефевидских владений.

Так османы превратили свое «Великое государство» (*Девлети алийе* – так официально называлась их империя) в мировую державу. Располагаясь на трех континентах, в конце XVI в. она простиралась на 6 млн. кв. км, ее население насчитывало около 25 млн. чел. Пик могущества этой державы пришелся на правление султана Сулеймана I Кануни (1520–1566).

Во главе Османской империи стоял абсолютный и самодержавный монарх – султан (падишах). После завоевания Египта в 1516 г. он также обрел ранг халифа – духовного главы всех мусульман-суннитов. Великий везир руководил правительством, состоявшим из везиров, отвечавших за отдельные отрасли управления. Везиры составляли Высокий совет (*Диван-и хумаюн*). Иерархия и обязанности чиновников, землевладельцев, крестьян, купцов и др. были расписаны в законодательных актах (*канун-наме*).

Государственная власть опиралась прежде всего на сословие служилых землевладельцев – «мужей меча», сипахи. Они получали в условное ленное владение земли с крестьянами, за которые были обязаны служить лично и приводить в войско определенное число вооруженных всадников, в соответствии с размерами и доходами своих владений. Именно сипахи в то время составляли основную часть победоносной османской армии. Особый род войск составляли янычары, набиравшиеся, как правило, из немусульманского населения.

Занимая положение на перекрестке важнейших трансконтинентальных коммуникаций Старого Света, Османская империя имела возможность контролировать потоки товаров и ресурсов, использовать их движение для наращи-

вания своего экономического потенциала, в том числе для пополнения султанской казны. Турецкие коммерсанты с помощью всей мощи стоявшего за ними «Великого государства» успешно выдерживали конкуренцию в Средиземноморье с итальянскими «коллегами» (прежде всего из Венеции и Генуи), пытаясь потеснить их на рынках. Турецкие торговые корабли и караваны доставляли разнообразные ремесленные изделия, пряности, ткани и многое другое в страны Западной и Восточной Европы, в татарские ханства и вообще во все окрестные страны. Вот почему вопросы организации торговых операций, безопасности на торговых путях, установления благоприятного режима для товарообмена в ближних и дальних государствах постоянно находились под пристальным вниманием Порты.

Одним из главных внешних противников османов традиционно был Сефевидский Иран. Окруженное с двух сторон враждебными тюрками-суннитами (турками и узбеками), это государство с самого своего основания стало враждебным по отношению к этим своим соседям. Против бухарских ханов шахи вели неоднократные войны, превосходя противников в вооружении (у иранцев имелась артиллерия). Узбекские ханства Средней Азии – прежде всего Бухару – долгое время считали в Стамбуле стратегическим союзником против Сефевидов. Между двумя столицами велся довольно оживленный обмен посольствами, через турецкие владения, в обход враждебных персов, среднеазиатские купцы и паломники проникали на Ближний Восток. Одним из главных предметов переговоров всегда была разработка одновременных ударов по Персии.

Однако со временем экономический потенциал узбекских ханств ослабел, и к тому же путь к ним с середины XVI в. преградило русское воеводство в Астрахани. После неудачных попыток отвоевать Нижнее Поволжье османы охладели к сотрудничеству со Средней Азией. Как пишет Э.Каррер д'Анкос, «с 1588 г. Османская империя поворачивается лицом к Европе и перестает интересоваться Средней Азией».

Среди политических и торговых партнеров Османской империи заметное (хотя далеко не первое) место занимали «постордынские» тюркские государства и Московская Русь. Наиболее тесные контакты установились у османов с Крымом.

* * *

Считается, что первым правителем самостоятельного Крымского юрта был Хаджи-Гирей. Основанное им государство охватывало Крымский полуостров и причерноморские степи, позднее власть его потомков – Гиреев распространилась также на Бессарабию и Северо-Западный Кавказ. Большинство населения ханства составляли крымские татары. Это народ смешанного происхождения, но его этнической основой послужили потомки золотоордынских кипчаков. Кроме них, в Крыму с давних времен проживали армяне и греки.

За три столетия существования Крымского юрта в его пределах сформировалось несколько экономико-географических зон. Сам полуостров (его южное побережье с конца XV в. принадлежало Турции) – это центральная, доменциальная часть державы; он в свою очередь самой природой был разделен на горную, равнинную части и Керченский полуостров. Кроме того, на территории ханства располагались три области расселения кочевых ногаев: Восточный Ногай – причерноморские и приазовские степи от Дона до Днестра; Западный Ногай, или Едисан – область между реками Бугом и Днестром; Буджак – область между реками Днестром и Дунаем (здесь управление осуществлялось совместно крымскими и османскими властями). Наконец, крымским ханам подчинялась Кубань – область расселения черкесов (адыге) и некоторых групп ногаев.

Государственный строй Крымского ханства основывался на золотоордынских и общемусульманских традициях. При хане и по всей стране функционировал многочисленный чиновничий аппарат – сборщики налогов, таможенники, судьи и прочие; при множестве мечетей и духовных училищах служило исламское духовенство. Основную массу населения ханства составляли сельские жители – плательщики разнообразных налогов, обязанные оправляться в ополчение в случае большой войны. Формально важнейшие вопросы решались на *курултаях* – съездах представителей всех свободных сословий; но в действительности политика вершилась аристократическими группировками беков. Именно они, в конечном счете, определяли каждый раз судьбу престола.

Высшей аристократией считались представители четырех знатнейших татарских родов: Ширин, Аргын, Барын и Кипчак; позднее к ним добавились Мангыты (Мансуры) и Сиджиуты. Именно главы этих родов совершали церемониал провозглашения очередного хана.

Крымские владения делились на удельные владения родов, которые базировались в городах, ведь с древних времен этот край обладал развитой городской цивилизацией. Местные греки, армяне, да и сами татары славились навыками виноградарства, возделывания бахчевых и огородных культур. Кроме того, в прибрежном Крыму активно действовали коммерсанты. Еще в XIII в. золотоордынское правительство позволило итальянским (генуэзским) купцам построить здесь города, и к XV в. Кафа, Солдайя, Чембаго стали крупнейшими центрами морской торговли.

Собственно крымские татары расселялись, главным образом, на Крымском полуострове и вели оседлый образ жизни. С середины XVI в. в ханство мигрировало с востока все больше кочевых ногаев. Вскоре они заняли всю его степную часть между Дунаем и Кубанью. К концу XVI в. ногаи уже составляли подавляющую часть конницы Гиреев.

Род Мангытов (Мансуров) был родственен ногаям, поэтому со временем он очень усилился. Правительство Крыма вынуждено было постоянно улаживать внутренние конфликты, развязываемые Мангытами. Интригуя, опираясь на своих все более многочисленных ногайских соплеменников, предводители этого

рода пытались оттеснить от трона другие татарские кланы и диктовать политику ханам. В первой половине XVII в. мангытский бек Хантимур развязал в ханстве долгую гражданскую войну. Обосновавшись в Бессарабии (Буджаке), он искал опору у турецкого султана и стал фактически самостоятельным правителем. Но, в конце концов, при поддержке той же Порты, крымские власти сумели восстановить относительный контроль над мятежными кочевниками.

Оседлые соседи Крыма – Россия, Польско-Литовское государство, Северный Кавказ – часто страдали от татарских набегов. Следует учитывать, что это не было следствием какой-то особенной природной агрессивности или «дикости» татар. Насильственное изъятие материальных ресурсов являлось важной статьей экономики ханства, которая не могла обеспечить благосостояние многочисленного населения, прежде всего кочевого (ногайского). В таких походах крымцы захватывали различные богатства, продукты ремесла, а также полон – ходовой и дорогой товар, который затем перепродавали на турецких невольничьих рынках. (Туркам постоянно требовалось множество рабов – прежде всего для огромного гребного галерного флота.)

После смерти Хаджи-Гирея в 1466 г. между его наследниками несколько лет шла жестокая борьба за власть. Тем временем на другом берегу Черного моря быстро усиливалась Османская империя. Она решила распространить на Крым свое господство. В 1475 г. флот султана Мехмеда II обстрелял из пушек прибрежные крепости и высадил войска. Волей падишаха на крымский трон сел один из сыновей Хаджи-Гирея, Менгли-Гирей. Многие историки считают, что между ним и его турецким покровителем было заключено соглашение о вассалитете (впрочем, авторы публикаций в настоящем сборнике сомневаются в существовании формального соглашения такого рода). По этому договору, хан назначался султаном только из рода Гиреев и был обязан предоставлять войска для османских военных кампаний в Европе, на Кавказе и на Среднем Востоке. Во избежание династических распрей Менгли-Гирей учредил должность наследника престола – *калги*; в конце XVI в. крымцы придумали еще пост второго наследника, *нурадина*. Однако на самом деле далеко не все калги и тем более нурадины занимали трон.

Своей резиденцией Менгли-Гирей сделал новый город Бахчисарай, куда перенес столицу из Солхата. Чтобы обезопасить свое государство от нападений врагов с севера, хан развернул мощное фортификационное строительство на узком перешейке, связывающем полуостров с материком. Через перешеек был прорыт глубокий ров, оснащенный валом и крепостью. Эту местность и укрепления в ней татары называли «Ор», русские – «Перекоп».

Непосредственным османским владением стал южный берег Крыма. В 1582 г. там была учреждена особая провинция – *эялет* – во главе с наместником-*бейлербеем*, который имел резиденцию в Кафе.

В турецких владениях (как правило, на греческом острове Родос в Средиземном море, затем в румынском городе Ямболы) постоянно проживали отпрыски клана Гиреев. Стамбул всегда имел возможность заменить неугодного хана его высокопоставленным родственником, независимо от того, являлся ли тот официальным, заранее назначенным наследником-калгой. Так произошло, например, в 1551 г., когда Девлет-Гирей I занял бахчисарайский дворец, опираясь на турецкий военный корпус, и в 1584 г., когда османские корабли пристали к таврическим берегам, чтобы обеспечить смену Мухаммед-Гирея II Ислам-Гиреем II. В целом крымские ханы были настроены лояльно по отношению к Порте и действительно вели себя как ее вассалы. Но они вовсе не являлись слепым, покорным орудием в ее руках. Нередко политика крымцев шла вразрез с турецкими планами, хотя в обязательной военной помощи султанам Гиреи обычно не отказывали. На протяжении XVI–XVIII вв. объединенные армии двух государств выступали против Венгрии, Австрии, Ирана, кавказских горских князей и России.

Первоначально у Крыма с Москвой складывались дружелюбные отношения: до начала XVI в. у них были общие враги – Великое княжество Литовское[2] и Большая Орда. Но с разгромом последней Менгли-Гиреем в 1502 г. интерес крымцев к сотрудничеству с русскими стал угасать. Следующий хан, сын и преемник Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей I, уже не видел пользы в союзе, и с 1515 г. начались татарские набеги на российское пограничье.

Это нарастание напряженности, к которому добавились споры вокруг казанского престола, прервало налаженные русско-турецкие торговые контакты через крымские порты. Как показал М.Бериндей, в 1519–1582 гг. коммерсанты из Московского государства для проникновения в османские владения пользовались обходным сухопутным путем – через Польшу и Молдавию.

Между Бахчисараем и Москвой шел регулярный обмен посольствами, но контакты между ними с тех пор все-таки чаще носили напряженный характер. От золотоордынских времен осталась традиция поминков – богатых подношений, которые каждое посольство из Москвы в Бахчисарай вручало хану, членам его семьи и самым знатным татарским вельможам. Споры о размерах, ассортименте и адресатах поминков сопровождают всю историю русско-крымских отношений. В те времена это была уже просто составная часть дипломатического церемониала, не очень обременительная для царской казны. К тому же и крымские посольства представали перед очами московских самодержцев, снабженные поминками от своих государей – как правило, гораздо более скромными по сравнению с русскими подношениями.

Но и русские, и татары все-таки помнили, что привозимые дары представляли собой наследие, пережиток давнишней дани с Руси в Орду. Европейцы, не скованные дипломатическими условностями, открыто заявляли, что московский царь по-прежнему, дескать, остается татарским данником. Поэтому данная

[2] Объединенная с ним с 1385 г. в унию Польша, наоборот, обычно выступала союзницей Крымского ханства.

традиция выглядела для русской стороны довольно унизительной и была отменена только в самом начале XVIII в.

История русско-крымских отношений насчитывает несколько больших татарских походов на Русь – в 1521 г. (Мухаммед-Гирей I), 1541 г. (безуспешная попытка Сахиб-Гирея I), 1571 и 1572 гг. (Девлет-Гирей I), 1591 г. (Гази-Гирей II); кроме того, в 1569 г. состоялся неудачный турецко-крымский поход на Астрахань.

Русское завоевание Астрахани было встречено в Крыму поначалу довольно равнодушно. Турок же, напротив, очень обеспокоило появление на месте прежнего татарского юрта русского воеводства, перекрывшего главную волжскую переправу, через которую Стамбул был связан со своими узбекскими союзниками и партнерами по антииранской коалиции. В умах османских политиков стала вызревать идея отвоевания Астрахани. Этому историческому сюжету французские исследователи уделили немало внимания, т.к. обнаружили в архивах интересные материалы на сей счет.

Как известно, поход турецкой и крымской армий под Астрахань 1569 г. закончился неудачей. Османы и крымцы отошли от стен новой русской крепости, так и не приступив к ее осаде. В исследованиях А.Беннигсена, Ж.Вайнштейна, Т.Гёкбильгина показаны цели этой авантюры – как официальные (строительство канала между Волгой и Доном для соединения Черного и Каспийского морей), так и истинные (присоединение к империи Северного Кавказа, обеспечение выхода к Кавказу для успешной борьбы с Сефевидами, избавление от «неверных» как угрозы Крыму и как препятствия для турецко-узбекских контактов). И вновь, как и в отношении реванша за Казань и «наказания» Ивана Грозного за агрессию в Поволжье, французские историки не нашли в документах, связанных с астраханским походом, каких-то подчеркнуто антироссийских настроений и намерений. Поход готовился турками довольно неспешно, небольшими силами, что разительно отличало его от такой же подготовки к действительно большим кампаниям, которые османские армии вели в Венгрии или Месопотамии.

Однако господство русских в Астрахани немало раздражало Порту. В Стамбул сыпались жалобы среднеазиатских паломников и купцов о трудности передвижения по привычным караванным магистралям из-за контроля воевод над нижневолжскими переправами. Кроме того, начала формироваться коалиция Москвы и Исфахана, противостоящая союзу Турции, Крыма, Ногайской Орды и Бухарского ханства. В статьях А.Беннигсена, М.Бериндея, Ш.Лемерсье-Келькеже подробно описано нарастание и развязка этого глобального кризиса в международных отношениях 1570–80-х гг. Снова готовилась атака на Астрахань, и снова из этой затеи ничего не вышло – на сей раз из-за того, что все участники обеих коалиций оказались отвлечены от войны другими насущными проблемами.

Следует заметить, что анализ описанных политических ситуаций произведен авторами на довольно обширном источниковом материале. В «Реестрах важных дел» они обнаружили 80 документов, касающихся астраханской проблемы, кампании 1569 г. и несостоявшегося похода 1587 г.

* * *

Гораздо дальше на север от османских владений располагалось и гораздо меньшее внимание Порты привлекало Казанское ханство. Одни историки считают основателем этого государства Улуг-Мухаммеда, другие – его сына Махмуда (Махмудека).

Полностью самостоятельная история ханства продолжалась пять десятилетий, в 1430–80-х гг., пока на развалинах Золотой Орды продолжалась борьба между Джучидами, а Москва обращала главное внимание на Большую Орду и Крым. В эти же годы казанские беки активно участвовали в международной политике, разные их группировки пытались опереться на крымцев, ногаев и русских. Окончательно эти «партии» сформировались в 1480-х гг. В 1479 г. сторонники тесных связей с ногаями одержали верх в очередной династической распре и посадили на престол хана Али, сына предыдущего хана Ибрагима. Вокруг его сводного брата Мухаммед-Амина сгруппировались приверженцы пророссийской ориентации. Мухаммед-Амину было тогда всего десять лет, и его сочли за лучшее увезти пока подальше от Казани – в Москву.

Тем временем, в конце XV в., началось постепенное продвижение России на восток, и московское правительство решило вплотную заняться казанскими делами. В 1487 г. армия Ивана III вступила на территорию ханства, свергла Али и посадила в Казани Мухаммед-Амина. Бывшего хана с матерью и братьями увезли в Россию, его сторонники были казнены.

Над татарским государством был установлен протекторат: новый хан и «вся земля Казанская» (курултай) обязались, во-первых, не воевать против России; во-вторых, не выбирать себе нового государя без ведома Москвы; в-третьих, охранять интересы русских людей, оказавшихся в ханстве. Новый хан первое время старался честно следовать договору. Он посылал свои войска на Большую Орду по требованию Ивана III, спрашивал у него разрешения на женитьбу... У власти в государстве тогда укрепилась промосковская партия знати. Однако ее соперники, приверженцы ногаев и Крыма, постоянно искали способы избавиться от владычества «неверных» и их марионеток.

В 1496 г. город был занят сибирско-ногайскими войсками, ханом был провозглашен тюменский царевич Мамук. Но за год своего неумелого и неудачного правления он сумел настроить против себя местную аристократию и в конце концов вынужден был уехать восвояси.

Казанские беки во главе с Кель-Ахмедом решили снова договориться с Россией. На сей раз ханом стал Абд ал-Латиф, младший брат Мухаммед-Амина. Он воспитывался в Крыму (его мать Нур-Султан вышла замуж за тамошнего

государя Менгли-Гирея), затем некоторое время жил на Руси, управляя уделом в Звенигороде. Абд ал-Латифа доставило в Казань русское посольство, перед которым тот подтвердил все обязательства, взятые некогда Мухаммед-Амином. Однако вскоре новый хан решил проводить полностью самостоятельную политику, не советуясь с Кремлем. В 1502 г. он был низложен и увезен на север России в ссылку. Престол вновь вернули Мухаммед-Амину, обретавшемуся дотоле при великокняжеском дворе и в пожалованных ему уделах. Но и этот монарх более не собирался оставаться послушной московской марионеткой. Постепенно он отстранил от дел инициатора пророссийской линии Кель-Ахмеда и его единомышленников, заменив их представителями восточной «партии».

Летом 1505 г. в Казани произошел настоящий погром. Были перебиты русские купцы, которые съехались на ежегодную ярмарку, их товары были разграблены; множество русских, в том числе великокняжеского посла, бросили в темницу. Вскоре после этого сорокатысячная армия казанцев и двадцатитысячная ногайская конница осадили Нижний Новгород, но были отбиты. Следующей весной Иван III двинул воевод на Казань. Летом 1506 г. под ее стенами состоялось сражение, закончившееся полным разгромом московской рати: погибло пятеро старших воевод и 93 тыс. чел. из стотысячного воинства. Однако появление русских у ханской столицы и угроза реванша со стороны Москвы заставили Мухаммед-Амина начать мирные переговоры. Пленников он освободил из тюрем, и договор о протекторате был возобновлен. Кремль, получивший жестокий военный урок, также решил закончить конфликт миром.

В 1518 г. Мухаммед-Амин умер, и династия Улуг-Мухаммеда на нем закончилась. Одним из ближайших к ней родственников оказался сын Нур-Султан от ее брака с Менгли-Гиреем Сахиб-Гирей. Крымцы начали было переговоры с Москвой о посажении его на казанский трон, но правительство Василия III уже подыскало другую кандидатуру – вассального касимовского царевича Шах-Али.

«Шигалей Шигавлеярович» родился в России и вырос в русской среде. Никаких династических прав на Казань у него было, но казанцы протестовать не стали. С юным тринадцатилетним ханом был заключен уже привычный договор об охране интересов русских людей в Казанском государстве. Во время церемонии интронизации в апреле 1519 г. клятву в верности русскому монарху пришлось давать и «всей земле Казанской».

К тому времени недовольство татар многолетним владычеством Москвы над их страной все больше усиливалось. К тому же и новый хан, уродливый и трусливый, не вызывал у подданных никаких теплых чувств. Воспользовавшись массовым недовольством народа, беки призвали в Казань крымское войско. В 1521 г. Шах-Али был изгнан, а множество русских вновь перебито. На троне утвердился Сахиб-Гирей. С тех пор и до конца существования Казанского ханства его власти были настроены в основном враждебно по отношению к России. Нередко татарские отряды вторгались в пограничные области Московского государства.

Сразу после воцарения Сахиб-Гирея началась очередная русско-казанская война. Хан направил армию с востока, одновременно с ударом крымского Мухаммед-Гирея I с юга. Захватив Нижний Новгород, казанцы соединились с союзниками в Коломне и двинулись на Москву. Василий III был вынужден подписать с крымским ханом унизительный договор. Казанцы же полностью избавились от русского покровительства. Из похода они привели множество пленных, привезли большие трофеи.

Для противостояния с Россией, которая собирала силы для ответного удара, Сахиб-Гирей решил заручиться поддержкой могущественного османского султана. Со Стамбулом заключили соглашение о том, что султан признается верховным государем; Казань принимает ханов по его указанию (как и Крым); со своей стороны турки обещали оказывать помощь против «неверных». Но никаких заметных последствий этот договор не имел. Москва через послов выступила с жесткой отповедью, заявив, что «Казанский юрт» был и останется впредь под властью великого князя, а Сахиб-Гирей царствует незаконно.

В 1524 г. хан спешно уехал в Турцию, чтобы принять участие в интригах вокруг назначения очередного правителя Крыма. На освобождающийся трон он рекомендовал казанцам своего племянника Сафа-Гирея, которому почти сразу же пришлось отражать русское вторжение. После ожесточенных боев пришельцы отступили. Скрепя сердце, Кремль признал за Сафа-Гиреем ханский ранг. В отместку Василий III запретил русским купцам появляться на ярмарке Гостиного острова, чтобы лишить хана доходов от пошлин и привозной соли. В 1530 г. Россия предприняла еще одну попытку вернуть утраченное влияние в Среднем Поволжье. Казань подверглась осаде, но горожанам удалось захватить у нападавших всю артиллерию и пищали, и те ушли ни с чем. Тогда Москва взяла курс на раздувание внутренних противоречий в ханстве.

Многие казанцы были недовольны засильем крымцев, их всеохватным диктатом в политике. В 1531 г. против Сафа-Гирея поднялся мятеж, и тот бежал в Ногайскую Орду. На его место из России тут же доставили Джан-Али, младшего брата Шах-Али. Русское влияние стало быстро восстанавливаться. А чтобы обезопасить ханство от ногаев, Джан-Али женился на дочери одного из влиятельных ногайских мирз Юсуфа Сююм-бике.

Лояльность татарских правительств к Москве напрямую зависела от стабильности в русской столице. Когда в Кремле сидел сильный государь, татары искали его расположения; но если на великокняжеский «стол» восходил слабый правитель, то они стремились воспользоваться неурядицами на Руси. Именно так произошло после смерти Василия III в 1533 г. Его вдова Елена Глинская и тем более трехлетний сын Иван не внушали почтения восточным соседям Московии. Уже в 1534 г. Джан-Али был убит, и начались казанские набеги на русское пограничье. В этой обстановке на ханский трон беспрепятственно вернулся Сафа-Гирей.

На сей раз он царствовал до 1546 г., пока в результате московских интриг, политических комбинаций промосковской знати и собственных неудачных внутригосударственных мероприятий не скрылся снова у ногаев. В татарскую столицу опять въехал Шах-Али. Но удержался он там всего лишь месяц. Едва услыхав о приближении Сафа-Гирея с ногайской конницей, он бросился обратно на Русь. А Сафа-Гирей в третий и последний раз утвердился во дворце. Он взял в жены Сююм-бике, вдову Джан-Али, и от этого брака родился Утемиш-Гирей, который после смерти отца в 1549 г. был провозглашен ханом.

Регентшей при малолетнем правителе стала его мать. Сначала она неукоснительно продолжала политику покойного мужа; к тому же при дворе тон по-прежнему задавали крымцы. Но вскоре их всевластию пришел конец. Царь Иван IV установил блокаду речных путей ханства. Подвоз продуктов уменьшился, населению Казани грозил голод. В городе начался бунт. Возглавили его приверженцы мира с Россией. Крымские сановники были отправлены к Ивану Васильевичу и казнены им. После долгих переговоров Москве в принципе удалось отчасти восстановить утраченные позиции: ханша-вдова Сююм-бике с трехлетним Утемиш-Гиреем была увезена в Россию, а на престол вновь посадили Шах-Али. Но местные беки опять стали интриговать. Они выгнали Шах-Али из города и призвали на его место астраханского царевича Ядгар-Мухаммеда. И хотя тот не успел проявить каких-либо антимосковских настроений, царь Иван IV решил, наконец, ликвидировать беспокойное соседнее государство, присоединив его территорию к своим владениям.

Сначала была предпринята постепенная экспансия против нетатарских уделов на западе ханства – в подданство к царю стали переходить некоторые мордовские и марийские князья, а с начала 1550-х гг. развернулась подготовка к прямому завоеванию. На подступах к Казани русские возвели крепость Свияжск. На дороги и речные переправы выдвинулись русские заставы.

Ядгар-Мухаммед и приближенные беки пытались привлечь на помощь тюркских монархов. Ногаи и астраханцы не решились ссориться с могущественным царем, а крымский хан Девлет-Гирей вторгся было в российские пределы, но после безуспешной осады Тулы отступил обратно на юг. В августе 1552 г. русская армия осадила Казань, и 2 октября город был взят штурмом; хана привезли в Москву и обратили в православие. Его бывшими владениями отныне надлежало управлять воеводам.

Формально Казанское ханство (как впоследствии и Астраханское) не было уничтожено: считалось, что в нем просто сменился правитель – им теперь стал московский царь. Именно этот новый государь Казани стал назначать в завоеванный город своих наместников, от его имени развернулась раздача окрестных земель дворянам и церкви.

Падение Казани потрясло жителей бывшего ханства. Едва оправившись от поражения, оно развернуло партизанскую войну: началось истребление отрядов и гарнизонов «неверных». Из среды восставших выдвинулся энергичный предводитель – сотник Мамыш-Берди. Он укрепился в Чалымском городке на берегу Волги и руководил оттуда движением. Сохранились противоречивые сведения о том, что Мамыш-Берди выпросил (или пытался выпросить) у ногаев «царя» (хана) или «князя» (главного военачальника) – чтобы придать организованность и законность освободительной борьбе.

Но силы были слишком неравными. С запада все прибывали стрельцы и служилые люди, русских в Среднем Поволжье становилось все больше. К 1557 г. последние очаги вооруженного сопротивления в Среднем Поволжье были подавлены. Но еще десятки лет тлело недовольство. Сохранились русские архивные документы о переговорах местных заговорщиков с крымцами и ногаями о возможности избавления края от власти Москвы. В 1582 г. разгорелось еще одно восстание, подавленное воеводами.

Как уже отмечалось выше, судьба Казанского ханства сама по себе мало интересовала османское правительство. Тема Казани изредка возникала в дипломатических документах Порты лишь в связи с проблемой астраханской переправы и пути, связывавшего Османскую империю со Средней Азией.

* * *

Астраханское ханство играло гораздо более заметную роль в османской геополитике. Но оно представляло ценность и интерес для Стамбула не само по себе, а по причине контроля над главной нижневолжской переправой. Эта переправа еще с древних времен располагалась на северном ответвлении Великого Шелкового пути и была освоена торговцами, перевозившими товары из восточных стран в западные и обратно. При этом, насколько можно судить по публикациям А.Беннигсена и его сотрудников, связи с татарской Астраханью (Хаджи-Тарханом) у османов практически не просматриваются. Порта обратила внимание на нижневолжскую крепость лишь после ее русского завоевания.

Основание самостоятельного Астраханского государства долгое время связывалось в историографии с ссорой двух ханов Большой Орды – братьев Ахмеда и Махмуда. После смерти Кучук-Мухаммед-хана в 1459 г. престол достался его старшему сыну Махмуду. Но уже через год тот был свергнут Ахмедом, занял Хаджи-Тархан с окрестностями и отделился от Большой Орды. Сын и преемник Махмуда, Касим, по свидетельству современника, являлся «сильнейшим из всех владельцев Дештских».

В последнее время в литературе появилась точка зрения, что до начала XVI в. Хаджи-Тархан оставался в составе Большой Орды, и только после ее уничтожения крымцами в 1502 г. превратился в центр независимого юрта. А.Беннигсен отмечает, что этот город располагался в местности, где традиционно, со времен Хазарии, находились столицы.

География распорядилась так, что Астрахань оказалась зажатой между двумя могущественными силами – ногаями и Крымом. Астраханские ханы вынуждены были маневрировать между ними. Столица ханства то и дело

подвергалась нападениям восточных и западных соседей. В 1523 г. крымский Мухаммед-Гирей I даже присоединил Нижнее Поволжье к своему ханству, но вскоре был убит ногайскими мирзами, и Астраханский юрт восстановил независимость.

В 1530-х гг. в этом районе становится заметным еще один участник политической борьбы – «черкесы», т.е. северокавказские адыгские княжества. В 1532 г. в Москве узнали, что «пришли к Астрахани неожиданно черкесы и Астрахань взяли, царя (хана. – *В.Т.*) и князей, и многих людей убили, и имущество их разграбили, и пошли прочь. А в Астрахани стал править царевич Аккубек», который опирался на кабардинцев и породнился с одним из кабардинских князей. Впрочем, через короткое время Аккубек был низложен и уступил место ставленнику ногаев.

Россия пока находилась далеко от волжских низовьев и не вмешивалась активно в тамошние дела. Политическое присутствие Москвы стало ощущаться с 1540-х гг. Один из свергнутых астраханских ханов Дервиш-Али поселился на Руси под покровительством царя. К тому времени в Московском государстве обреталось уже несколько принцев из Хаджи-Тархана, и русское правительство могло выбирать из них желательного претендента на ханствование. Ведь обширный опыт посажения зависимых монархов уже был отработан русскими в Казани.

По отцу Дервиш-Али был внуком хана Большой Орды Ахмеда и принадлежал к астраханскому дому «Темир-Кутлуевых царевых детей»; а по матери он доводился племянником могущественным ногайским предводителям Юсуфу и Исмаилу. В Астрахани ему пришлось царствовать дважды. В первый раз, летом 1537 г., огромное ногайское ополчение вступило в Астрахань, низложило хана Абд ар-Рахмана и посадило на его место Дервиш-Али. В результате не совсем ясных по источникам обстоятельств через два года он был вынужден бежать сначала в Ногайскую Орду, а с 1548 г. нашел приют в России.

После взятия Казани московское правительство решило продолжить экспансию, чтобы завладеть всей Волгой. В 1554 г. русская рать заняла Астрахань, утвердив там у власти Дервиш-Али. При нем неотлучно состоял русский советник, который следил за лояльностью хана. Это был Петр Тургенев – опытный дипломат, знаток татарских и ногайских дел, превосходно разбиравшийся во всех хитросплетениях международных отношений на юге Восточной Европы.

С новым ханом был заключен договор. Летопись рассказывает об этом так: «И царь (т.е. хан. – *В.Т.*) Дербыш-Алей и вся земля Астраханская единодушно государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его детям поклялись в верности и обязались платить дань: давать им из года в год по сорок тысяч алтын и по три тысячи рыб (осетров. – *В.Т.*), и все то им самим собирать и ежегодно присылать с послами к государю; а государевым рыболовам ловить рыбу по всей Волге от Казани до Астрахани и до моря без пошлин, и астраханцам рыбачить вместе с ними без обид; если Дербыш-Алея не станет, то

астраханцы должны просить царя и великого князя и его детей пожаловать им нового царя, и больше нигде государя себе не искать. И обо всем том царь Дербыш-Алей и вся земля Астраханская поклялись царю и великому князю перед воеводами и, написав шертную (т. е. договорную. – *В.Т.*) грамоту, скрепив ее печатями, послали к царю и государю».

Однако вскоре московский ставленник вошел во вкус власти и решил избавиться от тягостного контроля со стороны Москвы, а для этого переориентироваться на Крым. Крымский хан Девлет-Гирей прислал своему новому союзнику пушки. В качестве наследника престола из Бахчисарая в Астрахань был приглашен царевич Хаспулад-Гирей.

Соответственно у Дервиш-Али произошел полный разрыв с Петром Тургеневым, который пытался отговорить своего подопечного от рискованной политической авантюры. По одним сведениям, Тургенев сам выехал из Астрахани, превращающейся во враждебное России государство, по другим, был изгнан Дервиш-Али.

Появилась опасность военной коалиции татарских ханств, и летом 1556 г. из России на Нижнюю Волгу была послана новая армия. В сентябре 1556 г. отряды воевод Ивана Черемисинова и Михаила Колупаева, спустившись по Волге на кораблях, без боя вошли в Астрахань, покинутую испуганным ханом и почти всем населением. Дервиш-Али бежал в турецкую крепость Азов, а затем уехал в Мекку.

Татарский Хаджи-Тархан стоял на западном берегу Волги и после присоединения к России подвергался опасности крымского нападения. В 1558 г. началось возведение новой, уже русской Астрахани на противоположной стороне, где обитали дружественные царю ногаи. Возвращение прежнего тюркского населения, оставившего город при приближении воевод, стало теперь еще более проблематичным. Часть беженцев полонили донские казаки и ногаи, часть удалилась в Крымское ханство, и лишь некоторые из них вернулись назад.

В целом повторного заселения города прежними жителями на новом месте не произошло. Некоторые исследователи считают, что в истории тюркского населения возникла своеобразная пауза. Долгое время город имел очень немногочисленное постоянное население. В одном документе 1580-х годов говорится: «А в осень... в Астарахани живет толко тысеча человек стрелцов да тысеча человек казаков, а болши того в Астрахани людеи не живет». Край стал постепенно наполняться народом в первой трети XVII в., с массовой миграцией на Нижнюю Волгу жителей распадающейся Ногайской Орды; позднее здесь стали селиться также многочисленные казанские татары и калмыки.

Окруженный бесплодными равнинами и солончаками город только от международной торговли да от волжской рыбы мог получать доходы. Поэтому и воеводы, и центральные власти тщательно следили, чтобы промысел кочевников не наносил ущерба казне. Оборотистые астраханцы брали на откуп рыбные угодья, выплачивая за них колоссальные суммы.

Важнейшей функцией российских властей был контроль над переправами через Волгу. За несколько десятилетий сложилась четкая система осуществления и оплаты переправы, отразившаяся в специальных *наказах* (инструкциях) воеводам. На волжские протоки высылались стрелецкие дозоры, дабы никто не сумел форсировать реку в обход заставы и таможенного поста. Устанавливались пошлины за перевоз с пешеходов (1 деньга), с каждой лошади и коровы (по 2 деньги), с телят, овец, возов с поклажей. При отсутствии у проезжих денег допускалось взимание платы скотом «и всякою рухлядью». Обязательным условием было предъявление перевозчикам «проезжей астраханской грамоты с царской печатью Царства Астраханского», без которой переправа не разрешалась. Лишь ногайские правители или их послы могли перемещаться с берега на берег беспрепятственно и бесплатно. Все эти ограничения касались и русских людей, и иноземцев, и «юртовцев» – полуоседлых жителей астраханской округи, которых становилось все больше за счет мигрантов из Ногайской Орды.

В принципе «перевоз» не превращался в непреодолимое препятствие для желающих перебраться с одного берега на другой. Однако для одной категории путешественников – паломников, направляющихся с востока (Средней Азии и Сибири) в хадж, – воеводские заслоны действительно становились серьезной преградой: царских грамот у них не могло быть по определению, а раскошеливаться на значительные пошлины они не желали. Этим объясняются многочисленные жалобы турецким султанам как от частных лиц, так и от узбекских правителей на русские власти на нижней Волге. Именно установление свободного проезда для хаджи служило одним из официальных лозунгов при подготовке турецких походов на Астрахань (об этом подробно см. статьи А.Беннигсена, М.Бериндея, Э.Каррер д'Анкос).

* * *

В конце XIV в. верховный военачальник Золотой Орды Едигей (Эдиге, Идигу) собрал основную массу своих соплеменников – тюрков-мангытов – в междуречье Яика и Эмбы. Там образовалось удельное владение, Мангытский юрт. Формально возглавлял его сам Эдиге, но реальное управление осуществлялось его сыном Нур ад-Дином, а после гибели их обоих – другим сыном Эдиге, Гази, а затем сыном Нур ад-Дина Ваккасом. Авторитет Эдиге и преклонение перед его могуществом были столь велики, что его дети тоже заняли высшие посты в большинстве послеордынских ханств. В частности, Ваккас превратился в ближайшего соратника узбекского хана Абулхайра. Мангыты были поддан-ными Абулхайра и составляли правое крыло его войска.

После смерти Абулхайра (1468), во время борьбы за его наследие, в 1480-х гг. Мангытский юрт обрел полную независимость. Его предводитель Муса (сын Ваккаса), по примеру своего прадеда Эдиге, сначала возводил на узбекский трон марионеточных ханов, а затем стал править юртом самостоятельно. К тому времени вокруг мангытского ядра собралось много тюрко-кипчакских племен, которые

стали обозначаться общим понятием *ногай* (неясного происхождения). Мангытский юрт в русских средневековых источниках и в современной научной литературе получает название Ногайской Орды.

Ногайскими племенами управляли потомки Едигея – *мирзы*. Возглавлял их *бий* (бек). Для обсуждения важных политических вопросов и регулярного перераспределения кочевий бий собирал съезды мирз.

Ногаи являлись типичными кочевыми скотоводами, не знавшими и не любившими городской жизни и оседлых занятий. В период расцвета (первая половина XVI в.) численность их достигала 1 млн. чел. Единственным городом у них был Сарайчик на реке Яик (Урал), оставшийся от золотоордынских времен. Управление осуществлялось при помощи улусной администрации: придворных служителей, писцов, мусульманского духовенства.

Младшие братья и сыновья Мусы едва не утратили унаследованную от него державу. Разные ветви потомства Нур ад-Дина соперничали между собой. Постепенно образовались несколько противостоящих лагерей знати. Все они пытались привлечь к себе как можно больше родичей и подданных, да еще и обрести опору в лице какого-нибудь соседнего правителя.

Могущественный хан казахов Касим воспринимал ногайских мирз как своих непокорных подданных, а их столицу Сарайчик – как свое наследственное владение. В 1519–1520 гг. войска Касима заняли практически всю территорию Мангытского юрта. Большинство мирз перебралось на правый берег Волги и стало кочевать в пределах Крымского государства. Хан Мухаммед-Гирей I уже видел в них пополнение для своего ополчения. Но в 1521 г. Касим умер, в его землях начался разброд, и ногаи ухватились за возможность восстановить Орду.

После многолетних войн казахи были полностью разгромлены ими и отброшены далеко на восток. Территория Ногайской Орды охватила громадные пространства кочевых степей от Волги до Иртыша. В 1523 г. мирзы убили хана Мухаммед-Гирея и разорили Крым.

В 1537 г. потомки Нур ад-Дина собрались на съезд и постановили держаться сплоченно, подчиняясь во всем своему бию. На том же съезде произошло распределение высших административных постов, введенных в ногайской державе по примеру Золотой Орды и татарских ханств. Ногайские бии первой половины XVI в. правили от имени номинальных, безвластных ханов-Джучидов, но с 1560-х гг. обходились уже без них. Бии не принадлежали к династии Джучидов и поэтому не смели присвоить себе ханский титул, оставаясь всего лишь «князьями».

В первой половине XVI в., при биях Саид-Ахмеде, Шейх-Мамае и Юсуфе, Ногайская Орда играла значительную роль в международных отношениях Восточной Европы и Дешт-и Кипчака, активно вмешивалась в политику Казанского и Сибирского ханств, нередко конфликтовала с Крымом, который стремился подчинить ее своему влиянию. К середине 1550-х гг. обострилась борьба различных группировок мирз. Во главе противников пророссийской ориентации

стоял бий Юсуф, во главе сторонников сближения с Россией – его брат, мирза Исмаил. В 1554 г. последний сверг и убил Юсуфа. По некоторым данным, к этому заговору было причастно российское правительство. Несколько лет шла смута. Наконец Исмаил утвердился у власти, а разгромленные им соперники бежали в соседние страны. Часть их обосновалась на Северо-Западном Кавказе, образовав Малую Ногайскую Орду, или Казыев улус (по имени основателя, мирзы Гази). Некоторые мирзы переселились в Россию, положив начало княжеским родам Юсуповых, Урусовых, Шейдяковых и др.

Преемники Исмаила то признавали старшинство русского царя, то начинали конфликтовать с ним. Но ослабленные раздорами и экономической разрухой, раздробленные ногаи уже не представляли собой значительной силы. Сын Исмаила бий Дин-Ахмед видел свою задачу в восстановлении Орды после смуты, поэтому старался уживаться мирно и с русскими и с крымцами. Но страх перед Россией, которая неуклонно и стремительно начала продвигаться на восток, заставлял его действовать иногда против царя. Отряды Дин-Ахмеда принимали участие в нашествиях крымцев на Русь в 1571 и 1572 гг., нападали на «украйны», угоняли полон.

Сменивший Дин-Ахмеда в 1578 г. его брат Урус занял уже резко антироссийскую позицию. В то время царь Иван IV вел тяжелую и разорительную Ливонскую войну, и у него не было возможности держать большие силы на путях татарских и ногайских набегов. Для противостояния кочевникам московское правительство использовало казаков. Те с удовольствием отправлялись громить ногайские стойбища, посольства и торговые караваны; в 1581 г. они взяли и разрушили Сарайчик.

В 1600 г. бий Иштерек признал свою вассальную зависимость от Москвы. Ногаи все теснее контактировали с русскими властями Астрахани, решали через них вопросы доставки продовольствия и вооружения. В 1630-х гг. остатки населения Ногайской Орды переселились в крымские владения. Решающим фактором этой откочевки, как и окончательного распада Орды в первой трети XVII в., было калмыцкое нашествие. На протяжении последней четверти XVI в. – первых десятилетий XVII в. калмыки постепенно продвигались по Северному Казахстану на запад. В 1608 г. они появились на Эмбе, в 1613 г. впервые форсировали Яик, т.е. вторглись в пределы основных ногайских кочевий. Ногаи были окончательно вытеснены на правый берег Волги и рассеялись по степям от Дуная до Терека.

Удивительно, но несмотря на близкое соседство и порой сложные взаимоотношения, между Ногайской Ордой и Российским государством никогда не происходило больших военных конфликтов (войн). Помимо изощренной политики Москвы, направленной на раздувание противоречий между мирзами, главную роль играли экономические интересы ногаев.

Московское государство стало основным рынком сбыта главного богатства кочевников – скота, прежде всего лошадей. За два столетия ногаи поставили в

Россию огромное количество их. Масштабы конского импорта из-за Волги в XV–XVI вв. были столь значительны, что создается впечатление, будто тогда словом «конь» обозначались только лошади ногайской породы. Из Дешт-и Кипчака притекал племенной породистый фонд. Не будет преувеличением утверждать, что дворянская конница формировалась в основном из них. «Именно ногайские лошади послужили инструментом преобразования прежней феодальной московской пешей армии в современную, соответствующую эре огнестрельного оружия, – пишет Ш.Лемерсье-Келькеже. – ...Без кавалерии русские никогда не смогли бы завоевать мусульманские территории».

Французские востоковеды внимательно проанализировали экономическую ситуацию в Северной Евразии XV–XVI в. и выяснили, что во второй четверти XVI в. Московская Русь в роли главного торгового партнера ногаев сменила Османскую империю. Для такой переориентации нашлись веские причины. Москва разорвала отношения с Крымом, который долгое время служил для нее основным поставщиком коней. Турки же нашли более выгодными закупать лошадей у более близких партнеров – тех же крымцев, а также в Буджаке и Молдавии.

Кроме того, ногаи в силу лояльного в целом отношения к христианским соседям не могли предоставить османам одного из самых ценных товаров – полона (в отличие от крымцев). В принципе турецкие торговцы имели возможность и самостоятельно приобретать рабов, но, например, в Московии им разрешалась покупка лишь небольшого количества – от 1 от 10 чел.

Мешали ногайско-турецким связям и любители пограбить купеческие караваны – вольные казаки и абхазские пираты. (Об этих и прочих факторах, влиявших на экономическую ситуацию, см. статьи А.Беннигсена и Ж.Вайнштейна «Большая Ногайская Орда и торговля в Причерноморских степях» и М.Бериндея «Роль мехов в торговых взаимоотношениях между Россией и Османской империей до завоевания Сибири»).

* * *

Несколько особняком от магистральной темы сборника, связанной с турецко-татарскими отношениями, стоят помещенные здесь статьи Ш.Лемерсье-Келькеже о Северном Кавказе XV–XVII вв. и о волжских калмыках в начале XVIII в.

До конца XV в. народы Северного Кавказа оставались в номинальной зависимости от Большой Орды, которая имела в Пятигорье зимовья и просяные поля. Во всех северокавказских княжествах верховная административная, судебная и военная власть принадлежала правителям, которые управляли с помощью дружинников и слаборазвитой чиновной администрации. В случае войны собиралось всеобщее ополчение. Общинное самоуправление являлось низшим звеном административной структуры княжеств. Многие общины не входили ни в одно княжество, объединяясь в военно-политические союзы (т.н. сельские об-

щества, или джамааты). Функции управления в них возлагались на старшин, которые зачастую принадлежали к одному роду, но важнейшие вопросы решались на общих сходах. Большим общественным весом в сельских обществах XVI–XVII вв. обладали *кадии* (судьи). Спорные вопросы решались, как правило, на основе норм обычного права (*адат*).

Черкесия в XV–XVII вв. состояла из нескольких владений, управлявшихся племенной аристократией. Одним из сильных и крупных объединений было княжество Кансуковых (из племени жане) на нижней Кубани. В т.н. Большой Жане имелось 40 селений и ополчение в 3 тыс. воинов. Адыгские общины в горах не имели сложившейся аристократической элиты и образовывали сельские общества (племена абадзехов, натухайцев, шапсугов). Восточная часть адыгов заселила обширное пространство Центрального Кавказа; с XV в. эта территория получает название Кабарды. По местным преданиям, в начале XV в. правителю Иналу удалось объединить кабардинские роды под своей властью. Однако впоследствии Кабарда была раздробленной на владения многочисленных князей. Они поочередно выбирали из своей среды старших князей (*олипша*), каждый из которых имел резиденцию в собственном удельном замке. Нередко борьба за пост старшего князя сопровождалось кровопролитными междоусобицами. Очередную безуспешную попытку объединения кабардинцев предпринял во второй половине XVI в. олипша Темрюк (Ильдаров). Межкняжеские распри привели к разделению страны на Большую и Малую Кабарду. Вместе с тем кабардинские правители с их дружинами и ополчениями являлись наиболее заметной в военном отношении силой в регионе. Многие окружающие народы, особенно объединенные в мелкие и слабые сельские общества, были вынуждены признавать свою зависимость от Кабарды. Этому способствовали обычаи *аталычества* (отдача детей на воспитание в чужие семьи) и побратимства между аристократическими родами разных народов.

Тюркоязычное население Балкарии и Карачая объединялось в сельские общества. Выделившиеся в их среде знатные предводители (*мурзы*, *басиаты* и др.) были вассалами кабардинских князей.

Некогда многочисленные аланы в золотоордынскую эпоху были оттеснены в горы и смешались с местным населением. Наиболее явно аланский (североиранский) субстрат заметен в языке и культуре осетин. В XV–XVII в. на территории Северной Осетии находилось несколько мелких независимых владений. Некоторые из них возглавлялись князьями, зависимыми от Кабарды.

Вайнахи на территории Чечни и Ингушетии образовывали ряд сельских обществ, каждое из которых включало несколько селений. Общества зачастую формировались по родовому (*тейповому*) принципу, объединяя аулы, заселенные представителями одного тейпа. Многие из них признавали верховными государями правителей Кабарды, Грузии, Дагестана, России, но в действительности были полностью самостоятельными в вопросах внутренней жизни и управления. В XVI–XVII вв. в отдельных вайнахских обществах фиксируются

знатные общинники–мурзы, однако большинство сохраняло традиционный уклад со старшинами и народными сходами (*кхел*); впрочем, старшины уже порой приобретали черты элитного сословия, имеющего монополию на управление.

На севере Дагестана в XIII–XIV вв. постепенно сложилось шамхальство – крупное государственное образование во главе с *шамхалом*. Власть в роду шамхалов передавалась по наследству, при жизни правителя назначался его будущий преемник – *крым-шамхал*. Административный центр шамхальства находился в городе Гази-Кумух – одном из крупнейших торговых и культурных центров средневекового Кавказа. Население государства было многонациональным: кумыки, даргинцы, чеченцы, ногаи, лакцы и прочие народы платили поземельную подать в казну шамхала, подчинялись его наместникам и были обязаны отправляться на войну по приказу из Кази-Кумуха. В ополчение шамхал мог собрать 100 тыс. чел. В период наивысшего могущества шамхалы боролись с кабардинскими князьями за гегемонию на Северном Кавказе, вступали в конфликты с Грузией и Россией. Во второй половине XVI в. вельможи и удельные правители шамхальства начались междоусобные раздоры, и к середине XVII в. оно распалось на мелкие владения и независимые сельские общества. Небольшую часть его с центром в крепости Тарки удержали за собой правители (происходившие из кумыков), которые стали называть себя шамхалами Тарковскими.

На северных границах шамхальства, в низовьях Терека, располагалось княжество с центром в г. Тюмень с тюркоязычным населением. Оно зависело от шамхалов и выплачивало им дань. Тюмень во второй половине XVI в. была разрушена речными половодьями. На ее месте (или в ее окрестностях) русские основали Терский городок.

Княжество в Табасаране (южный Дагестан) существовало уже ко времени прихода монголов и к XV в. восстановило свою независимость и политическое влияние. Его возглавлял наследственный *майсум*. В его распоряжении находилось 60-тысячное ополчение. К XVI в. майсумы распространили свою власть на часть лезгин. В начале XVII в. от майсумства отделились горные сельские общества, под началом майсума остались только собственные владения, а также земли верховного местного мусульманского иерарха, табасаранского кадия.

Кайтагское уймийство образовалось в XIV в. в местах расселения даргинцев, части кумыков, татов и др. Резиденция *уцмия* находилась в селениях Кала-Корейш, Уркарах, с кон. XVI в. – Маджалис. Войско уцмия насчитывало 30 тыс. чел. Как правило, на престол вступал старший в правящем роде. Наибольшего политического веса это владение достигло в первой половине XVII в., при Рустем-хане. К началу XVIII в. уцмийство распалось.

В XIII–XV вв. над аварцами, жившими вдоль р. Аварское Койсу, предводительствовал правитель с титулом *нуцал*, который жил в ауле Хунзах. Укреплению нуцальства послужила поддержка аварской знатью Тимура (после первоначального сопротивления), который во время своего нашествия на Кавказ

пожаловал ей земли. Войско нуцальства насчитывало 20 тыс. чел., среди которых были жители зависимых сельских обществ горного Дагестана.

В XVI–XVII вв. образовалось Аварское ханство, где у власти стояли отпрыски старого нуцальского рода. Долгое время между различными семьями этого потомства шла борьба за первенство. В XVII в. аварские государи увеличили свои владения, воспользовавшись распадом шамхальства.

Степное Предкавказье издавна служило местом расселения кочевников. В XV–XVII вв. там жили ногаи. В ходе длительных миграций восточно-кипчакские (будущие ногайские) племена во второй половине XIV в. – до образования Ногайской Орды – временно занимали некоторые местности Северного Кавказа (берега Кубани и Терека). Во второй половине XVI в. наблюдалось постоянное продвижение жителей слабеющей Ногайской Орды на запад, что приводило к тесному их соприкосновению с народами Северного Кавказа. В Предкавказье появлялось все больше кочевых улусов, и эта зона постепенно стала рассматриваться как земли Больших Ногаев. После особенно массового наплыва мигрантов в 1630-х гг. Закубанье и левобережье Кубани тоже превратились в ногайские пастбища. Кроме того, в центральном Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе во второй половине XVI – первой трети XVII в. существовала Малая Ногайская Орда, основанная ногайскими мирзами–выходцами из-за Волги, потерпевшими поражение в междоусобной борьбе. Правители Малых Ногаев в своей политике ориентировались, главным образом, на Крым и Турцию, но вступали также в союзы с кавказскими владетелями. Войска Больших и Малых Ногаев неоднократно принимали участие в конфликтах между кабардинскими князьями.

Северный Кавказ находился в окружении могущественных царств и империй. Великие державы пытались распространить свое влияние на горские народы Большого Кавказа и предкавказских кочевников. В позднем средневековье такие попытки предпринимались параллельно с борьбой за Закавказье. С начала XVI в. Кавказ стал ареной противоборства Османской Турции и Сефевидского Ирана. Для обеих сторон Северный Кавказ имел стратегическое значение, т.к. через Дагестан проходил путь к иранским владениям в Закавказье. Ирано-турецкие войны длились с перерывами и с переменным успехом почти полтора столетия. На протяжении XVI–XVII вв. Дагестан подвергался опустошительным вторжениям воюющих армий.

На Северо-Западном Кавказе большую активность проявляло Крымское ханство, которое стремилось включить в свою и турецкую сферу влияния зону расселения адыгских племен. Крымско-татарская конница неоднократно вторгалась в адыгские земли, в Черкесию и Кабарду, а в ходе ирано-турецких войн участвовала в походах османов на Дагестан и Ширван.

В середине XVI в., одновременно с завоеванием Иваном IV Казанского и Астраханского ханств и выходом Московского государства к Каспию, устанавливаются дружественные связи Москвы с некоторыми адыгскими правителями.

Их посольства были встречены в Москве благосклонно, царь даже женился на кабардинской княжне. Но присоединения северокавказских территорий к России в середине XVI в. не произошло, а русско-кавказские отношения того периода носили характер военно-политического союза между фактически равноправными сторонами. Причем, если Кабарда с тех пор находилась в целом под российским влиянием, то закубанские адыги в 1562 г. признали сюзеренитет крымского хана и османского султана. В 1567–1568 гг. на Тереке была возведена крепость с русским гарнизоном. Впоследствии под давлением Турции русские воеводы не раз сносили ее, а затем вновь восстанавливали. Окончательно эта крепость утвердилась в 1588–1589 гг. в устье Терека под названием Терки или Терский городок.

Тогда же, во второй половине XVI в., севернее Терека возникают поселения русских казаков (терских и гребенских). Хотя они и не подчинялись официально русскому правительству, но сыграли заметную роль в установлении экономических и политических связей России со местными народами.

Расселение, социальное устройство и хозяйственная жизнь народов Северного Кавказа XV–XVII вв. рассматриваются в работах Ш.Лемерьсе-Келькеже, одна из которых публикуется в данном сборнике. Французская исследовательница отмечает, что во второй половине XVI в. в борьбу за Кавказ вступили могущественные державы, объединившиеся в два враждующих блока: с одной стороны, Османская империя и Крым, поддержанные среднеазиатскими Шейбанидами, и с другой – Московское государство с его естественными союзниками – православной Грузией и главным врагом турок шахами-Сефевидами. Главным смыслом этой борьбы Ш.Лемерсье-Келькеже считает установление господства над двумя стратегическими путями – западно-восточным (от Тамани или Азака через Дербент и Баку на Тебриз) и северно-южным (от Астрахани через Дербент на Тебриз).

* * *

Предки калмыков отделились от монголов-ойратов. После окончательного крушения Монгольской империи в конце XIV в. ойраты кочевали на западе современной Монголии. В первой половине XV в. им удалось создать сильное ханство под предводительством Эсена, но после его гибели в 1455 г. наступила полоса неудач. Теснимые восточными монголами и китайцами, ойраты отступили на запад, утратили обширные пастбища; их знать вступила в междоусобную борьбу. В то время они делились на пять племенных объединений: чоросы (они же джунгары), хошуты, торгоуты, дербеты и хойты. Возглавляли их князья-тайши. Вытеснив и частично подчинив тюркоязычных моголов, на территории Северо-Западного Китая чоросы образовали ханство, которое принято называть Джунгарским. Его история была очень бурной, протекала в постоянных войнах с Китаем, казахами и узбеками. Аристократия прочих ойратских племен не получила власти в Джунгарии и во второй половине XVI в. решила откочевать

за ее пределы. Дербеты, торгоуты и хошуты снялись с места и начали медленно продвигаться к северу и к западу.

Эту отколовшуюся часть ойратов стали называть калмыками. На северной окраине Степного пояса калмыки подошли к русским владениям в Сибири. Там они увидели, что земли с лучшими, самыми плодородными пастбищами уже заняты: на них распространилась власть России. Воевать с ней, как с раздробленными ногаями, у тайшей решимости и сил не хватало. Выход они увидели в обращении в номинальное российское подданство. Сначала шли долгие переговоры с воеводами сибирской крепости Тара, а в феврале 1608 г. послы нескольких тайшей явились в Москву к царю Василию Шуйскому. Тот принял их благосклонно и на аудиенции оказал всевозможные знаки расположения. Послам было объявлено, что государь дозволяет калмыкам кочевать в пределах его державы, по рекам Иртышу, Оми и прочим, «где похотят», и что отныне они обязаны находиться под его властью «навеки неотступны»; за это ближние русские гарнизоны будут оборонять их кочевья от ногаев, казахов и восточных монголов («Алтын-царя»). С 1608 г. обычно принято отсчитывать пребывание калмыков в составе Российского государства.

Однако далеко не все тайши обратились тогда в подданство к царю. В 1610–1620-х гг. от общей массы ойратов отделились еще несколько племенных объединений и двинулись к Волге. Именно эти калмыки окончательно вытеснили ногаев, заняв их территорию. Предводителям их – тайшам Дайчину, Лоузану, Хо-Орлюку – пришлось иметь дело с русской администрацией Астрахани. Они были весьма воинственными, возглавляли многочисленную конницу, и воеводы прикладывали немало усилий, чтобы обезопасить подведомственные края от пришельцев. Да и правительство пыталось убедить волжских тайшей перекочевать к Иртышу, где, по договору, должны были кочевать калмыки. Однако со временем отношение к ним в Кремле изменилось. В условиях тяжелой войны с Польшей, когда нужны были дополнительные войска, калмыцкая кавалерия привлекла внимание московских стратегов. Оказалось, что этих кочевников можно использовать как для защиты южных рубежей государства, так и на европейском театре военных действий.

Начался длительный обмен послами и грамотами, в которых обе стороны выдвигали свои условия. Наконец после взаимных уступок двумя договорами (шертями) 1654 и 1657 гг. было завершено вхождение калмыцкого народа в состав России. Основная масса калмыков собралась на Нижней Волге и образовала там новое владение, вассальное по отношению к царю и фактически в пределах Российского государства. В 1664 г. правительство официально признало существование Калмыцкого ханства.

Расцвет этого своеобразного вассального государства пришелся на конец XVII и первую четверть XVIII в., т.е. на правление хана Аюки. Он получил ханское звание от далай-ламы в 1690 г., а через семь лет признал его таковым и Петр I. Использование сложной политической обстановки на юге Восточной

Европы, сильная конница, многочисленные и преданные соплеменники, талант дипломата, администратора и полководца – все это позволило калмыцкому лидеру поставить себя в глазах царя как политического партнера, с которым необходимо считаться. Фактическая независимость Аюки проявлялась в таких знаковых явлениях, как личные встречи с могущественным *белым царем*, самостоятельная внешняя политика и международный авторитет. Он направлял свои отряды против казахских и среднеазиатских владетелей, свободно сносился с Крымом и Турцией, Цинами и джунгарами, Ираном и Кабардой, породнился с Гиреями и северо-кавказскими князьями.

Условность подданства в глазах хана наглядно проявилась в его отношениях с башкирами – «подданными» России более давними, но тоже наделенными всякого рода привилегиями и юридическими особенностями. Он то совершал грабительские набеги на Южный Урал (башкиры отвечали тем же), то склонял тамошних биев к совместным набегам на русские города, то требовал от них подчинения ему, Аюке. Царским властям удалось убедить его оставить агрессивные поползновения в отношении русского населения, а в начале XVIII в. они сочли полезным использовать калмыцкую конницу для подавления очередного башкирского движения.

Как сам Аюка соотносил себя с царем? По этому поводу сохранилось несколько его высказываний конца XVII в. В 1683 г. его посланец заявил астраханскому воеводе, что тот напрасно считает, будто хан «великому государю бил челом в подданство»; на самом деле он об этом и не помышлял, а лишь предлагал жить в мире и совете. Через восемь лет Аюка, раздраженный столкновениями с казаками и башкирами, потребовал от правительства смирить буйных соседей, «а буде уйму им не будет, он... пойдет и сыщет себе иную землю...». Следовательно, хан не чувствовал себя связанным какими-то жесткими обязательствами перед Москвой. При этом по-прежнему сохранялось традиционное кочевническое убеждение в праве отъезда от сюзерена, неспособного защитить тех, кто пользуется его покровительством.

Впрочем, в 1710 г. произошло событие, которое позволяет предполагать, что хан не возражал против своего номинального статуса подданного. 5 сентября в ходе его встречи с казанским губернатором П.М.Апраксиным были подписаны договорные статьи «О подданстве хана Аюки со своими тайшами и людьми его Российскому государству». Главе калмыков назначалось 1000-рублевое жалованье, увеличивались поставки пороха и свинца и формулировалось обязательство участвовать в военных предприятиях России. Как видим, заметных изменений в фактическом положении все-таки не предусматривалось.

После смерти Аюки в 1724 г. Калмыцкое ханство начало быстро утрачивать достигнутые при нем автономию и международный авторитет. Недовольство калмыков нарастало, и в 1771 г. вылилось в знаменитый «торгоутский побег» – их массовый исход из российских пределов на свою бывшую родину Джунгарию.

Эти факты, известные из русских и калмыцких источников, Ш.Лемерсье-Келькеже дополняет сведениями из османских архивов, при этом формулируя свой взгляд на положение Аюки в ряду современных ему правителей. Автор убеждена, что калмыцкий хан, несмотря на все свои заверения в лояльности, все-таки являлся не вассалом Петра I и тем более не подданным, а «ненадежным союзником, всегда готовым при малейшем удобном случае обратиться против русских земель». Показателем его самостоятельности могут служить активные и самостоятельные внешние связи – в том числе с Портой. Известны три его посольства в Стамбул. В посланиях на имя падишаха Аюка употреблял те же клишированные фразы, что и в переписке и переговорах с Петром I, обещая «поступать дружески с его врагами и вражески с его врагами». На самом же деле калмыки связывали себя обещаниями перед султаном так же мало, как и перед царем.

В целом такой подход Ш.Лемерсье-Келькеже кажется обоснованным. Разве что высказанная ей идея о стремлении Аюки сплотить вокруг себя «народы чингизидской традиции» (помимо самих калмыков, это якобы башкиры, казахи, каракалпаки) представляется спорной. Во-первых, известно беспощадное отношение калмыков Аюки к тем же башкирам и казахам во время неоднократных набегов; во-вторых, среди наследников «чингизидской традиции» едва ли не первое место в этой зоне Евразии занимают татары, по отношению к которым никаких интеграционных поползновений у калмыцкого хана не просматривалось.

Шанталь Лемерсье-Келькеже

Один неопубликованный источник по истории России XVI века.

Реестры «Мюхимме дефтерлери» архива при ведомстве Премьер-министра*[1]

Среди сокровищ Османского архива при ведомстве Премьер-министра (*Baş-Vekalet*) [далее: Османский архив. – *И.М.*] наиболее известны и часто используются как турецкими, так и западными историками «Мюхимме дефтерлери» (*Mühimme Defterleri*, «Реестры важных дел»). Речь идет о коллекции из 263 томов[2], различающихся по значимости и характеру документов, отражающих с некоторыми перерывами период с 961 по 1323 гг. хиджры (1553/54 – 1905/06 гг.). Реестры содержат расположенные в хронологическом порядке копии приказов, изданных различными османскими органами управления, главным образом Великим императорским советом (*Divan-i Hümâyûn*[3]). Содержание «Мюхимме дефтерлери» значительно менялось на протяжении минувших веков. В XVI в. и в начале XVII в. оно охватывало практически все дела империи, в частности, военные, административные вопросы, дипломатические сношения[4]. Позднее, в XVII – XVIII вв., Великий императорский совет постепенно утратил

---

* *Lemercier-Quelquejay Ch. Une source inédite pour l'histoire de la Russie au XVIe siècle. Les registres des Mühimme Defterleri, des Archives du Baş-Vekâlet // CMRS. T. 8 (1967). № 2. P. 335–343.*

[1] Что касается общего описания Османского архива, см. статью профессора Бернарда Льюиса (Bernard Lewis) «Baş-Vekâlet Arşivi» // Islam Encyclopedia, 2nd ed., p. 1089–1091; исследование Стэнфорда Дж. Шоу (Stanford J. Shaw) «Archival Sources for Ottoman History. The Archives of Turkey» // Journal of the American Oriental Society, 80, 1, January–March 1960, p. 1–12; а также мою статью «Les Bibliothèques et les archives de Turquie en tant que sources de documents sur l'histoire de Russie» // CMRS, V, 1, janvier–mars 1964, p. 105–140. Для характеристики «Мюхимме дефтерлери» можно обратиться к исследованию Г.Елезовича (G.Elezović) «Iz Carigradskih Turskih Arhiva Mühimme Defterleri». – Белград, 1951. [В настоящее время описываемый архив именуется «Османским архивом при ведомстве Премьер-министра» (Başbakanlık Osmanlı Arşivi). Об этом архиве см. также его путеводитель: Başbakanlık Osmanlı Arşivi Rehberi. – İstanbul, 2000. – *И.М.*].

[2] В Османском архиве находится 262 тома, том 20 (980 г.х. = 1572 г.) отсутствует.

[3] Букв. «Августейший Диван». – *И.М.*

[4] Подробную характеристику «Мюхимме дефтерлери» как источника см.: Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А.Мустакимов. Казань, 2008. С. 27–32. – *И.М.*

свою прежнюю значимость, а его функции фактически перешли к другим органам власти. Это нашло отражение в содержании «Реестров важных дел».

Пользование «Реестрами важных дел» облегчается благодаря имеющемуся научно-справочному аппарату, подготовленному сотрудниками Османского архива. Научно-справочный аппарат состоит из:

1) Алфавитного указателя имен собственных, географических названий и учреждений. Эти ценные перечни подготовлены к первым 80 томам (за исключением томов 49 и 54). Выполнены они арабским шрифтом от руки (карандашом) и латинскими буквами (напечатаны) к первым двум томам.

2) Резюме (*hulâsa*) документов, часто предоставляющих подробный анализ всех зарегистрированных приказов. Данные резюме для первых 73 томов отпечатаны латинским шрифтом. Исключение составляют тома 29, 30, 31 и 36, для которых имеются резюме, выполненные арабским шрифтом. Тома 49, 54, 66, 69, 71 и 72 резюме не имеют.

Ни один из русских или советских историков еще не имел доступа к данным реестрам[5], и еще ни одной попытки оценить важность записей «Мюхимме дефтерлери», касающихся России, сделано не было. Используя различные инструменты исследования, мы попытались изучить содержание первых 80 томов, охватывающих период с 961 (1553) по 1023 (1614) гг. Среди них тома 1 (961–962 = 1553–1554), 2 (963–964=1555–1556), 4 (967–968 = 1559–1560), 15 (979 = 1571), 25 (981–982 = 1573–1574), 37 (986–987 = 1578–1579), 45 (989 = 1581), 54 (992 = 1584) и 56 (993 = 1585) почти исключительно посвящены административным назначениям, поэтому для истории России представляют лишь относительный интерес. Кроме того, тома 8 (977–978 = 1570 г.), 11 (978 = 1570 г.) и 13 (978–979 = 1570–1571 г.) полностью (том 8) или практически полностью посвящены Кипрской экспедиции. Том 41 (987 = 1579 г.) освещает внутреннюю организацию власти вилайетов (провинций) Анатолии. Том 50 (991–993 = 1583–1585 гг.) полностью посвящен Египту. И, наконец, том 57 содержит копии документов, относящихся к периоду с 1127 по 1201 гг. хиджры (1715–1786 гг.).

Почти во всех остальных томах присутствуют записи, касающиеся истории России и территорий, которые в настоящий момент входят в состав [бывшего] Советского Союза: Крымское ханство, Северный Кавказ (страны Черкесия, Абхазия, Кабарда, Дагестан), мусульманские и христианские государства Закавказья и княжества Туркестан.

Шестидесятиоднолетний, с 1553 по 1614 г., период представлен в 80 томах «Реестра важных дел» неравномерно. Двадцать три года между 1570 и 1593 годами, то есть период конца правления султана Селима II и эпоха правления

[5] С 1993 г. турецкими архивистами опубликованы тома 3, 5, 6, 7, 12, 82, 83, 85 «Мюхимме дефтерлери». Копии некоторых документов из «Реестров важных дел», относящихся к истории Среднего и Нижнего Поволжья второй половины XVI в., Генеральным управлением государственных архивов Турецкой Республики переданы архивному ведомству Республики Татарстан. – *И.М.*

Мурада III, освещаются в 64 томах «Мюхимме дефтерлери», в то время как в первых семи томах рассматривается отрезок времени в 17 лет (1553–1570), а в девяти последних – еще один семнадцатилетний период (1594–1614).

«Мюхимме дефтерлери» содержат несколько пробелов, относящихся к 1556–1558, 1561–1563, 1565–1566, 1597–1601 и 1608 гг., по которым мы не располагаем никакими записями.

Интересующая нас в данном исследовании эпоха – это время, которое обычно рассматривают, как период апогея османской мощи и еще едва заметное начало ее ослабления – относится ко времени правления [султанов] Сулеймана Великолепного, Селима II, Мурада III, Мехмеда IV[6] и началу правления Ахмеда I. Данный период – это время победоносных войн против Империи [Габсбургов], против Венеции (завоевание Кипра в 1569 г.), против Польши (1586–1590 гг.) и Ирана (1574, 1579–1590 гг.), прерываемых несколькими провалами и поражениями (Лепанто, 1571 г.).

В России вышеозначенная эпоха соответствует царствованию Ивана Грозного, царей Федора [Ивановича] и Бориса Годунова и «Смутному времени» до восшествия на престол Михаила Романова.

* * *

В ходе наших исследований, проведенных в 1964 и 1966 гг. в Османском архиве, в первых 80 томах нами обнаружено 1 262 копии приказов[7], которые прямо или косвенно касаются Московии, Крыма, Кавказа и Центральной Азии. Их распределение по регионам выглядит следующим образом:

- Московия: 249 приказов, из них 105 специально посвящены казакам (24 – донским и 81 – украинским);
- христианские княжества Закавказья: 175 приказов;
- народы Северного Кавказа: 179 приказов;
- Туркестан: 45 приказов;
- Крымское ханство: 614 приказов.

Московия

Московское государство одинаково именуется терминами *Rus, Rusiya* или *Mosqof.* Титул царь (по-турецки: *čar*) в [османских документах] XVI в. не употреблялся. В то время турки применяют к правителю России лишь второстепенный титул «король» (*qral*).

В «Мюхимме дефтерлери» документы, посвященные специально Московии, относительно малочисленны. За интересующий нас период лишь один крупный

[6] Так в тексте. Очевидно, имеется в виду султан Мехмед III (1595–1603). – *И.М.*

[7] Вполне вероятно, что некоторое количество приказов не было нами рассмотрено. Поэтому приведенная здесь цифра должна лишь показывать примерный порядок числа подобных приказов.

конфликт напрямую противопоставил две эти державы. В 1569 г. османские войска из Азака (Азова), значительно усиленные отрядами из различных санджаков Анатолии и войсками Крымского ханства, предприняли поход на крепость Астрахань, с 1554 г. занятую русскими. Этот поход закончился полным провалом: после недолговременной осады османские войска были вынуждены повернуть назад и вернуться в Азак, понеся при этом большие потери. В «Мюхимме дефтерлери» находится 80 документов, касающихся похода на Астрахань (тур. *Ejderkhan*, Эждерхан), из них 60 включены в 7 том (975–976 = 1567–1568 гг.). Речь, главным образом, идет о приказах, направленных Великим императорским советом крымскому хану Девлет-Гирею и наместникам (*bey*) Азака и Кафы о подготовке к походу. Другие приказы предназначены различным беям Анатолии, которые подняли свои войска для участия в кампании.

В других томах «Мюхимме дефтерлери» также имеется определенное количество приказов, относящихся к Астрахани. Они касаются либо последствий военной кампании 1569 г. (тома 9 и 10, 977–979=1569–1571 гг.), либо подготовки нового похода в 1587 г., который, впрочем, так и не состоялся (том 64, 996=1587 г.).

За исключением событий астраханского похода, отношения между Османской империей и далекой Московией были эпизодическими.

В первую очередь отметим несколько записей, касающихся дипломатических отношений между Высокой Портой и Москвой. Речь, прежде всего, идет о приказах, данных османским послам, отправляющимся в Москву. К названным приказам часто прикладывалась копия посланий падишаха (*Nameh-i hümâyûn*, «наме-и хумаюн») «московскому королю» (*Mosqof qraly*). Например, в томе 16 (1571 г.) находится копия наме-и хумаюн Селима II Ивану Грозному; в томах 35 (1577–1578 гг.), 58 (1584 г.) и 62 (1586–1587 гг.) – посланий Мурада III Ивану Грозному и Федору Ивановичу.

Некоторые сведения о дипломатических контактах между двумя странами могут быть почерпнуты из приказов, направленных османским чиновникам в Стамбуле, наместникам турецких городов Северного Причерноморья: Кафы, Азака, Джанкирмана, Бендер, Аккирмана, Озю (Очакова), крымским ханам и, наконец, правителям (воеводам) Валахии (*Eflaq*) и Молдавии (*Buğdan*) с тем, чтобы сообщить им о проезде по их территориям османских послов либо о возвращении русских посланников.

Так, в томах 14 и 15 (1570–1571 гг.) нами обнаружены указания о проезде в Кафу и о пребывании в Стамбуле посольств Новосильцева и Кузьминского; в томе 52 (1583–1584 гг.) – о посольстве Бориса Благово; в томе 70 (1592–1593 гг.) – о приезде в Стамбул посла Нащокина.

Намного более интересными являются многочисленные документы о торговых отношениях между двумя странами. Ввиду больших расстояний и опасности, вызванной присутствием на путях сообщения татарских и казацких грабителей, торговля, особенно торговля мехами, требовала организации настоящих торговых экспедиций. Этим предприятиям османские власти придавали большое значение, что подтверждается четкими приказами Великого императорского совета и даже самого султана, издававшимися ими в связи с отправлением торговых караванов различным представителям османской власти на местах, будь то вассалы или союзники, которым предписывалось охранять торговцев от грабителей.

Караваны, как правило, использовали «западный» путь, который проходил по дунайским княжествам – Валахии и Молдавии – и продолжался по долине Днепра (тур. *Özü*). Названный путь был надежнее «восточного» пути, который от Кафы и от Азака поднимался по долинам Донца и Дона, и вследствие этого подвергался опустошительным набегам казаков.

По данному вопросу в 5-м томе «Мюхимме дефтерлери» (1564 г.) имеется множество приказов молдавскому воеводе; от 1578 г. сохранилось несколько посланий султана Мурада III польскому королю (*Leh qraly*) и крымскому хану, а также приказы Великого императорского совета, адресованные молдавскому воеводе (том 35) в 1583–1585 гг., во время прохода исключительно крупного каравана, отправленного «московским королем»; «наме-и хумаюн» Мурада III королю Польши и приказы воеводам Валахии и Молдавии, а также беям Аккирмана, Бендер, Силистрии и Озю (Очакова). Несмотря на все предосторожности, каравану, по-видимому, все же был нанесен ущерб со стороны запорожских казаков.

Другие сведения о Московии не столь значимы. Это различные приказы Великого императорского совета управляющим и кадиям городов, расположенных близ русских владений, таких как Кафа, Азак, Бендеры, Джанкирман, Аккирман, Нигболу, Силистрия, Озю, а также крымским ханам. В данных приказах речь шла о различных происшествиях на границах между Московией, Крымским ханством, вассальными княжествами Дагестана и, реже, территориями, непосредственно управлявшимися османами.

В «Мюхимме дефтерлери» представлены также сведения о польско-русских отношениях. Они содержатся в посланиях управляющим османских городов, находящихся рядом с польскими границами (Силистрия, Аккирман, Бендеры), правителям Молдавии, Валахии и Трансильвании и, особенно, различных документах, подтверждающих прямое вмешательство Высокой Порты в русско-польские дела по случаю выбора королей Польши (Генриха Валуа в 1573 г., Стефана Батория в 1576 г., Сигизмунда Вазы). В частности, в августейших посланиях падишаха польской знати (*Leh beyleri*) накануне выборов, где он советовал голосовать за кандидата, поддерживаемого Стамбулом, враждебно настроенного к Московии и к Священной Римской Империи.

Сведения о Московии встречаются также в очень многих документах, относящихся к Крымскому ханству, в особенности в копиях ответов султанов или Великого императорского совета на послания ханов, в которых они сооб-

щали о подготовке крымских походов на русские земли или извещали о русских походах на ханство.

Наконец, информация о появлении и продвижении русских на Северном Кавказе находится в сообщениях и приказах, направленных командующим османскими войсками на «восточном фронте» и мелким владетелям Дагестана: кумыкскому шамхалу, князьям Кайтага и Табасарана, главам черкесских и кабардинских племен.

Казаки

Значительное место среди документов «Мюхимме дефтерлери» уделяется беспокойным соседям у северных границ империи, которые, в то время еще отступая перед османскими армиями, осмеливались нападать на вассалов и даже на земли самой Высокой Порты.

В документах турецких архивов различаются «московские казаки» (*Mosqof Qazaqlary*), под которыми подразумевались в основном донские казаки, которых османы считали подданными «московского короля», «польские казаки» (*Leh Qazaqlary*) и «русские казаки» (*Rus Qazaqlary*) – не очень точный термин, который применялся к украинским казакам. Возможно, название «Лех казаклары» (*Leh Qazaqlary*) касалось больше реестровых казаков[8] и вообще казаков с правого берега Днепра (*Özü*), которые были в какой-то степени подконтрольны польскому королю. Выражение *Rus Qazaqlary* применялось, по-видимому, больше к запорожским казакам. Однако на протяжении всего XVI в. в османских документах наблюдалась немалая путаница, когда речь заходила о различении и точном происхождении казаков.

Донские и запорожские казаки проявляли себя как наиболее опасные соперники Османской империи. Сведения о последних появляются с 1564 г. (том 5), когда запорожцы осуществляют несколько походов на территорию Крымского ханства. В томах 26, 27, 28 и 29 «Мюхимме дефтерлери», охватывающих период в три года, имеются около десяти приказов Великого императорского совета беям Аккирмана, Джанкирмана и Бендер, а также воеводам Молдавии и Валахии, в которых речь идет о запорожских казаках.

В томах 33, 34, 35 и 36 (1578–1579 гг.) говорится о настоящей войне против «польских» и «русских» казаков в районе Дуная. За данный период существует свыше 35 приказов и посланий, касающихся казаков и адресованных польскому королю, крымскому хану, правителям Молдавии, Валахии и Трансильвании (*Erdel*) и османским наместникам (беям) Джанкирмана, Силистрии, Видина, Вулчитрина, Нигболу, Аккирмана и Бендер.

[8] Реестровые казаки – часть украинских казаков, в XVI – 1-й половине XVII вв. принятая на службу польским правительством и внесенная в особый список – реестр. – *И.М.*

В 51-м томе «Мюхимме дефтерлери» (1583 г.) зафиксировано около десяти приказов, направленных Портой молдавскому господарю во время похода запорожцев под предводительством атамана Самуила Зборовского на Дунай, в результате которого владения господаря оказались захвачены казаками.

Новая серия походов запорожцев и «польских казаков» опустошила в 1586–1588 гг. побережье Черного моря в районе Очакова и Бендер, Крым и дунайские княжества [Молдавию и Валахию]. В томах 61–64, посвященных этому периоду, встречается множество упоминаний о казаках в посланиях князьям Молдавии, Валахии и Трансильвании.

В 1589 г. набег запорожцев на Очаков и Гезлев на крымском побережье совпал с походом донских казаков на крепость Азак, что вызвало появление множества касающихся «казаков польских», «русских» и «московских» приказов, вошедших в тома 66 и 67.

Документы «Мюхимме дефтерлери» начала XVII в. менее подробны, поэтому сведения о казаках более редки и скупы. Однако мы обнаружили упоминающие их приказы в томах 70, 71, 72, 78 и 80 за годы с 1592 по 1614. В двух последних из этих томов рассматриваются походы запорожцев на Крым и на южное побережье Черного моря.

Тема украинских казаков часто возникает в переписке с королями Польши и крымскими ханами, а также в приказах (*hüküm*, хюкюм) везирам, командующим армиями (*serasker*), янычарским агам, капудан-паше и др.

Сведения о донских казаках, хотя и реже, встречаются в основном в сообщениях, направленных беям Азака и Кафы, а также крымским ханам. Больше всего упоминаний о них мы обнаружили в томах 14 и 19 (1571–1572 гг.) и 67 (1589 г.), когда казаки, названные в них «московскими казаками», совершали набеги на османскую крепость Азак и на побережье Крымского полуострова.

Северный Кавказ

Сведения о северокавказских племенах: черкесских, абхазских (тур. *abaza*), кабардинских (*kabertey*) и о небольших княжествах Дагестана появляются в первых томах «Мюхимме дефтерлери», оставаясь многочисленными на протяжении всего XVI в. Что касается Западного Кавказа, то сведения о нем находятся в приказах, направленных напрямую турецким наместникам Азака и Кафы, крымским ханам и, реже, главам (*beyler, mirzalar*) племен. Что же касается Восточного Кавказа, то сведения о нем содержатся главным образом в посланиях правителям Дагестана – кумыкскому шамхалу, князьям (*hakim*) Кайтага и Табасарана, в середине XVI в. рассматривавшимся Высокой Портой в качестве своих вассалов, и, наконец, в приказах Великого императорского совета и самого султана командующим османскими войсками, ведущими бои в Дагестане и в Закавказье против Ирана.

Речь идет о сведениях, касающихся политического положения в горах, отношений племен между собой, а также отношений между горцами и турецкими и крымскими властями, желавшими навязать им свое господство. Реже в «Мюхимме дефтерлери» встречаются указания на попытки русских закрепиться в предгорьях Кавказа[9], упоминания о походах крымских ханов на черкесов и кабардинцев[10] и, в конце века (между 1590 и 1605 гг.) о походах расположенных на Тереке русских войск, на тарковского шамхала, поддержанного османскими войсками[11]. Упоминания о движениях крымских войск и османских армий встречаются намного чаще и они более подробны. Отправляясь из Азака, они проходили через степи Северного Кавказа и прибрежные равнины Дагестана, в Дербенте или Баку соединялись с другими турецкими войсками из Анатолии, чтобы сражаться с сефевидами в Закавказье. Сведения становятся особенно многочисленными между 1578 и 1591 гг., в период длительной войны Османской империи против Ирана[12].

[9] В 1561 г. Иван Грозный женился на кабардинской княжне [Кученей = Гошевне = Гошаней, дочь князя Темир-Гуки, после крещения – Мария Темрюковна. – *Д.М.*]. В 1563 г. русские построили несколько оборонительных сооружений в кабардинской стране; в 1567 г., они возвели крепость на реке Сундже, которую им пришлось перенести в 1572 г., и они вновь выстроили ее в 1578 г. Немногим позже они основали крепостцу Терский Городок на Тереке, который был разрушен в 1583 г. визирем Осман-пашой Оздемир оглу. В 1588 г. их войска вновь появились на Тереке, а в следующем году – на реке Сулак (р. Койсу. – *Д.М.*), в районе, который им пришлось покинуть после поражения, нанесенного им османами и их дагестанскими вассалами в 1605 г. [см. подробнее *Шмелев А.С.* Русско-дагестанско-османский конфликт в начале XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 4. М., 1992. – С. 48–51; Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 280. – *Д.М., И.З.*].

[10] В 1556 году Девлет-Гирей осуществил поход на черкесов. В 1560 г. черкесы устроили набег на Крым. В 1572 г. Девлет-Гирей завоевал Кабарду и прогнал оттуда русских.

[11] Поход воеводы Засекина на шамхала в 1590 г.; второй поход, возглавляемый воеводой Хворостининым в 1594 г., закончившийся поражением [есть основания считать, что поход состоялся в 1593 г., и в ходе него войска во главе с князем А.И.Хворостининым взяли, но не смогли удержать Тарки и были вынуждены отступить в г. Терки. См.: Белокуров С. Отношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 гг. // ЧОИДР, Кн. 3. – М., 1888. – С. 257, 266, 273; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 20. СПб., 1890. С. 220, 362; Т. 21. СПб., 1892. С. 48; ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 46. – *Д.М.*]; наконец, в 1605 г. крупное поражение нанесено шамхалом и османами русским войскам под командованием воеводы Бутурлина [имеется в виду истребление 7-тысячного отряда И.М.Бутурлина под стенами Тарков. См.: ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. – С. 57–58; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 11. СПб., 1898. С. 32, 34. – *Д.М.*] на Тереке.

[12] В 1581–1582 гг. османские части, вышедшие из Кафы, перебрались через Северный Кавказ и Дагестан. В 1583 г. везир Осман-паша Оздемир оглу, проходя по Дагестану, разрушил русскую крепость на реке Терек и одержал крупную победу над иранцами на реке Самур.

Именно в указанный период возросло количество посланий (наме-и хумаюн), направленных кумыкскому шамхалу, обнаруженных нами в томах 24 и 72[13]. Большинство из них появилось в связи с необходимостью организации совместных действий против иранцев в Закавказье, а также против русских на Тереке и на Сунже.

Княжества Закавказья

Османские армии вторглись в Закавказье в первой половине XVI в., одновременно с юго-запада и с северо-востока, через прибрежные равнины Дагестана. Информация о христианских княжествах Грузии (тур. *Gürdjistan*), Мингрелии (*Dadyan*), Имеретии (*Ačyq-Baš*) и Гурии (*Gőril*) встречается уже в первом томе *Mühimme Defterleri*, оставаясь многочисленной в течение всего XVI в.[14] Первые данные о Грузии и о других государствах Закавказья появляются в связи с военными походами, которые проводили османские армии и их союзники – татары, дагестанцы или христиане – против их великого соперника, сефевидского Ирана, который оспаривал господство османов в Закавказье. По мере того, как христианское Закавказье, отвоеванное у Ирана, склонялось к переходу в подчинение Османской империи, появляются более подробные сведения о его гражданской и военной структуре и об отношениях османских властей с новыми вассалами.

Речь идет либо о косвенных указаниях, встречающихся в приказах бейлербею Эрзурума, реже беям Ардагана, Батума (особенно о Гурии), Вана, Трабзона и Чилдыра, а также командующим османскими армиями восточного фронта (*Şark Seraskeri*), либо о приказах (хюкюм), но не об императорских посланиях (наме-и хумаюн) вассалам, в отношении которых применялись, в основном, второстепенные титулы *мелик* (князь), реже – *хан* или *эмир*. Большинство из них [приказов] не содержат имени адресата: получатель просто назывался *Гюрджистан мелики* или *Ачик-баш мелики*; другие же, реже, именные. В качестве примера последних можно назвать приказы, направленные гюрджистанским «Левенд-бею» (тома 32, 53, 70), «эмиру Александру» (тома 32, 48, 62, 68, 73), «хану Дауду» (том 44), или же «хану Симону из Картиля» (том 70).

[13] Между 1574 (том 24) и 1594 гг.(том 72) зарегистрировано двадцать императорских посланий (наме-и хумаюн) шамхалу, не считая посланий знати (*beyler*) Дагестана и князьям (*hakim*) Кайтага и Табасарана.

[14] Больше всего сведений о Грузии (81 упоминание). Далее по частоте упоминания следуют Мингрелия (22), Гурия (14) и Имеретия (2).

Туркестан

Сведения, относящиеся к Туркестану, в первых 80 томах «Мюхимме дефтерлери» встречаются сравнительно редко. В них насчитывается лишь 45 документов, прямо или косвенно упоминающих данный регион, в интересующий нас период находившийся в подчинении чингизидской династии Шейбанидов[15].

Сведения из «Мюхимме дефтерлери» содержат, с одной стороны, копии императорских посланий (наме-и хумаюн), направленных шейбанидским правителям, к которым применяется лишь титул *хаким* (*глава*; равно *Бухара хакими* или *Озбек хакими*), а также князьям-вассалам той же династии, *хакимам* Самарканда и Ташкента, и туркестанским послам, прибывшим в Стамбул. В посланиях говорится о торговых отношениях и, даже чаще, об организации совместной борьбы против сефевидского Ирана. Реже в этих посланиях встречается информация, напрямую касающаяся Московии, в частности в 1567–1568 гг., и второй раз – в 1587 г., когда узбекские послы отправились в Стамбул, чтобы предложить Высокой Порте действовать сообща против русских владений на Нижней Волге (тома 7 и 62 «Мюхимме дефтерлери»).

Чаще обнаруживаются сведения о проходе через восточные территории империи туркестанских или османских послов. Они встречаются в приказах Императорского Совета беям Кафы и Азака, крымским ханам и главнокомандующему (*сераскер*) османскими армиями в Дагестане для посольств, следующих маршрутом, проходившим по северному побережью Каспийского моря, и бейлербеям Багдада, Сирии (Шам) и Эрзурума для посольств, пересекающих Иран по южному побережью Каспия.

Крым

Информация, напрямую или косвенно касающаяся Крыма, является самой полной, самой подробной, а также самой интересной, так как она позволяет проследить практически день за днем жизнь татарского ханства в то время, когда его военная мощь, достигнув апогея, начинала ослабевать под влиянием Москвы и казаков.

На протяжении интересующей нас эпохи Крым, управляемый чингисидской династией Гиреев[16], являлся османским протекторатом[17]. Однако отношения

[15] В 1598/99 г. династия Шейбанидов уступила место династии Аштарханидов, потомков бывших ханов Астрахани.

[16] Между 1554 и 1614 гг. на бахчисарайском троне сменилось десять ханов: Девлет-Гирей I (1551–1557 гг.); Мехмед-Гирей II (1557–1584 гг.); Ислам-Гирей II (1584–1588 гг.); Гази-Гирей II (1588–1596 гг.); Фетх-Гирей I (1596 г.); снова Гази-Гирей II (1596–1608 гг.); Токтамыш-Гирей (1608); Селамет-Гирей (1608–1610 гг.); Мехмед-Гирей III (1610 г.) и Джанибег-Гирей (1610–1623 гг.). [Конец правления Девлет-Гирея I и начало правления Мехмед-Гирея II приходится на 1577 г., а не 1557 г. – *И.М.*].

между ханами и бейлербеями Кафы, представлявшими в Крыму верховную власть падишаха и Высокой Порты, оставались не очень определенными. Впрочем, во второй половине XVI в. османский контроль над ханством начал усиливаться. Начиная с периода правления Ислам-Гирея II (1584–1588 гг.) имя османского султана предшествовало имени татарского правителя во время *хутбы* – пятничной публичной молитвы.

1) Документы, относящиеся к Крымскому ханству, содержащие, в первую очередь, сведения о внутренней иерархии, о религиозных, торговых и гражданских делах, а также об экономике ханства, находятся, в основном, в копиях посланий (наме-и хумаюн) ханам и в копиях приказов (хюкюм) бейлербеям Кафы.

Документы о династических делах Гиреев занимают особое место. Речь идет о назначениях, смещениях, наградах либо предупреждениях, направленных ханам и их наследникам[18]. Подобных документов особенно много [стало] в 1577 г., после смерти Девлет-Гирея I (том 39); в 1583 г., после смещения Мехмед-Гирея II (том 44); в 1584–1585 гг. во время династического кризиса наследования, противопоставившего Ислам-Гирея его братьям Саадету и Мурад-Гирею, которых поддерживали русские при помощи ногаев и донских казаков (том 53); и, наконец, в 1587 г.[19], после смерти Ислам-Гирея.

2) Во многих документах нашли отражение отношения ханства с Московией: дипломатические контакты (направление и прием послов), но еще более – военные конфликты, в частности, многочисленные походы татар на русские территории и менее частые походы русских на Крым[20]. Эти сведения встречаются в императорских посланиях ханам и в приказах бейлербею и беям Азака, Бендер, Озю и Аккирмана.

3) Отношения между ханством и Польшей занимают исключительное место в документах «Мюхимме дефтерлери», особенно в императорских посланиях королям Польши и крымским ханам и, в меньшей степени, в приказах, направленных воеводам Молдавии и османским наместникам в Бендерах, Аккирмане, Джанкирмане, Варне, Нигболу, Вулчитрине и Видине. Высокая Порта пыталась, не особенно в этом преуспев, поддерживать дружеские отношения между двумя

[17] Установленным с завоеванием генуэзского города Кафа османскими армиями в 1475 г.

[18] Первый наследник носил титул *калга*, а второй – титул *нуреддин*.

[19] Очевидно, опечатка. Должно быть: 1588 г. – *И.М.*

[20] В интересующий нас здесь период, произошло около пятнадцати крупнейших походов крымских татар на русские территории: 1557 г. – поход Девлет-Гирея на Тулу и Козельск; 1563 и 1565 гг. – татарские набеги на Болхов; татарские вторжения в 1568, 1569 гг.; 1571 г. – большой поход Девлет-Гирея на Москву, которую он сжигает; 1572 г. – новый поход Девлет-Гирея, закончившийся его поражением; набеги 1586 и 1587 гг.; 1588 г. – поход Ислам-Гирея против украинских казаков; 1591 г. – поход Гази-Гирея и его поражение на Оке; 1592 г. – набег *калги* Фетх-Гирея на Рязань; 1600 и 1602 гг. – поход на Курск.

государствами, одно из которых было ее вассалом, а другое – естественным союзником против Австрийской империи. Многие документы отражают события, связанные с походами татар на польские владения в 1567 и 1577 гг. (походы Мехмед-Гирея на Волынь) и в 1588 г. (татарский поход на Подолию).

4) Начиная с эпохи Сулеймана Великолепного, татарская кавалерия практически всегда сопровождала османскую армию в ее походах. Особенно значительное количество документов отражает участие крымских армий в военных кампаниях на Западе (войны против Империи в Венгрии) или на Востоке (войны против Ирана в Закавказье). Речь идет о посланиях (наме-и хумаюн) ханам и приказах (хюкюм) командующим османскими армиями и наместникам или вассальным правителям тех территорий, через которые должны были пройти татарские войска (правителям Молдавии, Валахии и Трансильвании, бейлербею Темешвара, бейлербею Кафы и беям Видина, Нигболу, Варны, Бендер, Аккирмана, Азака и т.д.).

В документах из «Мюхимме дефтерлери» содержится особенно много информации об участии татар в венгерской кампании 1566 г. (том 5), в походе на Закавказье 1578–1581 гг. (тома 32 и 42) и в венгерской кампании 1594 г.

Стамбул – Париж, октябрь 1966 г. – январь 1967 г.

Шанталь Лемерсье-Келькеже

Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному источнику из архива Музея дворца «Топкапы»*

В череде выдающихся правителей, занимавших в XV и XVI вв. трон Крымского ханства, Мухаммед (Мехмед)-Гирей I (январь 1515 – осень 1523), сын, *калга* и преемник Менгли-Гирея I, был скорее ничтожной фигурой: порочный, грабитель, пьяница, необузданный, пренебрегающий интересами государства. «Он был пьяница и охоч до женщин, – пишет о нем Ховорс, – и скорее походил на главаря бродячих разбойников, чем правителя солидного государства» («He was a drunkard and a slave to women better fitted for the leader of roving plunderers than a sovereign of a settled state»)[1].

Такой скверной репутацией Мухаммед-Гирей пользовался еще при жизни. «Он [Мухаммед-Гирей] проводит свои дни и ночи, – писали в Стамбул три бея клана Ширин, – в компании персидских еретиков *(ravafiz-i 'ağemler)*, их отношения переходят в разврат; они все время пьют; важные государственные дела заброшены, […] тирания и поборы угнетают страну…»[2].

Это нелестное мнение разделялось собственной семьей хана: «Когда мой отец был *царем*» – говорил посланнику великого князя Василия III в Крыму Мамонову Ахмед-Гирей, брат Мухаммеда – «мы ему подчинялись все, в то время как сегодня, когда мой брат стал *царем*, все приказывают, все князья считают себя *царями*, а также дети хана…»[3].

---

* *Lemercier-Quelquejay Ch. Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521 d'après un document inédit des Archives du Musée du Palais de Topkapı // CMRS. T. 12 (1971). № 4. P. 480–490.*

[1] *Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. New York, Burt Franklin, II, p. 477.

[2] Письмо не подписано, но имеет три печати, вероятно, беев клана Ширин. Оно адресовано, вероятно, в 1520 г. султану Саадет-Гирею, находящемуся в заложниках в Стамбуле (TSMA, док. E. 6474) [В позднейших публикациях А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже датировали этот документ предположительно началом 1523 г. (*Bennigsen A, Lemercier-Quelquejay Ch.* Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: de la tradition mongole a la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // CMRS. T. 13 (1972). № 3. P. 335; КСАМРТ. P. 106). – *И.М.*].

[3] В оригинале цитата такова: «Коли был отец наш царь, ино он один был царь, а мы дети его слышили, а князи и все люди его же слушали, а нынеча брат наш царь, а сын у него – царь же, а князи у него – цари же, водят им куды хотят» (СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 359). – *Д.М.*.

Первая жена хана проговаривается Мамонову: «Все подати, направленные в Крым великим князем московским и королем Польско-Литовского государства, растрачены на попойки ханом и его женами»[4].

Современники были согласны признать лишь одно положительное качество Мухаммед-Гирея – то, что он был мужественным воином, который почти всю свою жизнь воевал с поляками, московитами, с ногаями Астраханского ханства и не боялся вести себя вызывающе с грозным султаном Селимом I, самым великим полководцем своего времени.

Именно этому мало достойному уважения персонажу мы обязаны появлением одного из самых интересных документов по истории России, отложившимся в архиве Музея дворца «Топкапы» (*Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi*). Это один из редчайших источников, который напрямую касается отношений между Казанским ханством и Московией в период правления Василия III. Речь идет о письме Мухаммед-Гирея османскому падишаху Сулейману Великолепному, не датированном, но, вероятно, написанном весной 1521 г., когда хан, по его собственным словам, готовился «сесть в седло, чтобы покончить с волнениями, разжигаемыми против ислама идолопоклонниками» – это нелестное выражение применено здесь по отношению к московитам[5].

Несмотря на цветистое вступление, послание Мухаммед-Гирея падишаху было категоричным неприятием просьбы, с которой Сулейман ранее обратился к хану[6], приглашая его присоединиться со своей татарской конницей к большой османской армии. Султан собирался вести ее на Венгрию. Кампания началась в мае 1521 г., а закончилась 29 августа того же года взятием Белграда.

---

[4] Цитируется С.М.Соловьевым (История России. М., 1960. Кн. III. С. 350). [Русские источники действительно свидетельствуют о том, что хан часто злоупотреблял алкоголем, причем иногда в ущерб государственным делам. Один из крымских вельмож Аппак говорил московскому послу И.Мамонову: «Царь наш охочь пити, да не ведаю, как ему царство держати». Сам хан, при напоминании о необходимости заниматься государственными делами, говорит своему приближенному Агишу: «нынеча есмя пьяни, помяни ми порану, и мы поговорим». Пиры и развлечения требовали больших расходов. Как писал И.Мамонов в Москву со слов «царицы болшой» (Нурсултан), хан «великого князя и королёвы поминки... пропивает с своими любимыми женами», то есть действительно Мухаммед-Гирей тратил суммы, поступавшие из Москвы и Польско-Литовского государства на пропой. Подробнее об этой стороне деятельности хана см.: *Зайцев И.В.* Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) // Orientalistica Juvenile: Сборник статей аспирантов и молодых сотрудников ИВ РАН. Выпуск II. М., 2001. С.100–137. – *И.З.*]. [В оригинале фраза такова: «Великокняжеские и королевы поминки хан пропивает с своими любимыми женами» (См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 5. С. 242). – *Д.М*].

[5] Послание в 34 строки составлено на османско-турецком языке (TSMA, док. E. 1301).

[6] Реестры «Мюхимме дефтерлери» сохранились лишь с 1554 г. Мы не знаем текста императорского послания, направленного хану, вероятно, зимой 1520–1521 г.

Хан отклонил это приглашение, ссылаясь на множество уважительных и очень значимых причин.

Первая причина хорошо известна. Она заключалась в крутом изменении альянсов в начале 1521 г. Отец Мухаммед-Гирея, хан Менгли-Гирей I, всю свою жизнь был союзником Ивана III и противником польского короля Казимира, который был союзником хана Золотой Орды Ахмеда. С восхождением на трон Мухаммед-Гирея в Крыму и короля Сигизмунда в Польше, линия Москва – Бахчисарай рвется, Крымское ханство становится союзником Польши, в то время как Василий III ищет поддержки у астраханского хана, традиционного противника крымского государя.

Вторая, более оригинальная, причина отказа освещает в новом свете саму структуру Крымского ханства в начале XVI в. Мухаммед-Гирей заявляет, что весьма опасается восстания клана Ширин в случае, если один из их мирз, будучи заложником поляков, будет подвергнут репрессиям.

Данный документ позволяет предположить, что в XV и в начале XVI в., до правления хана Девлет-Гирея (1551–1577 гг.), верховная власть в Крыму была в некотором роде разделена между чингизидской династией Гиреев и кочевой знатью, возглавляемой четырьмя большими кланами монгольского происхождения (каждый из которых восходил к соратнику Батыя): Аргын, Барын, Седжеут и самым могущественным из них – кланом Ширин, владения которого простирались от Карасу до Керчи. В XV в. предводитель Ширинов, в османских документах звавшийся иногда «бейлербеем Ширинов», мирза Эминек[7], играл в Крыму роль настоящего «управителя дворца» и «делателя королей», постоянно и, как правило, решительно принимая участие во всех внутренних распрях Гиреев. Именно он помог в 1469 г. Менгли-Гирею стать ханом в противостоянии с его братом Нурдевлетом. Он же в 1474 г. восстал против хана и вынудил его скрыться у генуэзцев в Кафе. В следующем году Эминек призвал османов выступить против генуэзцев и их союзника Ахмеда, хана Золотой Орды, спровоцировав, таким образом, первое нападение Порты на Крым. Наконец, в октябре 1478 г., после его обращения к османскому падишаху, хан Нурдевлет был окончательно изгнан из Крыма, а Менгли-Гирей восстановлен на троне[8].

---

[7] Предводители татарских кланов титуловались беками (в русской номенклатуре – князьями), а не мирзами. Бекский титул Эминека / Иминека прописан в списке ярлыка Хаджи-Гирея (1453) и одном из собственных посланий Эминека Мехмеду II Фатиху (Завоевателю) (1476) (KCAMPT. P. 36, 60). – *И.М.*

[8] См. послание Эминек-бея султану Мехмеду II Фатиху, датированное серединой месяца реджеб 883 г.х. / 8–17 октября 1478 г. (TSMA, док. E. 6691/1). В этом послании ширинский мирза [правильнее – бек (князь). – *И.М.*] просит османского падишаха направить в Крым Менгли-Гирея, которого удерживали где-то в Турции. Он добавляет также фразу, характеризующую отношения между кланом Ширин и Гиреями: «Мы бы хотели, чтобы вы дали следующий совет Менгли-Гирею: «Занимайся делами своей страны и не отступай от советов Эминека». [Заслуживающую доверия реконструкцию событий в

Более того, османский султан Мехмед Завоеватель одинаково относился к главе клана Ширин и к крымскому хану. Так, в 1476 г., готовясь к походу на Молдавию, падишах направляет послание хану Нурдевлету и мирзе Эминеку с призывом прислать войска[9].

Клан Ширин сохранил относительную независимость и во время правления Мухаммед-Гирея. Об этом свидетельствует изобличающее последнего послание, направленное тремя ширинскими мирзами брату Мухаммед-Гирея, князю Саадет-Гирею, заложнику в Стамбуле[10]. Да и позднее, в годы правления его преемников – Саадет-Гирея (1524–1532 гг.) и Сахиб-Гирея I (1532–1551 гг.), это засвидетельствовано многочисленными посланиями, адресованными Высокой Порте ширинскими мирзами[11].

Можно предположить, что лишь во время правления энергичного Девлет-Гирея I крымское двоевластие прекратилось, и главы клана Ширин должны были окончательно подчиниться власти хана.

Третьей причиной показано опасение перед «правителем *Taxt memlekети*» (собств. «Столичная область» (*«le pays de la Capitale»*[12]) – заложником польского короля, который, по мнению хана, мог бы быть отпущен поляками. Речь идет о Шейх-Ахмеде (Шиг Ахмат по русским летописям), сыне хана Золотой Орды Ахмеда. В 1502 г., когда Менгли-Гирей нанес смертельный удар Орде, разрушив ее столицу Сарай, Шейх-Ахмед бежал к ногаям, затем отправился в Стамбул. Однако султан, сюзерен Менгли-Гирея, отказался его принять. Тогда он укрылся в Киеве у своего бывшего союзника великого князя литовского Александра, который держал

Крыму в указанное время см.: *Григорьев А.П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987. – *И.З.*].

[9] В архиве Музея дворца «Топкапы» хранится два послания Эминека султану Мехмеду II, касающихся участия татарских войск в походе на Молдавию (Qara Buġdan). Первое датировано серединой месяца мухаррем 881 г.х. / 6–15 мая 1470 г. (док. E. 3179, на араб. яз.). Второе – концом месяца джумада II 881 г.х. / 10–20 октября 1476 г. В обоих посланиях глава клана Ширин, приглашенный лично падишахом, объясняет, что он не смог присоединиться к османской армии в Молдавии, так как Крым был атакован ханом Золотой Орды Ахмедом.

[10] См.: TSMA, док. E. 6474.

[11] В частности, находящемуся в Стамбуле принцу Саадет-Гирею было адресовано недатированное (вероятно, составленное в мае-июне 1532 г.) письмо Эвлия-мирзы, хулившего правление хана Сахиб-Гирея (TSMA, док. E.12111), а также послание крымского вельможи (возможно, из клана Ширин) падишаху с жалобой на тиранию Сахиб-Гирея, тоже недатированное, но, вероятно, относящееся к концу 1533 – началу 1534 г. (TSMA, док. E.1308/3).

[12] Термины *Taxt эли, Taxt memlekети, вилāйет-и Taxt*, использовавшиеся в тюрко- и персоязычных источниках XV–XVI вв. для обозначения «Большой Орды» русских источников, могут быть переведены и как «Престольное владение», «Престольная страна», «Престольная держава». Под «Престолом» или «Столицей» (*Taxt*) здесь следует понимать Сарай – столицу Улуса Джучи. – *И.М.*

его в заложниках «как постоянную угрозу Менгли-Гирею»[13]. «Так прекратилось существование знаменитой Золотой Орды»[14].

Шейх-Ахмед содержался сначала в Троках, затем в Ковно [ныне – города Тракай и Каунас в Литве. – *И.М.*]. Послание Мухаммед-Гирея показывает, что в 1521 г., примерно двадцать лет спустя, он все еще был жив и что Крымское ханство считало его вероятным и опасным соперником, способным нарушить «порядок и спокойствие страны».

Четвертая причина – самая уважительная и самая интересная для историков. Она напрямую связана с Казанским ханством и началом долгой борьбы между Московией и Крымом за обладание Казанью, продолжавшейся 31 год. Эта борьба начинается после смерти хана Мухаммед-Эмина в 1519 г., а заканчивается в 1552 г. падением Казанского ханства.

Существовало два кандидата – касимовский хан Шах-Али (Шигалей русских летописей), кандидат великого князя Василия III, и крымский принц Сахиб-Гирей, сводный брат одновременно и Мухаммед-Гирея, и Мухаммед-Эмина[15], поддерживаемый крымским ханом.

Первым на казанский престол был возведен московский кандидат. Мухаммед-Гирей его не признал, а представил операцию как откровенный захват татарской столицы Василием III (к которому хан применяет только титул бея, «правителя» *(Mosqov beyi)*).

[Согласно публикуемому источнику,] начинается даже христианизация татарского населения: строительство одной или нескольких церквей *(kinīsā)*, изгнание *кади*, присутствие в Казани христианских священников *(ruhbān)*, принуждающих мусульман «наблюдать за церемониями неверных»[16].

Однако, поскольку ни один другой источник не подтверждает эту первую попытку насадить христианство в мусульманской цитадели на Волге, можно считать возможным и даже вероятным, что Мухаммед-Гирей намеренно очернял ситуацию, дабы убедить османского падишаха в серьезности обстановки в Ка-

---

[13] См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч., III. С. 87. [В оригинале цитата такова: «…желая иметь в руках узника, освобождением которого мог постоянно стращать Менгли-Гирея» (Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 5. С. 84). – *Д.М.*].

[14] Там же. [Подробнее о судьбе Шейх-Ахмеда и его пребывании в Польше см.: *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: «Рудомино», 2004. С. 99–120. – *И.З.*].

[15] Принцесса Нурсултан, дочь ногая [точнее, мангыта. – *И.М.*] Тимура, была замужем сначала за казанским ханом Ибрагимом, от которого у нее родился Мухаммед-Эмин, затем за ханом Менгли-Гиреем, от которого у нее был Сахиб-Гирей. Последний являлся, следовательно, сводным братом Мухаммед-Гирея по линии своего отца Менгли-Гирея и Мухаммед-Эмина по линии своей матери Нурсултан.

[16] Любопытно заметить, что для обозначения «незаконности» действий русских в Казани, Мухаммед-Гирей использовал выражение *namašru'i* «противный кораническому праву (шариату)».

зани. Это могло служить извинением отсутствия его войск в Молдавии и обоснованием готовившегося им похода на Московию[17].

Последние выдвинутые ханом доводы касались присутствия на восточных границах ханства врагов, которые «наблюдают за нами с завистью» и «находятся в седле», ожидая удобного случая, чтобы разгромить ханство. Эти враги – хан Хаджи-Тархана (Астрахани) Хусейн[18], союзник Московии и, что самое любопытное, «банда» *(tā'ife)* казаков, которые, по мнению Мухаммед-Гирея, только что обосновались «на территории, обитаемой ногаями». Здесь говорится о донских казаках. Это одно из самых первых упоминаний о выходе на историческую арену этого беспокойного населения[19].

Целью высказанных ханом разнообразных оправданий было не только желание обосновать свой отказ от участия в кампании против Молдавии, но и стремление заставить османов согласиться с идеей большого татарского похода на Московию – первого, когда крымская кавалерия отправилась в самое сердце России[20]. Действительно, во время правления султанов Баязида II и Селима I

[17] Политика, которую крымский хан вел в Стамбуле, была известна в Москве. В 1521 г. московский посол Губин, направленный в Стамбул, чтобы поздравить султана Сулеймана с его восшествием на трон, должен был сказать туркам: «В Москве идет слух, что Магмед-Гирей писал к султану, будто Казанская земля – юрт крымский, будто государь наш [великий князь Московский] велел там мечети разорить и свои христианские церкви поставить и колокола повесить; но, как прежде крымцы неправыми своими умышлениями вставляли неправые слова, так и теперь не отстают от лживых слов» (*Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. III. С. 278) [М., 1989. Кн. III. Т. 5. С. 269. – *Д.М.*]. [В оригинале цитата такова: «Нынеча слышание у государя нашего, что Магмед-Гирей царь писал к салтану в своей грамоте, что будто Казанская земля юрт их, и на Казани учинил государь наш царем Шыгалея царя, недруга их, и мизгити их будто государь наш велел разорити, а там велел церкви свои крестианские поставити да и колоколы будто велел повесити. Ино как наперед того крымцы неправыми своими умышлении вставливали неправые слова, так и ныне не престанут от лживых слов. <…> Ино изначала Казань юрт не их, а были на Казани опришные цари. А мизгитей им государь наш не веливал рушивати и церквей ставити не веливал, и звону тамо не бывало, и мизгити их по-старому стоят» (РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 170об.–171об.). Остается только удивляться точности полученных в Москве сведений о содержании письма Мухаммед-Гирея в Стамбул. – *И.З.*].

[18] Публикатор письма Ш.Лемерсье-Келькеже считала этим астраханским ханом Хусейна, но им мог быть и Джанибек. – *И.З.*

[19] В тексте, безусловно, имеются в виду не «казаки», а казахи. На это впервые указал А.Исин. См.: *Исин А.* Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской ордой в XVI в. (АКД). Алма-Ата, 1988. С. 18. В этой связи и перевод слова *таифе* как «банда» некорректен. Правомернее учитывать прямое значение слова – «племя». – *И.З.*

[20] Первые значимые походы, предпринятые крымскими татарами против Москвы, восходят к последним годам правления Менгли-Гирея, когда постаревший хан не мог больше удерживать непоседливых молодых принцев (султанов), своих детей. В 1512 г. его сыновья, принцы Бурьяш и Ахмед-Гирей, совершили набег до предместий Одоева,

отношения между Московией и Высокой Портой были замечательными. Между двумя державами, которых разделяли огромные пустынные пространства, не существовало никаких политических разногласий. Они были равно заинтересованы в поддержании мира, чтобы пользоваться преимуществами, которые им обеспечивала торговля ценными московскими мехами, основным покупателем которых была Высокая Порта. Селим I, властный суверен, мог легко обязать своих крымских вассалов не посягать на московские территории.

В 1515 и 1517 гг. Василий III даже направил в Стамбул послов, не только для содействия московской торговле, но и, опасаясь возможной перемены крымской политики, чтобы предложить настоящий союз против Литвы и против Крыма. Падишах, конечно, отказался рассматривать это второе предложение, но запретил Мухаммед-Гирею беспокоить московские владения. Один благосклонный к Москве крымец, осведомитель Василия III в Азаке, сообщил великому князю, что султан якобы написал хану: «Слышал я, что хочешь идти на Московскую землю; так береги свою голову, не смей ходить на Московского, потому что он мне друг великий; а пойдешь на Московского, так я пойду на твою землю»[21].

В 1521 г. после смерти грозного Селима I Мухаммед-Гирей, [фактически] освободившись от османской зависимости, смог вновь вернуться к старому плану похода на Москву.

Когда послание было составлено (в марте или апреле 1521 г.) кампания уже началась. Авангард татарской рати, состоявший из людей клана Ширин, уже пересек перешеек Перекоп и находился на севере Азовского моря, недалеко от реки Молочные Воды (по-татарски *Süt*, «молоко»).

10 мая 1521 г. великий князь Василий получил от своего агента в Азаке подробную информацию о ходе похода. Но послание пришло слишком поздно, и когда оно достигло Москвы, Мухаммед-Гирей уже перешел Оку, разбив по пути русский отряд, и объединился у Коломны с казанской ратью под командованием лично хана Сахиб-Гирея, который уже повоевал окрестности Нижнего Новгорода и Владимира. Разорив по ходу всю территорию между Коломной и Москвой, татарские войска появились в конце июля под Москвой, заполненной беглецами и оставленной великим князем.

Можно было подумать, что вернулись трагические дни Тохтамыша и Эдиге, но Мухаммед-Гирей, выдающийся мастер набега, не имел ничего общего с

Белева и Рязани, но были разбиты русскими. Мы нашли послание без подписи и даты, адресованное османскому султану, написанное, вероятно, ханом Менгли-Гиреем летом 1512 г., в котором описаны поход и поражение татарской конницы (TSMA, док. E. 6382). [Имя упомянутого здесь принца Бурьяша в известных нам татарских и русских официальных источниках пишется «Бурнаш-Гирей» (КСАМРТ. P. 87, 98; СИРИО. Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II (1508–1521 гг.). СПб., 1895. С. 35, 42, 57 и сл.). – *И.М.*].

[21] Цитируется С.М.Соловьевым (Указ. соч. III. С. 277) [Цитата приводится по изданию: Соловьев С.М. Указ. соч. М., 1989. Кн. III. Т. 5. С. 268–269. – *Д.М.*].

настоящим завоевателем. Он колебался перед укрепленными городами, не осмелился штурмовать Москву, удовлетворившись лишь обещанием дани, а на обратном пути даже потерпел поражение под Рязанью. Крупной катастрофы удалось избежать, но, как пишет С.М.Соловьев, «следствия Магмед-Гиреева нашествия были страшные; молва преувеличила число пленных, выведенных крымцами и казанцами из Московского государства, простирая это число до 800 000, но самое это преувеличение уже показывает сильное опустошение»[22].

Послание Мухаммед-Гирея османскому падишаху, полный перевод которого мы публикуем ниже, представляет собой пролог новой и кровавой главы в истории отношений между Москвой и Крымским ханством. Дружба, царившая в отношениях между Москвой и Бахчисараем в годы правления Василия III и Менгли-Гирея, окончательно прошла. С тех пор до 1783 г., года падения ханства, отношения между двумя державами приобретут характер отношений с позиции силы.

Стамбул – Париж, 1971 г.

Послание крымского хана Мухаммед-Гирея I
османскому падишаху Сулейману Великолепному

[Март-апрель 1521 г.]

Его правосудному халифскому величеству – *да усилит его Аллах – Владыка Вспомоществующий!*

Повергаемое к праху счастливой государевой Порты – *да укрепит ее Аллах – Владыка Вседарящий!* – Вашего покорнейшего, подобного рабу слуги таково.

Недавно посредством одного из султанских рабов, образца равных себе по имени Хусейн-бей, к нам прибыл обязывающий к повиновению падишахский указ, из славного содержания которого мы узнали, что Ваша августейшая особа с благим предзнаменованием и войском, подобным морю, изволит направиться с великой священной войной (*ġazā*) на проклятых венгров – *да ослабит их Аллах – Владыка Вспомоществующий!* Мы просим Аллаха Всемилостивейшего и Всещедрого – *да возвысится Его слава, а Его милости изольются на все Его создания!* – чтобы Вам [было предначертано] вернуться на трон халифата в добром здравии, отяготившись добычей, с победой и одолением. Вашему же преданному рабу было приказано выступить против короля Польши.

Этот [Ваш] раб, его сыновья, младшие и старшие, все помощники и сподвижники – все мы являемся искренними и преданными рабами [нашего] господина, падишаха обетованной четверти мира. И [наша] страна (*memleket*), и [наш] народ (*qol*) принадлежат [Вашей] августейшей особе, обладающей счастливым сочетанием звезд.

[22] Там же, с. 267 [Цитата приводится по изданию: Соловьев С.М. Указ. соч. М., 1989. Кн. III. Т. 5. С. 258–259. – *Д.М.*].

Наши обстоятельства и положение таковы, как они будут изложены [ниже].

Некоторое время назад польский король направил к этому [Вашему] смиренному рабу посла и, чтобы эта страна не подвергалась набегам, обязался выплачивать ежегодную дань (*ğizye*) в пятнадцать тысяч флоринов, на чем мы утвердили клятву (*yemīn*) и помирились. Этот [Ваш] раб, по их[23] просьбе, чтобы они [нам] доверяли, всегда оставляю ему в качестве заложника одного из беев и мирз из клана (*il*), известного под названием Ширин, а его[24] человек постоянно находится при нас. И они[25] платят нам установленную дань (*harāğ*) каждый год. Сейчас один из вышеупомянутых мирз[26], сын Девлетек бея, мирза по имени Эвлия, находится там в заложниках, и пока другой бей или мирза из них[27] не заменит его, он не может вернуться [в Крым]. Если же, нарушая договор, мы нападем на них[28], этого мирзу они навсегда заключат в тюрьму или же убьют, и тогда весь клан (*qavm*) Ширин, и его беи, и его мирзы *восстанут против нас[29]. Порядок в стране будет нарушен, и страна устремится к гибели.

[Кроме того,] наш старый притеснитель и кровный враг, хан Престольного Владения (*Taht Memleketi*) Шейх-Ахмед хан, удерживается королем [Польши]. Если они [поляки] увидят с нашей стороны проявления враждебности, они его освободят, и порядок в стране будет нарушен.

Ханом страны (*memleket*), известной под названием Казань (*Ġāzān*), был наш брат Мухаммед-Эмин хан. В связи с тем, что после его кончины беи и мирзы [Казани] направили к нам пятнадцать надежных людей и попросили этого [Вашего] раба [дать им нового] хана, я отправил [туда] моего младшего брата Сахиб-Гирея в сопровождении нескольких людей. До его прибытия [в Казань] московский князь *(Mosqov begi)* изгнал *(ref' idüp)* кади города Казани и для управления делами мусульман назначил [христианских] священников *(ruhbān)* и построил церкви *(kinīsā)*. Когда он [таким образом] силой заставлял мусульман соблюдать церемонии неверных и, действуя противно шариату, навлек на мусульман печаль, мой вышеупомянутый брат вступил в город и стал ханом.

Узнав об этом, московский князь послал большое войско, приказав [ему] сторожить переправы, чтобы полностью прервать сообщение [между Крымом и Казанью]. Из-за этого мой брат, говорят, *находится в большой печали[30]. Узнав о положении [в Казани] из письма, которое смог тайно доставить приехавший [оттуда] человек, мы решили оказать помощь и поддержку моему брату. Для прек-

[23] Т.е. поляков.
[24] Т.е. польского короля.
[25] Т.е. поляки.
[26] Т.е. мирз, принадлежащих клану Ширин. – *И.М.*
[27] Т.е. клана Ширин. – *И.М.*
[28] Т.е. поляков.
*[29] Букв.: «отвернут от нас лицо» (*bizden yüz döndürürler*). – *И.М.*
*[30] *Ziyāde zebūn imiš*. По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «находится в тяжелом положении». – *И.М.*

ращения смут, чинимых этими идолопоклонниками, ожесточенными против ислама, мы сели на коней с намерением идти на них в надежде [одержать] победу и [совершить] завоевание (*feth u żafer*)[31]. *Прошло три месяца с тех пор, как войску нашей страны был дан приказ отправляться [в поход][32]. Половина войска [, состоящая из людей] клана (*qavm*) Ширин, [уже] миновала местность под названием Инджеке (Инджике?) и ожидает Вашего раба в месте, известном [под названием] Сют (*Süt* – Молочные Воды?). После того, как наше войско решит отправиться [в поход] на какую-либо страну, его уже невозможно вернуть, поскольку [воины] не являются нашими наемными слугами (*muvażżaf qullarï*). Они – кочевники, люди степей (*bīābānī*). Даже те воины, которые находятся здесь (в Крыму), следуя за ними [в поход], сами выбирают себе командующим какого-либо бея.

Ранее завоеванную нами землю, населенную племенем ногаев, заселила многочисленная банда *(tā'ife)*, известная под названием *Qazāq* (казаки), прикочевавшая под предводительством своего правителя *(han)*. Теперь они внимательно наблюдают за нами. Если даже нам представится возможность, и мы предпримем поход на страну [польского] короля, они, объединившись с нашим давним недругом, ханом Хаджи-Тархана, придут и разорят [нашу] страну. В этом году все наши враги находятся в седле.

Этот [Ваш] преданный раб также намеревался подняться в седло и направиться в поход, когда прибыл этот [Ваш] указ, коему подчиняется [весь] мир. Действительное положение таково, как оно изложено [выше]. Нам же остается лишь подчиняться указам (*fermān*), исходящим от Порты, являющейся прибежищем Вселенной.

Да будет вечной [простирающаяся над Вами] сень могущества и тень счастья с помощью Божией и Его споспешествованием!

Слабейший из рабов Божиих, ничтожный Мухаммед-Гирей[33].

TSMA, E. 1301[34]

---

[31] Терминологическая пара *feth u zafer* (букв.: «завоевание и победа») в османско-турецком языке являлась устойчивым словосочетанием, не обязательно подразумевавшим территориальные приобретения или намерение их совершить, а скорее соответствовавшим понятиям «победа», «триумф», «одоление». – *И.М.*

*[32] *Üč ay miqdārï vardur ki memleketimüzüñ 'askerine čïquñ deyü tenbīh olïnmïšdur.* Это предложение в публикации Ш.Лемерсье-Келькеже не переведено, на что обратил внимание В.Остапчук (Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // Turcica. Revue d'etudes turques. 1987. T. 19. P. 262). – *И.М.*

[33] На обороте документа – оттиск печати с легендой: «Мухаммед-Гирей-хан, сын Менгли-Гирей-хана». – *И.М.*

[34] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 49–57. – *И.М.*

Озалп Гёкбильгин

Несколько рукописных источников об эпохе крымского хана Сахиб-Гирея I (1532–1551 гг.), хранящихся в Стамбуле, Париже и Ленинграде*

Рукописные источники, относящиеся к эпохе хана Сахиб-Гирея, немногочисленны. По нашим сведениям, кроме рукописи *Тарих-и Сахиб-Гирай хан* («История хана Сахиба-Гирея») и двух документов, отложившихся в архиве Музея дворца «Топкапы» в Стамбуле[1], существуют лишь рукописные произведения об общей истории Крымского ханства. Мы считаем нужным кратко их представить.

В Национальной библиотеке Франции в Париже хранится шесть рукописей, в которых говорится об истории или институтах Крымского ханства. Две из них [представляют собой] одно и то же произведение *Gülbün-ü Hanan* («Розовый куст ханов»), опубликованное в 1871 г. в Стамбуле. Автором этого сочинения является потомок крымских ханов Халим-Гирей. Два вышеуказанных манускрипта находятся в Отделе восточных рукописей библиотеки *(Supplément turc,* №№ 1116 и 1274)[2].

Остальные [четыре] рукописи это:

1. *Supplément turc,* № 515, история крымских ханов с 1475 по 1777 г.[3];

2. *Supplément turc,* № 874, история [правления] крымских ханов, и в частности, четырнадцати первых ханов; произведение очень общего характера;

3. *Supplément turc,* № 884, текст о юридическом статусе крымских ханов, наибольшую ценность имеет для представления административной структуры [Крымского ханства][4];

---

* *Gökbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray Ier Khan de Crimée (1532–1551) à Istanbul, Paris et Leningrad // Cahiers du monde russe et soviétique. T. 11 (1970). № 3. P. 462–469.*

[1] Архив музея Дворца Топкапы, E. 2365 и E. 1308/3; см. далее переводы.

[2] Текст второго издания был подготовлен Арифзаде А.Хильми Кырыми в 1909 г. и по сравнению с первым был несколько изменен: он более краткий и вместе с тем лишен очарования первоначального варианта. Последнее издание вышло относительно недавно: Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. M.Sadi Çögenli – Recep Toparlı (eds). Erzurum, 1990. См.: *Kellner-Heinkele B.* A Chinggisid and Ottoman: Halim Gerey Sultan // Altaica V. M., 2001. – *И.З.*

[3] Французский список, привезенный из Крыма в 1819 г. Амеде Жобером, имеет перевод (Précis de l'Histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'a l'an 1198 de l'hégire (traduit du turc par M.M. Kazimirski, revu par Am. Jaubert) // Nouveau Journal Asiatique. T.XII. Paris, 1833. p. 349–380, 428–458). – *И.З.*

4. *Supplément turc,* № 1008, текст географического характера, необходимый для уточнения топонимии полуострова.

Рукопись *Тарих-и Сахиб-Гирай-хан* является самым ранним источником, содержащим наиболее полные сведения об эпохе Сахиб-Гирея.

Известны лишь два списка этого сочинения, один – в Париже, другой – в Ленинграде. Парижский список отложился в отделе Восточных рукописей Национальной библиотеки под шифром *Supplément turc, №* 164. Состоит из 81 листа размером 19,5 x 12 см[5], датирован месяцем реджеб 1061 г.х. (середина июля 1651 г.). Работа написана на османско-турецком языке, ее автором является Нидаи Реммаль Ходжа. Однако Э.Блоше в своем «Каталоге тюркских рукописей»[6] по поводу этого текста пишет: «…История Сахиб-Гирея I без названия, без имени автора». Далее он добавляет: «Автор данного произведения не упоминает своего имени». В действительности же мы встречаем имя автора трижды: на л. 58a, восьмая строка; на л. 78b, последняя строка; и, наконец, на л. 79b, первая строка. Более того, в конце стихотворения, имеющегося лишь в ленинградском экземпляре на л. 199, указано имя автора: «Нидаи».

После смерти хана Сахиб-Гирея одна из его дочерей, Нури Хани[7], попросила бывшего наставника хана Реммаля Ходжу написать историю правления ее отца для потомков. И автор [Реммаль Ходжа] изложил в своем произведении историю правления Сахиб-Гирея, начав со времени его отъезда из Стамбула в Крым и до его убийства в 1551 г. султаном Бёлюк-Гиреем[8], подстрекаемым Девлет-Гиреем. В [произведении] описаны отношения Крыма с кавказскими народами, в частности с черкесами и ногаями, а также с Россией и Молдавией.

Ленинградская рукопись хранится в библиотеке Ленинградского университета (Восточные рукописи, № 488). Данный документ насчитывает 215 страниц; на шести страницах в начале и в конце рукописи описываются более поздние события, не имеющие отношения к истории хана Сахиб-Гирея. По сравнению с парижским, в ленинградском экземпляре недостает двенадцати

[4] Это сочинение Хюсейна Хезарфенна «Изложение сути законов Османской династии» (Texte relatif au statut juridique des khans de Crimee, precieux pour des renseignementes d'ordre administratif et institutionell). Издание см.: *Hezârfen Hüseyin Efendi.* Telhîsü'l-beyân fî kavânîn-i Âl-i Osmân / Haz. S. İlgürel. Ankara, 1998. Раздел о Крыме: с. 169–172. Русский перевод раздела из сочинения Хезарфенна см.: *Орешкова С.Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. – *И.З.*

[5] Автор статьи привел размеры рукописи именно в сантиметрах. – *Д.М.*

[6] *Blochet Edgar.* Catalogue des manuscrits turcs. Paris, Bibliothèque Nationale, 1932–1933, 2 t.

[7] Она же Нурсултан, не путать с другой Нурсултан – знаменитой казанской и крымской ханшей. – *И.З.*

[8] Сын казанского хана Сафа-Гирея. В отечественной историографии его имя принято транскрибировать как Булюк-Гирей. Очевидно, правильнее – Буляк-Гирей. – *И.М.*

листов. Однако рукопись называется *Tevarih-i Remmal Hoca, vukuat-i Sahib Giray Han* («История Реммаля Ходжи о событиях Сахиб-Гирей хана»). Возможно, что данное заглавие было дано позднее. Ленинградская рукопись не могла быть написана рукой Реммаля Ходжи, так как во время отъезда хана в Крым он находился в Стамбуле и сопровождал хана в его молдавском походе. К тому же описание этих событий отсутствует в ленинградской копии. Ленинградский список не датирован, но можно предположить, что он более позднего происхождения, чем тот, что находится в Парижской Национальной библиотеке; он написан на более современном языке, более изысканном, и в нем больше персидских терминов. Ленинградский экземпляр лучше читается, чем парижский, и гласные в нем выписаны хорошо, хотя и неправильно. Вероятно, речь идет о двух копиях, одна из которых, парижская, более древняя. Как бы то ни было, очевидно одно: ни одна из этих рукописей не могла быть написана рукой самого Реммаля Ходжи; ему был всего год в начале правления Сахиб-Гирея (1532 г.), а в 1651 г. – году, которым датирована [парижская] рукопись, ему исполнилось бы сто тридцать один год.

Между этими двумя рукописями есть некоторые фонетические различия. Так, все финальные *b* (ب) и почти все начальные *t* (ط) парижского варианта становятся в ленинградском экземпляре соответственно *p* (پ) и *d* (د). Так, *qonub* становится *qonup, turur iken* становится *durur iken, tag* становится *dag.* В ленинградском манускрипте обычно опускается также именование *Hazretleri* (Его Величество) перед титулом хана, которое присутствует в парижском варианте.

Существует французский перевод парижской рукописи, сделанный г-ном Ле Ру (M. Le Roux) – он изучал турецкий (проходил языковую практику – был т.н. Jeune de langue) в Стамбуле в 1740 г. Данный перевод находится в Парижской Национальной библиотеке (*Bibliothèque Nationale de Paris, Fonds français, nouvelles acquisitions*), № 4030. В нем содержится 269 страниц. Поскольку этот перевод ближе к эпохе Сахиб-Гирея, старые тюркские термины переведены старыми французскими терминами. К сожалению, этот перевод не совсем соответствует текстам обоих турецких вариантов. Очень часто М. Ле Ру резюмирует, сокращает, даже пропускает некоторые фразы. Переводчик был явно незнаком с ленинградским вариантом. В целом, французский текст соответствует тексту парижской копии.

Дошедшие до нас реестры [важных дел] Османской империи (*Mühimme Defterleri*) начинаются лишь с 1554 г., то есть через три года после смерти Сахиб-Гирея. Поэтому они не содержат ни одного документа о периоде его правления[9].

[9] В архиве Музея дворца «Топкапы» отложился один «Реестр важных дел» (*«Мюхимме дефтери»*) за 951–952 / 1544–1545 гг. Недавно он был опубликован (Topkapı Sarayı Arşivi H. 951–952 Tarihli ve E–12321 Numaralı Mühimme Defteri / Yay. haz. H. Sahillioğlu. İst., 2002). Реестр содержит один указ санджакбею Кафы, в котором упоминается

В Архиве музея Дворца Топкапы, напротив, существуют еще два документа, относящихся к эпохе Сахиб-Гирея. Ниже мы приводим их полный перевод.

Один из этих документов, под шифром E. 1308, является недатированным анонимным письмом, адресованным султану Сулейману. Автор послания изобличает плохое правление Сахиб-Гирея I и показывает, что, несмотря на тринадцать лет усилий, никакого примирения между разными принцами, особенно между Сахиб-Гиреем и его *калгой* (наследником) Ислам-Гиреем, не наступило. Чтобы восстановить мир в Крыму, автор предлагает поставить во главе ханства другого человека.

Второй документ (E. 2365) также не датирован. Его автором является Ислам-Гирей I, который правил один год (1532), до назначения крымским ханом Сахиб-Гирея I. Это послание тоже адресовано падишаху. Автор письма просит, чтобы его назначили крымским ханом вместо Сахиб-Гирея, который, по его словам, ведет двойную игру и плетет интриги. Если же падишах откажется отдать ему крымский трон, Ислам-Гирей советует назначить крымским ханом Саадет-Гирея, который правил в Крыму с 1523 г. В этом случае Ислам-Гирей обещает служить падишаху и довольствоваться Астраханским (*Эждерхан*) ханством, если падишах захочет его за ним признать. Ислам-Гирей добавляет, что если его пожелания не будут удовлетворены, то он не подчинится и останется в Крыму.

Париж, октябрь 1969 г.

* * *

I

Послание принца Ислама-Гирея Падишаху (Сулейману Великолепному).

Вот просьба, которую ваш смиренный слуга направляет вашему Счастливому Двору, опоре справедливости, источнику счастья[10].

После смерти моего отца[11], хана Мухаммед-Гирея[12], мой дядя Саадет-Гирей[13] прибыл (в Крым) с вашим священным приказом, неся знамя. С того момента, я, ваш верный слуга, не переставал служить стране, однако неисчислимые провокации, интриги, лицемерие и террор, проявляемые Сахиб-Гирей-ханом[14], бывшим тогда принцем, сильно навредили стране; отечество не могло от этого избавиться, население не освободилось от беспорядка.

Таково было положение, когда Сахиб-Гирей был назначен ханом и послан в Крым вашим Высочайшим Двором. С момента его прибытия, вот уже в течение нескольких лет, ничего, ни одно действие, ни одно намерение не было ни правильным, ни удачным. Все доказательства этого несколько раз докладывались вашему Счастливому Двору.

Да продлится жизнь Его Величества Падишаха, покровителя этого мира! Если Вашей милостью мне будет доверено ханство, я сделаю все возможное; изо

хан Сахиб-Гирей (*хюкюм* № 414 от 17 мухаррама 952 / 31 марта 1545 г.), одно послание, адресованное самому Сахиб-Гирею (*хюкюм* № 440 от той же даты), и несколько указов, в которых упоминается Крымское ханство. – *И.М.*

[10] Послание адресовано Сулейману Великолепному (правил с 20 сентября 1520 г. по 6/7 сентября 1566 г.).

[11] Мехмед-Гирей [точнее: Мухаммед-Гирей. – *Д.М.*] правил с 921 по 929 г.х. / 1515–1523 гг. Он был сыном *калги* (наследника) Менгли-Гирея I и стал крымским ханом после смерти своего отца. В 1523 г., со своим братом [сыном. – *И.З.*] и *калгой* Бахадир-Гиреем [Бахадур-Гирей. – *Д.М.*], он был убит ногаями в тот момент, когда возвращался в Крым из похода на Астрахань [подробнее об убийстве Мухаммед-Гирея в Астрахани см.: *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. 2-е изд. – *И.З.*].

У Мехмед-Гирея I было два сына, Гази-Гирей I и Ислам-Гирей I. Гази-Гирей правил лишь очень короткое время после смерти своего отца. В 1523–24 гг. народное возмущение привело к его свержению. На место Гази-Гирея был назначен его дядя Саадет-Гирей.

Ислам-Гирей I, автор данного послания, отказался признать Саадет-Гирея, и ему удалось в итоге его устранить. В мае-сентябре 1532 г. он занял трон ханства, но, испугавшись своих действий, направил в Османскую Порту послание с просьбой об отставке. Помилованный падишахом, он был назначен *калгой* нового хана, Сахиб-Гирея I. Однако очень скоро разгорелся конфликт между двумя принцами. Побежденный и вынужденный оставаться в Оре (Перекоп), Ислам-Гирей был убит в 1537 г. мирзой Бакы (см.: *Uzunçarşılı I.H.* Osmanlı Tarihi. II. S. 424–425; и статья «Ислам-Гирей I» в *Islam Ansiklopedisi)*.

[12] Гиреи – название династии, правившей в Крыму с середины XIV в. до конца ханства в 1783 г. По мнению Дьюлы Немета (Nemeth Gyula), слово Гирей происходит от тюркского *kar* «гигант», «могущественное существо». Гирей может быть также искаженное от *kerey* уменьшительного от *ker* (*Bala M.* Giray // Islam Ansiklopedisi*)*; И.Х.Узунчаршылы (*Uzunçarsılı I.H.* Op. cit.) дает для слова *giray* или *kiray* (ibid. II. S. 411), обозначение «сильное существо», «гигант».

[13] Саадет-Гирей (май 1524 — май 1532 гг.), сын Менгли-Гирея I. После его изгнания из Крыма, он до своей смерти жил в Стамбуле.

[14] Сахиб-Гирей I (1532–1551 гг.), третий сын Менгли-Гирея I. В 1518 г., после смерти его дяди по материнской линии казанского хана Мухаммед-Эмина (брата Нур-Девлет, матери Сахиб-Гирея), Сахиб-Гирей был назначен антирусской партией казанским ханом, но не мог занять этот пост до 1521 г. [Казанский хан Мухаммед-Эмин не был братом матери Сахиб-Гирея, а являлся сводным братом самого Сахиб-Гирея. Нур-Давлет приходился Сахиб-Гирею родным братом. Матерью Мухаммед-Эмина была дочь беклерибека Тимура б. Мухаммеда вышла в 1486 г. замуж за Менгли-Гирея, отца Сахиб-Гирея и стала его мачехой. Имя матери Сахиб-Гирея нам не известно. – *Д.М.*]. В 1521 г. Сахиб-Гирей и его брат крымский хан Мехмед-Гирей, предприняли большой поход на Москву. Они разорили окрестности столицы и сожгли предместья. В 1524 г., оставив казанский трон своему племяннику Сафа-Гирею, Сахиб-Гирей отправился в Стамбул. В сентябре 1532 г. он был назначен крымским ханом, а Ислам-Гирей его калгой. В 1551 г. Сахиб-Гирей был убит, как и его дети, в Тамани, при возвращении из кавказской кампании. Заговор был организован беем Кафы Касимом-пашой (см. *Uzunçarşılı I.H.* Op. cit. II. S. 424–425).

всех моих сил я буду служить стране, которая станет образцом для всего мира. Не знаю, будет ли мне доверено ханство, в любом случае я останусь добрым и верным подчиненным моего Счастливого Падишаха.

Таковы причины упадка и ослабления нашей страны. Вот теперь наша просьба, отвечающая пожеланиям целого народа и всех его правителей:

Да предоставят нам милость и назначат ханом моего дядю Саадет-Гирея, так как нам невозможно оставаться под властью хана Сахиб-Гирея. Причина этому была много раз изложена вашему Великому Двору. Это не будет возможно, даже если соединятся два мира.

Если бы мой дядя Саадет-Гирей был бы назначен ханом, ваш слуга, не надеясь более на получение ханства, покинул бы эту страну. Я прекратил бы все притязания и воздержался бы от причинения беспокойств[15]. Если наш Счастливый Падишах этого захочет, я отправлюсь в Эждерхан [Астрахань][16], неся знамя; если я стал бы его ханом, я заставил бы произнести *хутбу*[17] во имя нашего Падишаха и сделал бы эту страну богатой и процветающей. Тогда все увидят, как я могу служить, будь то против кызылбаша[18], будь то против любого правителя – врага религии и Османской Империи, против которого мне прикажут сражаться.

Если же проявляя непокорность, я не сдержу своих обещаний, и мое слово не будет вызывать доверие, пусть я буду считаться врагом Аллаха и его Пророка – да защитит меня от этого Аллах – и пусть я буду наказан. Если Саадет-Гирей будет назначен ханом, я не откажусь от своего обещания. Да будут свидетелями Аллах и Пророк его!

---

[15] Автор, возможно, Ислам-Гирей, ранее враждебно настроенный по отношению к своему дяде Саадет-Гирею, затем по отношению к Сахиб-Гирею, теперь предпочитает первого. Послание написано через несколько лет после назначения Сахиб-Гирея в 1532 г. [ханом в Крыму], и до смерти Ислам-Гирея в 1537 г.

[16] Астраханское ханство, одно из трех ханств, выделившихся из Золотой Орды, было основано в 1466 г. ханом Касимом, потомком хана Кючюк-Мухаммеда. Упадок ханства начинается в 1502 г. с (после, вследствие?) нападением Менгли-Гирея. На троне атакованного извне крымцами и ногаями и ослабленного внутренним соперничеством Астраханского ханства сменялись ханы без власти и авторитета. В период, когда было написано данное послание (1534–1537 гг.), трон занимал Абдул-Рахман хан (1534–1538 гг.), союзник русских [подробнее см. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004. – *И.З.*].

[17] [Хутба –] проповедь, один из атрибутов верховной власти. [Хутба – проповедь, обязательная при проведении коллективных праздничных и пятничных молитв. По традиции включает в себя воспитательно-назидательную часть и молитву за всех мусульман. В пятницу проповедь должна предшествовать молитве, в другие дни – следовать за ней. Хутба в средние века читалась в честь правителей. См.: Исламский энциклопедический словарь / Текст А.Али-заде. М., 2007. С. 361. – *Д.М.*].

[18] Кызылбаши – сефевиды. Война против Ирана началась в начале 1534 г., закончилась в 1535 г.

Вся эта страна принадлежит нашему Счастливому Падишаху. Да смогут к ней присоединиться и другие страны. Однако при жизни[19] ваш покорный слуга не уедет никуда, пока Сахиб-Гирей будет ханом этой страны, из-за его интриг, длящихся уже давно, и враждебности, царящей между нами.

Я надеюсь, что Счастливый Падишах сжалится над бедными и над населением этой страны.

Мы поручили нашему посланнику в вашей Великой Порте Шейх-заде Шабану передать вам устный отчет, заслуживающий вашего внимательного изучения.

Решение за вашим Счастливым Двором.

TSMA, E. 2365[20]

II

Послание, направленное падишаху (Сулейману Великолепному) сановником Крымского ханства

Вот просьба от вашего смиренного слуги вашему Счастливому и Высокому Двору:

Предыдущий доклад, направленный вашим покорным слугой вашему Высочайшему Двору, был благополучно туда доставлен. Вы нам послали священный приказ, изложенный следующим образом:

«Вот мой священный приказ: Я назначил Сахиб-Гирея ханом, а Ислам-Гирея[21] калгой[22]. Пусть каждый из вас вернется к себе и остается там как раньше,

---

[19] Т.е. покуда жив – *Д.М.*

[20] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 83–89. – *И.М.*

[21] Назначение Сахиб-Гирея на трон Крымского ханства имело место в сентябре 1532 г. Оно положило конец периоду смуты, возникшей из-за вражды между Ислам-Гиреем и Саадет-Гиреем (см. выше, примечания). В этом документе говорится, что Сафа-Гирей отправился в Казань. Это произошло в конце 1533 г., когда он стал казанским ханом во второй раз. Вследствие этого, данное послание должно быть датировано концом 1533 г. или началом 1534 г. [Сафа-Гирей был приглашен в Казань после убийства в сентябре 1536 г. хана Джан-Али, посаженного на казанский престол весной 1532 г. Следовательно, послание было составлено не ранее сентября 1536 г. – *Д.М.*].

[22] Калга в Крыму – титул принца-наследника, «дофина». Этот институт власти существовал и вне Крыма. В.Д. Смирнов сообщает, что титул калга существовал уже у Шайбанидов Бухары. Был также калга в клане Ширин и даже в клане Мангыт (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 354). Однако отмеченные *калги* не обладали могуществом крымских.

Происхождение этого слова известно. Однажды, Менгли-Гирея, готовящегося к походу против «неверных», спросили: «Кого вы назначите для защиты Крымской страны?» и он ответил на своем татарском наречии: «*Oğlum Mehmed Giray qalgha!*» вместо «*Oğlum Mehmed Giray kalsın!*» (Пусть останется мой сын Мехмед-Гирей!) (*Смирнов В.Д.*

пусть хан и Ислам Султан положат конец холоду, царящему между ними, пусть они помирятся и прекратят возмущение. Займитесь поддержанием порядка и служением стране, готовьте походы и отправляйтесь на священную войну».

Мы не нарушали ваши приказы, пока это было возможно. Мы провели реформы. Среди тех, кто ввергает страну в волнение, Сафа-Гирей-султан[23], Селим-Шах-бей[24], Токалды-мирза и Багырган[25], убийца ширина Юнус-бея, находившиеся при Ислам султане, покинули его. Сафа-Гирей-султан отправился в Казань[26]. Виновные в беспокойствах, Багырган, Селим-Шах и Токалды, примкнули к хану Сахиб-Гирею. Они остаются рядом с Его Величеством ханом и устраивают беспорядки.

Они не только отказываются исполнять ваши императорские приказы и абсолютно не учитывают наши слова, но они еще и разжигают волнения в стране.

Указ. соч., с. 353; а также *Pakalın Mehmet Zeki.* Osmanlı tarih deyimleri ve terimleri sözlüğü, II, с. 150–151).

Мехмед-Гирей [Мухаммед-Гирей. – *Д.М.*] заменил своего отца до его возвращения. По возвращении в Крым Менгли-Гирей не захотел лишать своего сына титула и должности. Начиная с этого периода, этот институт власти был учрежден в Крыму. Калга заседал в Ак-Месджиде [нынешний Симферополь. – *И.З.*], откуда он управлял регионом Карасу на севере Крыма. Позднее османские государи взяли в привычку направлять ему императорские послания, чтобы утвердить их в качестве наследников; см. *Halim Giray.* Gülbün-ü Hanan *(см. выше)*, S. 11. [О происхождении термина см. также: *Matuz J.* Qalga // Turcica. Revue d'Etudes Turques. Tome II. Paris, 1970; *Abrahamowicz* Z. Qaġalġa ~ qaġalqa ~ qaġ'lġa ~ qalġa etc. A Mongol Title in Turkic Khanates // Annali. Vol. 46. Fasc. 3. Napoli, 1986. P. 419–431. – *И.З.*].

[23] Сафа-Гирей, сын Мехмед-Гирея, внук Менгли-Гирея I (а не сын Фатих-Гирея, как сказано в Советской исторической энциклопедии, XII, с. 579, ст. «Сафа-Гирей») три раза был казанским ханом: 1) в 1524–1531 гг.; 2) конец 1533–1546 гг.; 3) 1546–1549 гг. (умер в возрасте 42 лет). Первым назначением он обязан своему дяде Сахиб-Гирею, являвшемуся тогда ханом в Казани, который покинул Поволжье, чтобы уехать в Стамбул. Последующие назначения и смещения объясняются русско-крымским соперничеством в Казани. [На самом деле в СИЭ приведены верные данные: Сафа все-таки был сыном Фатх (Фетх)-Гирея, а не Мухаммед-Гирея. – *И.З.*].

[24] В *Тарих-и Сахиб-Гирай хан* (см. выше) (Bibliothèque Nationale, fol. 32b, 1 строка), имя бея Селим-Шаха встречается среди беев, участвовавших в походе на Россию.

[25] Во французском переводе это имя транскрибировано как *Bağirgan* (Баджирган?). В оригинале: باغرغان (т.е. Багырган). – *И.М.*

[26] В Казани мужская линия потомков хана Мухаммеда [Улуг-Мухаммеда. – *Д.М.*], основателя ханства, прервалась в 1518 г. со смертью хана Мухаммед-Эмина. Сахиб-Гирей был сыном Менгли-Гирея I и его жены Нур-Девлет, сестры Мухаммед-Эмина, последнего казанского хана [В данном случае под последним казанским ханом имеется в виду последний хан из рода Улуг-Мухаммеда. А действительно последним ханом был Ядгар-Мухаммед б. Касым. См. также наше примечание к сноске №7. – *Д.М.*]. Русские отказались признать восшествие на престол Сахиб-Гирея и в 1520-е гг. разгорелся большой конфликт, который длился до падения ханства, противопоставляя ханов крымской линии ханам из линии Касимова – причем, последние получали поддержку со стороны русских.

Они дают прибежище бунтарям и нечестивцам, которых вооружают. Страна и население, ненавидящие все недозволенное и несправедливое, страдают от всего этого. Народ нашей страны не может больше терпеть такое положение.

Мой Счастливый Падишах! Да превратит Всевышний Аллах один твой день в тысячу дней! Во времена наших отцов и предков, порядок и безопасность царили в нашей стране. Для увеличения славы Монарха (*Hüdavendigar)* проводились походы [27]. Ханы действовали согласно древним и традиционным обычаям. Их подданные были спокойными и процветающими; они были заняты ведением священной войны, и наша страна была наполнена рабами. Нынешние ханы действуют против законов своих предков, они вводят в стране недозволенные новшества и совершают неразумные действия. В течение тринадцати лет[28], пока наша страна пребывает в беспорядке, опустошенная волнениями и коррупцией, не осталось ни одного из наших беев и мирз; все они были казнены. Народ разграблен и не может осуществлять походы для того, чтобы приводить рабов, и не может оставаться на месте и возделывать земли. Наша страна разорена и ущерб, нанесенный *mukataa*[29] нашего Счастливого Падишаха, бесконечен. Ваш смиренный слуга тоже претерпел много несправедливостей и жестокостей.

Отныне примирение между Его Величеством ханом и Ислам-султаном невозможно. Наше положение ухудшилось.

Одним словом, вот пожелание, которое Ваш покорный слуга и с ним все население страны представляют счастливому Монарху (*Hüdavendigar).*

Окажите нам милость и назначьте хана, который соблюдал бы обычаи и традиции прошлого, чтобы наша страна вновь стала многонаселенной и просвещенной. Пока нынешний хан, Сахиб-Гирей, будет оставаться у власти, никакое улучшение положения в нашей стране невозможно, и Его Величество Падишах, покровитель мира, будет за это ответственен. Решение доверено Вам и зависит от приказов вашего Счастливого Двора.

TSMA, E. 1308/3[30]

---

[27] *Hüdavendigar* – «монарх», «суверен». Этот титул применялся, как правило, только к государям Османской Империи, в то время как другие титулы «падишах», «султан», более или менее равнозначные, использовались также применительно к ханам, и даже к крымским принцам.

[28] «Тринадцать лет назад». Эта фраза указывает на положение Крыма после 1520–1521 гг., когда началось военное противостояние между Крымом и Московией за господство над Казанским ханством. Борьба за владение Астраханским ханством, проблема наследников хана Мехмед-Гирея I [Мухаммед-Гирей I. – *Д.М.*] в 1523 г.; соперничество между его сыновьями Гази-Гиреем и Ислам-Гиреем и его братьями Саадет-Гиреем и Сахиб-Гиреем, бунты Ислам-Гирея против его дядей, все это выпадает на данный период.

[29] *Mukataa* – «арендная плата». [В самом общем смысле *мукатаа* – налог как таковой; в узком смысле слова – любой вид собственности, доход от которого отдается казной на откуп. – *И.З.*].

[30] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 74–82. – *И.М.*

Послесловие

Ниже даются некоторые дополнения к статье. Подробнее см.: Зайцев И.В. Ad Fontes. Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // Тюркологический сборник. 2003–2004. М., 2005.

Сочинение Реммаля Ходжи «Тарих-и Сахиб-Гирай-хан», о котором упоминает О.Гёкбильгин, в действительности представлено шестью списками. Старейший (1651 г.) хранится в Национальной библиотеке Франции (BNF. Supplèment Turc № 61). Второй по старшинству – список Отдела рукописей Восточного факультета СПбГУ (MS. 0 488) (см.: Некрасов А.М. О перспективах создания базы данных по генеалогии крымской аристократии XV–XVI вв. // Базы данных по истории Евразии в Средние века. Вып. 4–5. М., 1997, с. 95). Еще четыре списка XVIII–XIX вв. хранятся в ОР СПбФ ИВ РАН (см.: Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т.I. История. М., 1965, с. 124–126 (№ 117–119)). Ряд данных о сочинении Реммаля Ходжи дает В.Д.Смирнов (Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. XII, 414–425). Одним из первых к сведениям Реммаля Ходжи обратился Ф.Хартахай (Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар (статья вторая) // Вестник Европы. Т.II. Июнь. СПб., 1867. С. 157, 158).

Выдающийся отечественный тюрколог В.Д.Смирнов подготовил русский перевод этого сочинения, который, однако, не увидел свет (см.: Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 50 (Василий Дмитриевич Смирнов), оп. 1, ед. хр. 114, «Повествование о событиях царствования Сахиб-Гирея, хана крымского»). В.Д.Смирнов пользовался двумя старейшими списками произведения: Санкт-Петербургской рукописью, с которой был выполнен первый вариант перевода (начат 31 октября 1881 г.), а также фотокопией Парижского манускрипта, которая также хранится в фонде ученого в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (там же, ед. хр.11). Первый вариант работы подвергся затем существенной правке по Парижской рукописи. В.Д.Смирнов много работал над этим сочинением: наблюдения над текстом были сведены им в небольшую работу «Отметки, касающиеся языка, орфографии и неясностей в турецком сочинении под заглавием "Tāvārihe Vakiāte Sahib Girei-han" Раммаль-Ходжи» (там же, ед. хр. 68). Ввиду высокого качества и художественных достоинств перевода В.Д.Смирнова, она заслуживает издания[31]. Сводный текст двух старейших рукописей (с прило-

[31] В.Д.Смирнов в 1919 г., по всей видимости, предлагал свой перевод для издания в горьковской «Всемирной литературе», причем текст критиковался самим А.М.Горьким «главным образом, в смысле стиля и выражений». Об этом сохранилась запись в дневнике И.Ю.Крачковского (см. *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994. С. 175). К печати рукопись перевода В.Д.Смирнов подготовил еще в 1912 г. (см. *Смирнов В.Д.* Турецко-османские сказки // Тюркологический сборник 1973. М., 1975, с. 264). – *И.З.*

жением французского перевода XVIII в.) был опубликован автором публикуемой статьи О.Гёкбильгином [Tarih-i Sahib, 1973][32].

Как предполагал А.М.Некрасов (Некрасов, Указ. соч. с. 96), с последним сочинением сходны два списка – киевский (РО ЦНБ НАН Украины, У 3804) и парижский (Suppl. Turc. № 515). Однако мне кажется, что парижский список (и, возможно, киевский) – самостоятельное сочинение (а, может быть, даже два произведения). То, что парижский список не есть только редакция «Семи планет», а во многих местах противоречит Ризе и содержит еще сокращение истории крымских ханов с 880 / 1475 г. по 1198 / 1784 г., в то время как сочинение Ризы оканчивается 1150 / 1737 г., показал еще М.Казем-Бек [Казем-Бек М.А. Сравнительные извлечения из разных писателей, относящиеся к истории Семи планет // ЖМНП. 1835 г. Ч.6. №6. СПб., 1835. С. 12]. К числу списков, сходных с парижским, следует отнести феодосийский список И.И.Граперона, сведения о котором имеются у П.Кёппена (Кёппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837 (Крымский Сборник). С. 288) и настоящая судьба которого мне неизвестна (возможно, он тождествен киевскому списку?). – *И.З.*

[32] См. также: *Остапчук В.* Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 391–421. – *И.З.*

Александр Беннигсен
Шанталь Лемерсье-Келькеже

Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованному документу из Османского архива*

В течение периода, продолжавшегося сто восемнадцать лет с прихода к власти Менгли-Гирея в 1479 г. и до смерти Гази-Гирея II в 1597 г., Крымское ханство представляло собой грозную державу, военная мощь которой имела большой вес на военно-дипломатической арене Восточной Европы.

В 1606 г., когда эта держава уже переживала упадок, компетентный наблюдатель – папский нунций в Польше господин Рангони всё ещё мог сказать без особого преувеличения: «Победить крымских татар – это вырвать у Османской Порты два её крыла и правое плечо»[1].

Однако в истории ханства имеется период интереснее всех прочих. Он соответствует времени правления Мухаммед-Гирея I (1515–1523) – периода короткого, малоизученного, но ключевого для истории всей Восточной Европы. Его объективное изучение позволило бы исправить многочисленные ошибки, которые дезориентируют исторические исследования, касающиеся татарского [=Крымского] ханства, со времени выхода крупного труда В.Д.Смирнова[2]. К числу таких заблуждений относится классический «османоцентризм» – точка зрения, заключающаяся в том, чтобы усматривать в Крымском ханстве лишь колониально-зависимую территорию Османской империи, где институты и идеология власти, а также политика были лишь несовершенным и грубым отображением таковых Блистательной Порты.

---

* *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: de la tradition mongole a la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // CMRS. T. 13 (1972). № 3. P. 321–337.*

[1] Рангони, информировавший царевича Дмитрия («Самозванца») о проектах крестового похода против Османской империи и побуждавший его напасть на ханство, в *Актах западной России*, IV, док. 165, процитирован А.А.Новосельским (Борьба Московского государства с татарами в [первой половине] XVII в. М.; Л., 1949. С. 49. [У Новосельского: «[...] отнять у Оттоманской Порты крылья и как бы правое плечо». – *Д.М.*].

[2] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887; *он же*. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

В действительности дело обстояло совсем не так. Зарождение и развитие ханства до XVI в. было обусловлено многочисленными факторами, среди которых османский не был ни первым, ни даже самым значительным.

Правление Мухаммед-Гирея I и его непосредственных преемников, Саадет-Гирея (1524–1532) и Сахиб-Гирея (1532–1551) были переходной эпохой от древнего ханства, кочевнического государства, наследника монгольской традиции чингизидской империи и Золотой Орды, к государству полуоседлому, являющемуся протеже и вассалом Османской империи.

В этих двух формациях почти всё было разным: структура государства, система управления, а также экономическая база и внешняя политика.

В конце XV в. в ханстве обнаруживается ещё традиционное двоевластие: хан–аристократия, характерное для всех государств-наследников *Улуса Бату*; управление в них – как прежде в Золотой Орде – осуществлялось *огланами*, избранными из представителей нескольких именитых кланов; экономика по-прежнему была основана на кочевом скотоводстве; наконец, наиболее могущественное ханство из наследников Золотой Орды всё ещё сохраняло притязания на военно-политическое первенство в Восточной Европе и вело независимую политику, иногда даже идущую вразрез с политикой Османской империи.

Историками пока ещё не предпринималось изучение правления Мухаммед-Гирея I, его попыток ослабить османскую опеку и окончательного краха этих попыток. Не имеется исчерпывающей монографии, посвящённой исключительно этому времени правления, за исключением великолепной статьи советского историка В.Е.Сыроечковского[3]. Исследователи, изучавшие время правления Мухаммед-Гирея, в основном довольствовались использованием весьма недостоверных сведений русских или османских хроник. Существует весьма малое количество оригинальных документов. В.Вельяминов-Зернов приводит только один из них[4]. Османский архив не располагает ни одним из них, архив Музея дворца «Топкапы» – только двумя. Наиболее важным документом является послание хана султану Сулейману – недавно он был переведён и опубликован нами в этом журнале[5]. Второй документ, на первый взгляд, более скромный, факсимиле и перевод которого мы приводим ниже, является, возможно,

---

[3] *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед Герай и его вассалы // Учёные записки МГУ. Сер. История, [Вып.]61, [Т.]II, 1940. С. 3–71 (на основе документов из русских архивов).

[4] *Вельяминов-Зернов В.[В.]* Материалы для истории Крымского ханства, извлечённые из Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1864. С. 2–5, татарский текст без перевода.

[5] *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les khanats de Kazan et de Crimee face a la Moscovie en 1521 // CMRS. T. 12 (1971). № 4. P. 480–490, введение, факсимиле и перевод док. E. 1301.

ещё более интересным, так как он показывает механизм, который превратил чингизидское ханство в вассала Порты[6].

I. – Крымское ханство и наследие Золотой Орды

В течение XV в. в истории ханства доминировала проблема отношений Гиреев с их двоюродными братьями, ханами Золотой Орды, а после 1480 г. – с ханами сменившей её Большой Орды. Много раз волжские чингизиды завоёвывали Крым, чтобы посадить там своих претендентов на власть[7]. Чтобы пережить этот конфликт, угрожавший самому существованию молодого государства, Гиреи были вынуждены искать союзников. Они практически не могли рассчитывать на Османскую империю, весьма далёкую и безразличную, и попросили помощи у соседних христианских держав; сначала, при Хаджи-Гирее, они обратились к Польско-Литовскому княжеству, затем, с 1480 по 1515 гг. – к Московскому княжеству.

Крымское ханство окрепло лишь в 1502 г., когда хан Менгли-Гирей, в союзе с великим князем Иваном III, разрушил Сарай. Большая Орда была окончательно разбита, и с ней навсегда исчезла проблема господства волжских чингизидов над крымскими. С этого времени Гиреи становятся вождями своих двоюродных братьев, правящих в других государствах, деля между собой бывший *Улус* Бату: Казань, Касимов, Астрахань и Тюмень в Сибири. Но союз между Крымом и Московией, который обеспечил развал Великой Орды, продлился ещё около десяти лет вплоть до смерти Менгли-Гирея.

Ему [союзу] положило конец восхождение на крымский престол Мухаммед-Гирея I. В 1515 г. между Крымом и Московией вспыхнул затяжной конфликт из-за территорий бывшего *Улуса* Бату, ключевыми моментами в котором стала борьба за Казанское и Астраханское ханства. Он полностью завершился в 1593 г. победой Московии. Вопреки тому, что утверждается большинством русских дореволюционных и советских историков[8], Османская империя не приняла никакого участия в этой борьбе. Собирание[9] монгольского наследия в Восточной Европе её крымским вассалом оставляло равнодушной Блистательную Порту. Никакой фундаментальный конфликт ещё не сталкивал её с далёкой Московией, источником дорогих мехов, основным потребителем которых была Порта.

До конца XVI в. в османской стратегии в Восточной Европе будет доминировать одна цель: поддержание свободы сообщения по крупному военно-торговому пути Запад-Восток, соединявшему её владения на Дунае с Дагестаном и Центральной Азией. Этот путь, с одной стороны, позволял обогнуть с севера иранские рубежи на Кавказе, с другой – обеспечивал обмен с Туркестаном, «Тюрк Эли» – родиной тюрков, очагом воинствующих кочевых кланов, живых сил, необходимых Османской империи в её завоевательной политике в Европе.

Конфликт начался с крымского наступления. В 1521 г., пока султан Сулейман завоёвывал Венгрию и нападал на Польшу, союзника ханства, Мухаммед-Гирей I выступил против Московии, возведя своего брата Сахиб-Гирея на казанский трон[10].

В 1523 г. Мухаммед-Гирей пожелал завершить воссоединение чингизидских владений, напав на Астрахань. Документ, перевод которого мы здесь приводим, был составлен незадолго до начала крымского похода.

Победа татар казалась в то время полной. Но это был недолгий триумф. Поход Мухаммед-Гирея закончился крахом, а Московия быстро взяла верх, противопоставив набегам татарской кавалерии медленное, но систематическое продвижение своей пехоты. Ничто, и даже крупный поход Сахиб-Гирея против Московии в 1541 г., не смогло остановить русского продвижения. Казань пала в 1552 г., Астрахань – в 1556 г., и в этот же самый год московские войска появляются в низовьях Дона, Днепра и предгорьях Кавказа, угрожая самому существованию Крымского ханства.

Однако борьба ханства против Московии за восстановление [татарской власти] в Казани и Астрахани не могла закончиться в 1556 г. В течение более чем тридцати лет Гиреи ещё будут пытаться вырвать у московитов татарские земли в Среднем и Нижнем Поволжье.

Татарское наступление на Московию достигло своего апогея в период между 1568 и 1574 гг. Походы, руководимые лично ханом или его сыновьями принцами, часто сопровождаемые ногайскими кланами, год за годом сменяли друг друга, достигнув кульминационной точки в 1571 г., когда Девлет-Гирей разрушил Москву. Это стало самым крупным поражением, которое Московия потерпела со времён монголов.

Вопреки утверждениям некоторых русских и советских историков, в частности, Новосельского, который считает, что «Девлет-Гирей был втянут в войну с Россией турецким правительством и татарскими феодалами»[11], этот крупный

---

[6] Архив Музея дворца «Топкапы» (далее – TSMA), док. E. 6474 в 18 строк, на старо-османском языке, без даты и подписи, с тремя трудно читаемыми оттисками печатей в нижней части документа.

[7] В первый раз Крым был захвачен войском Золотой Орды во время правления на полуострове Хаджи-Гирея, основателя династии [Гиреев], между 1456 и 1465 г.г., затем в 1475 г. и, по всей видимости, вновь в 1476 г.

[8] См., например: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. I. С. 87: «Российскому государству удалось обойти Турцию и аннексировать Казанское и Астраханское ханства прежде, чем это сделал бы султан». [В оригинале цитата такова: «…Русское государство сумело опередить Турцию и присоединило Казанское и Астраханское ханства раньше, чем смог это выполнить султан». – *Д.М.*].

[9] Авторы употребили здесь русское слово *собирание* в латинской транскрипции. – *И.З.*

[10] См.: TSMA, E. 1301.

[11] *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 26. [У Новосельского: «Крымские феодалы и турецкое правительство навязали ему план войны с Московским государством». – *Д.М.*].

поход совершенно не составлял часть военной стратегии Османской Порты, в то время занятой исключительно конфликтом с сефевидским Ираном. Это было чисто татарским делом и Новосельский, сам корректируя своё суждение, пишет: «Крымцы считали себя главами всех татарских *улусов*, которые всё ещё сохраняли свою независимость или которые, недавно потеряв её, мечтали её вернуть»[12].

После победоносного похода 1571 г. Девлет-Гирей гордо потребовал от царя восстановления Казанского и Астраханского *юртов*. Ввиду увиливаний Ивана, он захотел довести свой триумф до конца, но второй крупный поход против Москвы, который он начал в августе 1572 г., завершился серьёзным поражением.

В течение ещё около двадцати лет крымцы продолжали совершать набеги на русские земли (в 1573, 1574, 1576, 1581, 1587 гг.). Как правило, они были сопряжены с восстаниями волжских татар и черемисов, но возможность восстановить династию Чингиза в Казани была потеряна навсегда. Последняя серьёзная попытка татар одолеть своего московитского противника относится к 1591 г., когда Гази-Гирей II «Буря» предпринял последний крупный татарский поход против Москвы. Он закончился кровавым поражением. Двумя годами позже хан подписал мирный договор с царём Фёдором. Борьба за золотоордынское наследие завершилась победой Московии.

В XVII в. Крымское ханство, окончательно оставившее все свои претензии на Казань и Астрахань, представляло последний отголосок чингизидской Империи. Оно являлось лишь одним из по-прежнему грозных, но географически ограниченных государств Восточной Европы, которые всё больше и больше ощущали на себе османское давление.

*

Османская империя осталась безразличной к падению Казани в 1552 г. Мы не обнаружили в османских архивах ни одного документа, доказывающего, что Порта увидела в падении далёкого татарского ханства посягательство на свой престиж или что она содействовала усиленным попыткам крымчан его отвоевать.

В 1556 г. Крымское ханство следило за разгромом Астраханского ханства, своего бывшего соперника, с позиций безразличного наблюдателя. Напротив, Блистательная Порта увидела в установлении московитского заслона на Нижней Волге реальную угрозу для её сношений с Туркестаном. Следует, однако, категорически отбросить высказанную некоторыми советскими историками мысль о том, что османская попытка отвоевать Астрахань в 1569 г. была подготовкой

[12] Там же. С. 27. [У Новосельского: «Крымцы чувствовали себя как бы руководителями всех татарских улусов, сохранивших независимость или недавно ее утративших, но мечтавших о ее восстановлении». – *Д.М.*].

мусульманского «контрнаступления» на Московию ввиду того, что султан являлся лидером всего ислама[13]. Только Османская Порта и её союзники, узбеки-шайбаниды Бухары, были заинтересованы в завоевании Астрахани, однако не с тем, чтобы восстановить ханство, но чтобы вновь открыть торговый путь между Османской империей и Центральной Азией. Тем не менее, мотивы, которыми руководствовались туркестанцы и турки, были различными. Для первых связь с Османской империей была необходима для того, чтобы избежать полной изоляции, в которой их держали шииты-Сефевиды. Для вторых речь в основном шла о том, чтобы обогнуть с севера их наиболее опасного соперника, Иранскую империю Сефевидов.

Что касается Крымского ханства, то оно не было заинтересовано ни в восстановлении политико-экономических отношений с Туркестаном, ни в войне против Ирана. В 1569 г. хан Девлет-Гирей во главе своих войск сопровождал османскую армию в походе против Астрахани, но делал это против своей воли и с такой очевидной неохотой, что османские хроники той эпохи обвиняют его в провале экспедиции. Он якобы заявил, что в случае успеха турков «сам Крым не останется в наших руках» (*Qïrïm daha elimizde qalmaz*) [У Смирнова: «Этакъ и Крымъ не останется в нашихъ рукахъ»][14].

II. – [Крымское] ханство и проблема османского господства

До того, как османы укрепились на крымском побережье в 1475 г., Гиреи правили как независимые государи. В октябре 1469 г. хан Менгли-Гирей ещё позволял себе называть Мехмеда II «моим братом» и жаловался на османское нападение против его союзников – генуэзцев Кафы[15]. Татары не просили и, вероятно, не желали завоевания итальянских колоний.

После завоевания Кафы и готского владения Мангуп (Menküp), османский падишах утвердился как сюзерен крымских чингизидов. Претензия на это была выражена сразу после взятия Кафы в июне 1475 г. в *фетхнаме* Мехмеда II, адресованном, по всей видимости, Узун Хасану, правителю Ак-Коюнлу: «…некоторые татарские правители [...], лицезрев могущество и господство наших победоносных войск, поняли, что если они сойдут с пути подчинения и повиновения, судьба их будет *подобной судьбе тех, кто непосредственно им предшествовал – они вкусили зловредность своих дел и им – мучительное наказание*[16]. Тогда, эти люди, укрыв свои спины покровом послушания и вставив в ухо кольцо повино-

[13] См., например: *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944. С. 5–6, 9, 97.

[14] *Aali Efendi.* Künh ül-Akhbâr, II, s. 195; процитировано В.Д.Смирновым (Крымское ханство... до начала XVIII в. С. 433).

[15] Письмо Менгли-Гирея султану Мехмеду II, датированное 18 *раби II* 874/ 25 октября 1469 (TSMA, E. 11.776/1).

[16] Коран, LIX, 15 (выделено нами). (Процитировано по переводу Корана, выполненного И.Ю.Крачковским, М.: Наука, 1990. С. 452. – *Прим. переводчика*).

вения, составили акт о подчинении и удостоились чести быть включенными в число тех, кто подчиняется нашему Порогу – прибежищу мира…»[17].

Это гордое притязание на деле не соответствовало реальности, так как османское господство навязывалось чингизидской династии весьма постепенно и много раз встречало сильное сопротивление татарских государей.

В 1582 г. османские владения в Крыму были объединены в один *эялет* с одним *бейлербеем* во главе, располагающимся в Кафе. В *эялет* входило почти всё южное побережье полуострова. Османские гарнизоны под непосредственным командованием *бейлербея* располагались в Кыл-Буруне, Озю, Керчи, Йени-Кале, Оре, Тамани, Темрюке и Согуджаке. Таким образом, территория татарского ханства была крепко окружена оборонительной полосой турецких крепостей. Имперское влияние на северных берегах Чёрного моря было, кроме прочего, усилено оккупацией территории Буджака и расположением крупных османских гарнизонов в крепостях Аккерман и Бендеры.

Вопреки свидетельствам некоторых иностранных наблюдателей, «узы вассальной зависимости» между ханом и падишахом не были, по-видимому, определены формальным соглашением. В XV и XVI вв. ханы сохраняли всю полноту власти в сфере внутреннего гражданского и военного управления их государством. Они только признали османского падишаха верховным сюзереном, что давало ему право, впрочем, весьма формальное, потребовать от них присоединиться во главе татарских армий к великой имперской армии. В XV и в начале XVI века чингизидские ханы ещё могли позволить себе категорически отказаться от приглашений Блистательной Порты.

Так, в начале 1476 г. хан Нурдевлет, приглашённый Мехмедом II присоединиться к османской армии в Молдавии, отклонил это приглашение под предлогом нападения на Крым хана Золотой Орды Ахмеда. Он вёл себя, таким образом, не как вассал, а скорее как непостоянный союзник падишаха, более озабоченный своими собственными интересами, чем интересами Османской империи.

В 1521 г. Мухаммед-Гирей также ответил лишь слегка вежливым отказом на приглашение Сулеймана Великолепного присоединиться к османской армии в Венгрии[18].

Узы вассальной зависимости между Крымским ханством и Османской империей давали султану также право на инвеституру: возведение хана на трон и, позже, назначение двух его «дофинов», *калги* и *нуреддина*. Утверждение (*тасдик*) выражалось в отправке новому хану барабана и знамени (*туг*), украшенного пятью конскими хвостами. Однако до 1523 г. – года восхождения на крымский престол Саадет-Гирея – это право также оставалось лишь формальным.

[17] *Фетх-наме* на персидском языке, датированное шестью последними днями месяца *сафара* 880/ 25 июня – 4 июля 1475 г., доводящее до сведения одного или нескольких адресатов новость о взятии города Кафы великим визирем Ахмед Гедик-пашой (TSMA, E. 11.687; перевод этого документа, полный текст которого будет вскоре опубликован EPHE, сделан г-ном Мохаммедом Мокри, научным сотрудником CNRS).

[18] См.: TSMA, E. 1301; Ch. Lemercier-Quelquejay. *Op. cit.*

Менгли-Гирей I, ставший первым татарским государем, возведённым на трон турками после смерти Мехмеда Фатиха, во время правления слабого Баязида II повёл себя не как вассал, а как член османской семьи (его дочери были замужем за *шахзаде*, будущими падишахами Селимом и Сулейманом)[19]. Он властно вмешивался в семейные разногласия, будоражившие дом Османа, выступая судьёй между Баязидом II и его мятежным сыном Селимом, и позволял себе давать османскому суверену и его сыну советы снисходительным тоном[20]. Со своей стороны, Селим уважительно называл его «мой отец» (*бабам*), а казанский хан Мухаммед-Эмин писал ему, без сомнения, с некоторым преувеличением: «твоя власть простирается на турецкого и персидского государей»[21].

Сын Менгли-Гирея, Мухаммед-Гирей I, назначенный на трон своим отцом, обошёлся без инвеституры падишаха и пытался даже окончательно избавиться от османской опеки. Султан Селим I, который испытывал к нему личную неприязнь и считал возможным опасным противником[22], был слишком занят своими

[19] Дочь Менгли-Гирея Айше была женой сначала принца Мехмеда (он был наместником в Кафе), а потом его брата, султана Селима I. Саадет-Гирей был женат на дочери Селима I (оба случая – единственные зафиксированные браки представителей двух этих монарших домов). См. *Alderson A.D.* The Structure of the Ottoman Dinasty. Oxford,1956. P. 88, 94. – *И.З.*

[20] Архив Музея дворца «Топкапы» располагает несколькими письмами Менгли-Гирея Баязиду II (в частности, за 1511 г. См.: TSMA, E. 7159; TSMA, E. 6691/3).

[21] «Над турским осподарем и над азямским осподарем волен еси», процитировано В.Д.Смирновым, Крымское ханство [подъ верховенствомъ Оттоманской порты] до начала XVIII в. [СПб., 1887.] С. 389.

[22] Aali Efendi (Указ. соч. С. 319–320, процитировано В.Д.Смирновым (Крымское ханство [подъ верховенствомъ Отоманской порты] до начала XVIII в. [СПб., 1887.] С. 381–383.), сохранил для нас мнение султана Селима о хане-чингизиде. Ввиду интереса, который представляет этот пассаж, мы приводим ниже основное его содержание: «Однажды ночью его величество Селим-хан приказал вызвать к нему Пири-пашу и задал ему следующий вопрос: «Кто наш самый опасный враг?» «Кызылбаши», ответил Пири-паша, так как в это время шах Исмаил Ардебили получил большую известность, и именно его паша ставил выше всех других врагов. Но падишах не одобрил слов визиря и ответил ему: «Ты лжёшь и ты ошибаешься; больше, чем кого бы то ни было, я боюсь татар, быстрых как утренний ветер, изгоняющих врага [...]». [У Смирнова: «Однажды ночью», пишетъ Аали, «его присутствие Селимъ-ханъ вдругъ потребовалъ къ себе Пири-пашу и задаетъ ему такой вопрос: «Кто самый страшный для насъ врагъ нашъ?» – «Кызылъ-башъ (Так турки называли всегда персов – следует арабица – «красноголовый», по употребительному у них рыжему цвету бараньих шкуръ, изъ которыхъ они делали свои большия шапки – прим. Смирнова), отвечал Пири-паша: въ то время въбольшой известности былъ шахъ Исмаилъ Ардебили, его-то и предпочолъ паша всемъ прочимъ неприятелямъ. Но падишахъ совсем не одобрилъ слов везиря и возразил ему: «Врешь, ты ошибаешься: я больше всего опасаюсь татаръ, быстрыхъ какъ ветеръ охотниковъ на неприятелей…». – *Д.М.*].

походами на Востоке, чтобы напрямую напасть на него.

Документ, перевод которого мы публикуем ниже, свидетельствует о высокой степени независимости, достигнутой ханством в начале XVI в. Авторы послания обвиняли хана даже в том, что он вступил в переговоры с иранскими «еретиками», шиитами-Сефевидами, непримиримыми врагами Османской империи. Это обвинение выглядит не совсем необоснованным, когда становится известной враждебность хана по отношению к его «сюзерену», а также малое значение, которое татары в ту эпоху придавали теологическим тонкостям.

Краткое правление Мухаммед-Гирея I представляет, таким образом, апогей татарской независимости. После него, с восхождением на трон Саадет-Гирея, османское господство будет становиться более весомым, помимо прочего благодаря системе заложников (*рехинлик*), которая позволяла султанам удерживать при дворе «резерв претендентов [на крымский престол]» из чингизидов[23].

[...] Сегодня звук барабана моего могущества достиг небес и блеск моей победы и моей славы на равнине Чалдыран и в поверженном Египте пожрал своим пламенем тысячи династий. Если Крымский хан тоже подчинится моей власти [...], тогда всё будет хорошо, в противном случае всё готово, и поле битвы, и герои сражения, и смельчаки, которые будут сражаться и проливать кровь». [У Смирнова: «Теперъ громъ барабана могущества моего донесся до небесъ; триумфъ победоносности и мужества моего на равнине Чалдыранской и при покорении Египта сжогъ огнемъ не одну тысячу династий. [В оригинале: «Это очевидный анахронизмъ, ибо Чалдыранская битва была в августе 1514 года, а покорение Египта совершилось в 1517 году, когда Менглы-Герая уже не было въ живыхъ. Оба эти знаменательныя события въ жизни султана Селима I упомянуты последующими историками такъ, къ слову, безъ справки съ хронологиею преемственности Крымскихъ хановъ. Въ разсказе историковъ ханъ не названъ по имени, что, вероятно, дало поводъ Гаммеру-Пургшталлю отнести это къ преемнику Менглы-Герая, сыну его Мухаммедъ-Гераю (Gesch. D, Osm. R., II: 527–528). Но что онъ въ данномъ случае ошибается, доказательствомъ служитъ во-первых то, что Сеъадетъ-Герай, котораго султанъ требовалъ къ себе въ заложники, называется въ разсказе турецкихъ историковъ *всегда* сыномъ ханскимъ, Мухаммедъ-Гераю же онъ былъ братъ, а не сынъ; а во-вторыхъ, и у техъ историковъ, и у самого Гаммера Сеъадетъ-Герай упоминается уже в начале 1513 года участвовавшимъ въ окончательномъ поражении султанского брата, принца Ахмеда въ М.Азии (Кюнгу-ль-ахбаръ, Ркп., ч.: л. 327 г.; Солакъ-задэ, 357; Gesch. D, Osm. R., II: 387). Значитъ, ужъ онъ тогда состоялъ на службе у султана, и не было надобности заботиться о какомъ-то новомъ привлечении его»]. Если хан Крымский тоже будетъ повиноваться моей власти, т.е. если онъ, поступивъ въ списокъ пользующихся моею милостию рабовъ моихъ, станетъ есть жалованье из нашей казны и носить наше знамя, и если онъ изъ славныхъ сыновей своихъ доблестнаго сына своего Сеъадетъ-Герая пришлетъ на службу къ нашему августейшему стремени въ качестве заложника, такъ ладно будетъ; если же нетъ, то вотъ ужъ готово и поле войны и арена битвы; вотъ ужъ готовы герои побоища и мужи брани и кровопролития». – *Д.М.*].

[23] Саадет-Гирей был отослан в качестве заложника его отцом Менгли-Гиреем будущему султану Селиму. Молодой принц был красив, «лунолик, щёки его были как лепестки роз, брови дугой, достойный светоч трона и короны Мира» (As-Seb us-Siyyâr fi akhbar-i mulûk-i tâtar / Семь планет в сведениях, касающихся татарских королей, Seyyid Mohammed Riza, процитированный В.Д.Смирновым в «Крымское ханство... до начала XVIII в.», с. 37 [У Смирнова: «А при нем былъ младший сынъ его по имени Сеъадетъ-Герай, умный, разсудительный юноша, смышленый, сведущий, сообразительный, совсемъ еще молодой, розолицый, розовощекий, лукобровый, светочъ приличный трону и короне мира». См. Смирнов В.Д. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 376. – *Д.М.*]), и «сердце султана Селима привязалось к кудрям молодого князя». Любопытно, что глав татарских кланов возмутил особый характер отношений между падишахом, известным своей нетрадиционной сексуальной ориентацией, и молодым принцем-чингизидом. Они сказали Менгли-Гирею: «Неужели мы стали рабами османов? Просьба [Селима] прислать ему в заложники красивого принца, подобного Юсуфу [Иосифу], молодое лицо которого как блистательное зеркало, проистекает из его развратных склонностей. Мы не можем с этим согласиться [...] Неужели он принимает нас за неверных? [...] Пусть принц не едет в Стамбул. Это будет непристойно. Где наша честь и наша гордость? [Султан] ещё не знает Дома Чингиза, если позволяет себе так оскорблять обычаи чингизидов!» (Aali Efendi. Указ. соч.: процитировано В.Д.Смирновым, «Крымское ханство... до начала XVIII в.», с. 383). [У Смирнова: «Но некоторые безтолковые мурзы воспротивились, говоря: «Разве мы слуги османамъ, что ли?!», и начали было затевать бунтъ. А особливо говорили речи въ роде следующихъ: «Его требование въ заложники подобнаго Иосифу праведному, блистающаго зеркаломъ юныхъ ланитъ своихъ красавца-царевича происходитъ, молъ, изъ похотливыхъ намерений: мы на это ни за что не согласны…Что жъ онъ разве равняетъ насъ съ гяурами, коли ставитъ заложничество основаниемъ мира? Ни царевичъ пусть не едетъ къ нему, ни изъ насъ никто не считаетъ это приличнымъ. Куда же девалась наша честь и достоинство, что падишахъ ведетъ подобныя речи?! Онъ еще видно не знаетъ хорошенько рода чингизова, что оскорбляетъ обычаи чингизские! Боже сохрани, чтобы мы сделали потомковъ его рабами того султана!». – *Д.М.*].

Но ни эта практика, обеспечивавшая вмешательство османов во внутренние дела Гиреев, ни присутствие турецких гарнизонов, окружавших ханство, не объясняли, почему и как Блистательной Порте удалось навязать свой авторитет своим склонным к мятежам «вассалам».

Чтобы понять механизм турецкого давления, следует проанализировать традиционную структуру ханства в том виде, в каком она существовала ещё во всей своей чистоте во времена правления Мухаммед-Гирея.

III. – Гиреи и крупные дворянские кланы

Среди классических ошибок, совершённых историками Крыма, самой серьёзной является, без сомнения, та, которая усматривала в династии Гиреев некую неточную копию Дома Османа, а ханы воспринимались как несовершенные подражатели падишахов, абсолютных суверенов с неограниченной властью.

В действительности, вплоть до смерти Мухаммед-Гирея [I], политическая структура ханства сохранила почти совершенный образ традиционного двое-

властия, которым характеризовались все государства-выходцы из бывшего *Улуса Бату*.

Согласно этой системе, власть делилась между ханом, обязательно являвшимся членом имперского Дома Чингиза, «рассадника суверенитета, единственного вершителя дипломатии, справедливости и войн»[24], и «землей», т.е. представителями кланов.

Так продолжалось до тех пор, пока в 30-е гг. XVI в. хан Сахиб-Гирей не ввёл в Крыму постоянных чиновников, копируя османскую систему *капыкулу* («служителей Дворца»); администрация хана, находящаяся ещё в зачаточном состоянии, была доверена *огланам*[25], в основном, членам ряда аристократических кланов, обладавших слабой властью, главным образом, представителям кланов Кипчак, Кият и Кунграт.

Помимо хана, окружённого своими *огланами*, можно было обнаружить крупные кланы, которые можно назвать «кланами первого ранга», главы которых, беи, назывались *карача*[26].

Изначально таких кланов «первого ранга» было четыре: Ширин, Барын, Аргын, и Кипчак. Их главы, четыре «*карача*» (*дёрт карача*) составляли нечто вроде «Государственного совета» при хане. Позже, в первой трети XVI в., два новых клана добавятся к четырём изначальным кланам, Седжеут и, главным образом, Мангыт, который быстро займёт второе место после Ширинов[27].

Ни один хан не мог править без одобрения глав клана. По их решению он восходил на трон, получал земли и мог увеличивать налоги и сборы. Но в то же время, как это справедливо отмечает Эдвард Кинан (Edward Keenan), «страна становилась государством только когда у неё появлялся хан, который утверждал *карачей* в своём Совете».

---

[24] Фраза, взятая из великолепной статьи нашего друга Эдварда Кинана: *Edward L. Keenan.* Muscovy and Kazan, some introductory remarks on the patterns of steppe diplomacy // Slavic Review, XXVI, 4, 1967, c. 548–558 [рус. перевод статьи см.: Кинан Э. Москва и Казань: модель степной дипломатии // Панорама-Форум. Казань, 1995. № 1. – *И.М.*]. Пассажи в кавычках взяты из его статьи.

[25] Букв. «молодой человек». В Казани являлся титулом принцев правящей фамилии. В Крыму этот титул носили высокопоставленные дворяне, отвечавшие за управление ханством.

[26] Подробнее о системе карачи (карачу) беев см.: *Shamiloglu U.* The Qaraçi Beys of the later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 4. Wiesbaden, 1984. – *И.З.*

[27] В действительности это произошло еще раньше. В 1486 г. Менгли-Гирей берет себе в качестве старшей жены дочь мангытского Тимура б. Мансура Нур-Султан. В 1490 г. в Крым приехал мангытский мирза Янкуват, а вскоре брат Менгли-Гирея Ямгурчи б. Хаджи-Гирей женился на его дочери. На мангытской княжне был женат и Мухаммед-Гирей. Другой женой Менгли-Гирея была «царица Едегерева дочь Зизивудова» (дочь седжиута Ядгара). – *И.З.*

Таким образом, существовала тесная взаимозависимость между ханом и кланами, представленными четырьмя *карача*, которая была великолепно выражена беем клана Ширин Агишем в письме великому князю Московии: «Бог сделал меня князем и Менгли-Гирей сделал меня князем [...] и Бог сделал [Мухаммед-Гирея I] царём, а я, во главе четырёх *карача*, сделал его царём на четверть»[28].

За исключением ногайских Мангытов, ведущих своё происхождение от Эдиге и покинувших волжские степи только после 1502 г., другие кланы были монгольского происхождения. Они утверждали, что являются потомками соратников Бату и населяют Крым со времён Золотой Орды.

Ещё являвшиеся кочевниками в начале XVI в., кланы полностью доминировали во внутренних районах. Мангыты кочевали в причерноморских степях между Перекопом (Ор) и Днепром. Барыны занимали район Карасу-Базара. Что касается Ширинов, наиболее могущественного клана, их область простиралась от Карасу-Базара до Керчи.

В различных государствах-выходцах из Монгольской империи, от Крыма до Сибири и от Казани до Туркестана, кочевые кланы представляли один из трёх «объединительных» элементов, который обеспечивал сплочённость населения степей[29]. Действительно, можно было встретить Ширинов, Барынов, Аргынов и Кипчаков в Казанском ханстве; Мангытов – в Казани, Астрахани, Большой Орде и во всей Центральной Азии; Ширинов, Аргынов и Кипчаков – в Касимове; Киятов и Кунгратов – в Астрахани и Центральной Азии. Члены этих племенных объединений были рассеяны по всей протяженности бывшей чингизидской империи, и хотя часто их и разделяли огромные расстояния, они сохраняли очень прочные родственные отношения[30].

В самом Крыму они пользовались практически полной автономией. «Это была, – пишет русский историк Г.Ф.Блюменфельд, – автономная военно-правовая и экономическая единица. Бей, глава клана, имел свой собственный *диван* [...] Он был царьком, который участвовал и в управлении всего ханства в целом

---

[28] *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 39. В своём рассказе о Московии и татарах Сигизмунд Герберштейн упоминает о роли четырёх *карача* в Крыму: «Татарские короли имеют возле себя четырёх людей, с которыми они советуются, особенно при важных обстоятельствах; первого из них называют *schirni*, второго – *barni*, третьего – *gargni (аргын)*, четвёртого – *tsiptzan (кипчак)*» (*La Moscovie du XVIe siecle vue par un ambassadeur occidental.* Paris, 1965. P. 189).

[29] Два других элемента были представлены монополией чингизидов на монаршую власть и, в меньшей степени, исламом.

[30] Так продолжалось до XX века. Ещё в наши дни бывшие крупные тюркские кочевые племена (Мангыты, Ктаи, Кунграты, Найманы, Кипчаки) имеются среди узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков, кавказских ногайцев и уральских башкир. Хотя их и разделяют огромные расстояния, хотя они и говорят на различных языках, члены этих кланов всё ещё сохраняют некое чувство родства.

[...] Он поддерживал дипломатические отношения с иностранными державами, принимал послов, подписывал соглашения...»[31].

Некоторые кланы располагали военной силой, почти равнявшейся военной мощи хана. Так, Ширины могли поднять 20 000 всадников[32].

С момента основания Крымского ханства крупные дворянские кланы, особенно клан Ширинов, утвердились если и не как противники, то, по крайней мере, как сила, параллельная силе ханов-Гиреев.

В XV в. ширинский бей Текин (или Текне) стоял у истоков восхождения Хаджи-Гирея на трон ханства. Султан Мехмед II, готовивший свой поход против Молдавии, пригласил внука Текина Эминека присоединиться к его армии[33]. Вполне вероятно, что аналогичное приглашение было адресовано правящему хану Нурдевлету, но в любом случае, падишах обращался с главой клана Ширинов, по крайней мере, как с равным хану. В 1479 г. выступление Эминека вызвало смещение хана Нурдевлета и повторное назначение Менгли-Гирея на ханский трон[34].

Притязания ханов Золотой Орды на господство над Крымом, затем, в 1475 г., прибытие османов и установление отношений вассальной зависимости, хотя ещё весьма слабых, между падишахом и ханом должны были вызвать перебои в размеренном функционировании этой традиционной системы. Вместо двоевластия «хан – дворянство» власть была поделена на три силы: «сюзерен» (хан Золотой Орды или османский падишах) – хан-чингизид [в Крыму] – четыре [знатных] клана (среди которых Ширины занимали первое место). Османы сумели весьма ловко воспользоваться этой системой, противопоставив родовую аристократию ханам с тем, чтобы укрепить своё господство.

Можно выдвинуть гипотезу, что в XV – начале XVI в. татарские дворянские кланы были ориентированы проосмански, и что именно они облегчили установление турецкого влияния на ханство. Ширинские беи, в частности, много раз играли роль «агентов» Блистательной Порты пред непокорными государями-чингизидами, поборниками автономии ханства. Та же роль «османского жандарма» будет возложена в XVII в. на клан Мангытов, глава которого Хан-Темир сыграет роль настоящего «делателя ханов». В конце XVII в., когда ханы станут покорными и послушными исполнителями приказов османского падишаха,

[31] *Блюменфельд Г.Ф.* Крымско-татарское землевладение // Одесский вестник. 1888. С. 11–12.

[32] Согласно письму бея Ширинов Агиша к московскому великому князю Василию III (цит. по: *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 30).

[33] См. два письма бея Ширинов Эминека султану Мехмеду II. Первое датируется серединой месяца *мухаррам* 881 / 5–15 мая 1476 г., на арабском языке (TSMA, E. 3179), второе датируется концом месяца *джумада II* 881 / 10–20 октября 1476 г., на кипчакско-тюркском языке (TSMA, E. 6495).

[34] См. письмо Эминека султану Мехмеду II, датированное серединой *раджаба* 883 / 8–12 октября 1478 г. (TSMA, E. 6691/1).

ширинские беи и главы других дворянских кланов, напротив, станут поборниками татарской независимости.

В 1523 г., когда Мухаммед-Гирей – непримиримый соперник османов – готовился пойти в поход на Астрахань, произошёл практически полный разрыв между ним и благосклонно относящейся к османам родовой аристократией, и документ, перевод которого мы приводим ниже, показывает, что почти все кланы были готовы предать чингизидского правителя.

Послание адресовано принцу, пребывающему в Стамбуле, называемому «сын нашего господина», который является «слугой *Худавендигяра*», т.е. османского падишаха. Речь может идти только о принце Саадет-Гирее, в свое время отосланном в качестве заложника его отцом Менгли-Гиреем *шехзаде* Селиму, будущему султану [Селиму I]. Письмо не подписано, а три печати, поставленные в нижней части документа, плохо прочитываются, но оно определённо исходит от одного из глав клана Ширинов.

Действительно, в письме перечисляется пятнадцать имён лиц, которые объявляют о своей готовности поднять мятеж против хана. В большинстве своём речь идёт о хорошо известных в истории Крыма персонажах[35].

Агиш-бей, часто упоминаемый в русских источниках, был племянником знаменитого Эминека и, с 1508 г., верховным главой клана Ширинов. Сложнее дело обстоит с Худаяром, называемым в нашем документе «братом» Агиша. В период правления Мухаммед-Гирея русским источникам известно несколько лиц, носивших это имя (по-русски «Кудаяр»)[36], возможно, что здесь речь идёт о Худаяре, который в 1517 г. был отправлен в Московию в качестве посла хана и которого русские источники квалифицируют как князя (*бея*).

Среди «младших братьев» Ширинов, Эвлия-мирза, сын Девлетека и внук Эминека, очень хорошо известен по русским источникам. В 1516 г. он был послан в Москву в качестве посла клана Ширинов к великому князю Василию III. Чахарйар-мирза нам неизвестен, но сын Агиша Токузак очень часто упоминается в русских источниках. В 1531 г. он станет беем Ширинов[37].

Среди других ширинских мирз Джибан-Гирей может быть соотнесён с Ян- (или Зиан-) Гиреем, сыном Бахтияр-мирзы, внуком Девлетека и правнуком Эминека.

Чагырган и Багырган являются сыновьями Эвлия-мирзы. Второй процитирован в послании хана Мухаммед-Гирея I великому князю Московии в 1518 г.[38]

Мамыш-оглан, сын Сармака, глава ханских *огланов* является знаменитым персонажем в истории Крыма. Он являлся главой клана Кипчаков. В 1496 г. был отправлен в качестве посла к московскому великому князю, затем в течение

[35] Эдвард Кинан (Edward Keenan), профессор Гарвардского университета, идентифицировал для нас этих действующих лиц, перечисленных в послании беев Ширина Саадет-Гирею. Мы выражаем ему здесь всю нашу признательность.

[36] См.: СИРИО. Т.95. СПб., 1895, указатель.

[37] *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 59.

[38] См.: Сборник..., с. 609.

многих лет занимал пост правителя города Кырк-Йер. В 1507 г. он был отправлен послом в Литву. В 1508 г. он фигурирует среди знатных лиц Крыма, которых великий князь Московии желал видеть в числе подписавших *шертную грамоту*. В 1516 г. он обнаруживается в окружении хана в момент приёма московского посла Мамонова.

Абдуллах-оглан, сын Мусы (или Хусейна), также из клана Кипчаков, менее известный персонаж, тоже известен нам по русским источникам[39]. Он присутствовал в 1516 г. на приёме посла Мамонова.

Мамыш-бей упоминается в 1508 г. в многочисленных русских источниках[40] как князь клана Седжеут[41].

Наконец, из трёх мангытских глав, сын Шах-Куввата Шах-Мухаммед-мирза фигурирует в нескольких русских документах[42]. Он, вероятно, является тем же персонажем, который появляется в русских источниках под именем «Шахман» и который объявил в 1526 г. Василию III, что его только что назначили беем Мангытов.

Автор письма мог быть одним из основных глав клана Ширинов, имя которого не фигурирует среди процитированных лиц; может быть, Мамыш-бей, сын Девлетека, который сменил Агиша как глава клана (но который был соперником Саадет-Гирея и сторонником его врага Ислам-Гирея, или скорее его брат, Бахтияр-мирза, который встал на сторону Саадет-Гирея и который был с 1526 по 1531 гг. главой клана Ширинов.

Приведённый ниже документ позволяет понять причину трагического конца Мухаммед-Гирея. На тот момент, когда послание было составлено, почти все татарские кланы были уже перетянуты [на свою сторону] его противниками. Среди тех, кто заявлял, что «готов подставить свою голову» за Саадет-Гирея, фигурируют главы кланов Ширин, Мангыт, Седжеут и Кипчак, а также главы *огланов*, т.е. администрация ханства. В списке не хватает лишь глав Барынов и Аргынов. Возможно, зная о предательстве татарского дворянства, Мухаммед-Гирей попытался привлечь к себе ногайские кланы, однако эта попытка оказалась неудачной и стоила ему жизни[43].

Со смертью Мухаммед-Гирея в истории Крымского ханства закрывается первая глава, которую можно назвать «монгольский период». Восхождение на

[39] Там же, с. 20, 280, 500, 503.
[40] Там же, с. 20, 500, 636.
[41] *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч.
[42] См.: Сборник..., с. 339, 615, 654.
[43] После взятия Астрахани Мухаммед-Гирей был предательски заманен в лагерь ногаев и убит вместе со своим сыном Бахадыр-Гиреем и всем своим окружением. Среди трёх организаторов заговора фигурировал Темеш-мирза, глава астраханского клана Мангытов. Возможно, и даже скорее всего, астраханские Мангыты действовали в общем согласии с их крымскими соседями. [Подробнее об убийстве Мухаммед-Гирея в Астрахани см.: *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. 2-е изд. – *И.З.*].

трон Саадет-Гирея в 1523 г. открывает вторую фазу, в течение которой османское влияние будет становиться все более ощутимым.

После смерти Мухаммед-Гирея I татары сначала прочили на трон его сына Гази-Гирея, затем передумали и попросили у османского султана назначить хана. В 1524 г. Сулейман назначил Саадет-Гирея. Новый хан прибыл в Кафу во главе настоящей османской армии[44] и, опираясь на турецких янычар, смог подавить восстание своих двоюродных братьев и сломить власть кланов. Многие главы Ширинов, в том числе Мемеш и Бахтияр (к слову, способствовавшие османскому вмешательству), были казнены ханом, и первое место в племенной иерархии закрепилось с этих пор за кланом Мангытов.

Новый хан привёз в Крым обычаи и методы стамбульского управления. «Счастливый падишах, – писал московскому великому князю бей Барынов Девлет Бахты – нашему хану как отец. Он прожил и вырос у него, и всё, что он смог увидеть из турецких обычаев, он теперь старается их воссоздавать здесь»[45].

Османское давление на ханство должно было стать ещё сильнее в 1532 г., когда после добровольного отречения Саадет-Гирея Порта назначила нового хана – Сахиб-Гирея. Последний прибыл в Крым во главе крупного османского отряда *секбанов* под командованием турецких офицеров, он должен быть укрепить авторитет хана в глазах татар, а кроме того, следить за его деятельностью.

В имитации турецкой модели Сахиб-Гирей зашёл ещё дальше, чем Саадет. Он пытался, впрочем, без особого успеха, сделать кочевые кланы оседлыми и создал систему управления по образцу османской системы *капыкулу*, состоящую, как и янычары, из бывших черкесских рабов. Отныне для управления своими владениями хан мог обойтись без *огланов*, полной лояльности которых он так никогда и не достиг, и мог, в случае необходимости, противопоставить военной силе кланов регулярную армию.

Как пишет Сыроечковский, «древняя организация ханства, ещё весьма близкая к организации Золотой Орды (*золотоордынское устройство*), уступает место новому устройству, более централизованному и бюрократическому, вдохновлённому османской моделью» и существовавшее ранее традиционное двоевластное равновесие «хан – кланы» было нарушено в пользу власти суверена[46].

Париж, март 1972 г.

[44] Русские источники дают различную оценку этой силе. Они разнятся от 21 000 всадников и 500 аркебузиров до 70 000 солдат, в числе которых 15 000 аркебузиров и артиллеристов. Вероятно, эти цифры преувеличены. См.: *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 58.
[45] *Крымские дела*, VI, 60; процитировано В.Е.Сыроечковским. [В оригинале цитата такова: «А тому нашему царю счастливой хандикер как бы родной отец. Там у него жил и взросл, и что тамо видел, которой у турского обычай, и у него тот же обычай», – писал один из крымских вельмож Девлет Бахты (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 6, л. 60об.). – *И.З.*].
[46] Это между прочим дало некоторым ханам XVI в. (Девлет-Гирею I, Гази-Гирею II «Буря» и XVII в. (Мухаммед-Гирею III, Инайет-Гирею, Ислам-Гирею III) возможность в отношениях с Османской империей вести себя в качестве почти независимых правителей.

Письмо трех представителей крымского клана Ширин, адресованное предположительно принцу Саадет-Гирею, заложнику в Стамбуле

[Начало 1523 г.]

Он[47]

Его Величеству могущественнейшему и счастливейшему султану – *да продлит Аллах его благоденствие до дня Страшного Суда!*

По припадении лицом к священному праху у ног его величества султана – гордости султанов, и изъявлении ему покорности, дружественное изложение и искреннее изъявление таково.

Что касается Ваших искренне преданных [слуг], слава и благодарение Богу, мы находимся в добром здравии, и почитаем долгом утром и вечером возносить молитвы за вечное продолжение Вашего благополучия. [Вместе с тем] мы пребываем в беспокойстве и печали, ибо наш государь лишает нас своих благодеяний. Проводимые им в обществе персидских еретиков (*revāfiz-i ʻağemler*) дни и ночи склоняются к разврату *(fisq)*, и он не прекращает пить. Важные дела страны оказались в запущенном состоянии. Из-за многочисленности тиранств и притеснений, чинимых подданным его сыновьями, они, естественно, вызвали ненависть к себе сановных и знатных людей и [всех] жителей государства, которые [с мольбой] пали к нашим ногам.

Он [наш государь] направил к кызылбашам [в качестве своих] послов *(čāvūš)* двух людей. Кроме нас этого никто не знает. Он хочет вывести также все население через Перекоп (*Ur ağïzï*), поскольку намеревается, захватив Хаджи-Тархан [Астрахань], взойти на трон и вступить в союз с кызылбашами. Мы не согласны с этим: наши отцы и деды (*eb eğdād*) никогда не действовали в том направлении. Мы являемся слугами (*qul*) Его Величества худавендигяра (*hudāvendigār*), и не хотим восставать против него, попирая его хлеб-соль. Вы, сын нашего государя (*pādišāh*), вот уже семь или восемь лет находитесь на службе у худавендигяра. Пусть Вас питает надежда на то, что однажды, в благодатные дни [правящего] худавендигяра, Ваши желания исполнятся. Сейчас [мы бы хотели], чтобы Вы приложили усилия и рвение, обратились к беям и пашам, и были готовы совершить поступки, которых от Вас ждут, так как все здесь требуют Вас.

В XVII веке османы, которые не могли более рассчитывать на ослабленных Ширинов, будут использовать клан Мангытов, чтобы уравновесить власть ханов-чингизидов. В XVIII в., напротив, когда Гиреи станут покорными и верными вассалами османского падишаха, Ширины вновь выступят поборниками татарских свобод.

[47] Т.е. Бог. – *И.М.*

Мои старшие братья *(ağa)* Агиш бей *(Ağïš Beg)* и Худайар *(Hudāyyār)*, и мои младшие братья *(inilerim)* Эвлийа мирза *(Evliyā Mīrzā)*, Айдышке мирза *(Aydïške Mīrzā)*, Токузак мирза *(Toquzaq Mīrzā)* и Чахарйар мирза *(Čahāryār Mīrzā)*, Ваши слуги мирзы Джибан-Гирей *(Ğībān Girāy)*, Багырган *(Bāğïrğān)* и Чагырган *(Čāğïrğān)*, и другие старшие и младшие беи и мирзы, из огланов (*oğlan)* Абдуллах *(ʻAbdullāh)* оглан, Мамыш *(Māmīš)* оглан, из беев Мамыш бик *(Māmīš bīk)*, из мангытов *(Maňğït)* – Шах-Мухаммед мирза *(Šāh Muhammed Mīrzā)*, Мухаммед-Султан мирза *(Muhammed Sultān Mīrzā)* и Бубай мирза *(Bubāy Mīrzā)* – все они просят у Господа – *да будет Он велик и превозвышен!* – Вас, все готовы подставить свои головы ради Вас; они объединились и скрепили это клятвой.

Клянемся Богом и душой Его Посланника, в наших словах нет лжи. И если нет доверия этой нашей клятве, пусть Его Величество худавендигяр пошлёт Вас сюда! Прежде, чем Вы прибудете, мы истребим наших врагов при благословенных днях [правления] худавендигяра и с Божьей помощью.

А после этого окончательный приказ – за Высоким Двором.

TSMA, E. 6474[48]

[48] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 58–64. – *И.М.*

Александр Беннигсен
Шанталь Лемерсье-Келькеже

Большая Ногайская Орда и проблема контактов между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг.*

1552 год – год падения Казанского ханства – знаменует начало московской экспансии по Волге и Дону [в направлении] к Османской империи и Сефевидскому Ирану. Им отмечено яркое вступление России на сцену мира ислама (*Дар уль-Ислам*).

По счастливому совпадению, в этот же самый год приказы Великого имперского Дивана начинают регистрироваться в «Реестрах важных дел» («Мюхимме дефтерлери»), что позволяет историкам проследить историю Османской империи практически день за днём[1].

Несмотря на то, что архивы Московского государства этого времени были одними из наиболее хорошо организованных во всей Европе, изучить московскую экспансию на мусульманские земли через двойную призму османских и русских источников удается редко. Поэтому следует считать исключительной удачей обнаружение в архиве Музея дворца «Топкапы» (реестр К.888[2]) нескольких датированных 1552 г. текстов, отражающих важную проблему сношений Османской империи со своими союзниками узбеками через ногайские земли в низовьях Волги. Московские архивы, в свою очередь, содержат об этом исключительно богатую информацию.

Историю Ногайской Орды ещё предстоит написать[3].

---

* *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La Grand Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'etudes turques. T. VIII/2. Paris; Strasbourg, 1976. P. 203–236.*

[1] Коллекция «Реестров важных дел» (*Mühimme Defterleri*) из 263 томов хранится в Османском архиве при Премьер-министре. Два первых тома охватывают 961–964 / 1553–1556 гг. и содержат только сведения о пожалованиях (*дирликах*). Копии приказов падишаха или Императорского дивана (*Divan-i hümāyūn*) начинаются с 3-го тома, который охватывает 966–968 / 1558–1560 гг. В архиве Музея дворца «Топкапы» отложилось, однако, два более ранних «Реестра важных дел», имеющих шифры Е.12321 (реестр за 952 / 1545 г.) и К.888 (реестр за 959 / 1552 г.).

[2] Данный реестр с тем же шифром хранится в библиотеке, а не в архиве Музея дворца «Топкапы». – *И.М.*

[3] Такая работа выполнена (см.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001). – *И.З.*

К середине XV в., к моменту распада Золотой Орды и образования Крымского, Казанского и Астраханского ханств, Ногайская Орда превратилась в грозную военно-политическую державу[4]. В то время она занимала огромную территорию от Азовского моря до долины Кубани, от Кабардинского края на

---

[4] В XVI в. Ногайская Орда ещё могла ввести в бой армию, по численности превосходящую большинство армий соседних оседлых государств. В послании князя Юсуфа царю Ивану, привезённом в Москву 24 октября 1551 г. его послом Байбахты, ногайский правитель похвалялся способностью ввести в бой армию из 300 000 всадников (цифра, очевидно, весьма преувеличенная), к которой он добавлял армии своих восьми сыновей, каждую по 10 000 человек, т.е. в целом 380 000 всадников. [Речь идет о письме, доставленном в Москву послом Байбахтой 14 октября и поданном царю 24 октября 1551 г. В нем говорилось: «…да рать свою хъ Казани послалъ еси воевати. А у меня триста тысяч рати моей письмяной. А восмь у меня сыновъ моихъ, а по десяти тысячъ у них своихъ людей есть. И техъ моихъ осмии сыновъ ни одинъ на твоихъ людей нехаживали». См.: *ПДРВ*, VIII, с. 303. – *Д.М.*]. Даже если поделить эту цифру на десять, или даже на сто, военная мощь ногаев остаётся весьма грозной.

Тот же князь Юсуф требовал от царя Ивана IV вернуть свою дочь Сююмбике, вдову казанского хана Сафа-Гирея, вновь выданную замуж за касимовского хана Шах-Али, находящегося под покровительством царя, и заявлял в угрожающем тоне: «Если ты хочешь остаться нашим другом и братом, наша рать мангытская в 100 000 человек не причинит тебе никакого вреда» (грамота князя Юсуфа царю Ивану IV, доставленная в Москву 31 мая 1552 г. его послом Джан-Мехметом, *ПДРВ*, IX, с. 1). [Речь идет о письме, доставленном в Москву послом Янмагметем «с товарищи» 23 мая и переданном царю 31 мая 1552 г. Приведенная цитата в оригинале такова: «И ныне похочешь с намы дружбы и братства; и мы на прежнем таки слове. А съ нами попрежнему похочешь въ дружбе и въ братстве бытии; и тому знамя то, отдашь мою дочерь да и Отемишъ Кирея, ино то учинился во дружбе и въ братстве. Да ещо слово то, только дочерь мою да и Отемишь Кирея нам отдашъ, и ты тотъ минятъ мне дай, что отъ статысячные рати Мангитские тебе лиха небудетъ. Со мною тебе в дружбе ли бытии, или въ недружбе, то ныне и явитца.». См.: *ПДРВ*, IX, с. 3–4. – *Д.М.*].

Послание князя Юсуфа, а также все документы, исходящие или адресованные ногайским правителям, которые мы приводим далее, сохранились в коллекции «Ногайские дела» в Архиве Древних Актов в Москве [ныне – РГАДА. – *И.М.*]. Дипломатическая корреспонденция между московским и ногайскими правителями за период с 1534 по 1564 г.г. была опубликована в русском переводе в томах VII–XI «*Продолжения древней Российской вивлиофики*» Новикова (СПб., 1791–1801, далее – *ПДРВ*). Грамота Юсуфа опубликована на с. 303–304 тома VIII. [ПДРВ. Т. VIII–XI. СПб., 1793–1801. В настоящее время из 11 сохранившихся посольских книг опубликовано шесть. См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. / Подг. текста и вступит. статья М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. – М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. / Сост. Б.А.Кельдасов, Н.М.Рогожин, Е.Е.Лыкова, М.П.Лукичев. – Махачкала, 1995; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576) / Сост. В.В.Трепавлов. М., 2003.; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов. Казань, 2006. – *Д.М.*]

западе до устья Терека на юге, до края больших лесов на севере и до берегов Аральского моря на востоке. За исключением незначительной группы осёдлых земледельцев, обитавших в долине в низовьях реки Яик (Урал), вокруг города Сарайчик, ногаи были настоящими кочевниками, коневодами и скотоводами. Улусы спускались зимой к берегам Каспийского моря, а летом поднимались до долины Камы и до Западной Сибири.

Нам практически ничего не известно об экономике Ногайской Орды. По всей видимости, её основным элементом была торговля лошадьми. С конца 1520-х годов эта торговля почти всецело была ориентирована на Москву. Только в 1534 г. ногаи продали Москве 50 000 лошадей[5]. Согласно же русским источникам в торговле крупным рогатым скотом с ногайцами была заинтересована главным образом Казань и в меньшей степени Ургенч. Экономические отношения с Крымом и османскими портами Азаком и Кафой широкого развития не получили. Все предметы

[5] См.: Перетяткович [Г.И.]. Поволжье в XVII и в начале XVIII в. Одесса, 1882. С. 137, цитирующий русские летописи. Русские источники показывают, что после завоевания русскими Казани объём торговли ногайскими лошадьми не только не снизился, но и возрос. Так, в 1552 г. в течение месяцев, которые предшествовали падению ханства, все ногайские посольства, которые приезжали в Москву, сопровождались значительным числом купцов (*гости*) и лошадей. Так, 9 марта посол князя Исмаила приехал в Москву в сопровождении 1 500 купцов и 9 000 лошадей (*ПДРВ*, IX, с. 16). С ними прибыл посланник князя Юсуфа в сопровождении 250 купцов с 33 000 лошадей (*ПДРВ*, IX, с. 1). В июне, новый приезд 140 ногайских послов с 700 лошадей, за которыми в сентябре последовали 440 послов с 3 000 лошадей (*ПДРВ*, IX, с. 35) и в октябре, в момент взятия Казани, 150 ногайских послов с 5 000 лошадей подъезжали к Москве. Ясен тот факт, что в 1552 г. экономические интересы ногаев, которые их связывали с Москвой, преобладали над религиозной солидарностью с Казанью. [Наблюдение авторов, безусловно, весьма точное. Однако фактические данные их аргументации, осуществленной на основании посольских книг, нуждаются в уточнении. 9 марта 1552 г. приезда послов от кн. Исмаила не было. В этот день была назначена аудиенция астраханскому царю Дербыш-Али. О приезде же посла Байтерека «с товарищи» было сообщено из Темникова в Москву лишь 24 апреля 1552 г. В указанное время (апрель 1552 г.) в Москву приехали послы мирзы Белек Булата и др. мирз и с ними было 1600 (100+1500) чел. послов, гонцов и гостей и 10000 лошадей. В обеих группах, прибывших в Москву дипломатов, представителей от Юсуфа источник не отмечает. Его посол Янмагмет «с товарищи» прибудет в Москву в июне 1552 г. вместе с 200 чел. послов, гонцов и гостей и на продажу в его группе было пригнано 3000 лошадей (см.: *ПДРВ*, IX, с. 1). В июне состоялся приезд послов от Исмаила, Белек Булата и др. во главе с послом Джабалаком. 26 июня, действительно, было получено сообщение о прибывающем посольстве. Численность прибывших составляла 140 чел. и при них имелось 700 лошадей (см.: *ПДРВ*, IX, с. 28). В сентябре 1552 г. прибыли две посольские группы. 10 сентября пришли гонцы, известившие о подходе 300 чел. послов, гонцов и гостей от кн. Исмаила и с ними 2.500 лошадей, а от мирз Арслана и Асанака – 140 чел. с 500 лошадьми (см.: *ПДРВ*, IX, с. 35). 21 октября было сообщено о подходе и 25 октября отмечено как факт прибытие Салтагана с 150 чел. и 500 лошадьми (см.: *ПДРВ*, IX, с. 51). – *Д.М.*].

роскоши в XVI в. ногаи получали из Москвы или через нее: холодное (реже огнестрельное) оружие, доспехи, сёдла, сукно (чтобы покрывать повозки и шить одежду), стопы бумаги, краски, льняное масло, меха, шафран, металлы (железо в виде гвоздей и олово), охотничьих птиц и моржовые бивни[6].

До начала XVI в. русские документы не позволяют проследить с точностью историю Ногайской Орды. Еще сохраняющая свою целостность в XV в. при «царе» Ибаке (Ибрагиме)[7], к концу века, когда завязываются дипломатические отношения с Москвой, она начинает распадаться, но этот процесс остаётся крайне малоизученным. В начале XVI в. высшая власть принадлежала Мусе, сыну Ибака[8], которому русские источники приписывают титул «князь», соответствующий «бею». Однако в это время Орда, по-видимому, не обладала прежним единством. Можно обнаружить многочисленные в той или иной мере независимые улусы, управляемые мирзами, обязательно ведущими своё происхождение от Едигея[9].

Герберштейн, посетивший Московию во второй раз в 1526 г. и написавший свои мемуары в тридцатых годах, уже говорит о разделении Ногайской Орды на три улуса: «Первые Татары, которых мы встречаем после Казанских татар, это Татары, которых называют Нагаями и которые расселились за Волгой вокруг Каспийского моря до реки Яик (текущей из Сибирской провинции). У них не короли, но герцоги. В наше время, три князя разделили между собой провинцию на три равные части и приняли титул герцога; первый Шидак (Schidack) [Сеид-Ахмед] получил город Сарайчик (Scharaitzick) (который расположен к востоку, дальше реки Ра (Rha) =Волга), а с ним и всю территорию вдоль реки Яик; второй, Коссун [=Хасан], всю территорию между Камой, Яиком и Ра; третий, Шихмамай (Schichmamai) [Шейх-Мамай], получил часть Сибирской провинции и все прилегающие территории»[10].

[6] Эти товары фигурируют в списках подарков (*поминки*), отсылаемых ногаям московскими правителями.

[7] Иной взгляд на эту проблему см.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 117, примеч. 22. – *Д.М.*

[8] Бий Муса являлся сыном Ваккаса. См.: Трепавлов. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 100–103, 142, 656 и др. – *Д.М.*

[9] В XV веке, когда Ногайская Орда ещё сохраняла свою целостность, русские дипломатические тексты приписывали верховному правителю ногаев титул «царь», который соответствовал титулу «хан», например, «царь» Ибак (или Ивак) (=Ибрагим) или «царь» Абелек-Иминек. См.: *СИРИО*, т. 41 и т. 95.

[10] Французский текст из *La Moscovie du XVIe siècle vue par un Ambassadeur Occidental Herberstein.* Paris, 1965, p. 179–180. [В русском переводе с оригинала цитата такова: «За казанскими татарами прежде всего встречаем татар, зовущихся ногаями (Nagai). Они живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающей из области Сибирской. У них нет царей, а только князья (Hertzogen oder Fûrsten). В наше время этими княжествами владели трое [братьев], разделивши области поровну между собой. Первый из них, Шидак (Schidack) [Сеид-Ахмед. – *Прим. ред.*], владел городом

После смерти князя Мусы, верховная власть перешла к его сыну Сеид-Ахмеду (Шийдяку русских источников), а после смерти последнего в начале 1540-х годов – к его дяде Шейх-Мамаю (Шихмамаю русских источников), брату Мусы. По-видимому, именно в этот момент Орда начинает распадаться на соперничающие улусы. Первым отделился юрт Ягмурчи, брата Шейх-Мамая, который укрылся в низовьях Волги под защитой Астраханского ханства. В 1549 г. Шейх-Мамай умер и его сменил племянник Юсуф, сын Мусы. Потомки Сеид-Ахмеда отказались признать Юсуфа и его внук Гази (Казый русских источников)[11] эмигрировал со своим юртом сначала к кубанским черкесам, затем – в район Азака, где он расположился под покровительством крымского хана и османского наместника Азака[12] [Гази являлся сыном Урака, внуком Алчагира. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 178, 277 и др. – *Д.М.*]. Его юрт кочевал между районом Переволока (Эрдильме) на севере и долиной Кубани и её притоков Зеленчуком и Баксаном, на южной границе Кабарды. Известный отныне под названием «Малая Ногайская Орда» (Казыевская Орда в русских источниках[13]), этот улус будет верным и ценным союзником Крымского ханства против Московии, донских казаков и кавказских племён. Другие дети Сеид-Ахмеда, руководимые сыновьями Сююндюком и Евгашем, эмигрировали на восток и перешли под покровительство хана Ургенча. Позднее их улус расположился в верховьях р. Эмбы и просуществовал там в счастье и

Сарайчиком (Scharaitzick), что за рекой Ра [Волга. – *Прим. ред.*] на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум [Cossum] [Хасан. – *Прим. ред.*], – всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий [из братьев], Шихмамай (Schichmamai) [Шейх-Мамай. – *Прим. ред.*], обладал частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной» (см.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 179). – *Д.М.*].

[11] Гази (Казый русских источников) мирза был верным другом хана Девлет-Гирея и аталыком его сыновей. Он погиб в 1577 г. в походе против Темрюка, князя Большой Кабарды и тестя Ивана Грозного. Русские тексты в основном называют Малую Орду «Казыевской Ордой».

[12] К 1557 г. многочисленные ногайские мирзы, в частности дети князей Юсуфа и Шейх-Мамая, изгнанные из Великой Орды пророссийской фракцией князя Исмаила, укрылись в Малой Орде, укрепив таким образом военный потенциал Крымского ханства. Хан Девлет-Гирей хвалился этим в своей переписке с польским королём Сигизмундом II, см. *Книга Посольская метрики Великого Княжества Литовского с 1545 по 1572*, I часть, Москва 1843, документы № 116, 117, 118 и 120.

[13] В русских источниках чаще встречается наименование Казыев улус, Малые Ногаи, Малая Орда. См.: Крымские книги. – РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 440об.–441. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / Сост. Я.С.Лурье, Р.Б.Мюллер. М.; Л., 1954. С. 174, 191; Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 40; Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 484, 498, 557. – *Д.М.*

забвении под именем «Орды Энбулака»[14] до тех пор, пока в начале XVII в. их оттуда не вытеснили калмыки.

То, что осталось от Ногайской Орды, известной с тех пор под названием «Большая Ногайская Орда», разделилось на три практически независимых друг от друга юрта[15]:

Юрт Шейх-Мамая, брата князя Мусы, возглавляемый со времени его смерти его сыном Касимом (Касаем в русских источниках), кочевавший на востоке Урала, в долине реки Сыр[-Дарья], на границах Сибирского ханства и казахских орд.

Юрт князя Хасана (Асана русских источников), другого брата Мусы, занимавший обширную территорию между низовьем Волги и долиной Кумы на севере Дагестана.

С 1549 г. предводителем Большой [Ногайской] Орды являлся сын Мусы – князь Юсуф. Эта Орда представляла из себя наиболее значительную группу ногайских племен, как по своей военной мощи, так и по стратегическому значению контролируемой территории, представлявшей огромный квадрат, ограниченный на западе Волгой, на севере Камой, на востоке Яиком и на юге Каспийским морем.

Город Сарайчик на Нижнем Яике был столицей улуса и зимней резиденцией князя.

Мало что известно о структуре власти у ногаев. Ранее предполагалось, что верховная власть принадлежала старейшине клана и передавалась, таким образом, от брата к брату. Однако исследование ногайских родословий показало, что это правило старшинства редко соблюдалось и предполагаемые наследники, часто братья князя, носившие титулы «нуреддин» (*нураддын* в русских источниках), «кейкобад» (*кековат* в русских источниках) и «тойбуга» [вернее, «тайбуга». – *И.М.*][16], приходили к власти лишь благодаря силе. Наконец, ввиду

[14] О бездоказательности приписывания основания «Энбулакской Орды» детям бия Сеид-Ахмеда б. Мусы, Сююндюку и Эвгашу (или Джевгосты) см.: Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 447. – *Д.М.*

[15] О неправомерности этого утверждения см.: Трепавлов В.В. Указ. соч. – С. 142–143, 146, 195, 238–239. – *Д.М.*

[16] Титул «нуреддин», первый наследник главы Орды, происходит от имени старшего сына Эдигея, основателя Мангытской державы. Нам не известны истоки любопытного титула «кейкобад» и можно задать себе вопрос каким странным путём это имя иранского властителя из «Шахнаме» смогло дойти до далёких кочевников с Волги [Кейкобадом также звали одного из сыновей Эдигея. см.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 655. – *И.М.*]. Что касается титула «тойбуга» [вернее, «тайбуга». – *И.М.*], который, по-видимому, обозначал четвёртое лицо княжеского клана, он появляется лишь во второй половине XVI века. Видимо также каждый из этих персонажей выполнял свои функции, впрочем, весьма неясные. Так, нуреддин отвечал за оборону земель Орды по берегам Волги от Крымского ханства. Второй «дофин», кейкобад, должен был защищать владения Орды по берегам реки Эмбы от набегов казахов

того, что в Золотой Орде власть должна была переходить к «наиболее достойному», «наиболее опытному», который мог быть как дядей, братом, так и сыном или племянником покойного. Личные качества правителя имели гораздо большее значение, чем права наследования, а отношения между беями и мирзами были основаны лишь на уважении, которое внушала личность князя[17]. Согласно ногайской поговорке, «каждый мирза был главой в своём собственном улусе»[18]. Впрочем, все важные решения, затрагивающие улус, принимались князем совместно с мирзами, иногда даже выяснялось мнение всего народа[19], и часто после смерти князя его юрт часто распадался и мирзы расходились по другим ногайским юртам, иногда даже в соседние государства – Крым, Астраханское ханство, Бухару или Казахские орды. «Наши люди свободны, – говорили ногаи, – и в степях нет ворот, чтобы их удержать»[20].

Изучение русских архивных источников показывает, что русские прекрасно знали сложную и постоянно меняющуюся ситуацию в ногайских ордах и умели сыграть на соперничестве и внутренних конфликтах, чтобы воспрепятствовать использованию ногайских военных сил своими соперниками, в частности

(см.: Кочекаев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата, 1973. С. 40–41).

Можно оценить положение, занимаемое каждым из упомянутых должностных лиц Орды по списку даров, посланных в 1626 г. царём Михаилом ногайским правителям:

– хану: 54 рубля
– нуреддину: 36 рублей
– кейкобаду: 34 рубля
– тайбуге: 28 рублей (Кочекаев Б. Указ. соч. С. 41).

Эти ничтожные подарки показывают глубокий упадок Большой Ногайской Орды в XVII в., под натиском калмыков потерявшей свою былую военную мощь. В эту эпоху, действительно, далеко от пышных даров, которые царь Иван Грозный отсылал тем же ногайским правителям.

[17] В грамоте, адресованной царю Ивану, доставленной в Москву 1 октября 1549 г. послом Исергеном, мирзой Оразлы сыном Шихима, кейкобад князя Юсуфа, просто и ясно объяснял анархию в ногайских племенах: «...Случается, что старший брат живёт в нужде, а младший процветает» (*ПДРВ*, VII, с. 174). [Указанное письмо Уразлы (Ураз-Али б. Шейх-Мухаммед б. Муса) мирзы, было доставлено в Москву 9 октября послом кн. Кельдибеком и подано царю 13 октября 1549 г. В оригинале цитата такова: «и то бываетъ, что большой братъ въ меньшенстве живетъ, а меньшой братъ в большинстве бываетъ». См.: *ПДРВ*, VIII, с.184. – *Д.М.*].

[18] Перетяткович Г.И. Указ. соч. С. 141.

[19] Так, дипломатические отношения Ногаев с Москвой не входили в полномочия одного бея улуса, но всего клана. Не только князь, но и все мирзы посылали в Москву своих послов, что чаще всего было способом получить дополнительные дары (*поминки*).

[20] Перетяткович Г.И. Указ. соч. С. 141.

Казанским и Крымским ханствами[21]. Напротив, до середины XVI в. турки-османы почти не интересовались Нижним Поволжьем и почти ничего не знали о ногаях, ибо их вторжения в регион часто были неудачными. Но к 1548 г. ситуация меняется.

В этот момент между Османской империей и Сефевидским Ираном начинается новая война, в которой одной из ставок для турков является завоевание Азербайджана, – война, которая завершится лишь в 1555 г. Амасийским миром.

Для Сефевидов столкновение с османами в Закавказье представляло лишь один из аспектов более древнего конфликта, в который они были вовлечены с момента основания своей Империи, с двух сторон окруженной тюркским суннитским миром. В Хорасане с 1505 г. они были втянуты в идущую с переменным успехом борьбу против узбеков – потомков Абу-л-Хайра. Однако с 1529 г., после тяжёлого поражения, понесенного узбеками в Турбат-и шейх Джам, а также после смерти хана Убайдуллы в 1539 г. и последовавшей вслед за этим анархией чаша весов медленно, но верно перевесила в сторону иранцев. Узбеки могли противопоставить сефевидским войскам, вооружённым огнестрельным оружием, лишь свою кавалерию.

Поэтому с начала кампании 1548 г. османы и шейбаниды пытались наладить контакты по единственному ещё сохранявшемуся пути, который связывал их владения по северной ветви древнего «Шёлкового пути». Приводя к Азаку, этот путь шел вверх по Дону до Эрдильме (Переволоки), подходил к Волге возле устья реки Сарысу (по-русски Царица), спускался по правому берегу Волги до Астрахани, столицы одноимённого чингизидского ханства, пересекал реку и через Сарайчик и пустынные степи доходил до Ургенча и, наконец, до Бухары.

Длинным и опасным был этот путь. Османы контролировали только его западную часть в устье Дона; власть крымского хана не простиралась за район Эрдильме; за пределами этой территории существовала угроза набегов донских и волжских казаков. На Нижней Волге власть астраханского хана, которым с 1542 по 1554 гг. являлся крымский протеже Ягмурча б. Бердибек, была лишь формальной и вся земля между Волгой и Аральским морем являлась территорией ногайских племён.

Однако смерть Шейх-Мамая в 1549 г. ввергает Ногайскую Орду в пучину анархии. Власть Юсуфа, сына Мусы, формально *бея* Орды, оспаривалась его более энергичным и властным младшим братом Исмаилом. В борьбе за верховную власть ни один из братьев еще не предпринял политических шагов в пользу Москвы или Крыма, но их [уже] легко было предвидеть. Действительно, личный юрт Юсуфа кочевал по обоим берегам реки Яик и его процветание зависело от рынков в Ургенче и Бухаре, тогда как юрт Исмаила занимал тер-

---

[21] В 1560-х гг. Польско-Литовское государство попыталось, в свою очередь, напасть на ногайские кланы (см.: Новосельский А.А. [*Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*]. М.; Л., 1948. С. 16–17).

риторию, расположенную по восточным берегам Волги, между Камой и Астраханью, и поддержание добрых отношений с Московией было для него условием выживания[22]. Вследствие этого весь район между Волгой и Яиком был театром практически беспрерывных конфликтов между ногайскими кланами.

Наконец, за Яиком, на отрезке пути между Сарайчиком и Хорезмом, сохранялась угроза набегов казахских племён, объединённых с 1538 г. ханом Хакк-Назаром[23].

[22] См.: *ПДРВ*, VII, с. 29 и сл. (донесение, представленное 20 июня 1552 г. казанским татарином Акчурой Каиповым царю Ивану о кочевании ногайских улусов весной 1552 г.). «Твои люди, – говорил Исмаил Юсуфу, – будут торговать в Бухаре, а мои в Москве. Если я пойду войной на Москву, я рискую не только всё потерять и стать голым как червь, но и не иметь, из чего сделать себе саван». Цит. по: Соловьёв С.М. *История России с древних времён.* Т. III, М., 1960. С. 482. [По-видимому, здесь произошла опечатка. Служилый татарин Акчура Каипов не мог представить донесение 20 июня 1552 г., поскольку он «с товарищи» прибыл в Городок (Касимов) 22 июня и свою «скаску» они могли передать, к тому же устно, не ранее 26 июня. Служилые татары Акчура Каипов с товарищи вернулись из посылки к Белек Булат мирзе с Тягригулом Шийдяковым в Москву и были отправлены вслед за царем в Коломну и там сообщили ему о том, где кочевали улусы в момент их прибытия в Ногайскую орду и где намерены «летовать». См.: *ПДРВ*, IX, с. 28–29. Фраза, приведенная во 2-м абзаце, извлечена из сообщения служилого татарина Сююндюка Тулусупова, присланного с вожем Карамышем Мустояповым и доставленного Ивану IV в октябре 1553 г. В оригинале слова Исмаила, сказанные Юсуфу, таковы: «Он отвечал Юсуфу, твои дей люди ходятъ торговати въ Бухару, а мои люди ходятъ къ Москве. И толко мне завоеватца, и мне самому ходити нагу, а которые люди и учнутъ мерети, и темъ и савановъ не будетъ» – См.: *ПДРВ*, IX, с. 103. – *Д.М.*].

[23] Многочисленные русские документы указывают на опасность, которую представляли казахские племена для восточных ногайских улусов. Так, 3 мая 1535 г. Данило Губин, посол царя Ивана к ногаям рапортовал: «Посланник прибыл [к Ногаям] от князя Ургенча, который сообщает, что Казахи готовятся пойти войной на Ногаев; и говорят, Казахи очень сильны и им недавно покорились Калмыки…» (*ПДРВ*, VII, с. 244). Это послание одно из самых первых сообщений о присутствии калмыков в Центральной Азии. Год спустя Данило Губин доводил до сведения царя Ивана: «Казахи стали теперь весьма могущественны и напали на Ташкент, и говорят, что ташкентские князья два раза сходились с ними в схватке и были побеждены… Из Ташкента прибыл посланник к князю [Сеид-Ахмеду] и мирзам [прося их] выступить против Казахов, так как Ташкент сильно теснится Казахами, и говорят, что они [Казахи] возьмут его этим летом или зимой. И говорят также, что если Казахи не атакуют Ногаев, так это потому, что они воюют с Ташкентом». (*ПДРВ*, VII, с. 276, 283). [Точнее, приведенная цитата извлечена из отписки (донесения) Данилы Губина, привезенной 2 мая 1535 г. городецким вожем (проводником) Янбулатом «с товарищи» в Москву.1-я цитата в оригинале такова: «А пришла весть к Шихъ Мамай мырзе отъ Юргеньскаго царевича, а сказываютъ, государь, что Казаки (чаятельно Киргисъ Кайсаки – прим. Новикова) дополна хотятъ итти, Нагаи воевать. А сказываютъ, Государь, казаки сильны, и Колмаки им передалися…» *ПДРВ*, VII, с. 244. Второе его донесение из Ногайской орды в Москву было доставлено 26 сентября 1536 г. казаком Меншиком Янсубиным «с товарищи». В оригинале цитата такова:

Эту огромную территорию было тяжело пересечь османским и узбекским посольствам, и чтобы облегчить данный переход, турки заинтересовались этим регионом и попытались установить дружественные отношения с ногайскими племенами и Астраханским ханством, не имея, однако, цели ни разместиться там, ни подчинить местное население своему контролю.

Первый документ, упоминающий о появлении османов на Нижней Волге, – русского происхождения. Он датирован летом 1549 г., временем, когда русские готовились начать новую кампанию против Казанского ханства[24]. Речь идёт о послании (*грамоте*) князя Юсуфа[25] царю Ивану, составленном в августе месяце и доставленном в Москву 9 октября 1549 г. ногайским послом Исергенем [варианты: Исергеп, Ысергеп. См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. Кн. 3. Л. 119, 120, 122об–124, 126об., 147, 158–160об. – *Д.М.*][26].

Юсуф начал с традиционного заявления о дружбе между ногайскими мирзами-потомками Едигея и царем, затем пожаловался на набеги донских казаков и продолжил: «…От счастливого Хандыкеря[27] прибыл к нам посол в нашу

«… а Казаки (Киргисъ Кайсаки – прим. Новикова), государь, сказываютъ, добре силны, а сказываютъ, Государь, Тешкенъ (Ташкентъ ныне называется) воевали, и Тешкенские царевичи, сказываютъ, сними двожды бились, а Казаки ихъ побивали» (*ПДРВ*, VII, с. 276). 3-я цитата в оригинале такова: «А Стехани (Такъ здесь опискою вместо Тешкеня пишется… – прим. Новикова), Государь, ко князю и к Мурзамъ посолъ пришелъ, чтобы князь и Мырзы пошли на каки (Описка вместо Казаки. – примеч. Новикова), а Тешкени, государь, от Казакъ, сказываютъ, добре нужно. Чаютъ, на семъ лете или на зиме ее возмутъ. А по тому, Государь, казаки, сказываютъ, на Нагаи не идутъ, что Тешкень воюютъ». См.: *ПДРВ*, VII, с. 283–284. – *Д.М.*].

[24] Зимой 1547–1548 г. русские безрезультатно осадили Казань; в марте 1549 г. умер казанский хан Сафа-Гирей, оставив трон своему юному сыну Утямышу. Зимой 1549–1550 г. русские войска вновь появились на подступах к Казани. В 1550 г. Иван Грозный подписал мирный договор с Польшей, а весной 1551 г. строительство крепости Свияжск на месте слияния Волги и Свияги отметило начало русского продвижения на татарские земли. В августе 1551 г. Утямыш-Гирей был свергнут прорусской фракцией и отвезён в Россию. На казанский престол взошёл Шах-Али, касимовский хан и подданный Московского царя. В это время Московия имела видимость осуществления контроля на всей Средней Волге.

[25] Князь Юсуф, сын князя Мусы и брат-недруг Исмаила, был отцом знаменитой Сююмбике-султан, супруги казанского хана Сафа-Гирея. Поначалу сторонник ориентации на Московию, после падения Казани он становится более или менее явным врагом русских.

[26] *ПДРВ*, VIII, с. 175–176. [Письмо кн. Юсуфа было вручено царю 13 октября, а написано 955 г.х., т.е. 1549 г. в августе месяце. См.: *ПДРВ*, VIII, с. 172–177. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. Кн. 3. Л. 124–130. – *Д.М.*].

[27] В середине XVI века московская канцелярия почти всегда титуловала османского падишаха «хандыкерем», реже «хандивиндикерем» (производное от *худавендигяр*). Царями, как правило, титуловали ханов-чингизидов Крыма, Казани, Астрахани, Сибири

Блистательную Порту[28] …Счастливый Хандыкерь передал мне свои слова дружбы и братства и писал мне в своем послании: «Юсуф, ты князь князей. Я буду другом твоих друзей и врагом твоих врагов…»[29].

В заключение Юсуф попросил у царя Ивана «хорошее платье» для одной из дочерей, которая должна была выйти замуж за «царя Барака» (=Невруз-Ахмед-хана[30]), и краски, доспехи, трубу, золотое кольцо, шафран – для себя лично[31].

(Тюмени) и даже Касимова; иногда русские документы говорят о «турецком царе», реже о «персидском царе» и о «царях» Центральной Азии. После 1565 г. титул «царь» применялся более в отношении крымского хана, а «царевич» – в отношении хана Касимова. Титул «князь» давался главам крымских татарских кланов (Ширин, Барын, Аргын, Мангыт, Кипчак, Седжеут), главам ногайских улусов и казахских орд. Титул «хан» редко использовался в эту эпоху в русских дипломатических документах.

[28] По-русски: «*К нашим счастливым дверям*», что является довольно любопытной имитацией османского дипломатического стиля.

[29] [В оригинале цитата такова: «…Счастливого Хандикера [посол] к нашим счасливым дверем пришел… Счасливои Хандыкер приказал ко мне свое слово о дружбе и о братстве… Счасливои Хандыкер в своеи грамоте так писал к нам: Юсуф деи князь князем князь есть, яз деи другу твоему друг буду, а недругу деи твоему недруг буду…». См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. Кн. 3. Л. 125об.–126. – *Д.М.*]. Стиль письма князя Юсуфа является любопытным примером преувеличения, которое часто встречается в посланиях ногайских глав. Маловероятно, что падишах обращался к ногайскому мирзе как к равному, предлагая ему «дружбу и братство» и обещая ему быть «другом его друзей», эта формулировка употребляется между равными, а не при обращении вышестоящего к нижестоящему. Также сомнительно, что султан дал Юсуфу титулы *emīr al-umarā* или *beylerbey*, которые весьма точно соответствуют «князю князей» из послания Юсуфа. Идёт ли речь о бахвальстве ногайского правителя, пытающегося показаться более значительным в глазах своего русского партнера, или просто об ошибке перевода со стороны московской канцелярии?

[30] Русские источники постоянно представляют Барак Невруз-Ахмеда как «хана Ургенча». Очевидно, речь идёт о путанице. Невруз-Ахмед б. Севюнч-Ходжа б. Абу-л-Хайр, долгое время являвшийся правителем Ферганы, был избран верховным ханом Абу-л-Хайридов в 959/1551–1552 гг. Его короткое правление было отмечено практически постоянной гражданской войной между его сторонниками и приверженцами другой династической ветви. Его убили во время этой смуты в 1556 г.; см. Jean-Louis Bacqué-Grammont, «Une liste Ottomane de princes et d'apanages Abu'l-khayrides» // *CMRS*, XI/3, 1970, p. 446 и ссылки. В ту же эпоху арабшахидским ханом Хорезма, т.е. Ургенча, был Дост б. Буджуга (953/1546 – 965/1557–1558). См.: E. de Zambaur. *Manuel de Généalogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam.* Hannover, 1927. P. 274.

[31] Шафран, происходящий из цветка крокуса, выращивался в основном в Италии и в Османской империи. Он почти всегда фигурирует в составе даров (*поминков*), отсылаемых царём ногайским правителям. Можно задаться вопросом, каким образом этот шафран прибывал в Москву. Выращивался ли он также в Польше и в России, или русские его импортировали?

См. статью N.Beldiceanu «Margarid – un timar monastique», *Revue des Etudes Byzantines*, 33, Paris, 1975, p. 234, «монахи Маргарида ([монастыря] Св. Иоанна Крестителя,

В послании Юсуфа не упомянуто ни имя османского посла, ни результаты его визита. И последующие девятнадцать месяцев, отношения между Османской империей и Ногайской Ордой [были] окружены молчанием.

Османский посол (тот же, что и в 1549 г., или другой?) вновь появился в волжских степях в 1551 г. Это новое посольство, по-видимому, было более значительным, чем предыдущее, что подтверждено многими ногайскими и московскими документами.

13 мая ногайские послы прибыли в Москву и 26 мая посланник Исмаила мирзы Танзубар [согласно русским источникам посла звали Тавбузар, Таузар, Тоузар. – *Д.М.*] вручил царю грамоту, в которой ногайский правитель заявлял о своём присоединении к московскому альянсу и среди прочего указал: «Я не прислушиваюсь к словам тех, [кто говорит], что Хандыкерь, Крым, Казань, Астрахань и Ногаи должны объединиться и воевать с твоей страной». Хандыкерь Султан послал [гонца] к нам, но я говорю, что не поссорюсь с Белым Царем и не пойду на него войной»[32].

Исмаил тоже просил подарки: шубы из горностая, соболя и куницы, шапку из чернобурой лисы для своей дочери, которая выходила замуж за сына «царя Ургенча»; для своего сына – руку дочери Шах-Али, царя Касимова[33] и, что было ещё более важно, для себя самого – «две малые пушки (*невеликие пушки*) с артиллеристами, чтобы сражаться со своим врагом, шевкалом Тюмени[34].

область Серрес), владели в Зихне (Zihne) шестью виноградниками, прессом для льна и шафранным полем» (1460); см. также: N.Beldiceanu, *Les actes des premiers sultans conservés dans les manuscrits turcs de la Bibliothèque Nationale à Paris*, II. Paris; La Haye, 1964, p. 216, док. 15, о выращивании шафрана в округе Кавала (1489).

[32] *ПДРВ*, VIII, с. 227–228. [В оригинале цитата такова: «… А иных людеи речам не потакаю – Хандыкерю и Крыму, Казани и Астарахани. И нашим бы нагаем всем содиначитися да твою землю воевати, о том Хандакер салтан к нам посла присылал. А яз говорю, что с белым царём не розмолвився, мне не воеватися». – *Д.М.*].

[33] Шах-Али, («Шигалей» русских источников), сын Сеид-Авлияра из династии большеордынских ханов был ханом маленького чингизидского владения Касимов, основанного как вассальное государство Московии Касимом, сыном казанского Улуг-Мухаммед-хана в 1445 г. Ханство просуществовало до 1681 г., когда умерла Фатима-султан, вдова хана Арслана. Касимовские ханы, носившие русские титулы «царь» и «царевич», принадлежали к различным чингизидским династиям: казанской, крымской, большеордынской и сибирской. Из 16 правителей [Касимовского царства] 14 были мусульманами и 2 христианами. [Шигалей, Шиг-Алей – касимовский владетель в 1516–1519 и 1536–1567 гг. (с перерывами), казанской хан в 1519–1521, 1546, 1551–1552 гг. Сын Шейх-Авлияра, племянника последнего золотоордынского хана Ахмеда, принадлежавшего к роду Тимур-Кутлуга. – *Д.М.*]

[34] *ПДРВ*, VIII, с. 229. [В оригинале цитата такова: «две малые (*невеликие) пушки* и с стрельцы вместе, чтоб с одново с нами недруга нашего [шевкала Тюмени] повоевали». – *Д.М.*]. «Тюменский шевкал» обозначает здесь, по всей видимости, тарковского шамхала – кумыкского князя, в то время являвшегося наиболее могущественным властителем Дагестана и традиционным союзником османцов, а не хана Тюмени – другого

Месяц спустя, 7 июля 1551 г., гонец доставил царю грамоту от ранее отправленного к князю Юсуфу посла Петра Тургенева, содержавшую новые уточнения о военных действиях османов и крымских татар на Нижней Волге: «…От турецкого царя к князю Юсуфу прибыл посол. Звать его Чавуш (sic)… и от Крымского царя [хана Девлет-Гирея] прибыл посол к князю Юсуфу. Говорят, что Крымский хан хочет послать против твоих границ людей большим числом, и он хочет, чтобы князи Юсуф и Исмаил послали своих людей с ним…»[35].

Далее следует долгий перечень жалоб на Юсуфа, который, видимо, плохо принял посла Московии, затем идут следующие уточнения: «…Имя турецкого посла – Ахмед-чавуш, а крымского посла – Тагизешки… Крымские послы прибыли к ногаям, чтобы побудить их выступить с Крымским царем против России. Они преподнесли дорогие дары князям Юсуфу и Исмаилу, и их приняли с превеликими почестями…»[36].

Мы, к сожалению, не обладаем ни одним османским или крымским документом этого года, который позволил бы подтвердить или опровергнуть утверждения посла Московии. Некоторые советские историки, в частности, Кушева, считают, что чавуш Ахмед, находившийся с визитом в ногайских улусах и у астраханского хана Ягмурчи, получил поручение организовать крупную антимосковскую коалицию[37]. Это кажется маловероятным, учитывая отсутствие интереса и даже почти полное игнорирование османами их далёкого северного соседа. Более правдоподобно предположение, что османы пытались просто обеспечить себе свободный проезд к своим узбекским союзникам, а, может быть, также и получить поддержку ногаев ввиду возможных действий крымских армий против Сефевидов через Северный Кавказ.

В тот же день, 7 июля 1551 г., царю была вручена другая грамота от Петра Тургенева. Она более подробно рассказывала о визите османского чавуша к

кумыкского князька – владения которого были расположены в низовьях Терека и который был союзником Русских, и не сибирского хана, которого дипломатические документы также называют «царём Тюмени». Говоря о дагестанском властителе, русские источники постоянно используют термин «шевкал», а не «шамхал».

[35] *ПДРВ*, VIII, с. 254–256. [В оригинале цитата такова: «…Да от царя, государь, от турсково посол пришел к Юсуфу князю, Чавушом зовут, а пришел, государь, с тем же делом, что я к тебе, царю государю, в Смаилеве грамоте писал о турском деле... Да от царя, государь, от крымсково [хана Девлет-Гирея – прим. ред.] посол пришол к Юсуфу князю. Да к Исмаилю посол же пришол. Сказывают, государь, с тем пришли, что крымскои царь хочет на твои государевы украины своих людеи многих послать воевать». – *Д.М.*].

[36] *ПДРВ* , VIII, с. 260–261. [В оригинале цитата такова: «…А турскому, государь, послу имя Ахмет чеушь. А крымскому послу имя Тагызекши, а те, государь, крымского посла Агуль абыз. Да однолично, государь, на твою украину, сказывают, крымским людем быти многим. А крымскои, государь, посол о том приходил в Нагаи, чтобы с крымским царем нагаи пошли на Русь». – *Д.М.*].

[37] Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // *Исторические Записки.* М., 1950. Т. 34. С. 243.

Исмаилу мирзе: «…Турецкий царь послал этой весной к Смаилу (*sic*) мирзе своего посла Чевуша (*sic*). И, говорят, государь, что он послал сказать: "В наших бусурманских книгах[38] начертано, что настали времена, когда русский царь Иван возьмёт верх над Бусурманами. Уже, он [Иван] причиняет мне большие убытки, он забрал у меня все равнины и реки: Дон и город Озов (*sic*) и разорил его; он забрал у меня всю мою власть над Азовом (*sic*). Его Козаки взимают *оброки* в Озове и не позволяют [нам] пить донскую воду. И он наносит также большое оскорбление Крымскому царю. – Какого оскорбления его Козаки не нанесли Крымскому царю?... Они пришли с войной в Перекоп… А также его Козаки взяли Астрахань. И каких зверств они только не совершали? … И Козаки царя Ивана забрали у вас оба берега Волги и разоряют ваши улусы. А также, у вас Городецкие Козаки[39] разорили ваши улусы и взяли в плен Дервиша, астраханского царя[40]. Не покрыли ли они вас позором? И неужели вы неспособны им противостоять? И сейчас он [Иван] атакует Казань. Но наша вера – вера бусурманская. Мы все Бусурмане, и мы будем противостоять ему все вместе. Вы знаете, что я возвёл на Крымский престол своего царя[41], он исполняет то, что я ему повелеваю. Из Астрахани также попросили у меня царя. И я послал царя в Астрахань. Тех из астраханских людей, которые были в Крыму[42], я их сейчас отсылаю. И Козаки также попросили меня о царе. И я отсылаю им царя из Крыма. А ты, Исмаил мирза, по отношению ко мне выказываешь добрую дружбу, отошли своих людей на помощь Казани, когда я пошлю туда царя и окажи свою помощь моему городу Озову в борьбе с Козаками царя Ивана. И если ты мне поможешь, я сделаю тебя царём Озова. Со своей стороны, я не могу помочь моему городу Озову, так как он находится слишком далеко от меня".

И Исмаил мирза сказал Тафкаю[43]:

[38] Производное от слова «мусульманин», используемое в русском языке с ярко уничижительным смыслом, является синонимом слова «неверный».

[39] Городецкие казаки, противопоставившие себя более или менее независимым запорожским или донским казакам, образовывали военные поселения в пограничных областях Московского государства и подчинялись воеводам, командующим пограничными районами. Здесь идет речь о селениях казаков на Среднем Доне.

[40] Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар, внук хана Большой Орды Шейх-Ахмеда и противник хана Ягмурчи, в то время – сторонник ориентации на Московию, занял астраханский престол до 1511 [1551. – *И.М.*] г. В октябре того же года, он прибыл в Московию и получил в удел город Звенигород. В 1554 г. он был снова возведён русскими на астраханский трон, но в 1556 г. был изгнан своими бывшими покровителями.

[41] «Тахт Алган» Девлет-Гирей I (1551–1577) недавно взошёл на крымский престол, сменив Сахиб-Гирея.

[42] По всей видимости, речь идёт о пленниках, взятых во время кампании Сахиб-Гирея в 1547 г.

[43] Очевидно, Тавакиль или Тевкель, казанский татарин на службе у царя Ивана, вероятно, переводчик посольства Петра Тургенева у ногайских мирз. [Письмо было

"...Посол от Турка прибыл ко мне с тем, чтобы я объединился с Крымским царём против Царя и Великого Князя в помощь Казани. Но я хочу остаться верным правде и сохранить дружбу с Царём и Великим Князем. А Крымский царь выслал ко мне посла с тем же делом"»[44].

Мы не обнаружили в османских архивах копии послания падишаха Исмаилу, но термины в том виде, в котором они воспроизводятся русским послом, представляют весьма типичный пример «психологического отравления». В действи-

доставлено 7 июля 1551 г. служилыми татарами Тафкеем Тимеевым и Кадыром Кудиновым из Нагаи от Петра Тургенева. (См.: *ПДРВ*, VIII, с. 268; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. Кн. 4, л. 29–36). Вторая цитата приведена уже из письма самого кн. Исмаила. Оно было доставлено послом Уразбахтыем в Москву 16 июля 1551 г., передано царю 23 июля. См.: *ПДРВ*, VIII, с. 281–282; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. Кн. 4, л. 52–53. В третьем послании кн. Исмаил предупреждал не об османской угрозе, а о том, что «братья мои меншие и дети хотят ити», а послов султана и крымского хана задержал у себя и отправил посла Байтерека с известием. См.: *ПДРВ*, VIII, с. 295; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. Кн. 4, л. 66–68. – *Д.М.*].

[44] *ПДРВ*, VIII, с. 255–263. [В оригинале цитата такова: «Да прислал, государь, турскои царь к Смаиль мирзе посла своего, чевушем зовут, сее весны. А, сказывают, государь, с тем прислал: "в наших деи в бусурманских книгах пишетца, что те лета пришли, что русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока. Уж деи мне от нево обида великая: поле деи все да и реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнел, да и Озов город пуст у меня доспел, поотымал всю волю в Азове, казаки ево с Озова оброк емлют и воды из Дону пить не дадут. А крымскому деи царю по тому же и обиду чинит великую, какую деи соромоту казаки ево крымскому царю учинили, пришед Перекоп воевали. Да ево же деи казаки Астарахань взяли и какую грубость учинили. Да царя же деи Ивана казаки у вас Волги оба берега отняли и волю у вас отнели и ваши улусы воюют. Да у вас же деи, пришед, городетцкие казаки в улусы ваши воевали да и Дервиша царя астараханского полонили. И то деи вам не соромоту ли учинили? Как деи за то стать не умеете? А Казань деи как ныне воюет? А ведь деи наша ж вера – бусурманская, и мы деи смолылись все бусурмане и станем от нево боронитца заодин. Ведь деи ведаете, что ныне на Крыме мои посажен царь, как ему велю, так делает. Из Астарахани присылали жо ко мне царя просить, и яз часа того посылаю царя на Астарахань. Которые люди полонены были в Крым из Астарахани, и яз тех людеи в Астарахань поотпущал, а иных часа того отпущаю. Да и козаки ко мне присылали же царя просить, и яз ис Крыма однолично царя посылаю. И ты б Исмаиль мирза дружбу мне свою учинил великую, чтобы еси поберег Казани, людеи своих послал на помочь Казани, докуды яз царя пришлю. Да ты же бы Исмаиль мирза пособил моему городу Озову от царя Ивана казаков. И станешь пособлять, и яз деи тебя на Озове царем учиню. А мне своему городу Озову пособить не мочно, стоит от меня далече".

И Исмаил мирза сказал Тафкаю: "...пришол деи ко мне от турского посол о том, чтобы я с крымским царем стал на царя и великого князя заодин и Казани бы помогал. И яз хочю правду и дружбу держати с царем и великим князем. Да и крымскои царь о том же ко мне посла прислал"». – *Д.М.*].

тельности маловероятно, чтобы султан Сулейман мог обращаться с малоизвестным правителем кочевников на почти равной ноге, снисходя даже до того, чтобы просить его поддержки для защиты Азака и Казани. Послание султана изобилует неправдоподобными деталями. Дервиш-Али никогда не был пленником казаков, и невозможно, чтобы последние могли просить у Падишаха «послать им царя». Что касается ссылок на «бусурманские книги», предсказывающие власть царя России над исламом, это не может быть ничем иным, как только вымыслом. Было бы интересно узнать, кто являлся автором этой мистификации? Исмаил, пытавшийся увеличить свой престиж в глазах царя и приобрести его поддержку в борьбе против своего брата и врага Юсуфа? Или сам посол Тургенев? Если только эта грамота не была фальшивкой, сфабрикованной московской канцелярией, чтобы оправдать готовящуюся кампанию против Казани?

Послание Исмаила царю Ивану, доставленное в Москву послом Теребердеем [согласно русским источникам: Тягрибердеи, Тяриберди. – *Д.М.*] 16 июля 1551 г. было более лаконичным: «Султан Хан Дюкер (Хандикерь = Падишах) отправил к нам посла и Крымский хан послал своего человека, чтобы мы все вместе пошли войной на Москву... но я не внимаю их словам»[45].

Спустя два месяца, в сентябре 1551 г., ногайский посол Байтерек доставил в Москву новое послание Исмаила, в котором ногайский глава ещё раз предостерегал царя от османов, (*и ты б берёгся*) и подтверждал приезд посла от султана: «...от нашего правителя, Салтана (*sic*), прибыл посол, и другой посол был отправлен [к нам] от Крымского, и третий посол от Астраханского [хана]». [В оригинале цитата такова: «...государя нашего салтанов посол и крымского посол, и астараханскои посол все пришли». – *Д.М.*].

Исмаил просил в благодарность за свою лояльность несколько подарков: шубу из горностая, шатёр, два отреза сукна, два серебряных кубка и немецкое железо [точнее: шубу и тягиляи из горностая, шатёр, два отреза сукна, сюлею[46] и два серебряных кубка и немецкое железо. – *Д.М.*][47].

Первый османский документ, касающийся ногайских дел, датируется февралём 1552 г. Это *хюкюм*[48] Девлет-Гирею, крымскому хану, датированный 23 *сафара* 959 (19 февраля 1552) г.[49] Он даёт отличную от русских источников

[45] *Там же*, VIII, с. 281. [В оригинале цитата такова: «Салтан Хандыкерь посла прислал, крымский царь прислал же человека, чтобы нам всем заодин Москва воевати ... яз их речем не потачю». – *Д.М.*].

[46] Сюлея – плоская посуда с горлышком для вина или любая бутылка. – *Д.М.*

[47] *Там же*, VIII, с. 295. [Точнее: *ПДРВ*, VIII, с. 295–296. – *Д.М.*].

[48] *Хюкюм* – технический термин, использовавшийся в «Реестрах важных дел» («Мюхимме дефтерлери») для обозначения записанных в них копий указов (приказов) (*хюкюм, ферман, нишан* и т.п.), изданных Высочайшим Диваном (*Диван-и хумаюн*) от имени султана, и султанских посланий (*наме-и хумаюн*) иноземным и вассальным государям. – *И.М.*

[49] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 97–99.

картину. Исмаил мирза фигурирует в нем как играющий двойную роль между Портой и Московией с целью получить максимум выгод в противовес своему брату Юсуфу и астраханскому хану Ягмурче. Там не упоминается о «московитской» опасности, нависшей над Казанским ханством, которым Османская Порта, по всей видимости, почти не интересовалась, что противоречит утверждениям русских историков[50]:

«…Ныне один из ногайских беев, Исмаил мирза, прислал своего посланника Кувандыка к нашему Порогу – прибежищу счастья, чтобы попросить нас о присылке ему императорского *санджака* и некоторого числа аркебузиров *(тюфенкчи)*. Он [также] просил [позволения] прочесть в его стране *хутбу* для прославления моего почитаемого имени. Когда вышеуказанный Исмаил-мирза совершал набег на Московию, мирза Ягмурча-хана по имени Карагалпак, взбунтовавшись, проник туда [в ногайские земли]. Он взял в плен подданных вышеуказанного [Исмаил-мирзы], разграбил страну и увёл с собой [пленных].

Он [Исмаил-мирза] испрашивает моего священного приказа, чтобы прекратить эти бесчинства. Ввиду того, что страна ногаев находится на весьма удалённом расстоянии [от нашей Порты] и что все дела, касающиеся этой страны вам известны [лучше], мы полагаемся на вас во всём, что касается этого [вопроса]. Примите соответствующие меры и действуйте так, как сочтете наиболее целесообразным»[51].

Ещё в феврале 1552 г. в ответ на послание Девлет-Гирея (к сожалению, утраченное) падишах приказал послать августейшее послание (*наме-и хумаюн*) крымскому хану, в котором, прося его защитить Астрахань от презренных неверных московитов, фактически предоставлял ему полную свободу действий в делах, касающихся Нижнего Поволжья, «слишком отдалённого от Блистательного Порога»:

«Его высочеству хану[52]

[К нам] прибыло Ваше письмо, исполненное преданности. В нём вы доводите до нас сведения об Эждерхане и Маскове и о купцах, которые ездят из Шемахи в Эждерхан, а также новости о положении ногаев, кроме того, вы нам отослали письма, которые прибыли к вам из Эждерхана и Маскова. Всё, что вы сообщили, было подробно доведено до моего священного сведения.

Учитывая, что во всех делах, касающихся этих областей, вы имеете обширные знания и разнообразные сведения как об Эждерхане, так и о ногаях или

[50] Например, в реестре K.888, который охватывает 1552 г., мы не нашли ни одного упоминания о Казанском ханстве, за исключением одного весьма косвенного указания [см. ниже].

[51] Архив Музея дворца «Топкапы» (TSMA), K.888, fol. 74 recto. Приказ Девлет-Гирей-хану от 23 *сафара* 959 / 19 февраля 1552 г.

[52] TSMA, K.888, fol. 98 verso. Приказ хану не датирован. Документ, непосредственно предшествующий этому приказу, датирован 3 раби I 959 / 28 февраля 1552 г.

Московии, мы доверяем обоснованности вашего суждения по всем относящимся к этому [региону] вопросам.

Действуйте наилучшим образом в интересах религии и государства, предпринимайте многочисленные и большие усилия в целях обороны и защиты стран ислама и уничтожения плетущих интриги неверных и других смутьянов без ограничений.

Направление донесения нашему Порогу Счастья о делах в Эждерхане и других делах подобного характера и [ожидание] прибытия ответа требуют много времени, что могло бы привести к отсрочке и промедлению в [решении] этих вопросов. Посему, если представятся дела подобного рода, не ожидая [нашего] ответа на ваше донесение, безотлагательно принимайте те меры, которые сочтете необходимыми, затем доложите о принятых Вами мерах.

[Нами] решено осуществить победоносную императорскую кампанию, сопровождаемую счастливыми предзнаменованиями и исполненную удачи, если будет угодно Всевышнему – да будет вознесена хвала ему и да будет он превозвышен! – и [по этому поводу] вам было послано священное письмо (*nāme-i šerīf*). Пребывайте в готовности и будьте настороже, в соответствии с полнейшей верности и совершенной преданностью, которые вы выказываете моему Высокому Порогу. Я ожидаю, что вы проявите себя во всякого рода доблестных и храбрых деяниях в делах, касающихся веры и нашей императорской державы, на всех направлениях, будь то со стороны неверных Маскова или с других сторон.

Пусть наш Всевышний – да будет вознесена хвала ему и да будет он превозвышен! – направит свои благодеяния, и мы просим чудес от Всевышнего [Пророков], да будут всегда побеждать и одолевать главы армий ислама, и да будут враги веры побеждаемы и покоряемы!

Предпримите все необходимые меры, касающиеся дел в Эждерхане. Я надеюсь, что враги веры не познают победы и что она [область Эждерхана] будет сохраняема и защищаема от презренных неверных»[53].

В марте 1552 г. царю было доставлено донесение его посла Севастьяна, который тогда находился у астраханского хана: «…Послы из Цареграда (=Стамбул), Крыма и Астрахани прибыли к ногаям; посол Турецкого Салтана (*sic*) называет себя Агметага (*sic*), а посла крымца зовут Хозяш (=Ходжа)»[54].

В отличие от османов, русские внимательно наблюдали за событиями на Нижней Волге, но, видимо, преувеличивали агрессивные намерения Османской Порты. В это время они [русские] действительно активно вели приготовления к

[53] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 100–104. – *И.М.*

[54] *ПДРВ*, VIII, с. 327–328. [В оригинале цитата такова: «А изъ Царягорода и исъ Крыма въ Астрахань принасъ послы пришли Турского Салтана посолъ Агметъага, да Крымсково Хозяшъ, и царь ихъ хочетъ отпустити, как Волгу Нагаи перелезутъ». См.: *ПДРВ*, VIII, с. 327–328. – *Д.М.*].

военной кампании, которая привела бы их к завоеванию Казани, и им необходимо было любой ценой нейтрализовать ногаев в этом конфликте.

Казанский хан Шах-Али, возведенный [на престол] русскими, добровольно покинул город весной 1552 г., чтобы уступить место русскому наместнику. Казанцы отказались принять последнего и пригласили на престол Ядигара б. Мухаммеда, чингизида из династии астраханских ханов. В ответ русские собрали в Москве значительную армию – самую многочисленную, которую когда-либо собирал Иван IV[55]. Со своей стороны, крымский хан Девлет-Гирей спешно мобилизовал татарскую кавалерию, чтобы прийти на помощь казанцам. Ногайские кланы, даже те, которые были враждебны русским, не тронулись с места. Русская и крымская армии двинулись в путь почти одновременно. 16 июня 1552 г. царь покинул Москву, чтобы в Коломне присоединиться к своим полкам, идущим к Волге. 21 числа того же месяца хан появился перед крепостью Тула, прикрывавшей южные подступы к Москве. Его армия, состоящая из крымских татар, помимо ногаев, располагала несколькими пушками, обслуживавшимися, по-видимому, крымскими, а не османскими артиллеристами. На следующий день хан совершил попытку осады и с большими потерями [для татар] был отражен. Единственная попытка татар спасти Казань закончилась, таким образом, кровавым поражением. Армия хана вернулась в Крым, преследуемая русскими. Достаточно любопытно, что крымский поход против Московии не упоминается в реестре K.888 Топкапы, который включает османские документы 1552 г.[56]. Ещё один раз Блистательная Порта не проявила, кажется, интереса к событиям на далёком севере.

Однако от этого судьбоносного периода, когда решалось будущее мусульманского мира Восточной Европы, мы располагаем несколькими ценными османскими документами, касающимися Нижнего Поволжья. Один из них, приказ хану Девлет-Гирею, датированный, вероятно, 30 *джумада* II 959 (13 июня 1552 г.), т.е. временем, когда хан только что покинул Крым, ссылается на «дела Астрахани и ногаев», но не упоминает ни «московитов», ни Казань. Напротив, хану рекомендуется «остерегаться любой невнимательности в том, что касается интриг и мятежей неверных Польши», врагов русских, натиск которых на Москву мог бы спасти Казань. Интересы Блистательной Порты и Крымского ханства существенно отличались в том, что касалось Московии:

«Приказ его присутствию хану.

Настоящим Вы сообщаете, что Джан-Берди был назначен главнокомандующим (*serdār*) во главе армии, выступившей в настоящее время в поход, переправленной через реку Озю и следующей дальше. Всё это во всех подробностях было в точности донесено до нашего мироукрашающего сведения.

[55] Согласно русским хроникам, она насчитывала 150 000 человек и 150 пушек.

[56] Этот поход вскользь упомянут в копии султанского послания хану Девлет-Гирею от 26 раджаба 959 / 18 июля 1552 г., зарегистрированном в указанном реестре. Публикацию см.: ДИВУР. С. 114–117. – *И.М.*

С тех пор, как периодически вы детально сообщали обо всех делах в этой стране, вам были доверены все вопросы, касающиеся этих областей, как дела Астрахани, ногаев, так и … [оставлен пробел]. Действуйте наилучшим и наискорейшим образом в части принятия мер. Остерегайтесь любой невнимательности в том, что касается интриг и мятежей неверных Польши. Не уводите войска из районов Озю и Аккирмана, [так как] дела в этих землях являются наиболее важными.

Ранее вам было послано наше августейшее послание, в котором мы излагаем наши пожелания с тем, чтобы меры, которые вы приняли, принесли хорошие результаты и чтобы бесчисленные и победоносные армии, посланные против презренных неверных, сопровождались нашим благословением.

Инструкции, изложенные в нашем священном послании, по-прежнему в силе. В соответствии с исключительной верностью и добрым расположением, которые вы проявляли по отношению к нашему Порогу – прибежищу мира, предпримите все возможные усилия в том, что касается дел истинной веры и нашего Вечного государства.

Сделаете всё необходимое, чтобы не уводить войска с границ Аккирмана и Озю, и проявляйте исключительную бдительность с тем, чтобы никакого вреда не было нанесено со стороны неверных из Польши для *райи*[57] Богохранимых владений ислама по причине какой-либо небрежности.

Просим Всевышнего Бога, возносим ему хвалу, чтобы он уделил и даровал войскам ислама всяческие завоевания и победы, и чтобы не избегнувшие несчастий враги веры никогда не были избавлены от унижений и ужаса. Не преминьте пустить слухи, что быстрые как ветер татарские войска будут посланы против неверных области Трансильвания. Мы отказались от намерения посылать войска в эти места. Пусть [об этом] никто не узнает.

Не преминьте сообщать нам другие новости о вашем здоровье»[58].

Другие турецкие документы, имеющие отношение к Нижнему Поволжью – это приказы, изданные Блистательной Портой весной 1552 г. Они касаются проблемы, которую османы рассматривали как действительно более важную, чем участь отдалённого Казанского ханства: проблемы их отношений с Узбекским ханством. Речь идёт о приказах представителям власти, находящимся на пути в Мавераннахр и касающихся возвращения в Центральную Азию послов правителей Бухары, Самарканда и Ургенча:

1. – *Приказ бею Кафы*[59].

«Посол из города Бухары к моему Порогу Счастья изложил нижеследующее. В настоящее время люди, которые проделывают путь туда и обратно из

[57] *Райя* – в османских источниках: немусульманские подданные султана. – *И.М.*

[58] TSMA, K.888, fol. 255 recto, приказ хану Девлет-Гирею, не датирован; следующий приказ, тому же адресату, датирован 20 джумада II 959 / 13 июня 1552 г. [Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 105–109. – *И.М.*].

[59] TSMA, K.888, fol. 160 verso, приказ бею Кафы, не датированный; следующий документ в fol. 161 verso датирован 17 раби II 959 / 12 апреля 1552 г.

области Самарканда и Бухары, чтобы совершить паломничество в Святую Мекку, вернулись из паломничества, пройдя через порты Самсуна и Синопа. По прибытии в Кафу они готовятся вернуться к себе. Ввиду того, что он [посол] просит [об издании] священного приказа, чтобы их задержали до его прибытия в Кафу, я повелеваю вам не давать разрешения уроженцам этих стран, которые в данный момент находятся [в Кафе] и которые хотели бы уехать, до тех пор, пока не прибудет посол, который сейчас находится в моей Счастливой Порте, с тем, чтобы они могли уехать все вместе».

2. – *Приказ кади и диздарам, находящимся на пути из Эдирне в Кафу, Ор и Азак*[60].

«Посол, прибывший к моему Порогу Счастья от хана Самарканда, образец равных и подобных себе Дост-бай – да возвысится слава его! – получив мой благожелательный императорский отпуск, возвращается к себе. Вследствие этого я приказываю: когда он будет находиться на территории, подведомственной одному из вас, никому не позволяйте чинить препятствий ему или его людям на малых или больших дорогах, на станциях и на этапах, на всех переправах и переходах. Предоставьте им все необходимое снаряжение и сбрую, не допускайте в их отношении проволочек и давайте им сопровождение для прохода через гибельные или опасные места из того числа людей, какое потребуется. Пропускайте их от одного из вас к другому целыми и невредимыми. В обмен за их деньги предоставляйте им провизию и всё необходимое. Никому не позволяйте причинять им вред».

Было передано *чавушу* Насуху в последний день джумада I[I] 959 г.

«Копия того же содержания была вручена Дадаш бею[61], человеку Невруз Ахмед-хана. Были также посланы лошади для их хана и был написан приказ, чтобы они тоже не чинили препятствий».

Два последних документа более интересны, так как они касаются прибытия в Стамбул и отъезда в Центральную Азию посла хана «Ургенча» Невруз-Ахмеда в сопровождении османских аркебузиров и *чавуша* Ахмеда, (последний определённо то же лицо, что и турецкий посол, упомянутый в переписке между царём Иваном и ногайскими мирзами):

«Приказ Девлет-Гирей-хану.

От его высочества Невруз Ахмед-хана – да будет вечной его слава! – к нашему Высокому Порогу прибыл гордость благороднейших и славнейших, средоточие совершенств и достойных дел Кемаль Таташ в сопровождении некоторых моих слуг, аркебузиров (*тюфенкчи)* с их *агами* и *кетхудами,* [*над строкой добавлено*: а также один из чавушей моей Высокой Порты, образец славнейших и благороднейших Хаджи Ахмед – да продлится вечно слава его!].

Если будет угодно Всевышнему и Всеславному Аллаху, когда они прибудут в эти места, Вы в соответствии с [Вашей] многой преданностью и добрыми намерениями по отношению к моему Порогу – прибежищу мира предпримите все похвальные усилия с тем, чтобы они смогли продвигаться дальше в полной безопасности и невредимости»[62].

Копии приказа в тот же день были отправлены Ахмед-Невруз-хану [Невруз-Ахмед-хану. – *И.М.*], хану Астрахани Ягмурче, которого османская канцелярия титуловала скромным титулом «бей», и Юсуфу, который аттестуется просто как «один из ногайских беев»[63].

Тем же днём датирован другой документ: приказ османским властям и союзникам Порты, находящимся на пути в Трансоксиану [Мавераннахр] с целью облегчить возвращение в Центральную Азию посла Невруз-Ахмед-хана в сопровождении чавуша Ахмеда:

«Приказ санджакбеям и кади, которые находятся [на пути] от моего Порога – прибежища мира до страны Мавераннахр[64]:

Кемал Таташ – да продлится вечно слава его! – прибывший к моему Порогу – прибежищу мира от его высочества прибежища султаната Невруз-Ахмед-хана был отослан [в свою страну] в сопровождении некоторых из моих слуг, [*над строкой добавлено*: а также один из чавушей моей Высокой Порты, образец славнейших и благороднейших Хаджи Ахмед – да продлится вечно слава его!].

Когда он прибудет на территорию, находящуюся в вашем ведении, никому не позволяйте нарушать, вопреки священному шариату, покой его или сопровождающих его людей, и оградите их от каких-либо хлопот и затруднений, будь то на переездах или переходах. Пропускайте их целыми и невредимыми от одной территории к другой.

Кроме того, не позволяйте кому бы то ни было нарушать покой людей, которые прибудут от вышеназванного хана в качестве послов к моей резиденции. Как только они прибудут на территорию, находящуюся в вашем ведении, пропускайте их целыми и невредимыми, без задержек и препятствий к моему Порогу Счастья».

---

[60] TSMA, K.888, fol. 237 verso, приказ, врученный *чавушу* Насуху, в последний день *джумада* II 969 / 22 июня 1552 г., адресованный кади и диздарам [комендантам крепостей. – *И.М.*], находящимся на пути из Эдирне в Кафу, Ор и Азак.

[61] Речь идёт о том же персонаже, чьё имя пишется Tātāc и Tātāš в следующих документах.

[62] TSMA, K.888, fol. 255 [recto], приказ хану Девлет-Гирею, переданный 20 *джумада* II 969 / 13 июня 1552 г. *чавушу* Насуху. [Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 110–113. – *И.М.*].

[63] Это между прочим указывает на неведение османов о состоянии дел на Волге. Ягмурча был чингизидским владетелем и заслуживал титула «хан»; Юсуф был в то время верховным правителем Ногайской Орды и в этом качестве он единственный [среди ногаев] носил титул «бея».

[64] TSMA, K.888, fol. 255 verso, приказ, врученный чавушу Насуху 20 джумада II 959 / 13 июня 1552 г..

Этот документ позволяет восстановить первую часть маршрута чавуша Ахмеда, который весной 1551 г. (если только уже не осенью 1549 г.) отбыл в Нижнее Поволжье, нанёс визит ногайским правителям, затем, вероятно, осенью 1551 г., проследовал дальше к Хорезму. Возможно, он вернулся в Стамбул с посольством хана Ургенча весной 1552 г., чтобы почти сразу вновь уехать в Центральную Азию. Нам, однако, неизвестно, присоединился ли он к отряду турецких янычар и артиллеристов или путешествовал с небольшим эскортом. Ни русские источники, ни османские документы не уточняют этого. Согласно М. Диксону[65] и [Е.Н.]Кушевой[66], приблизительно в 1550 г. или в период с 1551 г. по 1552 г., по просьбе хана Абдул-Латифа из Самарканда отряд в 300 османских янычар с несколькими пушками был отправлен в Центральную Азию, но прибыл туда только после смерти Абдул-Латифа в 1551 г. Некоторых из этих янычар застал в 1555 г. Сеиди-Али-Реис в Хорезме; мы однако не знаем, следовал ли чавуш Ахмед с этим отрядом.

Летом 1552 г., в тот момент, когда армии московитов приближались к Казани, в Астрахани произошёл переворот. Хан Ягмурча, который в 1551 г. принёс клятву верности (*бил челом*) царю, перешел на сторону Крыма, принял тринадцать пушек, которые ему предложил Девлет-Гирей, и приказал выслать московского посла на один из островов Волги[67].

Таким образом, кажется, что вопреки своему сюзерену османскому падишаху, крымский хан, лучше осведомлённый о намерениях Москвы и лучше осознающий опасность, которую она представляла для татарского мира, попытался в данном случае создать на Нижней Волге под своей эгидой антирусский фронт при содействии астраханского хана и князя Юсуфа. Его усилия подтверждены посланием, доставленным 26 июня 1552 г. послами состоявшего в открытом конфликте со своим братом мирзы Исмаила, царю Ивану, который находился в тот момент в Коломне на пути в Казань. Послание сообщало о прибытии крымского посольства к князю Юсуфу, но утверждалось, что причины его неизвестны[68].

15 июля 1552 г. два казанских татарина на службе у царя Ивана, Семен Тутаев и Сююндук Мусаев, которые были посланы к князю Юсуфу, вернулись в Муром, где в то время находился царский двор, и рассказали, что пока они находились в стране Ногаев, «…послы числом около тридцати прибыли из

---

[65] Martin B. Dickson, *Shah Tahmasb and the Uzbeks* (*The Duel for Khurasan with Ubayd Khan 930–946* (*1524–1540*), (докторская диссертация, машинописный текст). Princeton, 1958. P. 129–130.

[66] Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 239–240.

[67] *Там же*, с. 245.

[68] *ПДРВ*, IX, с. 30. [Речь идет о донесении служилых татар Акчуры Каипова «с товарищи», доставленном после 26 июня 1552 г. царю в Коломну. В нем отмечалось: «А присылка при нихъ изъ Крыма была къ Юсюфу Князю, о чемъ же, того не известно». См.: *ПДРВ*, IX, с. 28–30. – *Д.М.*].

Крыма к князю Юсуфу и другим ногайским мирзам, предлагая им вступить в союз с Царём [= Крымским Ханом] против Великого Князя Ивана Васильевича и послать [против него] своих людей вместе с его людьми»[69].

Запоздалые усилия Девлет-Гирея не могли спасти Казань. 13 августа 1552 г. русская армия достигла Свияжска; 25 августа Казань была окружена; 30 сентября минами были взорваны стены и 2 октября татарская столица пала в результате генерального штурма.

За несколько дней до финальной атаки, 24 сентября 1552 г., Османская Порта направила хану Девлет-Гирею приказ, который является единственным османским документом, кратко упоминающим о проблеме Казани и ногаев, и о попытке крымцев спасти ханство на Средней Волге:

«...Только что прибыло ваше письмо, исполненное искренности, где изложена ситуация в стране Газан, сообщающее новости о ногаях и описывающее поход, который вы недавно совершили. Всё, что было изложено и объяснено по поводу этих областей было объято и охвачено нашим благородным мироукрашающим познанием...»[70].

Но остальная часть императорского послания касалась лишь дел в Польше, Молдавии и Трансильвании, которыми Блистательная Порта интересовалась больше, чем Волгой.

Накануне падения Казани, 3 октября 1552 г., грамота от ногайского мирзы Касая[71], союзника Исмаила, вследствие этого придерживающегося русской ориентации, которая была доставлена в московитский лагерь 30 сентября, была переведена на русский язык и вручена царю Ивану. Помимо прочих заверений в преданности там было сказано:

«...Хандыкерь и Крымский царь отправили к нам своих послов, [приглашая нас] объединиться [с ними] и пойти войной на Россию. Но мы отказались, и человек, который явился к нам от них, находится сейчас у нас, закованный в кандалы (*ныне у нас в крепи*). Вот почему мы отправили нашего посла к нашему брату Белому Царю. Мы выступим против Крыма, когда вы решите…»[72].

---

[69] *Там же*, IX, с. 32. [15 июня к царю в Муром вернулись от Юсуфа служилый татарин Семен Тутаев и вож Сююндюк Мушаев. [В оригинале цитата такова: «…А при них ис Крыма пришли в Нагаи послы к Юсуфу князю и ко всем нагаиским мирзам, 30 человек с тем, чтобы со царем [=крымским ханом] содиначились на царя и великого князя [Ивана Васильевича], людеи бы от себя воиною посылали. А крымскои царь по тому ж людеи своих воиною учнет посылати.». – *Д.М.*].

[70] K.888, fol. 447 recto, приказ Девлет-Гирей-хану, суббота 5 шавваля 959 / 24 сентября 1552 г., написанный в Константинополе. [Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 118–121. – *И.М.*].

[71] Мирза Касай [Касим. – *Д.М.*] был сыном Шейха-Мамая, брата Мусы, т.е. двоюродным братом Юсуфа и Исмаила.

[72] *ПДРВ*, IX, с. 44. [В оригинале цитата такова: «...Хандыкерь да крымскои царь к нам послов своих прислали, чтоб нам троим, содиначився, Русь воевати, и мы тово не придумали. А тот человек, которои к нам от них пришел, ныне у нас в крепи. К брату

Мы не знаем имени турецкого посла, прибывшего к ногаям, и ни один османский документ не упоминает об этом новом посольстве, которое на самом деле должно было быть исключительно крымским. Как бы то ни было, этим послом не мог быть *чавуш* Ахмед, так как в то время он уже находился в Трансоксиане, как это следует из рассказа Сейиди-Али-Реиса.

Впрочем, чисто татарский характер этого последнего посольства подтверждается донесением, представленным 19 октября 1552 г. в Москву одним из казанских татар, находящимся на службе у царя Ивана, Тегрикулом Шийдяковым (сыном Сеид-Ахмеда), который был послан в страну ногаев:

«...Крымские послы появились у Ногаев с весны у Исмаила. Говорят, что Крымский царь послал их, чтобы [побудить их] выступить и пойти войной на границах Царя и Великого Князя [Ивана IV] в тот момент, когда он [Хан] будет готов. Юсуф пригласил Исмаила прибыть к нему, чтобы решить, что следовало делать: развязать войну против Великого Князя вместе с Крымским или нет. И Исмаил, видимо, отказал Юсуфу, заявив, что он не пойдёт войной на Великого Князя и не пошлёт своих людей против него»[73].

Усилия крымцев по составлению антимосковской коалиции должны были принести какие-то плоды, так как в 1553 г. Юсуф принял участие в кампании Татар против окраин Московии, кампании, в которой также принял участие отряд в 500 человек со стороны хана Ягмурчи из Астрахани, но эти беспокоящие набеги не могли спасти Астраханское Ханство. В октябре 1553 г. Исмаил срочно отправил в Москву посольство, прося царя защитить его от Ягмурчи и предлагая помочь московским армиям в завоевании Астрахани. Летом 1554 г. русская армия в 30 000 человек под командованием воеводы князя Юрия Шемякина-Пронского спустилась вниз по Волге, разгромила южнее Переволоки астраханскую армию. Ягмурчи спасся бегством в Азак и в августе 1554 г. русские, не встречая сопротивления, заняли Астрахань. На престол был возведён московский претендент Дервиш-Али.

К сожалению, для периода от 1553 г. по 1556 г., год окончательного разгрома Астраханского ханства, мы не располагаем ни одним османским документом, касающимся ногайских дел. Большая коллекция «Мюхимме дефтерлери» начинается лишь с 3 тома, относящегося к 1558 г.[74] Таким образом, мы полностью зависим от документов из русских архивов, к счастью, достаточно многочисленных и достаточно богатых для этого периода.

Они позволяют нам практически день за днём проследить развитие братоубийственного конфликта, противопоставившего клан Юсуфа и клан Исмаила, в котором приняли участие все другие ногайские улусы и который, будучи усилен серьёзным экономическим кризисом и жестоким голодом, привёл к полному краху кочевнические сообщества в Нижнем Поволжье и облегчил завоевание [этого] региона Московией.

Начиная с 1554 г. конфликт между двумя братьями принял «международный» характер. Юсуф, сторонник старого уклада, поддерживался Крымским ханством, тогда как Исмаил открыто ориентировался на Москву, которая признавала его верховным «беем» Большой Ногайской Орды. Зимой 1554 г. царь Иван отправил к Исмаилу крупное посольство, возглавляемое Николаем Бровцыным, с намерением заставить его принести клятву о вассальной зависимости (*шерть*). Однако посол добился лишь относительного успеха и потребовалось четыре других московских посольства в 1554, 1555, 1556 и 1557 гг., прежде чем ногайский правитель согласился принести официальную клятву о вассальной зависимости. Только начиная с 1557 г., после завоевания Астрахани, можно говорить о зависимости Великой Ногайской Орды по отношению к Московскому государству. Вынужденный бороться одновременно против клана Юсуфа, руководимого после смерти последнего в феврале 1555 г. Юнусом, старшим сыном Юсуфа, против Малой Орды и Крымского ханства на Западе и против казахских племён на Востоке, Исмаил мог надеяться удержаться у власти только с помощью русских. В ответ на эту помощь ногайская кавалерия приняла участие вместе с русскими армиями в Ливонских походах против Ордена и поляков[75].

Турецкие источники хранят молчание по поводу этого затяжного конфликта, который залил кровью Нижнее Поволжье. В османских архивах не обнаружено ничего касательно попытки захватить Астрахань в 1555 г. бывшим ханом Ягмурчей при поддержке мирзы Юнуса, отраженных русским гарнизоном, а также ничего относительно конца Астраханского ханства, аннексированного Московским государством в 1556 г.

Однако падение Астрахани и расположение московитов в дельте Волги и на берегах Каспийского моря отметили исторический поворот, по меньшей мере, настолько же серьёзный для турецкого мира, как и падение Казани. Отныне Туркестан оказался изолирован от Османской империи двумя заслонами: Сефе

своему белому царю своего посла тово для послали, мы в Крым идем, как вы придумаете». – *Д.М.*].

[73] *ПДРВ*, IX, с. 48. [Тягригул Шийдяков приехал в Москву 19 октября 1552 г. В оригинале цитата такова: «... А крымские послы в Нагаех у Юсуфа и у Исмаиля были с весны до их приходу. А присылал их, сказывают, ис Крыма царь с тем, чтоб они шли воевати на царя и великого князя украину. А он воевати готов же. И Юсуф деи о том присылал к Исмаилю, чтоб он у него был и с ним о том подумал, как тому быти, воевати ли великого князя, с крымским соединачась, или не воевати? И Исмаиль деи Юсуфу отказал, что ему воиною на великого князя не хаживати и людеи своих не посылывати». – *Д.М.*].

[74] Два первых тома «Мюхимме дефтерлери», которые охватывают 1553–1556 гг. касаются лишь различных пожалований (*дирликов*).

[75] Новосельский А.А. Указ. соч. С. 15, цитаты из русских летописей. См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Царственная книга. С. 392–400.

видским Ираном на юге и Московским государством на севере Каспийского моря[76].

Эта изоляция была трагично проиллюстрирована последующей судьбой чавуша Ахмеда и османских янычар, которые находились в Туркестане и оказались отрезаны от своей родины русским гарнизоном в Астрахани. Об этом мы знаем благодаря рассказу Сейиди-Али-Реиса «Мир'ат ал-мамалик» («Зерцало стран»)[77].

В 1553 г. командующий флотилией османских галер Сейиди-Али, получил приказ прибыть из Басры в Суэц. В водах Ормуза он встретил и успешно атаковал эскадру в 25 португальских судов. Семнадцать дней спустя, в водах у побережья Хадрамаута он атаковал другую португальскую флотилию в 34 корабля. В неравном бою Сейиди-Али потерял 6 галер и ночью сильный шторм разогнал соперников. Османский адмирал был выброшен на берег Гуджарата. С этого момента Сейиди-Али расточал чудеса энергии, чтобы вернуться на свою родину. В 1554 г. он покинул Индию с пятьюдесятью выжившими и отправился в Хорезм. Принятый в Самарканде ханом Невруз-Ахмедом, он услышал об отряде османских янычар, которые находились в то время в Центральной Азии: «...Да будет ведомо, что Блистательный Император – защитник владений [=османский падишах] отправил хану Бираку [Бараку. т.е. Невруз-Ахмеду] через шейха Абд ал-Латифа-эфенди и с посланником Дадишем нескольких аркебузиров и некоторое число артиллерийских орудий»[78].

Этот отряд янычар, отправленный Портой к Шейбанидам, чтобы научить их пользоваться огнестрельным оружием в борьбе против Сефевидов, прибыл в Центральную Азию в разгар периода анархии и разделился между несколькими узбекскими властителями, борющимися один против другого, в частности между Невруз-Ахмед-ханом (Барак-ханом) и его соперниками, Пир-Мухаммедом и Бурхан-Саидом. Сейиди-Али подробно описывает эту внутреннюю борьбу и попытки османов уклониться от неё и вернуться на свою родину: «…Между тем, некий Таш, который ранее был османским агой, пустился в путь в страну Рум по дороге в Туркестан и забрал с собой часть своих людей. Ахмед-чавуш, который также был одним из помощников Бырак-хана, отправился по пути в Бухару и

[76] Только в течение короткого периода с 1588 по 1604 гг. в тот момент, когда османы господствовали на западном побережье Каспийского моря, и флотилия турецких галер базировалась в Низабаде, южнее Дербента, могли быть восстановлены, впрочем, с большим трудом, контакты между османами и их союзниками-шейбанидами.

[77] Этот рассказ был переведён на немецкий язык в 1815 г. М.Дицем (M.V.Diez). Французский перевод был выполнен М.Морри (M.Morris) с немецкой версии, «Miroir des pays ou relations des voyages de Sidi Aly fils d'Hossain, nommé ordinairement Katibi Roumi, amiral de Soliman II», *Journal Asiatique*, t. IX, 1826, (juille–decembre). Мы используем перевод Морри и сохраняем специальную графику для передачи собственных имён.

[78] *J.A.*, op. cit., octobre 1826, p. 206. Имя «Дадиш» в точности соответствует Кемаль Таташу из османских документов реестра K.888.

Хорезм, чтобы также вернуться в страну Рум. Некоторые из янычар подались как перебежчики к хану Саид-Бурхану, другие перешли на службу к его сыновьям, так что у Бырак-хана осталось лишь сто пятьдесят человек»[79].

В 1555 г. Сейиди-Али решил вернуться в Турцию по единственному пути, казавшемуся ещё относительно используемым – астраханскому. Ему были известны все его опасности: «…Я слышал, что в этом краю встречались племена мангытов, то есть ногаев, которые угнетали людей, а также бесчисленное число казаков и каракаджисов, которые не пропускали сторонников ислама»[80].

Сеиди-Али дошёл, однако, до устья реки Яик (Урал), куда он прибыл только в 1556 г., после взятия Астрахани русскими: «…Прибыв в селение Сарайджаг (=Сарайджик), мы обнаружили несколько нагих паломников, а также трёх османов, которые покинули Самарканд после того, как им предоставили отпуск… они нам сказали: "Куда вы идёте? Город Хаштерхан (=Астрахань) только что взяли русские; Ахмед-чавуш вступил в кровавую схватку с ними, а наш ага был захвачен подданными Арслан-мирзы, который является мирзой мангытов. Поэтому этот путь стал опасным, возвращайтесь назад!"»[81].

Ни один документ из османских или русских архивов не говорит об этой битве (возможно, простой стычке между османскими янычарами и русскими, которым помогали ногаи). Арслан мирза, сторонник Исмаила, хорошо нам известен по русским архивам[82], но нам не известно, что сталось с чавушем Ахмедом, которого он взял в плен.

Таким образом, Сейиди-Али развернулся и возвратился в Хорезм. Он мог выбрать один из двух других маршрутов – через Багдад и через Каспийское море. Хан Хорезма, Дост-Мухаммед, советовал ему вновь попытаться пройти через Астрахань: «…Весной, – говорил он ему, – мангыты уходят на свои летние стоянки. Тогда пути через пустыню будут свободны, и русские тоже будут отражены»[83].

В итоге, пользуясь недавно подписанным миром между Портой и Ираном, Сейиди-Али вернулся на свою родину через Багдад и Анатолию. В 1557 г. он прибыл в Стамбул.

[79] *J.A.*, op. cit., octobre 1826, p. 207–208.

[80] *J.A.*, op. cit., octobre 1826, p. 209. Невозможно установить, означает ли здесь слово «Kazak» волжских казаков или казахов. Нам не известно, что означает «Karakadjisy».

[81] *Idem*, novembre 1826, p. 282–283.

[82] Он был сыном Хош-Мехмеда, брата Юсуфа и Исмаила. [Арслан являлся сыном Хаджи-Мухаммеда б. Мусы. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2001. С. 237, 249, примеч. 8 и др. – *Д.М.*].

[83] *J.A.*, op. cit., novembre 1826, p. 283.

* * *

Астрахани и Поволжью было суждено остаться в руках русских, несмотря на попытки османов в 1569 г. разбить русский заслон на севере Каспийского моря.

Поначалу русская власть не выходила за пределы узкого коридора долины реки. После смерти князя Исмаила в 1563 г., во время правления его сына Дин-Ахмеда, Большая Ногайская Орда сблизилась, тем не менее, с Крымским ханством и стала на достаточно долгий период непримиримым противником Москвы. В это время начинается новая эра конфликтов, противопоставившая на этот раз непосредственно русских и ногаев и продлившаяся до конца XVII в.; начиная с 1584 г. она будет отмечена медленным продвижением на юг «Казачьей линии», строительством русских крепостей вдоль Волги: Самары в 1586 г., Царицына в 1589 г., Саратова в 1590 г. и, особенно, появлением в 1613 г. калмыцких авангардов на Яике. Ослабленные своими братоубийственными конфликтами и русским давлением, ногайские улусы не могли противостоять великолепной военной машине, которую представляла собой Калмыцкая Орда. Вся Большая Ногайская Орда была вынуждена бежать на Запад. Перейдя Волгу к 1640 г., часть её оказалась под протекторатом Крымского ханства и растворилась в Малой Ногайской Орде, другая часть эмигрировала в 1643 г. в низовья Терека и на Кубань, откуда калмыцкие *тайши*, выполнявшие роль московских «жандармов» в регионе, в 1672 г. привели несколько кланов в Нижнее Поволжье. К концу XVII в. от грозной ногайской державы оставалось только несколько разрозненных групп[84].

Среди участников драмы, которая разыгралась в середине XVI в. на Нижней Волге, Исмаил мирза, главный союзник русских и великий кузнец московской победы, стал и одной из её первых жертв.

В августе 1562 г. он передавал царю Ивану:

«Ради дружбы с тобой я забросил братьев моих, и детей моих, и всех ногайских мирз. Ты взял Казань, и я Казани не помог… А ты пообещал дать мне Казань и не сделал этого. А после этого ты взял Астрахань, и, из дружбы с тобой, я не поддержал Астрахань. А ты пообещал дать мне Астрахань и не сделал этого. И ты не сдержал своё слово…»[85].

[84] Согласно советской переписи 1970 г., в СССР осталось только 51000 Ногайцев, из которых 22000 проживает на территории Ставрополья (в долине Кубани) и 21000 – в степях северного Дагестана (долины Кумы и Нижнего Терека).

[85] Устный доклад, сделанный царю Ивану его послом Игнатием Загряжским у князя Исмаила, вернувшимся в Москву в августе 1562 г. (*ПДРВ*, X, с. 207–208), и устное послание Исмаила, переданное царю его послом, Исенбеком, 24 сентября 1562 г. (*ПДРВ*, X, с. 212–213). [Игнатий Загряжский в августе 1562 (7070) г. и передал слова кн. Исмаила устно: «Тебя для деи есми отсталъ отъ братьи своей и отъ детей своихъ отсталъ, и отъ всехъ Нагайскихъ мырзъ для къ себе твоей дружбы. Казань дей еси взялъ, язъ дей въ томъ дружбу учинилъ. И Царь дей и великий Князь Казань взялъ. И хотелъ дей мне Казань дати, да Казани не далъ. А после того Азсторохань взялъ. И мояжъ къ нему потомужъ дружба была, за Азсторохань есми не вступился. И хотелъ былъ мне Царь и великий князь Азсторохань дати. И Азсторохани жъ мне не далъ. А всвоемъ прямомъ слове не устоялъ». См.: *ПДРВ*, X, с. 207–208. Послы Исенъбак «с товарищи» приехали 24 сентября 1562 г., на аудиенции у царя он 5 октября 1562 г. передал устно слова кн. Исмаила : «Прежъ того братство и дружба твоя къ намъ была, и слово твое къ намъ было: коли возмешь Казань, и ты хотелъ намъ отдати. И ты Казань взялъ, Казани еси намъ не отдалъ. А опосле того Асторохань еси взялъ. А хотелъ еси мне отдати, и Астороханы еси мне не отдалъ же. А изъ начала тотъ Юртъ наш былъ». – *Д.М.*].

И Исмаил просил, за неимением лучшего, права для своего улуса использовать один из протоков дельты Волги. Ответ Ивана представлял собой безоговорочный отказ под тем предлогом, что дельта принадлежала астраханским татарам[86].

Исмаил просил также у царя выдать ему чингизидов из семьи астраханских ханов, его бывших врагов, но царь ответил ему новым отказом, который отражает его религиозную терпимость, довольно удивительную для XVI в.: «…Не будем говорить, что одна религия является врагом другой религии (*вера вере не друг*) и что христианский властитель истребляет мусульман. В наших христианских книгах сказано, что не следует обращать кого-либо силой, но что Бог в другой жизни рассудит, какая вера праведная, а какая неправедная, человеку не дано судить об этом…»[87].

[86] *ПДРВ*, X, с. 277, устное послание, переданное Исмаилу Иваном Колупаевым Приклонским, послом царя Ивана, в декабре 1562 г. [Михаил Колупаев сын Приклонский был отправлен в Ногайскую орду к кн. Исмаилу в декабре 1562 г. Ему было велено говорить: «А что будто мы тебе хотели Азсторохань дати, и того въ слове не бывало. Такъ же и о Тамге слово не бывало, а что прарадителей твоихъ место шесть десять шесть шеломеней да по Бузане реке Карашихъ да Келетъ Кайтыръ словетъ, да Синее море; и ты бъ намъ ведомо учинилъ, в которомъ то месте те места. А мы техъ местъ сыскати не могли есмя. А о Бузане есмя сыскивали. Ино сказываютъ, изстари по Бузанъ, былъ рубеж Астороханской при прежнихъ Царехъ. А болши того сыскивати не могли есмя. И тыбъ своей стороны по Бузану людемъ своимъ велелъ кочевати, а за Бузанъ бы не перелазили. А и на Кондаке бы твои не кочевали». – *Д.М.*].

[87] *Грамота* царя Ивана IV, отосланная князю Исмаилу 22 сентября 1563 г. с казанским татарином Бинсубаем Бахтеяровым (*ПДРВ*, X, с. 518–519). [Действительно, в письме от 22 сентября 1563 г. от имени царя отправленном Исмаилу со служилым татарином Бинсубой Бахтеяровым «с товарищи» говорилось: «Да и то слово молвят: Вера дей вере не друг. Христианской Дей Государь Мусульмановъ того для изводитъ. А у насъ книгахъ крестьянскихъ писано николи не велено силою приводити къ нашей вере; но хто какову веру захочет, тотъ такову веру и веруетъ. А тому Богъ судитъ въ будущей векъ хто веруетъ право или не право, а человекомъ того судити недано». См.: *ПДРВ*, X, с. 318. – *Д.М.*].

Элен Каррер д'Анкос

Торговые пути Центральной Азии и попытки отвоевания Астрахани*

Присоединение Астрахани к России в 1554 г. вызвало несколькими годами позднее первый конфликт, противопоставивший Османскую империю Московскому государству. Османские архивы в новом свете раскрывают не только неудачный поход 1569 г.[1], но и более непонятный эпизод нереализованного военного проекта 1588 г. Историки русско-турецких отношений, изучавшие данные события, в целом уделяли мало внимания Центральной Азии того периода, а специалисты по данному региону обошли молчанием тот интерес, который Шейбаниды проявляли к действиям Порты в устье Волги. Документы османских архивов свидетельствуют о том, что узбекские правители несколько раз очень ясно подчеркивали, насколько восстановление мусульманского господства в Астрахани было для них важным, и они оказали военную поддержку[2] для обеспечения этого восстановления[3]. Однако завоевание Астрахани открывало для Московии кавказский, а не центральноазиатский путь. Даже если падение Астраханского ханства вслед за падением ханства Казанского расценивалось правителями Туркестана как сокращение территории влияния ислама, этого было недостаточно для того, чтобы объяснить их настойчивость в требовании возвращения Астрахани в область ислама (*Дар уль-Ислам*). По нашему мнению для того, чтобы понять это отношение, необходимо проанализировать экономическое положение Центральной Азии.

---

* *Carrère d'Encausse H. Les routes commerciales de l'Asie centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan // CMRS. T. 11 (1970). № 3. P. 391–422.*

[1] См. *Bennigsen A.* L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les registres des «Affaires importantes» des Archives ottomanes // *CMRS.* T.8 (1967). № 3. P. 427–446; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1966, Т. I. С. 21–23.

[2] О походе 1588 г. см.: *Bennigsen A.* Op. cit. P.445–446; *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 124. [Вернее, «были готовы оказать военную поддержку». – *И.М.*].

[3] Перевод и анализ османских документов был проведен на семинаре по османской палеографии Пертева Боратава (Pertev Boratav) в рамках работы RCP 159 CNRS «Анализ и публикация османских архивов», под руководством А.Беннигсен. Перевод двух персидских документов, представленных в приложении, сделан г-ном Таги Мостофи (Taghi Mostofi).

Центральная Азия в XVI веке и перемещение мировых торговых путей

У нас имеется четкое представление о том, что собой представляла Центральная Азия в различные эпохи, благодаря наличию рассказов путешественников, особенно посещавших ее торговцев. В то время, когда Астрахань подпала под власть Московии, существующее положение данного региона было описано английским торговцем Энтони Дженкинсоном (Anthony Jenkinson), который, действуя от имени лондонских купцов Московской Компании, направился туда, чтобы попытаться развить английскую торговлю в Китае через Россию. То, что он сообщает о Бухаре или Ургенче, крупных экономических центрах Центральной Азии, по всем пунктам противоположно тому мнению, которое сформировалось благодаря братьям Поло тремя веками ранее, и свидетельствует о значительном упадке. В течение многих веков и задолго до путешествия Марко Поло Центральная Азия была в самом сердце отношений между Китаем, Индией и западным миром. Уже в VIII в. было известно, что наземный путь соединял Индию с Балтийским морем через крупные города Туркестана, которые одновременно служили местами складирования товаров и перемены лошадей. Большое количество мавераннахрских монет, найденных недалеко от Балтики, подтверждает важность этих городов[4] в то время. Арабы в их торговле с хазарами также использовали эти промежуточные станции[5]. В то время, когда братья Поло посещают Бухару, где они провели три года, прежде чем продолжить свое путешествие в Китай. Богатство этого города вызвало их восхищение: «Когда они прошли эту пустыню, они прибыли в город, названный Бокарой, зело благородный и большой»[6]. По их словам, Самарканд и Бухара – это «два больших и богатых города»[7].

Если Центральная Азия была в тот период такой процветающей, как об этом сообщает Рене Груссе (René Grousset)[8], это следствие монгольского завоевания. После резни и разрушений, вызванных им, монгольское завоевание привело к созданию единой империи, где правили сила, мир и безопасность. Эта новая ситуация, усиленная тем приемом, который хан Хубилай оказывал всем западным путешественникам, благоприятствовала исключительному развитию обмена между западным миром, Китаем и Индией. Впервые с древних времен мировые пути, затрудненные вследствие политических беспорядков, были открыты через наконец умиротворенную Центральную Азию. Эти дороги со сложной трассой, проходящей по горам и пустынным районам, представляли для путешественников долгое и сложное испытание. Пользоваться ими было

---

[4] *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа. М., 1952. С. 170; *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последние три столетия. Пг., 1915. С. 1.

[5] *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 165–172.

[6] *Voyages de Marco Polo.* Ed. Pauthier. P. 9.

[7] *Ibid.* P. 69, n. 9.

[7] Grousset R. *L'empire des steppes,* Paris, 1960. P. 383.

возможно лишь потому, что там царила безопасность, на них были караван-сараи, промежуточные торговые пункты и, особенно, безупречно содержащиеся колодцы. Именно эти условия и центральное географическое положение обеспечивали процветание крупных городов Туркестана: Бухары, Самарканда, Ургенча и Ташкента.

Собственно эти знатные города, прославляемые Марко Поло, и процветали в качестве торговых центров, мест, где встречались купцы из Азии и с Запада.

Напротив, собственная торговля Центральной Азии ограничивалась лишь ввозом мехов и охотничьих птиц (из России), нефти (с Кавказа), шелков (из Индии и Китая) и вывозом лошадей, оружия, местных хлопчатобумажных тканей (особенно в Иран и казахские степи) и рабов. Местное ремесло не могло конкурировать на внешних рынках с индийскими и китайскими изделиями и довольствовалось завоеванием небольших местных рынков. Тем не менее, туркестанские купцы встречаются в Новгороде, Сибири и Казани, где их называют *тезиками* («таджиками»)[9]; впрочем, их присутствие остается незначительным. Своим процветанием данный регион был обязан своему положению, а не торговле.

Открытие морского пути к Индии в конце XV в. заставляет пересмотреть всю ситуацию. Данное открытие совпадает с приходом к власти в Иране Сефевидов, с закрытием южного пути, внутренними беспорядками и снижением безопасности во всей Центральной Азии. Караваны отклоняются от континентальных дорог из-за возникновения новых путей. Грабеж, осушение и запустение водоемов, колодцев и караван-сараев ускоряют эту переориентацию.

Когда в середине XVI в. Дженкинсон прибыл в Бухару, все его путешествие и пребывание в процветавш в эпоху Поло городе подтверждают изменение больших торговых путей. Чтобы добраться до Бухары, ему пришлось невероятно страдать от жажды, пока он пересекал пустыни, колодцы в которых были уже давно заброшены, он также был вынужден убивать верховых животных, чтобы питаться, так как караван-сараи, стоявшие вдоль дорог при монголах, уже давно исчезли[10]. Наконец, он должен был защищать свою жизнь и товары от банд грабителей, а также от представителей соперничавших династий, которые обирали пустыню и увеличивали в разы фантастические таможенные пошлины исключительно для своей выгоды[11].

В Бухаре его разочарование было не меньшим: «В этом городе Бухаре (Boghar) очень много торговцев, которые приходят с большими караванами из соседних стран, из Индии, из Персии, из Балха, из России и, ранее, из Китая (Cathay), когда он находился на пути следования караванов. Однако эти торговцы так бедны и везут так мало товара, что существует мало надежды на возможность осуществления здесь постоянной торговли»[12].

[9] *Гафуров Б.Г.* Указ. соч. С.342; *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958. С. 71, 75–76.

[10] *Early voyages and travels to Russia and Persia, by Anthony Jenkinson and others Englishmen.* Haklyut Society, ed. 1598. P. 78, 80; см. переизд.: New York, Burt Franklin Publishers, 2 vol., 496 p.

[11] *Ibid.* P. XXI, XXII.

Суждение Дженкинсона об Ургенче также отрицательное. Констатировав угасание региона, его неспособность играть ключевую роль в торговле с Китаем, Дженкинсон отказывается от своего проекта пройти по следам Марко Поло и возвращается в Москву тем же путем, которым он и прибыл туда. Мировая торговля, утверждает он, избегает отныне эту часть мира.

Если Дженкинсон очень справедливо отметил катастрофические последствия перемещения торговых путей для экономического, политического и культурного положения Центральной Азии[13], по-видимому, он не знал о реакции Туркестана на эту ситуацию, в частности, об усилиях правителей для ее исправления.

Когда Дженкинсон приезжает в Бухару, хан Абдулла[14] получает власть и намеревается начать свою кропотливую завоевательную деятельность. Самый значительный из шейбанидов действительно остро осознавал упадок своей страны. Поэтому он приложит максимум усилий для восстановления ее экономического статуса, осуществляя политическое единство, которое успокоит пустыню и обеспечит для торговли условия и безопасность аналогичные тем, что были во времена монголов.

Возникает вопрос: изменило ли положение Центральной Азии [русское] взятие Астрахани? Что нового принесет оно в ситуацию этого изолированного региона, оставленного вне крупных торговых путей? Кажется, что для Туркестана проблема выражается в других терминах. Экономический и культурный спад данного региона начался задолго до того, как Астрахань оказалась во власти русских. В.Бартольд действительно выявил, насколько приход к власти узбекских династий в период упадка способствовал ускорению этого регрессивного процесса[15]. В то же время он настаивает на том факте, что отклонение торговых путей – это исторический факт, не зависевший от внутренней истории

[12] *Ibid.* P. 87, 94. [В русском переводе Ю.Готье эта цитата выглядит так (текст воспроизведен по изданию: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937): «В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран – Индии, Персии, Балха (Balgh), России и разных других, а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свободно проехать; но эти купцы так нищенски бедны, привозят так мало товаров, которые вдобавок еще лежат здесь по 2 или 3 года, что нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий». – *И.З.*].

[13] Однако данное утверждение смягчено отрывком из письма, написанного одним из агентов Московской Компании в Вологде, где он отмечает, что его путешествие было выгодным с точки зрения торговли. См. *Ibid.* P. 108.

[14] Абдулла II правил с 1560 по 1583 гг. от имени своего отца Искандера, которого он посадил на трон ввиду своей молодости, затем с 1583 по 1598 гг. – под своим собственным именем.

[15] *Barthold V.V.* Histoire des Turcs d'Asie Centrale, trad. française. Paris, 1945. P. 189–190.

Туркестана, факт, оказавший такое же, а возможно и большее влияние, как и политика отсталых правителей, на то, что при их династии экономического развитие этого региона направилось по неблагоприятному пути.

Однако спустя десятилетия спада и прежде, чем Центральная Азия примет свою новую судьбу, вторая половина XVI в. будет отмечена, благодаря воле хана Абдуллы, безнадежной попыткой вернуть себе первостепенное положение, возобновив дороги через пустыни. Экономические возможности Центральной Азии не были безграничны. От Китая она была отрезана, из связей с Индией осталась лишь местная торговля, а не большой международный транзит. Центральная Азия должна была приложить все усилия, чтобы сохранить свои связи с Западом и держать открытыми пути к Средиземному морю. Впрочем, данное открытие зависело от Персии, которая в правление династии Сефевидов, представляла прямую и постоянную угрозу Центральной Азии. В XV в. Мухаммеду Шейбани удалось подчинить узбекской династии Трансоксиану, Фергану и Хорасан. Таким образом, неудивительно, что иранское возрождение при сефевидах столкнулось, в первую очередь, с узбекской мощью. 2 декабря 1510 г. шах Исмаил, разбив узбекские армии и убив Мухаммеда Шейбани, отмечал, одновременно, конец мощи шейбанидов и триумф оседлых жителей над кочевниками. Даже после победы под Гаджа Даваном [Гиждуваном] в 1512 г. восстановленное могущество узбеков никогда не выходило за пределы Амударьи, которая отделяла их отныне от сефевидского Ирана. Несмотря на серию походов (с 1525 г. по 1539 г.), целью которых являлось вытеснение иранцев за Амударью, узбекские правители так и не смогли изменить ситуацию, что отрезало им все пути к Средиземному морю, лежащие к югу от Каспийского моря. Им оставалось лишь пользоваться северным путем, проходившим через Астрахань, мало используемым ранее, и после победы русских, выбирая этот путь, они сталкивались с двойной проблемой – присутствием русских на Нижней Волге и отсутствием безопасности.

Русское присутствие в Астрахани напрямую затрагивало Туркестан. Когда после взятия Астрахани московский правитель заявил, что не будет ставить преград торговцам, проходящим через Астрахань, он, очевидно, думал о торговле с Россией, то есть о торговле по направлению «Север-Восток», а не о торговле по направлению «Восток-Запад». Впрочем, торговля Центральной Азии с Россией, еще мало развитая в начале XVI в., могла беспрепятственно проходить через Астрахань, как об этом свидетельствует путешествие Дженкинсона. Но если продолжать путь от Астрахани на запад, то это значительно удлиняло маршрут далеко в небезопасных условиях, ведь нужно было пересекать ногайскую территорию, где кочевники не признавали никакую власть, особенно после падения Астраханского ханства. Таковы основные причины, которые будут определять внешнюю политику хана Абдуллы в деле отвоевания Астрахани.

Проблемы Центральной Азии в XVI веке по османским источникам

А. – Иранская проблема с 1510 г. по 1540 г.

Документы османских архивов данного периода предоставляют нам различные указания на основные проблемы узбекских правителей. Они свидетельствуют об их воле вырвать Центральную Азию из ее изоляции, разбив иранский заслон, закрывавший южную дорогу.

Архив Музея дворца «Топкапы» содержит множество посланий узбекских правителей султанам Селиму I и Сулейману I, подтверждающих волю тюрков Туркестана изгнать иранцев из Хорасана и Азербайджана.

Первый документ, который имеется в нашем распоряжении[16], относится к периоду до 1520 г., так как он адресован ханом Джанибеком ибн Абу-л-Хайром[17] от имени всех узбекских принцев султану Селиму I[18]. Этот документ представляет собой предложение падишаху о союзе против Сефевидов.

Идея военного союза Османской Порты и туркестанских армий останется постоянной у узбеков в течение всего периода, пока они пытались отвоевать Хорасан. Она вновь встречается в 1553 г. в послании правителя Бухары Убайдуллы I (1533–1539 гг.) Сулейману I[19].

Еще здесь Убайдулла, узнав, что планируется нападение османских армий на Сефевидов, сообщает о своем намерении атаковать, чтобы «объединив уси-

---

[16] Архив Музея дворца «Топкапы» (далее – TSMA), E. 8358, без даты; см. Приложение I.

[17] Речь идет, вероятно, о шейбаниде султане Джанибеке, который управлял Андижаном. Этот персонаж упомянут в *Михман-наме-и Бухара,* гл. XIII (Академия Наук Узбекистана, рук. 5885). См. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков М., 1965. С. 157.

[18] Речь идет об одном из первых походов хана Кучкунчи (1510–1530), дяди Мухаммеда Шейбани, против сефевидов. Победа последних была воспринята обеими сторонами как победа тюркского племени (после победы под Мервом шах Исмаил направил султану Баязиду II кожу с головы Мухаммада Шейбани, набитую опилками) и религиозной веры (во имя суннизма Мухаммед Шейбани предложил шаху Исмаилу отречься от «шиитской ереси», угрожая ему «пойти на Азербайджан и обратить его [в истинную веру] мечом»). Именно эту угрозу последователи Шейбани пытались реализовать, предлагая свою поддержку Селиму I.

[19] TSMA, E. 5903, 11 *шаабана* 941 (15 февраля 1535) г. Данное послание из 46 строк, написанное на османско-турецком языке, датировано периодом, когда узбеки были, казалось, близки к успеху. С 1525 по 1528 гг. узбеки укрепились в Мешхеде и Астрабаде. Получив отпор от шаха Тахмаспа (1524–1576 гг.) после его победы при Турбет-и Шейх Джем (26 сентября 1528 г.), они взяли реванш, когда шах Тахмасп вступил в войну на западе против Османской империи. В 1530 г. Кучкунчи отразил нападение персов на юге Амударьи, а его племянник и преемник Убайдулла I приложил усилия для упрочения его побед.

лия двух держав, покончить с царством ереси и освободить путь для паломничества в Мекку для мусульман».

Документ без даты, но, вероятно, современный упомянутому выше[20], описывает положение Хорасана во время этого двойного нападения. Сефевидский правитель, согласно данному документу, имел намерение напасть на западные территории Османской империи, и эти атаки были остановлены двойным отпором османов и узбеков.

Наконец, последний документ[21], направленный ханом Абдулазизом султану Сулейману, дополняет вышеуказанные тексты. Данное послание упоминает взятие Багдада османской армией, которое отмечает, по мнению его автора, «этап боя, ведомого против шиитской ереси». После напоминаний о ведении совместных боев 1530 г. и о взятии Герата узбекскими войсками, автор ставит две проблемы, которые доминируют в политической жизни Туркестана: о необходимости окончательно остановить подъем Сефевидов и о туркестанском единстве.

Со времени падения империи Тимура политическая целостность Туркестана никогда не была реализована из-за положения Хорезма, который очень скоро будет представлять независимое государство. После внутренних ссор последних тимуридов, ослабивших Центральную Азию, Шейбани-хан в начале XVI в. пытался восстановить единство, установленное когда-то Тимуром. Все правители склонялись по очереди перед ним, кроме правителя Хорезма. В 1500 г. Хорезм, присоединенный к султанату Герата, возглавлялся одним из последних тимуридов Султан Хусейном (1468–1506 гг.), который выступил против объединительного проекта Шейбани. Его смерть в 1506 г., соперничество, противопоставившее двух его сыновей, все это позволило Шейбани распространить свою победу до Балха и Герата. Однако таким образом достигнутое единство не длилось долго. Иранская победа под Мервом в 1510 г. положила ему конец. Шах Исмаил оставил последнему тимуриду Бабуру Самарканд и Бухару, но подчинил себе Хорезм, назначив туда наместника. Годом позже местные феодалы восстали против шиитского наместника и возвели на престол узбека Ильбарс-хана I (1511–1533 гг.), принадлежавшего к шейбанидской ветви, враждебной дому Абу-л-Хайра. Ильбарс будет постоянно противостоять военным действиям шейбанидов Бухары, когда те, прогнав Бабура из Трансоксианы, возобновят свою завоевательную политику. Даже когда ханам Убайдулле I и Абдулле удавалось дважды подчинить себе Хорезм, обе их победы были очень кратковременными. Хорезм, управляемый династией, которая окажется намного более стабильной, чем дом Абу-л-Хайра (потомки Ильбарса будут править там до конца XVII в., в то время как в Бухаре правление шейбанидов закончится веком

[20] TSMA, E. 5674, без даты. Данный документ направлен неким Мехмед-пашой падишаху и может быть датирован 1535 г. Этот вывод может быть сделан исходя из ситуации, описанной в нем, и из-за упоминания в нем некоторых персонажей, в частности, ширваншаха Шахруха (1535–1538), князя Замана (ум. в 1539 г.) и др.

[21] TSMA, E. 5489, *зулькаада* 947 (март 1541) г.; см. Приложение II.

раньше), все более утверждается как независимое государство. Его географическое положение, удаленное от центра и изолированное, будет благоприятствовать этой независимости, которую будут защищать правители, опираясь, в крайнем случае, даже на сефевидов, как об этом свидетельствует текст, приведенный нами в Приложении II, упоминающий факт постоянного соперничества между династиями двух основных оазисов Туркестана.

Этот документ показывает, что объединительные усилия ханов Убайдуллы и Абдуллы постоянно сталкивались с препятствием, создаваемым хорезмийцами. Он также показывает, насколько победы, одержанные над кызылбашами, были призрачны. С 1517 по 1540 гг. шейбаниды были несколько раз уверены, что обосновались в Хорасане, и в каждом послании падишаху описываются их завоевания в этой области. Однако каждый раз, и процитированные здесь документы свидетельствуют об этом, эти успехи были кратковременными и узбекские правители просили у Порты помощи в их борьбе против возрождающегося врага. Как молитву, из послания в послание мы находим одно и то же описание развития событий: «Мы пошли на Хорасан и Ирак, чтобы завоевать и разгромить область кызылбашей до полного уничтожения всех этих неверных. К несчастью, божий замысел не позволил, чтобы это случилось, и наш отец[22] был призван на небеса. Мы надеемся, что вы все также готовы продолжать борьбу до полной победы над этим заблудшим племенем»[23].

Послания создают впечатление, что начиная с этого момента туркестанские правители – как минимум временно – смирились с недоступностью империи Сефевидов для узбекских притязаний. Действительно, смерть Абдуллы I в 1540 г., совпавшая по времени с последним процитированным нами документом, открывает для шейбанидского ханства период серьезного внутреннего кризиса. Престол Абдуллы I разделился между сыном Убайдуллы I – Абдулазизом, правителем Бухары, и третьим сыном хана Кучкунчи, Абдуллатифом, который с 1540 г. по 1551 г. правил в Самарканде. Это двоевластие, отмеченное непрекращающимися войнами между двумя правителями, не позволило им в течение десяти лет выйти за рамки собственной вражды, чтобы попытаться решить проблему всего региона. Только с 1557 г., с приходом к власти Абдуллы II[24], вновь встал вопрос об экономическом положении Центральной Азии. Занявшись восстановлением единства ханства, Абдулла до 1580 гг. не мог возобновить борьбу против слишком сильных для него сефевидов. Поэтому его взгляд обратился на Астрахань. Чтобы понять его интересы, нам необходимо изучить

[22] Очевидно, речь идет о хане Убайдулле I (1533–1539), отце хана Абдулазиза (1540–1549). Последователем Убайдуллы был сын Кучкунчи-хана, Абдулла I (1539–1540), правивший полгода до прихода к власти Абдулазиза.

[23] TSMA, E. 5489. Документ состоит из 72 строк.

[24] Он завоевал Бухару при султане Бурхане в 1557 г., Самарканд – в 1578 г., Ташкент – в 1582 г.

природу связей между Центральной Азией и Средиземноморьем, единственным ключом к которому оставалась Астрахань.

Б. – Маршруты между Центральной Азией и Средиземноморьем к 1560 г.

Многие континентальные пути еще позволяли Центральной Азии играть ключевую роль между Китайским и Индийским Востоком и Средиземноморьем, а также присоединиться к политическому и религиозному миру ислама (Дар уль-Ислам), то есть к Османской империи и к святым местам Аравии. Существовало два больших магистральных пути, которые использовались мировой торговлей, а также целая серия второстепенных путей, некоторые из которых не были торговыми (будучи специально предназначенными для паломничества); и, наконец, другие, связывавшие между собой различные пути.

Магистральные пути, один из которых проходил по северу, а другой по югу Каспийского моря.

I – *Северный путь.*

Данный путь соединял бывшие генуэзские торговые отделения в Тане и Азаке (Азове), в устье Дона, с Китаем, проходя к северу от Каспийского моря. Он имел четыре варианта:

I (a) (полностью наземный): Азак – Сарай – Астрахань – Ургенч, и позднее: Хива – Кят – Отрар – Талас – Баласагун – Алмалык – Бешбалык – Хами – Као-тай-Су Чу (Kao-tai-Su Chu) – Пекин;

I (b) (включающий водный участок вдоль берегов Каспийского моря): Азак – Сарай – Астрахань – Мангышлак (по морю) – Ургенч и позже: Хива – Отрар – Талас – Баласагун; после Баласагуна можно было воспользоваться либо маршрутом I (a), либо маршрутом I (c);

I (c): из Азака в Баласагун по маршрутам I (a) или I (b), затем дорога поднималась к Монголии до Каракорума, а оттуда спускалась к Пекину;

I (d): Кафа – Астрахань, затем из Астрахани в Баласагун по маршрутам I (a) или I (b), и из Баласагуна в Пекин по маршрутам I (a) или I (c).

II – *Южный путь.*

Этот путь начинался от Черного либо от Средиземного моря, проходил через Иран и был обусловлен политическими отношениями с Сефевидами. Он включал в себя три варианта:

II (a): Трабзон – Эрзурум – Табриз – Султанийе – Казвин – Мешхед – Мерв – Бухара – Самарканд – Кашгар – Аксу – Куча – Турфан – Хами – Су Чу – Пекин; от Хами этот путь смешивался с одним из вариантов Северного пути I (a);

II (b): Латакья – Алеппо – Мосул – Табриз – Султанийе – Казвин; от Мерва до Пекина этот путь совпадал с маршрутом II (a);

II (c): Трабзон – Мерв по II (a); или Латакья – Мерв по II (b); затем Мерв – Балх – Кашгар – Яркенд – Хотан, а оттуда в Пекин по маршрутам I (a) и II (a).

III – *Дороги, связывавшие Северный и Южный пути.*

Две параллельные дороги позволяли переходить с одного пути на другой, одна из них проходила по берегам Каспийского моря, другая соединяла крупные экономические центры Туркестана.

III (a): Астрахань – Дербент – Шемаха – Казвин;

III (b): Ургенч (позже Хива) – Бухара – Балх.

IV – *Дороги, соединявшие Стамбул с основными маршрутами.*

Перед нами здесь представлены четыре возможных маршрута, два из них начинаются в проливах на Северном пути, один – на Южном пути и еще один – по рокадному пути III (a):

IV (a): наземный путь из проливов в Азак вдоль северного побережья Черного моря;

IV (b): морской путь из проливов в Кафу, а из Кафы в Азак;

IV (c): морской путь из проливов в Трабзон по маршруту II (a);

IV (d): наземный путь из проливов на маршрут III (a) через Карс – Тифлис и Шемаху.

Рассказы путешественников позволяют восстановить приблизительную продолжительность передвижений по магистральным путям. Рассказ Дженкинсона[25], отправившегося из Москвы в Бухару, позволяет вычислить длительность путешествия от российской столицы и из Астрахани до столицы Центральной Азии, то есть часть маршрута по *Северному пути*. Покинув Москву 23 апреля, Дженкинсон прибывает в Астрахань 15 июля. Оттуда его путешествие продолжалось следующим образом:

Астрахань – Мангышлак через Сарайчик: 28 дней[26] (по морскому пути вдоль побережья Каспийского моря);

---

[25] «The voyage of M.Anthony Jenkinson [...] written by himself to themerchants of London of the Moscovie company» // *Early voyages..., op. cit.* (Рассказ о путешествии Дженкинсона фигурирует на стр. 42–81); *М.Фехнер* в своей работе «Торговля русского государства со странами Востока в XVI в.» (М., 1956, с. 38) указывает на промежуток в десять – пятнадцать дней для преодоления отрезка Астрахань – Мангышлак, что является ошибкой, если верить приведенному выше свидетельству Дженкинсона.

[26] Джонсон (Johnson), один из спутников Дженкинсона, утверждает *(Early voyages..., op. cit., p.* 101), что из Астрахани в Мангышлак можно было добраться за 10 дней, из Мангышлака в Ургенч – за 10 дней, причем этот маршрут являлся намного более надежным. Эти оценки оспорены путешествием Дженкинсона, что подтверждено опытом Эботта (Abott) 1840 г. для первой части маршрута и опытом Пеголотти и Ибн Баттуты – для второй его части.

Мангышлак – Ургенч: 25 дней караванного пути;
Ургенч – Бухара: 18 дней караванного пути.

Что касается следующей части маршрута, которую он не смог пройти: Бухара – Китай (Пекин), Дженкинсон предполагал, что для этого нужно три месяца[27]. Его предположения подтверждаются Пеголотти, который проделал следующий путь[28]:

Ургенч – Отрар: от 35 до 40 дней; Отрар – Алмалык: 45 дней; Алмалык – Кансу: 70 дней; Кансу – Хан – Шауфу: 45 дней; Хан – Шауфу – Пекин: 40 дней.
Итого: 240 дней.

О Южном пути нам известно благодаря персидскому торговцу, который упомянул его в своей переписке с венецианскими нотаблями[29]:

Табриз – Султанийе: 6 дней; Султанийе – Казвин («Caslein»): 4– дня; Казвин – Верамин («Veremi»): 6 дней; Верамин – Герат («Eri»): 15 дней; Герат – Бухара («Boghara»): 20 дней; Бухара – Самарканд: 5 дней; Самарканд – Кашгар («Caskar»): 25 дней; Кашгар – Аксу: 20 дней; Аксу – Куча («Kuci»): 20 дней; Куча – Турфан: 20 дней; Турфан – Хами («Camul»): 13 дней; Хами – Као-тай («Gauta»): 20 дней; Као-тай – Кампион («Campion», город в провинции Тангут): 6 дней.
Итого: 180 дней.

V и VI – *Паломнические пути.*

Для достижения святых мест Аравии паломниками использовалось пять основных путей:

V (a): Балх – Герат – Зарандж – Кирман – Шираз – Сираф – переправа через Персидский залив – Мекка;

V (b): Казвин – Кум – Исфахан – Басра – Медина – Мекка;

V (c): Казвин – Керманшах – Багдад – Дамаск – Медина – Мекка;

V (d): Шираз – Басра (этот путь позволял соединить маршруты V (a) и V (b));

V (e): Исфахан – Шираз (маршрут, позволявший также переходить с V (a) к V (b)).

Приблизительно до XIII в. дорога связывала Зарандж с Сирафом[30], одним из крупнейших торговых центров Персидского залива. Начиная с XIII в. упадок Сирафа привел к необходимости перенести дорогу к Ормузу, где паломники

[27] *Ibid.*, p. 92 (Cathay означает одинаково Китай или Пекин).
[28] *Ibid.*, n. 1.
[29] *Ibid.*, p. 106.
[30] Что касается проблемы путей Персидского залива, см.: *Aubin J.* La ruine de *Sirâf* les routes du golfe Persique aux XIe et XIIe siècles // Cahiers de Civilisation médiévale, juil.–sept. 1959. P. 295–301.

садились на корабли для того, чтобы пересечь Персидский залив, а затем они шли через Аравию по дороге, расположенной к югу от пути V (a). Однако к середине XVI в. дорога на Ормуз была заброшена.

Достаточно посмотреть на карту, чтобы констатировать, что все традиционные пути паломничества проходили через Иран, и что сефевидский триумф имел в этом отношении особенно тяжелые последствия для Центральной Азии. Действительно, из-за невозможности проходить через Иран туркестанские паломники были вынуждены делать значительный крюк, проходя севернее – здесь видна значимость пути III (b) – чтобы, достигнув Астрахани по суше или по морю, продолжить путь по дорогам различной сложности. Из находящихся в нашем распоряжении документов мы видим, что в то время использовались новые и длинные пути паломничества.

Паломники отправлялись из Ургенча, достигали Астрахани и (морем или по суше) попадали в Азак и Кафу[31]; оттуда они пользовались двумя маршрутами:

VI (a): Трабзон – Эрзурум – Мосул – Багдад – Басра[32] – Медина
или
VI (b)[33]: Синоп – Анкара – Алеппо[34] – Дамаск[35] – Медина – Мекка.

Если сефевиды запрещали проходить паломникам по традиционному [южному] пути, то использование окружного пути с севера также ставило некоторые политические проблемы. К северу от Астрахани Большая Ногайская Орда еще колебалась между альянсом с Россией или с Османской Портой и периодически создавала опасность во всем Нижнем Поволжье. Сама же Астрахань была завоевана русскими. К северо-западу от Астрахани, на Кавказе, также существовало сложное положение. Если кумыкский Шамхал в Дагестане был союзником и вассалом султана, то начиная с Кабарды Османская Порта уже не контролировала ситуацию. Кабардинцы и черкесы, большей частью язычники или хрис-

[31] Имеются многочисленные предписания, направленные Портой беям и кади, находящимся на пути в Азак, в которых им предписывалось обеспечить проход паломников по Центральной Азии. См., например: *Mühimme Defterleri,* VII, *hüküm* № 667, 8 *раджаба* 975 (8 января 1568) г.; *hüküm* № 2228, 15 *раби* II 976 (7 октября 1568) г.; *Mühimme Defterleri,* XXIV, *hüküm* № 389 и № 421 (оба не датированы).
[32] *Mühimme Defterleri,* XXII, *hüküm* № 519, без даты.
[33] Данный маршрут, по-видимому, часто использовался, судя по большому количеству предписаний Порты беям и кади Кафы. См. *Mühimme Defterleri,* V, *hüküm* № 506, 23 раби *I* 973 (17 ноября 1565) г.; *Mühimme Defterleri,* VII, *hüküm* № 2277, 24 *раби I* 976 (16 октября 1568) г.; *Mühimme Defterleri,* X, *hüküm* № 142, без даты; *Mühimme Defterleri,* XXI, *hüküm* № 716, 2 *мухаррама* 981 г.
[34] *Mühimme Defterleri,* XXXXVII, *hüküm* № 54, 24 *шаввала* 990 [21 ноября 1582] г.
[35] Многие документы показывают, что Дамаск был очень важным пунктом. См.: *Mühimme Defterleri,* VII, *hüküm* №№ 748, 749, 760, 761, все датированы *раджабом* 975 (январем 1568) г.; *Mühimme Defterleri,* XVI, *hüküm* № 567; *Mühimme Defterleri,* XIX, *hüküm* № 360.

тиане, проявляли враждебность к османам и были мало склонны содействовать паломникам. Наконец, донские казаки около Азака представляли опасность для всех, кто проходил поблизости[36].

Если паломники хотели избежать этих небезопасных зон, то одним из лучших способов было воспользоваться дербентской дорогой. Это было возможно, пока Россия не продвинулась на Кавказ, и пока сефевиды не пытались пойти по этому пути. Таким образом, становится ясно, что освобождение южного пути было необходимо Центральной Азии для поддержания нормальных связей с мусульманским миром; проход по бесконечным обходным дорогам или по Черному морю делал путешествия, будь то паломничество или торговля, исключительно сложными и опасными.

Документы, которыми мы располагаем, свидетельствуют, что Порта, осознавая изоляцию Центральной Азии, организовала целую систему, в которой власти (*беи* и *кади*) каждой провинции должны были обеспечивать безопасность караванам, сопровождая их от зоны своей юрисдикции до другой зоны. За паломников [власти] несли ответственность от границ их страны до последнего пункта их назначения. Данные указания давались для того, чтобы гарантировать их безопасность из Бухары или из Самарканда до Азака[37] или до Кафы, а затем из Азака или Кафы в Стамбул[38] и так далее. Система отвечала не только за безопасность, за защиту людей и имущества, но и даже за поставку верховых животных и продовольствия[39]. Паломники были, впрочем, снабжены настоящими охранными грамотами, как, например, приведенная здесь из реестра VII[40]:

«Приказ беям и кади на пути до Азака: паломники, жители Самарканда, возвращающиеся из хаджа в Мекку, направляясь в свою страну, ходатайствовали о моем приказе не препятствовать им в их походе. И вот мой приказ. Следите за тем, чтобы никто не действовал по отношению к ним незаконно и не наносил вреда ни их верховым животным, ни их скоту на дорогах, путях, пунктах смены лошадей, переходах или ущельях; следите также за тем, чтобы им было обеспечено надежное и безопасное путешествие».

С. – *Караваны паломников или купцов?*

Количество паломников оценить сложно. Согласно «Реестрам важных дел» за 975–976 (1567–1568) гг., как минимум два каравана отправились из Центральной Азии к святым местам: один [из караванов] вел потомок великого туркестанского святого Ахмеда Яссави по имени Шейх Зенги, другой – уроженец

[36] *Mühimme Defterleri,* V, *hüküm* № 306, 23 *раби I* 973 (17 ноября 1565) г., адресованный бею Кафы, предписывал ему предоставить в распоряжение татарского хана Мухаммед-Гирея свои войска, чтобы защищать страну от «русских» и «казаков».

[37] *Mühimme Defterleri,* VII, *hüküm* № 2228.

[38] *Mühimme Defterleri,* XXI, *hüküm* № 598.

[39] *Mühimme Defterleri,* VII, *hüküm* № 761.

[40] *Mühimme Defterleri,* VII, *hüküm* № 2228, 15 *раби II* 976 (7 октября 1568) г.

Самарканда Шейх Хорезми, который умер во время хаджа[41]. Ни один документ не называет количество паломников в караванах, но, вероятно, оно было значительным, и караваны везли большой груз.

Данное утверждение ставит вопрос о природе этих караванов. Действительно ли речь шла только о паломниках? Или к караванам паломников присоединялись также торговцы, которые желали воспользоваться неприкосновенностью паломников, а также стремились избежать многочисленных таможенных расходов, которые им нужно было делать в пути? После рассмотрения документов данная гипотеза кажется вероятной.

Нам известно о многочисленных инцидентах, случавшихся в Басре, где путешественники из Центральной Азии должны были платить незаконные, по-видимому, таможенные пошлины. Первый случай представлен ниже и цитируется из приказа Императорского Дивана [*Divan-i Humayun*] берлейбею Багдада:

«По нашей информации, Али, бывший бейлербей Багдада, запросил у посланников хана Ташкента две тысячи пятьсот лари в уплату за транзит (или как таможенную пошлину), когда они прибыли в Басру. Эти посланники, проведя несколько месяцев в Стамбуле, отправились в хадж в Мекку. Какова причина данного требования об уплате, ведь ни одна страна неверных или мусульман не взимала с них никаких пошлин за время их путешествия? Отправьте эти две тысячи пятьсот лари бейлербею Шамса, чтобы он мог вернуть им их по их возвращению в Шамс, и пришлите об этом подтверждение в Османскую Порту»[42].

Данный приказ уточняет, что после нескольких месяцев пребывания в Стамбуле, его посланники направились в Мекку, что, вероятно, говорит о том, что это не был настоящий караван паломников, а скорее караван частных людей (торговцев), которые затем присоединились к группе паломников. Другой приказ, датированный тем же годом, может подтвердить это смешение паломников и торговцев, так как в нем уточняется, говоря, вероятно, о тех же посланниках хана Ташкента, что они «прибыли заключить некоторые сделки»[43].

Несколькими годами позже купцы, направленные также ташкентским ханом Дервишем[44], видимо, были ограблены путем многочисленных и темных сделок.

[41] *Mühimme Defterleri,* VII, *hüküm* № 2721, *джумада II* 976 [ноябрь–декабрь 1568] г., адресованный хану Самарканда.

[42] *Mühimme Defterleri,* X, *hüküm* № 138, направленный бейлербею Багдада (ларин – монета, имевшая хождение в Басре и на Индийском океане в XVI и XVII вв., чеканившаяся в Ларистане).

[43] *Mühimme Defterleri,* X, *hüküm* № 142, 6 строк. Эти два документа *(hüküm* № 138 и № 142) не датированы, но они относятся к периоду между 1551 и 1556 гг., так как речь в них идет о посланниках хана Ташкента, Науруз-Ахмед-хана (имя, под которым правил Барак-хан, приказавший чеканить монету и читать *хутбу* с его именем во всей Центральной Азии в смутный период перед приходом к власти Абдуллы II).

[44] *Mühimme Defterleri,* XXII, *hüküm* № 519. Дервиш-хан, сын Барак-хана, пришел к власти в 1556 г.

Переписка с беями Азака[45] и Кафы[46] о взимании таможенных пошлин «на груз, не предназначенный для продажи» еще раз подтверждает, как и приведенные нами упоминания об инцидентах, насколько было сложно отличить паломника от торговца.

Еще один документ, направленный бею Азака, прекрасно иллюстрирует его двойственность и озабоченность местных властей:

«По моим сведениям, татарский мирза Язди-Саад-бей и другие беи просят денег у бедняков, направляющихся из Самарканда, Бухары и Мавераннахра в хадж в Мекку, объясняя это как таможенные сборы в Азаке, и совершают незаконные действия по отношению к ним.

Нужно предупредить Язди-Саада и других беев, что они не имеют права творить беззаконие в Азаке с путешествующими из этих городов, направляющимися в Мекку. Нужно категорически запретить им взимать плату, как то: таможенные пошлины на багаж, не предназначенный для продажи. Если они будут упорствовать в таком поведении, договоритесь с Девлет-Гиреем о мерах, которые нужно предпринять, чтобы помешать этим нарушениям и исключить повторение подобных требований»[47].

Что выявляется, кроме этого смешения, так это то, что доступ к святым местам был затруднен для верующих из Центральной Азии. Интересно по данному поводу сравнить два послания императорского дивана, одно шейху Касими Накшбанди[48], в котором Диван настаивает на трудностях, с которыми сталкиваются туркестанские паломники, другое адресовано хану Абдулле[49], в нем Диван успокаивает узбекского правителя. Последний документ свидетельствует о том, что хан Абдулла волновался по поводу помех, вызванных перемещением этих людей.

Очевидно, Абдулла интересовался не только положением паломников, но и был обеспокоен помехами, создавшимися для торговых караванов, использующих этот путь. Действительно, в Бухаре, как ни в одном другом месте, эти два вида деятельности были так близки, в особенности, в период правления Абдуллы II. Когда в 1560 г. он взял власть благодаря имени своего отца, ему помогали джуйбарские шейхи, которые привели его к власти. Впоследствии он

[45] *Mühimme Defterleri,* XXIV, *hüküm* № 389 и № 421.

[46] *Mühimme Defterleri,* VII, *hüküm* № 2277, без даты; *Mühimme Defterleri,* XXI, *hüküm* № 716, 3 *мухаррама* 981 [5 мая 1573] г.

[47] *Mühimme Defterleri,* XXIV, *hüküm* № 389, без даты. Судя по использованному в этом документе титулу *мирза*, в нем, очевидно, имелись в виду главы ногаев. [Приведенной автором статьи перевод документа не совсем точен. В оригинале говорится о «притеснениях и насилии», чинимых в отношении паломников «Яхши-Саат-мирзой и прочими ногайскими мирзами». См. публикацию текста указа тому же адресату по аналогичному поводу от мая 1573 г.: ДИВУР. С. 215–217. – *И.М.*].

[48] *Mühimme Defterleri,* XXII, *hüküm* № 96, 8 *мухаррама* 981 [10 мая 1573] г.

[49] *Mühimme Defterleri,* XXI, *hüküm* № 465, без даты.

очень сильно приблизил это братство к власти[50], а верховный правитель братства Ходжа Ислам играл роль его постоянного советника. При поддержке данных религиозных сил Абдулла смог постепенно ограничить власть местных феодалов, которые при предыдущих правителях выступали против власти государства. Этот религиозный спор, позволивший Абдулле восстановить сильное и централизованное государство, имел обратную сторону в виде усиления влияния тех, кто помогал ему. Преимущества, которые получили джуйбарские шейхи, были значительными, и их экономическое могущество, будучи уже весомым во время прихода к власти Абдуллаха – а именно наличие больших земельных угодий[51] – продолжало расти. Ходжа Ислам имел от этого наибольшую выгоду. Впрочем, Ходжа Ислам был также крупным торговцем,[52] и его караваны доходили до Москвы. Возможно, что религиозные главы, имевшие собственные интересы в торговле, объединили два направления и повлияли на то, чтобы были приняты меры по облегчению товарообменов.

Присутствие купцов среди туркестанских паломников позволяет также объяснить почти полное отсутствие информации о торговой деятельности туркестанских государств в «Мюхимме дефтерлери». Многие историки, как, например Иванов[53], настаивают на том факте, что если бы Китай не участвовал в бухарской торговле во второй половине XVI в., то никогда не прервались бы связи ни с казахскими и ногайскими степями, ни с арабским Востоком[54].

Какой бы ни была значительность данной торговли, препятствия, которые создавали русские и Сефевиды, вкупе с трудностями, которые встречали на своем пути паломники, достаточны, чтобы объяснить все те призывы правителей Центральной Азии к падишаху, что приведет Османскую Порту к рассмотрению возможности отвоевать Астрахань.

[50] Это явно просматривается в церемонии провозглашения Абдуллы ханом Бухары в 1583 г. При этом следовали монгольскому обычаю, поднимая его на большом куске белого войлока. Однако, в противоположность монгольской традиции, четыре угла войлока поднимали не предводители кочевых племен, а правители дервишских орденов Бухары. Так была отмечена связь между кочевыми традициями и мусульманской концепцией государства, особенно подчеркнуто центральное место, уделяемое в государстве религиозным силам, в частности, джуйбарским шейхам.

[51] См. *Иванов П.П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. М.; Л., 1945.

[52] *Гафуров Б.Г.* Указ. соч. С. 338; История Узбекской ССР. Ташкент, 1955, Т. I, кн. 1. С. 406.

[53] *Иванов П.П.* Очерки… С. 75.

[54] В «Мюхимме дефтерлери» говорится о продаже тканей ташкентскими торговцами в Басре (*Mühimme Defterleri,* XXII, *hüküm* № 519).

Отвоевание Астрахани

Благодаря недавним исследованиям[55], касающимся изучения истории астраханского похода 1569 г., а также публикации архивных документов на эту тему, мы можем представить здесь лишь те документы, которые необходимы для понимания позиции туркестанских правителей в данном конфликте.

При изучении документов из османских архивов создается впечатление, что давление мусульман Центральной Азии, постоянные жалобы на трудности преодоления пути повлияли на принятие решения. В любом случае, именно этот мотив представила Порта.

Нижеследующий документ[56] (незначительно сокращенный) свидетельствует об участии Центральной Азии в принятии данного решения:

«Паломники из провинции Хорезм, которые хотели направиться в Мекку и Медину, имеют трудности, так как провинция Эждерхан, бывшая ранее во власти ногаев, была захвачена неверными. Необходимо отвоевать ее».

Настойчивость узбекских правителей, выступающих за военное решение, подтверждается двумя другими документами: грамотой падишаха крымскому хану Девлет-Гирею и посланием хану Хорезма Хаджи-Мухаммеду I (1558–1602 гг.). В первом тексте говорится:

«В нашу Высокую Порту – убежище и пристанище могущественных правителей, доставлены послания из Самарканда и Бухары; среди прочих, послание полное выражений дружбы и верности от славного хана Хорезма Хаджи-Мухаммед-хана, в котором он выражает желание, чтобы провинция Эждерхан была завоевана, и, таким образом, была открыта дорога из его владений в Святую Мекку – Дом Божий и к светлейшему Мавзолею Пророка (Мухаммеда), а также торговый путь для купцов, которые желают получить некоторую выгоду. И чтобы все, паломники и торговцы, могли путешествовать в безопасности для их имущества и для них самих»[57].

На послание правителя Хорезма султан Селим II отвечал:

«Мы получили ваше послание, доставленное нам вашим посланником Хайдар Бахадуром, где вы подтверждаете привязанность и дружбу, проявляемые вашим домом к нашей династии. Ранее, при правлении моего отца Сулеймана I, по которому мы скорбим, все пути между нашими двумя странами были открыты. Вам было направлено моим отцом Императорское послание, в котором он сообщал вам, что собирается начать военную кампанию против неверных. Вы нам сообщаете, что те мусульмане, которые живут в ваших краях, после хаджа в Мекку и в Медину были задержаны и арестованы на обратном пути. Вы желаете, чтобы они были освобождены и чтобы дорога паломничества, проходящая через Эждерхан, была открыта…»[58].

Интерес, проявляемый узбекскими правителями к отвоеванию Астрахани, очевиден. Однако османские архивы, дающие очень точные указания на военные приготовления похода[59], создают впечатление, что не было никакого участия Туркестана, ни войсками, ни снабжением. Если сравнить это обстоятельство с тем сотрудничеством, которое существовало несколькими десятилетиями ранее в общей борьбе против Сефевидов, то можно найти ее по праву удивительной.

Внутренняя ситуация в Центральной Азии объясняет это отсутствие участия. В тот момент, когда готовился поход 1569 г., в Центральной Азии доминировал хан Абдулла, который занялся объединением государств, которому способствовали внутренние кризисы в других государствах. После того, как он восстановил в самой Бухаре сильную власть, уничтожив феодальную вольницу, и превратил свою власть в решающую политическую силу в регионе (из-за чего историки сравнивают его с Иваном Грозным), бухарский правитель напал на соседние государства. В первую очередь, он столкнулся с коалицией сыновей хана Барака и князей Хисара и Самарканда. Эта коалиция небольших государств опиралась на кочевников Дешт-и Кипчака и противостояла перешедшему к оседлому образу жизни государству Абдуллы, выставляя против него кочевников, враждебно относящихся к любому объединительному и цивилизаторскому движению[60]. В тот самый момент, когда начиналась борьба за Астрахань, Абдулла был занят вопросами ослабления этого противостояния. Несколько лет безжалостных боев (физическое уничтожение всех членов противоборствующих сторон было постоянным принципом его действий) закончились присоединением к Бухаре в 1574 г. Шахрисабза, Карши и Хисара, взятием Самарканда и Ташкента между 1576 и 1582 гг.. Абдулла не мог выступить еще и к Астрахани. Это находит свое подтверждение в том, что он не упоминался в османской дипломатической переписке.

Интересно отметить, что в 1560-е гг. переписка, касающаяся паломников, в основном относилась к караванам из Бухары, Самарканда и Ташкента, тогда как документы о подготовке военной кампании привлекали хана Хорезма. В противоположность Бухарскому эмирату, в то время находящемуся на подъеме, Хорезм был погружен в хаос. Самые различные факторы ухудшали положение ханства. Левый рукав реки Амударьи, снабжавший водой столицу, город Ургенч, пересох, и русло реки переместилось к Аральскому морю; в дельте Амударьи

---

[55] Bennigsen A., *op. cit.*, p. 427–446.

[56] *Mühimme Defterleri*, VII, *hüküm* № 838, 10 *шаабана* 975 (9 февраля 1568) г., адресованный бею Кафы.

[57] *Mühimme Defterleri*, VII, *hüküm* № 2722, без даты (направленный, по всей вероятности, в 976–977 [26 июня 1568 – 4 июня 1570] гг.).

[58] *Mühimme Defterleri*, VII, *hüküm*, № 2723, направленный хану Хорезма. Письмо без даты, но относится к правлению Селима II (1566–1574), так как он ссылается на своего отца Сулеймана, и может быть без сомнения отнесено к периоду подготовки [астраханской] кампании 1569 г.

[59] Bennigsen A., *op. cit.*, p. 435–438.

[60] См. *de Planhol X.* Fondements géographiques de l'histoire de l'Islam. Paris, 1968. P. 233–234, 246.

появлялись новые города, практически независимые от ханства[61]. Так, правитель Хорезма с беспокойством следил за достижениями эмира Бухары. Кажется, что интерес Хаджи-Мухаммеда I к взятию Астрахани, его уверения в дружбе к Порте объясняются как заинтересованностью в судьбе паломников, так и желанием найти внешнюю поддержку в виде османского присутствия против неминуемой угрозы со стороны Бухары.

После провала Астраханского похода осенью 1569 г. и последней попытки Селима II добиться от России в 1571 г. сдачи Казани и Астрахани[62], наконец, после начатого в 1571 г. Девлет-Гиреем похода на Москву, кажется, Порта не проявляла желания отвоевать Астрахань. Однако именно в то время, когда судьба Астрахани, казалось, была решена, с новой инициативой одновременно выступили Центральная Азия и ногаи. В 80-е годы XVI в. оказывалось давление на Порту со стороны ногаев, которые даже угрожали в противном случае перейти под русский протекторат[63], и со стороны эмира Бухары, который поставил на повестку дня проблему безопасности паломников[64].

В 1582 г. посол Абдуллы II прибыл в Стамбул, что повлекло за собой оживленную переписку, позволяющую судить о давлении, оказываемом на Порту эмиром Абдуллой[65].

Один из документов особенно ярко показывает интерес, который падишах проявлял к делам, относящимся к ведению посольства:

«Хаджи Мухаммед-Али должен прибыть из страны узбеков в нашу Высокую Порту, чтобы обсудить некоторые важные дела. Я приказываю, чтобы все необходимое было сделано для его путешествия по данному маршруту. Когда мое послание достигнет вас, каждый из вас должен будет заниматься этим. Поскольку речь идет о важных делах, то как только узбекский посланник направится к моей Счастливой Порте и прибудет на управляемую вами территорию, снабдите его всей дорожной провизией и тем, что ему будет нужно, чтобы он смог обеспечить свое существование. Проследите, чтобы он ни в чем не испы-

[61] *Barthold V.V.* Op.cit. P. 191; Woeikoff A. *Le Turkestan russe.* Paris, 1914. P. 89–102, 209: «Хива – страна, где постоянно перемещаются воды».

[62] Послание Селима II Ивану Грозному цитируется в статье А. Беннигсена (Bennigsen A., *op. cit.*, p. 443–444).

[63] *Ibid.*, p. 132; *Смирнов Н.А.* Указ. соч.

[64] В качестве примера здесь можно привести обращение Абдуллы, на которое отвечает *хюкюм* № 465 реестра XXI «Мюхимме дефтерлери», который следует датировать 991/1583 г., так как послание адресовано Абдулле II, хану Бухары, который смог прийти к власти только после смерти своего отца в 1583 г.

[65] См., в частности, приказы, направленные Императорским Диваном кади и беям на дороге, по которой проходило это посольство: *Mühimme Defterleri,* XLVII, *hüküm* № 54, адресованный представителям власти на пути в Кафу; *hüküm* № 55, адресованный *кади,* находящимся на пути из Кафы в Стамбул. Эти документы датированы 990/1582 г.

тывал нужды, обеспечьте ему безопасность на его пути и направьте его к моей Османской Порте без промедления»[66].

Все то давление, которое оказывали бухарцы и ногаи, не сильно повлияло на Порту, эмир выступил с предложением начать поход совместно с Большой Ногайской Ордой. Два документа из Османского архива подтверждают, что эти предложения обсуждались и привели Порту к рассмотрению проекта похода на Астрахань весной 1588 г. Первый документ содержит инструкции, адресованные князю Большой Ногайской Орды мирзе Урус-бею[67]:

«Хан Бухары Абдулла-хан направил к нам посланника с сообщением, в котором он объявил о своем намерении начать поход на Эждерхан. Он просит нашей помощи. Чтобы завоевать Эждерхан весной, войска из Бухары и из Крыма встанут под командование крымского хана Ислам-Гирея[68], в то время как войска из Стамбула будут под командованием Пияле-паши. Мы приказываем Пияле-паше держать свои войска наготове, и направили к нему для этого придворного офицера чавуша Сулеймана. Я приказываю вам, имея в виду ваше благородство, вашу доблесть и вашу мудрость, быть готовым с подчиняющимися вам татарскими войсками присоединиться к османской армии и к войскам Ислам-Гирея, как только они прибудут к вам, чтобы крепость была взята и враги, которые ее захватили, истреблены. Вам воздастся за это. Напишите нам в подробностях о приготовлениях, которые Вы ведете, и о предложениях, которые Вы можете сделать»[69].

Второй документ был адресован бейлербею Шеки Пияле-паше и содержал, как и предыдущий, точные указания по организации похода, подтверждая, что моментом его начала выбрана весна 1588 г.:

«К нам прибыли послания Абдулла-хана, правителя Бухары, и Урус-бея, правителя ногаев. В них говорится, что нужно завоевать Эждерхан, так как неверные, удерживающие этот город, вредят мусульманам. Падишах также уверен в этом. Было решено, что поход начнется будущей весной. Мы приказываем Вам начать готовить прямо сейчас ваши войска и ваше оружие. Мы также написали крымскому хану Ислам-Гирею, чтобы он принял участие в кампании. Вы назначены верховным главнокомандующим войсками, которые придут из столицы [Стамбула. – *И.М.*]; вы должны с настоящего момента предусмотреть все необходимое для кампании снабжение. Вы должны сообщить об этом хану и

[66] *Mühimme Defterleri,* XLVII, *hüküm* № 334. Документ датирован 990/1582 г.

[67] Мирза Урус-бей, третий сын князя Исмаила, являлся правителем Большой Ногайской Орды с 1578 г. Именно он угрожал Порте в 1584 г. перейти в подданство России, если астраханский вопрос не будет решен.

[68] Речь идет о крымском хане Ислам-Гирее сыне Девлет-Гирея, правившем с 1584 по 1588 гг.

[69] *Mühimme Defterleri,* LXII, *hüküm* № 231, 22 *зульхиджжа* 995 (24 октября 1587) г., сокращенный перевод. Копия письма была направлена 12 ногайским князьям. См. также: Bennigsen A., *op. cit.*

ногайским князьям, призвать их быть готовыми начать поход весной. Так, Эждерхан, который, как и Ширван, является провинцией Империи, будет отвоеван, и живущие там мусульмане будут освобождены от гнета неверных»[70].

Данные указания так и остались на бумаге. Поход не состоялся. Османская империя, ведущая сложную войну в Закавказье против сефевидов, не могла серьезно выступать еще и против России. Причины, заставившие отказаться от данного проекта бухарского правителя, были более сложными. В 1587 г. Абдулла-хан, который с начала своего правления не переставал одерживать все новые и новые победы, достиг апогея своего могущества. Захватив Фергану и Балх в 1573 г., он направился против казахов, которые представляли постоянную угрозу для оседлых жителей. В 1582 г. он провел кампанию в степях Малой Орды[71] и направился в Кашгарию, где разорил территорию Кашгара и Яркенда. Воспользовавшись внутренними беспорядками, которые раздирали в то время Персию, Абдулла решает ее атаковать.

За небольшой промежуток времени между 1582 и 1585 гг. Абдулла занял все важные населенные пункты от Хорасана до Астрабада[72]. Для противостояния этому триумфальному успеху иранский правитель, молодой шах Аббас, и Хаджи-Мухаммед I, хан Хорезма, главный соперник Абдуллы[73], заключили союз. В свою очередь, Абдулла искал внешнюю поддержку у султана Мурада III, а также в Индии у императора Акбара[74], с которым он обменялся послами в 1585 г. Власть Абдуллы II в это время простиралась на всю Центральную Азию и Хорасан, за исключением Хорезма. Государственный деятель и завоеватель, он смог вернуть жизнь в пустыню, восстановив необходимые для прохода караванов сооружения и гарантируя мир. Старые дороги могли быть использованы так, как они использовались во времена монголов; не пришел ли час вновь их открыть? Сосредоточив свои усилия на Южном пути, частично отвоеванном при отступлении сефевидов (история, однако, показала, что эти персидские поражения были недолгими), можно представить, что Абдуллах хотел открыть одновременно и Северный путь.

---

[70] *Mühimme Defterleri*, LXII, *hüküm* № 233, 22 *зульхиджжа* 995 (24 октября 1587) г., сокращенный перевод. См. также: Bennigsen A., *op. cit.*

[71] Очевидно, подразумевается казахский Малый жуз. – *И.М.*

[72] Взятие Мешхеда показало, насколько важным было это возвращение в Хорасан, и что оно означало для узбеков реванш за прошлые поражения. Останки шаха Тахмаспа были откопаны, сожжены, а пепел был развеян по ветру. Так было стерто поражение 1528 г.

[73] Чтобы захватить Хорезм, Абдулла сослался на то, что это государство – союзник сефевидов, и препятствует проходу бухарцев к Мекке и в Османскую империю. В 1593 г. он завоевал все города Хорезма, в которых назначил своих управляющих. Но едва он покинул страну, население восстало и разгромило бухарские гарнизоны. Для подавления восстания в Хорезме был необходим повторный поход, который состоялся в 1595–1596 гг. Хорезм вернул независимость только в 1598 г. благодаря победам, одержанным над Абдуллой шахом Аббасом в Хорасане.

[74] Император Акбар тогда воевал с шахом Аббасом за господство в Афганистане.

Отказ османов поддержать Абдуллу в его инициативах объясняется, конечно, военным положением Порты и разворачиванием борьбы с сефевидами. Он может также объясняться нежеланием Порты видеть, как Абдулла оставляет свою кампанию в Хорасане, что вынуждало сефевидов воевать на двух фронтах. Можно добавить еще одну гипотезу, которая касается самого могущества Абдуллы. Действительно, шейбанидская ветвь Бухары имела семейные связи с аштарханидами, правившими ранее в Астрахани; они тоже принадлежали к чингизидам. Однако кроме достаточно дальнего родства у них были и более тесные и поздние связи. Последний хан Астрахани Эр-Мухаммед, лишенный владений Иваном Грозным, сбежал со своим сыном Джанибеком в Бухару, где Искандар-хан, отец Абдуллы, выдал за Джанибека свою дочь. Таким образом, ввязавшись по своей инициативе в завоевание Астрахани, Абдулла II защищал свои семейные интересы. Нельзя исключать, что Порта плохо относилась к завоеванию Астрахани победоносным правителем в апогее своей мощи. Она, по всей видимости, прикладывала все усилия, чтобы в своих интересах восстановить империю Тимура.

В пользу данного предположения говорит доклад посольства эмира Бухары в Стамбуле в 1590 г., который нам известен благодаря московскому посланнику Нащокину[75]. Посол Абдуллы II, упрекнув Порту в ее бездействии по поводу Астрахани, объявил о намерении эмира осуществить в одиночестве поход на Астрахань и завоевать ее. Натолкнувшись на полный отказ султана рассматривать такое решение, посол представил второе предложение, передав желание Абдуллы пройти Астрахань и территории, подчиняющиеся османскому влиянию, чтобы отправиться в хадж в Мекку со свитой в 10 000 человек. Султан опять отказал, заявив, что позволит эмиру пройти лишь с ограниченной свитой в несколько десятков паломников. Этот случай свидетельствует одновременно о воинственности Абдуллы и о недоверии к нему османов.

Отказ от астраханского проекта в 1588 г. и неприятие султаном [предложений бухарского хана] в 1590 г. положили конец надеждам Абдуллы II. Его усилия по восстановлению былой экономической значимости Центральной Азии провалились и, начиная с 1597 г. в Хорасане начались неудачи. Иранская преграда на юге Каспия не была разрушена; Северный путь, казалось, был бесповоротно закрыт, и экономический спад в Центральной Азии, против которого Абдулла боролся все годы своего правления, выглядел окончательным.

Создается впечатление, что Абдулла ясно осознал крушение своих надежд, так как с этого периода он вступает на путь переориентации своих внешних связей и сближается с Московией. Путешествие Дженкинсона привело к началу официальных отношений между Московией и эмиратами Центральной Азии[76] и,

---

[75] *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 168.

[76] Бартольд В.В. (*История изучения Востока в Европе и в России*, с. 154) полагает, что развитие этих отношений было связано не с Московией и не с ханствами, а именно с путешествием Дженкинсона.

начиная с 1583 г., послы эмира Бухары сменяли друг друга в Москве. Прервавшись в «Смутное время», эти отношения примут практически регулярный характер с приходом к власти династии Романовых[77]. Так, Абдулла II сохранял единственный открытый торговый путь – тот, по которому с VIII в. купцы из его страны добирались до самого сердца России, даже если и не на этом пути Центральная Азия основала свое богатство и свое величие.

*

Перемещение мировых [торговых] путей, связанное с великими открытиями конца XV в., произведет решительный перелом, окончательный для истории Центральной Азии, перелом, который приведет этот регион от величия к упадку. Однако это редкое явление, когда исторические последствия осознаются непосредственно теми, кто их переживает. Народы, часто, обращают внимание на вторичные, поправимые причины, прежде чем с полной ясностью понять основные, непоправимые. В случае Туркестана ясно, что последствия открытия морского пути проявились не сразу. Мировая торговля не перестроилась за один день, но использование наземных путей постепенно стало более редким. Скорее чем перемещение торговых путей, современники заметили другое событие. Это были препятствия путешествиям, которые создавали победы сефевидов в начале XVI в., а затем господство русских в Астрахани, и они связали замедление торговых обменов вдоль наземных путей с этими близкими им событиями, а также с внутренней ситуацией в Туркестане, путая причины и следствия. Если глубинная причина упадка не сразу была понята современниками, ее непосредственный эффект, а именно ослабление региона, был абсолютно бесспорно понят и прочувствован. Для проницательных умов того времени, к которым принадлежал и шейбанидский правитель Абдулла II, приговор [процветанию] Центральной Азии был вынесен по двум основным направлениям.

С одной стороны, речь шла о ее *центральном* положении. В течение веков Туркестан был местом встреч купцов и представителей различных цивилизаций. Величие и блеск Центральной Азии происходили от экономического богатства, и еще более от духовного наследия, которое ее цивилизация объединила благодаря всем культурным вкладам, привнесенным туда торговыми караванами. До XVI в. исключительная позиция Центральной Азии объяснялась не только ее экономическим процветанием, но и ее культурным богатством.

С другой стороны, после мусульманского завоевания Центральная Азия всегда была связана с Восточным Средиземноморьем, центром которого в XV в. была Османская империя. В XVI в. эти связи нарушились, и Центральная Азия в самом сердце мусульманского мира была разделена двойным барьером – шиитами на юге, русскими в Астрахани. Таким образом, исчезала и центральное положение Центральной Азии, и эра единства тюрко-исламского мира.

[77] *Жуковский С.В.* Указ. соч. С. 13.

Если Туркестан сначала прочувствовал второй аспект своего упадка, то именно первый, то есть перемещение торговых путей, имел для него самые серьезные последствия и изменил на века образ, который этот регион имел в мире.

Прежде всего – и это хорошо понял Абдулла II, который всю свою жизнь боролся за политическое объединение региона – Туркестан как политическая единица имел смысл, только если он определит свое отношение к мирам, которые он связывал. Оставшись один, Туркестан деградировал, был лишь местом расположения оазисов, которые разорялись во внутренних войнах. Объединительная мечта Тимура, Абу-л-Хайра или Абдуллы II уступила место более узким местным целям, и этот процесс продолжался до русского завоевания в XIX в.

Полный упадок был и в плане цивилизации. Отрезанные одни от других, изолированные от внешнего мира, оазисы жили воспоминаниями о былом величии и вместо духовной деятельности и открытия внешнему миру углубились в воспоминания о прошлом и религиозный фанатизм. Когда Арминий Вамбери посетит Центральную Азию в XIX в., он отметит повсеместный застой и отставание. Страна Алишера Навои и Улугбека за несколько веков превратилась в самый слабый регион мира, самый удаленный от больших течений цивилизации, изменяющих общество.

Политический упадок Центральной Азии впоследствии еще более усилил ее изолированность. В течение веков русские купцы, направляющиеся в Китай, проходили через Среднюю Азию, и изменения, произошедшие в XVI в., не влияли на торговлю. Растущая опасность данного региона, его раздробление после XVI в. привели к необходимости искать новые маршруты, проходящие через Монголию и Сибирь. В начале XIX в. строительство транссибирского железнодорожного пути окончательно вычеркнуло Среднюю Азию из мировых маршрутов и довершило процесс, начавшийся в начале XVI в.

Будучи изолированной от всего остального мира, Средняя Азия познала еще одну драму – ее покинула Османская империя. До XVI в. существовал тюрко-мусульманский мир, он простирался от Балкан до Хами и от Гиндукуша до границ Сибири. Успехи России и Ирана отрезали западный тюркский мир от его восточного крыла и приблизили его к Западу. С 1588 г. Османская империя поворачивается лицом к Европе и перестает интересоваться Средней Азией. Туркестанские правители продолжали проявлять верность султану-халифу, но связи, которые их объединяют, стали лишь формальными.

Париж, 1970 г.

Приложения

I

Послание хана Джанибега ибн Мухаммеда ибн Абу-л-Хайра султану Селиму I

Во имя Бога Милостивого и Милосердного.

Величию Царства и Провинций справедливости и милосердия, достоинства и власти, султану Селим-Шах Хундегару[78]…

[После 30 строк восхваления величия султана и значимости его побед и благодеяний, послание продолжается следующим образом:]

Все эти победы были одержаны Его Величеством, сражавшимся для уничтожения всех неверных, подавления зла и порока, смуты и новшеств, чтобы положить конец противодействию и мятежам греховного и возмутившегося племени (*таифе*) Кызыл Бурков[79] – да пребудет над ними проклятье Божье!

С того момента, как Его Величество принял твердое решение уничтожить этих порочных неверных, каждый день его бесчисленные войска одерживают божественные победы, однако, если Богу будет угодно, знамена победы будут подняты еще выше, так как сказано:

«Дождись, когда взойдет заря твоей славы
Сейчас – это только ее первый луч».

Положение ваших слуг таково:

В тот самый момент, когда знамена, отмеченные знаком победы, покидали Дар уль-Фатх [«Обитель Победы», т.е. Стамбул] с конными войсками, лошади коих несли на своем челе знак доброго предзнаменования, чтобы уничтожить неверных Кызыл Бурков, и направлялись к Азербайджану, один из слуг Двора – прибежища мира, Мустафа Челеби, был послан к нам и доставил нам августейшее послание Его Величества. Это драгоценное послание сообщало нам, что знамена, отмеченные знаком победы, находятся в пути для уничтожения неверных Кызыл Бурков и призывало армии ислама, находящиеся на востоке, начать наступление с другой стороны, чтобы атаковать противника с тыла, выполняя, таким образом, этот величественный приказ:

«Те, кто убивают, чтобы следовать по пути Бога, и оставляют этот низменный мир ради вечного мира, будут вознаграждены многократно, будут ли они убиты, или победят».

Так, мы объединимся и сможем разбить этих падших неверных. Поскольку послание Его Величества султана показало нам путь и позвало нас в Рай, мы повиновались, и ваш преданный слуга направил своих августейших братьев и своих прославленных детей во главе бесчисленных войск к Хорасану. Мы присоединились к ним впоследствии с твердым намерением не возвращаться назад до полного уничтожения нечистых неверных.

[78] Т.е. Худавендигяру (дословно по-персидски и староосмански: «второй Аллах»). – *И.З.*
[79] Т.е. дословно «красношапочников» или «красноколпачников» (кызылбашей). – *И.З.*

Тем временем мы узнали, что войска Его Величества, отмеченные знаком победы, достигли падших неверных и нанесли им большие потери. Шах – правитель этих еретиков, был ранен и вел себя недостойным мужчины образом, так как он предпочел позорное бегство.

«Содомит лучше, чем вооруженный мужчина, который в день битвы отворачивает свое лицо, как женщина».

Поскольку проклятый сбежал, не оставив следов, победоносные войска вернулись во Дворец [Стамбул].

Здесь мы ждали высочайшего приказа к действиям. Святейший сеид Мевлана Хаджи, который, повинуясь приказу Его Величества, доставил нам высочайший приказ (*фирман*), сообщающий, что принято решение еще раз истребить мятежное племя Кызыл Бурков; из него мы также узнали, что победные знамена покинули Константинополь, чтобы вести священную войну против неверных в Азербайджане.

Согласно императорскому посланию, великие и славные узбекские султаны должны также отправиться в путь к Хорасану для преследования сего отступника, дабы он не смог укрыться в своей крепости Хорасанат.

Как только мы получили августейший приказ (*фирман*), мы направились к Хорасану в сопровождении наших славных братьев, наших блистательных сыновей и наших войск, таких многочисленных, что земля задыхалась под их ногами. Мы перекрыли все выходы для неверного, мы разбили его войска, и мы ждали новостей от блистательных (османских) войск. Тем временем мы узнали, что войска Его Величества второго Искандера [Александра Великого] направились в Египет и Сирию с намерением превратить рассвет счастья египетских мамлюков в ночь отчаяния, чтобы смешать их с дорожной пылью. Тогда мы вернулись в Мавераннахр [Трансоксиана], чтобы дождаться других новостей. Торговцы, прибывшие оттуда, известили нас о взятии Египта и Сирии, а также сообщили, что Его Величество, возвращаясь из Египта, пересек воды Евфрата и прибыл в Азербайджан, чтобы покончить с неверными Кызыл Бурками.

Таким образом, императорское решение не возвращаться во дворец, не отрезав нечистую голову главаря неверных, голову зла и зло каждой головы, было непоколебимо.

Это известие наполнило наши мысли радостью.

«Убейте их, чтобы не было больше смуты, и чтобы вера в Бога была полной».

Я, мои братья и мои сыновья – все мы пребываем в полном согласии и в верной дружбе и союзе с Его Величеством, особенно это касается священной войны. Мы, узнав эту радостную новость, послали ко Двору Его Величества Амира Сеида Хаджи – знатного человека, потомка Пророка из семьи Али, паломника двух священных городов, образца добродетели мыслителей, вельможу Хорасана

– согласившегося исполнить данную миссию, чтобы послужить Богу и Его муджахидам.

Целью его миссии к Вашему Величеству является сообщить Вам, что по Вашему приказу, все мы – мои братья, мои сыновья и мои бесчисленные войска, решили принять участие в священной войне (*джихад*) против неверных. Если Ваше Величество желает, чтобы мы прибыли в его императорский лагерь, чтобы иметь честь быть рядом с ним во время борьбы с неверными, пусть он назначит нам час и место; так мы сможем подготовить наши войска, руки которых покрыты кровью падших неверных, и отправить их к Вашему Величеству немедленно. Если, [напротив,] Ваше Величество желает, то мы направимся в Хорасан и в Иран, чтобы разбить войска и разрушить владения проклятого. В любом случае, каким бы ни было решение Его Величества, мы будем действовать послушно и покорно. Все прославленные узбекские султаны единодушны, и данное послание написано от имени всех.

Мы с нетерпением ждем императорский приказ (*фирман*), предписывающий нам как действовать, так как время не ждет, и мы надеемся, если будет на то воля Божья, быть в начале месяца джауза [май. – *И.М.*] в Хорасане. В ожидании ответа на данное послание да откроет Бог врата божественных побед; пусть тень Халифата и Царства будет вечной над людьми.

Джанибег ибн Мухаммед ибн Абу-л-Хайр.

TSMA, E. 8358

II

Послание хана Абдулазиза I султану Сулейману

От Султана сына Султана сына Султана и Хакана сына Хакана сына Хакана сына Хакана, во славу Права и Правды, Халифата и Царства, Вселенной и Веры, султана Сулейман Бахадур-хана прибыло августейшее послание. Это послание было адресовано Его Высочеству – обитателю рая, который делал все для упрочения основ шариата, разъяснял главные правила веры, внушал ужас еретикам и сторонникам новшеств, разрушал основы многобожия и уничтожал многобожников, защищал суннитов, стирал с лица земли признаки ереси, заблуждений и святотатства, хан, который сейчас предстал перед Богом[80], да пребудет душа его в Раю!

Это послание сообщало, что благодаря Богу и удаче [падишаха], Багдад, основание небес и бывшая столица аббасидских халифов, был отвоеван воинами веры. Встав перед лучезарными могилами святых, они [падишах] приказали восстановить могилу Великого Имама, проводника и предводителя сынов Адама, Абу Ханифы.

[80] Нельзя сказать уверенно, идет ли здесь речь об Абдулле I, который правил лишь 6 месяцев или об Убайдулле I, отце Абдулазиза, также умершем в 1539 г. Вероятно, здесь говорится все же об Убайдулле, постоянно воевавшего против сефевидов.

Это послание сообщало также, что демон Тахмасп, ставший слабым и трусливым, направил посла к падишаху с просьбой о мире. Но поскольку этот бесстыдный и неверный нечестивец навсегда исчез, Его Величество не соизволил принять мишуру от этого хитрого негодяя. Напротив, он дал Его Высочеству благородный знак[81], чтобы он со своими братьями, покровительствуемыми победой, и со своими правоверными победоносными воинами направился в эту область погрязших в смуте городов, чтобы окружить и уничтожить тот творящий зло народ и открыть дорогу к двум святым городам [Мекке и Медине] для правоверных паломников. По этому знаку Его Высочество направился со своими туркестанскими войсками к Хорасану. Узнав, что князья и надежные люди, которых Тахмасп, большая обезьяна, назначил для защиты провинции Хорасан, объединились, Его Высочество напал на них, безжалостный как рок, со своими смелыми, рвущимися в бой воинами. Герат был окружен, и после взятия крепости все враги были насажены на меч и отправлены в ад, чтобы встретиться с другими нечестивцами. Данный факт был подтвержден письменно, и это послание было направлено к Порогу Счастья [в Стамбул]. Так мы узнали, что войска этого могущественного правителя, отмеченные печатью победы, поразили этих разбойников и завоевали большую часть провинций Ирана и Азербайджана. Еще мы узнали, что Его Высокое Величество [падишах] принял твердое решение, что по окончании срочных дел он займется делами Ирана, высоко поднимет знамя победы и расправится с этой злополучной нечистью. Тем временем, мы узнали, что Иран разгромлен.

Что касается нас, то наши победоносные войска уже давно предпринимали действия, чтобы покончить с врагами, но они были рассеяны после взятия Герата и нам казалось несвоевременным далее оставаться в Герате, так как каждому делу – свое время. По воле Всемогущего мы вернулись в Мавераннахр.

Поскольку султаны Хорезма, обитающие по соседству с Мавераннахром, не внушают нам доверия, мы решили, что более срочным делом будет подавление смуты, разжигаемой ими, нежели сражения с кызылбашами. Итак, мы с нашими высокостепенными братьями и с нашими отмеченными печатью победы воинами бросились в атаку на этих разбойников, которые за несколько дней, проведенных в этом недолговечном мире, согласились следовать за подлыми кызылбашами.

Как только наши враги узнали о цели похода наших победоносных войск, они, несмотря на то, что их было более тридцати тысяч, предпочли спастись бегством и рассеялись как семь звезд Большой Медведицы. Но их правитель Ануша-хан[82], так же как Калантан и два его сына, нашли свою смерть во время

[81] Благородный знак – буквальный перевод словосочетания *нишан-и шариф* (или *тавки'-и шариф*), обозначающего удостоверяющую печать или тугру на монаршей грамоте и сам подобный документ (здесь – послание османского султана). – *И.М.*

[82] Не следует путать этого правителя смутного периода XVI в., предшественника Дост-хана, с Ануша-ханом, правившим в Хиве с 1663 по 1686 гг.

побега, в то время, как другие султаны подчинились вместе со своими князьями так, как было сказано:

«Да будет славен Бог, его обещание осуществляется, и Он даровал победу своему рабу, и поднял его воинов и разбил его врагов. Он Единственный и ничего не существует рядом с ним».

Таким образом, один из этих двух народов, которые закрывали дорогу к двум святым городам, был, благодаря Богу, уничтожен. Что же касается другого, священное послание Августейшего Правителя говорит, что он займется вновь этим грешным и непокорным народом, призвав Его Высочество (отца автора послания) принять участие в этой войне, размахивая знаменем единства, чтобы земля, наконец, была очищена от грязи этой банды. Его Высочество возрадовался этому и решил вновь направиться со своими августейшими братьями и управляющими под победоносным знаком к Хорасану и Ираку, чтобы искоренить банду кызылбашей, атаковав их с двух сторон.

Однако, воля Бога не споспешествовала этому желанию, и как сказано:

«Тот, кому Бог окажет милость существования, не является вечным, им является только Бог».

Тогда Феникс [душа] с многочисленными победами Его Высочества улетела из этой бренного мира в мир вечный. И желанная невеста [победа] не проявилась через пелену надежд.

В свою очередь, я, ваш покорный слуга, надеюсь вступить на тот же путь, как и Его Высочество – да упокоит Бог его душу, – так как сын следует по пути отца, чтобы уничтожить этот заблудший и порочный народ, вместе с моими братьями, отмеченными знаком победы, с вашей царской – блюстителя веры – поддержкой, я поведу армию – прибежище побед, против этого враждебного вере народа, чтобы осуществить эту строфу:

«Страх ударил по их сердцам словно ядра. Это был такой страх, что они разрушили своими руками свои собственные дома».

Чем большее усилие мы приложим, тем большим будет вознаграждение Божье.

Да освещает вечно сияние солнца Царства и Халифата все страны и крупные города.

Это искреннее послание написано в месяце зулькаада 947 (1541) г. в Благородной Бухаре Его Преосвященством, полным заслуг и знаний, Мавлана Джалалуддином Хамиди, сопровождающим его.

TSMA, E. 5489

Александр Беннигсен

Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. по материалам «Реестров важных дел» Османского архива*

Во время наших исследований в Османском архиве в Стамбуле осенью 1966 г.[1] мы обнаружили в «Реестрах важных дел» (*Mühimme Defterleri*) ряд еще неопубликованных документов, касающихся похода османской армии на русскую крепость Астрахань (по-турецки «Эждерхан» (*Ejderkhan*), реже Хешт-Тархан (*Hešt Tarkhan*) или Хаджи-Тархан (*Hadji Tarkhan*))[2].

Поход был осуществлен Касимом, наместником (*beylerbey*) Кафы, стоявшим во главе османских войск и их союзников – крымских татар. Данный поход может считаться первой русско-турецкой войной, или, по крайней мере, первым крупным конфликтом, противопоставившим Османскую империю, тогда находившуюся в расцвете ее военной мощи, и Московию.

Этой темой интересовались многие дореволюционные и советские русские историки, располагавшие архивными документами и современными походу хрониками. Среди основных российских трудов, посвященных астраханскому походу, необходимо отметить в первую очередь следующие:

– *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен, 3-е изд., СПб., Т.VI, глава 5, с. 214 и сл.

– *Садиков П.А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки, № 22, М., 1947, с. 131[132]–166.

– *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII веках. М., 1946, Т.I, глава IV, с. 100–159.

---

* *Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les registres des «Affaires importantes» des Archives ottomanes // CMRS. T. 8 (1967). №3. P. 427–446.*

[1] Мы бы хотели поблагодарить нашего большого друга Мидхата Сертоглу (Midhat Sertoğlu), генерального директора Османского архива при Премьер-министре за его безграничное любезное гостеприимство, благодаря которому мы вот уже несколько лет можем работать в подведомственном ему учреждении и находить настоящие сокровища.

[2] Перевод документов из Османского архива был осуществлен г-ном Пертевом Бораталом (Pertev Boratav), ведущим научным сотрудником CNRS (Национального центра научных исследований Франции). В архиве Музея дворца «Топкапы» находятся два документа, касающиеся астраханского похода, которые мы смогли изучить. Речь идет о донесениях командующего османской армией Касим-паши (E. 1247 и E. 5155). [Последний документ представляет из себя резюме донесения в Порту будинского бейлербея – незки кафинского наместника Касим-паши – о ситуации в Будинском вилайете и не имеет отношения к астраханскому походу 1569 г. – *И.М.*].

Труды этих трех авторов основаны на архивных документах[3] и на русских летописях, в частности:

– *Рассказе Семена Мальцева*, посланника Ивана Грозного в Большую Ногайскую Орду, взятого в плен Малыми ногаями. Мальцев сопровождал османскую армию в качестве каторжника (гребца на галере). Приведенный полностью (*in extenso*) П.А.Садиковым, данный рассказ частично цитируется Соловьевым (указ. соч., с. 220–221) и Н.М.Карамзиным (История государства Российского, т. IX, № 245, 246, 249, 250, 254).

– *Донесении Ивана Новосильцева*, русского посланника в Стамбул в 1570 г., который проехал через Азак (Азов), Кафу и Крым спустя некоторое время после ухода османской армии. Отрывки из его донесений приводятся П.А.Садиковым.

– *Рассказе неизвестного автора*, приписываемом либо украинскому казаку, либо польскому дворянину Андрею Тарановскому (Andrzej Taranowski), пленнику турков, вынужденному следовать за османской армией[4].

– *Донесении Афанасия Нагого*, русского посла при хане Девлет-Гирее, который находился в Крыму с 1567 г. и имел информаторов в Кафе и Азаке. Его донесения фигурируют в *Крымских посольских книгах*.

Турецких историков также очень интересовала данная тема, но еще больше их интересовала более широкая, чем тема завоевания Астрахани, проблема, а именно: турецкий проект строительства волго-донского канала. Среди самых важных исследований этой проблемы можно отметить:

– Refik A. Bahr-i Khazar – Karadeniz Kanalı ve Ejderkhan Seferi // *Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuası*, № 43, İstanbul, 1917, s. 1–14. А.Рефик использует османские хроники, в частности, хронику (*Tarih*) Печеви и *Künh ül-Ahbar* Али Эфенди.

---

[3] В частности на Турецких посольских книгах и Крымских посольских книгах, хранящихся в Центральном (ныне Российском. – *Д.М.*) государственном архиве древних актов.

[4] Копия данного рассказа, сделанная в 1777 (1677. – *Д.М*) г. для князя Голицына, была опубликована Одесским обществом археологии и истории древностей под названием «Книга о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань», *Записки Одесского общества археологии и истории древностей*, VIII, [Записки Одесскаго общества истории и древностей. – Том восьмой. Съ VI литографированными листами.] Одесса, 1872, с. 479–488 [Точнее, публикация озаглавлена: «185 году генваря въ 22-й день писана сия 7185 книга в дому боярина князя Василья Васильевича Голицына глаголемая: сия книга история о приходе турецкаго и татарскаго воинства подъ Астрахань лета отъ создания мира 7185 а отъ Рождества Христова 1677». – *Д.М.*]. Немецкая копия существует в Haus, Hof und Staatsarchiv de Vienne, *Turcica 1568–1569* (см. *Kurat A.N.* The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // The Slavonic and East European Review, XL, 94, December 1961, p. 8, n. 8).

– Halil Inalcik. The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal (1569) // Annales de l'Universite d'Ankara. Ankara, 1946–1947, t. I, p. 47–110; турецкий текст см. в *Türk Tarih Kurumu Belleten, №* 46, Ankara, 1948, s. 342–402. Данная работа является самой полной по данному вопросу. Помимо хроник Х.Иналджик, использовал документы из Османского архива, некоторые из которых он приводит в приложениях.

– A.N.Kurat. The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // The Slavonic and East European Review, XL, 94, december 1961, p. 7–23. А.Н.Курат, помимо русских и турецких хроник, использует документы османских, австрийских и французских архивов, в частности, донесения посла Карла IX де Грантри де Граншама (de Grantrie de Grandchamps), приведенные Э.Шарьер (E.Charrière) в ее исследовании *Négociations de la France dans le Levant*, Paris, vol. III, 1893.

Историки не пришли к единому мнению о причинах, вызвавших начало астраханского похода. Конечно же, их было множество. С одной стороны, нужно учитывать осознание крымскими татарами – возможно, даже несколькими особенно проницательными османскими правителями – опасности, которую могло представлять продвижение русских на Кавказ. После падения Казани и Астрахани (что впервые в истории поставило мусульман, духовных подданных султана-халифа, в зависимость от «неверных»), московиты начали появляться в предгорьях Кавказа. В 1563 г. они построили крепость в Кабарде, затем последовало строительство еще одной крепости на реке Терек, – таким образом, они прочно утвердились среди черкесских племен. Женитьба царя на кабардинской княжне Марии, дочери князя Темрюка, стало явным доказательством того, что Московия собиралась оспаривать контроль над Кавказом у татарского [=Крымского] ханства и у Османской империи, которые до этого момента доминировали там практически единовластно.

К очевидной опасности, которую представляло для Крымского ханства появление русских на Кавказе, необходимо добавить наличие новой постоянной угрозы турецким владениям в Северном Причерноморье, представляемой донскими казаками.

Желание и воля оттеснить русских с Кавказа, восстановить мусульманскую власть в Нижнем Поволжье, может быть даже восстановить в пользу крымских Гиреев Казанское ханство, не могли не подтолкнуть Османскую Порту к военной кампании 1569 г. Однако трудно согласиться с мнением некоторых советских историков (в частности, Н.А.Смирнова), утверждающих о существовании грандиозного турецкого плана окружения Московской Руси. Для Высокой Порты русская угроза была еще отдаленной, а интерес к северным рубежам империи – вторичным.

Напротив, начиная с первой трети XVI в., на первом плане военных интересов Порты был Иран. После прихода к власти династии Сефевидов и объявления шиизма официальной религией Ирана проход на юге Каспийского моря

был закрыт. Тем самым Порта оказалась отрезана от большого пути, соединявшего Османскую империю с Центральной Азией. Этот путь был не только большим торговым путем, но также и политическим и военным путем, по которому проходили паломники, караваны торговцев и воинственные племена из Туркестана, направлявшиеся, чтобы встать под знамена султана-халифа для сражений с «неверным Западом». Несмотря на все усилия и часто победоносные военные кампании, османы не смогли взломать сефевидский «замок» в Азербайджане.

Оставался еще северный путь, соединявший Хиву через закаспийские пустыни и степи Северного Кавказа с османской крепостью Азак, расположенной в устье Дона. Следовавшие этим путем пересекали Волгу в районе Астрахани. Захватив Астрахань в 1556 г., русские перерезали «пуповину», связывавшую Анатолию с Верхней Азией (Haute Asie). Именно для того, чтобы «вновь открыть» этот Северный путь, и была предпринята военная кампания 1569 г.

По замыслу турецких правителей, плохо осведомленных крымскими татарами, направление османских сил в Нижнее Поволжье должно было сопровождаться строительством канала между Доном и Волгой – проектом, который опередил на четыре столетия строительство Волго-Донского канала. Существование такого канала должно было позволить османским кораблям проходить в Каспийское море; к тому же большая военная база турков, построенная на равнинах Северного Дагестана, должна была представлять постоянную угрозу северным владениям Ирана в Закавказье. Скорее империя Сефевидов, злейший враг Османской империи, нежели военные форпосты Москвы, находилась на прицеле во время похода турецких войск на Астрахань[5].

Документы Османского архива, касающиеся астраханского похода, в основном встречаются в «Реестрах важных дел» («Мюхимме дефтерлери»), содержащих копии приказов, направленных Великим императорским Диваном, а также

[5] Не стоит, однако, недооценивать другие причины, которые могли склонить Порту к принятию решения предпринять поход, в частности, чисто религиозные причины. А.А.Новосельский в своем превосходном исследовании *Борьба Московского государства с татарами в [первой половине] XVII века*, Москва, АН СССР, [М.; Л.], (1948), с. 24, пишет: «Существует мнение, согласно которому поход турок на Астрахань в 1569 г. был подготовкой контрнаступления, конечной целью которого было не только завоевание Астрахани, но также и завоевание Казани. Султан действовал в данном случае как верховный правитель всего мусульманского мира, оскорбленный победоносным наступлением Московского государства». [В оригинале цитата такова: «Существует мнение, что поход турок под Астрахань в 1569 г. был подготовкой контрудара, окончательной целью которого был не только захват Астрахани, но и Казани. Султан выступал в этом случае якобы в качестве главы всего мусульманского мира, потерпевшего ущерб от успехов Московского государства». – *Д.М.*].

копии императорских посланий (*name-i hümâyün*), направленных падишахом иностранным правителям[6].

Первые шесть томов данных Реестров охватывают период с 1553 г. по 1564 г., время великого прорыва Московского государства на восток и северо-восток. К сожалению, эта экспансия не нашла в «Мюхимме дефтерлери» никакого отражения. Реестры I, II и IV содержат копии приказов, связанных лишь с внутренним управлением империей, а реестры III (1558–1560), V и VI (1564) не содержат никакого прямого или косвенного указания на присутствие русских в районе Нижней Волги[7]. Это молчание достаточно красноречиво характеризует слабый интерес Османской империи к делам на Кавказе в правление Сулеймана Великолепного.

В «Мюхимме дефтерлери» также отсутствуют следы проектов османского похода с целью отвоевания территории Астраханского ханства, которые, видимо, были представлены султану Сулейману его великим визирем Мехмед-пашой Соколлу в 1563 г. и снова, через некоторое время, его *дефтердаром* черкесом Касимом, который в 1569 г. будет командовать экспедиционным корпусом в походе на Астрахань[8]. Однако, с приходом к власти в 1566 г. сына и наследника Сулеймана, Селима II, ситуация неожиданно изменится.

Из русских и турецких источников нам известно, что решение направить османскую армию на отвоевание Астрахани было принято в 1567 г., а может быть, даже в 1566 г. К сожалению, ни один из «Реестров важных дел» не отражает период 1565–1566 гг. Вследствие этого нам неизвестно, начались ли приготовления к походу в 1566 г., к тому же мы не располагаем ни одним дипломатическим документом за этот год, который мог бы прояснить мотивы, толкнувшие Османскую Порту предпринять этот поход.

В Реестре VII за 1567 и 1568 гг. фигурируют приказы Императорского Дивана и самого падишаха о подготовке похода, с очень детальным ее описанием. Это очень точная картина относительно скромных военных сил, прек-

[6] Для общего анализа документов, касающихся России, в «Реестрах важных дел XVI в. см.: Lemercier-Quelquejay Ch. Une source inédite pour l'histoire de la Russie au XVI siècle. Les Registres des *Mühimme Defterleri* des Archives du Baş-Vekâlet // CMRS. T. 8 (1967). № 2. P. 335–343.

[7] Единственное указание, касающееся Астрахани в шести первых томах «Мюхимме дефтерлери» встречается в реестре IV. Речь идет о краткой записи, приказывающей выплатить тридцать *акча* сыновьям астраханского хана Дервиш-Али, укрывшимся в Турции (*hüküm* №281 от 23 джумада I 967 (20 марта 1560) г., 3 строки). Другая, очень косвенная, информация дана в коротком послании падишаха крымскому хану Девлет-Гирею (реестр III, *hüküm* №1048, без даты, вероятно, 1559 г.), говорящем об Эждерхане (Астрахани), согласно которой московиты, донские казаки и «Димитраш» (князь Дмитрий Вишневецкий) готовятся напасть на турецкую крепость Азак.

[8] Донесения посланников царя в Крыму содержат точную информацию о проектах 1563–1564 гг. См.: Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.

расно дополняющая сведения, приводимые хронистами. Документы (их около пятидесяти) могут быть подразделены на три категории.

1. Документы о дипломатической подготовке кампании.

Мы не нашли в «Мюхимме дефтерлери» никакой информации о том большом давлении, которое, без сомнения, оказывалось на правителей Османской империи последними правителями (princes) Астрахани, Ягмурчи и Дервиш-Али, обосновавшимися в Турции, а также многочисленными казанскими татарами или ногаями, сбежавшими в Крым, чтобы отвоевать Астраханское ханство у «неверных». Напротив, там есть очень много откликов на действия, предпринятые крымским ханом Девлет-Гиреем, чтобы убедить Высокую Порту начать военные действия против Московского государства, продвижение которого на Северном Кавказе серьезно угрожало его [Девлет-Гирея] владениям на Кубани. Там есть также ответы на настойчивые призывы, адресованные османскому падишаху правителями мусульманских государств Центральной Азии, Хорезма и Бухары, об открытии дороги хаджа и торговли, проходившей через Астрахань.

В реестре VII «Мюхимме дефтерлери» мы находим множество коротких приказов от 8 раджаба 975 (8 января 1568) г. крымскому хану (*hüküm* №667, 4 строки), бейлербею Алеппо (*hüküm* №671, 5 строк), кади населенных пунктов, расположенных по дороге из Стамбула в Дамаск (*hüküm* №748, 5 строк), и *дефтер кетхудасы* провинции Дамаска и ответственному за дела паломничества (хадж) (*эмир ал-хаджж*) (*hüküm* №749, 4 строки). Речь в них идет о возвращении в Центральную Азию большого каравана туркестанских паломников, который вел известный *улем* шейх Зенги, потомок великого бухарского святого Ахмеда Ясави, к этому каравану присоединились также торговцы. Считая иранскую дорогу слишком опасной, туркестанцы предпочитали возвращаться в свою страну по северному пути, погружаясь на корабли в портах Самсуна, Синопа или даже Стамбула и следуя до Кафы. Последующую безопасность паломников до границ своих владений должен был обеспечивать татарский [=крымский] хан.

Проход по Нижней Волге оставался опасным отрезком путешествия, и мысль об отвоевании Астрахани была обозначена очень рано в приказе, направленном *бею* Кафы («Мюхимме дефтерлери», реестр VII, *hüküm* №838 от 10 шаабана 975 (9 февраля 1568) г., 7 строк), в котором заявлялось (текст приводится в небольшом сокращении):

«Паломники из области Хорезм, желающие отправиться в Мекку и в Медину, испытывают трудности, потому что область Эждерхан, бывшая ранее в руках ногаев, была завоевана неверными. Мы придаем очень большое значение ее отвоеванию. Мы написали по данному вопросу хану. Приказ *бею* Кафы связаться с ханом, обсудить с ним это дело и срочно предоставить детальную

информацию Османской Порте. Что нужно сделать, чтобы отвоевать Эждерхан? Когда нужно начинать военную кампанию?»[9].

Реестр VII содержит также копии трех императорских посланий (*name-i hümâyün*), направленных хану Девлет-Гирею по вопросу подготовки похода. Первое внесено под номером 2722 (14 строк), оно не датировано, но отправлено, вероятно, весной 1568 г.[10], здесь мы приводим его полный текст[11]:

«В нашу Высокую Порту, обитель и пристанище правителей, прибыли послания из Самарканда и Бухары, одно из которых, от хана области Хорезм со славным титулом Хаджи-Мухаммед-хан, преисполнено выражений дружбы и преданности. В своем письме он выражает желание, чтобы область Эждерхан была отвоевана, чтобы дорога, ведущая от его пределов в священную Мекку – Дом Божий, и к пресветлому мавзолею Пророка (Медине), которая служит также торговой дорогой, была открыта, и чтобы каждый мог путешествовать по ней в полной безопасности для своего имущества и своей жизни. Однако области Казань и Эждерхан раньше находились в руках ногаев. Почему сейчас они попали в руки неверных? Какие татарские князья страдают от пленения? Когда и по каким причинам [эти области] были потеряны мусульманами? – все [это] мне известно хорошо и во всех подробностях. Завоевание этой области – это исключительно важное дело, поэтому у меня есть твердое намерение отвоевать эти земли с помощью Господа Всемогущего. Вследствие этого, согласно Вашей преданности и приверженности моей Высокой Порте, и как мы ожидаем этого от Вашей мудрости и проницательности, качеств, свойственных Вашей натуре, мы ждем Ваш вклад в дело завоевания области Эждерхан. Осведомляйте обо всех деталях мер и приготовлений, которые Вы предпримите для данного похода, чтобы план кампании был выработан вовремя, и чтобы завоевание нам удалось с помощью Господа Всемогущего»[12].

Второе императорское послание, датированное месяцем мухаррам 976 (июнь–июль 1568) г., (*hüküm* №2745, 14 строк) является ответом на послание Девлет-Гирея, в котором хан сообщал, что он готов начать военную кампанию

---

[9] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 139–142. – *И.М.*

[10] Можно предположить, что послание падишаха дошло в Крым не позднее конца марта 1568 г., так как в апреле этого года Афанасий Нагой, посол царя в Крыму, сообщил в Москву, что 3 апреля хан совещался с *беем* Кафы и его главными советниками по вопросу послания султана, доставленного чавушем Мехмедом, в котором речь идет о жалобах правителей Хорезма и Бухары на присутствие «неверных» в Астрахани. Весьма вероятно, что речь идет о послании, копия которого представлена в реестре VII «Мюхимме дефтерлери» под №2722.

[11] Документ, о котором идет речь, ошибочно озаглавлен «Копия послания *татарского хана*» (*Suret-i Name-i Tatar Khan)* вместо «*татарскому хану*».

[12] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 143–146. – *И.М.*

для отвоевания Астрахани. Вот полный перевод первой части, в которой речь идет о подготовке похода[13]:

«Послание от Вашей Светлости поставили нас в известность, что Вы хотели бы завоевать крепость Эждерхан, чтобы дорога для благословенных паломников [в Мекку] была бы открыта. Поэтому мы издали приказы по данному делу и направили наш императорский приказ бывшему бею санджака Кафы, являющемуся сейчас бейлербеем Темешвара, который доставил нам подробный реестр всего, что необходимо для этого похода, имеющего целью завоевать данную крепость, согласно Вашим пожеланиям и Вашему мнению. Боеприпасы и провизия были отправлены (в Кафу). Когда наше императорское послание прибудет к Вам, [то] Вам надлежит доказать Ваше усердие, согласно вашим преданности и дружеским намерениям, которые Вы всегда проявляли по отношению к нашей Порте – обители счастья, и приложить похвальные усилия, чтобы вовремя найти и поставить все снаряжение и провизию, необходимые для завоевания крепости, для того, чтобы поход увенчался успехом и чтобы дорога благословенных паломников была освобождена, чтобы они могли путешествовать в полной безопасности…»[14].

Третье императорское послание крымскому хану было отправлено позднее, 16 раби II 976 (8 октября 1568) г., когда приготовления к походу уже велись полным ходом. Оно касалось, в основном, участия татарских частей в походе. Данное послание находится в Реестре VII «Мюхимме дефтерлери», под №2757 (12 строк):

«Бей санджака [провинции] Кафа Касим, гордость полководцев – да продлит Господь его доблестную карьеру! – был назначен главнокомандующим. Я дал приказ черкесским правителям, живущим в [той] стране, объединиться с ним и сотрудничать с ним. Императорские приказы были отправлены по данному вопросу каждому из них[15]. Бей санджака Кёстендил останется с Вами, чтобы защищать страну [Крым], так как нам показалось своевременным, чтобы Ваш *кетхуда*[16] был назначен командующим татарскими войсками. Итак, надлежит, чтобы согласно великой дружбе и непоколебимой преданности, которые Вы всегда проявляли по отношению нашей Счастливой Порте, когда Касим

[13] Вторая часть послания посвящена больше вопросу сложных отношений хана Девлет-Гирея с другими представителями династии Гиреев. Падишах обещает ему, в частности, изгнать в Алжир некоторых особенно ярых сторонников астраханского хана Ягмурчи и направить в Крым соперника Девлет-Гирея, Крым-Гирея, чтобы хан смог наложить на него наказание, которое он посчитает нужным. Видимо, эти меры были приняты Портой, чтобы заручиться доброй волей татарского хана. Афанасий Нагой, посол Ивана IV в Крыму, был в курсе этих посланий (см. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII веках. М., 1946, т. I, с. 97).

[14] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 158–162. – *И.М.*

[15] [«Мюхимме дефтерлери»,] реестр VII, *hüküm* №2246.

[16] «Поверенный в делах», здесь: «помощник».

будет заниматься приготовлениями к тому, чтобы занять свой новый пост, Вы снарядите войска, которые присоединятся к нему с необходимым количеством оружия, боеприпасов и провизии. Вы должны вступить в контакт с Касимом и сделать все, что нужно, чтобы ему направить, когда он Вас об этом попросит, Вашего *кетхуду*, командующего татарскими войсками, чтобы Касим мог вести дела, относящиеся к вере и нашей державе.

Бей санджака Кёстендил – да продлится его успех вечно! – останется с Вами, чтобы защищать страну[17]. Мы надеемся, что с помощью Господа и [его] угодников мы победим, и что враги нашей державы и нашего народа будут повержены и разгромлены. Категорически укажите вашему кетхуде, чтобы он должным образом наблюдал за строгой дисциплиной в татарских войсках, дабы они не нанесли вреда или ущерба нашим подданным»[18].

Последний дипломатический документ, касающийся приготовлений астраханского похода, находится в реестре VII «Мюхимме дефтерлери», – это императорское послание, направленное Селимом II хану Хорезма[19] в ответ на послание, которое тот прислал ранее падишаху[20]. Речь идет о *хюкюме* №2723 (20 строк). Документ не датирован (вероятно, он относится к июню–июлю 1568 г.). Вот его несколько сокращенный перевод:

«Мы получили Ваше послание, доставленное Вашим посланником Хайдаром Бахадуром, в котором вы подтверждаете привязанность и дружеское отношение к нашей династии. Ранее, во время правления моего отца Сулеймана, по которому мы скорбим, сообщение между нашими странами было свободным. Вам было направлено послание от моего отца, в котором он предупреждал Вас о том, что мы начнем войну против неверных[21]. Вы сообщаете нам, что живущие в Вашей стране мусульмане, совершая паломничество в Мекку и в Медину, прибыли на обратном пути на границы страны шаха [?] были задержаны им и пленены. Вы заявляете, что Вы бы хотели, чтобы они были освобождены, и чтобы дорога паломничества, проходящая через Астрахань, вновь стала свободной и надежной для паломников и торговцев. Недавно к нам прибыли из этих стран гонцы, сообщившие нам о состоянии названных пленников. Мы приняли твердое решение освободить их и расчистить дорогу, которая проходит через Эждерхан»[22].

[17] Это распоряжение было отменено приказом, направленным двумя месяцами позднее наместнику (*бею* [*санджакбею*]) Кёстендила (реестр VII, *hüküm* №2699), который предписывал ему оставаться в своем санджаке и прислать войска под командованием своего *алайбея* в распоряжение *бейлербея* Кафы.

[18] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 163–166. – *И.М.*

[19] Хаджи-Мухаммед (1598–1602 гг.), хан Хивы.

[20] См.: *История Узбекской ССР*, Т. I, Ч. 1. Ташкент, 1955. С. 406–408.

[21] Здесь может идти речь о шиитах-Сефевидах, а не о русских.

[22] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 147–152. – *И.М.*

2. Документы о сосредоточении османских войск.

С начала 1568 г. Порта приняла необходимые меры, чтобы сосредоточить в Азаке и Кафе войска, которые должны были принимать участие в походе. А.Н.Курат[23], основываясь на рассказах Мальцева, считает, что общее количество османских воинов, принявших участие в походе, составило около 15 000 человек, в том числе около 3000 янычар, а остальные – войска *тимаров* и кочевые племена юрюков [турецкие кочевники-туркмены. – *И.З.*]. Османскую армию должны были сопровождать около 50 000 татар, черкесов с полуострова Тамань и ногаев из Малой Орды, кочующих в степях Кубани.

[С турецкой стороны] к участию в походе были привлечены тимариоты трех провинций (*санджаков*) Румелии: Кёстендила (Констанцы), Силистрии и Нигболу (Никополя) и трех провинций Северной Анатолии: Амасьи, Чорума и Джаника. Войска из Румелии должны были прибыть в Азак по суше, тогда как воины из Анатолии, севшие на корабли в порту Синопа, прибывали в Кафу по морю. Янычары также прибывали из Стамбула по морю.

Наместникам (*беям*) некоторых санджаков было поручено возглавить свои войска и прибыть в Кафу в распоряжение кафинского бейлербея лично (таковыми из анатолийских санджаков являлись беи Амасьи и Джаника, из румелийских – беи Силистрии и Нигболу); другие должны были оставаться в своих провинциях с пятьюдесятью своих *сипахиев*, а остальных под командованием их *алайбеев* [полковников. – *И.З.*] отправить в Кафу.

Документы «Мюхимме дефтерлери» не позволяют нам, к сожалению, оценить количество войск, собранных в каждом из четырех санджаков. Тексты приказов (*hüküm*), отправленных беям, одинаковы и не содержат никаких цифр. Вот, например, текст приказа, направленного беям четырех санджаков Амасьи, Джаника, Силистрии и Нигболу[24]:

«Касиму, ныне являющемуся беем Кафы, поручена некоторая миссия. Я приказываю, чтобы ты также был готов присоединиться к нему с людьми *зеаметов* и *тимаров*, которые находятся в твоем санджаке. Как только мой

[23] Kurat A.N. The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal, p. 16.

[24] «Мюхимме дефтерлери», реестр VII, *hüküm* №1962 (8 строк): приказ, направленный бею Амасии с копией беям Силистрии, Нигболу и Джаника. [Согласно помете под документом, такой же приказ был направлен бею Кёстендила и бею одного неназванного санджака, очевидно, Чорума. Последнему было предписано оставить на охране санджака 50 сипахиев, а остальных подготовить к отправке в поход. Документы датированы 26 сафара 976 (20 августа 1568) г., переданы гонцам (*чавушам*) для доставки адресатам 1 раби I 976 (24 августа 1568) г. (см.: ДИВУР. С. 153–157). – *И.М.*]. Приказ был подтвержден для беев Амасии и Джаника 10 раджаба 976 (29 декабря 1568) г. («Мюхимме дефтерлери», реестр VII, *hüküm* №22 (2 строки), приказ бею Джаника с копией бею Амасии).

приказ будет тебе доставлен, ты ознакомишь с ним всех – *заимов* и обладателей из *тимаров*, чтобы они были готовы со своим снаряжением, оружием и военными инструментами. Сам же ты следи за тем, чтобы твои люди были готовы, вооружены и снабжены всем так, чтобы когда прибудет приказ от меня, сообщающий дату твоего отправления, ты мог бы отправиться без промедления. Если же в этот момент ты не будешь готов к походу с твоими *заимами*, обладателями *тимаров* и твоими вооруженными и снабженными всем людьми, или же войска не будут полностью собраны, или если будут изъяны или недостатки в их вооружении и снабжении, ни одно извинение не будет принято, и ты будешь не только отрешен от должности, но и наказан. Итак, ты будь бдительным и скорым в своих приготовлениях»[25].

Наместники санджаков Чорум и Кёстендил должны были оставаться на месте с пятьюдесятью своими *сипахиями* и отправить остальные силы в распоряжение *бейлербея* Кафы. Данный приказ был сообщен бею Кёстендила 22 раби II 976 (15 октября 1568) г. и подтвержден 4 раджаба 976 (23 декабря 1568) г.[26]; абсолютно идентичный приказ был дан бею Чорума 2 джумада II (22 ноября 1568) г.[27] и подтвержден 4 раджаба 976 (23 декабря 1568) г.[28]. Вот полный текст приказа от 23 декабря:

«В моем приказе, который был доставлен тебе ранее, я приказывал тебе собрать людей из твоего санджака под командованием их *алайбеев* и отправить их к Касиму, благороднейшему главнокомандующему и бейлербею Кафы, чтобы принять участие в походе на Эждерхан. Если Богу будет угодно, то в навруз [будущей весной, т.е. в праздник весеннего равноденствия. – *И.З.*] отправь *заимов* и людей из *тимаров* твоего *санджака* под командованием их *алайбеев*, полностью снаряженными для войны и снабженными подковами и гвоздями [для коней] в достаточном количестве. Направь их к Касиму – да продлится его счастье вечно! – чтобы они выполняли задачи, которые [этот] главнокомандующий им определит. Если же в навруз они не будут готовы согласно моему приказу, если они не присоединятся к их *алайбеям* или если будут изъяны или несовершенства в их вооружении и их снабжении, ни одно извинение не будет принято ни от кого из них. Ты должен предупредить их о последствиях и [о том, чтобы они] не теряли ни минуты, выполняя данный приказ с усердием и

[25] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 153–157. – *И.М.*

[26] Реестр VII, *hüküm* №2307 (2 строки) и *hüküm* №2692 (10 строк). [Текст хюкюма №2692 состоит из 7 строк. – *И.М.*].

[27] Реестр VII, *hüküm* №2555 (8 строк).

[28] Реестр VII, *hüküm* №2693 (7 строк). [На самом деле автором статьи переведен хюкюм №2692, адресованный [санджак]бею Кёстендила. Хюкюм №2693, адресованный [санджак]бею Чорума, подтверждает ранее данный последнему приказ оставлении им при себе 50 сипахиев и отправлении остальных с наступлением навруза в распоряжение бейлербея Кафы. Хюкюмы №№2691, 2692, 2693, по нашему мнению, следует датировать 3 раджаба 976 (22 декабря 1568) г. Их полные переводы см.: ДИВУР. С. 167–177].

бдительностью. Запиши имена *сипахиев* в реестре, запечатай его и направь Касиму».

В конце 1568 г. *бейлербей* Кафы был проинформирован [Портой] о мобилизации войск шести санджаков приказом, который излагал суть изданных распоряжений[29]:

«Мы направили приказы беям Силистрии и Нигболу самим присоединится к тебе во главе *сипахов* их *санджака*, бею Кёстендила – послать *сипахов* своего *санджака* под командование их *алайбея*, беям Амасьи и Джаника присоединиться к тебе со своими *заимами* и людьми их *тимаров*; бею Чорума оставаться с пятьюдесятью своих *сипахи* для охраны своего *санджака* и отправить остальные силы в Кафу под командованием их *алайбеев*»[30].

Кроме шести санджаков, которые поставляли основную массу военных сил османов, в течение 1568 г. приказы были направлены управляющим анатолийских санджаков Трабзона, Кастамону и Болу, а также комендантам крепостей (*dizdar*) Амасьи, Кастамону, Синопа, с указанием предоставить некоторые специализированные категории солдат, в частности, экипажи для кораблей и солдат крепостей (*hisar erenleri*)[31].

Наконец, были даны приказы набрать войска среди кочевников (*юрюк*)[32] и даже среди цыган (*чингане*) – мусульман Центральной Анатолии[33], а также призвать союзные черкесские племена[34].

---

[29] Реестр VII, *hükūm* №2691 (13 строк), сокращенный перевод. [Текст хюкюма №2691 состоит из 11 строк. – *И.М.*].

[30] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 167–170. – *И.М.*

[31] Реестр VII, *hükūm* №2302, от раби II 976 (октябрь 1568) г. (8 строк), и *hükūm* от 10 раджаба 976 (29 декабря 1586) г., приказы бею Кастамону и *диздару* Синопа предоставить 52 солдата из гарнизона Кастамону и 61 солдат из синопского гарнизона для похода на Астрахань. Реестр VII, *hükūm* №19 от 10 раджаба 976 (29 декабря 1568) г. (3 строки), приказ бею Болу и *диздару* Амасии предоставить солдат для строящихся в Кафе кораблей. Реестр VII, *hükūm* №20 от 10 раджаба 976 (29 декабря 1568) г., приказ бею и *диздару* Трабзона прислать солдат крепостей. Наконец, реестр VII, *hükūm* №2275, без даты (12 строк), приказ *диздару* и офицерам *(ага)* крепостей провинции *(вилайет)* Кафы и предоставить солдат крепостей.

[32] Реестр VII, *hükūm* №4 от 7 реджеба 975 (7 января 1568) г. (4 строки), приказ *субаши* юрюков из Тангри-Дага назначить группу солдат для похода на Эждерхан. Такие же приказы *субаши* юрюков из Налдёкена (Naldöken) (Реестр VII, *hükūm* №6, та же дата (3 строки)). *субаши* юрюков из Коджаджика (Реестр VII, *hükūm* №7, та же дата (2 строки)). И, наконец, приказ *субаши* юрюков из Визе (Реестр VII, *hükūm* №10, та же дата (3 строки)).

[33] Реестр VII, *hükūm* №11 от 7 раджаба 975 (7 января 1568) г. (3 строки), приказ *субаши* юрюков из Визе направить группу цыган-мусульман.

[34] Реестр VII, *hükūm* №2246 от 19 раби II 976 (11 октября 1568) г. (6 строк), приказ черкесскому главе Ахмед-бею из Ханъера с копиями многим другим черкесским главам.

При ознакомлении с документами реестра VII «Мюхимме дефтерлери» складывается впечатление, что масштаб военных приготовлений к походу на Астрахань был весьма скромным, особенно если сравнить его с грандиозной подготовкой кампании Великой османской армии в Венгрии против Империи или в Закавказье против Сефевидов. Информация из тех же «Реестров важных дел», касающаяся снабжения экспедиционного корпуса, также показывает относительную скромность привлеченных средств.

3. Документы о снабжении похода продовольствием.

Территория, которая, согласно приказам Порты, должна была осуществлять продовольственное обеспечение похода, была намного меньше, чем та, что должна была предоставить войска. В Северной Анатолии к решению названной проблемы были привлечены санджаки Чорум, Самсун, Амасья, Джаник и Токат, а в Румелии – Нигболу, Силистрия, Плевна и Варна, не считая вассальные княжества Молдавию и Валахию, а также провинцию Кафа.

Все приказы о поставках продовольствия датированы осенью 1568 г. Они были направлены или управляющим санджаков, или, чаще, *кади* (судьям). В некоторых из них содержались количественные уточнения, позволяющие оценить численность войск, призванных в поход.

С одной стороны, есть целая серия приказов, направленных беям и кади анатолийских провинций Амасья, Чорум, Джаник и Токат, касающихся доставки продовольствия, предназначенного экспедиционному корпусу, сосредоточенному в Кафе[35]. Данные приказы не содержат никаких указаний ни о роде продовольствия, которое надлежало доставить, ни о его количестве. Напротив, приказы, направленные беям и кади дунайских провинций, касаются исключительно поставки зерновых, в частности, ячменя и пшеницы. Как и предыдущие, они не указывали количество, посылаемое в Кафу[36]. Другие послания были отправлены воеводам Молдавии (*Богдан*) и Валахии (*Эфлак*), вассалам Османской Порты. От воеводы Молдавии требовалось доставить 800 упряжных лошадей, которые смогут тянуть телеги, которые нужно взять в Молдавии и

---

[35] Реестр VII, *hükūm* №2076 от 23 раби I 976 (15 сентября 1568) г. (5 строк), бею Чорума и *кади санджака* Чорум, с копиями беям Амасьи, Джаника и Токата; реестр VII, *hükūm* №2223 от 15 раби II 976 (7 октября 1568) г. (8 строк), *кадиям* санджаков Амасьи и Чорума.

[36] Реестр VII, *hükūm* №2077 от 23 раби I 976 (15 сентября 1568) г. (6 строк), приказ кади Нигболу направить пять кораблей с зерновыми в Кафу и столько же в Стамбул, где был крайний недостаток ячменя, с копиями кади Силистрии, Плевны и Варны. Реестр VII, *hükūm* №2227 от 29 раби II 976 (21 октября 1568) г. (7 строк), приказ *кади* Варны погрузить продовольствие на корабли и срочно отправить их в Кафу. Реестр VII, *hükūm* №2235 от 3 раби II 976 (25 сентября 1568) г., приказ Юнусу, *бею* Силистрии, выгрузить зерновые на грузовые корабли, которые спустятся по Дунаю в Кафу.

послать под хорошей охраной в Кафу. Стоимость этих лошадей должна была быть вычтена из ежегодной подати, определенной для Молдавии[37]. Ему также предписывалось поставить зерно (количество не уточняется), которое должно было быть отправлено в Кафу частично на кораблях, частично сухопутным караваном[38]. Со своей стороны воевода Валахии должен был доставить 300 упряжных лошадей.

Наконец, кади Кафинского санджака приказывалось приготовить сухари для экспедиционного корпуса. Данный приказ не датирован, но, вероятно, отправлен в конце 1568 г.; он позволяет оценить количество османских солдат, сосредоточенных в Кафе. У кади Кафы просят 500 квинталов (*kantar*) сухарей, у кади Мангупа – 1 500 квинталов, у кади Судака, Керчи и Тамани, соответственно по 500 квинталов[39]

Указания, касающиеся снаряжения и вооружения экспедиционного корпуса, более редкие и лаконичные. Мы можем упомянуть лишь несколько приказов бейлербею Кафы и кади его санджака относительно строительства на верфях Кафы кораблей, предназначенных для перевозки оружия, снаряжения и продовольствия между Кафой и Азаком с одной стороны, и по Дону между Азаком и местностью, которая названа в документе «Эрделе»[40], и которая, по-видимому, находилась недалеко от излучины реки рядом с Переволокой[41], с другой стороны.

[37] Реестр VII, *hüküm* №2230 от 7 джумада I 976 (28 октября 1568) г. (7 строк), приказ воеводе Молдавии реквизировать 800 лошадей, с копией воеводе Валахии на 300 лошадей.

[38] Реестр VII, *hüküm* №2227 от 16 раби II 976 (8 октября 1568) г. (5 строк), приказ воеводе Молдавии реквизировать достаточное количество пшеницы и отправить ее в Кафу под хорошей (надежной) охраной, с копиями беям Силистрии и Аккирмана. Также Реестр VII, *hüküm* №24 от 10 раджаба 976 (29 декабря 1568 г.), приказ воеводе Молдавии погрузить пшеницу, предназначенную для Кафы, на корабли.

[39] Реестр VII, *hüküm* №2252, без даты, приказ кади Кафы, с копиями кади Мангупа, Судака, Керчи и Тамани.

[40] В донесении Порте командующего османским экспедиционным корпусом в астраханском походе бейлербея Кафы Касима эта местность названа «Эрдильме» (см. статью Т.Гёкбильгина «Османский поход на Астрахань в 1569 г.» в настоящем сборнике). – *И.М.*

[41] В частности, реестр VII, *hüküm* №1738 от 18 мухаррама 976 (13 июля 1568) г. (3 строки): приказ бейлербею Кафы о назначении надзирателей за строительством кораблей. Реестр VII, *hüküm* №1833 от 7 сафара 976 (1 июля 1568) г. (12 строк): приказ бейлербею Кафы о строительстве кораблей. Реестр VII, *hüküm* №2280 от 24 раби II 976 (16 октября 1568) г.: приказ бейлербею Кафы и кади его санджака о реквизиции кораблей, принадлежащих местным судовладельцам.

4. Поход и его последствия.

Реестр IX «Мюхимме дефтерлери» за 1569 г.[42] не содержит ни одного приказа, датированного временем после 1568 г. и касающегося астраханского похода. Однако различные русские и турецкие историки почти одинаково описывают события данной кампании[43].

Приготовления были закончены в начале 1569 г. В конце мая 1569 г. бейлербей Кафы Касим-паша, главнокомандующий похода, покинул Кафу и во главе османских войск направился в Азак. Со своей стороны, Девлет-Гирей со своими тремя сыновьями и около 50 000 татарских всадников покинули Крым в июне и прибыли в Азак в начале июля. К 10 июля 1569 г. османский флот, доставлявший продовольствие, снаряжение и тяжелое вооружение, начал подниматься по Дону. По обеим берегам реки его сопровождали османские и крымские войска.

15 августа походная армия достигла района Переволоки. Там быстро стало ясно, что строительство канала – нереализуемая мечта. Выяснилось также, что невозможно поставить корабли на колеса и тянуть их таким способом до Волги. Касим-паша решил отправить флотилию с артиллерией и тяжелым снаряжением назад в Азак, уменьшив, таким образом, свои шансы взять Астрахань. 5 сентября одна из частей, отправившихся из Азака в Астрахань по южному пути, подошла к русской крепости. К ней 16 сентября присоединились основные силы, которыми командовал Касим-паша. После нескольких безуспешных попыток захватить Астрахань оказалось, что османская армия, мало поддерживаемая крымскими татарами, хан которых был явно против завоевания Астрахани, испытывающая нехватку продовольствия и плохо оснащенная, чтобы противостоять трудностям осени, не может победоносно закончить кампанию. Касим-паша решил отправиться в обратный путь. Покинув Нижнюю Волгу 26 сентября, турки прошли за 27 дней 700 километров по степям Терека и Кубани, страдая от голода и жажды. Они понесли огромные потери, и лишь малая их часть добралась до Азака 23 октября 1569[44] г. Катастрофу поражения усилил произошедший в конце сентября большой пожар, вызвавший ужасающий взрыв арсенала Азака; наконец, 27 октября сильнейшая буря уничтожила большую часть флота, находившегося на рейде Азака. Поход закончился полным провалом.

В «Реестрах важных дел» имеются лишь незначительные сведения о последствиях похода.

[42] Реестр VIII (1569–1570) содержит лишь приказы, касающиеся похода на Кипр.

[43] Единственное отличие касается земляных работ, предпринятых в излучине Дона для строительства канала; османские хроники и Иналджик (*указ. соч.*, с. 79–80) считают, что после двух месяцев работ почти треть канала была прорыта. Курат (*указ. соч.*, с. 17–18) считает, что работы были прекращены очень быстро.

[44] Согласно Садикову, цитирующему донесение Новосильцева, менее четверти османских войск вернулось в Азак, в том числе только 700 янычар из 3000.

Все русские историки отмечают, что по возвращении в Азак бейлербей Кафы попросил разрешения подготовить новый поход на Астрахань. Порта отказала. В «Мюхимме дефтерлери» нет следов ни упоминаний о действиях Касима-паши, ни об отказе Великого Императорского Дивана. В реестре IX за период, охватывающий время с месяца рамазан 977 г. по месяц мухаррам 978 г. (1569–1570 гг.), находится множество приказов, относящихся к астраханскому походу; однако, это документы, заслуживающие внимания во вторую очередь. Речь идет, во-первых, о множестве приказов *субаши* юрюков и судьям (*кади*) санджаков Румелии, касающихся кочевников, уклонившихся от направленных им в 1568 г. приказов о мобилизации или дезертировавших, когда их отряды направлялись в Азак[45]. Было приказано арестовать виновных, приговорить их к галерам и конфисковать их имущество.

Другие приказы наместнику (бейлербею) и *кади* Кафы касались оружия и боеприпасов, привезенных в Кафу после возвращения экспедиционного корпуса; некоторые из этих приказов позволяют косвенно оценить османские военные силы, задействованные в походе. В реестре X, охватывающем период между месяцами мухаррам 978 и 979 (1570–1571) гг., находится *hüküm* №382, приказ бейлербею Кафы, обязывающий провести учет пушек и другого оружия, возвращенных после кампании, и послать отчет об этом в Стамбул[46]. В реестре XIX сохранился еще более выразительный приказ №179 от 21 раби II 980 (31 августа 1572) г. тому же адресату (в нем указано общее количество орудий, отправленных в Кафу для астраханского похода – 2000). Из этого количества наместнику предписывалось вернуть 1500 в Стамбул и оставить у себя 500[47]. Османская бюрократия была требовательной в том, что касалось государственного имущества, и спустя девять лет еще встречаются приказы, касающиеся потерь снаряжения и оружия, понесенных во время похода[48].

Достаточно странно, но астраханский поход не оказал прямого воздействия на отношения между Московией и Османской Портой. 19 октября 1569 г. Боярская Дума, возглавляемая царем Иваном, решила отправить в Стамбул посла Ивана Новосильцева, чтобы поздравить султана Селима II с его восшествием на

[45] Реестр IX, *hüküm* №68 от 22 рамазана 977 (28 февраля 1570) г., *кади* Варны и приказ *субаши* юрюков, касающийся кочевников округа Варны, которые покинули отряды по дороге во время перехода через реку Озю (Днепр).

[46] Реестр X, *hüküm* №382, без даты, бейлербею Кафы.

[47] Реестр XIX, *hüküm* №719 от 21 раби II 980 (31 августа 1572), бейлербею Кафы.

[48] Например, в реестре LXIV, *hüküm* №344 от 5 зульхиджжа 996 (26 сентября 1588) г., приказ бейлербею и кади Кафы, относительно потерь оружия во время кампании. В приказе ставился вопрос об именах ответственных за потери. В том же реестре, *hüküm* №345 от 19 зульхиджжа 996 (10 октября 1588) г., находится приказ бейлербею и кади Кафы, предписывающий провести следствие по делу разбора янычарами свинцовых крыш бань Кафы, для изготовления ружейных пуль для астраханского похода. Было также приказано восстановить взятый с бань свинец.

престол. Новосильцев привез богатые подарки – соболиные меха, охотничьих соколов и моржовые клыки. Посол отправился из Москвы в ноябре и проехал через Азак и Кафу чуть позже возвращавшегося османского экспедиционного корпуса[49]. Посол вез послание, составленное в очень дружественных и примирительных выражениях[50]. Складывается впечатление, что Османская Порта, в свою очередь, смирилась с поражением 1569 г., поскольку во время приема Новосильцева великим визирем турки не протестовали против русского присутствия в Астрахани и довольствовались лишь тем, что потребовали обеспечить свободное прохождение по Нижнему Поволжью для всех торговцев и паломников Центральной Азии, а также разрушения русской крепости на Тереке. Те же просьбы были изложены в императорском послании Селима II царю[51].

Ответ Ивана Грозного, датированный 14 марта 1571 г. и направленный в Стамбул с послом Андреем Кузминским 8 апреля того же года, отражал намерение Москвы не создавать препятствий своему могущественному южному соседу. Царь торжественно обещал обеспечить свободное перемещение через Астрахань и дал полнейшее удовлетворение османам в том, что касалось их требований на Северном Кавказе. Крепость на Тереке была срыта, а ее гарнизон переведен в Астрахань[52].

Однако для молодого Московского государства последствия астраханского похода еще не были исчерпаны. Теперь надвигалась опасность со стороны Крымского ханства.

«Хан Девлет-Гирей, – пишет Садиков, – не отказался от враждебной политики по отношению к Москве. В 1571 году он попытался победить своего противника напрямую, ударив в самое сердце его владений, напав на Москву. Тогда Астрахань чуть было не стала частью крымских владений вследствие договора, подписанного с московским правителем. Так, поход 1569 года может рассматриваться для Крыма как школа и прелюдия к грандиозному погрому 1571 года, который так сильно потряс все Московское государство. Москва была слишком возбуждена такой легкой победой, добытой такими малыми средствами. Успех 1569 г., быстрый и неожиданный, повлек за собой потерю бдительности и, двумя годами позднее крымские татары внезапно появились на улицах самой Москвы»[53]. [В оригинале цитата такова: «Отказ турок от повторения похода

[49] В реестре IX, находится приказ, *hüküm* №266 от 5 мухаррама 978 (9 июня 1570) г., бею Кафы, касающийся присутствия в Азаке посла «Короля (*qral*) Московии» с пятьюдесятью человеками свиты. Бей должен был им предоставить корабль, чтобы они могли как можно быстрее добраться до Стамбула.

[50] Грамота царя султану была датирована 13 ноября 1569 [7078] г. См.: Н.А.Смирнов, *указ. соч.*, с. 118–119.

[51] *Посольская книга*, 2, с. 56, цит. по Н.А.Смирнову, *указ. соч.*, с. 121–122. [Имеется в виду 2 книга из фонда «Турецкие дела» РГАДА. – *Д.М.*]

[52] См.: Н.А.Смирнов, *указ. соч.*, с. 122–124.

[53] П.А.Садиков, *указ. соч.*, с. 153.

развязывал руки крымцам и Девлет-Гирею. Обезопасив себя со стороны турок, хан, однако, не отказался от своей враждебной политики в отношении Москвы. Через несколько лет, в 1571 г., Девлет-Гирей попытался поразить врага непосредственно в самом центре его владений – в Москве, и тогда Астрахань едва не стала крымским «юртом» уже по договору с московским государем. Таким образом, поход 1569 г., можно считать для Крыма школой и прологом к грандиозному погрому 1571 г., столь тяжело потрясшему все Московское государство. Но до этого в Москве, безусловно, наблюдалось упоение столь легкой победой, доставшейся без участия больших воинских сил и без помощи персидского шаха, который так и не двинул на освобождение Астрахани своих отрядов, о чем велись переговоры. Турецкого похода в Москве ждали долго, были осведомлены хорошо, но в связи с Ливонской войной смогли выделить на астраханский фронт сравнительно небольшую «легкую рать». Неожиданно быстрый успех отразился на ослаблении бдительности, результаты чего сказались через два года, когда крымцы внезапно оказались на улицах самой Москвы». – *Д.М.*].

Весной 1571 г., еще до того, как посол Кузминский добрался до Стамбула, Девлет-Гирей во главе огромной армии, согласно русским историкам насчитывавшей 120 000 воинов [54], отправился в поход на Москву. Обойдя русские заставы на юге Москвы, хан переправился через Оку и 24 мая появился под столицей. Татары подожгли предместья, и за несколько часов Москва была полностью уничтожена огромным пожаром, в котором погибла большая часть горожан[55]. Татары оттуда вернулись в Крым, ведя за собой огромное количество пленников. Для Московского государства это была беспрецедентная катастрофа, размах которой заставил забыть даже об ужасах монгольских набегов.

Непосредственно после похода на Москву Девлет-Гирей потребовал от Ивана Грозного восстановления Астраханского и Казанского ханств. Начались переговоры между Бахчисараем и Москвой, в ходе которых царь, казалось, соглашался восстановить независимость Астрахани, затягивая тем самым переговоры[56].

Порта не преминула воспользоваться сложившимся положением. 7 октября 1571 (17 джумада 979) г., в день битвы при Лепанто, Селим II направляет царю послание, в котором требует уступить Астрахань и Казань. Копия этого

[54] С.М.Соловьев, *указ. соч.*, Москва, переиздание 1966 г., III, с. 606.

[55] Иностранные очевидцы говорят о слишком большой цифре в 800 000 человек (С.М.Соловьев, *указ. соч.*, с. 607). Действительное число жертв должно было быть очень большим, поскольку все население из подмосковных деревень укрылось в столице.

[56] См. С.М.Соловьев, *указ. соч.*, с. 608–609, и, особенно Кушева Е.Н. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки, т. 34, М., 1950, с. 285–287.

послания находится в реестре XVI под номером 3[57]. Вот перевод его полного текста:

«[Приказ] написать королю Московии [одно] императорское послание [следующего содержания]:

К нашему благороднейшему Порогу, являющемуся прибежищем для [всего] мира, к нашему счастливому трону, который есть пристанище всех славных государей и могущественнейших правителей, была доставлена Ваша грамота, содержащая [выражения] дружбы, которую нам вручил Ваш посол Андрей Кузминский. [В этом послании] Вы сообщаете нам и заявляете [следующее]. В соответствии [с требованиями, изложенными в] нашем императорском послании, относительно разрушения крепости, недавно построенной по просьбам бея области Кабарда и подчиненных ему предводителей, названная крепость была разрушена, и те, кто там находился, были переведены в Эждерхан. Вы дали очень четкие указания и распоряжения командующему [этой] крепости, дабы путешественники, приходящие из областей Самарканда и Бухары и следующие через эту страну [Эждерхан], чтобы идти в направлении нашей страны, не были притесняемы людьми, совершающими разбойные и преступные действия. Вы выражаете, по всем пунктам, полную преданность, искренность, повиновение и дружбу к нашей Высокой Порте, равной в величии Небесам. Все то, что Вы [нам] написали, чтобы сообщить нам, было представлено к подножию нашего трона – обители счастья, и было доложено нам во всех подробностях, с коими я полностью ознакомился. Милостью Божьей я, со своей стороны, наслаждаюсь всеми благами на моем троне правителя и завоевателя всего мира, и в моем пристанище счастливого халифата я прибегаю к высшей помощи Господа Всемогущего и к бесчисленным чудесам того [Пророка], кто выше всех находится во всей Вселенной и является гордостью Творений – да будет ему привествие! Я испрашиваю поддержки блаженных душ великих почитаемых святых, чтобы покончить с моими врагами. Я поставил способных командующих во главе войск мусульман и армий правоверных, кои рассылаю во всех направлениях, и враги мои, милостью Божьей, унижены, мои армии осаждают твердыни и захватывают их, так одерживая бесчисленные победы. Например, совсем недавно, в соответствии с нашим желанием и с Божьей помощью нам удалось завоевать Кипр, один из крупнейших островов, принадлежащих Венеции, для завоевания которого безуспешно прикладывали невероятные усилия и предпринимали множество попыток столько высокопоставленных султанов. Таким образом, мы доказали наше завоевательное могущество. Названный остров был присоединен к нашим владениям. И у нас есть намерение совершить и другие завоевания. Мы надеемся, что Господь Всевышний распорядится так же.

[57] Императорское послание *(name-i hümayun)* от 17 джумада I (7 октября 1571) г. «королю» (*qral*) Московии (36 строк). Послание было доставлено в Москву в декабре 1572 г. Русский перевод находится в *Посольской книге*, 2, л. 224.

Итак, наша Порта – обитель счастья всегда открыта [для всех], и нет никаких препятствий для тех, кто [к ней] приходит – как друг ли, как враг ли. Поскольку города Эждерхан и Казань с давних времен являлись местами проживания мусульманского населения, мы пришли к решению о том, что для превращения их вновь в мусульманские территории необходимо город Эждерхан вернуть нашей Высокой Порте, а город Казань должен быть во власти Его Величества эмира области Крым Девлет-Гирея, который является искренним и преданным другом нашего счастливого Трона. Так, если вы имеете желание служить со всей преданностью нашему счастливому Порогу, необходимо, чтобы Вы проследили за возможно скорейшим возвращением нам этих двух укрепленных городов. Все, кто до настоящего времени повиновался нашей счастливой Порте, удостаивались нашей милости, получали от нас помощь и вкусили, благодаря нашей защите, процветания. Население этих стран было предохранено и защищено [от ущерба], наносимого врагами. Именно поэтому правители стольких стран, в знак признательности и дружбы по отношению к нашей счастливой Порте, отказались от [владения] многочисленными принадлежащими им укрепленными городами, и никогда не преступали черты послушания и повиновения (начертанной им нами). Если вы, как и они, имеете желание повиноваться и соответствовать [воле] нашей Высокой, как Небеса, Порты, надлежит, чтобы сразу же после получения нашего императорского послания Вы отдали нам указанные выше города для того, чтобы ничто не омрачало нашу дружбу, и чтобы ни один человек не смог действовать [впредь] вопреки [интересам] тех дружеских связей [которые установились между нами]. Исходя из этого, я ожидаю, чтобы вы сообразовались с условиями нашей дружбы и оповещали нашу Высокую Порту обо всем, что заслуживает того, чтобы быть нам известным»[58].

Однако еще до того, как императорское послание Селима II было доставлено в Москву, Девлет-Гирей, убежденный в том, что переговоры ничем не закончатся, настоятельно попросил у падишаха, своего сюзерена, разрешения начать новый поход на Московию. Мы не смогли обнаружить это важное послание в Османском архиве, но нам известно его содержание благодаря ответу султана. Императорское послание Селима II, без даты, находится в реестре XIX, под номером 387[59] . После того, как он напомнил, что Девлет-Гирей ранее сообщил Порте о своем намерении предпринять военную кампанию против Казани и Хаджи-Тархана (Астрахани) и настоятельно просил разрешения задержать московского посла до конца похода, султан выразил свое полное одобрение и пожелал успешного окончания экспедиции.

Большая крымская армия отправилась в поход летом 1572 г. и, в противоположность утверждениям хана, именно Москва, а не Астрахань, являлась

[58] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 196–204. – *И.М.*

[59] Реестр XIX охватывает период между месяцами мухаррам и раби I 980 (с мая по июль 1572) г.

целью его кампании. Однако в этот раз между Окой и Москвой, рядом с рекой Лопасня, татары натолкнулись на русскую армию, которая нанесла им жестокое поражение.

Русские и турецкие историки согласны в утверждении, что после [этого] поражения Девлет-Гирея ни Крымское ханство, ни Османская Порта не выдвигали свои требования касательно Астрахани и не предусматривали никаких конкретных мер по отвоеванию территории Нижнего Поволжья. Данное утверждение, однако, сомнительно. Из русских источников известно, что после 1572 г. Османская Порта неоднократно призывалась князьями Большой Ногайской Орды осуществить новый поход на Астрахань. Так, в 1584 г. посол царя Федора при султане Мураде III Борис Благово сообщил, что Урус-мирза, правитель Большой Ногайской Орды, даже угрожал Порте перейти со своими подданными под покровительство Москвы, если турки не попытаются вновь отвоевать Астрахань[60].

Подобное же давление на Порту, должно быть, в это же время оказывалось эмиратами Центральной Азии, торговля которой с Османской империей практически остановилась с момента закрытия двух караванных путей, проходящих с севера и с юга Каспийского моря. После 1585 г., когда война против Сефевидов в Дагестане и Закавказье была в полном разгаре, Великий императорский Диван задумал еще один поход на Астрахань османской и крымской армий, которые должны были сопровождаться продвижением бухарской армии. В Османском архиве находятся два документа, которые подтверждают, что проект нового похода серьезно обсуждался в 1587 г., данный поход планировался на весну 1588 г. Речь идет о двух приказах, направленных князю Большой Ногайской Орды Урус-мирзе[61], и наместнику Кафы Пияле-паше[62].

Императорское послание «Урус-бею, мирзе страны Больших ногаев»[63], сообщает о приезде в Стамбул узбекского посла, передавшего послание Абдулла-хана, эмира Бухары[64], в котором он [эмир] объявлял о своем намерении совершить поход для взятия Эждерхана и просил помощи османских сил. Императорское послание продолжало:

«Чтобы отвоевать Эждерхан будущей весной, войска, которые придут из Бухары и те, что отправятся из Крыма, будут поставлены под командование

[60] См. Н.А.Смирнов, *указ. соч.*, с. 132.

[61] Реестр LXII, *hüküm* №231 от 22 зульхиджжа 995 (24 октября 1587) г. (20 строк). [Более правильной считаем датировку этого документа временем не позднее 22 зулькада 995 / 24 октября 1587 г. См.: ДИВУР. С. 233–240. – *И.М.*].

[62] Реестр LXII, *hüküm* №233 от зульхиджжа 995 (23 ноября 1587) г. (21 строка). [Более правильной считаем датировку этого документа временем не позднее 22 зулькада 995 / 24 октября 1587 г. См.: ДИВУР. С. 241–247. – *И.М.*].

[63] Копия [этого] императорского послания была направлена двенадцати другим князьям Большой Ногайской Орды.

[64] Речь идет об Абдулле II, сыне Искандера, шейбанидском государе Бухары, правившем с 991 по 1006 (с 1583 по 1598) гг.

крымского хана Ислам-Гирея[65]; те войска, что отправятся из Стамбула, будут подчиняться Пияле-паше[66]. Мы ему дали приказание держать свои войска готовыми… Я призываю к вашему благородству, мужеству и мудрости, и приказываю вам быть готовыми с настоящего момента с войсками, находящимися под вашим командованием, присоединиться к османским войскам и к войскам Ислам-Гирея сразу же, как только они прибудут к вам, чтобы завоевание крепости [Астрахани] было осуществлено, и враги-захватчики были побеждены»[67].

Приказ Пияле-паше был составлен таким образом (несколько сокращенный перевод):

«Нам были доставлены послания правителя Бухары Абдулла-хана и правителя ногаев Урус-бея. В них говорится о том, что необходимо отвоевать Эждерхан, поскольку неверные, занимающие эту страну, причиняют вред мусульманам. Падишах также убежден в этом. Военный поход на Эждерхан решено начать будущей весной. Таким образом, вам приказывается начать приготовления с настоящего времени во всем, что касается войск и снаряжения. Мы также написали крымскому хану Ислам-Гирею, чтобы он принял участие в кампании. Вы назначаетесь главнокомандующим войск, которые будут направлены из столицы. Вы должны уже сейчас подготовить продовольствие, необходимое для похода. Вам надлежит сообщить данные сведения хану и ногайским князьям, призвать их быть готовыми к походу будущей весной. Так страна Эждерхан, которая, как и Ширван, является провинцией [Османской] империи, будет отвоевана, и живущие там мусульмане будут освобождены от гнета неверных»[68].

Нам известно, что приготовления не будут закончены. Османские войска были слишком заняты военными операциями в Закавказье против Сефевидов, и Порта не могла серьезно думать о новой кампании такого масштаба, как поход на Московию. У хана Ислам-Гирея, бывшего дервиша, не было ни одного из военных талантов отца, Девлет-Гирея, да и помощь, обещанная далекой Бухарой, затруднялась многими обстоятельствами. Высокая Порта больше никогда, даже в самые мрачные годы «Смутного времени» [в России], не помышляла о военном наступлении на русские владения в Нижнем и Среднем Поволжье.

Париж-Стамбул, июнь-октябрь 1967 г.

---

[65] Ислам-Гирей II, сын Девлет-Гирея, крымского хана с 992 по 996 (1584–1588) гг., был *дервишем* в монастыре Бурсы, когда он был назначен османами на крымский трон. Он явился преемником своего брата Мухаммед-Гирея «Semin» (Толстый), свергнутого с трона и убитого за то, что проявлял себя слишком независимым по отношению к Порте.

[66] Речь здесь идет не о знаменитом Пияле-паше, великом визире и великом адмирале *(Kapudan-i derya)*, умершем в 1578 г.

[67] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 233–240. – *И.М.*

[68] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 241–247. – *И.М.*

Тайиб Гёкбильгин

Османский поход на Астрахань в 1569 г.*

Основной официальной целью этого похода было соединить Черное море с Каспийским, построив канал между Доном, впадающим в Азовское, и Волгой, впадающей в Каспийское море. В связи с этим возникает вопрос: каковы же были глубинные причины столь широкомасштабного предприятия, сложного в исполнении, но имеющего большие перспективы?

Историки спорят об этом с давних пор, и по сей день мнения расходятся. Некоторые из них объясняют, что поход был вызван событиями, которые произошли в бывшем Дешт-и Кипчаке, то есть на территории татарских Астраханского и Казанского ханств.

В 1552 г. Казанское ханство было захвачено и присоединено к России Иваном IV Грозным. Астраханское ханство перестало существовать в 1554 г. Иван IV продолжал вести последовательную завоевательную политику. Объединив русские княжества, подчинив донских казаков, он изображал из себя наследника Римской империи на Востоке. Ему приписывают следующие слова: «Если Константинополь был вторым Римом, то Москва является третьим»[1].

Учитывая захватническую политику Ивана IV Грозного и в свете исторических событий, цели астраханского похода могут быть изложены следующим образом:

1. Отвоевать и восстановить Казанское и Астраханское ханства, отбросив московского царя за Каспийское море и отрезав ему тем самым путь к Черному морю;
2. Освободить Крымское ханство от угроз, которые нависали над ним с двух сторон, и обеспечить надолго его существование в будущем;
3. Присоединить к Османской империи территории Северного Кавказа, а также [территории], расположенные между нижним Доном и Волгой, то есть между Азовским и Каспийским морями;
4. Обеспечить завоевание Северного и Южного Кавказа;
5. Облегчить осуществление походов против сефевидского Ирана, открыв речной путь, и создать тем самым угрозу для Северного Ирана;

---

* *Gökbilgin T. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // CMRS. T. 11 (1970). № 1. P. 118–123.*

[1] Довольно упрощенное изложение концепции «Москва – Третий Рим», выразителем которой был старец Филофей. Слова эти, как известно, Грозному не принадлежат. Подробнее см. Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. – *И.З.*

6. После установления господства на Черном море добиться господства на Каспийском, и, благодаря этому, установить прямое сообщение между Османской империей и Центральной Азией, где находились многие мусульманские суннитские тюркские государства, изолировав, таким образом, шиитский Иран.

В хрониках Печеви[2] и Кятиба Челеби[3] мы находим ссылки на вторжение войск царя в мусульманские Казанское и Астраханское ханства. Печеви пишет, что до русского завоевания в Астрахани было значительное мусульманское население, множество мечетей, медресе, восточных бань и пр., а после завоевания страна превратилась в пустыню.

Кятиб Челеби, со своей стороны, упоминает факты просьб и мольбы о помощи, направляемых жителями Казани и Астрахани Высокой Порте. Мы также обнаружили в «Мюхимме дефтерлери» послание хорезмского хана Хаджи-Бедр-хана (Hağı Bedr Khan) султану, в котором он описывает бедственное положение мусульман под властью московитов и просит его помочь им.

В данных обстоятельствах Высокая Порта не могла остаться безучастной. Строительство канала между Доном и Волгой должно было, по мнению Императорского Дивана, способствовать осуществлению походов, имевших вышеуказанные цели.

Второй вопрос, который нас интересует – это авторство проекта похода. Был ли его автором великий визирь Мехмед-паша Соколлу[4] или же его задумал бейлербей Кафы Касим-паша[5], как это принято считать, а может быть, это был кто-либо третий? Хаммер и некоторые другие западные авторы приписывают авторство данного предприятия Касим-паше, который из-за своего черкесского происхождения имел тесные связи с кавказскими народами. Другие, более позд-

[2] Ибрагим Эфенди, уроженец города Печ (Pécs, Fünfkirchen по-немецки), умер в 1651 г. Автор хроники *Peçevi Tarihi*, охватывающей период с 1520 по 1639 г. (смерть Мурада IV). Была опубликована в Стамбуле в 1866–67 гг. в двух томах с продолжением, охватывающим период с 1639 по 1651 гг., выполненным Мустафой ибн Ахмедом, *дефтердаром* Темешвара.

[3] Кятиб Челеби (Хаджжи Халифа) родился в Стамбуле в 1609 г., умер в 1657 г. Знаменитый хронист, автор множества значительных сочинений по общей и османской истории, в частности хроники *Фезлеке* (османской истории за период с 1592 г. по 1655 г., опубликована в Стамбуле в 1869 г. в 2 томах).

[4] Соколлу Мехмед-паша, родился в Боснии в 1512 г., умер в 1579 г. Занимал самые высокие посты в гражданской и военной администрации Османской империи, в 1561 г. женился на принцессе Эсмихан-султан, дочери шехзаде [принца. – *И.М.*] Селима [будущего султана Селима II. – *И.М.*]. Был наместником Румелии (1550 г.), визирем (1554 г.). С 1565 г. [до своей смерти] занимал пост великого визиря.

[5] Черкес Касим-паша, по происхождению черкес, бывший наместник Темешвара, был назначен *санджакбеем* Кафы в начале 1568 г. В 1569 г. получил титул *бейлербея* Кафы и главнокомандующего экспедиционной армией. Умер вскоре после возвращения из [Астраханского] похода.

ние, исследователи считают, что поход был задуман великим визирем. Однако если мы внимательно проанализируем внушающие доверие османские источники, например, хроники Печеви и Кятиба Челеби, то отметим, что проект этой идеи уже существовал в некоторых кругах, которые были очень хорошо осведомлены о политическом и географическом положении тех территорий, которые нужно было пройти. Можно предположить, что данные круги были представлены людьми, которых можно было считать «экспертами» в этом деле. Но чтобы осуществить подобный проект, было необходимо, чтобы Османская империя почувствовала угрозу и была заинтересована в участии.

Находясь под давлением, великий визирь решил, наконец, действовать и назначил Касим-пашу бейлербеем Кафы, вменив ему в обязанности приступить к предварительным приготовлениям и изучению ситуации на месте. И это в 1567 г., то есть даже раньше, чем, казалось бы, был задуман поход на Астрахань. Изучение обстановки на месте, вероятно, состояло в том, чтобы измерить расстояние, где две реки больше всего приближались одна к другой. По подсчетам экспертов, минимальное расстояние было установлено в 6 морских миль, то есть примерно в 11 километров. Со стороны Дона наиболее близким к Волге местом являлась излучина реки, в публикуемом ниже документе именуемая «Эрдильме»[6].

Получив эту информацию, сопровождаемую точными сведениями, великий визирь отдал приказ готовить поход; было намечено место осады Астрахани, пушки для осады должны были быть погружены на корабли, которые, вероятно, покинули Стамбул 4 августа 1569 г. (сафар 977 г.х.). Флот, перевозивший три тысячи янычар, некоторое количество сипахиев (*eyalet sipahisi)* из нескольких *санджаков*, а также несколько саперов, находился под командованием главнокомандующего османским флотом (*Kapudan-i derya*) Али-паши Мюэззин-заде. Однако упоминается еще некий капудан Мустафа. Крымский хан Девлет-Гирей с 30 000 татарских воинов должен был присоединиться к армии, главнокомандующим (*serdar)* которой являлся *бейлербей* Кафы Касим-паша.

Согласно документу, приведенному нами ниже, следует, что османские войска и крымские воины встретились сначала в Азаке (Азове), затем 18 августа 1569 г. – в Эрдильме. Из сообщения Касим-паши мы узнаем, что на следующий день Девлет-Гирей отправился со своей армией к Волге, дабы предупредить внезапное нападение врага и поджог степи для уничтожения пастбищ, в которых остро нуждались османская и крымская кавалерия.

Когда Касим-паша составлял свое донесение, войска занимались строительством канала; по его выражению: «Мы сейчас тянем корабли от Эрдильме, чтобы доставить их на Волгу» (*gemileri Erdilmeden sürüp Idil suyuna bïrakmak tedarïkündeyïz*). Верховный главнокомандующий (*сердар*) добавлял также, что

[6] Это Переволока, где в 1589 г. был основан г. Царицын. – *И.З.*

не следует даже шепотом упоминать о прочих задуманных мерах, как то: зимовка армии, строительство крепости на месте Старой Астрахани и размещение [в ней] *бешлю эри*[7] и *хисар эри*[8]. Он также сообщал, что между солдатами нет никаких разногласий и размолвок.

Согласно османским хроникам, строительство продлилось три месяца, и треть канала, то есть 3–4 километра, была прорыта. В хрониках провал похода связывается со слухами, из-за которых рабочие и солдаты испугались суровости зимы, которая (видимо, согласно слухам) должна была наступить на три месяца раньше, чем обычно.

В этих документах сообщается также, что этот слух якобы был намеренно запущен крымским ханом, чтобы напугать османскую армию. Действительно, благодаря строительству канала и появлению вследствие этого новых возможностей сообщения, османская армия могла бы достигнуть *Дешт-и Кипчака* и Ширвана и по наземному, и по речному пути. Тогда Османская империя могла бы обойтись без помощи вспомогательных татарских войск, а хан мог бы потерять власть над Крымом (Печеви, I, s. 470).

Представленный ниже документ не сообщает о каком бы то ни было конфликте с ханом.

В своем изложении обстоятельств похода Печеви не дает никаких деталей об осаде Астрахани. Создается впечатление, что крымский хан начал осаду лишь со своими войсками, но князь Серебряный[9], во главе значительной армии, напал на него; Девлет-Гирей отступил в тот самый момент, когда с приближением зимы трудности кампании становились более существенными.

Мы не располагаем больше ни одним фактом, который позволил бы предположить существование соглашения между царем и Девлет-Гиреем, которое способствовало провалу похода, о чем заявляли некоторые историки, не имея, однако, никаких доказательств для подобного заявления.

Париж, май 1969 г.

---

[7] *Бешлю эри* – солдаты из янычарского корпуса, жалованье (*ulufe*) которых составляло пять (*beš*) акче (*akča*), откуда и произошло их название. Часто использовались в качестве инженерных войск (при строительстве мостов и дорог).

[8] *Хисар эри* – солдаты гарнизона.

[9] Имеется в виду боярин и воевода, князь Петр Семенович Серебряный-Оболенской, участник походов на Казань в 1551–1552, 1556, 1559–1560, 1562 гг. и на Литву в 1564–1569 гг. В 1569 г. он был направлен к Астрахани с легкой дружиной, но, вступив в Астрахань, распустил слух, что за ним следует большое войско, и осада была снята (см.: Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 162, примеч. 20). – *Д.М.*

Письмо бейлербея Кафы Касим-паши падишаху[10]

Его Величеству[11] и Высокому Порогу – да продлится их величие до дня Страшного Суда! – я, ваш смиренный и ничтожный слуга, сообщаю, что священный приказ, которому подчиняется весь мир, нам был доставлен чавушем Ахмедом, одним из *чавушей*[12] Высокого Двора. В нем было сказано, что его эмирское величество Девлет-Гирей-хан [13] – да продлится и укрепится его достоинство! – направил послание к Порогу Его Величества [султана. – *И.М.*], в котором он пишет, что слышал о прибытии *сипахиев*[14] в Бендеры[15] для похода на Эждерхан[16], и о направлении им человека, который сообщил Его Величеству [крымскому хану. – *И.М.*], что Эждерхана можно достичь за 80 переходов. Хан также сообщил о получении послания кумыкского шамхала[17], в котором он провозглашает себя верноподданным [Его Величества (султана. – *И.М.*)]. Из священного приказа мы также узнали о благосклонности к нему [Касиму-паше] со стороны падишаха, которого он назначил главнокомандующим. В послании было также сказано, что августейшее послание (*nâme-i hümâyûn*)[18] направлено шамхалу, и что хану было предложено построить новую крепость на месте Старого Эждерхана и направиться к Эждерхану, как только наступит благоприятный момент, с целью захватить его. С другой стороны, в высочайшем *фирмане* говорилось, о необходимости, после построения новой крепости на месте Старого Эждерхана[19], Его Величеству хану зимовать там лично, если из-за приближающейся зимы окажется невозможным захватить крепость, являющейся основной целью похода.

---

[10] Документ не датирован, но должен быть отнесен ко времени не ранее 15 августа 1569 г. – периоду, когда османская армия достигла района Переволоки (*Erdilme*) у излучины Дона – но не позднее 16 сентября того же года, когда она вышла к Волге.

[11] Селим II, сын Сулеймана Великолепного (правил с 30 сентября 1566 по декабрь 1574 г.).

[12] *Чавуш* – османский служащий из различных служб султанского дворца, часто исполнявший обязанности посланника султана или великого визиря.

[13] Девлет-Гирей I, крымский хан, сын Мубарак-Гирея, правил с 1551 по 1577 г.

[14] *Сипахи* – всадники, получатели налогов с тимара (*timar*) и десятины (*'ušür)* на условиях участия в походах со своими собственными лошадьми и оружием.

[15] Османская крепость на Днестре.

[16] Турецкое название Астрахани.

[17] *Шамхал* – титул князя Гази-Кумыкского в Дагестане.

[18] *Nâme-i hümâyûn:* «августейшее послание», послание падишаха иностранным правителям.

[19] Старая Астрахань, по-турецки «Eski Ejderhan», бывшая столица Астраханского ханства на правом берегу Волги, в 8 км от нового русского города Астрахань, расположенного на левом берегу.

[В *фирмане* шла речь также о том, что] в вышеозначенной крепости должен быть гарнизон янычаров, капуданов, *азабов*[20] и ногайских *мирз*[21], и что [Касим-паша] не должен пренебрегать [опасностью со стороны] врагов, и должен быть осторожен. Он должен также нанять *бешлю эри* и *хисар эри*, необходимых для гарнизона крепости, которые должны быть зарегистрированы и получать свое жалованье (*ulufe*) по обычным в Кафе расценкам из казны Касим-паши. Те *сипахи*, которые их сопровождают, должны провести зиму в Кафе и в Азаке и, если Богу будет угодно и представится случай, весной мы объединим войска с [войсками] Его Величества хана.

Корпус *сипахи* уже покинул Бендеры в полном порядке и прибыл на переправу Хош Гечиди. В крепости Азак он объединился со мной, вашим покорным слугой. Мы обнаружили там [в Хош Гечиди] все, что нам было необходимо, затем императорский флот поднялся по Дону, а мусульманские солдаты прошли по берегу реки, не останавливаясь на привал в одном месте [больше, чем] на два дня. Мы не испытали никаких лишений во время остановок и привалов, никто не был одолен болезнями, и с Божьей помощью мы прибыли 5 раби I[22] к месту, называемому Эрдильме[23], где встретились с подданными Его Величества хана. На следующий день он направился к Волге (*Idil*), дабы воспрепятствовать презренным врагам нанести вред мусульманской армии, поджегши степь. Мы, ваши покорные слуги, тянем корабли из Эрдильме, чтобы доставить их на реку Идиль. Милостью, благосклонностью и благодеяниями Господа Всемогущего, заступничеством Пророка – предводителя всего сущего, а также высоким покровительством Его Величества падишаха – прибежища мира – да сделает Господь вечным его халифат! – никто из моряков императорского флота и из мусульманских солдат не погиб, не был ранен, ни один из ваших подданных не понес никакого ущерба. Напротив, солдаты Вашего Величества, как и солдаты Его Превосходительства хана, среди которых находятся *гази*[24] и мужественнейшие из мужественнейших победоносных мусульманских солдат,

[20] *Азаб* или *Азеб* – от арабского «холостяк», категория воинов османской армии. Здесь речь идет о гарнизонных солдатах (*Kal'e azebleri*), которые использовались для охраны и обороны крепостей, иногда – как саперы и понтонеры.

[21] *Мирза* – сокращение персидского словосочетания *мир* (= эмир) + *заде*, здесь обозначает правителей Большой Ногайской Орды, кочующих между Доном и Волгой. [Точнее, термин *мирза* применялся для обозначения одной из прослоек аристократической верхушки в тюрко-татарских государствах или Золотой Орде и государствах – ее наследниках. – *Д.М.*].

[22] 18 августа 1569 г.

[23] *Erdilme*, вероятно, соответствует месту, которое русские называли «Переволока», в излучине Дона, у современной станицы Качалинская. В этом месте Дон и Волга более всего сближаются друг с другом.

[24] *Гази* – воин-участник «священной войны».

истребили множество презренных врагов и захватили в плен множество других. [Таким образом,] они многажды проявили свою доблесть и геройство. От кумыкского шамхала прибыли посланники с посланиями, в которых он выражает свою преданность и подтверждает свое полное подчинение падишаху; он [в них] объявляет себя другом друзей султана и недругом его недругов. Вот почему мы надеемся на его значительную помощь и поддержку.

Что же касается вопроса о строительстве крепости и о том, чтобы ваш покорный слуга и солдаты, находящиеся под моим командованием, провели там зиму, а также касательно того, чтобы нанять *бешлю эри* и *хисар эри*, [то заниматься решением] этих вопросов на данный момент несвоевременно. Мы не говорили об этом с командующими и с другими людьми в Эрдильме, чтобы воспрепятствовать распространению [в армии] дурных слухов, дабы они не повредили нашим делам. Если Господу будет угодно, то в нужное время высочайший *фирман* Вашего Величества будет выполнен. Мы выполним его как можно лучше, во всем же остальном – воля Вашего Величества.

Касим, Ваш ничтожный слуга.

TSMA, E. 1247[25]

[25] Публикуемый выше документ хранится в архиве Музея дворца «Топкапы» под шифром E. 1247. В журнале *Cahiers du monde russe et soviétique* уже было опубликована статья А.Беннигсена, посвященная османскому походу на Астрахань (L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'apres les Registres des «Affaires importantes» des Archives ottomanes // CMRS. T. 8 (1967). № 3, P. 427–446). Это исследование, основанное исключительно на документах из реестров «Мюхимме дефтерлери» Османского архива, излагает, главным образом, историю подготовки похода. Когда оно было написано (1967 г.), мы еще не располагали копией публикуемого ниже документа из «Топкапы». [Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 178–188].

Жиль Вайнштейн

Послание Селима II польскому королю Сигизмунду-Августу об астраханской кампании 1569 г.*

Изучение астраханской кампании османов 1569 г., которое долгое время основывалось на русских источниках[1], может быть также дополнено и материалами другого происхождения, в частности, хрониками и османскими архивными документами, которые ещё недавно дали основание для многочисленных уточнений[2]. Использование османских источников позволяет более точно определить мотивы, цели Порты и примененные ею для достижения своих целей средства. Однако это смелое предприятие, окончившееся плачевным провалом, не потеряло своего приводящего в замешательство характера: для султана речь шла ни много ни мало о том, чтобы послать войска (численный состав которых, впрочем, был весьма ограниченным) на завоевание далёкой Астрахани, при этом предварительно прорыв канал между Волгой и Доном в том месте, где русла двух рек сближаются более всего, [а также] рассчитывая в этом проекте на

* *Veinstein G. Une lettre de Selim II au roi de Pologne Sigismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569 // Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes. 1992. Bd. 82. P. 397–420.*

[1] См. Н.М.Карамзин, История государства Российскаго, перев. M.St.Thomas, IX, Paris, 1823, с. 155–165; С.М.Соловьёв, [*История России с древнейших времён,*] 3-е изд., б.г., Санкт-Петербург, VI, гл. 5, с. 214 и сл.; Садиков Р.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // [*Исторические записки,*] 22, Москва, 1947, с. 131[132]–166; Н.А.Смирнов, [*Россия и Турция в XVI–XVII вв.,*] Москва, 1946, I, гл. 4, с. 100–159.

[2] См. A.Refik, «Bahr-i Kazar-Kara Deniz Kanali ve Ejderkhan Seferi», *Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuasi,* 43, Istanbul, 1917, s. 1–14; H.Inalcik, «The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal (1569)», *Annales de l'Universite d'Ankara,* I, 1946–1947, p. 47–110 и турецкая переработанная версия: «Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569)», *Belleten,* XII, 46, Анкара, 1948, с. 342–402; A.N.Kurat, «The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal», *The Slavonic and East European Review,* XL, 94, december 1961, p. 7–23; A.Bennigsen, «L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les Registres des "Affaires importantes" des Archives ottomanes», *CMRS,* VIII, 3, 1967, с. 427–446; A.Bennigsen, M.Berindei, «Astrakhan et la politique des steppes nord-pontiques (1587–1588)», *Harvard Ukrainian Studies,* III/IV, 1979–1980, p. 71–91 (о втором проекте похода в 1587–1588 с ретроспективными пояснениями относительно первого); T.Gökbilgin, «L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569», *CMRS,* XI, 1, 1970, с. 118–123 (перевод рапорта султану Касима Паше, *бейлербея* Кафы; документ из архивов Топкапы, E. 1301); F.Grassi, «Tentativo cinquecentesco di un canale Volga-Don nel quadro dei rapporti fra la Russia e l'Impero Ottomano, *Islàm, Storia e Civlità,* VIII, 4, 1989, с. 253–263 (необходимо отметить недостаточную информативность [данной статьи]).

советы и содействие крымского хана Девлет-Гирея, мало склонного доброжелательно воспринимать подобное вторжение своего сюзерена в свои исконные владения.

Мы намереваемся ввести в оборот небольшой документ, извлеченный из фонда переписки между султанами и польскими королями, источниковую ценность которого для истории государств и народов, расположенных к северу от Чёрного моря, нельзя переоценить[3]. Оно до сих пор было известно лишь в регестах [здесь: краткий пересказ содержания. – *И.З.*][4]. Нам показалось, таким образом, полезным дать его полный перевод и факсимиле. Обеспечив читателю прямой доступ к документу, мы скромно надеемся, что усвоили основной урок профессора Шедлингера[5], по которому мы скорбим.

Мы также приведем комментарии к тексту, который, если и не даст нам ничего нового касательно хода кампании, действительному развёртыванию которой он предшествует, если в нём и содержится мало информации о преследуемых целях, он, однако, всю недосказанность и тонкость дипломатической игры на заднем плане операции. По крайней мере, в том, что касается трёх из многочисленных протагонистов на широкой территории между Балтийским и Чёрным морями в эти годы: османского султана, польского короля и московского царя.

* * *

Взойдя на османский трон в 1566 г., Селим II, оставивший бразды правления великому визирю своего отца, Мехмед-паше Соколлу, незамедлительно договаривается с Польшей о возобновлении мирного соглашения, которого в 1567 г. добивался посол короля Сигизмунда-Августа Петр Зборовский, кастелян Войнича[6].

[3] *AGAD, Archiwum Koronne (Arch. Kor.), Dz. turecki, teczka* 219, №421. Приносим искреннюю благодарность Дирекции центральных архивов Польши в Варшаве за предоставленную нам возможность использовать этот документ и предоставление его микрофильма, а также разрешения использовать другие документы тех же фондов при подготовке настоящей статьи.

[4] Это письмо отмечено очень короткой записью на латыни с неправильным указанием даты (1566 г.) в *Inventorium omnium, et singulorum privilegiorum litterarum, diplomatum, quaecunque in Archivo Regni ... continentur ... confectum a. D. MDCLXXXII. Wyd. E.Rykaczewski,* Paris, 1862, p. 154. Подробный анализ и архивный указатель в Z.Abrahamowicz, *Katalog Dokumentów Turceckich* (далее: Abrahamowicz), Warszawa, 1959, № 199, s. 194–195.

[5] Антон Шедлингер (Anton Schaedlinger) – австрийский османист, памяти которого посвящена данная статья. – *И.З.*

[6] Договор *('ahdnāme)* уже был дан Сулейманом (Soliman) тому же королю Сигизмунду-Августу в 1553 г. (Abrahamowicz, №138, с. 138–139), но после смерти султана Сулеймана он потерял свое значение. О возобновлении, требуемом от Селима II, см. инструкции послу Зборовскому в I. Corfus, *Documente privitoare la istoria Românei culese*

Согласие между обоими государствами, установленное первым соглашением в 1489 г., стало более или менее постоянным начиная с 1502 г., и даже представляло опору дипломатии Сулеймана Великолепного с одной стороны и короля Сигизмунда Старого, а затем, после 1548 г., его сына Сигизмунда-Августа – с другой[7].

С обеих сторон эта ориентация [на мир] отвечала главным торговым и политическим потребностям: противостояние как польского королю, так и османского султана Габсбургам, нараставшее от недоверия к открытой враждебности, создавало объективную основу для связи между двумя правителями, которых, впрочем, всё разделяло. В этих условиях как тот, так и другой упорно выдумывали, каким образом обеспечить перевес государственного интереса над множеством тайных мыслей и реальных спорных вопросов.

В частности, постоянные пограничные инциденты сталкивали подданных османских владений на севере Чёрного моря и крымских татар с населением южных пограничных территорий Польши и Литвы. Это хроническое бедствие набирало размах с 1538 г., со времени османской оккупации татарской крепости Джанкерман в устье Днепра и кампании Сулеймана в Молдавии, расширившей османское присутствие на границах Польши посредством аннексии Буджака и крепости Тигина-Бендер на Днестре.

Разрушительные и грабительские набеги, следовавшие один за другим, были делом рук, с одной стороны, татар, зависящих от крымского хана (теоретически вассала падишаха), или других татар (татар или казаков Аккермана и Озю), расселившихся на западе в хинтерланде[8] османских крепостей, за что ответственность падала непосредственно на представителей султана; с другой стороны, губернаторы крепостей польско-литовского лимеса отправляли свои собственные войска и привлекали местных бесчинствующих – казаков, в которых Порта видела пока только банды разбойников, которыми манипулировали «*беи* короля Польши».

В действительности пограничные феодалы противились официальной политике своего короля, действуя в сговоре с Габсбургами или отстаивая польско-литовские интересы и исторические права, движимые, в любом случае, ненавистью к турку и к татарину и, без сомнения, также жадностью, так как набеги на Джанкерман и на прилегающие селения приносили много добычи. В ответ на обвинения и угрозы султана, на упрёки зажатого меж двух огней своего правителя они имели готовое, не лишённое, впрочем, оснований, оправдание: они лишь осуществляют своё право на законную самооборону от имевшей ранее место агрессии татар[9].

---

din arhivele Polone, secolul al XVI-lea, Bucarest, 1979, №153, p. 299–302; №154, p. 303–307; см. также письмо великого визиря Мехмед-паши Соколлу Сигизмунду-Августу от 16–25 июля 1568 г., *AGAD, Arch. Kor., Dz. turecki, teczka* 228, №434 (Abrahamowicz, 1836, p. 327–328.

[7] См.: M.Berindei и G.Veinstein, *L'Empire ottoman et les pays roumains, 1544–1545,* Paris, 1987, p. 89–93.

[8] *Hinterland* (англ.) – глубокий тыл. – *И.З.*

Однако в 1568 г., в тот самый момент, когда проходят переговоры в целях возобновления перемирия, отмечается, что потрясающий регион уже тридцать лет процесс находится в разгаре своей активности.

Прежде всего, речь идёт о трёх набегах на польскую территорию, проведённых казаками Аккермана под предводительством глав, звавшихся Иса Ходжа, Саад(?) Ходжа, Кабаш, Алакаш и Искендериелю Ходжа Оглу[10]. Незамедлительно сработал привычный механизм отпора: несколько пограничных феодалов (*панов*), в числе которых Альберт Лаский, палатин (наместник) Серадза и староста *(бей)* Бара, вновь бросились на Джанкерман. На основе донесения *санджакбея* и *кади* Аккермана, султан достаточно обстоятельно рассказывает об этом деле королю:

«В то время как они преследовали некоторых татарских смутьянов под предлогом того, что те разорили их территории, они дошли до крепости Джанкерман с 11 000 человек, в десятый день прошлого месяца *зулькаада* (7 мая 1558 г.). Разгорелась битва с жителями крепости и соседних деревень. Они угнали 3 169 голов крупного рогатого скота, 15 862 барана и 59 лошадей, а также 4 рабов, 4 пастухов и человека по имени Сулейман: они взяли их в плен и увели с собой. Они также подожгли овчарни некоторых *реайа*[11]. То есть они учинили всякого рода насилия и злодеяния, противоречащие договору»[12].

Данная операция кажется весьма похожей на предыдущие атаки на Джанкерман в 1542, 1545, 1548–1549 или 1556 гг.[13] Правда, она отличается значимостью некоторых цифр, настолько обоснованных, что по этому поводу могли быть заведены османские декларации: количество задействованных человек с польской стороны; количество голов захваченного крупного рогатого скота и баранов, намного превышающих – особенно для крупного рогатого скота –

---

[9] *Ibid.*, p. 93–105.

[10] См. приказ Селима II *санджакбею* Аккермана от 16–25 июля 1568 г., *AGAD, Arch. Kor., Dz. turecki, teczka* 226, №431 (Abrahamowicz, №195, s. 191). Тот же приказ фигурирует в *Başbakanlık [Osmanlı] Arşivi* (BOA), *Mühimme Defteri* (MD), VII, f. 640. О «казаках» Аккермана *(Aqkerman Qazaği),* см. также приказ *кади* Аккермана и Озю, Архив Топкапы, KK 888, f. 337v; приказ *санджакбею* Аккермана, BOA, MD, III, ф. 225; приказ *санджакбею* Аккермана, MD, VII, ф. 55v: приказ Иса Ходже, *аге* казаков Аккермана от 11 июня 1574 г. (MD, XXVI, №30) в M.Berindei, «Le problème des "cosaques" dans la seconde moitié du XVIe siècle. A propos de la révolte de Ioan Vodă. voïévode de Moldavie», *CMRS,* XIII, 3, 1972, p. 361–362.

[11] Реайа – здесь: христианские подданные султана. – *И.З.*

[12] Письмо Селима II королю Сигизмунду-Августу, от 16–25 июля 1568 г.; *AGAD, Arch. Kor., Dz. turecki, teczka* 222, №426 (Abrahamowicz, №194, s. 190).

[13] G.Veinstein, «Prélude au problème cosaque à travers les registres de dommages ottomans des années 1545–1555», *CMRS,* XXX, 3–4, 1989, p. 338–345.

предыдущие набеги. Напротив, не было погибших (впрочем, их всегда было мало при операциях подобного типа), пленных – намного меньше, чем обычно. Но указание, дающееся в письме далее, не имеет прецедентов в жалобах, выраженных султаном королю: у одной из жертв, вероятно, у пленного по имени Сулейман, были отрезаны нос и уши. Таковы пограничные инциденты, которые можно было бы принять, при других обстоятельствах, за *casus belli*, и которые, однако, нисколько не прерывают переговоров в целях возобновления договора о дружбе и мире между османами и поляками в 1568 г.

В этих условиях в различных актах, издаваемых в этот же период (в последнюю декаду *мухаррама* 976 / 16–25 июля 1568 г.) по поводу той же зоны, османская канцелярия вынуждена работать на нескольких фронтах. Приказ *санджак-бею* Аккермана предписывает, среди прочего, исправить злодеяния, совершённые татарскими предводителями:

«Они должны без промедления вернуть взятых ими польских пленных и возместить убытки и ущерб, которые они нанесли»[14].

Письмо к королю Польши на этот раз требует возместить ущерб османским жертвам и наказать виновных:

«Распорядитесь полностью возместить урон, причинённый подданным моих Богохранимых владений и ущерб, нанесённый виновниками злодеяний в соответствии с нашим августейшим соглашением. Также необходимо освободить человека, рабов и пастухов, которых они увели с собой. Пусть совершившие подобные злодеяния, противоречащие договору, будут наказаны, и не позволяйте отныне и впредь причинять убытки и ущерб такого рода подданным моих Богохранимых владений»[15].

Наконец, третье послание, письмо великого визиря Сигизмунду-Августу, сообщало королю, что султан благосклонно принял его посла Петра Зборовского и согласился возобновить мирный договор согласно его пожеланиям. Он просит короля вернуть ему текст *ахднаме*[16], подписанный с польской стороны, не забывая напомнить ему, что ему надлежит запретить своим феодалам грабить земли и расправляться с подданными султана[17].

Итак, в очередной раз высшие политические соображения предписывали Порте [заключить] акт веры в целях согласия и дружбы с поляками, обеспечения возможности устранить открытую враждебность, что создавало на данной территории условия для нормальных взаимоотношений.

Со стороны короля, с момента развязывания в январе 1558 г. «ливонских войн» к давним причинам быть осторожным с Портой добавилась новая, ставшая первостепенной. Этот масштабный конфликт сталкивал, с одной стороны, Польшу и Данию, в принципе опирающихся на крымского хана (не упустившего однако

[14] Указ. док., *Dz. turecki, teczka* 226, №431.
[15] Указ. док., *Dz. turecki, teczka* 222, №426.
[16] *'Ahdnāme* – мирный договор. – *И.З.*
[17] Указ. док., *Dz. turecki, teczka* 228, №434.

случая совершить в 1567 г. в союзе с молдаванами большой набег на Польшу, запоздавшую с выплатой своей дани); а с другой стороны – Московию, союзника Швеции. Впрочем, в 1568 г. со смертью короля Швеции Эрика XIV, которого сменил его брат, зять Сигизмунда-Августа, радикальная смена союзов переводила Швецию в польский лагерь, а Данию вследствие этого – в лагерь царя.

* * *

Известно, что в соперничестве, таким образом противопоставлявшем её Москве, Польша искала военной поддержки своего старого союзника. Однако необходимо отметить, что письмо Селима II от марта-апреля 1569 г. не приписывает просьбы этого порядка двум последним послам короля: Миколаю Брешскому (Mikolaj Breszski) в 1565 г. и Петру Зборовскому в 1567–1569 гг.[18] Напротив его собственный агент, переводчик Ибрагим, которого султан представляет как выразителя прошений, адресованных по этому поводу королём его предшественнику, его покойному отцу султану Сулейману. Вероятно, переводчик сыграл роль посредника по возвращении из своей миссии, которая была доверена ему в Польше в 1564 г.[19]

[18] См. *The Cambridge History of Poland from the origins to Sobieski (to 1696).* Cambridge, 1950, ch. XVII: «Zygmunt August and the Union of Lublin, 1548–1572» (J.Pajewski), p. 366. Инструкции обоим послам, в том виде, в каком они были опубликованы I. Corfus, *op. cit.*, не сообщают о просьбе о военной помощи.

[19] По поводу первой миссии переводчика Ибрагима в Польше в 1564 г., см. Abrahamowicz, №176–178, s. 172–175. Драгоманы Порты были не простыми переводчиками, но играли дипломатическую роль эмиссаров султана за границей или посредников между Диваном и посольствами, расположившимися в Стамбуле. В первую очередь это касалось Ибрагима, сыгравшего значительную роль в сношениях между Портой и многими христианскими странами. С 1547 г. ему было поручено сопроводить в Вену австрийского посланника, везущего договор, предоставленный Портой; См. J.Matuz, *Herrscherurkunden des Osmanensultans Süleymān des Prächtigen,* Fribourg en Br., 1971, № 240. Он также ездил во Франкфурт в связи с возобновлением соглашения с Фердинандом в 1562 г. и с Максимилианом II в 1568 г. Габсбургские послы, прибывшие для предварительных переговоров в Стамбул в 1567 г., привезли среди прочего дары, предназначенные главным знатным лицам Порты, 500 дукатов для Ибрагима, в то время обладавшего титулом главного драгомана; hammer, *Op. cit.*, p. 314. Он же фигурирует в османо-венецианских отношениях, в частности, служит посредником между байло Марком Антонио Барбаро (Marc' Antonio Barbaro) и Соколлу во время [османского] завоевания Кипра. Напротив, у него будут плохие отношения с двумя французскими послами последовательно: с де ля Винем, который в 1558 г. упрекает его за незнание иностранных языков и коррупцию; в 1569 г. с Грантри де Граншаном, который обвиняет его в фальсификации за взятку переводов в пользу герцога Наксоса Жоао Микаса (João Miquez) (Иосифа Наси); см. M.Lesure, «Notes et documents sur les relations vénéto-ottomanes, 1570–1573 (II)», *Turcica*, VIII/1, 1976, p. 119–120, n. 6. Тот факт, что в 1569 г. он принадлежит к *мютеферрика,* почётному корпусу Дворца, свидетельствует о высоком положении, приобретённом этим ренегатом, о котором байло Рагаззони (Ragazzoni) напишет в 1571 г.:

Действительно, он идеально подходил для выполнения этой деликатной миссии: ренегат, поляк по рождению, возможно, благородного происхождения (его изначально звали Иоахим Страш), использовался Портой в её сношениях с его бывшей родиной, [ибо] он как бы принадлежал к каждому из [этих] двух дворов. И османо-польская переписка предоставляет немало подтверждений этой двойственности[20].

Письмо султана также даёт правдоподобное представление о роде военной помощи, которой могли желать поляки со стороны такого союзника. Не было и речи о прямом сотрудничестве ни с турками, ни даже с их крымскими вассалами, от которых они ещё не так давно натерпелись. Речь шла лишь о диверсионном манёвре: войска хана Девлет-Гирея или подчиняющиеся султану лёгкие

«господин Ибрагим бей, который вел все эти переговоры, как, впрочем, и переговоры Императора и других христианских государей, которые находились при этой Порте...»; e. Albèri, *Le Relazioni degli ambasciatori veneziani al Senato durante il secolo decimosesto,* s. III, v. II, Firenze, 1844, p. 87. Его роль посредника с Польшей была особенно отмечена ввиду его знания польского языка (что касается других языков, современник, итальянец Маркантонио Пигафетта (Marcantonio Pigafetta) считал, что «он понимал по-итальянски, латыни и по-немецки, но ни один из этих языков в достаточной мере [не знал]...»). Возможно, в 1570 г. он являлся держателем «зимнего лагеря» (*кишлака*), находившегося в собственности султана, но находившегося на молдавской территории; G.Veinstein, «Les *çiftlik* de colonisation dans les steppes du nord de la mer Noire au XVIe siècle», *Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuasi,* 41, 1–4, 1982–1983, Istanbul, 1984, p. 196.

Помимо [исполнителя] этих двух миссий в Польшу, Ибрагим является автором переводов на польский, иногда на латынь, многочисленных писем султана и других османских представителей власти Сигизмунду-Августу в период между 1557 и 1570 гг.; см. Abrahamowtcz, №124, 126, 131, 134, 136–140, 142–143, 146–147, 155, 157–159, 163–164, 166–172, 176, 179, 185–186, 189, 205–206, 208–209. Сохранилась также его транскрипция латинскими буквами письма Сулеймана Сигизмунду-Августу от 26 июня – 4 июля 1551 г.; A.Zajączkowski, «List turecki Sulejmana I do Zygmunta Augusta w ówczesnej transkrypcji i tlumaczeniu polskiem z r. 1551», *Rocznik Orientalistyczny,* XII, 1936, s. 91–118 (со ссылками на некоторые польские исследования об этой личности); Abrahamowicz, №126, s. 125–127.

[20] Например, Ибрагима можно встретить в миссии 1569 г., он пишет многим знатным людям польского двора, среди которых великий канцлер Короны Валенты Дебиньский (Walenty Debinski), с тем, чтобы они ходатайствовали перед королём и убедили его потребовать у султана выдвижения некоторых протеже Ибрагима, исламизированных поляков, как и сам Ибрагим: чавуша Джафера, дважды сопровождавшего его в Польшу, «в настоящий момент [являвшегося] чавушем одного из *бейлербеев*», но желавшего стать *чавушем* Порты; Хусейна, мечтающего о более значительном *тимаре* или также о месте *чавуша* Порты; Ридвана, претендующего на *тимар* в несколько тысяч аспров; слуги Ибрагима Рустема, русского по происхождению, у которого те же амбиции, что и у предыдущих; Муслих-аги, который стремится «хотя бы ко второстепенному посту при Дворе». Ибрагим уточняет великому канцлеру, что если пожелания его протеже осуществятся благодаря польскому вмешательству, он сам и его ставленники после его смерти ещё лучше будут служить королю и Короне; Abrahamowicz, №201–203, с. 196–197.

и быстрые формирования того же рода – татары и *акынджи* Добруджи, базирующиеся в Силистрийском *санджаке*[21], напали бы московитские земли:

«Вы сами испросили, чтобы вам в достаточном количестве были предоставлены солдаты вышеозначенного Девлет-Гирей-хана или же выходцы из *акынджи* либо татар Добруджи с тем, чтобы они выступили против зловещих русских и разграбили и разорили их страну и земли».

Утверждалось, что вторая миссия Ибрагима в Польше весной 1569 г., приведшая его в Люблин в самый разгар дискуссий о польско-литовском союзе, по-видимому, соответствовала кардинальному изменению позиции Порты в связи с неуклонным приближением астраханской кампании[22]. Вероятно, султан, до сих пор остававшийся глухим к польским призывам, стал просить о совместных действиях против Москвы. Изучение письма, которое вёз Ибрагим, приводит к необходимости во многом уточнить данное утверждение.

Если эта помощь настолько была значима для Порты, она бы, без сомнения, не ждала до последней минуты, до весны 1569 г., чтобы намекнуть о ней[23], поскольку астраханская кампания готовилась, по меньшей мере, с начала 1568 г.[24] Кроме того, польские действия рассматриваются в самых неопределённых сроках. Без сомнения, королю была подана идея воспользоваться мобилизацией русских, вызванной османо-татарской осадой Астрахани, чтобы атаковать их [русских] в другом месте, но принцип и условия этих возможных действий полностью [были] предоставлены инициативе короля:

«Если всё это соответствует вашим пожеланиям и намерениям [...], воспользуйтесь случаем и со своей стороны примите меры, которые вам покажутся подходящими в зависимости от ситуации [...]. Дайте знать письмом нашему Порогу – обители благоденствия, о ваших мыслях и планах по этому поводу, а также о мерах, которые вы предполагаете принять».

[21] Санджак Силистрии, крупного военно-административного округа, располагающегося в Добрудже, вблизи польских границ, располагал несколькими военными корпусами особого статуса, среди которых были татарские *джебелю* и *акынджи,* лёгкая кавалерия, предназначенная для набегов; M.Berindei и G.Veinstein, *op. cit.,* p. 308–309, 317–318. Король Польши, намекавший, по-видимому, на них, прекрасно их знал, потому что иногда ему случалось сообщать об ущербе, нанесённом ими его собственной территории; см. например, письмо Сулеймана Сигизмунду I от 19–28 мая 1539 г.; *AGAD, Arch. Kor., Dz. turecki, teczka* 64, №140, 2 (Abrahamowicz, №52, s. 64). Ежегодно, пишет султан, воспроизводя жалобы польского посла Виламовского, некоторые отары овец из районов Килии и Аккермана переходят Днестр и проникают в вашу страну; однако наряду с этими отарами, под видом хозяев овец проходят также татары и *левенды* (бесчинствующие элементы) из Добруджи, Аккермана и Килии, и они также чинят беды и угнетают ваших подданных ...».

[22] J.Pajewski, *chap. cit.*, p. 366.

[23] Касим-паша, *бейлербей* Кафы, перебирается из Кафы в Азак во главе османских контингентов в конце мая 1569 г.; A.Bennigsen, *op. cit.,* p. 439.

[24] *Ibid.*, p. 435.

Между тем известно, что ввиду истощения литовских сил, король, напротив, искал урегулирования отношений с царём (в 1570 г. это привело к заключению мира между Польшей и Московией).

В действительности, у султана, по-видимому, было две менее терпящие отлагательств заботы, чем эта гипотетическая военная договорённость: успокоить поляков и предупредить их.

Напрасно он цитирует при любом случае «обилие верности и средоточие преданности», которые, как предполагается, сохраняет король «с давних пор и по прошествии времён» к «Блистательному Порогу – прибежищу счастья», к «Высокой Порте – обители благоденствия»[25], он не питает никаких иллюзий о внушаемом королем доверии. И не из предосторожности ли он поздно информирует своего союзника о своих намерениях по поводу Астрахани? В любом случае, он сознаёт, что концентрация его войск на севере Чёрного моря обязательно вызовет в Польше волнение и непонимание. Паника, посеянная тридцатью годами ранее в этом регионе кампанией Сулеймана в Молдавии, в которой не было ничего антипольского, а скорее наоборот, была в этом отношении показательной[26]. Таким образом, не было лишним уточнить королю, что мобилизация не была направлена против него:

«Пусть не закрадывается в Ваше сердце или разум никакая другая мысль по поводу концентрации войск, предназначенных для победы на границах наших Богохранимых владений».

Но по причине латентного урегулирования спорных вопросов, искреннее желание успокоить тут же уступало место совершенно другой заботе: извлечь выгоду из обстоятельств, чтобы придать новый вес ритуальным предостережениям. Если силы, посланные султаном, и не были направлены против Польши, дело всегда могло бы обернуться иначе в случае, если бы имели место такие инциденты, как недавняя агрессия против Джанкермана. Можно также усмотреть и другие, более скрытые намерения султана, когда в своей грамоте, после описания мер, принятых в рамках подготовки кампании, он напоминает о своих предыдущих предупреждениях: султан не только подразумевает, что более, чем когда-либо, будет способен покарать за нарушения соглашения, но и что приток его войск не должен вызвать оборонительной реакции со стороны Польши. И, наконец, основная мысль, которую султан хотел довести до короля, заключалась в том, что воспользоваться отбытием войск Аккерманского и Кафинского *санджаков*, занятых в сражении с русскими в Астрахани, для того, чтобы проникнуть на османскую территорию, будет неудачной затеей.

[25] Селим II Сигизмунду-Августу, 16–25 июля 1568 г.; *указ. док., teczka* 222, №426.

[26] Примеры в G.Veinstein, «L'occupation ottomane d'Ocakov et le problème de la frontière lituano-tatare. 1538–1544» // *Passé turco-tatar, présent soviétique. Etudes offertes à Alexandre Bennigsen*, Ch.Lemercier-Quelquejay, G.Veinstein, S.E.Wimbush, Paris, 1986, p. 129–130.

Удивительно, что в султанском послании изложение столь высоких политических и военных интересов сопровождаются упоминанием о второстепенном деле, касающемся возвращения имущества частного лица – не являвшегося даже ни купцом Двора, ни мусульманином: иудея Яхьи. Без сомнения, гарантия интересов купцов с обеих сторон являлась частью обычных статей османо-польских договоров, эти вопросы рассматривались на уровне правителей, что было в порядке вещей, и их переписка даёт, многочисленные тому примеры. Кроме того, урегулирование дела составляло часть миссии переводчика Ибрагима, так как упомянутый иудей указал последнего [Ибрагима] своим доверенным лицом[27]. С другой стороны, хотя этот аспект и обойдён здесь молчанием, дело, возможно, не было совсем лишено политической подоплёки, и в любом случае свидетельствует о царившем [между сторонами] недоверии. В другом письме Селима Сигизмунду-Августу, относящемся к тому же времени, действительно, приводится донесение *кади* Килии, согласно которому Яхья был не только лишён 4 000 золотых монет, 17 предметов из серебра и 3 кусков сукна, но и удерживался в качестве пленника в течение 5 месяцев старостой Сенчика (Senczyc) и кастеляном Серадза с обвинением в шпионаже[28].

Тем не менее, эта финальная вставка звучит как некий диссонанс, особенно если вспомнить, что канцелярия Порты часто имела обычай посвящать разным сюжетам отдельные письма. Бывало, что одному адресату в один день было отсылаемо несколько писем. Впрочем, в письме великого визиря королю по поводу астраханской кампании, является практически точным дубликатом послания его государя, тем не менее, опущен пассаж, касающийся Яхьи[29]. Не заставляет ли это немного неуместное добавление к тексту послания считать значимость султанской грамоты и миссии Ибрагима относительными? Без сомнения, этот демарш перед Сигизмундом, доверенный влиятельному деятелю османской дипломатии, составлял часть завершающих распоряжений, которых требовала кампания, но в общем и целом он [демарш] представлял лишь второ-

[27] Можно, впрочем, отметить личное вмешательство Ибрагима в другой спорный вопрос, не указанный в послании султана и касающийся на этот раз одного из купцов Двора, Мустафы. Дело относилось к 1561 г. и было упомянуто во многих письмах Сулеймана королю (Abrahamowicz. №164, s. 162–163; №170, s. 167–168; №177, s. 173) и многими польскими послами в Порту, среди которых Миколай Бржеский (Mikolaj Brzeski), в последний раз в 1565 г. (Abrahamowicz, №189, p. 185). Этот купец имел несколько долговых обязательств во Львове, из которых одно от некоего жителя по имени Эразм, на сумму в 4 500 золотых монет. Бржеский заявил Порте, что долговое обязательство Мустафы было готово к оплате, и в 1569 г. Ибрагим сообщает одному не указанному представителю польской знати, что суммы, которые задолжали купцу султана, должны быть переданы ему в собственные руки, и предлагает выдать должнику расписку о получении от имени султана или от своего собственного; см. Abrahamowicz, №202, s. 195–197.

[28] Abrahamowicz, №198, s. 193–194.

[29] *Ibid.*, №200, s. 195.

степенный её аспект. Если бы военное сотрудничество с Польшей было сочтено ключевым в этом деле, то о нём не только не было бы упомянуто с запозданием и достаточно неопределённо, как мы это выяснили, но и письмо султана в дипломатическом плане имело бы, без сомнения, более торжественный характер[30]. В планах Порты по развёртыванию кампании поведение Польши не было основным фактором при любом повороте событий. Затруднительно рассказать что-то большее о её планах, явная нереальность которых единодушно подчёркивается историками.

* * *

Та манера, в которой операция представлена королю, требует комментария и вызывает некоторые вопросы.

Цель кампании указана чётко и одновременно ограниченно по отношению ко всем частным рассуждениям, которые могли бы быть даны по этому поводу: речь идёт всего лишь о завоевании астраханской крепости. Действительно, если бы к этой цели могли добавиться другие соображения (прорытие канала, расположение флота на Каспийском море, окружение сефевидских провинций…), то не было бы необходимости развивать их перед королём, а во всех отношениях предпочтительнее было бы, напротив, ограничиться минимальным изложением фактов.

Более примечательным является отсутствие намёка на тот факт, что территория эта была мусульманской, прежде чем перешла к неверным и что с османской точки зрения речь шла бы не о завоевании, а об отвоевании – законном предприятии и даже обязанности. Эта тема, напротив, присутствует в посланиях мусульманским корреспондентам, таким как *бей* Кафы, крымский хан или хан Хорезма, и она будет использована в других целях в письме «королю Московии»[31]. Но на этот раз можно будет опять посчитать, что было бесполезным, и

[30] Письмо не отличается от обычных образцов переписки султана с польским королём в тот период: нет развёрнутого обращения или «второго обращения» *(formula devotionis),* нет титулов султана (*'unvān), tuğra* не имеет особенных украшений; об этих дипломатических аспектах, см. A.C.Schaendlinger, *Die Schreiben Süleymāns des Prächtigen an Karl V., Ferdinand I, und Maximilian II, aus dem Haus-, Hof- und Staatsarchiv zu Wien,* Wien, 1983, p. XIII–XXI.

[31] Например, для *бея* Кафы: «провинция Эждерхан, ранее находившаяся в руках ногаев, была завоёвана неверными. Мы весьма желаем отвоевать её». (*BOA,* MD VII, №838, f. 295); крымскому хану: «[хан Хорезма, Хаджи Мухаммед хан] выражает пожелание, чтобы провинция Эждерхан была отвоёвана с тем, чтобы был вновь открыт путь, ведущий из этих областей в Святую Мекку – обитель Бога, и к пресветлому мавзолею Пророка, и который также является торговым путём...» (MD, VII, №2722, f. 984); королю Московии: «крепости Эждерхана и Казани, бывшие с испокон веков местом проживания мусульманского населения...» (MD, XVI, №3, f. 2); A.Bennigsen, *op. cit.,* p. 432–434, 443. Тема будет поднята с ещё большей чёткостью во время проекта отвоевания в 1587 г. См. например, приказ Пияле-паше: «[К нам] доставлены письма хана Абдуллы, правителя Бухары, и Урус-бея, правителя ногаев. Они пишут, что следует отвоевать Эждерхан, так

даже недальновидным напоминать об этом польскому правителю. Тем не менее, в тот же самый момент не даётся никакой другой мотивации предприятия, кроме «официальной версии», значимой, в основном, для мусульман: избавиться от тех, «кто преграждает и отрезает пути мусульманским паломникам и не стесняется отбирать у них их добро». Также указано другое наименование Эждерхана/Астрахани, Хаджжи-Тархан (которое играет на слове *хаджжи*, термине, обозначающем именно паломников), как будто Сигизмунд-Август был особенно озабочен соблюдением обряда паломничества к Мекке…

Тем не менее, обнаруживаемые нелогичности такого порядка имеют мало значения в сравнении с манерой, в какой обозначен противник: нигде не указывается, что речь идёт о московском царе, Иване Грозном. Оккупанты Астрахани, напротив, описаны при помощи подборки особенно резких ругательств как действующая самостоятельно банда неотёсанных и зловредных бунтовщиков, а не гарнизоном, получающим инструкции организованного государства. Если они и зависят от определённого сообщества, так это от русов (*Rus*), а не от Москвы. Однако в эту эпоху османская терминология, как и терминология крымских татар, в основном тщательно проводит различия между русами (*Rus*) и Москвой (*Mosqov* или *Masqov*): письмо хана Менгли-Гирея на староосманском *(османлы),* которое датировано летом 1512 г., например, ссылается на татарский набег, для которого силы хана были разделены на две ветви: одна совершает набег на «русскую» территорию (*bir bölüki Rus kāfirine aqın edüb*); другая – на московитскую территорию (*ve bir bölüki Mosqov kāfirine gidüb*)[32].

Для османов московитские правители, великие князья, затем, начиная с 1546 г. [1547 г. – *И.З.*] цари, с которыми они поддерживают дипломатические и торговые отношения, обмениваясь послами и заключая, начиная с 1497 г., договоры о дружбе[33] являются *Mosqov begi*, затем *Mosqov qralı* (или *Mosqoflular qralı*); их страной является *vilāyet-i Mosqov*[34]. Что касается русов (*rus*), то речь может

как неверные, занимающие эту область, чинят вред мусульманам» (MD, LXII, №233, цитируется в A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Quelquejay, «La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée», *CMRS,* XIV, 4, 1973, c. 469–470.

[32] Топкапы, E 6382, опубликовано и прокомментировано в КСАМРТ, p. 101–103; на документе стоит печать Менгли-Гирея на правом поле, на обороте: см. V.Ostapchuk, «The publications of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: the Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations», *Turcica,* XIX, 1987, p. 268.

[33] О начале отношений между Османской империей и Москвой см.: Н.А.Смирнов, *указ. соч.*; A.N.Kurat, *Türkiye ve Idil Boyu,* Ankara, 1966; T.Duran, «Türk-Rus münasebetlerinin başlaması», *Belgelerle Türk Tarih Dergisi,* 3, p. 43–49; 4, p. 39–44; 5, p. 31–36; 6, p. 40–43; 7, p. 33–56; более развёрнутая турецкая и русская библиография в A.Fisher, *Crimean Tatars,* Stanford, 1978.

[34] Османы официально не давали титула «царь» (в формах *sar* или *çar),* даже если случайно обнаруживаются при Иване IV выражения «*Sarı İvan Mosqof qralı*» или «*Mosqov qralı Sar*», по-видимому, [они употреблены] без настоящего понимания значения термина; по этим вопросам, см. А.А.Новосельский, [*Борьба Московского государства с*

идти о русинах Восточной Галиции или «Красной Руси»[35], слывшем мирным населении южных пограничных территорий Польши, среди которых татарам случалось брать пленных: именно в этом контексте можно будет встретить такие выражения как *Leh'e tābi' olan Rus esīrleri*[36]. Но, может быть, речь идёт о населении с более восточных территорий к югу от Московии, между низовьями Волги и Донца: отношения, поддерживаемые последними с османскими властями, имеющие упоминания, однако, редкие, в имперских архивах, представляют собой два типа: некоторые жители расположились в наиболее близких османских анклавах в Азаке и Кафе, став, таким образом, подданными султана, *зимми* (*zimmī*), в таком виде отражённые в переписи администрацией[37]. Но большинство

патарами в первой половине XVII века], Москва, 1948, с. 312, 325–326; H.İnalcik, «Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as reflected in Titulature» // *Passé turco-tatar, présent soviétique...*, p. 175–211. Многочисленные примеры использования термина *Mosqov (Москва)*, в отношении царя, города и страны, в дипломатическом и торговом контексте, в документах «Мюхимме дефтерлери», процитированных в: A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Quelquejay, «Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVIe siècle», *CMRS*, XI, 3, 1970, p. 363–390; см. также: Abrahamowicz, №24–25, s. 38–39; №33, s. 47–48; №53, s. 65; №75, s. 84–85; №88, s. 96; №95, s. 101; №136, s. 136–137; №185, s. 180.

[35] См. A.B.Соловьев, «"Reges" и "regnum Russiae" в средние века», *Byzantion*, XXXVI, I, Bruxelle, 1966, p. 165–168; G.Petrowicz, «I primi due arcivescovi armeni di Leopoli», *Orientalia christiana periodica*, XXXII, 1, Roma, 1967, p. 90–91, 97. В таможенном уставе Аккермана от 1484 г. упоминание о тканях, привозимых от русов (*Rus*), по всей видимости, относится ко Львову / Лембергу, см. N.Beldiceanu, *Recherche sur la ville ottomane au XVe siècle. Etude et actes*, Paris, 1973, p. 174.

[36] См. Письмо Сулеймана I Сигизмунду I от 13–22 октября 1540 г.; *AGAD, Arch. Kor., Dz. turecki, teczka* 68, №148 (Abrahamowicz, №56, s. 67–68); султан упоминает среди пленных татар, которые могут быть подданными короля Польши: поляков, русов (*Rus*), татар, армян и евреев; см. также приказ Сулеймана *кади*, находящимся на пути от Стамбула до Молдавии от 3–12 ноября 1558 г.; *AGAD, Arch. Kor., Dz. turecki, teczka* 187 №360 (Abrahamowicz, №160, s. 160–161).

[37] См. наше «La population du sud de la Crimée au début de la domination ottomane» // *Mémorial Ömer Lûtfi Barkan*, Paris, 1980, p. 240, 248. Таким образом, термин *Rus* у османов имел достаточно расплывчатое значение, поэтому сложно определить точно происхождение тех свободных людей или рабов, которых так квалифицируют по всей империи за неимением другого обозначения. Так, например, происходит с 32 «ремесленниками Дворца» *(ehl-i hiref-i hāssa)*, обозначенными как *Rus*, из общего числа в 590, в списке 1526 г. (Топкапы, D 9306/3). Они занимаются весьма различными ремёслами, обеспечивая нужды Двора, потому что среди них два трикотажника, три ювелира, три ткача шёлка, один меховщик, один изготовитель сабель, один изготовитель лезвий, два изготовителя стрел, один изготовитель луков, пять слесарей, три изготовителя аркебуз, один damascineur, шесть ткачей парчи, одна прачка, один изготовитель перчаток и один скрипичный мастер. Двое из них были введены в дворцовый корпус ввиду их умений; шесть других ремесленников, привезённых во Дворец Сулейманом, вероятно, поступили к нему на службу в то время, когда будущий суверен был наместником Кафинского

остаётся «русами из края войны» (*Harbī Rus*): это «зловещие русские» *(Rus-ı menhūs)*, о смелых вылазках которых начали доносить, начиная с середины XVI в., местные агенты султана, на деле это было первым проявлением выступления донских казаков против османских интересов[38]. Впрочем, с 1559 г. упоминание в одном из рапортов *кади* Азака, основанное на сведениях, «дошедших от ногаев», сообщит о вторжении «3 000 казаков, прибывших от русов (*Rus*)» (*Rus ğānibinden nüzūl etmiš tahmīnen üč biñ miqdārı qazaq*)[39]. Однако, прежде, чем термин казак (*qazaq*), изначально предназначенный в турецко-татарском переводе для мусульманского населения[40], будет применяться к христианам-славянам и такое исполь-

санджака, и являлись, таким образом, выходцами из соседних с Крымом народностей. Десять других были раньше рабами различных знатных людей или купцов, прежде чем перейти в ведение Короны; двое были частью добычи, предназначенной суверену *(peñğik)*; пять попали к нему как дары *(piškeš)*. Остальные семеро были куплены казной. Возможно, большинство из этих рабов-русов было захвачено во время татарских набегов на пограничные территории Московии и Польши. Об одном из них, русе Хасане (Hasan Rus), лучнике, указывается, что он достался казне после смерти своего предыдущего хозяина, *аги* азабов (*'azab*) Аккермана, что позволяет предположить, что речь шла об одном из русинов (ruthène); см.: İ.H.Uzunçarşili, «Osmanlı sarayi'nda Ehl-i hiref (Sanât-karlar) defteri», *Belgeler*, XI, 15, 1981–1986, Ankara, 1986, s. 23–76.

[38] Несколько примеров османских документов, где нападающие на Азак русы (*Rus*) ясно соотносятся с донскими казаками: копия послания Сулеймана крымскому хану Сахиб-Гирею (без даты, 1547–1551 гг.), в котором говорится о повторяющихся нападениях банд русов на Азак (Топкапы E 7246, см.: КСАМРТ, p. 131–133); приказ хану Девлет-Гирею от 12 июля 1552 г.: Русы *(Rus)* из края войны *(harbī Rus)* каждый год появляются «во время ловли рыбы», чтобы грабить сети для ловли тунца османской казны (Топкапы, KK 888, f. 305r–305v, см.: M.Berindei и G.Veinstein, «La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe). *Turcica*, VIII, 2, 1976, p. 199–200); приказ *бея* Кафы от 5 ноября 1556 г.: банды под предводительством «одного из неверных русов (*Rus*), известного под именем Черкес Хише (Čerkes Hiše)», укрывающегося в Азаке «уже более двадцати лет», атакуют купцов и странников на суше и на Дону (MD, V, №466, f. 190).

[39] *BOA*, MD, III, №949, f. 324.

[40] Термин *казак* тюркского происхождения, находит подтверждение в конце XIII в. в *Codex Cumanicus*. Несколько упоминаний, которые встречаются, начиная с этой эпохи, касаются мусульман (что будет соответствовать истине вплоть до рассматриваемого нами периода XVI века): они применяются к более или менее значительным элементам-группам, иногда к целым племенам – вне установившихся крупных политических формаций. Х.Иналджик обратил внимание на один из возможных источников данного феномена: отход в степи со своими спутниками *(nökör)* чингизидского принца или простого главы клана, устранённого, по крайней мере, временно его соперниками – поведение, обозначенное выражением *qazağa čıqmaq*. *Казак* может также обозначать вора, разбойника, бродягу, авантюриста или же легко вооружённого солдата, быстрого всадника, возможно, грабительский авангард, а также почтового курьера, как в случае дипломатической почты, адресованной генуэзской колонией Кафы Золотой Орде. Разбойничьи шайки татар за пределами Казанского ханства упоминаются, в частности, С.Герберштейном, который говорит о татарах

зование станет популярным, его место займут термины *Rus* и *Rus kāfirleri*: в 1574 г. в связи с угрозами Аккерману, османские власти будут без проведения различий говорить о *Rus kāfirleri* и о *Rus qazaqlari*[41].

Действительно, в 1559–1560 гг., во время походов на Азак Димитрия Вишневецкого, одновременно союзника царя, казаков и черкесов, различие между *Rus* и *Mosqov* теряет свою остроту, так как и тот, и другой термин мог быть использован в актах дивана. Это исключение из правил может объясняться тем фактом, что союз между этими силами порождает некоторое смятение у турков или, может быть, если быть более точными, для последних это является способом оскорбить Московита, ассимилировав его с русом (*Rus*), как только он прекратил быть привычным уважаемым собеседником и стал противником, сообщником разбойников. Речь будет также идти о «русе (*Rus*), который является *бей* Москвы» (*Mosqo begi olan Rus*), также как и о том, что *проклятый* Димитрий Вишневецкий, прежде известный Порте как «один из *беев* короля Польши», сам отныне рассматривается как «составляющий часть зловещих русов» (*Rus-u menhūsdan Dimitraš nām la'īn*) или так же, как передаётся донесение молдавского воеводы, согласно которому «некоторые разбойники были готовы выступить на стороне Москвы»[42]. Напротив, двойственность прекращается после прибытия московитских послов в Кафу, объявивших, что царь отныне отказывается от совместных действий с Вишневецким[43]. Когда султан, принявший это к сведению[44], продолжает клеймить «мятежные мысли и иллюзорные планы как презренного Димитраша, так и проклятых русов, черкесов и других врагов», ясно, что термин *Rus* вновь применяется только в отношении казаков.

В этих условиях встаёт задача узнать, почему султан представляет королю Польши Астрахань как оккупированную не московским царём, а бандой казаков, что выражают одновременно манера, в которой описываются оккупанты, и ис-

---

«*kosastzki*». Казаки Аккермана и Озю, о которых мы упоминали, вписывались в эту традицию; см. H.K.Kadri, *Türk Lugati*, Istanbul, 1943, III, s. 722; G.Doerfer, *Türkische. und mongolische Elemente im Neupersischen*, Wiesbaden, 1967, III, s. 462–468; Д.И.Эварницкий, *История запорожских казаков*, СПб., 1895, с. 6–8; G.Stökl, *Die Entstehung des Kozakentums*, München, 1953, s. 39–51; Ch.Lemercier-Quelquejay, «Un condottiere lithuanien, du XVIe siècle, le prince Dimitrij Višneveckij et l'origine de la seč zaporogue d'après les archives ottomanes», *CMRS*. X, 2, 1969, p. 259–260; M.Berindei, «Le problème des "cosaques"...», p. 339–341; H.İnalcik, «The Khan and the Tribal aristocracy: the Crimean Khanate under Sahib Giray I», *Harvard Ukrainian Studies*, III–IV, Cambridge, 1979–1980, p. 451–452 (переиздание в *Studies in Ottoman Social and Economic History*, L., 1985).

[41] См. приказы Али-реису, командующему галиотами Аккермана, от 18 июня 1574 г. и чавушу Джаферу, посланному с галиотами в район Аккермана (MD, XXVI, №64 и №142, в M.Berindei, «Le problème des "cosaques"...», p. 363–364.

[42] MD, III, №894, f. 305; №949, f. 324; №961, f. 330. О предприятиях Вишневецкого в 1559–1560 гг. см.: Ch.Lemercier-Quequejay, «Un condottiere lithuanien...».

[43] *Ibid.*, p. 275–276.

[44] MD, III, №1453, f. 489; №1542, f. 521.

пользование термина русы (*Rus*). Не претендуя на то, что нам удалось обнаружить объяснение этой странности, мы можем выдвинуть несколько гипотез, которые, впрочем, не исключают одна другую.

Какими бы недостаточными ни были понятия Порты о политико-географическом положении региона, иллюстрацией к которым послужит плачевный провал похода, весьма маловероятно, что здесь мы имеем дело с простой ошибкой[45], тем более что султан устанавливает чёткую связь между противником, с которым он собирается столкнуться, и тем, против которого Сигизмунд-Август запросил у Сулеймана помощи: Московия, а не казаки; и в первую очередь после похода Девлет-Гирея против Москвы Селим потребует возвращения Казани [крымскому] хану, а Астрахани себе самому[46]. Но обозначать врага как руса в потоке других оскорблений было, учитывая весьма уничижительное употребление термина в османском языке, манерой выражения одновременно отвращения и пренебрежения, которое он вызывает, возбуждения враждебности против него, выставления его в чёрном свете, в общем, преследовало цель ударить по врагу словом, прежде чем сделать то же самое при помощи оружия, и достаточно его унизить, чтобы представить победу обеспеченной[47]. Подобная воинственная риторика, в целом, была весьма характерна для османов.

Впрочем, географическое расположение Астрахани далеко на юге, близ того региона, который османы называли «краем русов» могло лишь облегчить это смешение[48]. Но обвинение неизвестно каких русов могло быть также уловкой,

---

[45] Порта, в принципе, была информирована обо всех деталях ситуации через *дефтердара* Касима, черкеса, который подстрекал к походу, и поэтому был назначен *бейлербеем* Кафы. Текст письма султана крымскому хану (MD, VII, №2722, f. 984) приводит, однако, в замешательство тем, что оно начинается с различного рода вопросов, прежде чем лаконично заключить, что оно обладает на них ответами: «провинции Казани и Эждерхана находились ранее в руках ногаев [на самом деле только вторая]. Почему в настоящее время они попали в руки неверных? Какие татарские князья страдают от плена? Когда и по каким причинам [эти провинции] были потеряны для мусульман? Я хорошо знаю всё это и во всех подробностях...». В какой мере уверенность султана являлась оправданной? A.Bennigsen, *op. cit.*, p. 431–433.

[46] Письмо Селима II «королю Московии» от 7 октября 1571 г.; MD, XVI, №3, f. 2; A.Bennigsen, *op. cit.*, p. 443–444.

[47] В османских документах, относящихся к новому проекту завоевания 1587 г., также не отмечено, что Астрахань была завоёвана московитами: обвинения выдвигаются против «неверных».

[48] Возможно, это объясняет, почему информаторы османского адмирала Сеиди-Алиреиса в устье реки Урал на момент события уже приписали завоевание русам (*Rus*). Напомним то, что он пишет по этому поводу: «Прибыв в деревню Сарайджаг (Сарайчик) мы встретили нескольких нагих паломников, а также трёх османов, которые покинули Самарканд после того, как получили позволение уехать... Они нам сказали: «Куда вы направляетесь? Город Хаштерхан (Астрахань) недавно был взят русами (*Rus*)...»; см.

чтобы не затронуть прямо «московского короля» и попытаться сохранить, таким образом, хорошие отношения с последним, каким бы ни был исход астраханского дела. Это был способ отказаться от идеи тотальной войны с этим далёким князем, чтобы не поставить под угрозу необходимую для Османской империи торговлю[49]. Порта была далека от мысли видеть в астраханском походе отправную точку крупного мусульманского наступления против Москвы, как считали некоторые историки. Османы, напротив, пытались уйти от мысли о том, что эта единовременная затея может привести их в состояние войны с царём: по-видимому, письмо Сигизмунду вписывается в этот демарш. Эта гипотеза соотносится с тем фактом, что посольство Ивана Новосильцева, отправленное царём в Порту в октябре 1569 г., прошло без помех, несмотря на сдержанный приём Селима II[45], и оно способно прояснить ремарку А.Беннигсена: «достаточно любопытно, что астраханский поход почти не имел прямых последствий для отношений между Московией и Османской Портой»[50].

Основной вывод из письма Селима II Сигизмунду-Августу состоит в том, что следует поставить под вопрос любое слишком упрощённое представление о действующей дипломатической системе в Северном Причерноморье во времена астраханской кампании османов. Публикуемый документ показывает как пределы польско-османской дружбы, так и рамки антагонизма между султаном и царём. Не говоря уже о двойственной позиции крымского хана…[51].

Послание султана Селима II польскому королю Сигизмунду-Августу

29 марта – 16 апреля 1569 г.

Он[52]

[Тугра:] Селим бин Сулейман хан вечно побеждающий[53]

Гордость великих эмиров братства Иисуса, избранник [из среды] высоких вельмож народа Мессии, устроитель дел у всех народов, поклоняющихся Христу, тот, за кем тянется [шлейф] величия и степенности, обладатель доказательств славы и чести, польский король Сигизмунд Август – *да завершатся добром деяния его!* Когда прибудет [сия] высокая августейшая монограмма[54], да будет ведомо [следующее].

M.Morris, «Miroir des pays ou relations des voyages de Sidi Aly fils d'Hossain, nommé ordinairement Katibi Roumi, amiral de Soliman II», *Journal Asiatique*, IX, 1826, p. 282–283.

[49] J. de Hammer, *op. cit.*, p. 340–341; H.Inalcik, «Osmanlı-Rus Rekabetinin...», p. 386.

[50] A.Bennigsen, *op. cit.*, p. 441.

[51] Хорошо известно не только то, что Девлет-Гирей в прямом смысле саботировал операцию, как мы и указывали в начале, но и другое письмо из османо-польской переписки, послание Селима II Сигизмунду-Августу от 20–28 ноября 1570 г. В нем весьма красноречиво описывается напряжение, водворившееся между Крымским ханством и Польшей в период астраханской кампании, что, в свою очередь, заслуживало бы отдельного изучения: *AGAD, Arch. Kor., Dz. turecki, teczka* 239, №449 (Abrahamowicz, №208, s. 200–202).

[52] Т.е. Бог. – *И.М.*

[53] Чтение тугры дано по: Kurat A.N. Türkiye ve İdil Boyu (1569 Astarhan Seferi, Ten–İdil Kanalı ve XVI – XVII Yüzyıl Münasebetleri). Ankara, 1966. S. 06. – *И.М.*

В крепости Хаджи-Тархан (*Hāğğī Tarhan*), известной под названием Эждерхан (*Ejderhan*), расположенной на границе Дешт-и Кипчака (*Dešt-i Qïpčaq*) и относящейся к числу озаренных неверием крепостей, зависящих от погрязших в безбожии злосчастных русов, расположился сброд закоренелых мятежников, которые чинят препятствия и перегораживают пути мусульманских паломников, не гнушаясь грабежом их имущества. Поскольку пресечение их злодеяний и мятежа является одним из важнейших дел и первейших обязанностей, для искоренения и подчинения, покорения и завоевания этой крепости с помощью Господа – *да будет Он прославлен и превознесен!* – [нами] намечено и решено направить к его эмирскому высочеству, опоре наместничества Девлет-Гирей-хану – *да будут вечными его благородные качества!* – эмира из благородных эмиров, бейлербея Кафы Касима – *да будет вечным его благоденствие!* – с достаточным количеством войска из черкесских князей (*ümerā*), из размещенных в Румелии и Анатолии моих слуг беев, заимов, обладателей тимаров, янычар, канониров и других победоносных соединений. *Да сопутствует им благословение и покровительство в начале, и да будет исход отмечен различными блестящими завоеваниями, с помощью Бога – *да будет он превознесен!*[55].

Ранее, во времена моего покойного и прощенного [Богом] отца, Его Величества султана Сулейман-хана Гази (*Süleymān Han Ġāzī*) – *да озарит Аллах его могилу!* – Вы, отсылая сообщения к нашему высокому правосудному Порогу через одного из переводчиков нашей счастливой Порты, гордости славнейших и благороднейших, Ибрагима – *да умножится его слава!* – [сами] изъявляли просьбу о предоставлении [Вам] достаточного количества войск от вышеназванного Девлет-Гирей хана либо *из [числа] акынджи и татар Добруджи[56] с тем, чтобы они, выступив против злосчастных русов, ограбили и разорили их область и страну.

[54] Словосочетание *tevqī'-i refī'-i hümāyūn* использовалось в экспозиционной части как султанских грамот иноземным и вассальным государям (*nāme-i hümāyūn*), так и султанских указов (*fermān-ï 'ālī-şān, emr-i šerīf, hükm-i šerīf*). В отечественной османистике указанное словосочетание обычно переводится как «высокая августейшая грамота» (см., например: Тверитинова А.С. Письмо турецкого султана Мурада III польскому королю Стефану Баторию // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 3. М., 1974. С. 297). – *И.М.*

*[55] По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «Да будет начало [этого предприятия] благословенным и счастливым, а окончание ознаменовано различными блестящими завоеваниями с помощью Аллаха Всевышнего». – *И.М.*

*[56] *Dobrīğa tatarlarïndan ve aqïnğïlardan.* По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «…из [числа] татар Добруджи и из акынджи». – *И.М.*

Ныне представляется [такой] случай, и [осуществление Вашего намерения] весьма уместно. *Если такова ваша воля, давайте примем соответствующие меры[57]. Пусть Ваше сердце и мысль не беспокоит сбор победоносных войск на границе наших богохранимых владений. Пока Вы будете тверды в вашем дружественном отношении, нет ни малейшего вероятия, что Ваша страна и область, [а равно] и Ваши подданные подвергнуться какому-либо вмешательству и вторжению с нашей стороны в нарушение нашего *августейшего договора[58].

Таким образом, по прибытии к Вам одного из *мютеферрика* моей счастливой Порты, гордости славнейших и благороднейших, переводчика Ибрагима – *да умножится его слава!* – с нашим августейшим посланием, необходимо, чтобы Вы со своей стороны разослали соответствующие предупреждения и предостережения Вашим пограничным правителям, дабы они более не совершали действий, нарушающих договор (*'ahd*), как [это было] ранее при набеге на крепость Джанкерман (Ğānkirmān), [когда они] сожгли некоторые овчарни и увели овец и крупный рогатый скот (*qoyun ve tavar*). *Совершившие подобные злодеяния должны понести наказание, как этого требует наш августейший договор, и принуждены возместить причинённый вред и ущерб[59]. Да будут приложены *[с Вашей стороны][60] усилия и старания к исполнению изложенного в отправленном [Вам] ранее по этому поводу нашем августейшем послании, и к тому, чтобы не было нападений и вторжений в отношении крепостей и местностей наших пограничных провинций, дабы наша дружба оставалась прочной и продолжительной.

Если [все] вышеизложенное соответствует Вашим желаниям и намерениям, когда наши победоносные войска, если будет угодно Аллаху Всевеликому достигнут [места назначения] и осадят вышеозначенную крепость, а презренные враги будут пребывать в расстройстве и стеснении, воспользуйтесь случаем и со своей стороны примите меры, которые сочтете необходимыми в соответствии с ситуацией с тем, чтобы вспомоществованием Господа Бога – *да будет он велик и*

*[57] *Eger murād idinürseñüz veğh ü münāsib göröldügi üzre tedārük oluna.* По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «Если будет Ваша воля, пусть [Ваше предприятие] будет, осуществлено подходящим [для Вас] образом». – *И.М.*

*[58] *'Ahdnāme-i hümāyūn.* «Ахиднаме» (*'ahd* – обязательство; клятва; договор, соглашение, *nāme* – грамота, письмо) в османской дипломатии традиционно трактовались как обязательства Порты, данные противной стороне в качестве милости. В связи с этим более точным, по нашему мнению, будет перевод этого термина как «августейшая договорная грамота». – *И.М.*

*[59] *Ve anuñ gibi fesād idenlerüñ 'ahdnāme-i hümāyūnïmuz mūğibinğe haqqlarïndan gelinüp itdükleri zarar u ziyānlarï tazmīn itdürile.* По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «Совершившие подобные злодеяния должны быть наказаны и принуждены к возмещению причиненного вреда и ущерба, в соответствии с нашей августейшей договорной грамотой». – *И.М.*

*[60] Добавлено нами. – *И.М.*

превозвышен! – отбросить (*ref'*) находящихся между [нами] неприятелей (*'aduvv*)[61], дабы [наши] подданные пребывали в мире[62].

Сообщите письменно нашему Счастливому Порогу о Ваших мыслях и планах по этому вопросу, *а также о мерах, которые Вы предполагаете принять[63]. Вы можете довериться вышеназванному [посланнику].

[Также] в отправленном ранее с одним из чавушей моей Высокой Порты Хасаном – *да умножится его значимость!* – нашем августейшем послании [Вам] было сообщено о том, что у некоторых Ваших беев (*beg*) остались деньги и имущество иудея по имени Яхъя (*Yahyā*). *Но вышеупомянутый чавуш доложил[64], что Вы сказали: «Деньги и имущество этого иудея у нас», поэтому вышеназванный иудей уполномочил вышеозначенного Ибрагима (*да умножится его слава*) [представлять себя] в этом деле. *Таким образом, в соответствии с нашим предыдущим августейшим посланием надлежит, чтобы в случае, если деньги и имущество этого иудея находятся [тем не менее] у некоторых из Ваших беев, как это и было сказано выше, Вы заставили этих людей их вернуть, и приложили лучшие усилия для того, чтобы передать их представителю вышеуказанного [иудея][65]. Вообще, предпримите и приложите Ваши лучшие усилия к исполнению указанных и упомянутых в нашем предыдущем августейшем послании пунктов *будь то вопрос вышеупомянутого [иудея], либо другие вопросы[66].

Написано во второй декаде славного[67] [месяца] шевваля 976 года[68] в богохранимом Константинополе.

AGAD. Arch. Kor., Dz. turecki, teczka 219, № 421

[61] Возможный перевод: «уничтожить». – *И.М.*

[62] Слово стоит в единственном числе, поэтому более точным здесь представляется перевод «находящегося между нами неприятеля». – *И.М.*

[63] *Ve ne-veğhile tedārük üzre olduğïnuzï.* По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «…а также о проводимых Вами приготовлениях». – *И.М.*

*[64] *Müšārun-ileyh čāvuš i'lām itmegin.* По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «поскольку вышеупомянутый чавуш доложил…». – *И.М.*

*[65] *Gerekdür ki muqaddemā gönderilen nāme-i hümāyūnïmuz mūğibinğe mezkūr yahūdīniñ aqča vu esbābïnï veğh-i mešrūh üzre begleriñüzde olduğïna mu'terif olmušlar ise müteveğğih olanlardan mūmā-ileyh vekīline alïvirüp teslīm itmekle sa'y-i ğemīlinüz zuhūra gele.* По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «Если Ваши беи [все же] признают, что деньги и имущество вышеназванного иудея находятся у них, как это и было сказано выше, необходимо, чтобы Вы, согласно нашему предыдущему августейшему посланию, приложили Ваши лучшие усилия к тому, чтобы взять [их] у этих людей и передать представителю вышеуказанного [иудея]». – *И.М.*

*[66] *Eger yahūdī hususïdur ve eger sā'ir ehvāldür.* Этот фрагмент в публикации Ж.Вайнштейна не переведен. – *И.М.*

[67] *Mükerrem.* По нашему мнению, более точным здесь будет перевод: «священного». – *И.М.*

[68] 29 марта – 7 апреля 1569 г. – *Прим. публикатора.*

Александр Беннигсен
Михня Бериндей

Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.)*

В начале августа 1587 г. на берега Босфора прибыло необычное посольство. Посланник Абдуллы, хана Бухары и Самарканда, правителя Трансоксианы, Хорасана и Бадахшана, а также посланник Уруса, князя Большой Ногайской Орды, приехали передать падишаху послания от своих повелителей. Речь однако шла о деле исключительной важности: чтобы на деле закрепить альянс против Сефевидов, Шейбаниды[1] выдвигали султану предложение провести совместную кампанию по завоеванию Астрахани, оккупированной с 1556 г. московитами, с целью установить прямое сообщение. Ногаи Большой Орды, заинтересованные в этом в первую очередь, предлагали своё содействие.

Этот проект, о котором до сих пор историки имели только обрывочные представления на основе хроники Селяники[2] и трёх документов, исходящих из Императорского Дивана [*Диван-и Хумаюн*][3], предстаёт во всей своей сложности

---

* *Bennigsen A., Berindei M. Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588) // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3/4 (1979–1980). Pt. I. Cambridge, 1980. P. 71–91.*

[1] Поскольку прямые потомки Мухаммеда Шейбани нигде никогда не правили, правильнее называть династию Шибаниды, по имени Шибана, одного из сыновей Джучи. – *И.З.*

[2] Mustafā Selānīkī, Ta'rih-i Selānīkī, Die Chronik des Selānīkī. Klaus Schwarz Verlag, Freiburg, 1970. S. 226–227, 229–230; эти пассажи были, в частности, использованы Х.Иналджиком (H.İnalcık. The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal (1569) // Annales de l'Universite d'Ankara, I, 1946–1947. P. 95–97 и переведённая на турецкий язык версия этого исследования: H. İnalcık. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten, XII, 46, Ankara, 1948. S. 393–395). См. также: C.M.Kortepeter. Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus. New York, 1972. P. 100–101.

[3] BOA, Mühimme Defteri (далее – *MD*), T. LXII, док-ты 226 от 16 *зулькаада* 995 (18 октября 1587) г., 231 и 233 от 22 *зулькаада* 995 (24 октября 1587) г., которые были проанализированы Х.Иналджиком (H.İnalcık. The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry…; H.İnalcık. Osmanlı-Rus rekabetinin…), а также А.Беннигсеном (A.Bennigsen. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les registres des «Affaires importantes» des Archives ottomanes // CMRS. T. 8 (1967). №3. P. 445–446; A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Quelquejay. La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée. La tradition nomade contre le modèle des monarchies sédentaires // CMRS. T. 14 (1973). № 4. P. 469–470. Ниже см. полный перевод этих документов.

при чтении докладов венецианского *байло*[4] в Стамбуле, которые мы недавно обнаружили[5]. Депеши, которые Лоренцо Бернардо отсылал в 1587 г. Венецианской Сеньории, являются блестящим свидетельством высокого уровня венецианской дипломатии в эту эпоху: глубокое знание османских реалий и политической ситуации, прекрасная сеть информаторов, не только приближенных к официальным кругам, но и услужливых, наконец, интеллектуальная подготовка, инициативность и проницательность *байло*[6]. Группа послов и наблюдателей, находящаяся в Порте, следила с большим вниманием за развитием османо-сефевидской войны, начавшейся в 1578 г. и отвратившей от Европы большую часть сил Мурада III.

5 августа 1587 г., сразу после прибытия посольства хана Абдуллы, Лоренцо Бернардо, которому было известно о конфликте Сефевидов и узбеков в Хорасане, спешно рапортует в Венецию об имеющихся у него доказательствах альянса между последними и османами. Он сообщает нам, что шестью годами ранее Порта отправила Пияле-пашу, в то время бея Демиркапы (Дербента), к узбекам с «восемью артиллерийскими снарядами и пятнадцатью канонирами, чтобы они вступили в войну против персов». Обогнув Каспийское море с юга, Пияле-паша великолепно выполнил свою миссию и в настоящее время вернулся в Стамбул в сопровождении двух послов от «татарских вельмож», с которыми он заключил альянс от имени султана. *Байло* считал необходимым лично вступить в контакт с эмиссарами Абдуллы хана, чтобы иметь возможность послать Сеньории более точные новости, так как, по его мнению, в этом [в отсутствии точных сведений об союзе между узбеками и османами. – *И.М.*] заключалась

---

[4] *Байло* – постоянный посланник Венецианской республики при султанском дворе. – *И.З.*

[5] Archivio di Stato di Venezia, Dispacci degli Ambasciatori al Senato. Constantinopoli (далее – *DC*), XXV, XXVI. Выражаем благодарность г-же Марии Франческе Тьеполо, директору Государственного архива Венеции и г-же Джустиниане Коласанти, директору при этом учреждении, за их крайнюю доброжелательность и гостеприимство. Мы также благодарим нашего коллегу и друга г-на Франсуа Дюпюигрене Дерусси, сверившего для нас [наше] переложение итальянских документов [с текстами подлинников].

[6] О Лоренцо Бернардо, *байло* в Стамбуле с апреля 1585 г. по декабрь 1587 г. и с июня 1591 г. до начала 1592 г. см.: Dizionario biografico degli italiani, IX, Roma, 1967, p. 308–310. «Relazione» (донесение), представленное им в Сенат в 1592 г., см.: F.Alberi. Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato, S. 3, II, Firenze, 1844, p. 321–426. Лучшей иллюстрацией уровня венецианской дипломатии той эпохи мы считаем оценку, данную ей королем Франции. 19 декабря 1586 г. Генрих III писал своему послу в Венеции г-ну де Мэссу: «Сообщите мне, какие новости у вас есть относительно дел Востока, так как донесения, которые я получил от г-на де Ланкосма [французского посла в Стамбуле], неточны» (См.: E.Charrière. Négociations de la France dans le Levant, IV, Paris, 1860, p. 573).

основная причина последних поражений Сефевидов[7]. Лоренцо Бернардо сдержал свое обещание, и 20 августа 1587 г. ему удалось отправить в Венецию подробный доклад об узбеках и причинах их конфликта с иранцами:

«Я сумел поговорить с некоторыми из татар, прибывшими недавно вместе с послом, о чём я писал ранее, и от них узнал, что посол был отправлен Абдуллой-ханом, правителем Бухары, пользующимся среди татар большой властью и могуществом, который является потомком великого Тамерлана [sic!], известного в истории захватом Баязета, императора турок. Его главный город – Самарканд, и он граничит в северной части[8] с персиянами, с коей стороны граничат также другие татарские правители, которые признают [его] и платят дань этому Абдулле-хану, который обладает огромной страной, плодородной и изобильной, и говорят, что [он] может дать 200 тысяч лошадей[9]; и это и есть великий хан, император татар, и он имеет большую силу и обладает многими землями в расположенных севернее областях. Эти татары живут всё время в деревнях и никогда не приезжают в город, если только не празднуют Байрам, который для них как Пасха. Этот Абдулла-хан находится в вечной войне с персиянами на границе с Хорасаном не только из-за разницы в религии, поскольку татары исповедуют ту же самую религию, что и турки, враждебные персиянам, называемым ими «китиленси» (=шииты); война идёт ещё из-за того, что персияне запрещают им проезд по своим землям для паломничества в Мекку, куда многие стекаются из-за благочестия, и поэтому им приходится в течение многих лет идти в обход дорогой, проходящей по владениям этого правителя. Они сообщают, что татары и до этого пользовались артиллерией, и, хотя недавно они отобрали у персиян некоторые города и замки в стране Хорасан, среди которых земля Бадахшан, где добывают рубины, они утверждают, касательно персиян, что от Тебриза до их границ лежит, однако, более двух месяцев пути»[10].

Посланцы Абдуллы хана два года добирались до Порты, так как – докладывает *байло* – они были вынуждены огибать Каспийское море с севера, пересекать Волгу, чтобы достичь через Азак города Кафы (Феодосия), где они и сели на

[7] *DC*, XXV, fol. 534v.–535r.: «Hora la sapevà, che già sei anni questo Signor mando Piali Bassà suo ambasciator ai Signori Tartari confinati con esso Persiano, et le mando a donar pezi d'artegliaria et 15 bombardieri per evitarli alla guerra contra essi Persiani. Il suo camino fù per la via d'Emircapi (= Demirqapi), dove allhora si trovava Bassà, et havendo circondato tutto il Mar Caspio finalmente pervenuto ai quei confini et fatta la sua ambasciata ai quei signori hà operato di maniera che mentre li hà tratenuto in quelle parti, alcuni di loro hanno levato à Persiani cinque castelli con il beneficio di quell'arteglieria, che le hà portato, et tuttavia continuano in guerra con essi Persiani, hora finalmente é ritornato et hà conduto seco à questa Porta doi ambasciatori de Signori Tartari, con li quali hà fatto lega per nome de questo Signor...».

[8] Так в источнике. Следует: «в южной части». – *И.М.*

[9] Очевидно, речь идет о возможности Абдуллы-хана выставить войско в 200 тыс. всадников. – *И.М.*

[10] *DC*, XXV, fol. 574v.–575r.

судно, идущее в Стамбул. Султан принял их до 15 августа[11]. Узбекский посол, сопровождаемый 20 «босоногими и плохо одетыми» мужчинами, предложил, тем не менее, дорогие подарки: две меховые шубы и много связок соболиных шкур, девять белых лошадиных хвостов, два султана из цапли, мешочек, наполненный мускусом, два Корана, два рубина (balassi) и, в серебряной чаше, средство от «чумы, болей в животе и боках»[12]. В ответ посла облачили в почётное платье[13]. Его миссия состояла в том, чтобы убедить османов продолжать войну против Сефевидов. Со своей стороны хан Абдулла заверял султана, что не сложит оружие, пока не добьётся для своих людей свободного проезда к Мекке по персидским землям. Наконец, посол изложил обращение ногаев из Большой Орды, просивших Порту о вмешательстве, которое было в их интересах:

«И от имени тех трех татарских правителей, которые подчинены московитам, просит этого великого правителя, чтобы силой, дарованной ему Богом, он освободил их от христианского рабства, так чтобы Бог в судный день, положив ему руку на шею, не спросил с него за это его упущение»[14].

Как следует из османских документов[15], эта просьба была одновременно озвучена послом Уруса, главы Большой Ногайской Орды (а не посланником Малой Ногайской Орды, как это ошибочно представляет Селяники[16]), который присоединился к людям Абдуллы хана. Именно он являлся вторым эмиссаром «татарских вельмож», которые сопровождали, согласно Лоренцо Бернардо, Пияле-пашу. Османов призвали во имя ислама освободить мусульман-татар от господства христиан-московитов. В свете докладов *байло* и хроники Селяники получается, что автором проекта являлся бег [бий, князь] Урус. Узбекский посол добился своего и, возможно, получил, ещё будучи при дворе ногайского правителя, согласие своего государя [на участие узбеков в завоевании Астрахани] (что тоже, наряду с трудностями пути, могло бы объяснить длительность путешествия). В любом случае, османы представят затем узбеков и ногаев Большой [Ногайской] Орды совместными инициаторами кампании. Последние извлекли бы из победы над московитами наибольшую выгоду. Действительно, Урус чувствовал себя более чем когда-либо под угрозой завоевательных на-

[11] Selānīkī, *Die Chronik*… S. 227, относит событие к первой декаде рамазана [995 г.х.] (5–14 августа 1587 г.).

[12] *DC*, XXV, fol. 575v.–576r.

[13] Selānīkī, *Die Chronik*… S. 227.

[14] *DC*, XXV, fol. 575v.: 29 сентября *байло* еще раз упоминает эту просьбу: по его словам, «Абдулла-хан опечален тем, что у великого князя московского держат в рабстве многих татар из крепости Читракан (= Астрахань), расположенной над Каспийским морем, из-за чего всей Татарии преграждён также свободный проход для паломничества в Мекку, куда они идут по великой набожности…» (*DC*, XXVI. fol. 81v.). Таким образом, узбеки по религиозным причинам были напрямую заинтересованы в открытии этого пути.

[15] Ниже см. приказ Пияле-паше от 24 октября 1587 г.

[16] Selānīkī, *Die Chronik*… S. 229.

мерений царя Фёдора, который с момента своего вступления на престол в 1584 г. стремился установить контроль над причерноморскими степями и открыть путь на Кавказ. Для достижения этих целей были возведены новые крепости на Средней и Нижней Волге (так, только за один 1586 год были построены Самара и Уфа). Уже в 1585 г. Урус и его брат Динбай-мирза просили хана Ислам-Гирея замолвить о них перед султаном, чтобы тот, узнав об их преданности, послал войска на завоевание Астрахани[17].

Впрочем, царь надеялся прибегнуть к помощи трёх сыновей Мухаммед-Гирея, которые недавно, в 1584 г., сбежали из Крыма и попросили его покровительства, пообещав быть преданными и служить ему. Старший, Саадет-Гирей, женившийся на дочери Уруса, безуспешно пытался добиться поддержки своего тестя в деле повторного завоевания Крыма. В 1586 г. второй сын Мухаммеда, Мурад-Гирей вошёл в Астрахань во главе значительного военного отряда московитов. Он хотел собрать вокруг себя значительные силы и, кроме того, заставить Большую Ногайскую Орду и Кавказ вступить в антикрымский и антиосманский лагерь (он, впрочем, был женат на дочери шамхала, у которого в 1585 г. нашёл убежище также Саадет-Гирей). Результат не замедлил себя ждать: Урус был вынужден принести клятву астраханскому воеводе и оставить ему заложников. Положение ногайского главы было ещё более сложным постольку, поскольку часть мирз (в частности, сыновья Дин-Ахмеда, предыдущего князя и брата Уруса) были сторонниками сговора с московитами. В следующем, 1587 году, Урус извинял перед султаном свой поступок; согласно Новосельскому, который цитирует донесение [русского посла] из Крыма царю, ногайский князь, в частности, писал: «Тот, кто обладает Астраханью, Волгой и рекой Яик будет владеть Ногайской Ордой» [В оригинале эта цитата такова: чтобы султан на него «не пенял, что (он) учинился в государя московского воле: чья будет Астрахань, и Волга, и Еик, того будет вся Ногайская Орда». – *Д.М.*][18]. Но тот факт, что в это же время он планировал организацию антимосковской кампании, доказывает, что его подчинение было абсолютно показным. Третий брат, Сафа-Гирей, поехал к кабардинцам, уже участвующим в московитском деле, и мог, в принципе, рассчитывать на помощь черкесов-жанэ.

Три принца-чингизида, а особенно Мурад-Гирей, самый амбициозный и предприимчивый из них, являлись, таким образом, в 1586–1587 гг. важным фактором изменения нестабильного равновесия в степях и на Кавказе в пользу московитов. Над Большой Ногайской Ордой и Крымом нависла непосредственная угроза, но она касалась также и османов: не только их владения и их система альянса Крыма с Кавказом находились под угрозой, но, кроме того, их превосходство над Сефевидами было поставлено под сомнение. Не позднее 1586 г.

[17] Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в [первой половине] XVII века. М.; Л., 1948. С. 34–35; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 262.

[18] Новосельский А.А. Указ. соч. С. 35.

послы шаха Мухаммеда Ходабенде приезжали к Саадет-Гирею и Мурад-Гирею. Наконец, после обмена посольствами, в начале лета 1587 г. был заключён союз между царём Федором и новым шахом Аббасом. Московиты обязались перекрыть крымским и османским войскам путь от Азака (Азов) до Демиркапы (Дербент), для чего была построена крепость на Тереке[19]. В этих условиях представляется неудивительным, что крымцы присоединяются к действиям ногаев Большой [Ногайской] Орды, а также Шейбанидов. Так, с сентября 1587 г. посланники хана в Стамбуле просили о подготовке кампании против московитов. Согласно Лоренцо Бернардо, Ислам-Гирей опасался, прежде всего, действий Мурад-Гирея (которого плохо информированный *байло* представляет как брата хана), но он также хотел отомстить за вторжения казаков:

«Здесь находятся послы не только Абдуллы-хана, татарского правителя Бухары, о котором я особо указал Вашей Светлости в предыдущих моих письмах, но также посол татарина из Каффы, который признаёт этого правителя… Посол татарина из Каффы просит помощи у этого правителя против тех самых московитов, и не только из-за многочисленного ущерба, наносимого русскими их подданным, но и из-за имеющегося у него подозрения, что один его брат, сбежавший под защиту московитов, пользуясь их поддержкой, может внезапно напасть на него, лишить власти и прогнать, тем более что в тех краях происходят вооруженные волнения»[20].

Порта, наученная своим горьким опытом 1569 г., когда поход против Астрахани плачевно провалился, в частности из-за отсутствия реальной поддержки крымских татар[21], не могла необдуманно вступить в эту кампанию. Султан приказал созвать чрезвычайный совет. Селяники относит это событие к 11 сентября – дню, когда великий визирь Сиявуш-паша собирал в своей резиденции Ускюдар визирей и шейх-уль-ислама Мевляна Сади эфенди, чтобы обсудить выгоды кампании такого размаха. Скупой на уточнения османский хронист доводит до нашего сведения, что – важная деталь – решение было принято на основе позиции крымских татар, которые, в противоположность тому, что произошло при Девлет-Гирее, проявляли решимость довести это дело до конца. Османы должны были послать солдат и суда, чтобы обеспечить оборону Крыма в отсутствие хана и мирз; к тому же был бы назначен способный военачальник для сопровождения крымцев к Астрахани[22].

[19] О роли трёх принцев-Гиреев в степной политике того периода см.: A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Ouelquejay. La Moscovie… P. 461 sq.

[20] *DC*, XXVI, fol. 81v., рапорт от 29 сентября 1587.

[21] H.İnalcık. Osmanlı-Rus rekabetinin… S. 367–368; A.Bennigsen. L'expedition… P. 440. Также см. ниже: приказ от 18 октября 1587 г., адресованный ширинскому *бегу*, в котором Порта ясно выражает свое недовольство позицией Девлет-Гирея во время кампании 1569 г.

[22] Selānīkī, *Die Chronik*… S. 230.

Лоренцо Бернардо как всегда великолепно осведомлён о ходе обсуждения на этом совете, детальное описание которого он даёт нам в своем донесении от 29 сентября 1587 г. К собравшимся, согласно сообщению Селяники, лицам он добавляет *нишанджи, реиса эфенди* («il Cancelario Grande»), Хасан пашу, одного *бейлербея* и узбекского и крымского послов.

«Таким образом, по этим причинам по распоряжению этого правителя собрались вместе не только великий паша, но и Коза, нишанджи, великий канцлер Ассан паша, вышеописанные послы, и один бейлербей, очень умный и опытный в местных делах, в саду великого первого визиря над этим каналом, где долго обсуждались эти вопросы, и, насколько я понимаю, решено было отнять у московитов крепость Читракан, поскольку им было бы очень выгодно завладеть ею, и не только по всем вышеописанным причинам, но и для того ещё, чтобы открыть себе самую надёжную и лёгкую дорогу к чрезвычайно важной крепости Демиркапы, взятой этим правителем на границе с грузинами и расположенной над Каспийским морем…».

Байло сообщает нам основную причину османского решения: завоевание Астрахани позволило бы Порте установить свой контроль над Каспийским морем и граничащими с ним районами, а также укрепить свои позиции в Демиркапы и Баку. Таким образом, она получала чёткую стратегическую выгоду в конфликте с Сефевидами. В этих целях совет вновь поставил вопрос о проекте [прорытия] канала Дон – Волга, который бы открыл прямой путь к Каспийскому морю для султанского флота на Чёрном море:

«Между ними был также разговор о том, что нужно вновь попытаться открыть проход от реки Танай до реки Волга в стране татар, подчинённой московитам, что уже пробовали делать во времена султана Селима и чему московиты, из-за большого ущерба, который бы это им нанесло, воспрепятствовали. Если бы это произошло сейчас, туркам стало бы очень удобно и легко вести к границам и в самые отдалённые части Персии не только людей и продовольствие, но и флот, при помощи которого они смогли бы стать хозяевами всего Каспийского моря, которым владеют не только персияне, но и татары, московиты и грузины. Им удалось бы тогда объединить судоходство по этим двум морям, Чёрному и Каспийскому, с огромной пользой для этого города, расположенного над его устьем. Хотя в настоящее время Его Величество [султан. – *Ред.*] обладает двумя очень важными портами на Каспийском море, а именно Баку и Демиркапы, он испытывает большие затруднения в постройке судов в тех местах; а если бы открылся этот путь, они с большим удобством посылали бы столько судов, сколько им надо, строя их в Чёрном море, где им это чрезвычайно удобно, и нагружали бы их провизией всякого вида, которой у них в тех водах огромное изобилие».

Османы уже попытались несколькими годами ранее учредить флот на Каспийском море[23]. *Байло* докладывает, что они построили в Демиркапы девять «fuste di 14 banchi» («14-весельных корабля») и отдали их под командование венецианского ренегата («un nostro veneziano» («нашего венецианца»), отмечает не без чувства некоторой национальной гордости Лоренцо Бернардо); но этой флотилии оказалось недостаточно для проведения важных операций, и она была разоружена. Однако ситуация изменилась бы, отмечает представитель морской республики, если бы был обеспечен свободный доступ к Каспийскому морю:

«…но если в этом море этот правитель сможет поставить столько флота, сколько ему понравится, он получит возможность с лёгкостью сделать много завоеваний, потому что ни татары, ни персияне, чьи границы прилегают к этим морям, не пользуются искусством навигации. Я имею в виду использование компаса и карты; они плавают всего на нескольких лодках вдоль берега (?) с лотом в руке, для удобства перевозки вещей из одного места в другое, и [делают это] таким способом, что этот правитель мог бы стать безраздельным хозяином этого важнейшего моря, охватывающего 3000 миль, без какого-либо затруднения».

На основе свидетельства Лоренцо Бернардо интересы Порты представляются весьма отличными от интересов татар (крымских и ногайских) или узбеков. Османы концентрировали тогда свои усилия ради благоприятного исхода войны против Сефевидов – основной цели Стамбула – и именно в тесной связи с этими намерениями ими рассматривалось и завоевание Астрахани. Ситуация в степях Северного Причерноморья, угроза, представляемая войсками московитов для Большой Ногайской Орды и даже для Крыма, оставались для Порты на втором плане. Также османов практически не интересовало повторное открытие пути, который вёл через Астрахань в Центральную Азию (отрезок знаменитого Шёлкового пути). Ни одна из заинтересованных сторон не говорит о возможности возобновления торгового обмена на этом направлении; узбеки – как мы это увидели – думали лишь о том, чтобы обеспечить безопасный доступ для своих паломников в Мекку. Для Порты связь с Шейбанидами, её естественными союзниками в борьбе против Сефевидов, должна была осуществляться прежде всего через южную часть Каспийского моря: недавние завоевания в Азербайджане и на Кавказе, согласно планам османов, должны были стать отправным пунктом для новых более лёгких побед посредством наступления хана Абдуллы в Хорасане.

Однако Императорский Диван осознавал выгоды от османского водворения в Астрахани, о чем свидетельствует рапорт *байло*. Кроме того, проект похода 1587 г., в сравнении с проектом 1569 г., представлял для Порты двойной интерес в том отношении, что он создавал мощную коалицию, в рамках которой участие войск султана должно было быть ограниченным. Селяники показал, как мы говорили, значимость, которую Совет придавал позиции крымцев; в письме от

[23] См. Kortepeter, *Ottoman imperialism*… P. 74, 91.

29 сентября Лоренцо Бернардо, в свою очередь, подчёркивал этот факт, не забывая и об узбеках (под коими он, вероятно, понимал ногаев Большой Орды, которые должны были действовать на этом же фронте): «...se intende que l'uno et l'altro Tartaro offeriscquo le forze loro solo con il favor et poco agiuto di questa Maesta» («...имеется в виду, что тот и другой татарин предоставят свои силы только с одобрения и при небольшой помощи этого величества»). Ислам-Гирей, однако, сформулировал чёткое требование: четыре или пять османских галер должны были курсировать вдоль берегов Крыма, чтобы оборонять его от набегов казаков[24]. Наконец, в ходе обсуждения советом был принят во внимание такой аргумент субъективного характера (он придавал ещё большее значение присоединению [к османам] сил, обещанных татарами и узбеками), как малопривлекательная оценка [личности], от которой царь Фёдор проигрывал в глазах османских представителей власти:

«И хотя в прошлый раз, когда турки попытались это сделать, они были остановлены московитами, сейчас они надеялись, что содействие и сила этих двух весьма могущественных татарских правителей, которым тогда не удалось осуществить своего намерения, [им помогут], тем более что, насколько им известно, нынешний великий князь московский невеликого ума и небольших достоинств».

Все эти вместе взятые факторы повлияли на решение Императорского Дивана; утверждаемое султаном, оно получило его одобрение. Вследствие этого 2 000 янычар получили приказ готовиться к походу. *Капудан-паша* должен был вооружить галеры, необходимые для их перевозки и обороны крымских берегов. Чтобы ни о чём не забыть, Мурад III потребовал найти и изучить все бумаги, относящиеся к кампании 1569 г. Описывая эти события, Лоренцо Бернардо, опытный дипломат, высказывает некоторые сомнения в том, что касается решимости Порты ввязаться в это дело. Речь могла, по его мнению, идти о простых манёврах, имеющих целью либо ускорить мирные переговоры с Сефевидами, либо оказать давление на царя с тем, чтобы он отказался от всех посягательств на Польшу, трон которой остался незанятым после смерти Стефана Батория[25]:

«Хочу ещё раз сказать Вам, что турки, возможно из-за надежды на мир в Персии, хотя и значительно уменьшившейся за последние дни, и из-за опасения, что кого-нибудь из московитов выберут королём Польши, могли нарочно вызвать эти волнения, и если бы надежды на мир оказались напрасными, как

[24] «Ma in particolar il tartaro di Caffa dimanda quatro cinque galee accio che partendosi lui per questo effetto siano custodite le sue marine dalli Cosachi che ordinariamente l'infestano»; позже мы вернёмся к вопросу о росте числа набегов запорожских казаков в эту эпоху.

[25] Эта же идея была высказана историками Нового времени. Так, С.М.Соловьёв считает, что речь скорее шла о манёврах Порты в целях поддержки Крымского ханства против Московии, чем о реальных планах (Соловьёв С.М. История России [с древнейших времен.] М., 1960, IV, с. 259–260).

полагают, и если правда, что 12 числа прошлого месяца (?) поляками был выбран королём принц шведский, как через Богданию[26] здесь это поняли, и как Ваша Светлость через Вену должна была удостовериться, все эти планы, возможно, были бы оставлены…».

Однако *байло* был вынужден признать, что решение Порты, по всей видимости, было одобрено [султаном], так как подготовительные работы шли своим чередом: *капудан-паша* уже занимался погрузкой провизии на суда. Таким образом, заключал Лоренцо Бернардо, кампания могла проводиться даже зимой, так как путь ещё более облегчался из-за замерзания рек[27].

Османская эскадра была готова лишь в начале ноября. 14 октября *байло* думал, что четыре предназначенные для похода галеры уже не смогут выйти в море в это время года[28]. Двумя неделями позже он выражал те же сомнения и показывал несостоятельность имперского арсенала:

«С четырьмя галерами, которые должны пойти в Чёрное море, чтобы доставить янычар и другие грузы, предоставленные этим правителем татарам для похода на Астрахань, возникает много трудностей в отправке – или из-за малого послушания, или же из-за других недостатков, имеющихся в этом Арсенале, и это порождает сомнения, что они или не пойдут, или, выйдя слишком поздно, подвергнутся большому риску, плавая зимой в этом море, которое носит имя «чёрного» из-за многих кораблекрушений, которые в нём случаются в это время»[29].

Тем временем Порта приняла новые меры для обеспечения успеха кампании. Османские власти Кафы получили приказ заготовить древесину для постройки 40 лодок (piccoli vasselli) и 12 транспортных судов (mahone), предназначенных для переброски войск, которые будут осаждать Астрахань[30]. Необходимые для их постройки железные составляющие были погружены на галеры в Стамбуле. Как и в 1569 г., предусматривалось, что эти материалы будут перевезены на повозках до Волги и там собраны. Но по этому вопросу мнения разделились; из-за опасений, что этой операции может помешать атака московитов или донских казаков, некоторые предлагали спустить эти суда на воду в Демиркапы[31].

[26] Богдан – османское название Молдавии. – *И.З.*

[27] Донесение от 29 сентября полностью посвящено астраханскому делу (*DC*, XXVI, fol. 81v.–84r.). Мы постарались вкратце воспроизвести его основное содержание.

[28] *DC*, XXVI, fol. 154v.: «Si preparano anco le 4 galee destinate per mar Negro seben si crede che per esser il tempo molto avanti pericolosisimo per navigar in quei mari si potria differir la loro partita...».

[29] *DC*, XXVI, fol. 177v. (донесение от 28 октября 1587 г.).

[30] Донесение от 14 октября 1587 (*DC*, XXVI, fol. 154v.).

[31] Донесение от 28 октября 1587 (*DC*, XXVI, fol. 178r.-v.): «....gia è stata caricata molta ferramenta sopra queste galee per la fabrica delli vasselli, che disegnano diadoperar per la espugnation di esso [Astrakhan]. Li legnami delli quali tagliarano et lavorerano à Caffa, et con li carri disegnano condurli al fiume Volga per metterli insieme in quel loco, et servirsi di essi

Заботы Порты не ограничивались, впрочем, только материальными аспектами кампании. Это подтверждают документы, исходящие от Императорского Дивана. Рассматривалась также дипломатическая подготовка операции. 18 октября *чавуш* Юсуф получил приказ для ширинского бея, «который являлся главой татарских эмиров». Этот выбор знаменателен для османской политики в отношении Крыма: осознавая роль глав татарских кланов, Порта обращается за поддержкой к самому могущественному среди них. Речь шла не о недоверии к Ислам-Гирею, а о реальном понимании соотношения сил между слабым ханом и крымской клановой аристократией[32].

«Приказ бегу Ширинов, являющемуся главой татарских эмиров: ранее, во времена покойного [султана Селима II][33] – да пребудет с ним Божья благодать, да отпустятся ему все грехи и да благоухает земля его могилы – предполагалось завоевать и подчинить Астрахань, и вследствие этого бывшему хану Девлет-Гирею было дано достаточное количество победоносных воинов. Но, когда было подготовлено всё оружие и материалы, необходимые для этой кампании, и когда они были посланы для завоевания, воля вышеозначенного хана воспротивилась этому завоеванию. Он пренебрёг тем, что его касалось, он увёл воинов ислама с прямого пути, увлёк их на труднопроходимые дороги, то есть он по своей небрежности и промедлению провалил дело. [Однако в настоящий момент] прибыл посол узбекского хана Абдуллы, с письмом от его Высочайшей милости пристанища высшего счастья, чтобы обеспечить завоевание и освобождение Астрахани. С другой стороны, его Милость пристанище Эмирата [хан], доказав свою абсолютную преданность и верность, а также крайнюю прямоту и искренность по отношению к Порогу – острову высшего блаженства, «подобрал полы своих одежд» и, сознавая сокровище блаженства, которую он обеспечивает себе, предпринимая все усилия на службе, в которой приказывает ему моя Милость, пристанище славы, он дал знать, что он с готовностью ждал издания приказа [«императорского» или «которому повинуется мир» (неразборчиво). – *Примеч. авт. статьи*]. Со своей стороны, я полностью уверен, что вышеозначенный хан действительно предпримет, со всей искренностью своей души и

per traghettar genti in quella fortezza posta in isola sopra la bocca di esso fiume nel mar Caspio. Seben vien raccordato da altri, che piu presto et sicuro consiglio saria fabricar essi vasselli à Demircapi fortezza di questo Signor in Giorgiani sopra l'istesso mare poco discostos d'Astracan dove piu sicuramente sariano condoti per mare alla bocca del detto fiume, senza poter esser impediti da Rossi ne da Moscoviti, li quali per la via di terra facilmente si opponerano alla condota de carri». В той же депеше байло сообщал об отъезде посла хана Абдуллы с обещанием султана «оказать содействие во взятии Астрахани».

[32] Об отношениях между ханом и крымскими кланами см. A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Quelquejay. La Moscovie…; A.Bennigsen e.a. *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapi*. P., 1978. P. 10–13; B. Forbes Manz. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // *Harvard Ukrainian Studies*, II, 3, 1978. P. 281–309.

[33] В ориг. документа оставлен пробел для имени. – *И.М.*

сердца, усилия в службе, которая представляется на моём августейшем пути, и что он не вернётся на свои позиции; кроме того, важно и необходимо, чтобы и ты, достойный человек, предводитель татарских эмиров, также участвовал в победоносной кампании, и чтобы в единении сердца и намерений, которым правит полнейшее взаимопонимание, вы [оба] исполнили службу, требуемую верой и моим государством. Вследствие этого тебе нужно будет договориться с вышеозначенным ханом Ислам-Гиреем – да продлится вечно его величие! – а …[34], один из *чавушей* моего Высокого Порога был послан, чтобы ты сообщил моей Порте о ваших распоряжениях в целях осуществления [этого предприятия]. [Предыдущий пассаж вызывает некоторые сомнения, так как его текст сильно стёрт. – *Примеч. авт. статьи*]. Как только прибудет [этот приказ], ты, в соответствии с обилием храбрости и доблести в избытке прозорливости и мудрости, свойственным твоей природе и твоему характеру в данном случае, передашь его для вышеозначенного хана, – да продлится вечно его величие! – ты также договоришься со способными, благочестивыми, опытными, беспристрастными и хорошо осведомленными о положении и условиях тамошних земель людьми о необходимых действиях и, с помощью истинного Бога – да будет Он прославлен и превознесён! – ты в точности сделаешь всё возможное для свершения моих сулящих успех начинаний. Благодаря явному пристрастию к вере, можно будет таким образом отомстить проклятым врагам, которые сгорят в аду; вы абсолютно ничего не оставите в неуверенности и сомнении; вы сделаете правдивый доклад моему Блистательному Порогу о том, что воспоследовало из уместных суждений и [достойных] намерений вышеозначенного хана – да продлится вечно его возвышение! – так, чтобы впоследствии не обнаружилось ничего из того, откуда можно было бы вывести предлог или оправдание. Раньше, когда Демиркапы и край Ширван не были ещё присоединены к моим защищённым владениям, но когда на них были виды и когда, кроме того, представлялись возможности для их завоевания и подчинения, они не дали результата по причине небрежности вышеозначенного хана. Но в настоящий момент, ввиду того, что эти земли были завоёваны, дело, если оно угодно Богу – да будет Он превознесён! – стало более лёгким. Отныне и впредь ты без промедления договоришься с ханом и предпримешь все усилия в делах в интересах веры и моего государства, а также чести и достоинства моего султаната»[35].

К сожалению, мы не обнаружили в османских архивах следов ответа ширинского бея, ни последующей корреспонденции по этому вопросу с ханом Ислам-Гиреем. Однако, по всей видимости, как следует из посланий, адресованных ногаям Большой Орды и Пияле-паше, назначенному командующим османским корпусом, у султана уже была уверенность в крымском участии.

[34] В ориг. документа оставлен пробел для имени. – *И.М.*

[35] *MD*, LXII, док. 226. Передан чавушу Юсуфу 16 *зулькаада* 995 (18 октября 1587) г. [См. новую публикацию этого документа: ДИВУР. С. 226–232. – *И.М.*].

Второй дипломатический шаг был предпринят Портой в отношении ногаев Большой Орды. 24 октября письма подобного содержания были доверены *чавушу* Сулейману, который должен был передать их князю Урусу, а также 12 мирзам[36]. Османы были, по всей видимости, в курсе, что антимосковская политика Уруса не получала единодушного одобрения ногайских глав. Инициатива кампании приписывалась одному Абдулле-хану, и Порта отвечала именно на его запрос. Ногаи Большой Орды были поставлены перед свершившимся фактом: либо они принимали участие в этом походе, который представлялся делом решённым и уже планомерно осуществлявшимся, либо подразумевалось, что они становятся врагами ислама и Османской империи:

«Гордость великих и благородных, средоточие похвальных и славных деяний, Рус (=Урус) *бег* мирза, один из мирз страны Больших Ногаев, – да будет вечной слава его! – как только он получит благородный августейший знак, должен знать следующее. Письмо, доставленное доверенным послом от лица его Величественной милости высокопоставленного Абдулла-хана, в настоящее время являющегося ханом Бухары – да продлится вечно его величие! – достигло нашего Блистательного Порога – пристанища мира и нашей Высокой Порты – очага блаженства, прибежища достославных султанов, милостивых монархов. Оно сообщает о том, что касается кампании против Астрахани. Учитывая, что для этого он [Абдулла-хан] просит помощи и участия нашего Блистательного Порога, то, если это угодно Богу – да будет Он превознесён! – весной, отмеченной счастливыми предзнаменованиями, мы обратимся к милости Истинного Бога – да будет Он превознесён и прославлен! – и возьмём в заступники чудеса моего Повелителя, сеида творений – да пребудет с ним наилучшее из благословений! – и его Милость, пристанище Эмирата, крымского хана. Хан Ислам-Гирей – да продлится вечно его величие! – лично [примет участие] в завоевании Астрахани; а с другой стороны, вернувшийся из Бухары эмир из славных эмиров Пияле, – да продлится вечно его благоденствие! – был назначен командующим победоносными войсками (*сердар*), которые должны быть отправлены от моего Порога Счастья, а провизия, как и пушки, аркебузы и другое вооружение и материалы, готовятся к доставке. Учитывая, что весьма важно и необходимо, чтобы Вы сами также участвовали в этой победоносной кампании, [к вам] был послан один из *чавушей* моего Блистательного Порога, *чавуш* Сулейман – да возрастёт его значимость! Я приказал, чтобы, как только он приедет с моим священным приказом, в соответствии с обилием храбрости и доблести и избытком

[36] Нам удалось идентифицировать девятерых из его адресатов благодаря труду Новосельского «Борьба…», содержащему в приложении таблицу: Сеид-Ахмед-мирза, сын Мухаммеда, брата Уруса, который занимал место нуреддина; Сати-мирза, Джан-Арслан-мирза и Кан-мирза, все трое – сыновья князя [Уруса]; Иштерек-мирза, Дин-Мухаммед-мирза, Кучук-мирза, Ор-Мухаммед-мирза и Бек-Мухаммед-мирза, все пятеро – сыновья Дин-Ахмеда, брата Уруса и бывшего князя Большой [Ногайской] Орды. [Более полную информацию о представителях правящего рода Мангытского юрта (Ногайской орды) см.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. – *Д.М.*]

мудрости и рассуждения, свойственных твоей природе и характеру, с этого момента ты был готов к войне вместе с быстрыми как ветер татарскими войсками, подчиненными твоей власти. И если это [будет] угодно Богу, когда настанет момент [действовать] и когда победоносные войска прибудут на место, чтобы вы пребывали в согласии и взаимопонимании, в едином стремлении сердца и намерений [с османским *сердаром* и ханом]. И чтобы вы приложили все ваши старания и обилие усилий для завоевания означенной крепости в соответствии с необходимостью, а также, чтобы изгнать и одолеть презренных врагов, и чтобы таким образом ты приобрёл все почётные отличия на пути нашей императорской службы.

Точно заверяем, что если это угодно Богу, взамен вышеуказанных услуг, которые вы окажете в этом деле, вы будете выделены и отличены моими различными высочайшими императорскими милостями. И так вы будете пребывать в добром согласии и взаимопонимании, как мы на это надеемся, как с крымским ханом, ханом Ислам-Гиреем, так и с *сердаром* моих победоносных войск Пияле-пашой – да продлится вечно его благоденствие! – и вы предпримете все возможные усилия в свершении этого дела. Кроме того, подробно опишите, какие меры были приняты по этому поводу, что надлежит сделать и представите это донесение нашему Высокому Порогу через моего вышеозначенного *чавуша*»[37].

Порта рассматривала участие ногаев Большой Орды как очень важное для успеха планируемого похода. Пияле-паша, назначенный главнокомандующим, без сомнения, благодаря личным связям, которые он поддерживал с узбеками и ногаями, получил строгое распоряжение заниматься ими. Он должен был установить тесные отношения с бегом Урусом и другими мирзами, иметь информацию обо всём, что их касается, наконец, убедить их в неизбежности кампании и в выгодах, которые они могли бы извлечь из османского утверждения в Астрахани – в выгодах, которые, не без некоторой самонадеянности, Порта считала очевидными. Приказ о назначении Пияле-паши, также изданный Императорским Диваном 24 октября, предоставляет нам одновременно наилучшее доказательство того, что на этот момент решение султана предпринять поход следующей весной уже не могло быть изменено. Наряду с отрядом янычар, артиллерией, осадным снаряжением и транспортными средствами к Пияле-паше приписывалось определённое число *санджакбеев* с их людьми. Оставалось только определить четкие функции этих войск, а также точную дату начала кампании. Цель этого похода была выражена в короткой, но ёмкой формулировке: завоевание Астрахани «полностью отвечало достоинству и интересам религии и государства», так как речь шла – согласно единственному выдвинутому мотиву операции – о том, чтобы освободить мусульман от господства московитов. Вот полный текст этого важного документа:

[37] *MD*, LXII, док. 231 от 22 *зулькаада* 995 (24 октября 1587) г. [См. новую публикацию этого документа: ДИВУР. С. 233–240. – *И.М.*].

«Приказ Пияле-паше, ранее являвшемуся бейлербеем Шеки[38]: в настоящее время через уполномоченных и достойных доверия послов, от лица его высокой милости, пристанища Эмирата, *хакима* Бухары, Абдуллы хана – да продлится вечно его величие! – и от *хакима* ногаев, бега Уруса пришли письма. Из этих писем следует, что неверные Астрахани наносят урон мусульманам, и что достоинству и интересам религии и государства полностью отвечает завоевание и подчинение этой местности. Вследствие того, что в завоевании и подчинении крепости Астрахань, уничтожении и истреблении находящихся там мятежных неверных надлежит и приличествует принять моё высокое императорское участие, [это есть] дело несомненное и решенное. Если будет угодно Богу – да будет Он превознесён! – моя победоносная кампания выпадет на весну, отмеченную счастливыми предзнаменованиями, и будет полностью препоручена воле Бога – да будет Он превознесён! С настоящего [же] момента приступай к сбору материалов, снаряжения, оружия и вооружения, а также всего, что необходимо и важно; моё августейшее письмо было послано Его Милости, пристанищу Эмирата, Ислам-Гирею хану – да продлится вечно его возвышение! – чтобы он также принял в этом участие. С другой стороны, учитывая полное императорское доверие, которое я испытываю к сокровищнице мужества и доблести, к великолепной мудрости и прозорливости, свойственным твоему характеру и твоей природе, я назначил тебя *сердаром* (генералиссимусом) и *сипахсаларом* (главнокомандующим) моих победоносных войск, которые будут определены и посланы от моего Порога Счастья, как военачальники *(ümerā)*, так и заимы *(zu'ama)*[39] и тимариоты[40], отряды слуг моей Порты *(qapum qullari)* и янычары. От тебя требуется с настоящего же момента обеспечить себе провизию и необходимые материалы и держать всех людей в состоянии готовности к войне до тех пор, пока не будет назначена, если это будет угодно Богу, дата проведения кампании. И я повелел, чтобы, как только [этот приказ] прибудет, ты принял надлежащие меры с исключительным вниманием, чтобы ты обеспечил сбор и поставку материалов, необходимых для вышеозначенной кампании; чтобы ты собрал много сведений о состоянии и особенностях ногайских земель, чтобы ты завязал узы доброй и искренней дружбы с ханом, мирзами и другими ногайскими воинами; чтобы ты им послал сведения через твоих достойных доверия людей и чтобы ты их уведомил и известил, что победоносная кампания назначена на эту весну, чтобы они считали решённым делом наше

[38] Шеки становится *бейлербейством* в 1583 г., но в 1585 г. столица этой провинции была перенесена в Эреш, см.: M.F.Kırzıoğlu. *Osmanlılar'ın Kafkas-elleri'ni fethi (1451–1590)*. Ankara, 1976. S. 304. Пияле-паша, который во время кампании 1579 г. был *санджакбеем* Диярбекира (см.: *MD*, XXXVIII, док. 99), занимал, по всей видимости, этот пост в период между этими двумя датами. Напомним, что Лоренцо Бернардо представлял его в 1587 г. как *бея* Демиркапы – с 1583 г. являвшегося также центром одного из *бейлербейств*.

[39] Заим – держатель зеамета. – *И.М.*

[40] Тимариот – держатель тимара. – *И.М.*

намерение завоевать и подчинить, если это [будет] угодно Богу – да будет Он превознесён! – крепость Астрахань, отмеченную знаком поражения, так, как было описано ранее. И чтобы как вышеозначенный ногайский хан, так и другие победоносные войска сделали всё, что в их силах на пути Сеида Пророков истинной веры, и чтобы они устранили и искоренили злодеяния и вредительство, которые терпят мусульмане от презренных неверных – да пребудут они в аду! – чтобы таким образом те земли, подобно области Ширван, вошли в состав наших Богохранимых владений, а правоверные, пребывая в райском благоденствии и мире, могли предаваться своим делам и занятиям и наслаждаться благоденствием, со всей искренностью молясь за вечное продление нашей жизни и нашего правления. Так написан приказ»[41].

11 ноября 1587 г. Лоренцо Бернардо сообщал Сеньории об отправлении из Стамбула трёх галер, предназначенных для похода; от четвёртой пришлось отказаться из-за нехватки рабов для гребли. Благоприятная погода, отмечает *байло*, без сомнения позволила судам достичь цели путешествия. Янычары (но весьма мало вероятно, что предусмотренным 2000 нашлось место на трёх галерах), материалы и провизия были, таким образом, выгружены в Кафе: «Le tre galee per Mare Negro sono finalmente partite, non havendo potuto andar la quarta galea al viaggio per mancamento di schiavi, li quali per li buoni tempi che hanno regnato sariano presto gionti al Caffa con li Giannizzari et altre provisioni promesse à Tartari per la impressa di Astracan» («Три галеры наконец направились в Черное море (при том, что четвертая галера не смогла отправиться в путь из-за нехватки рабов); они по причине стоявшей там хорошей погоды быстро достигли бы Кафы с янычарами и другими припасами, обещанными татарам для Астраханской кампании»)[42]. С османской стороны Астраханская операция была начата.

* * *

Московиты были в курсе османских планов уже с конца 1587 г. Благодаря сведениям, доходящим из Крыма, в Москве знали, что готовится кампания по завоеванию Астрахани под руководством Пияле-паши. Там также знали, что в связи с этим предприятием в Кафе было выгружено большое количество пороха и свинца и что к бегу Урусу был направлен *чавуш* с тем, чтобы тот «присягнул» султану. Ситуацию сочли тревожной и вследствие этого был принят ряд мер: по тревоге был поднят астраханский гарнизон, в частности, воины Мурад-Гирея, отряд войск был послан на Дон, двое командующих стрельцами, Хрущёв и Лихачёв, были посланы к запорожским казакам с целью склонить их к нападению на Крым и на османские владения[43]. Наконец, была предпринята попытка дипломатического шага в сторону

[41] *MD*, LXII, док. 233 от 22 *зулькаада* 995 (24 октября 1587) г. [См. новую публикацию этого документа: ДИВУР. С. 241–247. – *И.М.*].

[42] *DC*, XXVI, fol. 195r.

[43] См. цитаты из русских архивных документов в работе: Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 267.

Крыма. Посланник царя должен был предложить Ислам-Гирею приостановку любых агрессивных действий Саадет-Гирея и Мурад-Гирея, если хану удастся убедить султана отказаться от кампании против Астрахани[44].

Решение Москвы обратиться к запорожским казакам было очень разумным. Последние уже представляли постоянную угрозу для османских провинций на севере Чёрного моря и в низовьях Дуная. Летом 1587 г. они внезапно напали и разорили последовательно Бендер (Бендеры), Озю (Очаков), окрестности Аккирмана (Белгород-Днестровский) и Кили (Килия), а также молдавский город Хуши. Для борьбы с ними были собраны войска шести *санджаков* (Аккермана, Силистры, Нигболу, Чирмена, Визы и Вульчетрина. Одно подразделение янычар было послано в подкрепление, а воеводы Молдавии и Валахии должны были быть готовы вступить в бой во главе своих солдат. Однако в ноябре около 3000 казаков с 17 пушками (*darbzen*), захваченными во время разграбления Озю и поставленными на повозки, вновь вторглись в Молдавию. Воеводе удалось их отразить, но в это же время они совершали набег на Крым, и, усилившись, продолжили беспокоить османские владения и Молдавию[45].

Имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении сведения не позволяют нам определить, в какой мере операции запорожских казаков в конце 1587 г. и 1588 г. проводились по договорённости с Москвой. Однако, независимо от интересов или их мотивов[46], их роль в отказе [османов и крымцев] от плана взятия Астрахани определённо была решающей. Действия запорожских казаков отвлекли крупные османские силы – единственные имеющиеся силы, которые могли бы составить экспедиционный астраханский отряд – и отвлекли

[44] См.: Соловьёв С.М. История [России с древнейших времен.], IV, с. 259–260.

[45] Источники, касающиеся набегов запорожских казаков в эту эпоху, весьма многочисленны (тема заслуживала бы стать объектом отдельного исследования). Вот наиболее важные из документов о 1587 г.: *MD*, LXII, док-ты (в хронологическом порядке с 18 апреля 1587 г. по 13 февраля 1588 г.): 81, 103 104, 154, 307, 309, 440, 441, 447, 450, 178, 291, 259, 261, 303, 305, 449, 325, 326, 317, 318, 330, 335, 346, 361, 363, 386, 387, 432, 434, 472; *DC*, XXV и XXVI, рапорты Лоренцо Бернардо от 12 мая, 23 и 30 июля, 5 августа, 2 и 29 сентября, 28 октября, 11 ноября, 9 и 23 декабря 1587 г., от 6 января и 23 февраля 1588 г.; *Documente privitoare la istoria românilor culese*, de Eudoxiu de Hurmuzaki (далее – *Hurmuzaki*), XI, Bucarest, 1900, док-ты CLV, CLVIII, CLXIV, CLXVII, CLXVIII (в основном донесения, отправленные из Стамбула между 29 апреля 1587 г. и 18 февраля 1588 г. фон Эйцингом (von Eyzing) и Пецценом (Pezzen), послами императора Рудольфа II); A.Veress. *Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei şi Tării Româneşti*, III, Bucarest, 1931, док-ты 59 – 66 (депеши фон Эйцинга и Пеццена, а также других корреспондентов Габсбургов, с 31 июля по 22 октября 1587 г.) и док-ты 69, 70, 72, 73 (переписка между Портой и воеводой Трансильвании Сигизмундом Баторием с декабря 1587 г. по февраль 1588 г.).

[46] Так, поход казаков на Молдавию в ноябре 1587 г. представляется вызванным эрцгерцогом Максимилианом (См.: *MD*, LXII, док. 362 от 29 *мухаррама* 996 (30 декабря 1587) г.; A.Veress, *Documente privitoare*..., док. 72 от 27 января 1588 г.).

от этой же цели крымские войска. Кроме того, они могли вовлечь Османскую империю в конфликт с Польшей, страной, подданными которой, по крайней мере, теоретически, являлись казаки.

Весной 1588 г. татарская армия под личным руководством хана тронулась к Польше, чтобы отомстить крупным походом за набеги казаков. Но по прибытии в Бендеры в начале апреля Ислам-Гирей внезапно умирает, по всей вероятности, от отравления. Кланы назначили на его место его брата и *калгу* Алп-Гирея, к которому трон отходил по праву. Порта имела собственное мнение: она хотела назначить хана по своему выбору. Как только новость об этом достигла Стамбула, султан назначил другого, более молодого брата умершего хана – Гази-Гирея, и 18 апреля в сопровождении отряда янычар отправил его в Кафу. Нарушая традицию, чингизидскую *тёре*, османы брали на себя риск конфронтации с крымской знатью; были предусмотрены военные меры, а султан обратился напрямую к «главам и знатным людям из татарского народа», чтобы предупредить их оппозицию. В действительности новый хан был принят без сопротивления; низложенный Алп-Гирей в конце мая отбыл в Стамбул[47].

Восхождение на крымский трон Гази-Гирея, энергичного хана и сильной личности, положило конец периоду беспорядка, разлада и гражданской войны, который пережил край после смерти Девлет-Гирея (1577 г.) и особенно после кризиса 1583–1584 гг. Посредством политики амнистий новый хан убедил многих мирз, которые последовали за сыновьями Мухаммеда-Гирея, вернуться в Крым. Ему удалось заключить союз с Сафа-Гиреем, предоставив ему пост нуреддина, и завязать переговоры с Мурад-Гиреем, который по-прежнему находился в Астрахани. В августе 1588 г. султан, до которого дошли известия о мудрых распоряжениях этого принца, разрешил Гази-Гирею предоставить ему [Мурад-Гирею] прощение и покровительство Порты[48]. Наконец, в этот же период значительная часть ногаев Большой Орды пересекла Волгу и обосновалась на равнинах в низовьях Дона под защитой крымского хана. Ими руководили *нуреддин* бея Уруса, Сеид-Ахмед-мирза, с тремя из сыновей князя: Саты, Джан-Арсланом и Кан-мирзой, а также Кучук-мирзой, сыном Дин-Ахмеда. Гази-Гирей писал царю, не без преувеличения, что 100 000 ногаев прибыли для его подкрепления[49]. В этих условиях Московия, у которой сократились возможности давления на Крым, заняла более примирительную позицию. Царь послал Гази-

[47] См.: A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Quelquejay. La Moscovie..., p. 471, 485–487 (полный перевод письма, адресованного «главам и знатным людям из татарского народа») (*MD*, LXII, док. 516 от 15 *джумада II* 996 / 13 мая 1588 г.); C.M.Kortepeter. *Ottoman imperialism*..., p. 101 sq.

[48] Императорское послание Гази-Гирею (*MD*, LXIV, док. 232, без даты, вероятно, от 21 *рамазана* 996 / 15 августа 1588 г.); наиболее существенный отрывок из этого письма был опубликован (см.: A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Quelquejay. La Moscovie..., p. 472).

[49] См. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в [первой половине] XVII века. М.; Л., 1948. С. 36.

Гирею послание, заверяя его, что приказ о широкой кампании, организованной против Ислам-Гирея, был отменён при известии о его восхождении на трон[50].

На первый взгляд, ситуация лета 1588 г. кажется благоприятной для реализации проекта похода против Астрахани. Однако мы не располагаем ни одним указанием, позволяющим утверждать что это предприятие всё ещё планировалось с османской либо крымской стороны. Можно выдвинуть несколько причин для объяснения этого отказа: масштабность атак казаков; конфликт, который противопоставил ногаев Малой и Большой Орды; вступление Шейбанидов в изнурительную войну с Сефевидами, война, которая также продолжалась и с османской стороны.

В течение июля 1588 г. казаки разорили, несмотря на османские части, тринадцать деревень в районе Бендера, и, что ещё важнее, они снова разграбили город Озю. 13 августа, *байло* Джованни Моро докладывал Сеньории об этом последнем событии: «А сейчас пришло новое сообщение, что эти же казаки взяли замок у тех границ, называемый Усия [Озю], который они уже захватывали в прошлом году, но потом оставили, уведя в качестве добычи многие сотни людей и большое число животных, что здесь, конечно, вызвало большое недовольство»[51]. Реакция османов не заставила себя ждать: концентрация войск семи *санджакбеев* (Тырхала, Кёстендиль, Аладжа Хисар, Нигболу, Силистрия, Видин, Аккерман), призыв к воеводам Молдавии и Валахии, отправка пяти галер и письма с угрозами в отношении польского короля[52]. Атаки казаков от этого, однако, не прекратились, и они продолжали мобилизовывать в течение следующих лет значительное число османских войск, а также крымских татар.

Прибытие большого количества ногаев Большой Орды в степи Азака развязало братоубийственную войну с их двоюродными братьями из Малой Орды. Причины этой конфронтации остаются частью весьма неясными: Яхши Саат, хан Малой Орды[53], пытался подчинить (в своих целях или для крымского хана?) мирз Большой Орды. Война закончилась лишь в 1590 г. со смертью обоих князей: этот конфликт, весьма гибельный, разорил оба племенных образования, которые отныне прекратили представлять из себя грозные военные державы[54].

[50] См. Соловьёв С.М. История [России с древнейших времен], IV, с. 260.

[51] *DC*, XXVII, fol. 297v.

[52] *MD*, LXIV, док. 11, 13, 212, 217, 220, 236, 247, 282, 297 (с 4 июля по 8 сентября 1588 г.); *DC*, XXVII, донесения Джованни Моро от 13 августа и 22 сентября 1588 г.; *Hurmuzaki*, p. 701, note 1, док-ты CLXXI, CLXXIII, CLXXIV, CLXXVI (депеши Pezzen с 18 июля по 10 сентября 1588 г.).

[53] Так в оригинале статьи. Правители ногаев не принадлежали к династии Чингизидов, поэтому не могли претендовать на ханский титул. Они титуловались биями (т.е. беками, князьями). – *И.М.*

[54] См. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в [первой половине] XVII века. М.; Л., 1948. С. 36–37.

Весной 1588 г., следуя договорённости с османами, узбеки начали атаку против Сефевидов. Посол хана Абдуллы прибыл в мае месяце в Стамбул, чтобы отчитаться перед Императорским Диваном о многочисленных победах, одержанных в Хорасане и о решении его повелителя захватить всю эту провинцию[55]. Действительно, бои на этом фронте продолжились[56] и сыграли важную роль в развязывании османо-сефевидской войны в 1590 г.[57] Но Абдулла-хан не мог таким образом отправить часть своих сил в далёкий поход на Астрахань.

В свете этих событий следует вывод, что проект кампании по завоеванию Астрахани в 1588 г. был неосуществим. Он был, впрочем, весьма существенным лишь для ногаев Большой орды, которые больше всех потеряли при этом; для других протагонистов он был лишь второстепенным. В 1588 г. ситуация в степях Северного Причерноморья представляла картину, отличную от предыдущего года: вырисовывалось новое равновесие. Крым вновь обрёл свою силу при Гази-Гирее, опасность, которую представляли Мурад-Гирей и Саадет-Гирей, была устранена (эти персонажи исчезнут в 1590–1591 гг.), а московиты будут вынуждены оставить на длительный период идею покорения [Крыма]. Со своей стороны, в 1593 г., после двух неудачных походов против Московии (1591 и 1592 гг.), хан отказался от всех претензий на Казань и Астрахань[58].

Во время пребывания московитского посольства в Стамбуле в 1592 г. султан требовал от царя возвращения Казани и Астрахани[59], но в действительности накануне войны с Габсбургами это являлось лишь одним из ряда притязаний. На самом деле Порта оставила идею о кампании на этом направлении с 1588 г. Об этом свидетельствуют два приказа Императорского Дивана *бейлербею* и *кади* Кафы от 27 сентября. В первом, где даётся отчёт о нехватке оружия и боеприпасов, присланных за год до этого с расчётом на поход, подтверждается, что их уже вернули в Стамбул. Во втором адресатам повелевали начать расследование, чтобы обнаружить и вернуть владельцам свинец с крыш бань, который янычары, в энтузиазме военных приготовлений, сняли, чтобы выплавить пули[60].

Париж

[55] См. донесение Джованни Моро от 18 мая 1588 г., *DC*, XXVII, fol. 109r. и оба императорских приказа о возвращении данного посольства через Демиркапы, *MD*, LXII, док. 572 и 576, без даты, вероятно, от 16 *раджаба* 996 (11 июня 1588) г.

[56] См. Kırzıoğlu, *Osmanlılar'ın*... S. 376, 381–382; *DC*, XXVII, донесения Джованни Моро от 2, 8 и 25 июня 1588 г.

[57] По условиям мира с Сефевидами, заключенного в 1590 г., османы устанавливали свою власть в Закавказье, Ширване и южном Азербайджане. [Османский] галерный флот, базирующийся в Низабаде, осуществлял контроль над Каспийским морем и связь с Шейбанидами (см.: Кушева Е.Н. *Народы*... С. 275; Kırzıoğlu, *Osmanlılar'ın*... S. 375 sq.; C.M.Kortepeter. *Ottoman imperialism*... P. 90–92).

[58] На деле это не совсем так. Подробнее см.: Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. – *И.З.*

[59] См. H.İnalcık. Ottoman-Russian Rivalry..., p. 97.

[60] *MD*, LXIV, док-ты 344 и 345 от 5 *зулькаада* 996 (27 сентября 1588) г.

Шанталь Лемерсье-Келькеже

Походы Девлет-Гирея на Москву в 1571 и 1572 году по документам Османского архива*

Среди множества документов «Мюхимме дефтерлери» («Реестров важных дел»), касающихся Крымского ханства, один представляет исключительный интерес для истории Московии в царствование Ивана Грозного. Речь идет о копии императорского послания (*наме-и хумаюн*), адресованного султаном Селимом II крымскому хану Девлет-Гирею I. Оно датировано 17 джумада I 975 г.х. / 7 октября 1571 г. (в день битвы при Лепанто) и входит в XVI том «Мюхимме дефтерлери» (*хюкюм* № 26). В письме падишаха излагается содержание послания, присланного ему татарским ханом сразу после возвращения из похода в самое сердце России. Этот поход завершился грандиозным пожаром 24 мая 1571 г. в Москве, а хан-чингизид удостоился почетного прозвища *Тахт алган* – «покоритель столицы».

Сдержанно, кратко и точно хан описал переход через Оку, сражение, данное русским войскам, и пожар в Москве, но вместе с тем описание наполнено эпическим вдохновением. В нем нет никаких преувеличений, свойственных данного рода документам – *фетх-наме* («реляциям о победе»). Цифра 30 000 всадников и 6 000 аркебузиров, из которых, по словам Девлет-Гирея, состояла московская армия, подтверждается русскими источниками. Имя главнокомандующего, князя Ивана Дмитриевича Бельского, упоминается в лаконичном заключении («все они погибли, сгорев в огне»), что соответствует действительности. С.М.Соловьев (История России. М., 1960. Т. III. С. 607 [М., 1989. Кн. III. Т. 6. С. 588. – *Д.М.*]) приводит подсчеты иностранных путешественников, по мнению которых в той бойне погибло 800 000 человек, и отмечает, что если даже допустить неизбежность преувеличений, количество погибших должно было быть огромным.

Хотя послание хана и не привносит ничего нового в историю событий, но оно представляет отношения между Османской империей и Крымским ханством все же в новом свете. Действительно, несмотря на адресованные «мусульманским войскам» поздравления (впрочем, весьма умеренные) и ни к чему не обязывающее пожелание увидеть «врагов веры побежденными и разгромленными», ни один элемент ответа османского падишаха не дает оснований для подтверждения столь часто защищаемого российскими историками тезиса о том, что большой татарский поход весной 1571 г. был частью общего наступления на

* *Lemercier-Quelquejay Ch. Les expéditions de Devlet Girây contre Moscou en 1571 et 1572, d'après les documents des Archives Ottomanes // CMRS. T. 13 (1972). № 4. P. 555–559.*

Москву, предпринятого Высокой Портой для отвоевания бывших чингизидских юртов – Казани и Астрахани – и восстановления господства ислама на Волге. Тон письма османского султана скорее подтверждает мнение А.А.Новосельского, который полагает, что «крымцы считали себя [в 1571 г.] предводителями всех татарских *улусов*» [В оригинале цитата такова: «крымцы чувствовали себя как бы руководителями всех татарских улусов» – *Д.М.*][1].

В тот же день, 7 октября 1571 г., Селим II направил послание царю Ивану IV, содержание которого свидетельствует, что позиции Османской Порты и татарского ханства в отношении Казани и Астрахани существенно различались. В то время как хан, кажется, хотел присовокупить к своим владениям весь бывший *улус* Бату, включая Казань и Астрахань, Порта была озабочена лишь открытием большого торгового и военного пути, который соединял бы ее владения на Черном море со Средней Азией, ключом к которому была Астрахань. «Крепости Эждерхан (Астрахань) и Казань, – писал Селим II царю, – будучи с давних времен местами обитания приверженцев ислама, по нашему мнению, должны вновь стать местопребыванием мусульман. Крепость Эждерхан должна быть передана нашей Высокой Порте, а крепость Казань должна принадлежать Его эмирскому высочеству владетелю провинции [Крым] Девлет-Гирей-хану, являющемуся верным и преданным другом нашего благословенного престола»[2].

Переговоры между Москвой и Крымом ни к чему не привели, и тогда весной 1572 г. хан отправился во второй большой поход на Москву. Прежде чем покинуть Крым, вероятно в марте 1572 г., он обратился к Османской Порте с посланием, содержание которого нам известно из ответа Селима II[3]. Девлет-Гирей сообщал падишаху о своем намерении идти на Казань и Астрахань и просил позволения задержать в Крыму московского посла (Андрея Кузьминского).

Ответ Селима II хану, полный перевод которого мы приводим ниже, был составлен в тот момент, когда войска татар покинули Крым, то есть примерно в апреле-мае 1572 г. Он не позволяет судить о наличии совместного татаро-турецкого плана по отвоеванию Казани и Астрахани. Однако тон письма падишаха очень отличается от тона августейшего послания от 7 октября 1571 г. На этот

[1] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в [первой половине] XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 27.

[2] Турецкая копия данного письма находится в XVI томе «Мюхимме дефтерлери», *хюкюм* № 3. Перевод его на французский язык приведен в статье А.Беннигсена «Турецкий поход на Астрахань в 1569 году по данным «Реестра важных дел» Османского архива», (CMRS, VIII, 3, 1967. P. 443). Русский перевод имеется в посольских книгах. [Последнюю публикацию этого документа и сведения о других публикациях см.: ДИВУР. С. 196–204. – *И.М.*]

[3] «Мюхимме дефтерлери», XIX, *хюкюм* № 387. Послание не датировано, предположительно, оно было написано весной 1572 г. [Составителями сборника «Казань в османских документах» это послание предположительно датировано 27 сафара 980 / 9 июля 1572 г. См.: Osmanlı Belgelerinde Kazan. Ankara, 2005. S. 11. – *И.М.*].

раз, будучи уверенным в успехе кампании, падишах занимает позицию сюзерена хана-чингизида и, кажется, берет на себя в какой-то мере ответственность за священную войну против «проклятых московитов» во имя «страны» (*mülk*) и мусульманской «нации» (*millet*).

Этот запоздалый выбор позиции был однако абсолютно безрезультатным, так как второй поход Девлет-Гирея закончился поражением татар на берегах реки Лопасня между Окой и Москвой в августе 1572 г. Возможность восстановить власть дома Чингиза в Казани и Астрахани исчезла навсегда.

Париж, сентябрь 1972 г.

I

[Послание османского падишаха Селима II крымскому хану Девлет-Гирею I с поздравлением его по случаю удачного похода на Московское государство.]

17 джумада I 979 г. х. = 7 октября 1571 г. н.э.

Приказ великого визиря
отослать нижеследующее письмо хану Девлет-Гирею

Хан Девлет-Гирей прислал к нашему Блистательному Порогу – пристанищу мира, и нашей Высокой Порте письмо, в котором сообщает, что, надеясь на милость Всевышнего Аллаха, он предпринял блестящую кампанию священной войны *(ġazā)* против страны проклятых московитов. Войска, которые исповедуют единство Аллаха *(muvahhidīn)*, подожгли и разрушили все поселения (которые находятся на их пути) до реки Ока и предали мечу или пленили всех мужчин в [их] гарнизонах (?); затем, перебравшись через эту реку, они проникли в Московию.

Узнав, что они [московиты] имели намерение сопротивляться и сражаться, [татарские войска] пошли к столице (*takht*) и они [московиты] не смогли оказать сопротивление на подступах к столице. Там московиты укрепились. У них было 30 000 отборных всадников, 6 000 аркебузиров (*tüfenk-endāz*) и большое количество *badloška* [или *pavloška / puška* – пушка ?] и пушек (*darb*).

Их войсками командовали три предводителя (*bey*), подчинявшиеся верховной власти *визиря*, которого звали Бельский. Они расположились укрепленным лагерем (*tabor*) и дали бой.

[Вы написали, что] один из Ваших сыновей, Мухаммед-Гирей, шел во главе правого крыла, а другой Ваш сын, Адиль-Гирей, шел во главе левого крыла. Войска под их командованием заняли позиции в битве в том порядке, как им было предписано сражением. Тогда мусульманские войска атаковали. Была великая битва и яростная схватка. Нечестивцы не смогли выдержать удар. Они отступили и побежали к своему *табору*. Воины ислама прорвались в *табор* за

врагами. Очень немногие неверные оттуда смогли спастись. Затем враги укрылись во внутренней цитадели *(ič hisārï)*. Тогда ее подожгли, и огонь достиг Пороховой башни *(bārūt qal'esi)* и оттуда – внутренней цитадели. Вся казна, мужчины и женщины, так же как и проклятый и нечестивый *(bi-dīn)* главнокомандующий, все они погибли, сгорев в огне.

Затем Вы позволили войскам свободно разойтись. Страна *(vilāyet)* на протяжении восемнадцати дней подвергалась разорению и разграблению. Потом Вы с добычей вернулись к границе.

Ныне Вы направили посланника и требуете [возвратить] Хаджи-Тархан (Астрахань) и Казань. Они [московиты] встретили посланника со всеми почестями, которые ему были положены. Он [государь Московии], со своей стороны, направил [к Вам] посланника с письмом. В этом письме он сообщал, что согласен уступить (*verilmek*) [Астрахань] при условии, что к нему пришлют людей, наделенных всеми полномочиями [для переговоров] и которым он будет полностью доверять. Таким образом, [московитский] посланник был отправлен [обратно] в сопровождении сына Сулейман-Шаха (*Süleymān Šāh*) Мурада мирзы (*Murād mīrzā*), облеченного миссией посла.

[Это] и все остальное из того, что изложено [Вами] относительно данного вопроса, было подробным образом доложено и представлено к подножию нашего счастливого императорского престола, [после чего] было объято и охвачено нашим благородным миробъемлющим падишахским познанием.

Ныне Ваша замечательная предусмотрительность и рвение в проведении газавата и джихада в отношении презренных неверных оказались в высшей степени достойными. Хвала Всевышнему Аллаху, предопределившему и даровавшему эту блестящую победу. Возлагаем надежду на то, что мусульманские войска и армии единобожников не перестанут одерживать победы и триумфы, а враги правой веры всегда будут побеждаемы и одолеваемы[4].

Что касается вопросов посылки из Польши (*vilāyet-i Leyh*) согласно старинному обычаю дани (*virgü*) за три года, возвращения овец и крупного рогатого скота (*qoyun ve ṭavar*), похищенных из Вашей провинции и страны, их владельцам, то об этом жестко сказано в нашем августейшем послании королю, которое направлено Вам. Ранее [нами] также было написано и отправлено [Вам для передачи королю] послание, [в котором говорилось] только относительно [необходимости возвращения] овец. Предыдущее послание оставьте [у себя, ибо] для передачи [королю Вам] направлено ныне составленное императорское послание. Необходимо, чтобы по его получении Вы отправили это наше августейшее послание вышеупомянутому королю, а также, в соответствии со свойственной Вам преданностью и приверженностью к нашему счастливому Порогу,

[4] Следующая далее часть документа в публикации Ш.Лемерсье-Келькеже пропущена. Перевод осуществлен нами. – *И.М.*

не оставляли [нас] без уведомления и изложения предметов, извещение и объявление которых является необходимым и важным.

BOA, Mühimme Defteri № 16, hüküm 26[5]

II

[Послание османского падишаха Селима II крымскому хану Девлет-Гирею I с одобрением готовящегося крымского похода на Московское государство.]

[Не датировано, весна 1572]

Приказано послать нижеследующее письмо его высочеству татарскому хану

Недавно в нашу Высокую Порту – прибежище счастья и наш счастливый Дом[6], убежище и прибежище достославных султанов и государей всех времен, были доставлены ваши письма, изложенные в духе преданности.

В этих письмах Вы нам сообщили, что было собрано большое число воинов, среди них татары, уверенные в победе, и что Вы предполагаете идти на страны Казань и Хаджи-Тархан (Астрахань).

Вы попросили нашего императорского позволения задержать московского посла в крепости Мангуп, либо послать его через Азак (Азов)[7]. Вы сообщаете нам также, что занялись делом короля Польши, что арестовали человека с письмами, назвавшегося московским послом, и что разыскиваете его скрывшегося спутника.

Все, что [Вами] написано относительно вышеизложенного, было подробным образом доложено и представлено к подножию нашего правосудного престола, [после чего] было объято и охвачено нашим благородным миробъемлющим императорским познанием.

С помощью Аллаха нам будет легко наложить руку на всех тех, которые не подчинились со всем послушанием и преданностью нашей вечной верховной власти.

Принимая во внимание, что было решено вести такую великую кампанию, которая увенчается успехом, не следует от нее отказываться. Нужно начать ее с полным препоручением [себя] воле Всевышнего и надеяться на поддержку,

[5] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 189–195. – *И.М.*

[6] Здесь и далее в тексте документа слово «Дом» использовано в значении «династия». – *И.М.*

[7] Мангуп и Азов с середины 1470-х гг. являлись османскими крепостями и подчинялись наместнику Кафы. По-видимому, хан испрашивает султанского указа кафинскому бейлербею о задержании московского посла в Мангупе или направлении его через Азов. – *И.М.*

которая нам снизойдет от сулящих успех и благодеяния чудес Султана Пророков – *да будет над ним лучшее из приветствий!* – и осуществить эту священную войну. Принять в ней участие – священный долг перед верой и державой.

Мы надеемся, что первые шаги будут хорошим и счастливым предзнаменованием и что исход дела увенчается многочисленными победами и завоеваниями. По [Вашем] победоносном, отягощенном трофеями благополучном возвращении, которое состоится, если будет угодно Аллаху, дела, касающиеся этих стран (Казани и Астрахани) будут решены сообразно обстоятельствам и так, как надлежит.

Как только наше сопутствуемое счастьем императорское послание будет Вам доставлено, и как было во все времена, Вы продолжите проявлять дружелюбие и почтение в отношении нашего Порога – оплота справедливости, и нашего Дома, ознаменованного величием. Вы сделаете все возможное для того, чтобы найти и задержать спутника исчезнувшего шпиона.

Когда Вы направитесь в поход, надеясь на милость Аллаха, Вы будете выполнять похвальные и хорошие действия, чтобы расправиться с врагами веры и державы, с помощью Аллаха и согласно традициям отваги и мужества, которые свойственны вашему характеру, предназначенному для священной войны.

Задержите и доставьте вышеназванного посла в указанную крепость [Мангуп. – *И.М.*] до того, как вам удастся вернуться из этого похода, увенчанного победой и богатого добычей. Тогда Вы его отошлёте.

Держите открытыми врата переписки и незамедлительно извещайте нас о результатах ваших побед и завоеваний, которые не замедлят случиться в этой священной войне, итог которой будет триумфальным.

Будем надеяться, что воины веры и державы одержат победу и завоюют славу, а враги страны (*mülk*) и мусульманской общины (*millet*) потерпят поражение и будут истреблены.

BOA, Mühimme Defteri № 19, hüküm 387[8]

[8] Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 205–211. – *И.М.*

Александр Беннигсен
Шанталь Лемерсье-Келькеже

Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг.

Кочевническая традиция против модели оседлых монархий*

Период, охватывающий промежуток времени со смерти в 1577 г. «завоевателя столицы» (*Тахт алган*) великого хана Девлет-Гирея I, в 1571 г. нанесшего Московскому государству одно из наиболее крупных поражений, до восхождения на трон в 1588 г. другого великого татарского правителя – Гази-Гирея II «Бора» («Буря») – является смутным временем кровавых внутренних войн между принцами-чингизидами династии Гиреев. В этих войнах приняли участие все соседи ханства – Османская империя, Московия, сефевидская Персия, ногаи Малой и Большой орд, кумыкское шамхальство в Дагестане, кабардинцы, черкесы Кубани и даже донские казаки.

Эти одиннадцать лет, наполненные войнами между бесславными претендентами, кажется, почти не интересуют историков. Столь же малый интерес они вызывали у историков Крыма. Й. фон Хаммер[1] и В.Д.Смирнов[2] упоминают о них лишь в нескольких словах. Только А.А.Новосельский[3] уделяет им немного внимания, хотя и косвенно, когда он анализирует отношения между Большой Ногайской Ордой и Московией.

На самом деле, в течение именно этого периода, приблизительно соответствующего времени правления султана Мурада III в Турции и царя Федора в Московии, окончательно определяются отношения между крупными государствами, боровшимися за влияние в причерноморских степях. Московия в союзе с сефевидским Ираном пытается в последний раз воплотить мечту Ивана Грозного восстановить с выгодой для себя целостность бывшего *улуса* Батыя, включая Крым, и прорубить «окно к Каспийскому морю». После серьёзного поражения, которое потерпела

---

* *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La Moscovie, L'Empire Ottoman et la crise successoral de 1577–1588 dans le Khanat de Crimée. La tradition nomade contre le modèle des monarchies sédentaires // CMRS. T. 14 (1973). № 4. P. 453–487.*

[1] *Hammer-Purgstall J. Von.* Histoire de l'Empire ottomane. Trad. De l'allemand J.-J.Hellert. P., 1837, VII.

[2] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. [797 с.]

[3] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в [первой половине] XVII веке. М.; Л., 1948. [447 с.]

русская армия на Тереке в 1605 г., Россия забывает об этом примерно на два столетия. Со своей стороны, татарское [=Крымское] ханство отказывается от своих притязаний на золотоордынское наследие и от надежды восстановить чингизидские державы в Казани и Астрахани. Отныне татары будут прилагать усилия на западном направлении, в Венгрии, Польше или на Украине – либо в качестве простого помощника Порты, либо, иногда, в качестве независимой, или даже противостоящей Порте силы (например, при Мухаммед-Гирее III). Наконец, в последние годы XVI в. ногайские орды на Дону и Волге также перестают представлять доминирующую военную силу на юго-востоке России.

Сравнение некоторых документов из Османского архива, в частности, документов из «Реестров важных дел» («Мюхимме дефтерлери») и материалов русских архивов, позволяет лучше понять сложную цепь событий, ускоривших названный процесс. Причины этих событий необходимо искать одновременно как в системе наследования крымских Гиреев, так и в изменениях внешней политики Московского государства в 1584 г., произошедших сразу после смерти Ивана Грозного и завершения Ливонской войны.

Две системы наследования в Крыму

Очень часто исследователи считают, что власть татарских ханов, согласно выражению Смирнова, цитирующего хронику Хезарфенна, «была лишь отражением турецкой власти, временными полномочиями, срок которых зависел лишь от доверия [турецкого] сюзерена своему [татарскому] вассалу, а оно измерялось поспешностью, с которой хан исполнял приказы своего хозяина»[4].

Такая схема полного подчинения может быть применима к ослабленному, переживающему период упадка Крыму XVIII в., где на ханском троне сменилась целая вереница суверенов, один быстрее другого, до окончательного исчезновения государства в 1783 г., но, вне всякого сомнения, не к могущественному государству XVI в., представлявшему собой одну из господствующих держав в Восточной Европе, войска которого приводили в трепет Московию и Польшу, Иран и Священную [Римскую] империю.

Действительно, с момента установления господства Османской Порты в 1475 г. вся история ханства отмечена практически не прекращающимся конфликтом двух факторов, которые В.Д.Смирнов называет «национальным татарским» фактором, направленным на борьбу за сохранение независимости и струк-

---

[4] В оригинале цитата звучит так: «ханская власть в Крыму представлялась только как бы отражением власти турецкого султана, только временным поручением, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику, хотя это благоволение и доверие обуславливались ревностным со стороны хана исполнением обязанностей, сопряженных с его властным положением, и верной службой своему патрону» (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 244–245). – *И.З.*

турной самобытности чингизидского государства, и «внешним турецко-османским» фактором, «который стремился с минимальными усилиями удержать господство над Крымом с тем, чтобы использовать это в своих собственных целях»[5].

Ни в одной другой области этот конфликт не проявлялся с большей яркостью, как в сфере наследования ханской власти. Здесь сталкивались две концепции – с одной стороны, традиция всех оседлых государств, включая Османскую империю, согласно которой старший сын наследовал власть своего отца, с другой – монгольское право, знаменитая чингизидская *торе* (*торе-и чингизийе*), согласно которой право наследования принадлежало старейшему представителю клана Гиреев, т.е. фактически самому старшему из братьев умершего хана. Титул *калга* (первый «дофин» [=принц-престолонаследник] и, в принципе, наследник суверена) должен был переходить ко второму из братьев и (начиная с 1583 г.), титул *нуреддин* (второй «дофин»)[6] – к следующему брату.

Такова была теория, и В.Д.Смирнов, апологет политики русского завоевания, желая доказать, что Османская империя была основным, если не единственным виновником многочисленных «недоразумений» между Крымом и Московией, а также окончательного исчезновения ханства, по этому поводу пишет: «Обычное татарское право (наследование по старшинству) могло и должно было ограничить произвол османских деспотов [...], вмешательства которых парализовали нормальный уклад жизни татарского юрта и препятствовали формированию хорошо организованного государства [...], которое могло бы позволить татарам отойти от полудикого варварства и следовать жизненному укладу других цивилизованных народов»[7].

---

[5] *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 307 [«Политическая история Крымского ханства со времени утверждения над ними верховенства Отоманской Порты складывалась и протекала при постоянном действии двух начал – местного, национально-татарского, стремившегося к полной самостоятельности и самобытности, и внешнего, постороннего, турецко-османского, старавшегося с возможно меньшими для себя хлопотами и затруднениями сохранить за собой верховенство над Крымом в чисто политических видах международного свойства» (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 245). – *И.З.*].

[6] О титуле *нурадин* подробнее см.: *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. – *И.З.*

[7] Там же. С. 310. [«У татар существовало какое-то обычное право, которое могло и долженствовало ограничивать произвол османских деспотов и их могущественных клевретов, парализовавших своим вмешательством самобытный склад и ход жизни крымского юрта, и мешавший образованию в нем правильно организованного государства, население которого могло бы при дальнейших благоприятных исторических обстоятельствах постепенно выйти из прежнего полудикого, варварского состояния и повести жизнь, свойственную прочим культурным народам» (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 247). – *И.З.*].

Утверждения Смирнова являются более чем спорными, но верно то, что это противоречие между двумя правилами наследования было причиной многочисленных серьёзных кризисов, которые ослабляли ханство, тем более, что согласно другому правилу той же чингизидской *торе*, отраженному в *Тарих-и Мухаммед-Гирей*: «принц-Гирей, пусть он хотя бы на один день старше, чем его брат или двоюродный брат, имеет право [от лица последнего] на абсолютное уважение. В случае, если [вопреки этому правилу] младший брат взойдёт на трон, его старший брат или братья должны будут немедленно покинуть территорию Крыма»[8].

В XVIII в. такая эмиграция Гиреев стала практически повседневным явлением татарской жизни и не вызвала серьёзных последствий. Они [Гиреи] все отправлялись в Турцию, ко двору падишаха, на остров Родос или в их [Гиреев] тимар Янболу, где составляли «резерв» ханов, *калги* и *нуреддинов*. Но в XV, XVI и даже в начале XVII в., дело обстояло по-другому; отстранённые татарские султаны не отказывались от власти с подобным смирением, тем более, что им предоставлялся большой выбор. Польша, Московия, Большая Ногайская Орда, кумыки, черкесы и даже казаки с Дона и Днепра всегда были готовы их принять, предоставить им войска и помочь им завоевать ханский трон. Для всех соседей это было превосходной возможностью ослабить или даже подчинить грозное татарское княжество. Именно это и пыталась осуществить Москва в связи с крупным кризисом наследования, который последовал вслед за смертью Мухаммед-Гирея II.

Анализируемый нами период соотносится с наиболее серьёзным кризисом наследования, который когда-либо знало ханство. Османская Порта, престиж которой чуть не потонул в кровавой драме, разворачивавшейся в Крыму, выправила в конце концов положение, весьма ловко играя на двух традициях наследования.

Фактически же, старый монгольский обычай наследования по старшинству уже испытал первое нарушение в XV в., когда хан Менгли-Гирей, напуганный, возможно, удручающим зрелищем, которое представляло жестокое соперничество между сыновьями слабого Баязида II, при жизни назначил наследником своего сына Мухаммед-Гирея, присвоив ему титул *калга*. Впрочем, братья Менгли-Гирея, Нурдевлет и Хайдар уже давно покинули Крым, чтобы укрыться в Москве.

Необходимо отметить, что в этот период татарские кланы, в частности, главы четырёх «дворянских кланов» – Ширин, Аргын, Барын и Седжеут («четыре *карачи*»), которые в противовес власти хана представляли вторую власть,

---

[8] Венский манускрипт, fol. 107, процитирован там же [«В старинном обычае чингизидов узаконено, что если один ханыч хоть на день, даже на час старше другого, то младший по возрасту оказывает полное почтение и уважение старшему: где бы ни встретился, сподобляется рукоцелования. Этот достохвальный обычай повелся у них исстари и обратился в строгое правило. А в особенности, когда меньшому брату даваемо было назначение, то большой брат должен был удалятся из Крыма» (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 247). – *И.З.*].

власть «земли» или, скорее, кочевого дворянства, власть консервативную, выступающую, в основном, поборником традиций, – без возражений приняли это нововведение.

По смерти Мухаммед-Гирея I конфликт двух систем наследования обострился и, что любопытно, именно Порта выступила поборником кочевнической традиции. Действительно, именно турки возвели в ханы Саадет-Гирея, брата Мухаммед-Гирея, ущемив права сына последнего, Гази-Гирея. Позднее то же самое произошло с другим братом Мухаммед-Гирея Сахиб-Гиреем, который был возведён на трон османами вопреки воле татар, являвшихся сторонниками другого сына Мухаммед-Гирея, Ислам-Гирея.

В 1551 г., после убийства ставшего неугодным [Порте] Сахиб-Гирея, султан Сулейман вновь отдал ханство в руки старейшины клана – Девлет-Гирея, племянника Сахиб-Гирея, а не в руки сына и *калги* последнего – Эмин-Гирея, которого он приказал казнить.

Девлет-Гирей правил двадцать семь лет, его боялись и уважали все, включая членов его клана. Это было самым долгим и самым прославленным в Крыму правлением. На момент смерти в 1577 г. у него не было братьев. Как и его предок, Менгли-Гирей, он ещё при жизни назначил *калгой* своего старшего сына, бывшего одновременно старейшиной клана, Мухаммед-Гирея «Семина» («Тучного»), который и стал ханом по его смерти. Его второй сын Адиль- (Алды в русских источниках) Гирей стал *калгой* своего брата. Таким образом, всё было нормально, и чингизидская *торе* была полностью соблюдена. К сожалению, новый хан не обладал ни энергией, ни большой политической мудростью своего отца и не смог навязать свою волю собственной семье. Его *калга* устраивал заговоры против него, другой его брат – Алп-Гирей, ненавидел его, а его сын – амбициозный Мурад, отказывал ему в послушании; наконец, ногаи Малой и Большой Орды не подчинялись ему. Так, в 1578 г. принц Мурад-Гирей и ногайские мирзы Малой орды, отказавшись исполнять приказ хана напасть на Польшу, предпочли организовать крупный поход против Московии.

Однако, несмотря на недостаток авторитета в своём собственном доме, Мухаммед-Гирей желал продолжать политическую линию своего отца, твёрдо защищая полунезависимое положение ханства, как об этом пишет американский историк «not only against outside encroachment, but also against the encroachment of the Ottoman State» [«не только против [любого] внешнего посягательства, но [даже] и против посягательства Османского государства». – *И.М.*][9].

В 1578 г. хан был приглашён присоединиться к османскому походу против иранцев на Кавказе. Мухаммед-Гирей под предлогом болезни отклонил приглашение и поставил во главе татарской армии своего *калгу* Адиль-Гирея, сына последнего Гази-Гирея, будущего хана и своего любимого сына Саадет-Гирея.

[9] *Kortepeter C.M.* Ottoman imperialism during the Reformalion Europe and the Caucasus. New York University Press, 1972. P. 98.

Кампания завершилась успехом иранцев, Адиль-Гирей и Гази-Гирей были взяты в плен[10]. Только Саадету удалось вернуться в Крым.

Именно в этот момент в Крыму начался затяжной кризис, постепенно переросший в международный конфликт.

Когда исчез его *калга*, Мухаммед-Гирей «Семин» нарушил чингизидскую *торе* и назначил своим преемником своего сына Саадета, а не брата Алп-Гирея, как того требовал обычай. Затем, перед лицом оппозиции татарского дворянства, он изменил своё решение, присудил должность *калги* Алпу, а для своего сына учредил титул *нуреддина* или второго «дофина» (*валиахд-и сани*). Османская Порта утвердила это нововведение, в будущем ставшее источником бесчисленных конфликтов внутри семьи Гиреев.

Кризис 1584 г.

В 1582 г., получив ещё раз приглашение присоединиться во главе татарских войск к османской армии на Кавказе, хан снова отказался. Чтобы наказать его за отказ, наместник Дербента Осман-паша Оздемир-оглу, вернувшись в Кафу осенью 1583 г., принял смелое решение, повлекшее за собой серьезные последствия. Он по своей воле отстранил хана и назначил на его место бывшего *калгу* Алп-Гирея, что представляло собой недопустимое в ту эпоху и неприемлемое для татар вмешательство во внутренние дела семьи Гиреев, так как это противоречило чингизидскому обычаю ввиду того, что Алп-Гирей даже не был старшим из братьев Мухаммед-Гирея «Тучного».

Блистательная Порта колебалась по поводу санкционирования этой меры, и оставленные всеми Осман-паша Оздемир-оглу и назначенный им новый хан были осаждены в османской крепости Кафа Мухаммед-Гиреем.

Дело было серьезным, так как посол Генриха III в Блистательной Порте, де Жерминьи, пространно докладывает о нём в депеше, датированной 20 марта 1584 г.: «…Они [турки] пребывают в полнейшем волнении, смущении и смятении от новостей, которые они получают в течение прошедших дней по поводу того, что военная хитрость, которую Осман-паша (Osman Bassa) хотел применить к Татарину [имеется в виду крымский хан. – *И.З.*], была полностью раскрыта. Он [Осман-паша] решил поставить всё на карту и в этих целях сделал одного из братьев вышеозначенного Татарина их господином; это для него [брата хана] обернулось так плохо, что он был тотчас настолько и таким образом обвинён, что большинство его людей осталось там, даже поддерживавших вышеозначенного брата Татарина, а он с большим трудом уехал в Кафу, под-

[10] Адиль-Гирей был немногим позже убит иранцами за то, что завёл любовную интрижку одновременно с сестрой и с женой шаха. Эта романтическая история фигурирует во всех османских и крымских хрониках *(Кюнх уль-ахбар, Тарих-и Печеви, эс-Себ'ус-Сийар)*. Намык Кемаль посвятил ей роман «Джезми».

чинённый этому повелителю [Осман-паше] город на границе, где вышеозначенный Татарин держит его осаждённым, так что он может погибнуть, если в скором времени не подоспеет помощь...»[11].

Тем не менее, османам удалось выпутаться из сложного положения, ещё раз представив себя защитниками монгольской традиции от ханских нововведений. Конечно, реальной причиной смещения Мухаммед-Гирея стали его независимое поведение по отношению к Порте и его отказ присоединиться к турецким армиям на Кавказе, но его обвиняли также в нарушении *торе*, когда он назначил *калгой* собственного сына вместо своего брата. Новый хан, Ислам-Гирей II, полностью преданный Порте, бывший дервиш [братства] *мевлеви* в Конье[12] и старший в семье после Мухаммед-Гирея, был привезён в Крым османским флотом под личным командованием капудан-паши Кылыдж Али-паши.

В той же депеше от 20 марта 1584 г. французский посол де Жерминьи приводит по этому поводу любопытные уточнения, согласно которым Мухаммед-Гирей «Семин» готовился вступить в союз с сефевидским шахом и даже с грузинами против Блистательной Порты:

«[Турки] [снаряжают] с этой целью в полной поспешности как можно большее число галер и, тем [же] временем, посылают в двенадцатидневный путь отсюда в Наталию (Natalie)[13] за другим братом вышеозначенного Татарина [Ислам-Гирея], чтобы поехать оттуда на означенных галерах, которыми будет командовать капитан Олушали (Oluchali) и куда должны погрузиться сегодня или завтра приблизительно три тысячи янычар, часть из тех, которые, в любом случае, предназначались для крепостей Карс (Керчь?) (Cars) и Эмир-Тапы (Emir-Tapi)[14], с определенным числом артиллерии и военного снаряжения.

И [турки] сильно боятся, что эта помощь Перса может повлечь за собой какие-нибудь тяжёлые последствия для них, когда означенный Татарин вступит в союз и объединится со своими соседями, как, насколько это стало известно, он пытался сделать, в частности, с союзниками Перса, грузинами и мингрелами...»[15].

Выбор Ислам-Гирея соответствовал воле Блистательной Порты сделать реальным свой протекторат над ханством.

Де Жерминьи пишет в другой депеше, датированной 8 мая 1584 г.: «Галеры [...], снаряжённые для помощи Кафе, отбыли из сего порта, после того, как брат Татарина [Ислам-Гирей] прибыл сюда, облобызал руки сего Повелителя[16],

[11] *Charrière E.* Négociations de la France au Levant. P., 1853, IV. P. 35.

[12] Согласно *Гюльбун-и ханан.* Стамбул, 1327 (1909). С. 57, добавляющему, что Ислам-Гирей «перенял вкусы, манеру говорить и привычки османов». [В.Д.Смирнов считает, что Ислам-Гирей находился в «дервишском монастыре» в Брусе (Смирнов В.Д. Крымское ханство... СПб., 1887. С. 441. – *Д.М.*].

[13] Т.е. в Анатолию. – *И.З.*

[14] Т.е. Демир-Капы (Дербент). – *И.М.*

[15] *Charrière E.* Op.cit. P. 35.

[16] Т.е. султана. – *И.М.*

получил его штандарт, символ признания, что он должен править государством означенного края в случае, если он вступит во владение им»[17].

Мухаммед-Гирей, пользовавшийся небольшой популярностью среди татарского дворянства из-за своего физического недостатка, попытался сбежать к Перекопу, но был настигнут и задушен своим враждебно настроенным братом Алп-Гиреем, возможно, не без участия одного из своих сыновей. Очевидно, это произошло в мае 1584 г.; Ислам-Гирей стал ханом, а Алп-Гирей – *калгой*, но трём сыновьям Мухаммед-Гирея удалось избежать бойни[18] и, начиная с этого времени, локальный конфликт, ограничивавшийся только Портой и Крымом, принял международный размах.

По этому поводу обнаруживается пример этого весьма типичного для всей Восточной Европы XVI в. явления, которое русские историки называют «феноменом князя-*изгоя*»: принца-чингизида, Рюриковича или литовского князя, изгнанного со своей земли, из своего *юрта,* и ставшего скитальцем, не колеблясь поступавшего на службу к иноземному государю и пытавшегося с его помощью отвоевать свои владения. Так было в Московии с князем Семёном Бельским, который укрылся поначалу в Стамбуле, затем в Бахчисарае[19], с князем Курбским при дворе короля Польши или же с литовским князем Димитрием Вишневецким, который служил сначала у польского короля, затем у османского падишаха и, наконец, у московского царя прежде, чем снова вернуться в Польшу. Что касается принцев-Гиреев, перед ними только вставала проблема выбора,

[17] Ibid.

[18] Де Жерминьи пишет в депеше из Стамбула, датированной 5 июня 1584 г.: «Галиот, отправленный Осман-пашой и капитаном Олушалли (Oluchally), прибыл сюда с вестью для этого Повелителя об успехе этих дел в Кафе и мотиве Татарина [крымского хана Мухаммед-Гирея], совпадающем с тем, что мне описал из означенного места шевалье де Бертанкур, который находится возле означенного Олушалли. Смерть вышеозначенного Татарина и одного из его сыновей [Сафа-Гирея ?] нашла подтверждение во всей Порте, хотя не было никаких поводов для сомнения, и хотя означенный Повелитель принял её с облегчением и радостью от такого большого и неожиданного исхода, тем более большого, что подозревается, что данный Татарин имел сношения и чинил козни с Персом, но, поскольку он был высокопоставленным, тем более неприятно для чести и репутации видеть, что его привозят с триумфом побеждённого, а также ввиду его былых притязаний в этом случае гордиться этим и служить поводом, чтобы лучше удерживать в рамках долга настоящего, спросив для этой цели у означенного Османа (Osman), что он намеревается сделать с другим сыном [Саадетом?] означенного Татарина, где он его схватит и поместит в надёжное место» (см.: *Charrière E.* Op.cit. P. 284–285).

[19] Подробнее о нем см. *Зайцев И.В.* «Позабыв Бога и наше жалованье, и свою душу» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского) // Ad Fontem / У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 298–317; *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. – *И.З.*

потому что они могли укрыться как у своих мусульманских, османских, ногайских или дагестанских соседей, так и у христианских государей – царя Московии[20] или короля Польши. В эту эпоху проблема религиозных различий мало что значила, по крайней мере, для представителей правящих семей.

Слабый, плохо подготовленный своими мистическими размышлениями к тяжёлому бремени управления подверженной волнениям и окруженной врагами страной новый хан, Ислам-Гирей, не смог помешать трём сыновьям Мухаммед «Семина», старшему Саадету, Мураду и Сафе, сбежать из Крыма и вернуться туда несколько недель спустя (в июне или июле 1584 г.) во главе крупной армии.

Согласно письму падишаха Ислам-Гирею, за князьями следовали «несколько тысяч разбойников, ногаев, и [людей] шамхала», т.е. кумыков[21].

Появление кумыков из Дагестана в Крыму является исторической диковиной, это было впервые, когда далёкие дагестанцы вмешивались во внутренние дела ханства, выступая против Османской империи. Их участие в гражданской войне в Крыму доказывает, что княжество шамхала ещё не находилось под контролем турков. Только позднее, после колебаний между союзом с Московией и османским господством, кумыкские князья согласились стать верными вассалами Блистательной Порты, в тот момент, когда появившиеся на Тереке войска Московии стали нести угрозу самому существованию их государства.

Что касается ногаев, русские источники уточняют, что речь шла о девяти крупных племенах Большой Ногайской орды, ведущих своё происхождение от Эдиге: Мансур, Орак, Мамай, Касай, Ор-Мамбет, Токуз, Едичек, Едисан и Джамбулак, которые кочевали в волжских степях и которых хан Сахиб-Гирей безуспешно пытался подчинить и сделать оседлыми в начале XVI в.

Русские архивные документы[22] добавляют, что ногаев и дагестанцев сопровождали донские казаки, для которых это был один из первых выходов на историческую сцену. Необычный союз кумыков, издревле являвшихся мусульманами, Больших ногаев, поверхностных мусульман, и донских казаков, теоретически являвшихся христианами, хорошо показывает, какое малое значение имели религиозные различия в ту эпоху.

---

[20] Так, в частности, обстояло дело с султанами Нурдевлетом и Хайдаром, смещёнными с престола их братом Менгли-Гиреем. Они отправились ко двору московского великого князя Ивана III и были там приняты с почестями, полагающимися потомкам великого завоевателя. Нурдевлет даже предводительствовал московским войском и получил в вознаграждение трон Касимовского ханства. [Точнее, сыновья Хаджи-Гирея – Нурдевлет и Айдар – приехали в Москву из Литвы, где они первоначально нашли приют. См.: СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. № 5. С. 17. – *Д.М.*]

[21] См. императорское послание хану Ислам-Гирею ([BOA,] *Mühimme Defterleri* (далее: *MD*), LVIII, *hüküm* 462. См. док. I ниже.

[22] См.: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 442.

К проникшему в Крым во главе этого разнородного войска Саадет-Гирею присоединилась часть татарских глав[23]. Смирнов упоминает среди них двух крупных глав – ширинского бея Хаджи и бея Ора (Перекопа) Сулеша, но, весьма вероятно, что большая часть крупных татарских кланов, включая тех, которые отказались поддержать Мухаммед-Гирея II, перешла на сторону противников кандидата Порты. Иначе сложно понять лёгкость, с которой Саадет-Гирей занял весь Крымский полуостров.

Это доказывает, между прочим, что чингизидский обычай наследования более не соблюдался даже представителями кланов. В настоящем случае, переход кланов, в особенности, наиболее могущественного клана Ширинов на сторону противников Османской Порты, мог также объясняться желанием сбросить всё более и более усиливающийся контроль над ханством, осуществляемый турецким правителем Кафы.

Саадет-Гирей без затруднений захватил столицу Бахчисарай и осадил Кафу, где скрывался Ислам-Гирей. Согласно османским документам, яростные битвы, которые развернулись под стенами Кафы, представляли собой настоящую войну, так как Большим ногаям, кумыкам и казакам с Дона и, возможно, с Терека, воевавшим на стороне Саадет-Гирея, османы и Ислам-Гирей противопоставили не только собственные войска, но и войска их союзников, ногаев Малой Орды под командованием их предводителя Яхши-Саата («Якшисата» в русских летописях) и черкесов-мусульман племени Жаней[24].

После двух месяцев практически безостановочного сражения османы взяли верх: «Большое число разбойников было зарублено саблями на поле битвы [...] наши войска [...] нанесли поражение врагу и разбили его…»[25].

Среди тех, «у которых были отсечены головы», османские источники упоминают знаменитого Эсен-бея, предводительствовавшего ногайскими войсками (Есиней Дивеев в русских источниках), большое число ногайских беев и мирз[26].

Когда их силы были разгромлены и рассеяны, три принца вновь отправились в изгнание, и избранное каждым из них прибежище является показателем новой ситуации в причерноморских степях непосредственно после смерти Ивана Грозного.

---

[23] Халиль Иналджик пишет по этому поводу: «Дети Мухаммед-Гирея Саадет-Гирей и Мурад-Гирей могли рассчитывать [...] на те же группы приверженцев традиций и ярких антиосманцев в ханстве, какие уже поддержали некогда их отца» (Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü, 1569 // *Belleten,* XII, 46, 1948, pp. 349–402).

[24] См. императорское послание беям ногаев (Малой Орды), *MD,* LVIII, *hüküm* 454. См. док. II ниже. Кортепитер (Kortepeter C.M. Op.cit. P.88), цитирующий Печеви (Тарих-и Печеви. Стамбул, 1281–83 / 1864–66. С. 96), ошибается, когда пишет, что *ханзаде* и их союзники были изгнаны из Крыма Ислам-Гиреем и *бейлербеем* Кафы, *до* прибытия Фархад-паши.

[25] Императорское послание хану Ислам-Гирею. См. док. I ниже.

[26] Императорское послание беям ногаев. См. док. II ниже.

Новый политический курс Московии

1584 г., в котором к власти приходит царь Фёдор, действительно соответствует фундаментальному изменению во внешней политике Московии. По окончании Ливонской войны, когда надежда открыть путь к Балтике испарилась, Московия отворачивается от Запада и пытается продвинуться на юг, к Чёрному и ещё дальше, к Каспийскому морям. Новосельский отмечает, что только с этого момента начинается реальное и окончательное освоение русскими территорий на Средней и Нижней Волге, и что их продвижение отмечается постройкой крепостей: Козьмодемьянск, Санчурск, Самара и Уфа (в 1586 г.), Царицын в 1589 г., Саратов в 1590 г. … Раздираемый гражданской войной Крым едва ли мог оказать сопротивление этому неуклонному продвижению. Османской империи самой угрожала с востока грозная коалиция сефевидского Ирана и кавказских князей, и она практически была не в состоянии оказать действенную помощь ханству. Московия могла логично полагать, что, наконец, настал момент открыть себе путь на Кавказ и протянуть руку помощи Сефевидской империи в борьбе против их общих врагов[27]. В эту эпоху Урус-хан[28] из Большой Ногайской орды, хотя и являвшийся противником Гиреев, выступал последним поборником независимости кочевников причерноморских степей, практически блокируя крепость Астрахань и тормозя продвижение Московии к Каспийскому морю.

Бегство трёх принцев-чингизидов было весьма на руку московитам, и в течение многих лет три *ханзаде* играли роль первого плана в качестве проводников русской политики на Кавказе, в Крыму и в Большой Ногайской Орде.

Правительство царя Фёдора пыталось поначалу использовать старшего из трёх братьев, Саадета, которого все русские источники той эпохи называли «царём», указывая этим, что Москва признавала его законным ханом вместо Ислам-Гирея – принца, посажённого османами и пользующегося весьма малой популярностью. Возможно, что в июле 1584 г. он даже был приглашён к царскому двору, но, кажется, этот слабохарактерный принц не оправдал возлага-

[27] В декабре 1584 г. русский посол в Крыму узнал от князя Мурада Сулешева: «...сейчас против Турка объединились Кызылбаш с шевкалом, князем Тюмени, и другие князья» («Турецкие дела», 2, л. 382 (*Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. [точнее: Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – *Д.М.*] М., 1963. С. 261). [В оригинале цитата такова: «Ныне на турского стали заодин кизылбашской с шевкальским да тюменским и с иными князьями, а ныне стоят на турской границе блиско Шамахи и в те городы, которые поймал турский у кизылбашского, ис Царягорода и во Царегород людей воинских не пропускают […]». – *Д.М.*].

[28] Урус в силу своего происхождения не от чингизидов не мог являться ханом. Сами авторы далее называют его то ханом, то беем (князем). Это замечание в равной степени относится и к Яхши-Саату (см. ниже). – *И.З.*

емых на него надежд, и отведённая ему роль, в конце концов, ограничилась Большой Ногайской Ордой, которая кочевала на Нижней Волге.

Женившись на дочери Урус-хана, Саадет-Гирей приехал сначала в Орду, к своему тестю, в надежде отвоевать ханство с помощью ногайских сил[29]. Эта надежда была быстро развеяна. Большая Ногайская Орда, раздираемая между прорусской и прокрымской фракциями, практически не могла ввязаться в большую военную авантюру. Поэтому в конце 1584 г. или в начале 1585 г. *ханзаде* отправился в Дагестан к шамхалу и попытался сыграть свою роль в антиосманском фронте, состоящем из московитов, персов и грузин. Нам известно, что в 1585 г. его послы прибыли к Александру, царю Кахетии.

В этот момент шамхал, у которого недавно укрылся принц-чингизид, был расценен османами как враг; об этом без экивоков свидетельствуют турецкие источники.

Так, в донесении наместника Азака Мустафа-бея, адресованном Имперскому Дивану, речь идёт о «*ханзаде*, который ступил на путь восстания и соблазна, и который находится у злодея шамхала, не пропускающего на территорию шамхальства *чавушей* и *капыджи*, которых мой Порог, сравнимый со всевышними небесами, желает послать в Демиркапы»[30].

Русские источники сообщают, что посланники Саадет-Гирея и шамхала прибыли в Москву весной 1586 г., чтобы просить об отправке в Дагестан московских сил с целью преградить туркам путь к Каспийскому морю[31], и что взамен татарский принц получил от царя «жалованье». Летом того же года астраханский воевода князь Лобанов-Ростовский[32] доносил царю о приезде к Саадет-

[29] [Сейид-Мухаммед-Риза] *Семь планет*, процитированный В.Д.Смирновым (Указ. соч. С. 442). Если верить А.А.Новосельскому (Указ. соч. С. 35), Москва, по-видимому, рассчитывала на него, чтобы обеспечить себе контроль или, по крайней мере, нейтралитет Большой Ногайской Орды, поддерживая прорусскую фракцию сыновей хана Тинехмата против Урус-хана. Крымский принц, зять Урус-хана, очевидно, не мог исполнить роль, которую от него ожидала Москва.

[30] Приказ бею Азака Мустафе от 6 *джумада II* 994 / 25 мая 1586, *MD*, LX, *hüküm* 572. См. док. III ниже.

[31] *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 263; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом, 1378–1613 [Точнее: Сношения России с Кавказомъ. Материалы, извлеченные из Московскаго главного архива министерства иностранных делъ Сергеемъ Ал. Белокуровымъ. Вып. 1-й. 1578–1613 гг. – *Д.М.*]. М., 1889. С. 113–114. По некоторым данным, посол шамхала Ханбулат, добивался, кроме того, защиты царя и просил, чтобы русские построили крепость на Тереке.

[32] Это кн. Федор Михайлович Лобанов-Ростовский, астраханский воевода с 1577/78 по 5 февраля 1588 г. См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, вводная статья и ред. В.И.Буганова. М., 1966. С. 348–349, 378, 390–391; РК 1550–1636. М., 1976. Ч. 2. Вып. 1. С. 10, 32–33; РК 1559–1605. М., 1974. С. 217. – *Д.М.*

Гирею, находившемуся тогда у шамхала, посольства иранского шаха[33]. Персидский посланник, по-видимому, предложил *ханзаде* уступить ему Дербент взамен военной помощи Больших Ногаев против османов. Молодой принц, вероятно, ответил отказом, заявив, что «без позволения царя ему не нужен Дербент»[34].

Правитель Астрахани также докладывал о планах Саадет-Гирея и шамхала «преградить путь Тамань – Дербент» турецким и татарским войскам, идущим в Крым из Закавказья, чтобы сразиться с кызылбашами и об их проекте «запретить османам вывозить казну Кафы в Дербент, чтобы выплачивать жалование турецким гарнизонам»[35].

1587 г. отмечен апогеем престижа Саадет-Гирея. Весной этого года Москва выработала грандиозный, но неосуществимый проект похода против Крыма, в котором кроме русских войск и трёх принцев-изгоев должны были принять участие черкесские предводители и шамхал, так как Москва, возможно, не знала, что последний уже переметнулся в лагерь османов. Также в 1587 г. послы Московии, которые прибыли в Польшу, чтобы представить кандидатуру Фёдора на польско-литовский трон после смерти Стефана Батория, выдвинули в качестве основного аргумента в пользу кандидатуры царя тот факт, что «когда Саадет-Гирей взойдёт на крымский трон, вечный мир воцарится между Россией, Польско-Литовским княжеством и ханством, и что хан, верноподданный Москвы, наведёт порядок в ногайских ордах»[36].

Согласно турецкому документу[37], в конце 1587 – начале 1588 г., когда стало очевидным, что шамхал недвусмысленно встал на сторону османов в борьбе против Московии, Саадет-Гирей отправился добровольно или был вызван в Москву, к «русскому королю» (*рус кралы*) и умер там в 1591 г. (практически в то же время, когда в Астрахани тоже странным образом умер его брат Мурад); не добившись успеха ни в одном из своих начинаний, он стал неугодным как

[33] Эта информация подтверждается османскими источниками. В приказе бею Азака Мустафе (см. док. III ниже), сказано, что «сошедший с истинного пути шах отправил означенному ханзаде саблю и почётный кафтан».

[34] Крымские дела, 1586, I, л. 85–86, и Ногайские дела, 7, л. 2 (*Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 274). [В оригинале цитата такова: «без государева указу Дербень мне не надо…». – *И.З.*]. Если верить донесению русского посла в Крыму Ивана Мясного (см. «Крымские дела», XVI, л. 24 (*Кушева Е.Н.* Указ. соч.)) до этого посольства 1585 г. шах Ирана уже отправлял принцам Саадет-Гирею и Сафа-Гирею, находившимся тогда у кумыков, «крупную сумму денег» *(великое жалование)*.

[35] *Там же*, с. 263. [В оригинале цитата такова: «Будет турского и крымского рать пойдет в Кизылбаши, и им де о дороге битца, чтоб дороги не дати да и казны б из Азова в Дербень не пропустити». Цит. по сочинению Е.Н.Кушевой. – *Д.М.*].

[36] *Там же*, с. 264.

[37] Приказ великому визирю Джафер-паше, командующему османской армией в Демиркапы (Дербент), *MD*, LXII, *hüküm* 433. См. док. IV ниже.

русским, так и кумыкам, Большим Ногаям, крымцам и даже персам, которые по очереди разочаровались в нём.

Сафа-Гирей, самый молодой из трёх братьев, сыграл, видимо, по доброй воле ещё более незначительную роль. Сначала он бежал к Большим Ногаям, потом отправился к шамхалу. В 1586 г. он оказывается у кабардинцев, князья которых объявляли себя подданными Московии, где он получил жалованье. Очевидно, русские надеялись использовать его напрямую против ханства. Действительно, в том же году Сафа-Гирей появляется у западных черкесов, точнее в мусульманском племени *жаней*[38], давнем союзнике ханства. Однако Сафа был связан с главами *жаней* узами *аталычества*[39], что – теоретически – давало ему превосходство над Ислам-Гиреем, которого с черкесами не связывали никакие узы, и могло дать московитам надежду контролировать и, возможно, использовать черкесов для отвоевания ханства в пользу принцев-изгоев. Здесь царь Фёдор опять ошибся в расчётах: Сафа-Гирей отказался играть роль исполнителя. Он удовольствовался ожиданием развития событий и, когда в 1588 г. новый хан, его дядя Гази-Гирей *«Буря»* («Bora»), взошёл на крымский трон, он вернулся на свою родину и даже принял титул *нуреддина*.

Роль Мурад-Гирея

В отличие от жизни своих братьев, жизнь Мурад-Гирея, наиболее амбициозного и, по-видимому, наиболее одарённого, была полна ярких приключений.

В 1584 г. он направился прямо к русским в Астрахань, где был принят с почестями, полагающимися потомку Чингиз-хана. На следующий год, по приглашению Фёдора, он прибыл в Москву и прожил некоторое время при царском дворе, окружённый различными почестями.

Летом 1585 г. в послании, адресованном «королю Московии» (*Москоф кралы*), в ответ на предложения царя Фёдора о мире и дружбе, переданные русским послом Борисом Благово, султан Мурад III жаловался на присутствие в Москве молодого татарского принца:

«…в вашем письме, – сообщал падишах, – вы говорите нам, что уже со времени правления покойного султана Баязида, дружба и лояльность царили между нашими двумя странами; что султан Сулейман также был в прекрасных отношениях с вашим предком, королём Василием (*Васил*), и что мой отец, покойный султан Селим, также поддерживал дружеские отношения с вашим отцом, королём Иваном; что их послы и купцы разъезжали от одной страны к

[38] Приказ великому визирю Джафер-паше. См. док. IV ниже.

[39] Согласно системе *аталычества*, крымские ханы имели обычай доверять своих детей некоторым западным племенам черкесов, в частности, племенам *жанэ* и *бесленей*, считавшимся наиболее благородными и воинственными, чтобы дать им образование, достойное будущих ханов.

другой. Когда умер ваш отец, вы взошли на трон и желаете, чтобы дружеские отношения продолжались и чтобы наши послы и купцы могли свободно ездить, не платя ни налогов, ни таможенных сборов, и чтобы они покупали и продавали товары по своему выбору. Наша Блаженная Порта всегда открыта как для друзей, так и для врагов. Мы готовы вновь установить и укрепить узы дружбы [между нашими двумя странами].

Однако же султан Мурад-Гирей, сын хана Мухаммед-Гирея, взбунтовался и укрылся в вашей стране, и он не был арестован и отправлен в нашу Порту [...] Таким образом, надлежит, чтобы в соответствии с заключенным между нами соглашением вы передали нашему *чавушу* мятежника султана Мурад-Гирея, ханского сына, и дали ему сопровождение, состоящее из доверенных людей с тем, чтобы он был отправлен в нашу Порту…»[40].

В начале 1586 г. в русской столице Мурад принял посланника от шаха Мохаммеда Ходабенде, который предложил ему союз против османов и Ислам-Гирея[41].

Возможно, в середине 1586 г. Мурад-Гирей был отправлен в Астрахань с крупным русским военным отрядом, «чтобы оттуда он смог атаковать Крым, затем, завоевав ханство, захватить трон и стать слугой царя»[42].

Русские и западные историки интерпретируют его пребывание на Нижней Волге как заключение пленника в «золочёной клетке». Согласно их мнению, молодой принц был лишь марионеткой, за ним постоянно наблюдали русские воеводы, он был не в состоянии выступить ни с малейшей инициативой[43].

Такое суждение является неверным. Мурад-Гирей был, конечно, по крайней мере поначалу, более или менее верным союзником России, но он всегда оставался волен в своих поступках, и его роль в великой драме, которая тогда готовилась на Кавказе, была более значимой, чем полагают. Это был первый, но также и последний раз, когда чингизид на службе Московии играл не только роль военно-политического советника[44], но и настоящего «степного вице-короля».

---

[40] Августейшее послание (*Nâme-i hümâyûn)* султана Мурада III «королю Московии», без даты (лето 1585), *MD,* LVIII, *hüküm* 203. [Последнюю публикацию документа см.: ДИВУР. С. 218–225. – *И.М.*].

[41] *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 274 (цитирует русские архивные документы).

[42] *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 35 (цитирует русские архивные документы). [В оригинале цитата такова: «а из Астрахани идти ему промышлять над Крымом, а взем Крым, сести ему в Крыму царем, а служити ему царю и великому князю». Цит. по указ. сочинению А.А.Новосельского, с. 35. – *Д.М.*].

[43] Например, *Kortepeter C.M.* Op. cit. P. 102: «Murâd Girây [...] was little more than a tool of Moscow» («Мурад-Гирей был не более, чем орудием Москвы». – *И.М.*).

[44] Так, в конце 1586 г. князь Лобанов-Ростовский, воевода Астрахани [имеется в виду князь Федор Михайлович Лобанов, с весны 1584 по февраль 1588 г. являвшийся воеводой в Казани. – *Д.М.*], писал царю, что «по мнению принца Мурата, турки не пойдут против Кызылбашей, но придут на Терек, чтобы основать там крепость с целью защитить свой проезд к Железным Вратам» (С.А.Белокуров. *Указ. соч.,* с. XVCII [вернее:

Эта роль представляется логичной, если принять в расчёт новую русскую политику по отношению к Крыму: вступающая в противоречие с осторожным и настороженным отношением, которое всегда сохранял Иван Грозный по отношению к татарскому ханству, его преемник рассчитывал ни больше, ни меньше посадить в Крыму хана-вассала. Конечной целью операции было объединение (*собирание*) всего *улуса* Бату в пользу Московии и установление тесных связей с Сефевидской империей. Мурад-Гирей должен был сыграть важную роль в этом грандиозном проекте.

Прежде всего, русские использовали его, чтобы окончательно склонить шамхала к союзу с Московией. Шамхальство, территория которого простиралась в эту эпоху от берегов Терека до Дербента, действительно, представляло грозную силу, способную выставить одновременно 15 000 всадников, и которое, благодаря своему стратегическому положению, могло как отрезать Астрахань от Ирана, так и преградить туркам и татарам путь из Дербента и Ширвана.

Являющиеся издревле мусульманами-суннитами дагестанцы шамхальства были в первой половине XVI в. верными союзниками Османской Порты против шиитских Сефевидов, но, как мы это видели, во время гражданской войны, которая потрясла Крым в 1584 г., кумыки шамхала оказались в лагере противников Ислам-Гирея, т.е. турков. Именно у шамхала нашёл прибежище Саадет-Гирей в 1586 г. Мурад-Гирей был послан туда царём Фёдором, чтобы разрушить узы дружбы, которые дагестанцы ещё могли сохранять с османами.

Трудно точно назвать дату, но, вероятно, весной 1586 г., Мурад-Гирей женился на дочери шамхала (с согласия русских). В эту эпоху татарский принц выступает важным действующим лицом, которому предстояло сыграть первостепенную роль в антиосманской стратегии русских и иранцев.

Планы русских на Кавказе встретили благожелательный отклик в Иране, которому на западе угрожали османы, а на северо-востоке – узбеки-Абулхайриды.

Согласно Е.Кушевой, шах Мохаммед Ходабенде прослышал о прибытии в Астрахань Мурад-Гирея во главе русских сил, что совпадало с укреплением казачьей «линии» на Тереке. В 1587 г. персидское посольство, которое возглавлял Хади-бей («Анди Бей» в русских летописях), прибыло в Москву с посланием шаха царю, предлагающее русским дружбу и союзничество и обещавшее им даже города Дербент и Баку в случае, если Сефевиды отвоюют их у турков.

В ответ московское посольство во главе с Григорием Васильчиковым отправилось в Исфахан. В дороге стало известно о смещении Мохаммеда Ходабенде и восшествии на трон шаха Аббаса. Принятый новым шахом, Васильчиков рассказал ему о крупной русской армии (*великая рать*), отправленной в Астрахань

XCVII. В оригинале цитата такова: «царевич Муратъ Гирей Турских людей на Кизылбаши походу не чаетъ по прежнему ихъ умышленью, что им ставить город на Терке для своево походу к Железнымъ Воротамъ». – *Д.М.*].

с Мурад-Гиреем и о постройке крепости на Тереке, «чтобы воспрепятствовать туркам пройти по Тереку к кызылбашам».

Эта крепость, Терки или Терский Городок, действительно, была построена в 1587 г. воеводами Михаилом Бурцевым и Протасьевым на месте слияния Терека и Тюменки. Ирано-русский союз принимал, таким образом, реальную форму, так как Москва обязывалась помочь своему союзнику, преградив османским и татарским армиям важный путь, соединяющий Азак с Дербентом, который позволял им проникать в Закавказье с севера.

Московский посол также сообщил иранцам, что Мурад-Гирей получил приказ отправить к шамхалу, к кумыкскому князю Тюмени[45], к горцам Дагестана и к кабардинцам приглашение «присоединиться к войскам шаха и царя (*стоять за один с войсками шаха и царя*) против Турка и Крымца». Наконец, предусматривалась возможность расширения фронта путём включения в него царя Кахетии Александра.

В этих целях русское посольство под руководством Родиона Биркина и Петра Пивова отправилось в 1587–1588 гг. к Александру. Послы с явной самонадеянностью объявили грузинскому правителю, что Москва собиралась привлечь к своему делу самого шамхала, который однако вновь стал союзником турков, предложив ему прислать своего сына заложником в Астрахань и устроив брак его дочери с Мурад-Гиреем (*А будет ныне Шевкальский князь укрепился в государеве воле, дочь свою дал будет за Мурат Кирея царевича и заклад в Астрахань прислал сына своего*)[46]. Принц-чингизид представал, таким образом, стержнем крупного проекта, заключавшегося в том, чтобы восстановить весь Кавказ против османов и татар. Этот проект потерпел провал одновременно по причине решительных ответных мер крымцев и османов, которые показали, что Московия не могла ещё мечтать о прямой атаке татарской державы ввиду отказа самого Мурад-Гирея играть подчинённую роль, служа иноземному государю, который, впрочем, оказывался неспособным помочь ему завоевать трон своих предков, и, наконец, в связи с изменением политики шамхала, который, оставив русско-иранский лагерь, неожиданно встал на сторону своих извечных союзников, османов и татар.

Этот резкий поворот, основная причина провала русской политики на Кавказе, произошёл, по-видимому, летом 1586 г., немногим позже женитьбы Мурад-Гирея на дочери шамхала. Таким образом, в Дагестане наблюдалась парадоксальная ситуация: принц-чингизид оставался формально вассалом царя Московии, тогда как его тесть вновь становился союзником Османской Порты.

[45] Тюменское княжество находилось в низовьях Терека.

[46] «Грузинский статейный список», I, л. 8–75 [посольство Р.Биркина и П.Пивова в Кахетию]. См.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 18. [В оригинале цитата такова: «А будет ныне Шевкальский князь укрепился в государеве воле, дочь свою далъ будетъ за Мурат-Кирея царевич а и закладъ в Астрахань прислал сына своего…». – *Д.М.*].

Переход шамхала в лагерь противников Московии подтверждён несколькими документами из турецких архивов. Так, 5 сентября 1586 г. в приказе наместнику Ширвана визирю Джафер-паше султан поздравлял его с тем, что он «благодаря своему уму и верности своего суждения убедил глав Дагестана, Табасарана, Кайтака и Кумука подчиниться [Блистательной Порте] с истинной преданностью и полным повиновением»[47].

В тот же день, падишах приказал отправить шамхалу весьма дружеское послание, сопровождаемое богатыми дарами:

«Ныне находяшийся в Ширване Джафер-паша прислал нам письмо, в котором сообщает, что Вы сами и четыре ваших сына с полнейшей искренностью подчинились нашей Порте – обители счастья, и что вы с верностью и прямотой прилагаете все ваши усилия в делах, касающихся нашей имперской службы. Это письмо было представлено к подножию нашего августейшего трона – прибежища мира, а его содержание было доведено до нашего благородного и величественного сознания.

По этой причине вас осыпали благодеяниями и каждому из вас пожаловали почётные торжественные одежды. Я приказываю, чтобы вы надели их и чтобы отныне вы пребывали в добром согласии и полном единении с моим визирем [Джафер-пашой]. Будьте усердны в исполнении моей имперской службы и действуйте в соответствии с приказами моего визиря»[48].

На следующий год падишах обращается к шамхалу как к союзнику, приглашая его атаковать иранцев:

«...все те, кто проявил верность в дружбе к нашему Порогу – обители счастья всегда были отмечены различного рода милостями падишаха. И вы также знайте, [что будете] отмечены и удостоены почестей, расточаемых нашей высокой императорской щедростью.

Хвала Господу, отвратительные нравом кызылбаши постоянно оказываются побеждёнными и поверженными. Ныне мы ждём от вас службы: Эрдебиль находится на расстоянии пяти переходов от Баку [...] Когда наступит момент и когда представится удобный случай, отправляйтесь грабить и разорять Эрдебиль и его окрестности. С помощью моего визиря Джафер-паши совершайте великие дела, результатом которых явится разгром наших врагов, разграбление и разорение провинций их страны»[49].

Со своей стороны ханство, хотя и ослабленное набегом Саадет-Гирея, быстро и действенно реагирует на русский натиск. В 1586 и 1587 г. было осуществлено два крупных похода в самое сердце России. Их результатом стало разоре-

[47] Приказ великому визирю Джафер-паше, отвечающему за охрану *вилайета* Ширван, 21 *рамазана* 994 / 5 сентября 1586 г., *MD*, LX, *hüküm* 210.

[48] Приказ Шамхал-хану, 21 *рамазана* 994 / 5 сентября 1586 г., *MD*, LX, *hüküm* 213.

[49] Приказ шамхалу, *хакиму* Дагестана, 21 *шевваля* 995 / 25 сентябрь 1587 г., *MD*, LXII, *hüküm* 67.

ние окрестностей Белева и Козельска и взятие крепости Крапивна штурмом. В первом набеге, согласно русским летописям, приняли участие 30 000 ногаев Малой Орды (*Казыевские Ногаи*) под командованием их хана Яхши-Саата; во втором походе приняли участие более 10 000 татар и ногаев, предводительствуемых *калгой* Алп-Гиреем.

В 1587 г. крымцы также осуществили крупный поход против союзников Московии – западных немусульманских черкесов и кабардинцев[50].

Вероятно, по возвращении экспедиций против Московии Ислам-Гирей отправил царю Фёдору послание, в котором потребовал высылки князей-*изгоев*: «Если ты хочешь быть нашим другом, тебе не следовало бы держать у себя наших недругов Саадета и Мурада [...] тебе следовало бы выслать их так далеко, чтобы никто не смог их увидеть или услышать»[51].

Чтобы поддержать наступательные действия ханства, Порта навела на Москву угрозу нового турецкого похода против Астрахани. Османские хроники[52] и документы из архивов подтверждают, что в 1587 г. послы Уруса, хана Больших Ногаев, и Абдуллы, хана Бухары, прибыли в Стамбул, чтобы подготовить почву для сотрудничества между державами, заинтересованными в снятии московитского заслона на Нижней Волге.

Подготовка кампании, намеченной на весну 1587 г., шла, по-видимому, быстрыми темпами[53], как это показывают два документа из «Реестров важных дел». Речь идёт об августейшем послании (*nâme-i hümâyûn)* Урус-бею мирзе, князю Больших ногаев, и о приказе Пияле-паше, губернатору Кафы.

В первом документе сообщалось о прибытии в Стамбул узбекского посла с посланием хана Абдуллы, в котором говорилось о его намерении отвоевать Эждерхан (Астрахань) и излагалась просьба о содействии этому со стороны османов. Имперское послание ногайскому хану продолжалось следующим образом:

[50] В следующем, 1588 г., буджакские ногаи, подданные хана, предприняли, по всей видимости, с согласия Ислам-Гирея, грабительский поход против Молдавии – государства, находящегося под сюзеренитетом Порты. Султан потребовал немедленного возвращения добычи и рабов. Хан быстро исполнил требуемое и, чтобы выразить своё полное подчинение, приказал с этих пор произносить имя османского падишаха во время пятничной *хутбы* прежде своего.

[51] *Соловьёв С.М.* История России. М., 1960, переизд. Т. IV. С. 259. [В оригинале цитата такова: «Если захочешь с нами в самом деле быть в дружбе, то ты бы наших недругов, Сайдета и Мурата, у себя не держал, хотя они тебе и в руки попались; ты бы сослал их туда, где бы их не слыхать, не видать; а денег и казны не годится им давать». См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 4. История России с древнейших времен. Т. VII–VIII. М., 1989. С. 251. – *Д.М.*].

[52] Тарих-и Селяники. Стамбул, 1281/1864–65. С. 229–230.

[53] С.М.Соловьёв (Указ. соч. С. 259–260) считает, однако, что речь шла скорее о торге, а не о реальном проекте. Османский план был окончательно оставлен, когда Москва лишила своей поддержки Мурад-Гирея.

«...с целью отвоевания Эждерхана следующей весной, войска, которые придут из Бухары и которые отправятся из Крыма, будут отданы под командование крымского хана Ислам-Гирея; те войска, которые будут посланы из Стамбула, будут находиться под командованием Пияле-паши. Мы отдали ему приказ держать войска наготове [...] При этом я взываю к вашему благородству, доблести и мудрости и приказываю вам с настоящего момента с находящимися под вашим командованием войсками быть готовыми присоединиться к османским войскам и войскам Ислам-Гирея, как только они прибудут к вам, чтобы крепость [Эждерхан] была завоёвана, а захватчики разгромлены»[54].

Приказ Пияле-паше является ещё более определённым:

«[К нам] прибыли письма правителя Бухары Абдулла-хана и правителя ногаев Урус-бея. Они сообщают, что необходимо отвоевать Эждерхан, ибо неверные, которые занимают эти земли, чинят зло мусульманам. Падишах тоже в этом убеждён. Военный поход против Эждерхана намечен на ближайшую весну. Посему вам приказывается уже сейчас заняться подготовкой войск и снаряжения. Крымскому хану Ислам-Гирею [также] предписано принять участие в кампании. Вы назначаетесь командующим войсками, которые будут посланы из столицы. Вы должны уже сейчас заняться приобретением необходимой провизии в селениях. На вас возложено держать хана и ногайских мирз в курсе, сообщать им, чтобы они были готовыми к весенней кампании. Так будет отвоёван край Эждерхана, который, как и Ширван, является одной из провинций империи, а живущие там мусульмане будут освобождены от гнёта неверных»[55].

Кампания так и не состоялась, но воинственные проекты Московии и Ирана на Кавказе, в которых молодому принцу отводилась роль «катализатора», долженствовавшего добиться дружбы или, по крайней мере, нейтралитета союзников Порты (Больших ногаев, кумыков и др.) завершились провалом в 1588 г.

Втянутый в изнурительную войну против хана Бухары Абдуллы, шах Аббас первым вышел из союза; в 1590 г. он подписал мирное соглашение с Портой, уступив османам всё Закавказье и южный Азербайджан. Турки оккупировали Ширван и достигли берегов Каспийского моря. Это был апогей их господства на восточном Кавказе. Ширван был возведён в статус *бейлербейства* с четырнадцатью *санджаками*, Дербенту подчинялось семь *санджаков*. Флотилия галер была построена в Низабаде (по-русски Низовая, между Дербентом и Баку),

[54] Августейшее послание от 22 *зульхиджжа* 995 / 23 ноября 1587 г., *MD*, LXII, *hüküm* 231. Копия императорского послания была отправлена двенадцати мирзам Большой Ногайской Орды. Перевод текста несколько сокращён. [Более правильной считаем датировку этого документа временем не позднее 22 зулькаада 995 / 24 октября 1587 г. См.: ДИВУР. С. 233–240. – *И.М.*].

[55] Приказ Пияле-паше, 20 *зульхиджжа* 995 / 23 ноября 1587 г., *MD*, LXII, *hüküm* 233. Перевод текста несколько сокращён. [Более правильной считаем датировку этого документа временем не позднее 22 зулькаада 995 / 24 октября 1587 г. См.: ДИВУР. С. 241–247. – *И.М.*].

пролегающие по суше пути сообщения между Османской империей и Бухарой, отрезанные русскими в Астрахани, были заменены морским путём. Появление османских кораблей (*кадырга)* в Каспийском море закрывало его для московитов и ещё больше изолировало их от Ирана[56].

Так победой турков закончился первый «раунд» борьбы за Кавказ. Мурад-Гирей, осторожный и амбициозный, но отказывающийся полностью поступиться своей свободой, по своей воле сыграл в этом лишь малозаметную роль.

Единственным успехом в его активе было подчинение Большой Ногайской Орды Московии (впрочем, весьма эфемерное).

В 1587 г. Урус-хан отправил османскому султану послание, которое нам не удалось обнаружить в Османском архиве, но которое цитирует Новосельский. В нём глава Большой Ногайской Орды приносит извинения за подчинение царю, так как «тот, кто владеет Астраханью, Волгой и рекой Яик будет господствовать над Ногайской Ордой»[57].

1588 г. отмечен новым поворотом в отношениях между Крымским ханством, Портой и Московией: в этот год слабый правитель Ислам-Гирей умер, и султан Мурад III возвел на ханство его молодого брата Гази-Гирея II, ставшего одним из самых великих правителей, когда-либо занимавших ханский трон в Крыму.

Это назначение противоречило чингизидской традиции, потому что у Гази-Гирея было два старших брата, Алп-Гирей и Мубарек-Гирей, которых обошли. Однако ситуация была слишком опасной; был необходим государь, способный противостоять новому готовящемуся наступлению Московии. Поэтому татарская знать безропотно приняла Гази-Гирея.

Это нарушение чингизидской *торе* объясняется в важном послании султана Мурада III к «главам и именитым лицам татарского народа»[58].

---

[56] См. по этому поводу: *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 275.

[57] *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 25. По мнению Г.Перетятковича (*Перетяткович Г.[И.]* Поволжье в XVII и начале XVIII века. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882, С. 313–316), цитирующего русские документы из фонда «Крымские дела», 1586, л. 12–18, к резкому повороту Большой Ногайской Орды был причастен Мурад-Гирей. В сентябре 1586 г., немногим позже основания русской крепости Самара, Урус-хан и ногайские мирзы отправили в Астрахань посольство, которое потребовало переноса и разрушения последней. Послы были приняты Мурад-Гиреем, который дал в их честь пир, «говорил им о великой власти, которую он получил от царя на Волге, Яике [Урале], Дону и Тереке» и заверил их, что Самара была построена только для того, чтобы «защищать ногаев Большой Орды от разбойников [казаков]», затем татарский князь раздал им богатые дары и отослал к Урус-хану.

[58] Письмо от 15 *джумада II* 996 / 13 апреля 1587 г., *MD*, LXII, *hüküm* 516 (см. док. V ниже), в котором падишах, превознося личные качества своего кандидата, кажется, фактически извиняется перед татарской знатью за такое нарушающее традицию назначение. Согласно В.Д.Смирнову (Указ. соч. С. 444), цитирующему *«Семь планет»,* султан, видимо, пообещал новому хану сохранить ханство за его прямыми потомками, обещание, которое, впрочем, не было сдержано в XVII в.

Насколько нам известно, это был первый раз, когда османский падишах обращался напрямую к главам татарских кланов по поводу возведения на трон нового хана, признавая, таким образом, существование в Крымском ханстве настоящего двоевластия, разделения власти между ханом-Гиреем и четырьмя *карачи*, представлявшими знать[59].

Гази-Гирей начал с того, что навёл в ханстве порядок. Он объявил всеобщую амнистию и пригласил принцев-*изгоев* вернуться в Крым. Сафа-Гирей принял приглашение и вернулся в Бахчисарай. За ним последовали многочисленные мирзы клана Ширин и ногаи, которые скрылись после смерти Мухаммед-Гирея II. Что касается ногаев Большой Орды, постоянно колеблющихся между Московией и Портой, то они были нейтрализованы затяжным конфликтом со своими двоюродными братьями из Малой Орды, которых поддерживал Крым. Во время этого конфликта два крупных ногайских племенных объединения воевали на износ, выражаясь фигурально, до последней капли крови; их главы, ханы Урус и Яхши-Саат, погибли в этой войне.

Чтобы противостоять энергичному Гази-Гирею, Москва взяла иной, более мирный, политический курс, пытаясь нейтрализовать ханство прежде, чем вновь пускаться в крупное наступление на Кавказе. При этой новой конъюнктуре Мурад-Гирей больше не был нужным элементом и становился даже обременительным.

Вскоре после восхождения нового хана на трон, царь Фёдор отправил ему грамоту, составленную в примирительном тоне:

«Прежде, когда Ислам-Гирей возглавлял крымский *юрт*, мы послали на Дон и Волгу крупную армию с многочисленными воеводами, которые должны были выступить с князем Мурад-Гиреем против Ислам-Гирея по причине творимых им беззаконий [...]. Но, когда мы узнали, что ты взошёл на трон, мы дали приказ отменить кампанию…»[60].

Что касается Мурад-Гирея, абсолютно точно то, что он тоже хотел примириться с новым ханом и вернуться прощённым в Османскую Порту.

---

[59] Можно сравнить трёхсторонние отношения между Портой, ханом-Гиреем и татарскими кланами с отношениями, которые в эту же эпоху существовали между Портой, молдавским и валашским воеводами и боярами этих двух княжеств.

[60] Письмо, приведённое С.М.Соловьёвым (Соловьев С.М. Указ. соч. С. 260). [У Соловьева цитата такова: «Прежде, как был на Крымском юрте Ислам-Гирей, то мы послали рать свою большую на Дон и Волгу со многими воеводами, а идти было им с Мурат-Гиреем царевичем на Ислам-Гирея царя за его неправды. Да и на Днепр за пороги к князю Кирику и к князю Михайлу Ружинским, к атаманам и черкасам послали мы голов Лихарева и Хрущова, велели им идти с черкасами на Крым. Но когда услыхали мы, что ты воцарился, то поход отложили и послали к тебе языка – татарина, которого прислали к нам с Днепра головы Лихарев и Хрущов и князья Ружинские». См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 4. История России с древнейших времен. Т. VII–VIII. М., 1989. С. 251–252. – *Д.М.*].

Действительно, в конце 1588 г. или в начале 1589 г. султан Мурад III посылал Гази-Гирею августейшее послание, посвящённое именно судьбе принца-*изгоя*:

«Недавно вы отправили в нашу достославную Порту письмо, в котором сообщаете нам, что Мурад-Гирей, сын убиенного хана Мухаммед-Гирея, находится в данный момент в Эждерхане и что он выказал полное подчинение и повиновение нашему Блистательному Порогу. [Вы сообщаете нам], что его письмо о подчинении было нам отправлено, что всем ногайским и другим племенам было указано перейти реку Дон, и что, милостью Божьей, весь край процветает. [...] Мы отправляем вам милостивое письмо, предназначенное упомянутому Мурад-Гирею. Когда оно дойдёт до вас, надлежит, чтобы в соответствии с вашей большой верностью и преданностью нашей счастливой Порте, вы бы приказали передать его [ему], и чтобы вы сообщили, что взамен подчинения и преданности, которые он выказал к нам, он будет осыпан различными великими благодеяниями со стороны нашей императорской особы»[61].

По какой-то причине Мурад-Гирей не принял предложения подчиниться Порте. Возможно, ему в этом мешали русские или, по неизвестной причине, он поменял своё мнение в тот момент, когда собирался вернуться в Крым. Как бы то ни было, с этого времени в течение остававшихся ему двух лет жизни положение принца-изгнанника было весьма двусмысленным. Оставаясь внешне вассалом царя, Мурад-Гирей, женившийся на дочери шамхала, союзника османов, захотел повести себя как практически независимый государь и попытался выйти из игры во время вооружённого конфликта, который, начиная с 1590 г., косвенно противопоставил в Дагестане Блистательную Порту и Московию. Можно даже задаться вопросом, не пытался ли Мурад-Гирей в 1589–1590 гг. при поддержке своего тестя основать на Северном Кавказе новое чингизидское владение.

Русское наступление на Кавказе

Наступление, которое Московия готовила на кавказском направлении, чтобы открыть себе путь в Иран, должно было прежде всего столкнуться с силами шамхала. Согласно некоторым документам из русских архивов, вероятно, прежде чем сойтись в битве с грозными кумыками, Московия безрезультатно попыталась в последний раз воспользоваться Мурад-Гиреем, чтобы избежать вооружённого конфликта и вывести шамхала из повиновения османам.

В грамоте царя, адресованной в 1590 г. воеводе Терека князю Андрею Хворостинину для передачи шамхалу, было сказано, что в 1589 г. царь, недовольный

[61] Августейшее послание хану Гази-Гирею, без даты (*шаабан* 996 / июнь 1588 г. – *реджеб* 996 / май 1589 г.), *MD*, LXIV, *hüküm* 232.

кумыкским правителем, возжелал послать против него крупную армию (*рать свою многую*), но ввиду того, что вмешался Мурад-Гирей, поход был отменён[62].

В феврале 1589 г. Мурад-Гирей был вновь приглашён приехать в Москву, где он был принят с великими почестями[63]. Надеялись ли русские ещё раз использовать последнего татарского *изгоя* или они только пытались усыпить его недоверие? Нам не известно, сколько времени он пробыл в Москве. Вероятно, в том же году он вернулся в Дагестан к шамхалу, так как в 1589 и 1590 гг., царь получил многочисленные подтверждения непостоянства своего «вассала»[64]. Они исходили как от грузин, так и от кабардинцев и представляли татарского принца как настоящего «двойного агента».

В конце 1589 или начале 1590 г. Семён Звенигородский, московский посол к царю Кахетии Александру, был предупреждён по поводу Мурада, «который с ногайскими мирзами, шевкалом (шамхалом) и черкесскими князьями, которые находятся под властью царя, вступит в соглашение с Турком [и они нападут] на Астрахань, Терек и владения Кахетии, так как они все принадлежат к басурманской вере»[65].

[62] Грузинские дела 1589–1591 [1589–1590. – *Д.М.*], I, ф. 103–383 (Посольство князя Семёна Звенигородского в Грузию) (см.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 114–115). [Точнее, посольство из Москвы в Грузинскую землю кн. Семена Звенигородского, дьяка Торха Антонова, старца Троице-Сергиева монастыря Закхея и др. См.: Сношения России съ Кавказомъ. Материалы извлеченные изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ делъ Сергеемъ Ал. Белокуровым. М., 1889. С. 84, 114–115. – *Д.М.*].

[63] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв., М., 1957, [Т.]I. XVI–XVII вв. С. 55.

[64] Вероятно, письмо султана Мурада III царю Фёдору необходимо отнести к концу 1589 г. В нём он требует выдачи «преступника» Мурад-Гирея, находящегося у шамхала (Кабардино-русские отношения… Т. I. С. 67). К сожалению, нам не удалось обнаружить копию этого документа в турецких архивах. Доказательством присутствия Мурад-Гирея на Северном Кавказе и весьма реального влияния, которым он ещё обладал в 1590 г., служит рассказ о возвращении посольства князя Семёна Звенигородского. Он хотел проехать через центральный Кавказ, но ему отказал в эскорте кабардинский князь Шолох, который в конце концов уступил, «потому что об этом его попросил Мурад-Гирей, а не с тем, чтобы угодить воеводам или царю» (С.А.Белокуров, *указ. соч.*, с. 137). [В оригинале цитата имеет несколько другой смысловой оттенок: «И, грамоту выслушав, говорил [Солох]: провожати государевых послов едет до тех мест, покаместь велел ему государевых послов проводити царевич Мурат-Кирей; а хожу де яз по Мурат Кирееве царевича грамоте, – а в Терской город к воеводам не еду». – *Д.М.*].

[65] Там же. С. 183. [В оригинале цитата такова: «…государю царевич Мурат Кирей хочет изменить. Как его государь отпустит в Астрахань и рать свою ему дастъ, – и онъ с нагайскими мурзами и с Шевкалом и с Черкасскими князьми, которые не под государевою рукою, совет учинят с Турским и учнут промышляти над Астараханью и над Терским городом и над Олександровым государством, потому что вера их бусурманская одна». – *Д.М.*].

Также в конце 1589 г. или в начале 1590 г. в Москву прибыло грузинское посольство, возглавляемое князем Соломоном и монахом Хуршитом. Принятые боярином Борисом Годуновым, грузины попросили о выступлении русской армии против шамхала. «Прежде, – заявили послы, – этот поход был отменён после вмешательства Мурад-Гирея [...] Этот князь дал клятву верности царю только для того, чтобы позволить туркам занять путь по Тереку и остановиться у шевкала»[66].

В то же время царь получил послание кабардинского князя Ачекан-мирзы сына Канбулата сына Темрюка, войска которого были отправлены в Москву, чтобы наряду с русскими принять участие в войне против шведов, с предупреждением «остерегаться Мурад-Гирея, который является нашим врагом»[67].

Русское наступление на юге началось в 1590 г.[68] В первую очередь оно было направлено против шамхальства. На этом новом этапе Мурад-Гирей, зять кумыкского правителя, был совершенно бесполезен московитам. Из союзника он становился могущественным врагом.

Русское продвижение в Дагестан было медленным; оно было отмечено возведением крепостей. В 1590 г. воевода Хворостинин разбил кумыков на реке Сунжа и построил там крепость (на месте двух крепостей, которые русские построили в 1567 и 1578 г. и которые они были вынуждены разрушить вследствие давления османов и татар). Другая крепость была возведена на Тереке, а на берегу Каспийского моря, в устье реки Койсу – маленькую крепость Сулак. Это продвижение предоставляло московитам выгодные позиции, что обеспечило им преимущество в конце 60-х годов и стало прямой причиной турецкой кам-

[66] Там же. С. 231. Годунов с явным преувеличением ответил, что «сейчас все христианские монархи: римский цезарь, король Испании, король Франции, король Литвы и другие великие суверены объединились согласно воле нашего суверена; другие суверены передали ведение дела нашему царю – что может Турок сделать в одиночку?». Послы Кахетии отнеслись с особым вниманием к союзу царя с королём Франции и наивно сказали Годунову: «Наш царь просит царя приказать королю Франции напасть на турецкие земли [...], чтобы у Турка не было больше людей, чтобы напасть на нас» (Там же. С. 231). [В оригинале цитата такова: «И все великие государи крестьянские, цесар Римской и корол Ишпанской и корол Францовской и Литовской корол и иные великие государи все учинилися в государя нашего воле и в соединенье; а иные государи учинилися под государя нашего царскою рукою. И Турскому одному что учинить? И послы говорили: а государь наш Александръ и мы все о том Бога молим, чтоб Господь Богъ государево счастье возвысил и все враги его покорены были под ноги его… И государь наш со всею землею о том возрадовался и велел тебе царского величества шурину и ближнему боярину, бити челом, чтоб великий государь приказал ко Францовскому королю, чтоб он с своей стороны Турскую землю воевал». – *Д.М.*].

[67] Кабардинские дела..., 1589–1590, *там же*, с. 72.

[68] В 1590 г. царь Фёдор символически добавил к своим титулам титул «царя страны Иберия» [самодержец Иверский. – *Д.М.*] и «государя царей Карталины (Kartaline) и Грузии, а также князей кабардинских земель, черкесских князей и горских князей».

пании против Астрахани в 1569 г. и крупного похода Девлет-Гирея против Москвы в 1571 г. На этот раз их позиции казались определённо более сильными, а, кроме того, это перекрывало туркам и татарам путь в Дербент[69].

Нам не известно, где находился татарский принц во время сражений между русской армией и войсками его шурина и каково было его поведение во время конфликта. Известно только, что, вероятно, в конце 1590 г. Мурад-Гирей отправился в Астрахань. Причины этого возвращения остаются невыясненными. Рассчитывал ли он вновь сыграть важную роль у русских или же, ставши нежеланным в Дагестане, был вынужден искать единственного пристанища, которое ему ещё казалось надёжным? Как бы то ни было, согласно русским архивным документам, хан Гази-Гирей сразу же потребовал его высылки. Немногим позже принц умер в Астрахани, вероятно, от отравления[70]. Татары и русские переклa-

[69] Теснимый русскими на севере и грузинами на юге, шамхал обратился в 1590 г. к османскому падишаху с просьбой о помощи. Мы не обнаружили этого документа в Османском архиве, но он упоминается С.А.Белокуровым (Указ. соч. С. 77, 119, 123, 131, 133), который заявляет, что «без помощи турецких армий все османские владения – Дербент, Шемаха и Гянджа – были бы потеряны».

[70] Смерть татарского принца породила любопытную легенду, в которой присутствуют необычные элементы вампиризма. Эта легенда фигурирует во многих русских летописях («Морозовская летопись», «Летопись о мятеже»), процитированных, как следует ниже, С.М.Соловьёвым (Указ. соч. С. 312): «...басурмане послали колдунов (*ведуны*), которые навели на него порчу (*испортили*). Увидев, что он тяжело болен, воеводы привели к нему врача араба *(арапа)*. Араб заявил, что излечить его невозможно, пока не найдут колдунов, которые навели на него порчу. Взяв с собой русских, он пошёл к кочевникам (*в юрты*), схватил колдунов и начал их пытать. Колдуны сказали ему: “Если кровь больных не застыла, их можно исцелить”. Тогда араб приказал колдунам извергнуть кровь (*метать из себя кровь*) в таз, и они отдали всю кровь, которую они высосали у князя, у его жён, и у других татар, пока те спали. Колдуны объяснили арабу: “Вот кровь принца, вот кровь его жён, а вот кровь других татар”. Кровь князя и одной из его жён была полностью застывшей, и колдуны сказали, что они не выживут. Те, чья кровь не была застывшей, могли выжить, если их обмазать их собственной кровью. Когда принц умер, воеводы доложили обо всём царю. Царь послал в Астрахань Астафия Пушкина, приказав ему пытать колдунов, чтобы узнать, кто приказал им извести принца, и после пытки сжечь их. Пушкин крепко пытал колдунов, используя различные пытки, но не смог ничего узнать от них. Тогда тот же араб повёл речь и сказал, что так у них ничего не выведаешь. Он приказал сунуть им в рот конские удила, подвесить их за руки и бить не по телу, а по противоположной стене. Тогда они заговорили. После пытки воеводы приказали сжечь их, и тот же араб сжёг их, используя своё умение. Когда их сжигали, к костру слетелось множество ворон и воронов». [Ср.: *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. 2-е изд. М., 2006. С. 191–192. – *И.З.*]. [У Соловьева цитата такова: «…Бусурманы прислали ведунов и его испортили. Воеводы, видя его болезнь великую, привели к нему лекаря арапа. Арап сказал, что его вылечить нельзя, пока не сыщут ведунов, которые его портили, взял с собою русских людей, пошел в юрты, перехватал там ведунов и начал их мучить. Ведуны

дывали друг на друга ответственность за преступление, и невозможно установить истину, так как обе стороны имели равные мотивы к тому, чтобы устранить его.

Со смертью Мурад-Гирея заканчивается затяжной внутренний конфликт в семье Гиреев, которым воспользовались все крупные и малые государства, боровшиеся за обладание Кавказом и стратегическими и торговыми путями, соединяющими, с одной стороны, Московию с Ираном, а с другой – Крым с Закавказьем.

Эта дата отмечает новый весьма важный поворот в истории Крыма. Мурад-Гирей был последним чингизидским кондотьером, который пытался, и которому почти удалось создать себе полунезависимое владение на Нижней Волге и Восточном Кавказе. Он также был последним Гиреем, который, будучи вынужден покинуть свою родину, в качестве прибежища выбрал Москву.

После 1591 г. это обыкновение совершенно исчезает. С этих пор Османская Порта сажает на крымский трон своих кандидатов, удерживая у себя братьев правящих ханов в качестве заложников и возможных преемников. Так, когда Гази-Гирей «Буря» взошёл на трон, его старшие братья Алп и Мубарек, вместо того, чтобы укрыться в Московии или Польше, удовольствовались тем, что отправились в Стамбул и там спокойно окончили свои дни при дворе падишаха.

Борьба за обладание Восточным Кавказом продолжалась, тем не менее, ещё четырнадцать лет.

1591 г. ознаменовался новым русским выступлением против шамхальства и крупным татарским контрнаступлением против Московии в июле, проходившим под командованием самого хана и закончившимся серьёзным поражением крымцев.

Однако в 1592 г. хан и его князья осуществили новый поход против пограничных районов Московии, которые были ими разорены. Эти два крупных набега совпадали с началом русско-шведской войны, но их главной причиной было возведение русских крепостей на Северном Кавказе. Нападая на Московию, Гази-Гирей действовал в интересах Османской Порты, а не в своих собст-

сказали: «Если кровь больных не замерзла, то можно пособить». Тогда арап велел ведунам метать из себя кровь в лохань, и они выметали всю кровь, которую выпили из сонного царевича, жен его и других татар и тем их испортили. Ведуны рассказывали арапу по порядку: вот это кровь царевича, вот эта его жен, вот эта других татар; кровь царевича и одной из жен его вся замерзла, и потому ведуны сказали, что им живым не быть; чья же кровь не замерзла и если помазать ею больного, то он останется жив. Когда царевич умер, то воеводы донесли обо всем подробно государю; царь отправил в Астрахань Астафия Пушкина с приказаньем пытать ведунов, по чьему умышлению испортили царевича, и после пытки пережечь. Пушкин пытал ведунов накрепко разными пытками, но ничего не мог допытаться. Тогда тот же арап начал говорить, что у них так ничего не допытаться, а велел положить им в зубы конские удила, повесить их за руки и бить их не по телу, а по стене против них, и они стали все сказывать. Воеводы, после пытки, велели их сжечь, и жег тот же арап своим мастерством; когда их жгли, то слетелось сорок и ворон многое множество». См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 4. Т. VII–VIII. С. 301. – *Д.М.*].

венных, в отличие от своего отца Девлет-Гирея, в 1571 г. пытавшемся восстановить власть чингизидов в Казани и Астрахани.

За этими двумя походами последовали долгие переговоры между татарами и московитами; первые от имени османов требовали «вновь открыть путь Крым – Дербент и оставить Терек»[71], вторые отвечали, что этот путь остается открытым для турок и татар, но отказывались разрушать свои крепости на Тереке.

Вовсе не желая уступать, русские готовились к новому «броску вперёд». В Москве, с одной стороны, переоценивали русские силы, а с другой недооценивали мощь Порты и Крымского ханства, войска которых, начиная с 1594 г., были практически постоянно задействованы в борьбе против войск Империи в Венгрии.

Летом 1593 г., с завершением войны против Швеции, в Москве было принято решение отправить против шамхала «крупную армию» (*большую рать*) под командованием воеводы Хворостинина, который должен был захватить Тарку, столицу Дагестана, с помощью грузин, Больших ногаев и кабардинцев[72].

В 1594 г. Хворостинин построил новую крепость в устье Койсу-Сулак и оставил там гарнизон в 1000 стрельцов; затем он молниеносно занял Тарку, но после контратаки шамхала вынужден был оставить её с большими потерями.

Несмотря на это поражение, русский натиск не ослаб. В 1595 г. была построена новая крепость на Каспийском море, в устье реки Яик (Урал), чтобы предупредить возможную атаку бухарского хана Абдуллы на Астрахань.

В 1603 г. возобновилась война между Османской империей и Ираном, и Москва, ожидая, что армии шаха завоюют южный Дагестан, подготовилась к последнему, наиболее важному походу против шамхальства, который до сих пор в одиночку сопротивлялся русскому продвижению[73].

Эта кампания была проведена в 1604–1605 гг., незадолго до начала «Смутного времени», со значительным числом военных сил с русской стороны: более 10 000 человек, стрельцы и казаки с Терека, а также многочисленная артиллерия под командованием воеводы Бутурлина. Она началась успешно: осенью 1604 г. русские достигли Терека, а в январе 1605 г. Бутурлин захватил Тарку, столицу шамхальства. Но всё закончилось крупным поражением. Турецкая армия, спешно прибывшая из Шемахи на помощь шамхалу, заблокировала русских в Тарку; Бутурлин добился от османов свободного прохода своих войск, но на обратном

[71] Грамота Гази-Гирея Борису Годунову, «Крымские дела», 8, л. 234–238 (*Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 281). [Соединение двух цитат: «ныне из его города из Азова в Дербень людем его проходу нет» из грамоты хана Борису Годунову и «государь бы с Терки терских казаков снести велел и Терку город велел снести» из речи крымского посла Ямгурчи. – *И.З.*].

[72] *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890, I.

[73] А.П.Новосельцев (Русско-иранские отношения во второй половине XVI века // Международные связи России до XVIII в. М., 1961. С. 456) считает, что в 1602 г. иранским посольством в Москве был по всем правилам подписан военный союз, предусматривающий совместные операции на Кавказе.

пути они были окружены и почти полностью перебиты. Семь тысяч погибших, в том числе все воеводы, остались на поле боя[74].

Так, кровавым поражением завершилась последняя попытка Московии укрепиться в Дагестане. Все русские крепости на Тереке, Сунже и Койсу-Сулаке должны были быть разрушены, а с таким трудом завоёванная территория – оставлена. Русские армии появятся у подножия гор Дагестана лишь два века спустя, при Екатерине II, а окончательная победа над этим краем произойдёт лишь во второй половине XIX в.

Затяжной кризис, начавшийся со смертью Мухаммед-Гирея II, завершался, таким образом, успехом османов, который, впрочем, не продлился долго. Он означал не только поражение русских в прокладывании себе пути к Ирану, но также – косвенно – окончательный крах их чаяний восстановить в свою пользу целостность территорий Золотой Орды. Московия времён царей Фёдора и Бориса потерпела поражение в своих попытках *собирания юрта* Бату, и Крым ушёл у неё из рук ещё на два столетия. Но, со своей стороны, Гиреи вынуждены были оставить, как мы это отмечали в начале статьи, все надежды восстановить господство дома Чингиза над Казанью и Астраханью. После крупного поражения Гази-Гирея под Москвой в 1591 г. произойдёт ещё несколько татарских набегов на русские территории, однако крупных походов против русской столицы более не будет. В XVII веке между двумя державами устанавливается равновесие, которое будет нарушено лишь в конце века, с походами Петра Великого против Азака.

С другой стороны, после провала крымского нашествия в 1584 г. и долгой братоубийственной войны, в которую они затем были втянуты, ногаи Малой и Большой орд перестали играть роль практически непобедимой военной силы, которой они были в XV и начале XVI веков. С этого времени начинается их непрекращающийся упадок.

В конце концов, не является ли этот любопытный конфликт между татарскими ханами, которые в XVI в. пытались ввести модель наследования оседлых государств – от отца к сыну – и турецкими падишахами, которые выступали защитниками кочевой модели наследования – от брата к брату – чтобы легче навязывать своих кандидатов, наилучшим опровержением постулатов русских историков ([В.Д.] Смирнов), которые утверждали, что с XV в. Крымское ханство уже находилось под жёстким и абсолютным контролем Османской империи?

Париж – Стамбул, 1973 г.

---

[74] Исследование, основанное на османских документах и посвящённое роли черкесских племён и княжеств Дагестана в конфликте между Московией, Османской Империей, сефевидским Ираном и Крымским ханством в конце XVI – начале XVII веков, вскоре будет опубликовано в *CMRS*. [Из недавней литературы на русском языке см. *Шмелев А.С.* Русско-дагестанско-османский конфликт в начале XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 4. М., 1992. – *И.З.*].

Документы[75]

I

Императорское послание татарскому хану Ислам-Гирею

Недавно вы отправили к нашему Блистательному Порогу и в нашу Возвышенную Порту письмо, в котором сообщаете, что спустя два-три месяца после вашего восшествия на престол вашей страны, сбежавшие принцы (султаны) собрали несколько тысяч разбойников, ногаев и [людей] шамхала. Они на вас внезапно напали и окружили в городе Бахчисарай. В течение семи или восьми дней там происходили бои, битвы и великая сеча.

Во время битвы число разбойников беспрестанно увеличивалось, вам удалось вырваться и, сражаясь, вы смогли, с Божьей помощью, укрыться в крепости Кафы.

Разбойники пришли и расположились лагерем у стен Кафы, и в течение более двух месяцев каждый день там происходили бои. Большое число разбойников было зарублено саблями на поле боя. Затем, захватив языков (*dil*), вы на них напали с янычарами и другими победоносными [османскими] войсками, посланными [вам на помощь] нашей подобной раю Портой, а также с войсками, [приведёнными] *бейлербеем* Шемахи Ферхадом и другими достославными предводителями, мирзами и вашими братьями.

Бои, битвы и резня были долгими, но, в конце концов, с помощью Господа – Всевышнего Благодетеля, с помощью Пророка – избранника Божьего и помощью четырёх Друзей – первых верных спутников [Пророка], наши победоносные войска нанесли врагу поражение и разбили его. Войска ислама преследовали бегущего врага. Эсен-бею, большому числу беев и наиболее известных среди ногаев мирз отсекли головы.

Вы нам сообщаете о многочисленных деяниях, достойных похвалы, которые были совершены по этому случаю.

[Вы нам также сообщаете, что] в течение нашего императорского правления Масал, который с незапамятных времён является [вашим] врагом, отбыл из Кафы в Азак и что там он заявил: «Я имею на руках акт об инвеституре (*berat*) и приказ (*hüküm*), отдающий трон принцам [сыновьям предыдущего хана]».

Такие речи держал он, смущая, таким образом, порядок, установившийся среди татарского населения. Вы нам сообщаете, что из-за этих речей вы испытали опасения.

---

[75] Перевод документов в приложении был сделан на семинаре г-на Пертева Боратава (Pertev Boratav), научного сотрудника CNRS в рамках проекта RCP 159 «Анализ и публикация османских архивных документов». Мы пользуемся этой возможностью, чтобы горячо поблагодарить нашего друга, г-на Мидхата Сертоглу (Midhat Sertoglu), генерального директора Османского архива при Премьер-министре, за доброжелательность и радушное гостеприимство.

Между тем, ногаи послали Хак-Кулы-Хаджи с мирным договором (*ahidnâme*), в котором заявлялось, что ногайский народ подчиняется и повинуется нашей Блистательной Порте и вашим приказам.

Кроме того, вы нам сообщаете, что вы передали нашей Блистательной Порте письма, которые были адресованы [вам] означенными князьями [сыновьями хана] и шамхалом и в которых они подтверждали свою преданность и подчинение.

С другой стороны, вы попросили нас отправить *бейлербею* Кафы, беям черкесов и ногайским мирзам письма примирения, предписывая им подчиниться вашим приказам и приказывая им следовать туда, куда направитесь вы.

Всё, что вы так прекрасно изложили, сообщили и передали, было полностью доведено до нашего благородного миробъемлющего императорского сознания. В соответствии с вашей просьбой к нашей счастливой Порте, были отправлены священные приказы *бейлербею* Кафы, беям черкесов и ногайским мирзам, предписывающие им подчиниться вашим повелениям и отправиться туда, куда пойдёте вы, [предлагая им] приложить всё их усердие в служении вам.

Ввиду того, что вы выросли в нашей Порте, подобной Раю, и всегда были осыпаны нашими бесчисленными благодеяниями, наш щедрый на помощь и поддержку взгляд всегда будет благосклонно направлен на вас...

[*Приписка на полях*:] В настоящее время вам будут оказаны наши бесчисленные благодеяния. Среди прочего вы получите сабли, которые всегда служили славным завоеваниям, и одну из них, инкрустированную драгоценными камнями, бриллиантами, рубинами, гранатами и бирюзой, а из нашего гардероба – благородное и торжественное одеяние из соболя *seraser*.

BOA, Mühimme Defterleri, LVIII, hüküm 462.

II

Императорское послание ногайским беям[76]

Ныне Ислам-Гирей-хан, прибежище эмирства – да будет вечным его величие! – прислал в мою счастливую Порту письмо, в котором сообщает, что спустя около трёх месяцев после его восхождения на трон его страны сбежавшие татарские султаны собрали несколько тысяч ногайских разбойников[77] и [людей] шамхала. Они внезапно напали на него и окружили его в месте, называемом Бахчисарай. В течение семи-восьми дней шла битва, сражение и большая сеча, после чего войска разбойников пришли и расположились лагерем перед Кафой.

[Там] бои продолжались каждый день в течение двух месяцев. Многим разбойникам посекли головы на поле брани. Были взяты языки (*dil*), способные

[76] Речь идёт о ногаях Малой Орды.

[77] Здесь речь идёт о ногаях Большой [Ногайской] Орды.

дать точные сведения. Тогда он [хан] выступил против разбойников с янычарами и другими победоносными войсками, а также войсками под командованием *бейлербея* Шемахи Ферхада – да сопутствует ему вечно удача! – и войсками [под командованием] других славных ханов, мирз и его братьев. Тогда разбойники потерпели поражение и были разбиты. Мои победоносные солдаты преследовали их. Эсен-бей – который был причиной этих волнений, – ногайские беи и мирзы и другие известные предводители были зарублены саблями на поле боя.

Тогда дьявольские солдаты – да постигнет их поражение! – которым удалось уклониться от сабель, рассеялись, спрятавшись, кто где мог. [Хан пишет также], что главы были осыпаны почестями и что князья, сыновья хана (*khanzâde*), все исчезли и чрезвычайно потеряли в своей силе. Хан сообщает мне также, что эти самые князья имеют всё же намерение вновь напасть на татарскую страну.

От вас ждут, что в соответствии с верностью и преданностью, которые вы с незапамятных времён проявляли к нашей Порте – пристанищу блаженства, и к нашему Дому – твердыне справедливости, в случае, если означенные принцы проникнут на территорию татарского [ханства] или укроются у кого-либо с намерением [оттуда] наносить вред и чинить препятствия какой-либо территории, вы свяжетесь с ханом Ислам-Гиреем – да будет вечным его величие! – отсылая ему письма и посланников. Таким образом, вы окажете ему услуги, которые от вас потребуются, и исполните мой славный императорский приказ.

Итак, я вам повелеваю:

Как только дойдёт до вас мой приказ и в соответствии с верностью и преданностью, которые вы всегда проявляли к нашей Досточтимой Порте и нашему Возвышенному Порогу, вы проявите надлежащую бдительность. В случае, если князья [мятежники] привлекут на свою сторону неких свернувших с пути истинного [ногайских] беев и предводителей, и если, подкрепившись их силой, они проникнут на татарскую территорию с намерением чинить там вред и вражду, приложите все ваши силы и будьте готовы с вашими армиями и снаряжением и вашими хорошо организованными и хорошо вооружёнными войсками. Поддерживайте сношения с означенным ханом в полном союзе и понимании, действуя заодно и единодушно. Приложите достойные похвал усилия и несравненное усердие на службе моей победоносной императорской особе.

Таким образом, милостью Господа – Всевышнего Благодетеля, вы вычеркнете и сотрёте со страниц времени их запятнанные предательством тела. Я ожидаю, что вы исполните свой долг, дабы увековечить вашу славу, и, оказывая [мне] услуги, удостоитесь различных почестей. Если Богу будет угодно, за ваши услуги, которые вы нам окажете, вы получите почести, награды и денежные вознаграждения.

Не медлите ни минуты в исполнении вашей службы.

[*Адресаты:*]
[Яхши-Саат бею[78], гордости благородных глав.
Его сыновьям и братьям.
Крымским беям, гордости прославленных глав.
Мирзам [Крыма и ногаев?].
Беям [черкесского племени] жанэ.
Орак оглу Бамса[Намса?][79]-мирзе.

BOA, Mühimme Defterleri, LVIII, hüküm 454, без даты.

III

Приказ наместнику Азака Мустафа-бею

Ранее ты отправил нам письмо, в котором сообщил, что Хак-Кулы-Хаджи, проводник *капыджи*, прибыл с несколькими людьми к моему визиру Джафер-паше в Демиркапы. В последнюю декаду месяца *сафар* означенный Хак-Кулы-Хаджи вернулся в Азак.

Кроме того, [ты нам сообщаешь, что] необходимые суммы[80] были собраны с налогов территории [Азака].

Яхши-Саат, один из беев ногайского народа также был послан [в Демиркапы] и прибыл туда. Но [ты нам сообщаешь], что *ханзаде*[81], который ступил на путь мятежа и соблазна и который находится у негодяя-шамхала, не даёт свободного проезда по территории шамхальства *чавушам* и *капыджи*, которых мой Порог, подобный Вышним Небесам, желает послать в Демиркапы.

Также [ты пишешь нам, что] сошедший с истинного пути шах послал означенному *ханзаде* саблю и почётный кафтан.

Учитывая, что пути [между Азаком и Демиркапы] опасны и ненадёжны, Яхши-Саат решил приказать *чавушам* и *капыджи* вернуться в Азак. Ранее четверо посланников были отправлены в Демиркапы с сообщениями. Трое были убиты гнусными русскими, а письма – потеряны; четвёртому, переодевшись, удалось достичь Демиркапы, и он узнал там новости.

Твой отец, который находится в Шемахе во главе победоносных воинов ислама, отправил тебе письмо, [в котором] сообщает тебе, что Шуджа-кетхуда был назначен наместником [Демиркапы] и что подданные городов и деревень

[78] Яхши-Саат, хан ногаев Малой Орды.

[79] Возможно, это имя следует читать «Йанша» (стяженный вариант имени Джихан-шах). – *И.М.*

[80] Здесь имеются в виду средства на выплату жалования османским войскам в Дербенте (Демиркапы).

[81] Мурад-Гирей.

ведут там мирную жизнь при августейшем правлении падишаха. Ты нам сообщаешь обо всём этом, и мы с этим ознакомились.

Сейчас тебе надлежит принять соответствующие меры и послать в Демиркапы и Ширван способных шпионов, чтобы добыть сведения, которые ты передашь нам. Это дело важное, поэтому я приказываю, чтобы ты изучил ситуацию и действовал сообразно с ней. Где в действительности находится вышеозначенный *ханзаде*? У кого он нашёл прибежище? Выясни его враждебные намерения.

Если у тебя есть возможность послать в Демиркапы и Ширван способных шпионов, снаряди их и, получив достоверные сведения о событиях и положении в этих землях, передай их моей Блистательной Порте.

BOA, Mühimme Defterleri, LX, hüküm 572, датирован 6 джумада II 994 / 25 мая 1586 г.

IV

Отрывок из приказа находящемуся в Демиркапы великому визирю Джафер-паше

...Ты нам сообщаешь, что враждебные кызылбаши не проявляют никакой активности в каком бы то ни было месте.

С другой стороны, ты нам сообщаешь, что старший сын хана, Саадет-Гирей, который находился прежде у шамхала, отправился к королю России (*рус кралы*) и там умер. Его второй сын, Мурад-Гирей, сбежал из страха перед русскими и укрылся у кумыков. Его младший сын, Сафа-Гирей, находится у черкесов в весьма несчастном и нищенском положении.

Ты нам также сообщаешь, что, согласно посланникам и сведениям, прибывшим из страны шамхала, та область находится в состоянии полного спокойствия...

BOA, Mühimme Defterleri, LXII, hüküm 433, без даты.

V

Приказ предводителям (эмирам) и знати татарского народа с копией великому визирю

Ввиду смерти Ислам-Гирей-хана стало необходимо и крайне важно для нашей Блистательной Порты назначить на его место другого хана.

Однако Гази-Гирей – прибежище эмирства, обладающий необходимой властью, чтобы править страной, наделённый благоденствием и счастьем, облагающий ангельской добродетелью, совершенством суждения и действия, в котором проявились благодеяния Господа – Всевышнего Благодетеля, был взят в плен гнусными кызылбашами в то время, когда он исполнял службу в моем достославном императорском деле.

Долго он страдал в оковах и темницах. Напрасно кызылбаши сулили и предлагали ему милости, Гази-Гирей отказался внимать их речам, так как они народ еретиков – да проклянёт Бог их предков! – которые непримиримо поносят четырёх Друзей [четырёх первых халифов] – да будет Господь доволен ими!

Он [Гази-Гирей] смог утаить верность своего сердца и скрыть чистоту своей веры и отказался вступить в сговор с этой бандой, сошедшей с пути истинного. Наконец, не имея другого выхода, он обратил лицо к побегу. С помощью Всемогущего Господа Вседержителя, после побега, который длился дни и ночи, он, наконец, достиг безопасных пределов. Там он присоединился к моему визирю Осман-паше, главнокомандующему войсками [занятыми в сражениях] при Тебризе. В течение этой кампании он оказал множество услуг, участвуя в сражениях за моё императорское дело. За это он удостоился признательности и похвалы от нашей величественной императорской особы и смог просить у нашей Порты – прибежища справедливости, милостей и благодеяний.

С другой стороны, Гази-Гирей был вскормлен нашими благодеяниями. Его верность и искренность его чувств очевидны. Его многочисленные преданные и добрые услуги заслуживают признательности, и их предостаточно, чтобы он был окружен всякого рода благодеяниями. Итак, я решил осыпать его моими бесчисленными августейшими императорскими милостями.

Так, в этом 996 году, начиная с 17-го дня месяца *джумада I,* означенный Гази-Гирей – да будет вечным его величие! – был избран [мною чтобы занять] трон Крымского ханства. Этот пост был ему доверен и освящён.

Поэтому, в этот самый момент он готов отбыть к вам. Чтобы сообщить вам обо всём этом деле, мы вам отправили наш священный приказ, которому вы должны подчиниться. Как только вы его получите, сообразно полной преданности и великой верности нашему Порогу, отмеченному печатью блаженства, и нашей Блистательной Порте, на которой начертан знак справедливости, следуя стиху [Корана]: «Повинуйтесь Богу, его Пророку и тем из вас, кому принадлежит власть», вам следует повиноваться нашему *фирману*, которому должно подчиняться всё.

Вам следует признать Гази-Гирей-хана крымским ханом и никогда не действовать вопреки его слову. Повинуйтесь и подчиняйтесь ему в добром согласии и единении.

Остерегайтесь действовать вопреки его приказам – Бог этого не допустит. Вы не должны позволять ни втягивать вас в беспорядки, ни предавать вашу веру и вашу религию, слушая речи разбойников и смутьянов.

Знайте, что повиновение и подчинение моему священному приказу будут для вас источником счастья и благоденствия.

BOA, Mühimme Defterleri, LXII, hüküm 516,
датирован 15 джумада II 996 / 11 апреля 1587 г.

Шанталь Лемерсье-Келькеже

Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива)*

Выявление в Реестрах августейших посланий (*Наме-и Хумайун Дефтерлери*) [Османского] архива при Премьер-министре в Стамбуле нескольких неопубликованных текстов, касающихся дипломатических отношений между верховным правителем калмыков ханом Аюкой и Блистательной Портой с 1704 по 1710 гг., в период правления султана Ахмета III, позволяет представить в новом свете весьма любопытный и бурный отрезок истории этого малого народа Нижнего Поволжья. Принадлежащие к монголоидной расе и исповедующие буддизм калмыки насчитывают сегодня только 106 066 человек[1], но в XVII и XVIII вв. они представляли грозную силу, с которой вынуждены были считаться Пётр Великий и османский падишах. Роль калмыков в сложной военно-политической драме, которая разыгрывалась в то время на территории степей между Чёрным и Каспийским морями, была весьма значительной. Россия только недавно проникла в этот регион, который у неё оспаривали как Крымское ханство со своим сюзереном, Османской империей, так и горцы Северного Кавказа, а также кочевые племена ногаев и казахов.

Калмыки[2] поздно пришли в этот регион. По достоверным данным, в 1618 г. орда, числом в несколько тысяч шатров, под руководством *тайши* Хо-Урлюка покинула Джунгарию в поисках новых земель. Это был великолепно организованный завоевательный поход, методический и беспощадный. Продвигаясь на юго-запад, калмыки прошли казахские степи, оставляя позади себя кровавый и разрушительный след. 1623–1625 гг., в течение которых Орда пересекала цент-

---

* *Lemercier-Quelquejay Ch. Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire russe et l'Empire ottoman sous le règne de Pierre le Grand (d'après les documents des Archives Ottomanes) // CMRS. T. 7 (1966). № 1. P. 63–76.*

[1] Советская перепись 1959 г. определяет численность калмыков в СССР в 106 066 человек, из которых 80 632 составляет сельское население, 25 434 – горожане. Из этого числа только 64 882 проживают на территории Калмыцкой АССР, расположенной на Нижней Волге.

[2] Калмыки, по-тюркски *Калмак*, от глагола *kalmak* «оставаться позади», народ западной монгольской группы, звались восточными монголами и китайцами «Ölöt», отсюда пошёл западный термин «Ойроты». Калмыки насчитывали четыре крупных племенных объединения: джунгары, торгуты, хошоты, дербеты. Орда, которая обосновалась на Волге, состояла в большинстве из торгутов и небольшого количества дербетов и хошотов.

ральный район современного Казахстана, разоряя всё на своём пути, были для казахских племён временем «больших несчастий» (*aktaban šubrundy*), неизгладимым воспоминанием о котором всё ещё отмечена вся устная литература тюркских кочевников Центральной Азии настолько, что уходят в забвение ужасы монгольских завоеваний Чингиз-хана.

Чтобы избежать полного истребления, три крупных племенных казахских объединения обратились к России, прося у неё помощи и защиты, открывая, таким образом, путь для русского продвижения в Центральную Азию, что между 1822 и 1848 гг. привело к ликвидации независимости казахских орд и переходу огромных степных территорий под прямое управление русской администрации. Это было первое косвенное историческое последствие появления калмыков на мировой арене.

В 1630 г. калмыцкая Орда достигла берегов Волги[3]. Она не стала переходить реку, которая отмечала в то время границу владений Московского государства, и расположилась между Волгой и рекой Урал, откуда она изгнала Большую Ногайскую Орду. С самого начала завоеватели представлялись воистину чуждым, буддистским и монгольским элементом среди мусульманского и тюркского населения. Окружённый врагами, этот народ мог надеяться выжить только благодаря своей сплочённости и военному превосходству. Поэтому первые калмыцкие князья (*тайши*) Хо-Урлюк и его преемник Шукур-Дайчин делали попытки и преуспели в установлении крепких связей между кланами и племенами, строгой дисциплины в условиях неспокойного феодализма. Действительно, они превратили [Калмыцкую] Орду в самую эффективную и грозную военную машину из всех, которые видели юго-восточные границы России в ту эпоху.

Посредством ужаса, который внушали быстрота и жестокость их набегов, которым они иногда придавали религиозный оттенок «буддистских крестовых

[3] Ей предшествовали авангарды. Первые русские документы, касающиеся калмыков, относятся к началу XVII в. В 1614 г., князь Пожарский, *воевода* Самары [имеется в виду князь Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский, самарский воевода с весны(?) 1612 по 29 июня 1614 г. См.: Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. № 2 (далее: Барсуков); Разрядная книга 1598–1638 гг. / Сост. В.И.Буганов, Л.Ф.Кузьмина. М., 1974. С. 297–298; Разрядная книга 1550–1636 гг. / Сост. Л.Ф.Кузьмина. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 269–270, 274, 275–276; Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113–7121 гг.) // ЧОИДР. 1907. Кн. 2. Отд. 1. С. 26. – *Д.М.*] докладывал Москве о походе одного отряда в 1700 *стрельцов* против калмыцких кочевников за Волгой (*Акты исторические [, собранные и изданные Археографическою комиссиею]*, т. III, № 248, с. 411–413). В 1618 и 1620 гг. царь Михаил направлял грамоты к калмыцкому *тайше* Каракулу, беря его под своё покровительство (*Собрание Государственных грамот и договоров*, [хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. – *Д.М.*] часть 3, № 37 и 53).

походов»[4], калмыцким тайшам фактически удалось установить реальное господство над окружавшими их мусульманскими кочевниками: ногаями, юртовскими (астраханскими) татарами, каракалпаками, казахами Букеевской Орды, туркменами Мангышлака, кумыками с Терека, горцами из Кабарды и Дагестана, кубанскими татарами и даже над башкирскими полукочевыми племенами Южного Урала.

Появление на юго-восточных границах России новой силы, для которой грабительские войны составляли основной источник доходов, должно было с самого начала доставить немало хлопот Московскому государству. Уже в 1635 г. были изданы два указа царя Михаила [Федоровича] воеводам Трубецкому и Нащёкину[5], в которых им сигнализируется о расположении калмыков в волжских степях. Воеводы предупреждаются о возможных набегах на астраханский регион[6]. В 1646 г. на другом конце степей в спешке воздвигались фортификационные сооружения вокруг города Тобольска. А в грамоте царя *воеводе* Кузнецка Сытину предписывалось организовать оборону от набегов калмыков[7]. Ещё в 1653 г. самарский воевода Бутурлин[8] предупреждал своего астраханского коллегу о намерениях калмыков захватить районы Самары и Уфы[9]. Наконец, русские документы сообщают о грабительских набегах, осуществленных калмыцкими кочевниками на предместья Черного Яра и Тюмени в 1665, 1667 и 1668 гг.

[4] Религиозное буддистское рвение калмыцких правителей проявляется в их заботе поддерживать тесные контакты с крупным духовным центром Лхаса в Тибете. В 1645 г., *тайша* Шукур-Дайчин прибыл в Лхасу, чтобы получить там инвеституру и титул хана из рук Далай-ламы. В свою очередь, его преемник Аюка получил от Далай-ламы инвеституру и ханскую печать в 1690 г.

[5] Князь Трубецкой Алексей Никитич и Борис Иванович Нащокин – астраханские воеводы в период с весны(?) 1633 г. по июнь (?) 1635 г. См.: Др. Т. II. С. 395–396; 478–479; КР. Т. 2. С. 478–479; ДАИ. Т.2. № 63 и 64; Барсуков, №11. – *Д.М.*

[6] *Астраханские губернские ведомости.* Астрахань, 1852, № 1 и № 17. [Публикацию текста данной отписки самарского воеводы И.Бутурлина в Астрахань воеводе Ивану Петровичу Пронскому см. также: *Акты исторические [, собранные и изданные Археографическою комиссиею]*. Т. 4. СПб., 1841. № 72. С. 195. – *Д.М.*].

[7] *Акты исторические [, собранные и изданные Археографическою комиссиею.* – *Д.М.]*, Санкт-Петербург, 1841–1842 гг., т. IV [1645–1676. СПб., 1842 – *Д.М.*], № 17, с. 48–49. [Речь идет о грамоте от имени царя Алексея Михайловича от 16 декабря 1646 г., данной воеводе Афанасию Сытину о необходимости принятия мер предосторожности от набега «белых калмыков» на Кузнецкий острог. – *Д.М.*].

[8] Иван Бутурлин служил воеводой в Самаре с 1652/53 по 13 октября 1653 г. Барсуков, №15. – *Д.М.*

[9] *Там же*, т. IV, № 72, с. 195. [Речь идет об отписке самарского воеводы Ивана Бутурлина в Астрахань от 13 октября 1653 г. о замыслах калмыков идти войной на Уфу, Самару и др. города. – *Д.М.*].

Но параллельно с организацией систематических грабежей русских окраин, калмыцкие *тайши* пытались обезопасить себя от нового наступления их тюркских соседей, заключая союзы с Московским государством. Уже в 1665 г. калмыцкие посланники прибыли в Москву и представили царю Алексею акт о подчинении (*шертную грамоту*) князя Шукур-Дайчина, его сыновей и братьев[10]. В 1661 г. Шукур-Дайчин и его сын Мончак прислали новое обязательство о подчинении [т.е. новую шертную грамоту. – *Д.М.*], обещая содействие своих армий против крымских татар[11]. В тот же год сын Шукур-Дайчина, *тайша* Пунцук, в свою очередь подписал акт, по которому он признавал себя вассалом и подданным царя Алексея [Михайловича][12]. Однако эти акты о подчинении, составленные на русском и казанско-татарском языке, которыми калмыки не владели, почти ничего не меняли в реальных отношениях между Московией и её неспокойными соседями, которые были далеки от соблюдения своих обязательств, воспользовавшись крупным восстанием Степана Разина в 1667–1672 гг. на Волге для возобновления своих набегов и разграбления русских земель на Нижней и Средней Волге[13].

В 1672 г., после смерти Шукур-Дайчина, верховная власть в Орде перешла к его внуку Аюке, сыну Мончака, которому было суждено прославиться в качестве последнего из великих правителей кочевников. Во время его долгого царствования[14] мощь волжских калмыков достигла своего апогея. В течение почти полувека этот небольшой кочевой народ представлял если не настоящую мировую державу, то, по крайней мере, весомый политический фактор, с

[10] См. *Полное собрание законов Российской империи, [Собрание первое. С 1639 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. – Д.М.]* т. I. [с 1649 по 1675 гг. – СПб., 1830], № 145, с. 356 и след. [с. 356–357]. Речь идет о шертной записи от 4 февраля 1655 г., по которой калмыцкие послы Дурал-тархан и Серен-тайша клялись в верности царю Алексею Михайловичу. В историографии существует мнение о том, что юридическое оформление принятия калмыцкой знатью российского подданства состоялось шертями от 4 февраля 1655 и 30 марта 1657 гг. См.: Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Сборник // Сост. Н.Рогожин, М.Батмаев. Элиста, 2003. С. 3. – *Д.М.*].

[11] *Там же*, т. I, № 300, с. 531 [с. 531–532. Здесь речь идет о шертной записи, данной 8 июня 1661 г калмыцкими тайшами Дайчином и Мончаком дьяку Ивану Горохову. – *Д.М.*].

[12] *Там же*, т. I, № 316, с. 561 и след. [с. 561–564. Речь идет о шертной записи, данной 9 декабря 1661 г. калмыцким тайшой Бунчуком, при урочище Берекет. – *Д.М.*].

[13] Видимо, Степан Разин сам пытался заполучить помощь калмыков. Сохранились его письма, адресованные калмыцким *тайшам* (*Акты исторические*, т. IV, № 202, с. 374, *отд.* XLI, с. 421).

[14] Аюка, родившийся в 1642 г., умер 19 февраля 1724 г. Его правление длилось пятьдесят два года.

которым вынуждены были считаться три крупных державы той эпохи: Российская, Османская и Китайская империи[15].

Нет ничего более сложного, чем определить предпочтения Калмыцкой Орды в международных сношениях во времена царствования Аюки, так как последний не принимал надолго ту или иную сторону по просьбам своих соседей, постоянно умножая обещания дружбы и подчинения русским, османам и китайцам, что совершенно не мешало ему нападать на владения своих союзников и «защитников». Напротив, по отношению к соседним тюркским народам он [Аюка] проявлял себя как безжалостный завоеватель. В течение многих лет он совершал опустошительные походы против западных казахских племён Букеевской Орды, которых он оттеснил за реки Урал и Эмбу, против живших по восточным берегам Каспийского моря туркменов Мангышлака, которых он подчинил себе и часть из которых переселил на равнины Кубани, против ногаев Большой [Ногайской] Орды, из которых некоторые вынуждены были эмигрировать на запад, против кумыков с Терека, признавших его власть, [а также] против башкир Южного Урала и даже против жителей Центрального Кавказа, которых он разбил в крупном сражении, данном в 1684 г. на реке Калаус. В начале XVIII в. калмыцкий хан выглядел настоящим сувереном.

По отношению к России Аюка вёл независимую политику, его акты о подчинении были лишь трафаретными формулировками и в его глазах не налагали на него никаких реальных обязательств. Такими же, впрочем, будут впоследствии его обязательства по отношению к Османской империи. Дважды, в 1673 и 1683 гг., он посылал в Москву письменные акты (*шертные грамоты*)[16], в которых обещал «ходить войной на недругов Великого Государя и дурна никакого и задора не чинить»[17]. Несмотря на свои совершенно призрачные обещания, Аюка оставался не вассалом, а ненадежным союзником, всегда готовым при малейшем удобном случае обратиться против русских земель.

[15] Помимо своих отношений с российским правительством, Далай-ламой и Блистательной Портой, в 1714 г. Аюка принял китайское посольство. По-видимому, у него также были контакты с правителями сефевидского Ирана.

[16] Речь идет о шертных записях калмыцкого тайши Аюкая (Аюки) Мончакова «с товарищи», первая из которых была дана 27 февраля 1673 г. «на съезде за Волгою при речке Соляной, в присутствии боярина и воеводы князя Якова Одоевскаго съ товарищи», вторая – 24 января 1683 г. «на съезде за Волгою, при речке Соленой под Астраханью, при боярине и воеводе князе Андрее Голицыне съ товарищи». – *Д.М.*

[17] *Полное собрание законов Российской империи*, [Собрание первое,] т. I [с 1649 по 1675. СПб., 1830], № 540, с. 923 и сл. [с. 923–927. – *Д.М.*] и т. II [1676–1688], № 990, с. 443–445 [с. 493–499. – *Д.М.*]. [В оригинале цитата такова: «…служить и великого государя на недругов, где ево, великого государя, повеленье будет, войною ходить, а под его, великого государя, городы войною ни под которые не приходить и дурна никакова и задоров не чинить, и жить з государскими людьми в миру и в совете». См.: Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Сборник / Сост. Н.Рогожин, М.Батмаев. Элиста, 2003. С. 58 (л. 82об.–83). – *Д.М.*].

С момента своего прихода к власти в 1672 г. он начал с того, что завлёк в степи стрелецкий полк из Чёрного Яра и разгромил его полностью, показывая этим, что не допустит никакого русского вторжения на свои территории. Вместе с тем, в этом же году во главе войска в десять тысяч всадников он принял участие в походе донских казаков против турецкой крепости Азов и даже дошёл до Перекопа, где разгромил крымскую армию. Двумя годами позже Аюка отклонил приглашение русских вновь выступить против Азова[18] и удовольствовался тем, что послал калмыцкое войско под командованием своего брата, который не стал переходить Дон и ограничился разграблением казачьих селений.

Отношения между русскими и калмыками снова стали натянутыми в 1675 г., и в этот год можно обнаружить указ царя [Алексея Михайловича] Хрущёву[19], верхотурскому воеводе, предписывающий ему препятствовать продаже пороха и свинца калмыкам[20]. В 1677–1678 гг. кубанские и донские степи стали ареной настоящей войны между казаками и калмыками. С 1681 по 1683 гг., воспользовавшись восстанием башкир против русского господства, калмыки завоевали и разорили «губернии» Казани и Уфы. В 1682 г. воевода Казани Шереметьев[21] и атаман донских казаков [Фрол. – *Д.М.*] Минаев, докладывали Москве о начале крупного калмыцкого набега, которым руководил лично Аюка[22], в том же году донские казаки проводили поход против калмыков и их вассалов юртовских

[18] См. грамоты царя астраханским воеводам с требованием убедить калмыцких *тайшей* и ногайских мирз присоединиться к русским войскам, которые готовились выступить против крымских татар и турков (*Акты исторические*, т. IV, № 234, с. 504–507).

[19] Имеется в виду Федор Григорьевич Хрущев. – *Д.М.*

[20] *Акты исторические*, т. IV, № 252, с. 541 и след. [с. 541–542. Речь идет о тайной грамоте царя Алексея Михайловича от 14 марта 1675 г. верхотурскому воеводе Федору Григорьевичу Хрущову и подьячему Саве Тютчеву «о строжайшем запрещении продавать и променивать порохъ, свинецъ, пищали и всякаго рода оружие калмыкамъ, башкирцамъ и другимъ иноземцамъ». – *Д.М.*]

[21] Петр Меньшой Васильевич Шереметев с 19 февраля 1681 г. по август (?) 1682 г. служил воеводой в Казани. См.: РГАДА. Ф.281. Фонд Грамот Коллегии Экономии, по Казани. Д.113–115 / 6521–6523. – *Д.М.*

[22] Рапорт в *Дополнении к Актам историческим [, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею – Д.М.]*, т. X [СПб., 1867. – *Д.М.*], № 25 [25.II–III – Д.М.], с. 69–73 [точнее с. 71–73. К тому же в ДАИ во второй части документа №25 приведена грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, адресованная «атаманомъ и казакомъ Фролу Минаеву и всему войску Донскому» с указанием предупредить планируемый набег калмыков, а в третьей – отписка атамана Ф.Минаева от имени казаков и войска Донского о доставке П.Кучюмовым царской грамоты, в которой было изложено известие об «измене» тайши и башкирцов, и о своей готовности выступить против них и т.д. См. также: Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. – Приложение ко 2-му тому сборника «Столетие Вятской губернии» [Сост. А.Верещагин(?)]. – Вятка, 1881. – № 153. – С. 218–219. – *Д.М.*].

татар[23]. Однако, в 1673 г. Аюка направил в Москву шерть, по которой он торжественно обещал сдержать предыдущие обещания и заявлял, что с этих пор он будет вести себя как преданный вассал царя[24].

Действительно, постепенно отношения между Аюкой и Российским правительством стали более дружественными, настолько, что царь Пётр, отъезжая за границу, отправил к Аюке посольство, прося его в своё отсутствие взять на себя защиту границ его империи, за что он ему предлагал годовое жалование в 20 пудов пороха и 10 пудов свинца, а также продовольствие и значительную сумму денег. На этот раз доверие царя не должно было быть обмануто. В 1705 г. на Нижней Волге разразилось восстание, спровоцированное стрельцами, солдатами и ремесленниками города Астрахани. Восстание быстро перекинулось на другие российские города этого региона: Чёрный Яр, Красный Яр, Гурьев и Терки, угрожая даже Царицыну. Пётр призвал Аюку, который во главе своих войск преимущественно и подавил восстание, окружив мятежную крепость Чёрный Яр и разграбив район Астрахани, ключевой центр бунта. Так, в первый раз калмыки сыграли на этой постоянно волнующейся пограничной территории роль «жандармов», роль, которую они будут вынуждены играть ещё много раз в течение XVIII века. Однако, если Аюка и исполнял преданно свои обязательства, что, впрочем, позволило ему безнаказанно разорить русские территории на Нижней Волге, то он совершенно не чувствовал за собой обязанности быть исключительно и безусловно преданным царю Петру. Фактически незадолго до его похода против астраханских мятежников в конце 1703 г. или в начале 1704 г. он отправил в Стамбул посольство с тем, чтобы поприветствовать восхождение на трон Ахмеда III и представить султану акт признания и подчинения. Послание Аюки[25] было составлено почти в тех же выражениях, что и вассальные акты, которые он адресовал Петру Великому. Он обещал «быть другом с друзьями падишаха и недругом с его недругами». В письме Аюки, переданном его послом, ногайцем-мусульманином Иш-Мехмед-Агой, указыва-

[23] *Там же*, т. X, № 49, с. 148–172. [Здесь имеются в виду акты о походе донских казаков на калмыков и на астраханских юртовских татар, составленные в период между 4 ноября 1682 и по 18 июня 1683 гг. – Д.М.]

[24] *Полное собрание законов Российской империи*, т. II, № 990, с. 443–445 [с. 493–499. Полный текст шерти см. также: Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Сборник / Сост. Н.Рогожин, М.Батмаев. – Элиста, 2003. – С. 57–64. – *Д.М.*].

[25] «Перевод на турецкий письма о подчинении, адресованного османскому падишаху Аюкой, правителем *(хаким)* калмыков», *Name-i Hümâyûn*, defter № VI, s. 88–89. Письмо не датировано, но оно относится ко времени ранее ответа великого визиря Аюке, датированному 8 сентября 1704 г. Оригинальный язык письма не указан.

лось, что в прошлом калмыки просили и получали покровительство Блистательной Порты уже, по крайней мере, два раза в период с 1648 по 1703 г.[26]

Прибытие калмыцкого посольства в Стамбул представляет любопытный исторический факт. Насколько нам известно, это один из редких случаев, когда независимая немусульманская держава, сильно приверженная своей буддистской вере, формально и добровольно вставала под протекторат Османского падишаха, который одновременно был халифом, т.е. верховным духовным лидером ислама*. Ведь согласно исламскому закону буддисты рассматривались как «язычники» (*But-perest* = «Идолопоклонники»), которых следовало обратить в свою веру или уничтожить. В ответ на калмыцкие предложения великий визирь отправил Аюке, рассматриваемому в качестве «правителя» *(хаким)* калмыков, письмо, датированное 10 числом месяца раджаб 1116 (8 сентября 1704) г.[27], в котором он заявлял, что «если калмыцкий хан согласится пойти по пути преданности», он «обретёт награду, благодеяния и помощь от лица падишаха числом во много раз большим, чем услуга, которую он сможет оказать». Таким образом, Османская Порта соглашалась взять Калмыцкое государство под свой протекторат и требовала от Аюки поддерживать добрососедские отношения с мусульманами данного региона, особенно с крымским ханом Хаджи-Гиреем, вассалом Османской империи и отъявленным врагом России. Великий визирь даже советовал Аюке отправить посольство в Крым. Мы не располагаем сведениями о том, было ли такое посольство действительно отправлено Аюкой к татарам, но калмыки считали себя, по всей видимости, настолько же мало связанными своими обязательствами по отношению к Порте, как и своими обещаниями в адрес Российского государства. Действительно, двумя годами позднее, в 1707 г., в ответ на приглашение царя Петра Аюка отправил три тысячи своих всадников на соединение с русскими войсками, готовившимися противостоять шведскому нашествию Карла XII на Украину. Калмыцкое войско дошло до Москвы, но здесь внезапно повернуло обратно и вернулось в степи, разоряя всё на своём пути и уводя за собой полон, взятый в русских деревнях, которые находились по пути её следования.

[26] Мы не обнаружили в османских архивах документов, касающихся этих предыдущих посольств, прибывших в Порту в период правления отца и брата Ахмеда III, Мехмеда IV (1648–1687) и Мустафы II (1695–1703).

* Духовный суверенитет султана как халифа всех мусульман был признан Россией при заключении Кучук-Кайнарджийского мира в 1774 г., но уже через девять лет в 1783 г. это положение было отменено договором о присоединении Крыма к Российской империи (*Бартольд В.В.* Халиф и султан // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VI (Работы по истории ислама и арабского халифата). М., 1966. С. 77–78). До второй половины XVIII в. термин халифат в его османском смысле был равен термину султанат *(Тверитинова А.С.* Фальсифицированная версия о турецком халифате // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Вып. 5. Сталинабад, 1954. С. 167–180; *Гордлевский В.А.* Был ли турецкий султан халифом? (привесок к монографии В.В. Бартольда) // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Вып. 5. Сталинабад, 1954. С. 17–27), т.е. не имел специфической религиозной окраски. – *И.З.*

[27] «Письмо великого визиря, датированное 10 числом месяца *раджаба* 1116 (8 сентября 1704 г.), адресованное правителю калмыков Аюке-хану», *Name-i Hümâyân,* defter № VI, s. 89–90.

На следующий год, когда новое крупное восстание башкир залило кровью восточные провинции России, калмыки, забыв свои обещания, ещё раз ворвались на русские территории, продвинувшись до Пензенского и Тамбовского уездов, которые они предали мечу и пожарам. Возможно, что на этот раз набеги калмыков были мотивированы чем-то иным, а не простым желанием грабежа, и что они стали следствием сознательной политики солидарности кочевых народов против России. Действительно, устное послание Аюки падишаху, переданное в августе 1710 г. его послом Пехлеван-Кулы-Баем великому визирю[28], содержит моменты, которые позволяют лучше понять сложную проблему межплеменных отношений в юго-восточных пограничных областях России.

Достоверно известно, что крупное восстание башкирских племён против русского господства в 1705–1711 гг. возглавлялось принцами из семьи Кучумидов – потомков хана Кучума, последнего чингизидского правителя Сибирского царства, уничтоженного в 1598 г. атаманом Ермаком[29]. Наследники Кучума, последователи традиций Монгольской империи, больше века являлись непримиримыми врагами Московской Руси, и их можно обнаружить в качестве участников или руководителей почти всех антирусских восстаний тюркских народностей от Астрахани до Урала. Главой башкирского мятежа 1705–1711 гг. также был один из Кучумидов, Кучук-Султан-Хан.

В 1708 г. его сын, Мурад-Султан, во главе башкирского войска пришёл в степи Кавказского предгорья и там, в союзе с ногаями и кумыками, произвёл вылазку против русской крепости Терки (*Терский Городок*). Нападавшие проникли в предместья, но не смогли взять крепость. Раненый Мурад-Султан был взят в плен, приговорён к смерти и казнён.

Смерть чингизидского князя должна была подлить масла в огонь восстания, которое быстро перекинулось на другие тюркские кочевые народы, считавшие себя причастными к наследию Чингиз-хана: казахов Букеевской Орды и каракалпаков. Из послания калмыцкого посла Ахмету III следует, что Пётр Великий обратился к Аюке, чтобы подавить восстание. Два русских посланника прибыли к калмыцкому тайше[30]. Первый потребовал военной поддержки, в

[28] «Устный доклад Пехлеван-Кулы-бая, посла правителя калмыков Аюка-хана», *Name-i Hümâyûn,* defter № VI, s. 201–202.

[29] См. по этому вопросу статью «Bashdjirt», профессора Ахмет-Зеки Велиди Тогана (Ahmet Zeki Velidi Togan) в *Энциклопедии Ислама* (*l'Encyclopédie de l'Islam*), 2-е изд., т. I, с. 1108.

[30] Термины «тайша» и «хан» автор настоящей статьи применяет как равнозначные, что не совсем верно. Примерно до 1690 г. Аюка титуловался тайшой (титул феодального

которой Аюка отказал, второй просил, по крайней мере, о нейтралитете: «Если ты не хочешь оказать мне свою помощь», – заявил он, – «по крайней мере, помешай иштекам [башкирам] совершать набеги на русский край». Аюка вновь отказал, мотивируя свой отказ следующим образом: «Ты приказал казнить князя иштеков. Они требуют возмездия за кровь их главы. В этой ситуации я не могу им в этом помешать, и я не хочу этого. Мы все потомки Чингиза [Чингис-хана] и принадлежим к одному племенному родоначальнику»[31].

Эта любопытная апелляция к чингизидской солидарности, объединяющей, несмотря на религиозные различия, кочевые мусульманские племена (башкиров, казахов и каракалпаков) и буддистов (калмыков), показывает всё ещё неискоренимую стойкость воспоминаний о Великой Монгольской империи в XVIII веке и, вероятно, указывает на то, что калмыцкий правитель (к слову, единственный среди феодальных кочевых глав Центральной Азии, не могущий похвастаться своей принадлежностью к чингизидам), находясь на вершине своего могущества, пытался стать настоящим императором степей и основать своё государство не только на терроре, но и на всемирно почитаемой традиции.

Эта солидарность, впрочем, нисколько не меняла политического непостоянства Аюки. В 1708 г., в то время, когда башкирское восстание было в самом разгаре, русские обратились к помощи калмыцких воинов, на этот раз с тем, чтобы разгромить крупное восстание донских казаков под руководством Булавина. Хан быстро согласился, и калмыцкая армия в двадцать тысяч человек приняла активное участие в разгроме бунтовщиков под Саратовом, а затем в преследовании побеждённых и, самое главное, в методическом разграблении казачьих земель. Военный губернатор Казани князь Хованский, командовавший русскими войсками в Поволжье, позволил калмыкам разграбить казачьи деревни и даже отдал им имущество и семьи восставших. Калмыки вернулись к себе с огромной добычей и множеством пленных, в основном состоящих из женщин и детей, которые предназначались для продажи в рабство на рынках Хивы и Бухары.

В 1710 г. Аюка вынужден был ещё раз исполнить свою роль «жандарма» в южных пограничных областях, приняв участие в русском походе против горцев Северного Кавказа, за что его годовое жалованье выросло до 100 000 рублей и 30 пудов пороха.

Одновременно с этим, верный своей тактике неприсоединения, Аюка отправил два новых посольства в Турцию. Первое, руководимое ногайским мусульманином Мехмед-Салихом, должно было прибыть в Стамбул зимой 1709 г. Мы не обнаружили в Османском архиве копии послания, которое вёз с собой посланник калмыцкого хана, но мы располагаем ответом великого визиря, датированным 14 числом месяца *мухаррама* 1121 (26 марта 1709) г. и адре-

владетеля у некоторых монгольских народов). Около 1690 г. Аюка принял более высокий титул «хан», пожалованный ему далай-ламой. – *И.М.*

[31] Устный доклад Пехлевана Кули бея, указ. документ.

сованным «Аюка-хану, образцу самых совершенных из глав калмыцких племён, самому доблестному из властителей Кыпчакской степи»[32]. В этом документе Блистательная Порта ещё раз потребовала от калмыцкого хана соблюдать добрососедские отношения с Крымским ханством. Второе посольство, которое, как и предыдущие, вынуждено было пересечь татарские территории и прибыло в Стамбул весной 1710 г., было более значительным. Руководимое калмыком Пехлеван-Кулы-Баем, оно везло дары, предназначенные для падишаха, которые были, впрочем, весьма скромными: девять мешочков мускуса, один охотничий сокол, три кинжала, девять русских кож и три коня[33]. Посол вёз с собой короткое письмо, адресованное великому визирю, которому он передал в конце августа 1710 г. важное устное сообщение[34]. Посол описывал в нём башкирскую вылазку против Терки и сообщал о формировании вокруг Аюки настоящей коалиции кочевых народов чингизидской традиции: башкир, казахов, каракалпаков и калмыков. Кроме того, он заверял великого визиря, что «полное согласие царит между Аюкой и крымским ханом Девлет-Гиреем»; наконец, он просил об отправке османского посольства в калмыцкие степи.

Текст этого устного послания отражает весьма простонародный характер речи посла, что любопытным образом контрастирует с протокольным стилем османских дипломатических документов XVIII века. Встреча великого визиря, представителя изысканного османского общества этой утончённой эпохи, которую впоследствии назовут «эпохой тюльпанов» *(Лале деври)* с этим грубым кочевником должна была изобиловать пикантностью, и эта пикантность проявляется в словах калмыцкого посла: «“Ты должен”, – сказал мне Аюка-хан, – “привезти мне письменный ответ османских властей, в котором подтверждалось бы, что ты верно передал факты… В противном случае я прикажу снять тебе голову…”»[35].

Нам неизвестен ответ великого визиря, и, вследствие этого, мы не знаем, привёл ли Аюка свою угрозу в исполнение[36], но нам известно, что османский протекторат над калмыками остался лишь символической формулировкой. Фактически, на следующий год, в июле 1711 г., вспомогательные калмыцкие войска сопровождали русскую армию в её неудачном походе против Османской империи, который чуть было не закончился полным разгромом на берегах Прута.

[32] «Письмо правителю Калмыков», *Name-i Hümâyûn,* defter № VI, s. 520.

[33] «Перечень даров, посланных падишаху ханом калмыков Аюкой, переданных его послом Пехлеван-Кулы-баем», *Name-i Hümâyûn,* defter № VI, s. 520.

[34] «Перевод на турецкий язык письма правителя калмыков Аюка-хана к великому визирю, привезённого его послом Пехлеван-Кулы-баем», *Name-i Hümâyûn,* defter № VI, s. 201 и устное послание Аюки великому визиру, переданное через Пехлеван-Кулы-бая (датируется концом месяца *джумада II* 1122 (концом августа 1710) г., *Name-i Hümâyûn,* defter № VI, s. 201–202).

[35] См. устное послание Аюки великому везиру, переданное через Пехлеван-Кулы-бая.

[36] Нам известно только одно османское посольство, прибывшее в калмыцкие степи: посольство, которое в 1731 г. прибыло к сыну и преемнику Аюки – Церен-Дондуку.

На 1710–1715 гг. приходится апогей калмыцкой мощи. В 1714 г. Аюка даже принял большое китайское посольство, подтвердив, таким образом, свою независимость от России. Однако на следующий год он потерпел серьёзное поражение, единственное за всю его карьеру. Кубанский султан Бахты-Гирей предпринял в 1715 г. молниеносный поход против калмыцких улусов, которые были им разграблены, и ему даже удалось разорить личную ставку Аюки. Последний вынужден был укрыться под защитой русских войск, которые концентрировались в то время в Астрахани под командованием князя Бековича-Черкасского и готовились к походу против Хивинского ханства. Недовольный отказом русских выступить против Бахты-Гирея, Аюка предупредил хивинского хана о русских приготовлениях и стал, таким образом, главным виновником разгрома русского отряда в пустынях Приаралья.

Последние годы правления Аюки были также отмечены крупными военными успехами, среди которых фигурирует карательный поход против кубанских татар. Отбывая на Кавказ в 1722 г., чтобы принять командование армией, готовящейся к выступлению против Дербента, царь Пётр нанёс визит старому хану, которому было тогда восемьдесят лет. Армия в сорок тысяч калмыцких всадников последовала за Петром и защищала его тылы от набегов крымских и кубанских татар. Это были последние отблески калмыцкого величия.

После смерти Аюки, наступившей в 1724 г., начинается быстрый упадок калмыцкого могущества. Раздираемые внутренними войнами между претендентами на верховную власть, ослабленные калмыцкие племена постепенно потеряли свою независимость от России. В течение ещё более полувека их отношения с Россией будут отмечены практически непрерывной чередой восстаний, перемежающихся признанием своего подчинения, за которыми следовали новые русские посягательства [на независимость калмыков]. В январе 1771 г., чтобы избежать контроля русских властей, которые старались ослабить власть ханов, Калмыцкая Орда сняла свои шатры и покинула волжские степи, направившись на северо-восток, к далёкой Джунгарии, куда её звали китайцы. Долгий переход всего народа через казахские степи продлился восемь месяцев. Это было длительной агонией. Атакуемые со всех сторон казахскими племенами, оттесняемые к самым пустынным частям степей, калмыки умирали тысячами, и, согласно оценкам, из 169 000 человек, покинувших берега Волги, лишь 70 000 достигли китайской территории.

Около 5 000 шатров, т.е. примерно 30 000 калмыков, во время исхода Орды кочевавших на волжском правобережье и поэтому не имевших возможности присоединиться к своим соплеменникам, остались в России. Приписанные к армии донских казаков, отныне они стали верными и покорными подданными Российской империи, сохранив буддистскую веру, не смешиваясь ни с мусульманами, ни с христианами, которые их окружали, но быстро теряя воспоминания

о своем былом величии, о временах, когда они представляли анахроническую, но грозную военно-политическую силу[37].

Стамбул, октябрь 1965 г.
Париж, декабрь 1965 г.

Документы Османского архива, касающиеся калмыков[38]

I

Перевод на турецкий язык письма о подчинении, адресованного падишаху правителем калмыков Аюкой (не датировано)

[*После принятых хвалебных приветствий*] ...Да будет известно Вашему Величеству, что с испокон веков мы находим прибежище у Османской династии. Во времена правления покойного отца вашего и покойного брата вашего – да пребудут они в раю, и да возьмёт Господь их души! – мы дали обещание и поклялись никогда не пренебрегать своими обязанностями по отношению к ним. Недавно нам стало известно, что вы взошли на трон османских халифов и падишахов. Мы, нашедшие пристанище вблизи одного из уголков имперской территории, мы до сих пор никогда не пренебрегали нашими обязанностями по отношению к достославным падишахам, Вашим предкам. Мы всегда поступали по-дружески с их друзьями и враждебно с их врагами. Да позволит Всевышний Господь Вашему Величеству насладиться в полном блаженстве вашим царствованием на императорском троне, пристанище счастья, и да оградит он Ваше тело от любой напасти. О, падишах! Я всегда был верен клятвам прошлых времён, я по-прежнему предан моим обязательствам, я покорен и послушен Вашим приказам. Я не прекращаю служить Вам издалека как вечно преданный слуга. Если Вы удостоите принять меня в качестве Вашего слуги, я буду другом Ваших друзей и недругом ваших врагов... Наши услуги, оказанные Вашим великим и достопочтенным предкам широко известны.

Чтобы сообщить о правдивости наших слов, нашей веры и нашей преданности, мы послали к Вашей Порте с миссией посла знатного мусульманина нашего края Иш Мехмед Ага, доверенного человека, оцененного по достоинству и полного здравого смысла, из нашего окружения. Мы приказали сопровождать его одному из наших калмыцких слуг и ещё другим людям. Эти люди, Ваши слуги, подтвердят Вам чистоту нашей веры, и устно вам скажут всё, что мы не смогли выразить в письме. Мы просим Ваше Величество сообщить нам о Ваших

---

[37] Недавно появилась работа, посвященная взаимоотношениям Крыма и калмыков в XVIII в., основанная на российских источниках. См. *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII в. (1700–1771 г.). АКД. М., 2005. – *И.З.*

[38] Османские документы, написанные на [османско-]турецком языке, были переведены Пертевом Боратавом (Pertev Boratav), старшим научным сотрудником CNRS.

приказаниях с тем, чтобы мы действовали в соответствии с нашими обязанностями слуг, по мере всех наших возможностей. Мне остаётся только пожелать, чтобы дни Вашего счастья и Вашего правления длились до скончания времён.

BOA, Name-i Hümâyûn, defter № VI, s. 88–89 [s. 89–90].
Текст дан в небольшом сокращении[39].

II

Письмо великого визиря, датированное 10 числом месяца раджаб 1116 (8 сентября 1704) г., адресованное правителю калмыков Аюка–хану

Вот наш ответ Аюке хану, образцу глав калмыцких племён, самому доблестному из властителей Кыпчакской степи, после выражения наших самых сердечных приветствий.

Мы получили Ваше письмо, адресованное Его Величеству падишаху, переданное Вашим послом Иш-Мехмед-Агой, одним из знатных мусульман, живущим в вашей стране. Вы выразили в нём Ваше намерение оставаться подданными нашего Падишаха, который является спасительным пристанищем всех народов, и служить ему со всей преданностью, быть другом его друзей и недругом его врагов. Всему миру известно, что ни один из тех, которые предлагают свою службу и дружбу Порте, не был лишён поддержки Его Императорского величества. В свою очередь, сколь долго вы будете следовать путём преданности, вы будете вкушать награды, благодеяния и поддержку со стороны Его Величества, во много раз превышающими услугу, которая будет Вами оказана. Да сделает так Всевышний Господь!

Ваше письмо о подчинении было представлено Его Величеству [падишаху], и Ваш посол, после того, как был он допущен воздать ему почести и, выполнив свой долг слуги, получил позволение вернуться в свою страну. С ним мы отсылаем Вам настоящее письмо. Мы надеемся, что Вы будете и впредь оставаться другом Османской империи и врагом её врагов, и что таким образом Вы предпримете все усилия, чтобы воплотить в жизнь все выраженные Вами намерения. Мы желаем, чтобы Вы поддерживали мир, дружбу с мусульманами, что будет подтверждением Вашей преданности Османской империи. В частности, учитывая, что Крым находится по соседству с Вашим краем, крымские ханы, постоянно сообщали нам о добрых делах Ваших отцов и прадедов. Ныне правящий хан Хаджи Селим-Гирей всегда доказывал свою преданность, как в делах, касающихся османских пограничных вопросов, так и в войнах и кампаниях, проводимых против врагов Империи. Падишах испытывает к нему полное доверие. Вследствие этого, Ваше поведение по отношению к нему и к крым-

[39] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 248–253. – *И.М.*

скому народу, а также добрососедские отношения ваших племён будут свидетельствовать в Вашу пользу пред падишахом. Итак, не преминьте отправить послов к крымскому хану и сделайте всё, чтобы укрепить с ним дружеские связи... Да вознаградит Вас Господь и да руководит он Вами в вашей преданной службе Османской империи.

BOA, Name-i Hümâyûn, defter № VI, s. 89–90 [s. 90–91][40]

III

Письмо правителю калмыков, датированное 14 числом месяца мухаррам 1121 (26 марта 1709) г.

Вот наш ответ Аюка-хану, образцу глав калмыцких племён, самому доблестному из властителей кыпчакской степи, после выражения наших самых сердечных приветствий.

Доставивший Ваше письмо о подчинении ногаец, досточтимый Мехмед-Салих, Ваш посол в Блистательную Порту, прибыл сюда. Он был принят падишахом и передал ему Ваше письмо, в котором Вы заявляете о [намерении] быть другом друзей и недругом недругов Османской империи, в соответствии с Вашими обязательствами. Вы не пожелали принять посла черкесов-кабарды[41], которые взбунтовались против крымского хана. Этим поступком Вы доказываете Ваше твёрдое намерение следовать путём преданности и подчинения. Всё это было доведено до сведения падишаха и Ваш посол, принятый с почестями в соответствии с обычаями, существующими испокон веков, получил позволение вернуться к Вам с настоящим письмом. Мы надеемся, если это будет угодно Господу, что в будущем Вы останетесь преданным слугой Империи. Ввиду того, что Крым, расположенный на границах [Османской] империи, находится вблизи Вашей страны, я желал бы, чтобы Вы и ваши племена соблюдали добрососедские и дружеские отношения с нынешним ханом, досточтимым Девлет-Гиреем, и с населением Крыма, чтобы Вы сообщали мне о Вашей преданности и Вашей непреклонности, чтобы Вы таким образом не прекращали удовлетворять наши волеизъявления и пожелания».

BOA, Name-i Hümâyûn, defter № VI, s. 250 [s. 520],
с сокращениями высокопарных выражений вежливости[42]

[40] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 254–260. – *И.М.*
[41] Точнее: «кабардинских черкесов». – *И.М.*
[42] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 261–264. – *И.М.*

IV

Перевод на турецкий язык письма правителя калмыков Аюка-хана великому визирю, доставленное его послом Пехлеван-Кулы-Баем

Вы, благосклонный и высокостепенный великий визирь. Мы друзья ваших друзей. Мы выражаем вам нашу дружбу и нашу преданность. Всё, что нам нужно было вам сказать, мы доверили нашему послу Пехлеван-Кулы-Баю.

BOA, Name-i Hümâyûn, defter № VI, s. 201 [s. 200][43]

V

Устный доклад посла правителя калмыков Аюка-хана Пехлеван-Кулы-Бая, представленный в конце месяца джумада II 1122 (конце августа 1710) г.

Аюка-хан был счастлив и бесконечно обрадован получить письмо, которое было ему адресовано от лица падишаха и передано Мехмед-Салихом, его послом ко мне, где падишах осыпал его почестями. Аюка-хан сказал: «Я бы не испытал такой радости, даже если бы мне послали сокровища и если бы все мои желания в этом мире были исполнены.

Народ иштеков[44], который является мусульманским, находился прежде под гнётом русских. Ввиду того, что иштеки чувствуют себя в последнее время достаточно сильными, их принц [султан. – *И.М.*][45] возглавил войско и совершил набег на русскую крепость, названную Терк[46], расположенную на реке Итиль[47]. Они захватили внешнюю часть крепости, но им не удалось исполнить свой план, который состоял в том, чтобы проникнуть в город, и они были схвачены. Русский царь приказал казнить князя иштеков. Тогда иштеки, каракалпаки и киргиз-казахи[48], все мусульмане, заключили соглашение о союзе. Они поставили во главе иштеков одного из предводителей каракалпаков. Эти три племени заключили соглашение, согласно которому они обязались в течение пятнадцати лет вести войну против русских, совершать набеги на их страну, грабить и разорять их земли.

Два раза русские отправляли посольства к Аюка-хану. Первый посол потребовал у него солдат, чтобы помочь русским в борьбе против трёх объединившихся племён, но Аюка-хан отказал в военной помощи. Со вторым послом

[43] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 268–276. – *И.М.*

[44] «Иштек» или «истек» является ногайским и казахским термином, служащим для обозначения башкир *(примеч. переводчика)*.

[45] Речь идёт о князе семьи Кучумидов Мурад-Султане, сыне Кучук-Султан-хана, потомка Чингизхана *(примеч. переводчика)*.

[46] Речь идёт о крепости Терки или Терский Городок, располагавшейся на Тереке северо-восточнее города Кизляр, а не на Волге, как полагал калмыцкий посол *(примеч. переводчика)*.

[47] «Итиль» или «Идиль» – тюркское название Волги *(примеч. переводчика)*.

[48] Речь идёт о западных казахах (казахах Букеевской орды) *(примеч. переводчика)*.

царь просил вмешательства Аюки-хана, говоря ему: «Если ты не хочешь оказать мне военной помощи, по крайней мере, помешай иштекам совершать набеги на русские земли». Но наш хан отклонил и эту просьбу. Он ответил царю: «Ты приказал казнить князя иштеков; его кровь на тебе и они жаждут отмщения; в этих условиях я не могу им в этом помешать и я не хочу этого. Мы все потомки Чингиза и принадлежим к одному племенному родоначальнику». С этими словами он отослал второго посла.

Прошлой зимой, когда река Итиль замёрзла, русское войско в сорок тысяч человек напало на иштеков. Аюка-хан поспешил к ним на помощь. Иштеки вышли тогда навстречу русским. Понимая, что они не смогут противостоять атаке иштеков, русские укрылись на реке Итиль в том месте, где река полностью замерзла. Однако иштеки разбили лёд вверх и вниз по течению реки, и русские утонули со своими лошадьми и скарбом[49].

Аюка-хан сказал мне: «Необходимо, чтобы эти факты и соглашение о союзе (который мы заключили против русских) стали известны Османскому Правительству».

В настоящее время между нашим ханом и крымским ханом Девлет-Гиреем, а также между его подданными и нашим народом царит настолько полное согласие, что когда воры, принадлежащие к нашему народу похищают что-то у татар, мы приказываем найти украденное и возвращаем его татарскому хану; таким же образом, когда татары похитят что-либо принадлежащее нам, татарский хан приказывает это найти и возвращает нам.

Аюка-хан отправил меня сюда послом в тот самый момент, когда у него находились послы трёх племён: иштеков, каракалпаков и киргиз-казахов. Аюка-хан сказал мне: «Мы имеем твёрдое намерение исполнить, в союзе четырёх племён, любую службу, которую потребует от нас Османская империя». Он поручил мне выразить Вам в устной форме, что мы ждём приказа [*фирман*] османского падишаха, а также сказать Вам, что мы друзья его друзей и враги его врагов. Он мне посоветовал: «Подтверди это устно. Если Османское Правительство хочет удостовериться в нашем союзе и наших обязательствах, оно может послать с тобой доверенного человека. Он сможет убедиться во всём на месте. Кроме этого, ты должен будешь принести мне письменный ответ османских властей, в котором бы подтверждалось, что ты верно передал факты. Я не поверю тебе, если ты удовольствуешься заявлением, что передал их устно. Если в императорском письме я не найду упоминания о том, что ты верно передал то, что я тебе поручил, я прикажу снять тебе голову». Так пригрозил мне Аюка-хан.

BOA, Name-i Hümâyûn, defter № VI, s. 201–202 [s. 200–201][50]

[49] Численность русского войска в 40 000 человек, очевидно, весьма преувеличена *(примеч. переводчика)*.

[50] Последнюю публикацию этого документа см.: ДИВУР. С. 268–276. – *И.М.*

Шанталь Лемерсье-Келькеже

Социальная, политическая и религиозная структура Северного Кавказа в XVI в.*

Вторая половина XVI в. на всем Северном Кавказе, от полуострова Тамань до Каспийского моря, была отмечена ожесточенной борьбой четырех держав, разделенных на два враждебных блока, каждый из которых пытался навязать этой жизненно важной стратегической территории свой контроль. С одной стороны Османская Порта и Крымское ханство при поддержке Шейбанидской империи в Туркестане, с другой – Московия и ее естественные союзники – Закавказье, христианская Грузия и далее на юг Сефевидская империя шиитов.

Цель этой борьбы состояла в том, чтобы присоединить к себе, будь то через брачные союзы или через обращение в свое вероисповедание, или через вассальную зависимость, кавказские княжества и племена, тем самым обеспечив себе господство над двумя военными и торговыми путями важнейшего значения: дорогой Запад-Восток: Тамань (или Азак) – Дербент – Баку – Тебриз, и дорогой Север-Юг: Астрахань – Дербент – Тебриз. Впрочем, влияние великих держав могло распространяться лишь там, где они находили достойных партнеров, которые могли бы поклясться в вассальной зависимости («бить челом») и принять религию их номинального сюзерена. Данные клятвы и обращения, впрочем, очень редко соответствовали религиозным убеждениям или действительно прочной долговременной политике. Главы мелких княжеств и кавказские феодалы очень быстро и легко меняли «покровителя» или веру и без колебаний обращались за покровительством одновременно и к османскому падишаху, и к московскому царю.

Такими «партнерами» могли быть правители небольших государств или, по крайней мере, представители феодального землевладения (знать[1]). Проследить установление подобного партнерства можно на примере Дагестана, Кабарды и некоторых черкесских племен (адыгов), в частности бесленеев, темиргойцев и жанэ. В интересующий нас период (XVI век) знать этих народов исповедовала либо ислам (Дагестан), либо очень ослабленное православное христианство, и, редко – древнюю анимистическую религию (Кабарда и западные черкесские племена), тогда как основное население придерживалось анимистической религии[2].

---

* *Lemercier-Quelquejay Ch. La structure sociale, politique et religieuse du Caucase du Nord au XVIe siècle // CMRS. T. 25 (1984). № 2–3. P. 125–148.*

[1] Автором использовано русское слово (*znat'*). – *И.М.*

[2] Это «языческое» население, религия которого представляла собой запутанное смешение древней анимистической религии и вырождающегося христианства, будет окончательно обращено в ислам лишь в конце XVIII – первой половине XIX в. благодаря миссионерской деятельности братства Накшбандия. Ингуши Центрального Кавказа будут обращены в ислам лишь в конце XIX в. благодаря усилиям кадиритских миссионеров. Большинство осетин (племена ирон) останется до конца XIX в. наполовину христианами и будет «вновь обращено в христианство» благодаря Обществу восстановления христианства на Кавказе. Такой же ситуация будет и с абхазами, меньшая часть которых останется христианами грузинской традиции.

На части территории [Северного Кавказа] проживали племена с клановой, дофеодальной структурой. К их числу относились чеченцы, некоторые [другие этнические] группы Верхнего Дагестана, осетины-мусульмане, отдельные крупные горцев-черкесов, абадзехи, натухайцы и абхазы[3], все почти полностью языческие, «без вождей и без религии», как говорили о них османские документы того времени, избегающие благодаря этому всякого влияния великих держав[4].

Чтобы понять всю сложную политическую игру, которая разворачивалась на Кавказе во второй половине XVI в., очень важно изучить социальную, политическую и религиозную структуру данного региона.

I – Дагестанцы

Дагестан был обращен в мусульманскую веру с VIII–IX вв. арабами, и дагестанцы, как и арабы, принадлежат к шафиитскому толку [ислама], а не к ханафитскому, как все другие мусульмане-сунниты современной России. Последние следы христианства здесь исчезли в X в.[5] В XVI в. суннитский ислам прочно

---

[3] Доказательством небольшого интереса соперничающих великих держав к «примитивным» обществам является почти полное отсутствие упоминаний чеченцев, абадзехов, натухаев и осетин в османских документах. Что касается абхазов (*abaza*), то они, хотя и упоминаются очень часто, но лишь [в сочетании] с не очень уважительными эпитетами: «разбойники», «проклятые», «нечестивцы», «отщепенцы», «грешники».

[4] Османский хронист Эбубекир бин Абдуллах, автор рассказа «*Özdemir-zade sadr-i eskah Osman Pašanin Dağistan ve Širvan ve Iran muharebati*» (Битвы Осман Паши Оздемир оглу в Дагестане, в Ширване и в Иране), написанного в начале месяца реджеб 992 г.х. / 9–18 июля 1584 г., на л. 12b пишет: «Все племена [этой] страны: Тюмень, кумыки, кабардинцы, черкесы, абхазы и другие, являются неверными». Чуть ниже, на л. 13b, османский летописец пишет, что племя кёре (кюрин, то есть современные лезгины), живущее рядом с Табасараном – все еретики (*djümlesi rafzilerdir*). Вероятно, данным выражением здесь обозначены мусульмане-шииты.

В действительности же все кавказские племена, перечисленные Эбубекиром бин Абдуллахом, за исключением абхазов и кабардинцев, были мусульманами-суннитами шафиитского толка. Эта ошибка доказывает, что у османов в то время не было четкого представления о положении на Северном Кавказе, и еще раз свидетельствует о том, что не следует слепо доверять хроникам. [Крымский хан Девлет-Гирей еще в 1552 г. сообщал в Порту о том, что кабардинцы и ряд других народов Кавказа якобы находятся «в союзе и согласии» с шиитами-сефевидами (см.: ДИВУР. С. 122–124). – *И.М.*].

[5] Там продолжало жить лишь крупное сообщество «горских евреев» или «*Dağ Čufut*», бывшей военной еврейской колонии, поселенной у Дербента сасанидскими правителями для защиты Закавказья от нападений северных кочевников, в частности хазар, правитель и знать

утвердился в Дагестане и, за неимением других связующих элементов, выполнял интегративную функцию в отношении разрозненных племен, принадлежавших к трем разным этнолингвистическим группам:

– тюркской группе, включающей кумыков и ногаев в степях северных предгорий и азербайджанцев на крайнем юге данного региона;

– ираноязычной группе, состоящей из татов – мусульман и иудеев, живущих в прибрежной зоне между Дербентом и Баку;

– иберо-кавказской группе в среднегорье и в высокогорье, разделенной, в свою очередь, на несколько подгрупп.

Так, с севера на юг, в высоких долинах аварской и андийской Койсу встречались аварцы[6]; в среднем Дагестане – даргинцы, лакцы и кайтаки; в южном Дагестане – лезгины и целая мозаика малых племен, самым значительным из которых было племя табасаранцев.

Социальная структура дагестанцев была крайне неоднородной.

Кумыки достигли очень сложной феодальной системы – почти такой же сложной как у кабардинцев – с жесткой социальной иерархией, подкрепленной адатом.

На вершине [иерархической лестницы] находились члены княжеского клана, состоявшего из шамхала, князей, ханов и их родственников (мурз и бегов/беев), не имевших доступа к верховной власти.

На следующей ступени иерархии располагался промежуточная прослойка *чанка*, состоящий из детей членов княжеского клана и благородной женщины, но более низкого ранга (чанка или уздень) [т.е. дети князей от неравного брака, Термин встречается и в форме «ченке» или «женге». См.: Таргу-наме. Лексикон / Сост.К.М.Алиев. Махачкала, 2001. С.49. – *Д.М.*].

Третью ступень иерархии занимала прослойка благородных свободных земледельцев, вассалов шамхала – *узденей*. Прослойка узденей подразделялась на множество слоев. Самую высокопоставленную прослойку сала-узденей, имевших в подчинении, в свою очередь, других менее благородных узденей[7].

Ниже узденей [по социальной лестнице] находилась большая прослойка различных зависимых элементов, также относившихся ко множеству подгрупп[8]:

а) свободные, но не благородные земледельцы, по-русски *черные люди*, объединенные в «свободные общества» (*джемаат*), составлявшие основное население;

которых исповедовали иудаизм. Дагестанские евреи говорили и сейчас говорят на южно-иранском диалекте. В 1970 году их насчитывалось около 25000 человек.

[6] Самоназвание аварцев – маарулал, что означает «горцы». См.: Гильденштедт И.А. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 223. – *И.З.*

[7] Здесь речь идет о системе мелкопоместного узденства или нукерства – *Д.М.*

[8] Здесь имеются в виду различные группы зависимого от феодалов населения – *Д.М.*

б) крепостные, *чагар* или *райат*, крестьяне, принужденные к разным тяжелым работам, по-русски *пашенные люди*;

в) и, наконец, в самом низу социальной лестницы [находились] рабы, *ясырь* или *кул*, в большинстве своем являвшиеся военнопленными – русские, грузины, туркестанцы, чеченцы и др., либо купленные на невольничьих рынках в Эндери, Дербенте, Шемахе.

В XVI в. иберо-кавказские племена Верхнего Дагестана еще не достигли уровня социального развития кумыков с равнины. Им еще не было известно разделение на классы и, в принципе, все члены сообщества считались свободными и равными. Они были объединены в «свободные общества», возглавляемые «старейшинами». Ни в русских архивных материалах, ни в османских документах не содержится упоминаний об этих неизвестных сообществах, которые спустя два века составят ядро сопротивления накшбандийских мюридов Шамиля, остановивших более чем на век продвижение русских к горам.

Политическое устройство Дагестана абсолютно не соответствовало его социальной и этнолингвистической структуре. Действительно, страна была разделена на определенное количество княжеств или, скорее, владений князьков, со множеством языков и этнических групп, неустойчивые границы которых практически никогда не совпадали с зонами проживания этнических сообществ.

Самым крупным княжеством Дагестана было *шамхальство*, по взятой с потолка этимологии слова Шам – «Сирия» – правители *шамхалы* говорили о своем арабском происхождении. Его территорию составляла северная часть Дагестана. С одной стороны она охватывала предгорье, плодородную область оседлого населения, обильно орошаемую многочисленными реками, текущими к Каспийскому морю, в том числе Тереком и Сулаком. С другой стороны оно [*шамхальство*] включало среднегорье с поросшими травой плоскогорьями. Мощь и процветание шамхальства объяснялись как его привилегированным положением на большом торговом пути Север-Юг, так и разноплановостью его экономики, [складывавшейся] из кочевого горного скотоводства, пашенного земледелия на равнинах, рыболовства на Каспийском море.

С монгольского периода шамхалы рассматривались в качестве владетелей всего Дагестана. Ханы Золотой Орды признавали за ними титул *вали* («правитель») и шамхал играл роль баскака, то есть сборщика налогов[9], подобно тому, как это делали в рассматриваемое время великие князья Московии.

До конца XV в. центром шамхальства был аул Гази-Кумук (по-русски Кази-Кумук) в среднегорье лакской страны (в высоких долинах Самура и Койсу

[9] См.: *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Издво АН СССР, 1961. С. 48. [О содержании и эволюции термина «шамхал» см.: Маршаев Р.А. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. XVIII. Махачкала, 1959; Кадыраджиев К.С. Структура и генезис соционима «Шамхал» // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989; Каяев А. Шамхалы // Советский Дагестан. 1990. № 3–4. – *Д.М.*].

Кумуха. В начале XVI в. столица была перенесена на равнину, в посад Тарку, на юге нижнего Сулака в кумыкской стране. Это был большой караванный центр на пересечении путей: Астрахань – Дербент и Тамань – Дербент. С этого момента шамхальство, благодаря выгодному стратегическому положению, становится одним из самых значительных государств Кавказа, предметом вожделения всех соседей, Московии, Крымского ханства, Османской империи и Сефевидского Ирана.

Население княжества было в большинстве своем кумыкским с лакским меньшинством в горах, представлено несколькими свободными обществами (*джемаат*) и чеченскими, аварскими и даже ногайскими кланами. Тюрки-кумыки доминировали в шамхальстве, но лакцы, обращенные в ислам в более ранний период, сохраняли особый статус – распространителей веры во всем Дагестане (откуда пошло их наименование «гази-кумыки»). Они также гордились своим арабским происхождением[10].

Политическая структура шамхальства несла в себе достаточно любопытные архаичные черты, оказывавшие некоторое влияние на отношения данного государства с соседними державами. Высшая власть принадлежала княжескому клану, лучший из которого – а не старейшина – избирался на должность шамхала собранием знати и мулл. Традиционно выборы происходили в ауле Гази-Кумук[11].

Княжество было разделено на юрты (этот термин русские переводили как «уделы»), каждым из которых правила одна из ветвей княжеского клана. Самым крупным из юртов, после принадлежащего Шамхалу, был юрт ожидаемого (или вероятного) преемника княжеского трона, носивший наименование ярым-шамхал («полу-шамхал»), которое русские источники часто неправильно передают как крым-шамхал. Центр этого юрта находился в ауле Буйнак[12].

Нам очень мало известно об именах князей, правивших в шамхальстве в XVI в. Русские, казалось, не знали о них; что касается османов, они часто принимали название шамхал за имя собственное[13]. Известно, что княжество оставалось единым до 1574 г., до смерти шамхала Сурхая, власть которого распространялась на весь Северный Дагестан. После смерти Сурхая шамхальство было поделено между пятью его сыновьями на *бейлики*, вскоре превратившиеся в маленькие соперничающие княжества, часто воевавшие между собой и объединявшиеся лишь для противостояния внешней опасности, например, на время двух больших походов русских в 1594 и 1604–1605 гг.[14]

Чуть позже, в конце XVI в., шамхальство вновь распалось на *бейлики* во главе с членами княжеского клана, носившими помпезный титул «султан»: Каракачем, Карабудагом, Ерпели и Дженгутаем. Бейлик последнего позднее стал

---

[10] В конце XVI в. или в начале XVII в. горная часть княжества – лакский район Гази-Кумух – отделилась от шамхальства и образовала небольшое, исключительно лакское, государство во главе с выборным «халкавчи» (см.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией [(вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.)]. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 47).

[11] Согласно древней традиции, кандидаты собирались кругом на площади аула и мулла бросал яблоко тому, кто был предварительно выбран шамхалом. О традиции выборов шамхала см.: Алиев Б., Ахмедов С., Умаханов М.С. *Из истории средневекового Дагестана*. Махачкала: Дагестанское отделение АН СССР, Институт истории, языка и литературы Г. Цадаса, 1970. На практике, согласно Е.Н.Кушевой (*указ. соч.*, с. 43), это почти всегда был старший брат, реже преемником шамхала становился старший сын. В XVII веке начинает практиковаться наследование преимущественно от отца к сыну. [Процедуру выбора шамхала описал еще в XVII в. А.Олеарий: «В этой стране различные князья; почти в каждом городе имеется особый, а главный из них именуется шемхал (у нас звали его шевкалом); это как бы царь между ними, избираемый бросанием яблока. Когда его избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник (мулла) бросает в них позолоченное яблоко; в кого оно попадет, тот становится шемхалом. Священник, однако, хорошо знает, в кого он должен бросить […]». См.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 494–495. – *Д.М.*].

[12] Положение ярым-шамхала может сравниться с положением калги в Крымском ханстве.

[13] По документам Османского архива складывается впечатление, что в XVI веке Высокая Порта имела очень мало сведений о политической структуре Дагестана и почти всегда принимала титулы правителей Дагестана за имена собственные. Так, существует приказ, направленный Императорским Диваном «Масум бею, хакиму Табасарана». В действительности же, «*ma'sum*» являлся титулом князя Табасарана, а не его именем (ВОА, *Mühimme Defteri*, цит. ниже *Mühimme Defteri* 44, *hüküm* № 218). Кроме того, копии другого приказа от 19 реджеба 994 / 7 июля 1586 г. бейлербею Тамани, были направлены «Карабудаг бею, одному из кумыкских беев». На самом же деле, Карабудаг – это один из кумыкских юртов. Другая копия была послана «Бею Кайтака Уцми бею». «Уцмий» – это титул князя Кайтака, а не имя собственное (*Mühimme Defteri* 61, *hüküm* №41). Мы можем привести еще множество подобных примеров, подтверждающих ту же ошибку.

[14] Самым крупным из этих княжеств было Эндери (по-русски «Андреевская деревня»), находившееся в самой плодородной части кавказского предгорья между Тереком и Сулаком, на стратегически важном пути из Крыма в Дербент. Его первым правителем был султан Махмуд, *чанка*, сын шамхала и кабардинской женщины [черкесской узденьки. – *Д.М.*]. Именно Махмуд из Эндери в 1605 г. объединит на определенное время всех кумыкских беев против русских. Другими княжествами были Буйнак, Казанишчи, Кафир-Кумух и Гелли. [Солтан Махмуд, Султан-Магмут, Султан-Мут являлся, согласно первой версии, младшим сыном Чобана (или Чопана) шаухала Тарковского с кабардинской узденькой из рода Анзоровых. Согласно другой версии, он был сыном Андии (Муртузали) сына Чобана. Известен как основатель Эндиреевского удельного владения. См. об этом: Таргу-наме. Лексикон / Сост. К.М.Алиев. Махачкала, 2001. С. 101–103, 123, 134–135, 143, 154, 171, 202, 259, 263, 267 и др.). Вместе с Адиль-Гиреем, сыном шаухала Сурхая, на Караманском поле на Сулаке в 1605 г. сумел одержать победу над войском воевод И.М.Бутурлина и О.Т.Плещеева. (См.: Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1-й. 1578–1613 гг. – С. CX, 513–515; Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. III. Т. XI. Гл. I. С. 43.). – *Д.М.*].

независимым государством под названием Мехтулинского ханства. Продолжавшееся дробление шамхальства привело к появлению на свет в XVI в. новых крошечных княжеств, одним из которых стало ханство Бамматуллах[15]. В конце XVII в. шамхальство, ослабев, потеряло контроль над горной частью.

Большинство этих кумыкских княжеств имело очень малые размеры, часто не превосходившие площадь одного аула[16]. Удивительно, что османы и московиты, умышленно или нет, игнорировали эти подразделения и обращались лишь к одному шамхалу Тарку, даже если ему не удавалось навязать свою власть своим кузенам. Если турки-османы присваивали ему титул *хаким* («господин») Дагестана и, казалось, даже не знали о существовании ярым-шамхала[17], московиты были немного лучше осведомлены, так как они различали «шевкала» (шамхала), «крым-шевкала» и «султана деревни Андреево» (Эндери). Это незнание постоянно менявшейся ситуации шамхальства, и особенно почти постоянного соперничества шамхала и его ожидаемого преемника, ярым-шамхала[18],

[15] Точнее: «Бамматулинское ханство». Получило название по имени сына Андия – Баммата, Баммат улу – сын Баммата. См.: Таргу-наме. Лексикон / Сост. К.М.Алиев. Махачкала, 2001. С. 171. – *Д.М.*

[16] Можно оценить небольшой размер этих *бейликов* через количество вооруженных всадников, которое они могли выставить (по подсчетам Е.Н.Кушевой, *указ. соч.*, с. 45): Эндери – 200 всадников, Гази-Кумух – 500 всадников, Шамхал – 200 всадников, Эрпели – 400 всадников, Кафир-Кумук – 150 всадников; однако, в случае необходимости, кумыки могли выставить до 5 000 всадников. Так, в 1604 году для противостояния русской армии воеводы Бутурлина, султан Махмуд из Эндери, возглавлявший сопротивление Дагестана, располагал 13 000 кумыкских, ногайских, лакских, аварских и даже лезгинских всадников, не считая пехотинцев из горных *джемаатов*.

[17] Во второй половине XVI в., когда шамхальство представляло собой для Высокой Порты жизненно важный интерес, судя по документам, отложившимся в Османском архиве, употреблялся титул «*шамхал, хаким* [правитель. – *И.М.*] Дагестана», отражающий определенное уважение, ибо только он удостаивался «августейшего послания» (*nâme-i hümâyûn*), в то время как другие правители Дагестана получали лишь «приказы» (*hüküm*). Кроме «шамхала» часто встречается имя «одного из кумыкских беев Карабудаг бея», под которым, видимо, следует представлять правителя Карабудага (например, в приказе бейлербею Тамани от 19 реджеба 994 / 7 июля 1586 г., *Mühimme Defteri* 61, *hüküm* № 41, или в «августейшем послании» «шамхалу, *хакиму* Дагестана» от 21 шевваля 995 / 25 сентября 1587 г., *Mühimme Defteri* 62, *hüküm* № 67). Встречается также имя «Махмуда, султана шамхальства», которое, по всей вероятности, указывает на султана Махмета из Эндери (в приказе Султанай бею, «одному из беев Дагестана», от 21 рамазана 994 / 7 июля 1586 г., *Mühimme Defteri* 61, *hüküm* № 24).

[18] Так, например, в 80-е гг. XVI в. кахетинский царь Леван женился на дочери ярым-шамхала Кара-Мусала, в то время как шамхал продолжал войну против грузинов. Наряду с этим, в 1559 г. шамхал обратился за помощью к русским войскам против ярым-шамхала (*Мухаммедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 136–137). [Думается, ничего странного в этом не было. Будучи официально признанными наследниками шамхалов, крым-шамхалы были не прочь оттеснить находящегося у власти. Подобное

объясняет неразбериху и ошибки русской, татарской, османской или иранской политики в северной части Дагестана.

На севере шамхальства, в низовье долины Терека и его притока Тюменки, находилось другое кумыкское княжество, ханство Тюмень. С середины XVI в., после завоевания Астрахани русскими, это маленькое княжество, расположенное вблизи русских владений, приняло господство Москвы. Османские документы никогда не упоминают о его существовании. После постройки в 1588 г. крепости Терский Городок в самом центре этого ханства, оно полностью подпало под власть русских[19].

*

Среднегорье и высокогорье, население которых не достигло даже стадии феодального развития, были разделены между несколькими княжествами.

С севера на юг различали:

1) Аварское ханство в верхнем течении аварского Койсу, Кара Койсу и Койсу Анди со столицей в ауле Хунзах. Население этого княжества было относительно однородным (аварцы и небольшие племена андийцы и дидойцы) и давно, еще с XI в., обращенным в ислам. Это была грозная и мощная держава, но из-за своего отдаленного расположения от крупных путей, она не обладала таким же политическим значением, как другие дагестанские государства. По нашим сведениям, османские источники лишь один раз упоминают о его существовании[20]. Русские документы также дают о нем очень скупые сведения.

их нетерпение было на руку правителям сопредельных государств, в том числе Московскому государству и Грузии. Об этом свидетельствуют просьбы враждующих сторон об оказании военной помощи, жалобы грузинских царей на вторжения в их владения шамхала, обещания крым-шамхала об открытии прямого проезда в Грузию через территорию шамхальства в случае получения им власти, нашедшие отражение в источниках. См.: Шамхалы Тарковские. Историческая записка, составленная Временной комиссией, наряженною для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шуринского округа // Собрание сведений о кавказских горцах. Вып. 1. СПб., 1868. С. 56; Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. *Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым.* Вып. 1-й. 1578–1613 гг. М., 1889. С. 255–256, 257, 266 и др.; Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв. Т. 1. М., 1957. С. 5 и др. – *Д.М.*].

[19] Согласно Н.Белокурову, Сношения России с Кавказом 1578–1613, М., с. 106, 107, [Здесь и далее допущена неточность или опечатка, это С.А.Белокуров. См.: *Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1-й. 1578–1613.* М., 1889. – *Д.М.*], приводящему свидетельства документов из русских архивов, среди кавказских князей, проживавших в Москве и обращенных в христианство, упомянуты Роман и Василий, братья тюменского князя. Это единственный известный нам пример обращения кумыков в православие.

[20] «Августейшее послание» (*nâme-i hümâyûn*), направленное шамхалу 21 шевваля 995 / 25 сентября 1587 г., касающееся войны против кызылбашей [сефевидов. – *И.М.*] и

Аварский князь носил титул нуцал. Он избирался собранием старейшин и знати (*ayan*), из числа членов княжеского клана. Он должен был быть рожден в браке [лиц] одного ранга (таким образом, чанка не мог стать нуцалом). В конце XVII в. должность нуцала станет наследственной, а в следующем веке, когда шамхальство придет в полный упадок, Аварское ханство станет самым сильным княжеством Дагестана.

2) К югу от аварской страны находилось княжество Кайтак, правитель которого имел титул *уцмий* (взятая с потолка этимология из арабского *исм*: «имя», *исми* – «знаменитый»), о котором очень часто упоминают османские источники (где, впрочем, титул *уцмий* цитируется как имя собственное)[21].

Население Кайтака было разнородным. Оно состояло в основном из даргинцев, лакцев, кайтаков, лезгинов, горских евреев. Кайтак – богатая и процветающая страна, известная своим ремесленными изделиями (кубачинским оружием), близко расположенная к морю, контролировала приморский путь Тарку – Дербент.

Уцмий считался самым могущественным и был самым уважаемым из правителей гор. По мнению Е.Н.Кушевой[22], население данного княжества достигало в начале XVI в. от 40 до 60 тысяч жителей, и уцмий мог выставить одновременно 500 всадников и тысячу пехотинцев. Правитель избирался «из числа старейшин», вероятно, без определенного правила.

3) На южной оконечности Дагестана, в верхнем и среднем течении Самура, находилось маленькое княжество Табасаран, управляемое двумя правителями, один из которых имел титул «масум» (который турки-османы путали также с именем собственным), а другой – должность «кади». Нам неизвестны правила избрания этих двух правителей. Население маленького княжества состояло из лезгинов, табасаранцев и из находившихся на более низкой ступени общественного развития жителей высокогорья: цахуров, рутульцев и агульцев. В русских источниках практически нет упоминаний о нем, в то время как османские документы придают ему большое значение вследствие его стратегического положения близ пути Дербент – Ширван. Табасаран мог выставить одновременно 500 всадников[23].

призывающее всех князей Дагестана принять участие в этой кампании. Среди них есть Али-бей, «*хаким*» аварцев, который удостоился лишь приказа (*hüküm*). См. *Mühimme Defteri* 62, *hüküm* № 67.

[21] Уцмий Кайтака был, наряду с шамхалом, единственным дагестанским правителем, которому адресовывались «августейшие послания» (*nâme-i hümâyûn*) от Великой Порты.

[22] Е.Н.Кушева, *указ. соч.*, с. 48.

[23] Р.М.Мухаммедов, *указ. соч.*, с. 86.

II – Чеченские и ингушские племена

В XVI в. чеченские племена жили в основном в долине Терека и его южных притоков Сунжи и Аргуна, а также на северных склонах большого Кавказского хребта, к западу от кумыкского княжества Эндери и к северо-западу от Аварского княжества.

Османские документы ничего не сообщают о положении чеченских племен[24].

В русских и грузинских источниках, привлеченных Е.Н.Кушевой, информации немного больше[25], но и она не позволяет нам составить четкое представление о социальной и политической структуре чеченцев. Впрочем, в русских документах интересующего нас периода наименование *чеченцы* никогда не упоминается, их называют либо просто горцами («горские люди»), либо именуют по названиям областей их проживания, соответствовавшим наименованию их деревень: Мичкизи, Мезеги, Шубут, Отчан, Ерохан, Осоки, Окохи, Окочане, Тшан, Галгай Калканцы[26].

Русские источники иногда упоминают чеченских князей, мурз и узденей, но речь, видимо, идет об ошибочном определении. На это же указывает и Кушева: «в чеченских и ингушских горах классовое общество еще не сформировалось»[27]. Еще не было феодальной аристократии и чеченские сообщества подразделялись на большие неделимые семьи (по-русски *роды*) и на кланы (по-чеченски *gaar*), все члены которых были свободными и рассматривались как равные и благородные. В XVI в. некоторые клановые группировки могли объединять до 1000 воинов[28].

В XVI в. подавляющее большинство членов чеченских кланов было анимистами, хотя Кушева[29] приводит грамоту, направленную в 1588 г. царю Федору неким чеченцем по имени Ших мурза Окотского, что может говорить о том, что он был мусульманином (Ших – искаженное «шейх»?).

Ислам крайне медленно проникал в восточные чеченские горы, его принесли дагестанцы в конце XV в. По мнению той же Кушевой, в XVII и XVIII вв.

---

[24] В противоположность XVIII в., когда «чачан» занимает достойное место в турецких дипломатических документах.

[25] В частности, архивы русской крепости Терский Городок, основанной в 1588 г., были сохранены в Посольском приказе и в Приказной палате Астрахани (Е.Н.Кушева, *указ. соч.*, с. 60).

[26] Так, можно прочесть в *Книге большому чертежу*, написанной в 1627 году, изд. К.Н.Сербина, Москва – Ленинград, АН СССР, Институт истории, 1960, с. 88, л. 6а подлинника [Книга Большому Чертежу / Подг. к печ. К.Н.Сербиной. – М.; Л., 1950]: «В этих горах, вдоль реки Терек и других рек, живут пятигорские черкесы, и кабардинцы, и окохи, и осоки (чеченцы), и кугены (кумыки?), и мичкизы».

[27] Е.Н.Кушева, *указ. соч.*, с. 80.

[28] *Там же*, с. 77.

[29] *Там же*, с. 74.

некоторые кланы клялись на Коране, а другие, оставаясь язычниками, клялись именем своих богов.

Только в конце XVIII в., благодаря миссионерским действиям большого суфийского братства Накшбандия, страна чеченцев становится одним из бастионов ислама на Северном Кавказе[30]. Складывается впечатление, что она им остается и сейчас. Чеченцы и ингуши, наряду с дагестанцами, являются единственными суннитами Кавказа, придерживающимися шафиитского обряда, все остальные – ханафиты.

III – Осетины

К западу от Чечни в долинах верховьев Терека и Ардона жили *осетины*, ослабевшие остатки большого аланского этноса, который в средневековье составлял основную мощь Северного Кавказа, но потерял свои позиции после прохождения [через Кавказ] армий Тимура.

В противоположность чеченцам, структура осетинского феодального общества имела более слабые связи, чем у кумыков и кабардинцев. В нем выделялись знать (*алдар* и *бадилат*), свободные крестьяне (*фарсалаг*), крепостные (*кавсадар*) и, наконец, рабы.

В течение второй половины XVI в. осетины, вытесненные в труднодоступные высокогорные районы, не играли никакой роли в истории Кавказа. Ни русские, ни османские источники ничего не говорят о них. Еще меньше нам известно о тюркских этносах – *карачаевцах* и *балкарцах*, расселенных к западу от осетин, в долинах верховий Черека и Чегема.

Вероятно, религией осетин было ослабленное христианство, насыщенное элементами анимизма древней примитивной религии. Ислам начал проникать в этот регион лишь в конце XVII в., одновременно с запада от кабардинцев и с севера от ногаев. Однако процесс обращения осетин в ислам остался незавершенным, сегодня еще около трех четвертей осетин (группы туал и ирон) номинально являются христианами. Только группа дигор – мусульмане-сунниты ханафитского толка[31].

---

[30] См. по данному вопросу: Bennigsen A. Un mouvement populaire au Caucase au XVIIIe siècle. La 'guerre sainte' du *sheikh* Mansur (1785–1791), page mal connue et controversée des relations russo-turques // CMRS. T. 5 (1964). № 2. P. 159–205.

[31] Об исламе в Осетии см. одну из последних книг: *Емельянова Н.М.* Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. 360 с.; сословная структура Северного Кавказа нашла также отражение в нескольких работах. См., например: *Свечникова Л.Г.* Из истории сословных прав горского населения Северного Кавказа в XIX в. // Право и политика., 2000, № 5. – *И.З.*

IV – Кабардинцы

Кабардинцы (по-турецки *Qabartay*) занимали центральную, самую значительную часть Северного Кавказа, ту, где дорога, ведущая из Кафы в Дербент соединялась с дорогой из Азака в Дербент и пересекалась с дорогой, ведущей от Терека в Грузию через Дарьяльский проход. Именно это уникальное стратегическое положение области проживания делало кабардинцев хозяевами [гео]политического положения на всем Кавказе и обеспечивало главенство их над восточными и западными соседями. Оно же объясняет и бóльшую востребованность кабардинцев, чем других народов Кавказа, и оказывание им почестей одновременно русскими, Крымским ханством и Портой. Тот, кто доминировал в Кабарде, мог претендовать на господство на всем Кавказском хребте, от Черного моря до Каспийского. Именно из-за посулов и давления [со стороны разных держав], повторяющихся в течение всего века, историю Кабарды так трудно понять, так как не имеющие четких религиозных убеждений феодалы Кабарды без колебаний меняли веру и постоянно переходили из лагеря московитов в османский лагерь и обратно.

Указанное обстоятельство еще более осложняется вследствие постоянной путаницы в русских и османских источниках, четко не дифференцировавших кабардинцев, абазин и западных черкесов (адыгов), от которых они [кабардинцы], впрочем, отличались лишь диалектами. По-видимому, не случайно в русском языке можно встретить словосочетание *«кабардинские черкесы»*, которое могло означать как кабардинцев, так и бесленейцев. В османских документах термины *кабартай* (Qabartay) и *черкес* также часто путаются. В итальянских источниках выражение *Circassi quinquemontani* (пятигорские черкесы) обозначало одновременно и кабардинцев, и бесленейцев.

В XVI в. область расселения кабардинцев выходила далеко за рамки современной Кабарды. Она охватывала все предгорье и низовье гор с долинами левобережных притоков реки Терек, Черек, Чегем, Баксан, Кубань, а также равнины, простирающиеся между Тереком и Сунжей. В предшествующем столетии кабардинцы продвинулись еще дальше на восток, в район нижнего и среднего течения Терека, откуда они постепенно были вытеснены тюменскими и эндерийскими кумыками.

На западе, между долиной Малки и верхним течением Кумы, находился небольшой горный район, который русские источники называли Пятигорье (по-турецки Бештау). Данная территория была населена одновременно кабардинцами и черкесским племенем бесленейцев. Русские объединяли эти два народа под названием «пятигорские черкесы». Бештау являлся стратегически чрезвычайно важным районом, поэтому контроль над ним был целью векового соперничества между кабардинцами, Крымским ханством, Малой Ногайской Ордой и, с начала XVII в., калмыками. Оттесненные к югу кабардинцы медлен-

но отступали к горам, и в середине XVII в. в этом районе уже полностью доминировали ногаи.

Постоянно перемещающаяся граница кабардинской страны останавливалась на западе примерно между долинами Кубани и Лабы. Далее начиналась территория бесленейцев, племени, относящегося к западным черкесам (адыгам), которые, по-видимому, отделились от кабардинцев только в XV в.[32].

На всем Кавказе кабардинская страна была одним из самых богатых и процветающих государств благодаря земледелию, разведению лошадей и крупного скота на равнинах, овцеводству в горах, разработке природных месторождений серебра, железа и свинца, а также ремесленному производству оружия, известного повсюду на Востоке. Торговля в XVI в., хотя и была ограниченной, также способствовала процветанию страны: продажа рабов в Крыму (в XIV и XV вв. – в тамошних итальянских колониях), торговля лошадьми и оружием с Астраханью через посредничество персидских и бухарских купцов (*тезиков* русских источников). Наконец, кабардинцы являлись посредниками и ценными проводниками для караванов, ходивших между Россией, Грузией и Ширваном через Дарьяльский переход. Будучи самой густонаселенной страной Кавказа, Кабарда[33] могла, вероятно, выставить армию в 15000 всадников[34].

Социальная структура кабардинцев была, конечно, самой сложной и самой развитой среди всех кавказских народов. По мнению советских историков, у них была «существовала феодальная иерархия, сохранявшая клановую систему».

На вершине данной пирамиды находились *пши*, этим титулом обозначали сначала «старейшин», «старших членов клана», но в XVI в. этот титул соответствовал скорее понятию «князь» (по-турецки «бей»). Дети *пши*, рожденные в браке [лиц] одного общественного положения, носили титул мирза (по-русски *мурза*).

Княжеские кланы совместно владели своими землями и имели общих крепостных. Не распадаясь на семейные пары, они подчинялись старшему члену клана. Наследование происходило обычно от брата к брату, а не от отца к сыну. Власть клана основывалась на некотором количестве «поселков», или скорее небольших крепостей (по-русски *кабаков*), что придавало кабардинскому *пши* вид западного барона раннего средневековья, в отличие от западных адыгов, которые, не владея крепостями, не имели такого развитого феодального строя, как кабардинцы.

---

[32] Е.Н.Кушева, *указ. соч.*, с. 94, цитируется Шора Бекмурзин Ногмов.

[33] В качестве примера можно напомнить, что согласно русским хроникам, в 1567 г. калга Мухаммед-Гирей привел из похода на Кабарду около 20000 пленников. Очевидно, данная цифра завышена, но она дает представление о значительности населения Кабарды (см. *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. [Документы и материалы.]* М., 1953, [Т.] I, с. 16–17).

[34] *Там же*, Т. II, с. 19, 316, 318. 15000 всадников было поднято в 1775 г. всеми кабардинскими феодалами; вероятно, в XVI в. кабардинцы имели возможность выставить еще большее войско.

Дети *пши* и женщины более низкого общественного положения, но благородной, носили титул *тума* (аналогичный кумыкскому *чанка*).

За княжескими семьями следовала, собственно говоря, «знать», состоящая из вассалов *пши – уорков* (этот термин русские обычно переводили как *дворовые люди*, *дружина*), подразделявшихся на два ранга: более «благородных» (по-русски *именитые*, по-кабардински *тлакотле*) и менее «благородных» (*дженуго*). Эта знать, сравнимая с узденями кумыкской страны, пользовалась привилегией сменять правителя (*пши*) или даже переходить на службу к крымскому хану, к османскому падишаху или к московскому царю.

Социальная сплоченность между княжескими семьями и вассальной знатью была обусловлена общим обычаем адыгов и кабардинцев, состоящим в том, чтобы отдавать детей князей их вассалам для того, чтобы они научили их военному делу. Таким образом, дети вассала становились «молочными братьями» сыновей *пши* и позднее, повзрослев, их товарищами по оружию.

Стратегическое положение Кабардинской страны и формирование многочисленного и воинственного феодального общества, управляемого согласно строгим правилам военной чести (сравнимым с японским *бусидо*), объясняют, почему кабардинцы всегда больше, чем остальная кавказская знать, были востребованы великими державами, боровшимися за Северный Кавказ.

В середине и у подножия социальной лестницы находился самый многочисленный слой, состоявший из свободных крестьян (*тлофокотль*), объединенных в общины (*джемаат*); затем из крестьян, выполнявших разные повинности: *ог* и *логанапит*, в русских источниках именуемых «черными людьми»; за ними следовали рабы (*унаут*), чаще всего пленные иноземцы, захваченные в походах; и, наконец, особая прослойка освобожденных рабов (*азат*).

Тот факт, что в XVI в. в Кабарде не было единой централизованной власти и ни одна из княжеских семей не была достаточно сильной, чтобы навязать ее остальным является свидетельством развитости феодального строя в кабардинском обществе.

Давняя традиция, по которой знать, съехавшись на съезд «всей кабардинской земли», избирала «великого князя Кабарды» по очереди из всех княжеских семей, не имела реального значения, так как «великий князь» не обладал никакой действительной властью и был лишь *primus inter pares* (первым среди равных) по отношению к кабардинским *пши*. Османы, достаточно хорошо понимая особое положение Кабарды, довольствовались тем, что общались с *пши* и мирзами (*mirza*). Русские же, напротив, в течение всего XVI в. пытались установить единого правителя в стране. В 1560-е гг. это был Темрюк, сын Идара и тесть царя Ивана IV, затем другой сын Идара – Камбулат (умерший в 1588 г.) и в конце XVI в. – сын Темрюка, Мамстрюк. В результате противостояния между княжескими семьями все попытки русских проваливались. Понятно, что отсутствие центральной власти создало в Кабарде атмосферу постоянной анар-

хии, которой пользовались их соседи: крымцы, ногайцы из Большой и Малой Орд и, позднее, в XVII в. – калмыки.

Положение Кабардинской страны стало еще более сложным из-за отсутствия религиозных убеждений у правящей верхушки (*пши* и *мирз*); крестьяне и даже *уорки* в большинстве своем следовали религии предков – анимизму, окрашенному христианством, унаследованному от аланов.

В османских документах, упоминающих правителей кабардинцев, они всегда считаются мусульманами[35]. Русские источники, сосредоточенные в двух первых томах сборника архивных документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках» [Т.1–2. М., 1957] и в [публикации] Н.Белокурова «Сношения России с Кавказом 1578–1613» [Точнее, С.А.Белокуровым. См.: Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. – Вып. 1-й. 1578–1613 гг. М., 1889. – *Д.М.*] представляют большую ценность, так как дают более точную, более сложную и более любопытную картину верований кабардинцев.

Отношения между Московией и кабардинцами начинаются в 1557 году, то есть на следующий год после завоевания Астраханского ханства русскими войсками, которые в глазах кавказцев могли показаться тогда непобедимыми. В июле 1557 г. посольство Темрюка и Тазрюта, «князей Кабарды», отправилось в Москву, чтобы просить у царя защиты против врагов Кабарды, дагестанцев из шамхальства, ногаев Малой Орды и крымских татар. Русские документы подтверждают, что княжеские семьи были тогда в огромном большинстве мусульманскими. Так, князь Темрюк, сын Идара, был мусульманином, но его дочь Мария приняла православие, когда вышла замуж за царя Ивана Грозного[36]. Представители кабардинской знати, таким образом, были очень умеренными и

[35] Так, в приказе бею Азака (без даты, 1573(?)), речь идет о кабардинском мирзе, отправившемся в Стамбул. Речь идет не о князе, отбывшем в Высокую Порту для принятия ислама (как это было характерно для западных адыгов), ибо кабардинский правитель носил чисто мусульманское имя – Мехмед (*Mühimme Defteri* 23, *hüküm* № 130). Другой приказ, не датированный как и предыдущий, направленный «Кабартай Мирзе», а копия – «одному из беев Кабарды Мехмед-бею», предписывает им оказать содействие татарской армии, выступившей к Дербенту. Эти документы также показывают, что два названных правителя были мусульманами (*Mühimme Defteri* 44, *hüküm* № 218). В [«Мюхимме дефтери» за] 1582–1583 гг. мы обнаруживаем другой *«хюкюм»* (приказ), не датированный, адресованный «одному из кабардинских мирз», некоему «Мохаммеду Мирзе», предписывающий ему отправиться в Стамбул. Из него также видно, что речь идет о мусульманине (*Mühimme Defteri* 48, *hüküm* № 730). Таким же образом в 1583 г., во время прохода армии Ферхад-паши в Дербент, трем кабардинским *«беям»* (*пши*) и другим кавказским правителям предписывалось облегчить прохождение османской армии. [В последнем случае] речь шла о князьях Солоке, Бозоке, Арслане и Апаке, каждый из которых был мусульманином (*Mühimme Defteri* 51, *hüküm* № 11).

[36] Это категорически противоречило закону шариата, поэтому негативно расценивалось мусульманами Кавказа в XVI веке.

поверхностными мусульманами, и Белокуров[37] приводит несколько поразительных уточнений по данному поводу. Обычно часть княжеских семей *пши* оставалась на Кавказе (старшие), в то время как младшие уходили попытать счастья: одни в Бахчисарай или в Стамбул, другие – в Москву или даже в польско-литовское государство. Те, кто оставались в Кабарде, и те, кто служили хану или падишаху, становились мусульманами, в то же время те, кто предпочитал служить царю, принимали православие.

Итак, семья Темрюка, его сыновья Мамстрюк, Беберюк и Доманук, оставшиеся в Кабарде, были мусульманами, а другой его сын с настоящим мусульманским именем Султанкул, который сопровождал свою сестру, будущую царицу, в Москву, был крещен под именем Михаила[38]. Внук Темрюка, сын князя Мамстрюка, Каншов, являвшийся мусульманином[39], также отправился в Москву, принял православие и стал боярином по имени Дмитрий. Все остальные члены клана Темрюка оставались в мусульманстве.

Также, когда в 1578 г. князь Канбулат, брат Темрюка, будучи мусульманином, направился к царю просить московской защиты, он взял с собой сына Хорошая, которого окрестили под именем Борис[40]. Именно он стал родоначальником князей Черкасских. Другой сын Канбулата, князь Куденет, остался на Кавказе, но его сын Уруслан, проживавший в Москве и получивший чин стольника, стал христианином и взял христианское имя Яков.

Данный феномен являлся практически уникальным в истории ислама: наличие в одной семье православных христиан и мусульман[41].

В 1560 г. русские хотели продолжить распространение христианства среди кабардинцев. Воевода Черемисинов[42], направленный в кабардинскую страну для ее защиты от Шамхала, имел в своей армии множество православных священ-

[37] Н.Белокуров, *указ. соч.*, с. 36, примеч. 44.

[38] Несчастному Султанкулу–Михаилу было суждено плохо закончить свою московскую карьеру. Обвиненный в том, что он отравил третью жену Ивана IV, Марию Собакину, он был посажен на кол.

[39] Н.Белокуров (*указ. соч.*, с. 47) приводит клятву, отписанную в 1558 г. князем Мамстрюком царю: «Я приношу клятву (*шерть*) в соответствии с моей религией, согласно мусульманскому закону». [В оригинале цитата такова: «Даю шерть по своей вере, по мусулманскому закону…». – *Д.М.*].

[40] *Там же*, с. 49.

[41] Подобной ситуации не было нигде, кроме Сербии XVI в. [Факты принадлежности представителей одной семьи к различным вероисповеданиям в XVI и последующие века – обычное явление для региона Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, а затем и Сибири. Подтверждением тому является существование двух ветвей – православной и мусульманской – многих татарских родов – Асановых, Девлеткильдеевых, Енгалычевых, Еникеевых, Кугушевых, Кутумовых, Мансыревых, Мамлеевых, Тенишевых и мн. др. См.: Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992; Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. – *Д.М.*].

[42] Это Иван Семенович Черемисинов – *Д.М.*

ников «чтобы крестить черкесов Кабарды». [В оригинале эта цитата такова: «… царем из Москвы в Кабарду были посланы (в 1560 г.) также и «попы хрестьянские крестити Кабардинских Черкас». – *Д.М.*][43]. Эта попытка не увенчалась успехом. Скорее наоборот, она напугала кабардинцев, которые заботились, прежде всего, о своей независимости. Об этом свидетельствует то, что после 1560 г. наблюдалось множество фактов отпадения христиан в ислам.

Так, в июле 1563 г., в тот момент, когда князь Темрюк под защитой царя боролся со своими соперниками, находившиеся на службе у царя князья Сибок и Канук из Бештау, носившие в Москве христианские имена Алексей и Гавриил, сбежали из Москвы сначала в Литву, а оттуда в Крым. Полное религиозное и политическое смешение характеризовало Кабарду того времени. Прорусская часть имела во главе мусульманина (Темрюка), в то время как кабардинцы-христиане находились в лагере татар.

V – Западные черкесы (адыги)

Западные черкесские племена, судя по небольшому количеству русских и османских документов, в которых они упоминаются, стояли на более низкой ступени общественного развития, были более раздробленными, чем племена кабардинцев и менее известными среди соседей.

Самые ранние из османских и русских документов[, в которых упоминаются западные черкесы,] относятся к периоду не ранее 1555 года и касаются лишь двух больших племен, находившихся ближе всего к Крыму: жанэ с полуострова Тамань и с низовий Кубани, южнее этой реки[44], и, реже, бесленейцев (*Besney* по-турецки, «Абеслинские черкесы» по-русски), обитавших на среднем течении Кубани и вдоль ее южных притоков Белая, Лаба, Уруп. Кроме этих двух крупных племенных объединений, мы встретили также упоминание о кемиргойцах (или темиргойцах) и о хатукайцах. Что касается больших племен, живущих южнее в горах: абадзехов, шапсугов, натухайцев и др., то они всегда упоминаются лишь коллективно под наименованием «Вольные черкесы» в русских источниках или именуются в османских документах как «непокоренные черкесы».

Между Кубанью и Кабардой жило родственное черкесам и говорящее на языке близком к бесленейскому диалекту племя абазов – «обезы» в русских летописях (в современном русском языке – абазины, на турецком – *Beškesek*). Название *Abaza* было дано турками абхазам. Уроженцы района [реки] Бзыбь на юге Кавказского хребта, абазинское племя перешло через гору в XV в. Как и

[43] Н.Белокуров, *указ. соч.*, с. 4; *Кабардино-русские отношения [в XVI–XVIII в. Документы и материалы. Т.1–2. М., 1957]… [Т. 1]*, с. 8.

[44] В русских источниках они фигурируют также как таманские или атаманские черкесы, и еще как адинские черкесы. Данное название встречается также в турецких источниках: Ada Čerakes («островные (или полуостровные) черкесы»); по-турецки *ada* – остров.

западные адыги, абазины достигли достаточно высокого уровня развития феодализма.

На вершине феодальной пирамиды находились князья, или скорее главы кланов *аха*, затем «большая знать» (*амистады* или *тавад*), потом «малая знать», вассалы большой знати (*амиста*), свободные крестьяне (*акавы* или *тефакашау*), аналогичные кумыкским *узденям*, после них шли вольноотпущенные, но обязанные нести повинности крепостные (*азат-лыг*), просто крепостные (*лыг*) и, наконец, рабы (*унавы*). Как и западные адыги и кабардинцы, феодалы-абазины в течение всего XVI в. колебались между преданностью Крымскому ханству и исламом с одной стороны, и сюзеренитетом Московии и христианством с другой.

Обращение абазин в ислам завершилось лишь к XVIII в.[45].

Земля западных черкесов была богатой и плодородной. Равнинная ее часть была земледельческой и садоводческой, горная – скотоводческой, на Кубани рыболовство отличалось богатым уловом. Торговля ограничивалась продажей рабов (абхазских или черкесских немусульман) в турецких портах Тамани и Темрюка.

Социальная структура различалась в зависимости от того, о каких черкесах идет речь: о равнинных черкесах (жанэ, кемиргойцах, абазинах, бесленейцах) или о «свободных» черкесах-горцах. Первые имели более упрощенную в сравнении с кабардинцами феодальную организацию , на вершине которой находились князья (*пши*), затем знать, затем свободные крестьяне (*фокотль*), крепостные (*пшитль*) и рабы (*унаут*). Вторые не имели феодальной иерархии и знати, а лишь свободных и равноправных крестьян, объединенных в *джемаат*.

Религиозная структура была еще более сложной и более переменчивой, чем у кабардинцев. Из-за отсутствия такой же четкой, как у восточных соседей, феодальной иерархии адыгейская знать примерно до 1560 г. была частично христианской, частично мусульманской, более или менее значительная часть продолжала сохранять верность язычеству. Адыгейские феодалы еще чаще, чем кабардинцы, без зазрения совести меняли свою веру. Что же касается основного населения – крестьян и крепостных, то они почти поголовно были анимистами.

Как правило, те из князей, которые отправлялись на службу к царю в Москву, становились христианами (под общим наименованием «черкасы»). Самое раннее упоминание о крещении черкеса относится к 1550 г., когда один благородный абазин Алклыч сын Езбузлуко отправился в Москву и был крещен под именем Иван. Нам известно также, что в это же время при дворе Ивана Грозного жил еще один абазин – Казый (Василий) сын Карданук из клана Дударуко.

В 1555 г. Сибок, князь племени жанэ, который был однако *аталыком* султана Сафа-Гирея, сына хана Мухаммеда II «Семиза», отправил своего сына

[45] См. по данному вопросу: Лавров Л.И. *Абазинцы. Историческо-этнографический очерк* // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. С. 5–48; он же. *«Обезы» русских летописей* // Советская этнография. 1946. № 4.

Кудадека в Москву. Там он крестился под именем Александр и был принят при царском дворе[46]. В том же году другой сын Сибока, князь Тутарык, принял христианство под именем Василий[47]. Еще более любопытный случай религиозного непостоянства адыгских аристократов – это случай клана Кануко племени бесленей. Согласно итальянскому источнику[48] первая жена султана Сулеймана Великолепного – «*una donna circassa*» – происходила, вероятно, из княжеского клана Кануко. Один из членов этой семьи, Маашук, жил при дворе османского султана[49]. Несмотря на его тесные связи с Высокой Портой, сын этого Маашука отправился в 1557–1560 гг. служить при дворе царя, где был крещен и стал основателем рода князей Ага Машуков-Черкасских[50].

Впрочем, религия не определяла политической преданности черкесских аристократов. Так, в 1556–1560 гг. главы жанэйских племен активно участвовали в попытках князя Дмитрия Вишневецкого[51] захватить османские крепости Азак, Тамань и Темрюк. Несмотря на то, что турецкие источники называют их (предводителей племен) «неверными» (*кафир*), термином, который мог равно означать и анимистов, и христиан[52], среди них были и мусульмане[53]. Нам также известно, что в феврале 1560 г., во время последнего крупного нападения Вишневецкого на Крым, царь прислал к нему большое количество черкесов, живущих в Москве, то есть христиан, и попов, чтобы «обратить жанэ в христианство» [Эта цитата в оригинале такова: «Он (Чюрак мурза Черкеской) «от всех Черкас бил челом царю, чтоб государь их пожаловал, дал бы им своего воеводу в Черкассы и велел бы их всех крестить в православную христианскую веру». – *Д.М.*][54]. В то же время один из глав жанэ, Чурак мирза, участвовавший в

[46] В 1563 г. этот же Александр сбежал в Литву, а оттуда, вероятно, отправился к крымскому хану (и, возможно, там он стал (или вновь стал) мусульманином). См.: Кабардино-русские отношения…, [Т. 1]. С. 390, примеч. 5.

[47] Н.Белокуров, *указ. соч.*, с. 44.

[48] Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXIV. Ч. 2. С. 125.

[49] Е.Н.Кушева, *указ. соч.*, с. 150–151. Адыгские княжеские семьи, впрочем, также находились в родстве с Гиреями, возможно, из-за знаменитой красоты черкесских женщин. Первая жена хана Девлет-Гирея [I] была дочерью адыгейского князя Тарзатыка. Его четвертой женой также была черкешенка (*там же*, с. 151).

[50] Там же.

[51] Это князь Дмитрий Иванович Вишневецкой. – *Д.М.*

[52] См. мою статью: Ch.Lemercier-Quelquejay. Un condottiere lithuanien du XVIe siècle: le prince Dimitrij Visneveckij et l'origine de la Seč Zaporogue d'après les Archives ottomanes // CMRS. T. 10 (1969). № 2. P. 258–279.

[53] В «августейшем послании» хану Девлет-Гирею, датированном 22 сафара 967 / 23 ноября 1559 г., упоминаются имена нескольких глав жанэ, скрывшихся в Москве, чтобы избежать мщения со стороны хана; некоторые из них были мусульманами (*Mühimme Defteri* 3, *hüküm* № 527).

[54] Н.Белокуров, *указ. соч.*, с. 49 [XLVIII. – *Д.М.*].

боях против османов на стороне Вишневецкого (бывший, вероятно, мусульманином), стал христианином, возможно, из военной солидарности[55].

По всей вероятности, именно после 1560 г., отмеченного окончательным провалом попытки Вишневецкого захватить Азак и Кафу с помощью черкесских племен, ислам начал прочно укореняться среди западных адыгейцев, и жанэйская знать постепенно стала мусульманизироваться. Действительно, с 1560 года в османских архивах все чаще встречаются упоминания о подчинении и обращении в ислам адыгейских князей.

Так, в 1560 г. крымский хан объявил Высокой Порте о подчинении двух сыновей верховного правителя племени жанэ, оба носили мусульманские имена – Мехмед и Дауд[56]. Чуть позже, в 1565, бейлербей Кафы сообщил в Стамбул, что черкесский глава хотел отправиться в Стамбул, чтобы принять ислам[57]. В то же время это же должностное лицо сообщило, что «некоторые черкесские племена встали под знамя султана, платили ему подать и подчинялись [Порте], но жанэ (называемые «*Djaniquf*») восстали и угрожали Азаку»[58], что не свидетельствует, впрочем, о том, что они не были мусульманами.

В то же самое время наместник Кафы сообщил, что один адыгейский правитель Анкотоко (имя которого не говорит ничего о его религиозной принадлежности) решил отправиться в Стамбул, вероятно, для того, чтобы обратиться в ислам, но что «весь клан Хальйоко был охвачен восстанием»[59].

Османские власти, по-видимому, не очень хорошо ориентировались в нестабильной религиозной ситуации в адыгейских племенах, поскольку в 1565 г. Великий императорский совет направил бею Азака приказ, предписывавший представить точный отчет о положении в черкесских племенах «подчиненных и враждебных»[60].

В 1574 году приказ, адресованный кади Самсуна, объявлял законной продажу черкесских рабов (то есть немусульман)[61]. В 1582 году в приказе бейлербею Батума абхазы (*абаза* в османском тексте) и горные черкесы, грабившие район Батума, были названы *кафир* [неверными. – *И.М.*][62]. После 1590 года ко-

[55] *Там же*, с. 48.

[56] «Августейшее послание» крымскому хану, *Mühimme Defteri 4, hüküm № 2104.*

[57] Приказ бейлербею Кафы от 11 раби II 973/ 29 ноября 1565 г., *Mühimme Defteri* 5, *hüküm* № 458.

[58] Приказ бейлербею Кафы от 23 раби II 973/ 5 декабря 1565 г., *Mühimme Defteri* 5, *hüküm* № 495.

[59] «Августейшее послание» крымскому хану Девлет-Гирею от 21 раби II 973 / 3 декабря 1565 г., *Mühimme Defteri* 5, *hüküm* № 505.

[60] Приказ бею Азака от 15 джумада II 972 [/ 18 января 1565] г., *Mühimme Defteri* 6, *hüküm* № 624.

[61] Приказ кади Самсуна от 20 раби I 982 / 10 июля 1574 г., *Mühimme Defteri* 26, *hüküm* № 368.

[62] Приказ бейлербею Батума без даты (середина сафара – конец зульхиджжа 990 / начало марта – конец 1582 г.), *Mühimme Defteri*, 47, *hüküm* № 192. Черкесы-«кафиры»

личество османских документов, упоминавших «христианских» черкесских глав, желающих отправиться в Стамбул, чтобы дать клятву верности падишаху и обратиться в ислам, возрастает[63], и возможно, что в конце XVI в. все западные племена с феодальной структурой были уже полностью мусульманизированы.

Однако в XVII в. османский хронист Хезарфенн[64] писал: «Самые западные среди черкесов – жанэ из санджака Тамань признают закон шариата и принимают судей (*кади*), назначенных Высокой Портой. Поэтому незаконно брать там пленных. Но [земля] к востоку от жанэ до черкесов Кабарды является Дар ульхарбом (территорией войны), и там можно брать пленных». [В оригинале эта цитата такова: «Вот что говорится у Гезар-Фенна. «Крайний предел Черкес, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от Высокой Державы судьи, составляют Черкесы Жанэ: у них еще действуют вообще постановления шариата. Брать из них невольников не позволительно. А от Жанэ вплоть до Черкес Кабарды это места войны; брать у них полоняников позволительно». – *Д.М.*].

Из этого следует, что восточные адыгейские племена, в том числе бесленейцы, рассматривались османами как «неверные».

Как уже отмечалось, все абхазы (*абаза* на турецком языке) были анимистами и во всех османских документах их постоянно называют *кафир*.

VI – Казаки

Наряду с коренным населением, мусульманами, христианами или анимистами, с середины XVI в. появились две группы казаков-христиан.

1) Между Тереком и его южным притоком Сунжей – в районе высоких холмов (по-русски Гребни) – жили гребенские казаки. Их происхождение неясно. Нам известно лишь, что первые поселенцы должны были появиться на Сунже с начала XVI в., и затем, в середине века, они были усилены небольшими группами казаков, пришедших с Дона.

Русские источники упоминают об их существовании с 1559 г., и это упоминание связано с первым походом астраханских воевод на Кабарду. В 1503 г.[65] они являлись вспомогательными отрядами войск воеводы Плещеева, которые он привел на помощь кабардинскому князю Темрюку.

соответствуют здесь «вольным черкесам» русских источников. Возможно, речь идет о шапсугах или абадзехах.

[63] В частности, приказ Билак(или Бувак)-оглу из семьи (клана) Созуруко, названному «образцом благороднейших христианского народа» от 3 рамазана 999 г. [/ 15 (25) июня 1591 г.], *Mühimme Defteri* 68, *hükm* № 96; так же *Mühimme Defteri* 70, *hükm* № 273 (без даты,1592 г.?), и *nâme-i hümâyûn* татарскому хану, от 16 раби I 1000 / 12 ноября 1593 г., *Mühimme Defteri* 72, *hükm* № 75.

[64] Цитируется Н.Белокуровым, *указ. соч.*, с. 37 [XXXVII – *Д.М.*].

[65] Явная опечатка. Очевидно, следует читать «в 1563 г.». – *И.М.*

Гребенские казаки вновь упоминаются в составе русской армии, возглавляемой воеводами Бабичевым[66] и Протасьевым[67], в 1568 г. [также совершивших поход] на Кабарду.

В 1577 г. они стоят гарнизоном в новой крепости, которую воевода Новосильцев[68] построил у слияния Терека и Сунжи.

Гребенские казаки в основном состояли из элементов, отказавшихся от службы [государству], и их отношения с московскими воеводами не всегда были простыми и дружественными. Будучи практически вспомогательными войсками, в обязанности которых входило охранять московитские форпосты, они легко избегали контроля и совершали свои собственные грабительские набеги на горцев и на татарские и османские части, направлявшиеся из Крыма в Дербент и обратно. Именно гребенские казаки осенью 1583 г. на переходе через Сунжу напали на Осман-пашу Оздемир-оглу, когда он возвращался из Дербента в Кафу.

Хан и Высокая Порта ответственность за казацкие набеги возлагали на Москву, однако русские послы в Крыму и Стамбуле отказывались это признать под тем предлогом, что казаки – не «люди царя», а «воры»[69].

2) На нижнем Тереке было другое казацкое войско – «терские казаки», образовавшееся во второй половине XVI в. из казаков, бежавших из Нижнего Поволжья, вследствие возросшей его подконтрольности [московскому правительству] после постройки крепостей Самары, Саратова и Царицына.

Будучи первоначально совершенно независимыми от русского правительства, после возведения крепости на нижнем Тереке (1586 г.) терские казаки были подчинены власти русских воевод и использовались ими как вспомогательные войска в оборонительных и наступательных боях против шамхальства. В частности, они приняли участие в походах воевод Хворостинина[70] в 1594 г. и Бутурлина[71] в 1604 на Тарку, завершившихся крупными провалами. Однако множество русских документов свидетельствует о том, что контроль со стороны

---

[66] Это князь Андрей Семенович Бабичев. – *Д.М.*

[67] Это Петр Протасьев. – *Д.М.*

[68] Это Лукьян Новосильцев. – *Д.М.*

[69] Русский посол Борис П. Благово находился в Крыму и в Турции с декабря 1584 по июль 1585 г.; 26 марта 1585 г. в Синопе его принял везир Осман-паша Оздемир-оглу. Он спросил посла о казаках с Терека (в действительности, с Гребней), которые напали в 1584 г. на бродах Сунжи на армию, которую он вел обратно из Дербента в Кафу. Благово ему ответил: «Я тебе уже говорил множество раз, что это не по воле нашего правителя (не по государя нашего велению), что Казаки живут на Тереке и на Дону. Это разбойники (воры) и сбежавшие люди (беглые люди). И наш государь никогда не приказывал своим людям нападать на вашего правителя, а также и у вас, в государстве вашего правителя, есть много разбойников (воров), и наш государь дал приказ их обнаружить и изгнать с Терека». (Рапорт Бориса Благово, *Кабардино-русские отношения… [Т. 1.]* С. 39–40).

[70] Это князь Андрей Иванович Хворостинин – *Д.М.*

[71] Иван Михайлович Бутурлин – *Д.М.*

московских властей был скорее номинальным, чем реальным, и что терские казаки, как и их соседи – казаки гребенские, не очень прислушивались к приказам о спокойствии, добрососедстве и ненападении на мусульманское население, с которым Москва хотела добиться дружеских отношений[72].

Заключение

Таким сложным был состав населения Северного Кавказа в конце XVI в. Рассмотрение борьбы за господство над этими народами выходит за рамки данного исследования. Впрочем, она начнется только после смерти Ивана Грозного, в период правления его преемников, Федора [Ивановича] и Бориса Годунова. Это малоизвестная страница отношений Московии, Османской империи и Ирана. Напомним, что эта борьба временно прекратится в 1604 г. крупным поражением московских войск на реке Терек в Северном Дагестане. Победитель первой «партии», Османская империя, совершенно не воспользовалась этой своей победой, ибо уже в XVII в. контроль над Дагестаном и Каспийским морем удерживал сефевидский Иран – доминирующая держава данного региона. Однако союзник Ирана, Московское государство, слишком ослабленное анархией «Смутного времени» и вовлеченное в противостояние с Западом, не сможет ему помочь и [содействовать] его укреплению на Кавказе.

В течение двух веков Кавказ перестает быть ставкой в игре великих держав. Христианизация, а также исламизация приостановлены, и конфликт возобновится лишь в конце XVIII в., когда после Кучюк-Кайнарджийского мирного договора войска Екатерины II вновь перейдут в наступление. Ни Османская империя, ни Иран, будучи ослабленными, не смогут противостоять наступлению русских. Правда, в 1783 г. появится новый фактор, который более чем на век остановит русское продвижение. Им станет суфийское братство Накшбандия. Северный Кавказ будет завоеван и усмирен лишь в конце XIX в., после подавления последнего крупного восстания дагестанского населения в 1877–1878 гг.

Париж, 1984 г.

---

[72] Грамота воеводы Андрея Хворостинина от 7 сентября 1589 г. описывает торговлю между Малой Ногайской Ордой (Казыев улус) и кумыками шамхальства (которых Москва тогда хотела присоединить), и констатирует, что несмотря на формальные запреты, «терские казаки грабят ногаев, которые ведут торговлю с кумыками» (Н.Белокуров, *указ. соч.*, с. 78). [В оригинале цитата такова: «И к нам, государь, в Терской город Нагайские и Кумыцкие люди не приезжают; а ездят, государь, Нагаи в Кумыки торговати, а Кумыки в Нагаи. И тех, государь, Нагаев Казыева улусу, которые с Кумыки торгуют, Терские казаки, которые остались на Терке, громят; а мы, холопи твои, о том Терским казаком заказали накрепко, чтоб по перевозом никаких людей не громили». – *Д.М.*].

Элизабет Беннигсен

К вопросу о торговле русскими мехами.

Волжский путь в домонгольскую эпоху и Булгарское царство*

Возможно, что меха из северных лесов России ввозились в крупнейшие центры Среднего Востока по долине Волги с глубокой древности. В действительности, нам известно, что меха играли важную роль уже в придворном церемониале Сасанидов, эта традиция была заимствована мусульманскими династиями, сменявшими друг друга в Иране, которые передали ее, в конце концов, Османской Порте[1]. Первые прямые контакты между Северной Россией и Средним Востоком, очевидно, завязались в доисламский период. Они подтверждаются наличием монетных кладов и серебряных предметов иранского происхождения, найденных на севере степного региона Южной России и относящихся к сасанидской эпохе. Возможно, это указывает на то, что в то далекое время торговцы, работающие на иранских правителей, или просто выходцы из Ирана, отправлялись далеко на север, очевидно, в поисках мехов или янтаря. К сожалению, ни один письменный источник доисламской эпохи не подтверждает существования торговли мехами на Волге.

Первые письменные свидетельства отношений между цивилизованным миром Среднего Востока и далеким и варварским Крайним Севером – «страной Гога и Магога» – откуда, по легендарным верованиям, должны были появиться в конце света армии демонов, чтобы искоренить род человеческий, относятся к периоду аббасидского халифата. Вначале эти отношения были редкими и затрудненными из-за империй кочевников-немусульман, недружелюбно настроенных и отрезавших исламский мир от страны славян (*saqāliba*), а также из-за мусульманских территориях, граничивших с Каспийским морем.

В первый раз, в 912–913 гг., русы (славяне или скандинавы?) внезапно появились на мурусов (*rūs*). В X в. русы совершили нападение, в котором, по словам ал-Масуди[2], участвовало 500 больших лодок с сотней воинов на каждой.

---

* *Bennigsen É. Contribution à l'étude du commerce des fourrures russes. La route de la Volga avant l'invasion mongole et le royaume des Bulghars // Cahiers du monde russe et soviétique. – T. 19 (1978). – № 4. – P. 385–399.*

[1] О роли ценных мехов в церемониале османского двора см.: *d'Ohsson M.* Tableau général de l'Empire othoman, Paris, 1824, VII; *Berindei M.* Contribution à l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites. La route moldavo-polonaise, 1453–1700 // *CMRS*, T. XII (4), 1971, p. 393–410.

[2] *Ал-Масуди.* Золотые луга, цит. по: *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 130–133. См. примеч. 9. [Имеется новый

Они спустились по Волге, пересекли Каспийское море с севера на юг и полностью разорили его южные берега, в особенности Табаристан и Ширван. На обратном пути, близ Итиля, русы подверглись неожиданному нападению мусульманских войск хазарского хакана, которые желали отомстить за ущерб, нанесенный их единоверцам. По словам ал-Масуди, 30 000 варваров были истреблены, остальные поднялись вверх по Волге, но по пути подверглись нападению и были уничтожены буртасами (предками мордвы) и булгарами[3].

В 943–944 гг. русы вновь появились на Каспийском море; они поднялись по реке Кура и захватили на несколько месяцев город Бердаа в Ширване. Данное вторжение описано в хронике Ибн Мискавейха, жившего в конце X – начале XI в.:

«В году 332 (943/44) армия народа рус напала на Азербайджан, где они атаковали и взяли Бердаа, захватив в плен всех его жителей. Русы – могучий народ, они большие, сильные и очень смелые. Они не знают поражений, и никто из них не повернется спиной, перед тем как убить или быть убитым».[4]

Используя Бердаа как базу, русы разоряли соседние земли. В конце концов, они были окружены и разгромлены мусульманами. (Согласно Ибн Мискавейху, предводителя русов звали Хальгу).

В том же X в. имели место и первые известные путешествия мусульман в регион Средней Волги, который был уже тогда известен как основная территория производства ценных мехов. Одним из первых исследователей Волги, проложившим путь многим другим, был Ахмад ибн Фадлан (полное имя: Ахмад ибн Фадлан ибн ʻАббас ибн Рашид ибн Хаммад). В 921–922 гг. он отправился в Булгар, столицу тюркского царства с одноименным названием[5], в тот период еще языческого[6]. Ибн Фадлан сопровождал посла халифа ал-Муктадир би-Ллаха. Посол обратил булгарского правителя в ислам, и Ибн Фадлан оставил подробный рассказ о своем путешествии[7], в котором уделил внимание и торговле мехами. Это позволяет предположить, что торговля была таким же мощным стимулом, привлекавшим арабов к негостеприимным землям волжского Великого Севера, как и распространение религии.

Примерно в то же время персидский географ, по-видимому, уроженец Хорасана или Хорезма, Абу Али Ахмад ибн Омар Ибн Русте (которого Д. Хвольсон неверно называет «Ибн Даста»), составляет свою «Книгу о ценных украшениях» (*Китаб ал-аʻлак ан-нафиса*)[8], в которой он тщательно описывает страны хазар, буртасов, булгар и русов. Нам неизвестна точная дата составления этого сочинения. Д. Хвольсон считал, что оно было написано в начале X в., но, вероятно, оно относится к более позднему времени, чем рассказ Ибн Фадлана, ибо, по словам Ибн Русте, правитель Булгар был уже мусульманином[9]. Неизвестно, посещал ли Ибн Русте Среднюю Волгу сам или он довольствовался воспроизведением сведений, доставленных одним или несколькими безымянными путешественниками более раннего периода. Впрочем, есть все основания считать, что множество безымянных путешественников – послов, торговцев или

русский перевод этого сочинения (*Ал-Масʻуди.* Золотые копи и россыпи самоцветов. Составление, пер. с арабского, примечания, комментарии и указатели Д.В. Микульского. М., 2002). – *И.З.*].

[3] Согласно ал-Масуди, русы прошли в Каспийское море с разрешения хазарского царя, которому пообещали половину того, что награбят у народов по южному побережью Каспия. От русов пострадали Гилян (Джилян, западное побережье Каспия), Дейлем (горные области севернее совр. Тегерана), Табаристан (юго-восточное побережье Каспия), Абаскун, Баку, Ширван. Для жителей островов и побережья, сталкивавшихся до этого лишь с купцами и рыболовами, этот грабительский рейд русов, продолжавшийся многие месяцы, стал полной неожиданностью. Вооруженная попытка местного населения остановить грабеж и насилия оказалась не очень результативной. Но, по-видимому, ускорила отбытие русов обратно. 15 тысяч мусульман и многие христиане, проживавшие в столице Хазарского каганата г. Итиль, обратились к царю с просьбой разрешить отомстить русам. Он, видимо, был вынужден сделать это, но вместе с тем предупредил и русов о готовящемся на них нападении, ибо получил от них обещанную часть награбленного. За три дня сражений «посчитанных мертвецов из убитых мусульманами [русов] на берегу Хазарской реки было около 30 тысяч», а 5 тысяч русов сумели спастись бегством вверх по Волге, но были перебиты буртасами и булгарами. (См.: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 130–133). – *Д.М.*

[4] См. *Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven – London, Yale University Press, 1948, p. 33–35. См. также перевод летописи Ибн Мискавейха в: *Margoliouth D.S.* The eclipse of the Abbassid caliphate; переизд. в *Chadwick N.K.* The beginnings of Russian history. Cambridge, 1946, p. 138–144.

[5] Булгарское царство, в русской литературе именуемое также царством камских булгар, было основано в VII–IX вв. тюркоязычными завоевателями, пришедшими из района Кубани, где их предки в V–VII вв. основали царство Великая Болгария. Центр Булгарского царства представлял собой треугольник, расположенный между Волгой, Камой и землями к югу от слияния двух этих рек. До обращения в ислам в X в. царь Булгара носил титул *йылтувар* и являлся вассалом хазарского хакана.

[6] Думается, что сравнение свидетельств тех же Ибн Фадлана и Ибн Русте не позволяет делать столь однозначный вывод. – *Д.М.*

[7] «Записка» Ибн Фадлана была опубликована в русском переводе с примечаниями, комментариями и факсимиле арабского текста, подготовленными И.Ю. Крачковским (Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939). [В действительности перевод «Записки» (*Рисала*) Ибн Фадлана готовил репрессированный востоковед А.П.Ковалевский. И.Ю.Крачковский являлся редактором перевода и издания. – *И.З.*]. Критическое исследование и немецкий перевод были выполнены Ахмед-Зеки Велиди Тоганом (*Ahmed Zeki Velidi Togan.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939).

[8] Перевод на русский язык и комментарии Д.А. Хвольсона (*Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб., Академия Наук, 1869).

[9] Д.Хвольсон пришел к выводу о том, что Ибн Русте написал свою книгу не позднее 913 г. Хвольсон Д. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 3–7. – *Д.М.*

мусульманских проповедников – проходили раньше или следовали по пути, проложенному Ибн Фадланом, так как в XI в. многие арабские и персидские географы – ал-Истахри[10], ал-Мукаддаси[11], ал-Масуди[12], Ибн Хаукал[13] или неизвестный автор «Книги о границах мира с Востока на Запад» (*Худуд ал-'алам*)[14] (и это лишь самые значительные), оставили описания долины Волги, часто очень ценные и не всегда основанные на рассказах Ибн Фадлана и Ибн Русте.

В XII в. появляются более ценные свидетельства о Волге и о Северной России благодаря перу одного араба из Гренады в Андалусии, который был великим

[10] *Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Фариси ал-Истахри*. Китаб ал-масалик вал-мамалик *(Книга путей и государств)*, составленная, вероятно, незадолго до 925 г. Арабский текст был опубликован в I томе издания *Bibliotheca geographorum arabicorum* М. де Гуйе (M.J. de Goeje) в Гааге. Более позднее издание вышло в Каире в 1961 г. Русский перевод Н.А.Караулова был опубликован в Сборнике материалов о местностях и племенах Кавказа. Тифлис, 1901, XXIX (далее – *СМОМПК)*. [Существует новый русский перевод данного произведения, выполненный О.Большаковым (см.: История татар. Т. 2. Приложение. С. 745–752.) – *Д.М.*]

[11] *Ал-Мукаддаси*. Китаб ихсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим *(Книга о распределении и знании климатов)*, составленная в 985 г. Частичный перевод на русский язык опубликован Н.А.Карауловым в *СМОМПК*, Тифлис, 1908, XXXVIII. [Бартольд принимал форму имени Макдиси. – *И.З.*].

[12] Абу-л-Хасан 'Али ибн Хусейн ибн 'Али, по прозвищу ал-Мас'уди, уроженец Багдада, умер в 956–957 г. Автор «Китаб мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар» («Книга о золотых лугах и рудниках самоцветов»), сокращенно «Золотые луга». Французский перевод и арабский текст см.: *Barbier de Meynard C., Pavet de Courteille.* Les prairies d'or, Paris, Sté asiatique, 1861–1897, 1–9. Новое французское издание – неполное, пересмотренное и исправленное – было опубликовано Шарлем Пелля (Charles Pellat, Paris, Sté asiatique, I, 1962). Перевод главы, касающейся Кавказа, с примечаниями и комментариями, см. *Minorsky V.* History of Sharvan and Darband in the 10–11th century. L., 1958. [Название «Золотые луга» – неверный перевод, по старой традиции иногда используемый и сейчас. Настоящее название книги ал-Мас'уди в русском переводе – «Промывальни золота и рудники самоцветов». – *И.З.*].

[13] Абу-л-Касим Ибн Хаукал ан-Насиби (далее: Ибн Хаукал). Сочинение «Китаб сурат ал-ард» («Книга об очертаниях земли») составлена им в 976 г. Арабский текст см.: *de Goeje M.J.*, op. cit., II. Более позднее издание см.: *Kramers J.H.* Opus geographicum autore ibn Hawkal. La Haye, 1938. Французский перевод см.: *Kramers J.H., Wiet G.* Le livre de la configuration de la terre. Beyrouth – Paris, 1964, 2 vols. [Имеется новый перевод на русский язык отрывков из произведений ал-Истахри и Ибн Хаукала, выполненный О.Большаковым (см.: История татар. Т. 2. Приложение. С. 745–752). – *Д.М.*].

[14] Полное название «Худуд ал-'алам мин ал-машрик ила-л-магриб» («Книга о регионах мира с Востока на Запад»). Сочинение написано примерно в 982–983 г. Английский перевод с примечаниями и комментариями и 12 карт см.: *Minorsky V.F.* Hudud al-'Alam. The regions of the world. A Persian geography, 372 AH / 982 AD, London, E. J. W. Gibb Memorial Series, New Series, 1937, XI.

путешественником, Абу Хамида ал-Андалуси ал-Гарнати[15], между 1131 и 1150 гг. жившего в Саксине, гузской столице на Нижней Волге. В 1150–1151 гг. он поднялся по Волге, посетил Булгар, затем направился в северо-западную Русь, в Киев и, наконец, в Венгрию[16].

Мусульманские домонгольские источники нередко с большой точностью объясняют причины, которые побудили арабов, персов и хорезмийцев интересоваться Крайним Севером. Они часто описывают маршруты, по которым следовали путешественники, и дают полезные указания об обмене товарами и об организации, часто очень строгой, торговли между мусульманскими купцами и охотниками за пушниной.

Сведения, предоставленные путешественниками и географами эпохи Аббасидского халифата, подтверждаются и подкрепляются находками кладов восточных золотых и серебряных монет вдоль основных торговых путей[17]. Действительно, по свидетельствам восточных географов, торговля мехами между мусульманскими купцами и северными племенами, финскими или славянскими, была основана не на обмене: за меха платили монетами из ценных металлов. Так, состоявший при дворе газневидского правителя Абд ар-Рашида иранский географ Абу Са'ид 'Абд ал-Хайй ибн Заххак Гардизи, автор книги *Зайн ал-ахбар* («Украшение известий») между 1050 и 1052 гг., пишет об использовании булгарами серебряных монет: «Они дают их русам *(rūsiyān)* и славянам *(saqlābiyān)*, так как те не продают свои товары иначе, чем в обмен на дирхемы»[18].

Восточные клады были найдены, в основном, в трех регионах:

- районе Суздаля – Владимира (наибольшее число находок),
- районе Новгорода – Ладоги,

[15] Далее Э.Беннигсен называет его по *кунье* – Абу Хамидом. Мы использовали принятое в отечественной науке именование его по *нисбе* – ал-Гарнати. – *И.М.*

[16] *Абу Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати.* Нухбат ал-азхан фи 'аджа'иб ал-булдан *(Фрагменты воспоминаний о чудесах стран)*, перевод на французский язык Gabriel Ferrand в *Journal Asiatique*, CCVII, 1925, p. 193–304 и 1–148 [Имеется в виду *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* «Подарок умам и выборки диковинок». – *И.З.*]. Перевод на испанский язык (самый полный) см.: *César E. Dubler*. Abu Hamid el Grenadino y su relacion de viaje por tierras eurasiaticas. Madrid, 1953. Перевод на русский язык (неполный): *Большаков О.Г., Монгайт А.Я.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. [Имеется новый перевод этого сочинения на русский язык, выполненный О.Большаковым. См.: История татар. Т. 2. Приложение. С. 770–778). – *Д.М.*].

[17] Классическое исследование по данному вопросу см.: *Марков А.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910. См. также: *Савельев П.* Мухаммеданская нумизматика. СПб., 1846.

[18] *Абу Са'ид 'Абд ал-Хайй ибн Заххак Гардизи.* Зайн ал-ахбар (*«Украшение известий»*). *Бартольд В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию, 1893–1894 // Записки Императорской Академии наук, VIII серия, I, 4, персидский текст и русский перевод, с. 121.

– районе между Смоленском, Полоцком и Псковом, вдоль пути к Балтийскому морю[19].

Монеты происходили почти из всех мусульманских стран, а особенно из Ирана (Казвин, Исфахан, Шираз), Сирии (Дамаск) и Багдада, однако некоторые из них были отчеканены в Басре, Омане, Центральной Азии (саманидской Бухаре), в Кабуле и даже Бадахшане. Большинство из этих монет датируются XI–XII вв., некоторые из них относятся к X, IX и даже к VIII в. В кладах, обнаруженных в Северной России, булгарские монеты встречаются значительно реже, чем восточные монеты. Они [булгарские монеты] появились в начале X в. Первые были имитацией саманидских бухарских дирхемов с клеймом бухарской мастерской и с датой оригинальных монет, а также с именем местного правителя. Затем, начиная с 948 г., были выпущены новые дирхемы с названием булгарской мастерской (расположенной в Суваре) и с именем местного правителя (Талиб ибн Ахмад). На других монетах, кроме имени местного князя, имеется имя аббасидского халифа.

С конца XII в. восточные клады становятся в Северной России более редкими, достоверная причина такого обеднения неизвестна: может быть это было связано с сокращением торговли между Балтикой и Востоком по волжскому пути в пользу маршрута, включающего Черное и Средиземное моря? Или уменьшением содержания серебра в мусульманских монетах? Или просто с постоянной анархией, которая в Среднем Поволжье приводила к практически постоянным войнам между булгарами и северо-восточными русскими княжествами в течение всего XII в.?

В X в. самый короткий наземный путь между Средним Востоком (Багдадом или Ираном) и Нижней Волгой не использовался из-за непрекращающихся войн между арабами и хазарами и из-за неспособности кочевых империй обеспечить порядок в степях, расположенных между Черным и Каспийским морями. Восточные путешественники, направляясь на север, выбирали долгий обходной путь, пролегавший через Хорезм и район пустынных степей между Аральским морем и Средней Волгой. Этим маршрутом, в частности, пользовался Ибн Фадлан, который оставил очень точное его описание. Арабский караван, вышедший из Багдада, отправился в Бухару, а оттуда в Ургенч (*ал-Джурджанийа*[20]), столицу Хорезма. От Ургенча до Булгара путешествие Ибн Фадлана длилось 70 дней[21] в разгар зимы. Направляясь на северо-запад, он достиг за 15 дней стойбища гузов – кочевников на реке Багнади[22] (которую И.Ю. Крачковский отождествляет с рекой Чеган, текущей на юге Мугоджарских гор). Свернув к западу, он пересек затем несколько замерзших рек, в том числе Джам (возможно, Эмбу), а затем страну печенегов *(ал-Печенак)* и достиг реки Хайдж или Джайх (خج или جخ). Скорее всего, это Яик (Урал), «самая большая из всех»[23]. Оттуда караван арабского посла поднялся к северу, пересекая другие реки, в том числе Самур (несомненно, современная Самара), и прибыл в страну башкир. Наконец, он перешел другие реки, которые трудно обнаружить на карте (кроме Джарамсана, должно быть, Черемшана)[24], затем он углубился в страну булгар, которую Ибн Фадлан называет «страной славян» *(Сакāлиба)*.

Этот сложный маршрут, долгий и трудный, почти не будет использоваться в дальнейшем. Однако в течение недолгого времени в конце XVI в., он вновь использовался московскими послами, направляющимися в Иран, так как присутствие турков в Дербенте и флота османских галер на Каспийском море не позволяло иранцам и их московским союзникам использовать прямой путь – наземный или морской – по Каспийскому морю. В следующем веке путешествовавшие между Багдадом и Средней Волгой обычно использовали маршрут по Каспию.

Восточные торговцы, направляясь на север, в основном выбирали морской путь. Действительно, в течение веков наземный путь, пролегавший по западному берегу Каспийского моря, был практически заброшен из-за его небезопасности. На участке между Дербентом и устьем реки Терек угрозу представляли горцы из Верхнего Дагестана, которые были обращены в ислам лишь в середине XIII в. С другой стороны, постоянный конфликт между арабами и северными кочевниками часто делал весь район к северу от Дербента непроходимым для торговых караванов. Первое описание наземного пути вдоль Каспийского моря относится к середине XII в. Оно сделано Абу Хамидом ал-Гарнати, который изложил все свое путешествие, проходившее через Багдад, Ардебиль, Муганскую степь, Апшерон и Дербент, откуда он прибыл в район Нижней Волги по морю. Его рассказ, впрочем, не очень точен, кроме описания Баку и Дербента (который он называет его старым арабским именем *Баб ал-Абваб,* «Врата врат»), мощной крепости, окруженной стеной в 18–20 метров высотой и в 4 метра толщиной.

Обычное путешествие между Ираном или Хорезмом и Нижней Волгой осуществлялось в XI и XII вв. по морю. В XI в. Ибн Исфендийар отмечает, что каждый год «400 больших кораблей проходили по Каспийскому морю», а Ибн Хаукал пишет, что «торговая навигация [на Каспийском море] между мусуль-

---

[19] Интересно напомнить, что, по мнению Б.Д.Грекова (Киевская Русь. М., 1949, с. 434), на острове Готланд, который был конечным пунктом торгового пути от Каспийского моря до Балтики, было обнаружено около 24 000 целых и 1 400 обрезанных арабских монет против всего лишь 200 византийских монет. Большая их часть была отчеканена в X в., а меньшая часть – в IX и XI вв.

[20] У Э.Беннигсен ошибочно – *ал-Джайхани. – И.М.*

[21] См. *Крачковский И.Ю.* Указ. соч. с. 67. [Ибн Фадлан являлся не руководителем, а секретарем посольства багдадского халифа ал-Муктадира. – *Д.М.*].

[22] Или: «Йаганды». Эта река протекает у подножия Сев. Чинка. См : История татар. Т.2. Приложения. С. 728, примеч. 380. – *Д.М.*

[23] Там же, с. 66.

[24] Большинство гидронимов все же находит соответствия. – *И.З.*

манскими странами и страной хазар была очень активной»[25]. Однако, создается впечатление, что все эти корабли не пересекали Каспийское море полностью с юга на север; некоторые доходили лишь до района Мангышлака на восточном берегу Каспийского моря[26]. Нам известно, что данный морской маршрут использовался торговцами с севера с XI и даже с X в. Одно из самых ранних упоминаний о присутствии русов на Каспийском море дошло до нас благодаря персидскому географу по имени Абу-л-Касим ʻУбайдаллах ибн ʻАбдаллах ибн Хордадбех, который был главой почтовой службы халифа ал-Муʻтамида. По словам Ибн Хордадбеха, торговцы русы (русские или скандинавы?), вероятно, были первыми, кто в большом числе пересек Каспийское море:

«Торговцы русы из племени славян […] спускаются на кораблях по славянской реке [Волге] до столицы хазар, правитель которых взимает с них десятину. Оттуда они переплывают Джурджанское [Каспийское] море и причаливают к берегу там, где они хотят. Иногда они провозят свои товары (мех бобра, черной лисы и мечи) караванами верблюдов до Багдада»[27].

Со времени основания империи хазар Нижняя Волга была центром кочевых империй, сменявших друг друга в южных степях России. Сменяющиеся столицы этих государств занимали, в общих чертах, то же местоположение. На перекрестке волжского речного пути с севера на юг и наземного пути с востока на запад, соединяющего Центральную Азию с Черным морем, приблизительно в 100 километрах к северу от устья Волги, в пограничной зоне между степями – области кочевников скотоводов – и дельтой Волги, населенной оседлыми земледельцами. Итиль, столица хазар, была первой из этих столиц. Затем она сменилась в XI в. Саксином – столицей гузов. В XIII в. он, в свою очередь, уступила место двум столицам Золотой Орды – Сараю Бату и Сараю Берке. Многие мусульманские авторы, арабские и персидские, оставили описания столиц Нижней Волги: ал-Масуди описал Итиль, а ал-Гарнати посвятил длинный пассаж Саксину (который он называет «Саджен»).

[25] *Ibn Hawqal.* Op. cit., p. 378 (франц. перевод).

[26] *Ибн Исфендийар.* Тарих-и Табаристан *(История Табаристана)*, Тегеран, 1941, I, с. 89 (на перс. яз.).

[27] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и государств. Рус. перевод см.: *Гаркави А.Я.* Указ. соч., с. 49. [По А.Я.Гаркави этот отрывок таков: «5. Что же касается купцов-русских – они же суть племя из славян – то они вывозят меха выдры [по Френу, по Шпренгеру и де Мейнару – бобер] […] А если желают, то ходят на кораблях по реке Славонии [Волга], проходят по заливу хазарской столицы [Итиль при впадении Волги в Каспийское море], где владетель ея берет с них десятину. Затем они ходят к морю Джурджана [юго-восточная часть Каспийского моря] и выходят на любой им берег – диаметр же этого моря – 500 фарсангов. – Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад» (см.: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 49). – *Д.М.*].

Согласно ал-Масуди, Итиль не только посещали славянские торговцы и русы, но там постоянно жила целая колония этих варваров, которые в эпоху ал-Масуди были еще язычниками:

«Что касается язычников, которые живут в стране царя хазар, их много видов, среди них славяне и русы, обитающие в одном из кварталов города Итиль. В столице есть семь судей: два для мусульман, два для хазар, судящие по Пятикнижию, два для христиан; седьмой – для славян, русов и других язычников […]. Русы и славяне, которые являются язычниками, служат в армии короля»[28].

Веком позднее ал-Гарнати дал детальное описание Саксина, города, который он определяет как «очень значительный и очень торговый», место встречи купцов, прибывающих «тысячами, таким числом, что нельзя и сосчитать»[29], принадлежащих к разным народностям: булгарам, иноземцам, и даже «арабам из Магриба»[30].

Итиль и Саксин были обязаны своим богатством маршрутам большой международной торговли. Так же, как Булгар на севере, две столицы Нижней Волги были местом встреч восточных мусульманских купцов (арабских, иранских, хорезмских) с юга или с востока, которые в принципе не путешествовали далее на север, и мусульманских или христианских торговцев с севера (булгарских и даже русских, а также, хотя и реже, скандинавских), которые в этот

[28] *ал-Масуди.* Указ. соч., гл. XV «Хазары», цит. по М.Шармуа (Charmoy), Relations de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves // Mémoires de Académie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg, VIe série, II, 1834, p. 316–317 (арабский текст и перевод на французский язык). [В русском оригинале этот отрывок таков: «Что же касается язычников, находящихся в стране хазарского царя, то некоторые племена из них суть славяне и русы. Они живут в одной из двух половин этого города [Итиля] и сожигают своих мертвецов с их вьючным скотом, оружием и украшениями. […] 10. Постановление столицы хазарского государства, что в ней бывает семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которых судят по закону Тауры [Торы, Пятикнижия], двое для тамошних христиан, которых судят по закону Инджиля [Евангелия]; один же из них для славян, русов и других язычников, то есть по закону разума. […] Все мусульмане в этих краях известны под именем «народа Ларсии». Русы и славяне же, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу. Когда же случаются великие тяжбы, о которых они [судьи] понятия не имеют, то они собираются к мусульманским судьям, доносят им об этом и покоряются решению, необходимому по закону ислама. Между царями Востока в этих странах никто не содержит войска на жаловании, кроме царя хазарского» (см.: Гаркави А.Я. Указ.соч. С. 129–130). – *Д.М.*].

[29] *Большаков О.Г., Монгайт А.Я.* Указ. соч., с. 27.

[30] Там же. [В русском оригинале: «…А в городе купцов разных народностей, и чужеземцев, и арабов из Магриба – тысячи, не счесть их числа» (см.: Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. М., 1971. С. 27). – *Д.М.*].

период, в основном, не спускались дальше на юг. Эта роль международного посредника будет удерживаться столицами Золотой Орды (Сарай Бату и Сарай Берке) и после распада монгольской державы перейдет к Астрахани. В X в. Ибн Хаукал, говоря о процветании Хазарской империи, отмечает, что «доходы хакана хазар складываются из городских ввозных пошлин и из десятины на товары, взимаемых на всех дорогах, ведущих в эту страну»[31]. В следующие эпохи, при куманах [кыпчаках] и монголах, большая международная торговля останется главным источником процветания Нижней Волги. В домонгольскую эпоху эта торговля осуществлялась в направлении «север-юг», а не «восток-запад», как это будет при Золотой Орде. Действительно, ни один арабский или персидский географ не упоминает присутствия в Саксине купцов из Центральной или Западной Европы. Это позволяет предположить, что в указанный период на восток они попадали явно не через греческие порты Крыма. Итак, можно предположить, что до XIII в. большой караванный путь «восток-запад» – известный как Шелковый путь – проходивший по северу Каспийского моря и соединявший *Черное море в Хорезме[32] с Китаем или Индией, практически никогда не использовался.

С другой стороны, Ибн Хаукал замечал по поводу экономики Хазарской империи, что эта страна экспортировала в дальние или ближние страны на востоке (Хорезм) или на юге (Иран и Халифат) лишь рыбий клей. В то же время самые ценные продукты (мед, воск, рабы и особенно меха) привозились из стран, находящихся к северу от страны хазар и являлись продуктами реэкспорта[33].

Если верить ал-Гарнати, чтобы подняться на корабле по Волге из Итиля или Саксина в Булгар, требовалось 40 дней[34]. Ал-Истахри же со своей стороны считает, что такой поход против течения занимал два месяца. Ибн Хаукал, будучи более точным, заявляет, что путешествие между Атилем (Итилем) и Булгаром «по дороге пустыни» требует один месяц, а по речному пути – два месяца, если плыть против течения, и лишь 20 дней – по течению[35].

---

[31] *Ibn Hawqal.* Op. cit. P. 380.

[*32] Так в ориг. (*la mer Noire au Khwarezm*). – *И.М.*

[33] Ibid., p. 385. Однако другие, менее искушенные арабские авторы полагали, что в стране хазар водятся пушные звери. Так, ал-Истахри писал про Хорезм: «Его богатство основано на торговле. Там можно найти шкурки лисы, куницы, горностая и соболя, привезенные из страны хазар» (цит. по: *Charmoy M.* Art. cit., p. 322). [Этот отрывок у А.Я.Гаркави таков: «К ховарезмийцам попадается большая часть невольников из славян, хазар и подвластных им стран, также невольники турские и драгоценные меха» (см.: Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII века и до конца X века. СПб., 1870. С. 193). – *Д.М.*].

[34] *Большаков О.Г., Монгайт А.Я.* Указ. соч. С. 27.

[35] *Ibn Hawqal.* Op. cit., p. 389. См. также: *Большаков О.Г., Монгайт А.Я.* Указ. соч., с. 99, примеч. 58.

Сведения арабских географов менее надежны, когда речь идет о территориях, расположенных севернее Нижнего Поволжья. Так, неизвестный автор *Худуд ал-'алам,* видимо, спутал Среднюю Волгу с ее притоком Камой:

«Река Атиль [Итиль (Волга)], – писал он, – имеет источник в горе, которая находится на севере Артуса [вероятно, Иртыша]. Это бурная и широкая река, текущая через страну кимаков [Южный Урал] до деревни Джубин. Затем она течет к западу, вдоль границы между гузами и кимаками до того, как пересекает Булгар. Там она поворачивает на юг, протекая между странами тюркских печенегов и буртасов; она проходит через город Атиль, принадлежащий хазарам, и впадает в Каспийское море»[36].

Ал-Истахри, писавший чуть раньше (около 943 г.) делает ту же ошибку:

«Река Итиль берет начало недалеко от Хархиз [Кыргыз?], она течет между странами кимаков и гузов; затем, направляясь к западу, она пересекает верхнюю страну булгар, а потом вновь возвращается на восток через страну русов, она протекает по стране булгар и стране буртасов и впадает в Хазарское море»[37].

Город Булгар, который Ибн Фадлан описывает как простое полукочевническое поселение, в конце X в. стал важным торговым центром. Ибн Хаукал пишет о нем:

«Это небольшой город, предместья которого совсем незначительны. Он был известен, так как служил пунктом складирования для торговцев региона […]. Русские продавали там шкурки бобра до того дня, когда они разорили этот город в 358 (968–969 гг.). Часть [мехов] была перепродана в Хорезм»[38].

---

[36] *Minorsky V.F.* Hudud al-'Alam, p. 75. [Согласно античной и раннемусульманской географии, а также по представлениям тюркских народов Волго-Уральского региона одним из основных русел Волги (татар. *Идел*) наряду с собственно Волгой до впадения в нее Камы (*Кара Идел*) считались Кама и впадающая в нее река Белая (две последние реки именуются у татар и башкир *Ак Идел*). Ряд источников даже считает верховьями Волги именно Белую и Каму (см.: *Гекеньян Г.* Ранние сведения о Волге и народах, населявших ее берега // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28–29 августа 2000 г. – Казань: Мастер–Лайн, 2001. – С. 81–82; *Подосинов А.* Волга в картографии античности и средневековья // Там же. – С. 93; *Зимони И.* Волжская Болгария и Волжский путь // Там же. – С. 125). – *И.М.*].

[37] Цит. по: *Гаркави А.Я.* Указ. соч., с. 192–193. [В русском оригинале этот отрывок таков: «8. Что же касается реки Итиль, то она вытекает вблизи Хархиза, течет между Каимакией и Гуззией; затем она выходит к западу по верхнему Булгару и обращается вспять к востоку [букв.: что примыкает к востоку], пока не проходит по Русу, потом проходит по Булгару, затем – по Буртасу, пока не впадает в Хазарское море» (см.: *Гаркави А.Я.* Указ. соч. С. 129)].

[38] Цит. по: *Charmoy M.* Op. cit., p. 323–324. [В современном переводе, выполненном О.Большаковым, эти фразы таковы: «У этого города нет <многочисленных> деревень, <однако> их пашни обширны. А тот мед, воск и <меха>, которые вывозят от них во все края, в действительности привозят к ним из краев ар-Руса и Булгара, как и шкуры

Однако несмотря на то, что в 968 г. Святослав разграбил булгарскую столицу, она была быстро восстановлена и в XII в., когда ее посетил ал-Гарнати, стала большим и процветающим городом «с домами из сосны и прочными стенами из дуба»[39]. Она располагалась восточнее Волги, недалеко от ее слияния с Камой, на пересечении торговых путей «север-юг», соединявших Балтийское море и Новгород с Каспийским морем, и путей «восток-запад», соединявших Балтику с Хорезмом.

Согласно *Худуд ал-'алам*, булгары в конце X в. были народом «смелых и ужасающих» воинов, который мог выставить в линию армию в 20 000 всадников – эта цифра явно сильно завышена. Автор этого произведения отмечал, что «булгары торговали со всеми, кто жил вокруг них *(аз гирд-и вей)*», и что они вели постоянную войну с русскими, что точно соответствует тому долгому конфликту, который был в то время между Булгаром и Киевом. Как торговый эмпорий[40], Булгар был предшественником Казани. Его богатство и мощь определялись, в первую очередь, масштабной торговлей предметами роскоши, которые все мусульманские путешественники описывают с исключительной точностью. Меха занимали особое место; самые ценные (соболь, бобер, куница, горностай и черно-бурая лиса) прибывали с Крайнего Севера, обычные (белка, рыжая лиса) – из страны буртасов (современная Мордовия). Среди прочих товаров, ввозимых булгарами, мусульманские наблюдатели отмечают бивни «ископаемых слонов» (мамонтов), которые привозились из Сибири; рыбий клей, производимый на месте или ввозимый из региона Нижней Волги; льняные ткани из Суздаля–Владимира; выделанную кожу и сапоги, произведенные в самом Булгаре *(юфть, булгари* или «русская кожа»); стрелы из березовой древесины, изготовленные на месте и особенно ценившиеся за их легкость и прочность; мед, воск, в основном из страны буртасов; охотничьих соколов, обученных в России; мечи и кольчуги, вероятно, привезенные из Германии или Скандинавии, и, наконец, рабов-славян или северных финнов, продававшихся в Булгаре русскими купцами. Однако Ибн Русте, который одним из первых дал описание

бобров, которые вывозят во все края и которые не водятся нигде кроме этих <северных> рек, которые в землях Булгара и ар-Руса , […] и те, которые спускаются к ним в их края […] продолжалось до триста пятьдесят восьмого года». (История татар с древнейших времен. Т.2. Казань, 2006. Приложение. С. 748). – *Д.М.*].

[39] Ал-Истахри оценивает население Булгара в 10 000 жителей, однако, по результатам проведенных советскими археологами раскопок у села Булгарское [Болгары. – *И.М.*] на месте бывшей столицы, этот город должен был быть намного больше – диаметром около десяти километров и с населением 50 000 человек. (См.: *Hrbek I.* Bulghar // Encyclopédie de l'Islam. Paris, 2e éd., 1960, p. 1344–1348).

[40] *Эмпорий* (гр. Εμποριον – торговый центр или порт), часть древнегреческого города у торговой гавани, вне его стен. Нейтральное место для обмена товарами (с помещениями для торговли и товарными складами) между различными племенами и народами. – *И.М.*

Булгара, уже тогда отмечал, что основное богатство этого города составляли меха куницы, которые привозили русы[41].

Булгар был еще более важным городом, чем Итиль или Саксин, для встреч мусульманских торговцев, прибывавших из стран, расположенных на юге или востоке Каспийского моря, и христианских купцов, прибывавших с севера – русских и, вероятно, скандинавов и даже немцев, проходивших через Новгород. Для арабов и иранцев Булгар и его северные владения были единственным источником ценных мехов, так как в ту далекую эпоху мусульманские государства Центральной Азии еще не установили отношений с Западной Сибирью.

В X в. Ибн Хаукал великолепно знал все районы добычи пушнины в Северной России:

«Мед, воск и пушнина, которые мы берем в их стране [здесь имеется в виду страна хазар], туда привозятся из стран русов и булгар. Оттуда же привозят шкурки бобра, отправляемые по всему миру, так как бобры водятся лишь на северных реках стран русов, булгар и Киева (كوبايا *Кубайа*). Шкурки бобра, продающиеся на рынке в Испании, привозятся с рек страны славян […]. Большая часть этой пушнины, и лучшая ее часть, находится в стране русов и доставляются туда из страны Гога и Магога *(Йа'джудж* и *Ма'джудж)*: иногда они продают эти меха булгарам. Так было до 358 (969) года, пока русские не разрушили Булгар и Хазаран (Итиль). Шкурки бобра и самые дорогие меха иногда вывозятся в Хорезм»[42].

[41] См.: *Хвольсон Д.А.* Указ. соч., с. 23–24. Ибн Руста пишет «Руссы [здесь, вероятно, варяги] совершают набеги на Славян *(al-Saqāliba)* на кораблях, они пристают к берегу и берут в плен жителей, которых затем продают в Хазиране (Khaziran) [здесь Итиль] и в Булгаре» (там же, с. 35). [В оригинале эта цитата такова: «Русь имеет царя, который зовется хакан-русь. Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к Болгарам и продают там». – *Д.М.*].

[42] *Ibn Hawqal.* Op. cit., p. 382. [В новом переводе цитата такова: «А тот мед, воск и <меха>, которые вывозят от них во все края, в действительности привозят к ним из краев ар-Руса и Булгара, как и шкуры бобров, которые вывозят во все края и которые не водятся нигде кроме этих <северных> рек, которые в землях Булгара и ар-Руса и Куйабы (Киев). <А те шкуры бобров, которые [продаются] в ал-Андалусе, – они из рек, которые в областях ас-сакалиба и впадают в залив, на котором [расположена] страна ас-сакалиба, и описание которой уже было. А большая и лучшая часть этих шкурок находится в стране ар-Рус, и те, которые спускаются к ним в их края, а также из края Йаджудж и Маджудж, а затем привозят в Булгар. Это продолжалось до триста пятьдесят восьмого года (25 ноября 968 – 13 ноября 969 г.). И вот, русы разрушили Булгар и Хазаран и повезли бобровые и другие [ценные] меха в Хорезм из-за частого приезда хорезмийцев в Булгар и к ас-сакалиба. И напали они на них (хорезмийцев) и грабили, и брали их в плен. А товары русов всегда стекались в Хазаран, и они должны были с того, что привозили, отдавать приблизительно десятую часть их товара». (См.: История татар с древнейших времен. Т. 2. Казань, 2006. Приложение. С. 748.). – *Д.М.*].

Страна мехов окружала Булгар со всех сторон. Из страны буртасов (мордвы), с юга, привозили самые обычные меха, белку и лису. Более благородные меха, бобра и горностая, привозили либо из страны *вису* (ويسو) восточнее озера Ладога, рядом с Белоозером, дорога в которую из Булгара, согласно ал-Гарнати, занимала один месяц, согласно Ибн Фадлану – три месяца[43], и которую русские авторы отождествляют с землями финского племени *весь*, либо из страны *Ару* (ارو) – это, по видимому, *Арская земля*, соответствующая современной Удмуртии[44]. По мнению ал-Истахри, расстояние между Булгаром и «страной Йа'джудж», которую, возможно, путали со «страной *Вису*» ал-Гарнати, составляло 40 *мирхал* (*мирхал* – расстояние, которое преодолевали на лошади за один день)[45].

Арабы знали о существовании на севере от *Вису* еще страны *Йура* (Югра: Печора) и даже Северного Ледовитого океана; из этой далекой области привозили самые ценные меха, в частности, соболей: «После *Вису*, – пишет ал-Гарнати, – на Море Мрака есть район, называемый *Йура*. Летом дни там очень длинные, как рассказывают купцы, солнце не садится в течение сорока дней»[46].

Вероятно, арабы хорошо знали этот Крайний Север, поскольку ал-Гарнати очень точно описывает морскую охоту на кита (гарпуны покупались, пишет он, в Зенджане, Тебризе и Исфахане и обменивались на шкурки соболя), а также использование лыж местными жителями[47].

Двумя веками позднее, в XIV в., египетский географ ал-Омари также подтверждает существование этого «пушного рая» – далекой Печоры: «[Арабские] купцы не ходят дальше Булгара. Купцы Булгара ходят до Джулмана[48], а купцы Джулмана доходят до страны Йура, которая находится на Крайнем Севере, у Моря Мрака, где безостановочно идет дождь, царят туманы и никогда не восходит солнце»[49].

---

[43] *Крачковский И.Ю.* Указ. соч., с. 71.

[44] *Большаков О.Г., Монгайт А.Я.* Указ. соч., с. 31, 101–103 (комментарии).

[45] Цит. по: *Гаркави А.Я.* Указ. соч., с. 192.

[46] Там же, с. 32.

[47] Там же, с. 32–33.

[48] Ал-Омари // *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 (Извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884, с. 240–241. Чулман или Джулман (جولمان) [у В.Г.Тизенгаузена: Чулыман – *Д.М.*] – татарское название реки Камы. Некоторые русские авторы считают, что отсюда происходит шведское название Новгорода: Хольмгард (Holmgard), Хулман (خولمان или حولمان). [См. также статью израильского исследователя: *Поляк А.Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1964. С. 29–59. – *И.М.*].

[49] Там же. [В переводе В.Г.Тизенгаузена отрывок таков: «Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их [уже] нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а [находятся] только мраки. Спросил его: "Что это у тебя за мраки?" Он сказал: "Пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз, над ними не восходит солнце, в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вдоль до Черного моря; там беспрерывно бывает дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце"». (См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г.Тизенгаузена. СПб., 1884. С. 240–241). – *Д.М.*].

Писавший в том же веке Ибн Баттута, принятый при дворе хана Узбека, в свою очередь, смог отправиться в Булгар. Однако, живо и правдоподобно рассказывая о походе торговцев мехами из Булгара на Крайний Север, «страну Мрака» (*Ард аз-зулмат*), на собачьих упряжках, он повторяет более древнюю традицию: «Туда попадают через Булгар, и между этими двумя пунктами расстояние в сорок дней; […] в эту область можно добраться лишь на небольшой повозке, которую тянут большие собаки […]. Только богатые купцы едут в эту пустыню […]. Проводником путешествующих в эту область являются большие псы, которые уже неоднократно ходили туда. Цена такого животного достигает примерно тысячи динаров. Повозка привязана к его шее, с ним запрягают еще три другие собаки; он является ведущим, а остальные собаки следуют за ним с повозкой *(араба)*. Когда он останавливается, другие останавливаются тоже. Хозяин такого животного обращается с ним очень хорошо и никогда его не ругает. Во время остановок для еды, он кормит сначала собак, а затем только людей. Если нарушить этот порядок, то глава упряжки выражает недовольство, убегает и оставляет своего хозяина на погибель. Пройдя сорок дней по этой пустыне, путешественники останавливаются лагерем недалеко от страны Мрака. Каждый из купцов оставляет в этом месте товары, которые он привез, затем они идут все на привычное место стоянки. На следующий день они возвращаются, чтобы проверить свои товары. Они находят рядом с ними шкурки куницы, соболя, сибирской белки (*ас-синджаб*) и горностая. Если владелец товаров удовлетворен тем, что он видит напротив своего барахла, он берет это; в противном случае, он его оставляет. Жители страны Мрака добавляют к тем предметам, которые они оставили, еще, но часто случается, что они забирают свой товар и оставляют привезенные. Так происходит их торговля. Люди, отправляющиеся в это место, не знают, с кем – с духами (*джинн*) или с людьми – они ведут торговлю, они никогда никого не видят.

Горностай (*ал-какам*) – это самый красивый вид меха. Шуба из этого меха стоит в Индии тысячу динаров, если эту сумму поменять на золото Магриба, то это составит двести пятьдесят динаров. Мех отличается исключительной белизной, это шкурка маленького животного длиной в одну пядь[50]. Хвост у этого зверька длинный и его оставляют в изделии в натуральном виде.

Цена меха соболя (*ас-самур*) ниже, чем цена горностая: шуба из этого меха стоит четыреста динаров и выше. Одной из особенностей этого меха является то, что в нем не водятся паразиты; князья и вельможи из Китая (*Син*) [здесь речь

---

[50] *Пядь* – мера длины. Древнерусская пядь соответствовала 19–23 см. – *Д.М.*

идет о монголах] носят этот мех пришитым вокруг шеи на их шубах. Торговцы из Фарса [Иран] и из обоих Ираков используют его так же»[51].

Организация и направление торговли мехами вдоль Волги в эту далекую эпоху стали известными нам благодаря тщательному описанию арабских авторов. В целом они очень похожи на то, какими будут спустя два или три века, когда Казанское ханство придет на смену Булгарскому царству, а Москва заменит Суздаль и Владимир.

Булгары полностью доминировали в торговле мехами, так как они предоставляли транспорт и обеспечивали охрану караванов. Их колонии находились в Ургенче (Хорезм), на Нижней Волге, а также на Крайнем Севере. Их торговцы отправлялись в страну Вису и в Югру, но, по-видимому, не в Новгород.

Однако нельзя говорить об абсолютной монополии булгар. Случалось, что восточные купцы, как хорезмийские, так и иранские и арабские, поднимались по Волге. Впрочем, если верить ал-Омари, они никогда не ходили дальше города Булгара[52]. Все мусульманские авторы упоминают также присутствие «русских» (*рус*) торговцев вдоль Волги, и даже южнее. Ибн Хордадбех, писавший в середине IX в., также говорит о присутствии в хазарской стране еврейских купцов, которые торговали с Индией и Китаем, а также с русами, привозившими туда шкурки бобра, черной лисы и мечи, сделанные на «море Рум» (вероятно, здесь имеется в виду Балтийское море).

Ибн Фадлан встречает купцов-русов в Итиле, куда они приходили либо по наземному пути, либо по Волге[53]. Ал-Масуди говорит о целой колонии русских торговцев в Итиле, которые перепродавали свои меха «в Иран, Андалусию, Европу и в Магриб».

Наконец, русские [*Russes*] из Новгорода обеспечивали доставку товаров между Балтийским морем и Булгаром[54], в частности, доставку янтаря и оружия (мечей и кольчуг) скандинавского или немецкого производства, которые булгары продавали в Центральную Азию и на Каспий. В мусульманских источниках упоминается также торговля рабами (славянами и финнами), которая с Хорезмом велась достаточно активно еще с домонгольского периода и была практически полностью в руках русских [Russes].

Таким образом, складывается впечатление, что поволжская торговля была относительно открыта для всех, и источники не дают нам никакой информации о том, что булгары пытались уничтожить своих конкурентов. Совсем другую ситуацию можно было наблюдать на Крайнем Севере, в стране Югра (долина Печоры и северо-западные склоны Северного Урала), населенной остяками и вогулами, которые в XI и XII вв. под давлением финнов (зырян и коми), *переселились на восток Сибири[55]. Этот рай ценных мехов ревностно охранялся как племенами охотников, так и торговцами, перепродававшими меха.

В конце X в. Ибн Хаукал, упоминая о «русском» племени «Арсания» [*Arthaniya*], соответствовавшем, вероятно, стране Арск или Ару ([территории проживания] современных удмуртов) более поздних авторов или, согласно другим источникам, стране мордвы-эрзи, пишет: «Я не знаю никого, кто вошел бы в Арса, так как ее жители обрекают на смерть любого чужеземца, который ступит на землю их страны. Они спускаются по течению рек, чтобы совершить торговлю, но не дают никаких сведений ни об их делах, ни об их товарах. Они не терпят присутствия никакого чужака и запрещают доступ в свою страну. Из Арса вывозят мех черного соболя и лисы»[56].

---

[51] Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe et trad. fransaise par C.Defremery и B.R.Sanguinetti, Paris, Sté asiatique, 1854, II, p. 399–400. [В переводе В.Г.Тизенгаузена отрывок таков: «Вход в нее через Булгар и между ними 40 дней пути. […] Путешествие туда совершается не иначе, как на маленьких повозках, которые возят большие собаки […] Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около того, […] Путеводитель в этой земле – собака, которая побывала в ней уже много раз; цена ее доходит до 1000 динаров или около того. Повозка прикрепляется к ее шее; вместе с нею припрягаются [еще] три собаки. Это авангард; за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится он, и они останавливаются. Такую собаку хозяин ее ни бьет, ни ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей, в противном же случае собака злится, убегает и оставляет хозяина своего на погибель. Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал у "мрака". Каждый из них оставляет там те товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят насупротив него [известное количество] соболей, белок, горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же не доволен им, то оставляет его. Те, т.е. жители "мрака", набавляют его [своего товара], часто же убирают свой товар, оставляя [на месте] товар купцов. Так [происходит] купля и продажа их. Те, которые ездят сюда, не знают, кто покупает у них и кто продает им, джинны [духи] ли это или люди, и не видят никого. Горностай – лучший сорт мехов. В Индийских землях шуба из него стоит 1000 динаров, т.е. по размену на наше золото 250 [динаров]. Он чрезвычайно бел [и происходит] от шкуры маленького животного, длиною в пядень. Хвост у него длинный, и его оставляют на шубе в своем виде. Соболь ниже его; шуба из него стоит 400 динаров и меньше того. Одна из особенностей этих шкур та, что в них не забираются вши. Эмиры и вельможи Китайские сплошь покрывают свои шубы вокруг шеи одной шкурою его [соболя]. Также [поступают] купцы Персии и обоих Ираков». (См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г.Тизенгаузена. СПб., 1884. С. 297–298). – *Д.М.*].

[52] Цит. по: *Хвольсон Д.А.* Указ. соч., с. 190.

[53] *Там же,* с. 159 и сл.

[54] *Там же,* с. 187–188.

*[55] В ориг.: *Émigrèrent à l'est de la Sibérie.* Очевидно, следует понимать «в Западную Сибирь» или «на восток, в Сибирь». – *И.М.*

[56] *Ibn Hawqal.* Op. cit., p. 388. [Этот отрывок в новом переводе таков: «Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что в нее входил чужеземец, потому что они убивают каждого, кто ступает на их землю из чужестранцев. Они [сами] отправляются по воде и торгуют, но ничего не сообщают об их делах и торговле и не упоминают ни о ком, кто имел бы с ними дело. А вывозят из Арса черных соболей и

Недоступность страны мехов была хорошо известна всем арабским авторам. В этой связи очень правдоподобным выглядит предположение о том, что легенды о свирепости жителей данного района умышленно распространялись булгарами.

В 1153 г. шериф[57] Мухаммед ибн Мухаммед Идриси из Мессины, придворный географ норманнских королей Сицилии, писал в своем сочинении «Отдохновение любителя, объезжающего разные страны мира» (*Ан-назихат ал-мустак фи ахтирак ал-ахак*)[58], что среди «славянских племен одно – племя Артания – съедало всех чужестранцев, которые прибывали к жителям этого племени, оно живет в зарослях тростника и в лесах, расположенных на берегах Океана»[59].

Булгары ревностно защищали эту страну и старались не позволять проникать туда восточным торговцам. Они запрещали и финским охотникам прибывать в Булгар, обеспечивая себе при этом роль единственного посредника. Все арабские авторы: Ибн Фадлан, ал-Бируни, ал-Гарнати и позднее Ибн Баттута[60] описывали систему обмена, использовавшуюся булгарскими купцами и охотниками Вису и Югры.

Во второй половине XI в. начинает пробиваться брешь в этой булгарской монополии, когда ушкуйники из Новгорода, а затем и люди из Суздаля начинают предпринимать опасные попытки углубиться на Крайний Север по долине Северной Двины. С тех пор отношения между Булгаром и русскими государствами были лишь чередой наступлений и контрнаступлений, причем русские были всегда готовы атаковать. В 1088 г. булгары захватили Муром, в 1107 г. они напали на Суздаль, в 1218 г. – разгромили Устюг, основной русский центр мехов. Контрудары русских были более систематическими. В XII и XIII вв. русские осаждали Булгар пять раз: в 1120, в 1164, в 1172, в 1183 и в 1220 гг.; в последний раз лишь за девять лет до появления монгольских армий на границах булгарского государства (1229 г.).

черных лисиц, свинец и немного ртути». (См.: История татар с древнейших времен. Т. 2. Казань, 2006. Приложение. С. 751). – *Д.М.*].

[57] Ал-Идриси происходил из эмирского рода Алидов-Идрисидов, претендовавших одно время даже на халифский титул, и в связи с этим обыкновенно известен под именем аш-Шериф ал-Идриси (Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. Перепеч. с изд. 1957 г. – М.: Вост. лит., 2004. – С. 281). Шериф (араб. «благородный») – потомок пророка Мухаммада. – *И.З., И.М.*

[58] В транскрипции и переводе И.Ю.Крачковского: *Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак* («Развлечение истомленного в странствии по областям»). – *И.М.*

[59] Цит. по: *Chartoy M.* Op. cit., p. 325.

[60] См.: *Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн 'Абдаллах ибн Мухаммад ибн Ибрахим ал-Лувати ат-Танджи ибн Баттута (1304–1377)*. Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва 'аджа'иб ал-асфар (Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe et trad. fransaise par C.Defremery и B.R.Sanguinetti, Paris, Sté asiatique, 1854). См. также: *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли. Пг., 1923, в частности, главу 1 «Торговля русов с Востоком в древнейшие времена» [С. 5–13. – *Д.М.*].

В 1237 г. монголы разоряют Булгар и немногим позднее завоевывают Северо-Восточную Русь. С образованием Золотой Орды торговля мехами с Крайнего Севера по Волге переживает краткий период упадка.

Данный обзор торговли мехами в домонгольский период является поверхностным и неполным, в основном по причине недостаточности источников. В русских летописях данного периода очень мало сведений по проблеме торговли русских государств со странами Востока, в то время как восточные источники, богатые и порою пространные, сомнительны, так как зачастую то, что мусульманские географы и даже путешественники представляют как рассказы очевидцев, в действительности является лишь повторением информации вековой или многовековой давности. Самый характерный пример этому то, что ал-Гарнати и Ибн Баттута описывали Крайний Север так, что это описание могло быть точным в X–XI вв., для времени, когда писал Ибн Фадлан, когда булгары еще доминировали над «страной мрака». Однако данное положение, конечно, не соответствовало ситуации XII, и тем более XIV в., когда жители Суздаля и Новгорода вытеснили своих булгарских конкурентов из района пушного промысла.

С другой стороны, в наших восточных источниках упоминается лишь торговля по Волге. Где же информация о торговле мехами по Днепру в направлении Константинополя? Мусульманские географы и путешественники абсолютно не интересовались данным вопросом, а византийские документы не могут внести большей ясности по этой теме. Мы не знаем также, вывозил ли Новгород меха на Запад, на Балтику и в Европу уже в ту далекую эпоху.

Что бы там ни было, очевидно, что перед самым монгольским нашествием торговля мехами русского Крайнего Севера подверглась значительному упадку, что подтверждается более редкими кладами восточных монет со второй половины XII в. Каковы были причины этого? Был ли это затяжной конфликт, противопоставивший русские северо-восточные княжества Булгару, или ослабление византийского могущества после битвы при Манцикерте в 1071 г., или постоянная опасность, царившая в степях с приходом кипчаков (половцев)? Или это было связано с экологическими изменениями в ареале обитания пушных зверей, особенно соболей, в какой-то период, который сейчас невозможно установить, начавших покидать территорию Печоры на северо-западе Урала, перемещаясь в более безопасные районы сибирского Севера, далекие от охотников и любителей меха из Новгорода и Булгара? Уровень имеющихся у нас на данном этапе знаний не позволяет уверенно ответить на все эти вопросы.

Париж – Москва, октябрь 1976 г.[61]

---

[61] Со времени написания статьи в свет вышло еще несколько работ по теме. Литературу см., в частности, в: *Kovalev, Roman K.* The Infrastructure of the Northern Part of the «Fur Road» between the Middle Volga and the East during the Middle Ages // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 11 (2000–2001), p. 25–64; *Noonan, Thomas S.* Volga Bulghāria's Tenth-Century Trade with Sāmānid Central Asia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 11 (2000–2001), p. 140–218. – *И.З.*

Александр Беннигсен
Шанталь Лемерсье-Келькеже

Османские придворные купцы и торговля московитскими мехами во второй половине XVI в.*

Первые семьдесят «Реестров важных дел» *(Mühimme Defterleri)* Османского архива при Премьер-министре Турции[1], охватывающих вторую половину XVI в., содержат среди прочих мало изученных иностранными исследователями документальных сокровищ большое количество копий документов, касающихся очень интересной проблемы, а именно – вопроса о торговых отношениях между Османской империей и Московией. Мы нашли около пятидесяти подобных копий, однако, очевидно, что их намного больше, и мы надеемся, *иншалла*, изучить их во время наших будущих изысканий в этом стамбульском архиве[2].

Среди этих документов находится одиннадцать императорских посланий *(nâme-i hümâyûn)* падишахов «московским королям» *(Mosqof Qralï)*[3], двенадцать императорских посланий королю Польши *(Leh Qralï)*, пять – крымскому хану,

* *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Les marchands de la cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVIe siècle // CMRS. T. 11 (1970). № 3. P. 363–390.* [Со времени издания этой статьи (1970 г.) из печати вышло еще несколько работ по теме меховой торговли османов с Москвой. Приведем лишь некоторые: *Berindei M.* Le Rol des Fourrures dans les Relations Commerciales entre la Russie et l'Empire Ottoman avant la conquête de la Sibérie // Passé Turco-Tatar Présent Soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen / Turco-Tatar Past Soviet Present. Studies presented to Alexandre Bennigsen. Paris, 1986, p. 89–98; *Martin J.* Treasure of the Land of Darkness. The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia. Cambridge, 1986. – *И.З.*].

[1] Характеристику «Реестров важных дел» см.: Lemercier-Quelquejay Ch. Une source inedite pour l'histoire de la Russie au XVIe siècle. Les registres des Mühimme Defterleri, des Archives du Baş-Vekâlet // CMRS. T. 8 (1967). № 2. P. 335–343 [см. перевод этой статьи в настоящем издании].

[2] Пользуясь случаем, еще раз выражаем благодарность нашему большому другу Мидхату Сертоглу, генеральному директору Османского архива, за его бесконечное и любезное гостеприимство.

[3] Послание от 24 *раби* I 972 г.х. [30 октября 1564 г.]. Во всех послания царю, кроме одного, имя адресата не указано. Послание Сулеймана Великолепного адресовано «Sarï Ivan Mosqof Qralï», слово *sar* (царь) употребляется не как титул, а, вероятно, как прозвище: sarï «желтый» (?). [Ср. устойчивое соединение эпитета *сары* – желтый с русскими словами в крымских документах и фольклоре. См. подробнее очерк «Татары и русские друг о друге: sine ira et stidio: *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., «Рудомино», 2004. С. 196. – *И.З.*].

восемь приказов *(hüküm)*, исходящих из Великого императорского совета [Императорского Дивана] *(Divan-i Hümâyûn)* воеводам Молдавии *(Buġdan)* и Валахии *(Eflaq)* и четыре приказа правителям *(beys)*, судьям *(kadi)* и интендантам *(emin)* городов, находящихся на пути между Стамбулом и границей с Молдавией.

Конечно, те примерно пятьдесят документов, которые мы исследуем в данной статье[4], не смогут составить базу, достаточную для изучения всех торговых отношений между Московией и Османской империей. Полагаем, что эта прекрасная тема не может быть исчерпывающе раскрыта без работы в архивах Московского государства. Однако до настоящего времени, очень незначительное число иностранных ученых имело возможность доступа к ним, и мы знаем лишь одну советскую монографию Марии Фехнер «Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке», (2-е изд., М., 1956, «Труды государственного Исторического Музея», 31), представляющую собой великолепное и интереснейшее исследование, основанное на более ранних трудах и на архивных документах, но которое из-за своего небольшого объема (120 страниц) может представить лишь краткий обзор темы.

В ожидании появления более полного труда, анализ нескольких османских документов может дать новые сведения, если не обо всей совокупности торговых отношений между Московией и Османской империей, то, по крайней мере, об организации одной из их основных ветвей, торговле мехами.

Вывоз из Москвы

Выявленные нами османские документы касаются почти исключительно торговли мехами, которая была, как с московской, так и с османской стороны, монополией казны, тщательно организованной и осуществляемой лицами, которые являлись не только крупными торговцами, но и государственными служащими, уполномоченными соответствующими правителями[5].

[4] Анализ документов был произведен г-ном Пертевом Бораталом, ведущим научным сотрудником CNRS (Национального центра научных исследований Франции). Перевод двух императорских посланий (*nâme-i hümâyûn*) Селима II, приведенных в примечаниях (см. ниже) был сделан участниками нашего семинара по османской палеографии, организованного при участии г-на Озалпа Гёкбильгина, старшего преподавателя Университета Ататюрка в Эрзеруме.

[5] В некоторых документах именам отдельных придворных купцов предшествуют их должности в придворной администрации. Так, в приказе, направленном в месяце *раджаб* 996 г.х. (25 июля – 23 августа 1588 г.) разным беям и *кади* населенных пунктов, расположенных между Стамбулом и границами Молдавии, и касающемся трех торговцев, направляющихся в Московию, двое – Мехмед и Махмуд – названы *мютеферрика*, а третий – Халил – *чавуш* (BOA, *Mühimme Defterleri*, LXII, hüküm, № 470). В тех же императорских посланиях (nâme-i hümâyûn), адресованных в тот же день царю Федору Иоанновичу и королю Польши, Махмуд назван *мютеферрика*, а Мехмед и Халиль – *силяхдарами* (там же, LXII, hüküm № 466 царю и № 467 – королю Польши).

Сравнение документов из русских архивов, использованных М.Фехнер, и турецких источников позволяет выявить большое отличие в организации торговли ценными мехами (соболями) между Московией и Османской империей.

Во второй половине XVI в. в Московии некоторые товары *(заповедные)* были запрещены к вывозу. Их экспорт находился в ведении «царской торговли». К числу «заповедных» товаров относились драгоценные металлы (золото и серебро), оружие, железные и стальные предметы, кожа; в некоторые периоды это еще и воск и, наконец, в первую очередь, ценная пушнина (мех соболя, горностая и др.). Государственная монополия распространялась на торговлю данными товарами либо на территории Российского государства (что касается мехов, то в самой Москве), либо за границей. В этих целях, торговцы казны отправлялись в Константинополь либо одни, либо сопровождая московских послов в Высокую Порту[6].

С османской стороны, напротив, государственную монополию составлял импорт пушнины; Османский архив не дает нам сведений о продаже мехов, привезенных русскими торговцами в сам Константинополь. Зато они богаты информацией об экспедициях торговцев казны *(Hassa Tadjirleri)*, которые направлялись в российскую столицу, чтобы там купить данный товар.

Эти крупные торговцы османской казны могли быть как мусульманами, так и христианами. Большинство, как можно судить по именам Мехмед, Махмуд, Ахмед, Мустафа, Ризван, Рамазан, Бехрам, Халиль, было мусульманами, и конечно, подчинялось османскому падишаху[7]. Однако среди них было много и христиан, вероятно греков, а также армян. Так, например, торговца, посланного в месяце шаабан 993 (конце июля – начале августа 1585) г. в Московию, звали Димитрий, и документы говорят о нем, как о христианине[8]. Другой придворный торговец, о путешествии которого в Московию было объявлено королю Польши и крымскому хану, был также христианином: Михал (Михаил), «образец благородных христианской нации»[9]. А когда Михал умер на следующий день после возвращения из Московии, [то] другой христианин, Гёрги (Георгий), уполномоченный его сына, в сопровождении придворного *чавуша* направился в Польшу, чтобы забрать имущество покойного[10].

[6] М.Фехнер в своей вышеназванной монографии упоминает несколько подобных купеческих караванов, сопровождавших русских послов в Константинополь, в частности, Ивана [Семеновича. – *Д.М.*] Морозова в 1523 г. и Ивана [Петровича. – *Д.М.*] Новосильцева в 1569 г.

[7] Очень редко и лишь когда речь идет об иностранных мусульманах, в османских документах уточняется происхождение торговца. Так, в императорском послании Селима II крымскому хану Девлет-Гирею, датированном месяцем *раджаб* 981 г.х. (27 октября – 25 ноября 1573 г.), говорится о Хаджи Мехмеде из «восточных земель», т.е., вероятно, туркестанце (*Mühimme Defterleri*, XXIII, hüküm № 281).

[8] См. императорские послания султана Мурада III, отправленные в начале месяца *шаабан* 993 г.х. (конец июля – начало августа 1585 г.) царю Федору Иоанновичу и королю Польши Стефану Баторию, а также приказ молдавскому воеводе (там же, LVIII, hüküm №№ 506, 507, 508).

Иногда христианские и мусульманские торговцы отправлялись в одном караване. Так, императорское послание султана королю Польши Сигизмунду III, сообщавшее об отправлении *мютеферрики* [высший офицерский чин личной гвардии султана. – *И.З.*] Махмуда и *силяхдаров* [дословно «оруженосец», воин одного из отрядов османского придворного войска. – *И.З.*] Мехмеда и Халиля в Московию, называет среди их компаньонов Мехмеда, Кейвана, Хаджи Синана, а также Федроса и Кырала, которые, по-видимому, были христианами (Феодор и Карл?)[11].

Наконец, среди придворных торговцев были также евреи. В императорском послании Селима II королю Польши Сигизмунду II Августу говорится о двух еврейских торговцах, Якове Муре или Мейере (?) и Иосифе или Иосафе, которые владели монополией на ввоз польского воска в Османскую империю[12].

* * *

Во второй половине XVI в. османские закупки в Московии ограничивались, если верить М. Фехнер[13], четырьмя основными товарами – это охотничьи птицы, моржовые клыки, ткани, кожа и меха.

Документы Османского архива не дают никакой информации о торговле охотничьими птицами (соколами, ястребами, кречетами) и монополии русского государства [в торговле ими], так как торговцы московской казны сами привозили птиц в Стамбул.

В одном лишь документе мы находим информацию о ввозе моржовых клыков[14], ценного товара, не являвшегося, однако, монополией Московского госу-

[9] См. императорские послания султана Селима II Стефану Баторию (*TSMA*, E. 7707 от второй трети месяца рамазан 985 г.х. (21 ноября – 1 декабря 1577 г.) и хану Девлет-Гирею, (*TSMA*, E. 2082 от 15 шевваля 981 г.х. (7 февраля 1574 г.).

[10] См. императорское послание султана Мурада III королю Польши Стефану Баторию от *джумада* I [986 г.х. – *И.М.*] (6 июля – 4 августа 1578 г.), (*Mühimme Defterleri*, XXXV, hüküm №211).

[11] См. императорское послание королю Польши Сигизмунду III от 18 *раби* II 996 г.х. (17 марта 1588 г.).

[12] См. императорское послание Селима II королю Сигизмунду II Августу, недатированное, но, вероятно, составленное в мухарраме 975 г.х. (8 июля – 6 августа 1567 г.) (*Mühimme Defterleri*, VII, hüküm № 2726).

[13] М.Фехнер. Указ. соч. С. 97.

[14] См. императорское послание Сулеймана Великолепного королю Польши Сигизмунду II Августу от 10 *джумада* I 972 г.х. (14 декабря 1564 г.), касающееся армянского купца,

дарства. К тому же [в этом документе] речь идет о торговце, служащем валашскому воеводе, а не султанскому двору. Вероятно, моржовые клыки, как и охотничьи птицы, в основном экспортировались московскими торговцами.

Ткани дают повод к более оживленной торговле. Московия закупала дорогие персидские и турецкие ткани, в то же время продавая в Османскую империю более простое полотно и, особенно, кожу высокого качества. Множество османских документов подтверждает данный факт. Так, в 1559 г., торговец османской казны Мустафа, корабль которого потерпел крушение на обратном пути из Московии, вез в Стамбул ткань *(bez)* и кожу *(bolghari)*[15]. Последняя, как и свидетельствует ее наименование (Булгар – название древнего мусульманского царства на Средней Волге), должна была производиться в татарской стране на Волге[16]. Такого же качества кожу и грубую ткань называли по-турецки *palas,* и их упоминание встречается среди товаров другого купца императорского двора, Мустафы, которые он должен был доставить в Московию[17]. Другой сорт мягкой кожи, который мы называем сегодня «русской кожей» (по-турецки *telatin),* встречается среди московских товаров, вывозимых придворными торговцами[18].

Меха были основным товаром, который московиты вывозили в Османскую Порту. Этот вид торговли являлся монопольным для османской казны. С русской стороны монополия распространялась, по-видимому, только на наиболее дорогие виды пушнины, такие как мех соболя, горностая, возможно, куницы. М.Фехнер[19] сообщает нам, что кроме [меха] соболя, горностая и куницы, в Турцию вывозили чернобурую лису, голубого песца, обычную лису и белку. В османских документах говорится иногда о мехах *(kürk)* в общем. Один раз[20] упо-

отправленного воеводой Валахии в Московию для покупки меха соболя и «рыбьих зубов», и задержанного поляками во Львове (*Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 530).

[15] Приказ Императорского Дивана кади Ямболу (город, недалеко от которого судно потерпело крушение) от 16 *раби* I 967 г.х. (16 декабря 1559 г.) (*Mühimme Defterleri*, III, hüküm № 623).

[16] Вывоз необработанной или обработанной кожи становится монополией казны лишь во время правления царя Федора Иоанновича (1584–1598 гг.). Торговля кожаными изделиями оставалась свободной. Россия торговала несколькими сортами кожи, более или менее тонкой. Качество *болгари* должно было соответствовать «красной юфти» (окрашенной) или «юфти мостовой» (неокрашенной), которая производилась в Казани татарами.

[17] См. императорское послание Селима II Девлет-Гирею от *мухаррама* 976 г.х. (июнь–июль 1568 г.) (*Mühimme Defterleri*, VII, hüküm № 2730).

[18] См. императорское послание королю Польши от 28 *зулькаада* 972 г.х. (27 июня 1565 г.) о разграблении каравана османских купцов казаками. Среди товаров было 7 штук русской кожи (*telatin*) (*Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 1283).

[19] М.Фехнер. Указ. соч. С. 58–59.

[20] Впрочем, речь идет о походе частного торговца, туркестанца Хаджи Мехмеда, который купил в Московии шкурки соболя и куницы. См. императорское послание Селима II крымскому хану Девлет-Гирею, недатированное, возможно, от месяца *раджаб* 981 г.х. (27 октября – 25 ноября 1573 г.) (*Mühimme Defterleri*, XXIII, hüküm № 281).

минается куница *(zerdave)* и один раз речь идет о беличьих шубах[21]. Во всех остальных случаях в документах уточняется, что Высокая Порта считала достойным своего блеска только самый дорогой мех соболя *(samur).*

Цена на мех соболя была очень высокой. В XVI в. она колебалась от 10 до 300 рублей за четыре десятка, в зависимости от качества. Черный соболь считался самым дорогим[22].

Из турецких архивов мы узнаем, что и другие русские товары вывозились в Османскую империю придворными купцами, впрочем, их количество было незначительным, это были:

– *воск*, основными производителями которого в Восточной Европе были Россия и Польша, и который с 1558 г. стал монополией московского государства[23];

– *красители*, которые, по мнению М. Фехнер, вывозились, в основном, в ногайскую степь и в страны Центральной Азии и не являлись монополией России. Однако мы знаем из императорского послания [султана] Ивану Грозному, что [краситель] индиго ввозился торговцами османского двора[24];

– *рабы*: восточные купцы имели право покупать в Московии ограниченное количество (от 1 до 10) рабов. Это, чаще всего, были ливонские военнопленные, балтийцы, а позже литовцы и поляки. Эта торговля сокращалась, и ее объем, по мнению М.Фехнер[25], стал незначительным. В некоторых османских источниках,

[21] См. императорское послание Сулеймана Великолепного королю Польши Сигизмунду II Августу от 28 *зулькаада* 972 г.х. (27 июня 1565 г.), в котором среди товаров, принадлежавших османским купцам и разграбленных «польскими разбойниками» (зд. украинские казаки), упоминается 19 беличьих шуб (*Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 1283).

[22] Для сравнения см.: *Fernand Braudel*. La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1966. P. 184: «В январе 1591 г. в ответ на представления Вели(Польши), с согласия банков Сейма (avec l'accord des banques de la Diete), согласился вы- кого Сеньора (османского султана. – *И.М.*) о бесчинствах польских казаков, король платить, точнее, подарить сто соболиных шкурок (*cento timpanie de zibeline*), стоимость которых была значительной – 30 000 флоринов».

[23] Послание Селима II королю Польши Сигизмунду II Августу, недатированное, возможно, от месяца мухаррам 975 г.х. (8 июля – 6 августа 1567 г.), в котором говорится о двух еврейских купцах, Якове Мейере (или Мюре) и Иосифе Иерусалимском, которые имели «исключительное право ввоза воска в вашу страну» (*Mühimme Defterleri*, VII, hüküm № 2726).

[24] См. императорское послание от 15 раджаба 982 г.х. (31 октября 1574 г.): «Скончавшийся торговец императорского двора Мехмед Джевхери-заде оставил во время своего пребывания в России шесть бочек индиго (*djivit*), которые он там купил. Два других купца – Ризван и Мустафа, уполномоченные лица покойного, прибудут в Россию, чтобы забрать данный товар. Мы просим «короля» (qral) Московии вернуть данным лицам этот товар и выдать им свидетельство, указывающее количество возвращенного им индиго» (*Mühimme Defterleri*, XXVI, hüküm № 866).

[25] М.Фехнер. Указ. соч. С. 51, № 1.

например, в императорском послании (*nâme-i hümâyûn*) султана Сулеймана Великолепного королю Польши Сигизмунду II Августу от 28 зулькаада 972 г.х. (27 июня 1565 г.)[26] говорится о наличии большого количества рабов в караванах османских купцов, возвращавшихся из Московии, но мы не знаем, были ли рабы куплены в Московии, или речь шла о слугах из Турции;

– *металлы*: в османских архивах не встречается упоминаний о ввозе русского оружия, которое, однако, являлось одним из товаров, вывозимых в страны Востока. В послании Сулеймана Великолепного царю Ивану IV[27] говорится о захвате «московскими пограничными начальниками» 48 квинталов олова, принадлежащего одному османскому торговцу, возвращавшемуся из Москвы.

Мы знаем, что купцы османской казны отправлялись в Москву за мехами и привозили [туда] различные предметы турецкого производства. Русские источники описывают их в деталях. Это были – мы опять ссылаемся на великолепное исследование М.Фехнер[28] – шелковые, хлопковые и шерстяные ткани, некоторые изумительные образцы которых можно увидеть в русских музеях, множество сортов кожи, в частности сафьян, мечи, красители, ароматические жидкости, например, ладан, которым широко пользовалась православная церковь, драгоценные камни, и, наконец, тростниковый сахар из Египта и мыло. К сожалению, османские документы не предоставляют ни малейшей информации об османских поставках в Московию, которые, впрочем, должны быть незначительными как по количеству, так и по стоимости[29]. Весы, скорее, склонялись в сторону русских; так же обстояло дело с драгоценными металлами (золотом и серебром в монетах, или реже золотыми или серебряными изделиями), которыми османские купцы расплачивались за меха [т.е. цена русских товаров была дорогой и русская сторона получала большую прибыль от торговли с Турцией в виде серебряных и золотых монет и изделий из драгоценных металлов. – *Д.М.*].

Почти все османские источники, касающиеся отправления караванов в Московию, упоминают, что казна давала придворным торговцам некоторое количество (к сожалению, нет ни одной цифры) серебряных *(aqče)* или золотых *(altïn)* монет, чтобы они могли расплачиваться за русские меха. Иногда, в них уточняется, что «сумма значительная». Однако русские архивы позволяют нам понять объем вывоза серебряных и золотых османских монет в Московию.

[26] *Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 1283. В данном императорском послании речь идет о нападении на османский караван и разграблении его «польскими разбойниками» (здесь: украинские казаки), которые захватили, кроме прочего, 210 рабов.

[27] Недатированное послание отправлено, вероятно, в конце месяца *рамазан* 973 г.х. (конец апреля 1566 г.) (*Mühimme Defterleri*, V, hüküm № 1312).

[28] М.Фехнер. Указ. соч. С. 66–95.

[29] Документы Османского архива ограничиваются фиксацией того, что торговцы императорского двора получали «товары…», чтобы была возможность покупать меха в Москве.

М.Фехнер[30] цитирует несколько точных цифр: в 1529 г. торговцы султана Сулеймана привезли в Москву 500 000 акче (аспров) из императорской казны для покупки пушнины. В 1542 г. другой придворный купец, грек Андрей, привез в Москву 600 000 акче. В 1551 г. султан Сулейман доверил тому же купцу 10 000 золотых монет для покупки мехов[31].

Трудно оценить численность османских караванов, отправлявшихся в Московию, но, вероятно, некоторые из них должны были быть очень большими. В основном, мы можем судить о величине караванного товарооборота между Османской империей и Московией по жалобам о разграблении караванов запорожскими казаками или ногаями, направляемым королю Польши, царю и крымскому хану.

Так, из императорского послания (*nâme-i hümâyûn*) Сулеймана Великолепного Ивану Грозному от 24 раби I 972 г.х. (30 октября 1564 г.) мы узнаем, что часть товаров, особенно меха, которые один придворный торговец, Мехмед, купил в Москве, и которые по его возвращении сгорели и были разграблены в городе Почеп, делились на 300 лошадиных поклаж[32]. Немного позднее в императорском послании (*nâme-i hümâyûn*) того же султана королю Польши от 28 зулькаада 972 г.х. (27 июня 1565 г.) говорится о разграблении «разбойниками» (вероятно, запорожскими казаками) на реке Басман («Basman») каравана, возвращавшегося из Москвы и принадлежавшего 13 османским купцам. «Разбойники» захватили одежду (меховую) стоимостью 23 000 золотых монет, 210 рабов и 460 лошадей[33].

Тремя годами позже, летом 1570 г. крымский хан Девлет-Гирей жалуется Высокой Порте на постоянные нападения «польских казаков» *(Leh Qazaklarï)* на караваны османских купцов, возвращающихся из московской страны. Каждый раз, пишет хан, «разбойники» завладевают товарами стоимостью от 60 до 70 000 золотых монет[34].

Чуть позднее, в новом послании Девлет-Гирея падишаху речь снова идет о нападении близ Днепра на османский караван, направлявшийся в Москву. Запо-

[30] М.Фехнер. Указ. соч. С. 85.

[31] В 80-е гг. XVI в. золотая османская монета «алтын» обменивалась в Москве из расчета 20 алтын за 16 рублей. В конце века обмен производился из расчета 20 алтын за 10 рублей (Там же).

[32] *Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 318.

[33] См. императорское послание от 28 *зулькаада* 972 г.х. (27 июня 1565 г.) (*Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 1283).

[34] См. императорское послание Сигизмунду II Августу, датированное месяцем *раби* I 978 г. (3 августа – 1 сентября 1570 г.), цитирующее послание Девлет-Гирея падишаху (*Mühimme Defterleri*, XIV, hüküm № 575).

рожские казаки отобрали у каждого из придворных купцов от 40 до 50 000 золотых монет, не считая товаров[35].

Наконец, последние данные, позволяющие оценить объем закупок пушнины османскими торговцами, встречаются в императорском послании Мурада III королю Стефану Баторию[36]. В нем говорится, что купец императорского двора Махмуд купил партию меха соболя для нужд двора, часть которой он оставил на хранение в Польше. Оставленная часть состояла из 114 дюжин *(deste)*, т.е. 1400 соболиных шкурок.

Маршруты[37]

Имеющиеся в нашем распоряжении османские документы показывают все маршруты между Стамбулом – столицей Империи, и Москвой, столицей Московии. Нам известно, что частные османские торговцы направлялись и в другие русские города, в частности в Новгород и, особенно, в Путивль, большой торговый центр на юго-западе Московии. Только придворные торговцы, должным образом уполномоченные Османской Портой, могли быть допущены в саму Москву.

Между Москвой и Стамбулом существовало шесть основных маршрутов, используемых русскими и османскими купцами. Это были маршруты, идущие с запада на восток, начинавшиеся в Стамбуле[38].

I – речной путь по Дону

I (1) *Стамбул – Кафа – Азак – Дон – Москва*

Этот маршрут включал в себя отрезок морского пути между Стамбулом и Азаком [и пролегал] либо прямо [и вел] из османской столицы в Кафу, а оттуда в Азак [I.1 (a)], либо имел промежуточную остановку в Синопе [I.1 (b)]. После Азака следовало подняться по Дону до Данкова на Верхнем Дону, где река переставала быть судоходной. Из Данкова сухопутный путь соединял его с Москвой через Михайлов, Рязань и Коломну.

---

[35] См. императорское послание Селима II хану Девлет-Гирею, датированное месяцем *джумада* I 978 г.х. (1–30 октября 1570 г.), частично воспроизводящее послание хана (*Mühimme Defterleri*, XIX, hüküm № 723).

[36] Послание датировано месяцем джумада II 993 г.х. (31 мая – 28 июня 1585 г.) (*Mühimme Defterleri*, LVIII, hüküm № 308).

[37] Маршруты, используемые русскими купцами и послами, отправляющимися в Крым или в Стамбул, описаны М.Фехнер (указ. соч.) и особенно В.Е.Сыроечковским в его замечательном исследовании: «Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века» // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. VII серия. Л., 1932. № 3. С. 193–237.

[38] В.Е.Сыроечковский (там же) описывает множество других использовавшихся маршрутов, особенно татарами и русскими между Москвой и Крымом. Эти маршруты были полностью сухопутными и проходили по дорогам (шляхам), использовавшимся татарами для совершения грабительских походов, но совсем не использовались торговцами османского двора. Мы не говорим о них в данном исследовании.

Существовало два варианта данного маршрута:

I.1 (2) – можно было добираться по Дону до Воронежа, а затем подниматься по реке Воронеж до места, где река перестает быть судоходной. Оттуда до Рязани и Москвы можно было добираться либо по дороге (через Ряжск), либо по рекам Ряса, Хупта, Ранова и Проня.

I.1 (3) – также возможно было плыть по правому притоку Дона Красивая Меча до Ефремова, почти до того места, где река перестает быть судоходной. Оттуда, по сухопутной дороге в Москву через Венев и Каширу.

Этот путь, не проходивший по крымским владениям и польско-литовским территориям, был основным маршрутом русских дипломатических и торговых караванов[39]. Османы использовали его лишь изредка и лишь тогда, когда их посланцы могли присоединиться к московским дипломатам, возвращавшимся в Московию. Путь проходил по территории Нижнего Дона, района казаков, которые, избегая всякого контроля Москвы, не оставляли ни малейших шансов мусульманским караванам. Из всех османских источников второй половины XVI в., обнаруженных нами в «Реестрах важных дел», ни в одном не упоминается данный путь[40].

II – путь по Донцу

Этот путь представлял, собственно, вариант предыдущего. Он позволял частично перемещаться не по Дону и избегать опасности нападений казаков, которые, в период крайней бедности, нападали и на московские караваны.

Из Азака он шел вверх по всей долине Донца, затем, через Курск, Кромы, Мценск и Калугу доходил до Москвы. Этот малоиспользуемый маршрут, проходящий в своей южной части по незаселенным, почти пустынным степям, которые часто посещали ногаи, использовался только московскими караванами. Османы его тщательно избегали.

III и IV – маршруты, проходящие через крымские владения

Маршруты III и IV использовались как московитами, так и османами. Османы пользовались этими путями, в основном тогда, когда дороги, проходившие западнее, по польско-литовской территории, стали непригодными из-за военных действий. Крымские маршруты были самыми короткими – маршрут III.1 (b1) был длиной всего в 1100 км и мог быть пройден за 37 дней – но они были и самыми опасными. Не только из-за того, что они проходили близко к Нижнему Днепру и, таким образом, путешествующие подвергались нападениям запорожских казаков, не щадивших ни османов, ни московитов, но и потому, что кара-

---

[39] М.Фехнер. Указ. соч. С. 48, 50.

[40] По мнению М.Фехнер (там же, с. 15), этот самый надежный для русских торговцев путь («путь I (1)») составлял между Стамбулом и Москвой 3 430 км:

Стамбул – Синоп – Кафа	800 км	10 – 14 дней
Кафа – Азак	400 км	6 – 10 дней
Азак – Данков	1850 км	40 дней
Данков – Рязань – Москва	380 км	15 дней

ваны могли быть разграблены ногаями, татарами и даже польско-литовскими подданными.

III (1) – Первая часть этого маршрута была общей. Она включала в себя, начиная от Стамбула, следующие варианты:

III.1 (a) – либо плыть по морю до Кафы;

III.1 (b1) – либо добираться до Аккирмана по сухопутному пути через Эдирне, Валахию и Молдавию и пересечь Дунай в Исакчи;

III.1 (b2) – либо по морю.

Во второй половине XVI – начале XVII вв., ввиду усиления казацкого пиратства на Черном море, османские караваны выбирали более длинный, но и более надежный сухопутный путь. [Следуя] из Аккирмана, они переходили Днепр на перевозе Таван близ Ислам-Кирмана, затем караваны шли к Ору (Перекоп), где находились крымские таможни. Оттуда, по степям левобережья Днепра, держась как можно дальше от запорожских территорий, они шли на север. Караваны следовали по так называемому «Муравскому шляху», одному из путей татарских набегов на Московию, проходившему по высоким долинам Конских и Молочных Вод, затем, огибая Самару, Орел и Коломак, доходившему до пограничного города Путивля. Далее дорога шла на Новгород Северский, Брянск и Калугу.

III (2) – Данный вариант позволял обходить татарский город Ор. Из Аккирмана караваны поднимались по правому берегу Днепра, затем [следовали] по долине Ингульца. Они перевозились через Днепр в месте впадения в него реки Псёл и проходили достаточно большое расстояние по долине этой реки до московского города Путивля. Этот маршрут пролегал по территориям, контролируемым запорожскими казаками, и использовался только русскими караванами.

Многие османские источники указывают на то, что караваны проходили по маршруту III[41].

Осенью 1564 г., в то время, когда войска Ивана Грозного терпели поражения в Литве и когда хан Девлет-Гирей вел большое наступление на Рязань, купец императорского двора Мехмед сообщал в Османскую Порту, что польская территория ненадежна, поэтому он предпочел вернуться через Крым. Великий императорский совет отписал по этому поводу хану наказ отправить на московскую границу, где находился Мехмед, охрану и верблюдов, чтобы «доставить караван в целости и сохранности»[42]. Этот путь не был абсолютно безопасным,

[41] Согласно имеющемуся в нашем распоряжении документу из Османского архива, повеление Сулеймана Великолепного делало этот маршрут обязательным для придворных купцов каждый раз, когда «на обратном пути из Москвы, дороги Польши были закрыты». См. императорское послание Селима II Девлет-Гирею от месяца *джумада* I 978 г.х. (1–30 октября 1570 г.), ссылающееся на «повеление своего отца Сулеймана» (*Mühimme Defterleri*, XIV, hüküm № 723).

[42] См. императорское послание Девлет-Гирею от 8 раби II 972 г.х. (30 октября 1564 г.) (там же, VI, hüküm № 317).

как об этом свидетельствует неприятный случай, произошедший с тем же Мехмедом на обратном пути, ставший нам известным из императорского послания Сулеймана Ивану Грозному (которого он называл в послании «Sârî Ivân *Mosqof Qralï*»[43]) от 24 раби I 972 г.х. (30 октября 1564 г.):

«Мехмед, торговец нашего двора, был послан в вашу страну для закупки товаров, предназначенных для нашей императорской казны. Он прибыл в вашу страну, осуществил там свою торговлю, и когда его дела были закончены, обнаружилось, что дорога по Польше ненадежна. Поскольку ему и его людям не могли предоставить средства, необходимые для [безопасного] следования по ведущему туда пути, им посоветовали выбрать маршрут к Кафе, а ваш казначей им сказал: «Вы ничем не рискуете, путешествуя по нашей стране». Однако, когда их товары были переправлены из Москвы в ваш город Почаб[44], [то] литовские солдаты напали на них, а ваш наместник поджег город. Товары, принадлежавшие нашей казне, в количестве 300 лошадиных поклаж, частично сгорели, частично были разграблены населением города. Вот что сообщили нам наши торговцы…»[45].

Второй маршрут, проходивший по крымским владениям, редко использовался османскими караванами. Существовало два его варианта:

IV (1) – начинался в Азаке, поднимался сначала по течению Дона, затем направлялся по сухопутной дороге, называемой «Калмиусский шлях», и через Валуйку по реке Оскол и Ливны доходил до Тулы, а затем – в Москву. Данный путь особенно часто использовался в конце XVI – начале XVII вв., когда присутствие казаков превратило низовья Дона в слишком опасные места.

IV (2) – начинался в Оре (Перекоп) и, следуя по «Муравскому шляху», доходил до Курска, Кром, Мценска и Тулы. Это был короткий путь, однако часто он был закрыт из-за набегов татар, следовавших по «Муравскому шляху». Он использовался, в основном, в XV в. московскими посольствами, направлявшимися в Турцию.

[43] Т.е. дословно «Московский король Желтый Иван». Это обозначение, вероятно, проистекало от неправильного понимания слова «царь» в османской транскрипции. Звука «ц» в турецком языке нет, он менялся на «с» и в изафете получалось «*сары*», вместо *цары* (позже османы стали писать *чары*). Хотя есть и вполне точно зафиксированные обозначения русских как «Сары урус», или «Сары Иван». См., напр.: *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. С. 196–197. – *И.З.*

[44] Речь идет о городе Почеп, стоящем на реке Судость, правом притоке Десны, пограничным с Литвой городом, стал частью Московии. Вследствие этого он неоднократно подвергался нападениям литовцев и поляков.

[45] *Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 318.

Маршруты, проходившие только по польско-литовским территориям

Два описываемых ниже «западных» маршрута, проходивших по Украине и Польше-Литве и подходивших к Москве через Смоленск или через Вязьму, совсем не использовались русскими купцами. Напротив, по ним шли почти все османские караваны. Будучи более длинными, чем восточные пути, они были – особенно самый западный путь (VI) – более надежными, так как были защищены от нападений запорожцев:

Маршруты, проходившие через Киев

Начинаясь в Оре [Перекопе. – *И.М.*], Озю [Очакове. – *И.М.*] или в Аккирмане [ныне – Белгород-Днестровский. – *И.М.*] этот путь по долине Ингульца подходил к Днепру в Черкассах (по-татарски: Черкес-Кирман). Затем караваны поднимались по течению Днепра и проходили через Киев (по-татарски: Манкирман). Оттуда была возможность:

V (1) – либо далее продвигаться по долине Днепра до Смоленска и пройти через Вязьму и Можайск;

V (2) – либо пройти по сухопутному пути от Киева в Вязьму.

Во второй половине XVI в. несколько османских караванов прошли по этому маршруту, в частности, согласно М.Фехнер[46], караван купца [султана] Мурада III, Димитрия Сиренака, возвращавшийся из Москвы в Стамбул в 1586 г.[47].

Маршрут, проходивший через Каменец-Подольский

Наиболее часто используемая османскими караванами дорога, самая длинная, но самая надежная (VI). Начиналась в Стамбуле, доходила через Эдирне до валашской территории, пересекала Дунай на переходе Исакчи, поднималась по Молдавии, проходила через Яссы, продолжалась в Польше до Каменца-Подольского; оттуда, она пересекала леса Белоруссии и через Туров, Слуцк и Минск подходила к Смоленску.

Большая часть османских караванов второй половины XVI в. следовала по этому исключительно сухопутному маршруту, позволявшему избежать нападений казаков как на Украине, между низовьями Днепра и Киевом, так и на Черном море.

[46] М.Фехнер. Указ. соч. С. 17.

[47] У нас нет османских источников, упоминающих о возвращении Димитрия в Стамбул в 1586 г., но мы имеем два императорских послания (королю Польши и царю) и приказ воеводе Молдавии о его [Димитрия] отправлении в Москву. Все три документа датированы месяцем *шаабан* 993 г.х. (29 июля – 26 августа 1585 г.) (*Mühimme Defterleri*, LVIII, hüküm № 506, 507, 508).

Пушнина и дипломатия

Имеющиеся в нашем распоряжении османские документы, касающиеся торговли мехами, отражают лишь короткий период – около тридцати лет между 1559 и 1587 гг. Конечно, этот промежуток времени представляет собой лишь краткий момент истории торговых сношений между Османской империей и Московией – отношений, активно развивавшихся в XV в. и продолжавшихся еще многие годы после 1587 г., по крайней мере, до смерти Бориса Годунова в 1605 г. и начала Смутного времени. Наш выбор данного отрезка времени в тридцать лет совершенно произволен и объясняется причинами технического характера – «Реестров важных дел» до 1558 г. не существует[48] – и трудностями, присущими любому исследованию по «Мюхимме дефтерлери» после 1590 г. (том 68), так как они не имеют указателей. Поэтому мы не можем претендовать на то, чтобы дать полное представление о русско-османских торговых отношениях, а [попытаемся] лишь вкратце проанализировать влияние торговли мехами на дипломатические отношения между Высокой Портой и ее северными соседями[49].

Период, который нас интересует, характеризовался интенсивной политической и военной активностью в Восточной Европе. Он соответствует в Турции концу правления Сулеймана Великолепного (1520–1566), правлению Селима II (1566–1574) и началу правления Мурада III (1574–1595). Мощь огромной империи еще непоколебима, несмотря на неожиданные неудачи под Веной в 1568 г. и под Астраханью в 1569 г. Более того, в правление Селима II и Мурада III османы

[48] Два первых тома «Мюхимме дефтерлери», охватывающие период с 1553 по 1556 гг., не содержат копий приказов от Великого императорского совета. Это реестры, касающиеся вознаграждений и назначений.

[49] Представление о русском повелителе как царе меха можно найти даже гораздо позже, например, в произведении османского поэта XVIII в. (ум. 1768/9 гг.) Хашмета. Его прозаический труд «Ихтисаб-уль-мулюк» («Служба владык») – панегирик османскому султану Мустафе III, описывает видение, которое удостоился лицезреть автор в ночь восшествия этого султана на престол. Поэт словно очутился на обширной равнине, где цари земные оказывают честь новому османскому повелителю и испрашивают разрешения прислуживать при его дворе. Распределение обязанностей среди царей отражает, конечно, устойчивые представления османа-интеллектуала об окружающих империю народах. В видении Хашмета йеменский имам служит султану кофишенком (вспомним, что с кофе османы познакомились благодаря исламским мистикам, пользовавшимся южноарабским кофе как допингом для мистического опьянения), китайский богдыхан – хранителем фарфорового дворца, голландский король – главным садовником (вспомним тюльпаны, излюбленный цветок голландцев и турков, особенно в начале XVIII в. – в так называемую эпоху тюльпанов, *лалэ деври*), король Англии отвечает за пороховой склад (ведь Англия –крупнейшая военная держава), а русский царь должен быть назначен придворным меховщиком. И в XVIII в., по традиции, Россия – основной источник меха для османов. См.: *Зайцев И.В.* Турки-османы в Москве XVIII века // Восточный Архив, 2004, № 11–12. С. 40–45. – *И.З.*

укрепляют свое господство на северном побережье Черного моря и начинают распространять свое влияние на Северном Кавказе. Крымское ханство, вассал Порты, также достигает вершины своей мощи в годы правления Девлет-Гирея I (1551–1577), а во время правления его преемника, Мехмед-Гирея «Семиза» [т.е. «Тучного». – *И.З.*], даже пытается освободиться от османской опеки.

Крымское ханство[50] долго препятствовало расширению Московии Ивана Грозного, долгое время оно было непреодолимым барьером и задержало на два века выход русских к Черному морю. Ханство, однако, не ограничивалось лишь тем, что защищало подступы к Черному морю; почти каждый год хан лично или принцы Гиреи вели на Москву грабительские походы, кульминацией которых был поход Девлет-Гирея в 1571 г., завершившийся большим пожаром в Москве[51].

Постоянно чувствуя угрозу с юга от татар и с западных границ, Московия находилась в постоянных конфликтах с Польско-Литовским государством и Швецией. Ливонская война началась в январе 1558 г., а закончилась лишь в 1585 г. изгнанием русских с Балтики. Так, до смерти Ивана Грозного южные и западные границы Московии были почти постоянно охвачены огнем большой или маленькой войны. Итак, через территории с воюющими на них крымскими, русскими и польско-литовскими армиями, к которым еще присоединялись войска запорожских[52] и донских казаков, должны были пробираться торговые караваны османского двора.

[50] В оригинале статьи: *la principaute tatare* («татарское княжество»). – *И.М.*

[51] Начиная с 1558 г., среди крупнейших походов можно перечислить: большой татарский поход 1558 г. под предводительством *калги* Мехмед-Гирея, в котором принимали участие ногаи. [Крымско-ногайские силы,] поднявшись по долине Донца, дошли до реки Красивая Меча; поход в мае 1562 г. под предводительством хана, в ходе которого были разорены районы Мценска, Одоева, Болхова и Белева; поход в апреле – мае 1563 г. Мехмед-Гирея, который дошел до Михайлова; поход. Девлет-Гирея в октябре 1564 г, который во главе армии из 60 000 воинов, одновременно с нападением на Полоцк короля Польши, разорил район Рязани; новый поход Девлет-Гирея на Болхов в октябре 1565 г.; поход 1567 г. ширинского мурзы; небольшой поход под предводительством принцев, князей Адиля и Гази-Гирея в 1568 г.; османский и крымский поход на Астрахань в 1569 г.; поход Мехмеда и Алп-Гирея на Рязань и Каширу в апреле-мае 1570 г.; второй их поход на Новосиль в сентябре; большой поход Девлет-Гирея в 1571 г., в ходе которого он переходит Оку, обходит русские позиции и 24 мая сжигает Москву; новый большой поход Девлет-Гирея в августе 1572 г., в ходе которого он переходит Оку, но терпит поражение при Лопасне. Этот поход, как и последующие, совпадает с возмущениями средне-волжских татар. Нападение татарских князей на Рязань в 1575 г.; новый поход татар и ногаев на Рязань осенью 1574 г.; татарский поход на Новгород-Северский и Орел в сентябре 1576 г.; большой поход татар и ногаев на Белев, Алаторск и Коломну в 1581 г.

[52] В течение интересующего нас периода запорожские казаки представляли собой настоящую международную силу. См. Ch.Lemercier-Quelquejay. Un condottiere lithuanien du XVIe siècle: le prince Dimitri Višneveckij et l'origine de la Seč Zaporogue d'apres les Archives ottomanes // CMRS. T. 10 (1969). № 2. P. 258–279.

Нужно отметить, что для Высокой Порты торговля мехами была очень важным делом. Множество императорских посланий настаивают на этом: «Эта миссия, – пишет Селим II Девлет-Гирею по поводу похода купца Михала в Московию, – очень важна и необходима для нас. Надлежит [сделать так], чтобы он смог добраться до Московии в полной безопасности»[53].

Так, каждое отправление и каждое возвращение караванов вызывало повышенную дипломатическую активность Высокой Порты. К торговцам казны относились как к настоящим послам. Перед их караванами посылались приказы вассалам и послания правителям стран, через которые они проходили, перед ними должны были останавливаться военные действия, и все должны были пропускать их даже в самых неспокойных местах. Османские источники говорят в основном об обеспечении безопасности караванов, возврате разграбленных (особенно в посланиях правителям Польши) или реквизированных товаров, а также об исчезновении (бегстве или заключении под стражу) торговцев, взимании налогов и пошлин, и, наконец, о запрещении того, что русские называли «зауморщина», т.е. накладывания налога на имущество скончавшегося иностранного торговца, не оставившего прямых наследников.

Самый старый документ, имеющийся в нашем распоряжении, датирован джумада II 967 г.х. (28 февраля – 27 марта 1560 г.). Это императорское послание (*nâme-i hümâyûn)* Сулеймана Великолепного Сигизмунду II Августу, в котором речь идет о разгроме каравана, принадлежавшего турецкому торговцу Мехмеду из Токата, убитому «польскими разбойниками» (вероятно запорожскими казаками). Все имущество [Мехмеда] было разграблено, и падишах просил короля Польши приказать составить полный перечень похищенного имущества и вернуть его Османской Порте[54].

В 1564 г., в то время, когда война в Литве достигла своего кульминационного момента (битва на Улле и Орше), Сигизмунд II Август вел кампанию против Полоцка, а Девлет-Гирей осуществлял большое наступление на Рязань, мы находим три документа, касающихся обратного следования в Турцию придворного торговца Мехмеда. Речь идет:

– об императорском послании Сулеймана Великолепного Девлет-Гирею от 8 *раби II* 972 г.х. (14 октября 1564 г.), сообщавшем хану, что поскольку польская территория ненадежна, торговец хочет вернуться через Крым. Хан должен был

[53] См. императорское послание Селима II Девлет-Гирею, написанное в середине месяца *шеввяля* 981 г.х. (2–12 февраля 1574) г. (Архив Музея Дворца Топкапы, E. 2082). Те же выражения встречаются в императорском послании этого же султана королю Польши Стефану Баторию, датированном концом месяца *рамазан* 985 г.х. (21–30 ноября 1577 г.). [В 1574–1595 гг. османским султаном являлся Мурад III. – *И.М.*]. В последнем документе говорится о том же торговце (Архив Музея Дворца Топкапы, E. 7707).

[54] *Mühimme Defterleri*, III, hüküm № 893.

обеспечить защиту каравана [на пути] от московской границы и, кроме этого, предоставить Мехмеду верблюдов, необходимых его каравану[55];

– о двух других посланиях султана Сулеймана, адресованных «королю Московии». Первое датировано 24 раби I 972 г.х. (30 октября 1564 г.). В нем говорится о том же Мехмеде, товары которого были украдены населением Почепа во время взятия этого города литовцами[56]. Султан просит царя «провести расследование и подтвердить, действительно ли произошло так, как мне доложено, установить количество похищенных товаров и заставить грабителей вернуть их, собрать и отправить все товары в полной безопасности в мою Счастливую Порту...»[57];

– второе послание Ивану Грозному от 8 раби II 972 г.х. (13 ноября 1564 г.), где речь идет о товарах и имуществе, конфискованных русскими властями у двух мусульманских торговцев и у одного армянского купца, османских подданных, умерших в Московии. «Поскольку все имущество московских подданных, умерших в Османской империи, всегда возвращалось [русским]», постольку [отправитель] послания просит, чтобы имущество, о котором идет речь, было возвращено посланнику падишаха[58].

Немного позднее, 10 джумада I 972 г.х. (14 декабря 1564 г.), мы находим императорское послание королю Польши. В послании говорится об армянском торговце Дрегане, который служил Александру, воеводе Молдавии. Он возвращался из Московии с моржовыми клыками и мехом соболя, был арестован в Польше и заключен во Львовскую крепость. В послании содержалась просьба об освобождении армянина и о возвращении всего его имущества[59].

Наконец, в 1565 г., в другом послании польскому королю Сулейман Великолепный требовал возврата товаров, скота и рабов, принадлежавших тринадцати купцам, восемь из которых являлись мусульманами и пятеро – христианами, на обратном пути из Московии атакованных и ограбленных «разбойниками» на берегах реки Басман. Часть похищенного имущества была найдена одним из ограбленных торговцев у жителей «городка, называющегося Киевом». Падишах просил о возврате имущества его владельцам и о наказании преступников[60].

1566 год стал одним из редких, когда не было походов татар на русские земли, и был отмечен отправлением большого каравана, который вел придворный купец Мехмед, возможно тот же Мехмед, который вернулся из Москвы двумя годами ранее.

[55] Там же, VI, hüküm № 317.
[56] См. выше.
[57] *Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 318.
[58] Там же, VI, hüküm № 339.
[59] Там же, VI, hüküm № 530.
[60] См. императорское послание от 28 *зулькаада* 972 г.х. (27 июня 1565 г.) (*Mühimme Defterleri*, VI, hüküm № 1283).

Шесть документов из Османского архива, датированных концом месяца рамазан 973 г.х. (конец апреля 1566 г.), позволяют проследить его путь через Балканы, крымскую территорию и Московию:

– приказ *(hüküm) эминам* (управителям) городов между Стамбулом и Молдавией, предписывающий обеспечить безопасность каравана на пути туда и обратно и запрещающий им взимать пошлину и налоги[61];

– приказ *беям* и *кади* промежуточных городов между Стамбулом и молдавской границей. Содержание данного приказа повторяло содержание вышеуказанного документа и, к тому же, включало требование предоставить вооруженный эскорт для преодоления самых опасных участков дороги и возмещения убытков в случае нанесения их каравану[62];

– приказ молдавским воеводам, требующий обеспечить защиту каравана на молдавской территории до польских границ[63];

– императорское послание королю Польши (не названному по имени) с просьбой об освобождении от налогов и пошлин и о защите каравана, проходящего по польской территории[64];

– императорское послание[65] крымскому хану с просьбой об освобождении от налога и о предоставлении вооруженной охраны для сопровождения каравана до русской границы на пути туда и обратно[66];

– наконец, императорское послание «королю Московии» с просьбой об освобождении от налога и о безопасном прохождении каравана:

«Мехмед, торговец нашего Императорского Двора, был направлен в Московию с золотом и товарами. У него было намерение купить там товары. Приказываю освободить его от всех пошлин, охранять его от посягательств кого бы то ни было и облегчить ему возвращение».

Императорское послание особо оговаривало также вопрос о зауморщине:

«Как того требует древняя традиция, мы отдаем наследникам товары, принадлежавшие русским торговцам, скончавшимся на османской земле. Соответственно, [мы просим русского царя] вручить торговцу Мехмеду, как только он прибудет в Москву, все товары, принадлежавшие османским торговцам, мусульманам и христианам, скончавшимся на московской земле».

Наконец, мы нашли там и претензию:

[61] Там же, V, hüküm № 1316.
[62] Там же, V, hüküm № 1311, конец месяца *рамазана* 973 г.х. (конец августа 1566 г.).
[63] Там же, V, hüküm № 1314, та же дата.
[64] Там же, V, hüküm № 1313.
[65] Там же, V, hüküm № 1315.
[66] Мы не знаем, каким маршрутом воспользовался караван Мехмеда. Он мог пройти по польской территории (Яссы – Каменец – Минск). В таком случае послание хана было лишь мерой предосторожности в случае необходимости изменения маршрута. Либо он использовал путь по долине р. Ингулец по территории ханства.

«Люди с московской таможни задержали 48 квинталов олова, принадлежащих османскому купцу по имени Мустафа. В качестве ответного шага, мы [в Стамбуле] арестовали драгоценности одного московского торговца. Мы их вернули, так как посол Московии выступил за них поручителем. Однако товары, принадлежащие Мустафе, так и не были возвращены. Мы просим царя, как можно быстрее, решить это дело и наказать виновных в данном незаконном действии»[67].

Год спустя, из нового императорского послания «московскому королю» от 3 раби I 975 г.х. (7 сентября 1567 г.), мы узнаем, что купец Мехмед все еще удерживается в России. Султан Селим II просит царя сделать все необходимое, чтобы обеспечить безопасность его возвращения, а также вернуть торговцу Мехмеду товары, разграбленные в городе Почеп; наконец, примерно наказать разбойников, виновных в хищении: «чтобы торговцы обеих стран могли перемещаться в полной безопасности»[68].

Послание Селима II, видимо, не возымело действия. Мы можем судить об этом по последующей переписке с ханом, царем, польским королем и молдавским воеводой в 1568 г.

Мы нашли также султанское послание крымскому хану, написанное в июне-июле 1568 г., в котором говорилось о многих османских торговцах. Среди них был некий Мустафа, придворный торговец, отправившийся в Москву за мехами, кожей и тканями, и о котором уже долгое время не было никаких известий. Султан просил Девлет-Гирея осведомиться о купцах и, в случае необходимости, обеспечить им безопасность на обратном пути[69].

Несколько дней спустя Османская Порта получила известие о смерти своего торговца Мустафы. 27 июня 1568 г. султан посылает «царю московитов» *(Mosqoflular Qrali)* новое послание следующего содержания:

«Мустафе и Ахмеду, торговцам моей Счастливой Порты, была выдана из моей императорской казны значительная сумма, предназначенная для закупки меха соболя. Так как Мустафа скончался, дела, интересующие мой Императорский Двор, были перепоручены моему купцу Мехмеду, находящемуся в данный момент в вашей стране. Он должен срочно вернуться в мою Счастливую Порту. Мы желаем, чтобы, оставаясь верным щедрости, преданности и дружбе, которую вы всегда проявляли по отношению к нашему Счастливому Дому, вы направили нашего торговца в Польшу в полной безопасности, предоставив ему достаточное число повозок, чтобы ваши купцы, которые будут торговать в нашей стране, могли, как это происходило всегда, приезжать и уезжать в наилучших условиях»[70].

[67] *Mühimme Defterleri*, V, hüküm № 1312.

[68] Там же, VII, hüküm № 169.

[69] См. недатированное императорское послание крымскому хану, вероятно, составленное не ранее месяца *мухаррама* 976 г.х. (июнь-июль 1568 г.) (там же, VIII, hüküm № 2730).

Мы не знаем, какой эффект произвело это повелительное послание на московские власти, но Мехмеду, который, вероятно, был задержан в Московии, наконец разрешили вернуться в Стамбул. Мы нашли в «Реестрах важных дел» за 1568 г. два других документа, касающихся того же Мехмеда:

– императорское послание польскому королю, в котором излагалась просьба об оказании содействия скорейшему возвращению торговца Мехмеда, не задерживая его на границе и на таможенных постах, так как «он слишком долго задержался в Московии, в то время как наш Императорский Двор срочно нуждается в мехах»[71];

– приказ молдавскому воеводе, предписывающий ему ускорить возвращение Мехмеда, освободить его от пошлин и обеспечить ему безопасное следование до границ Османской империи[72].

От периода с 1568 г. по 1574 г. (год восшествия на престол Мурада III) никаких османских документов, свидетельствующих о больших караванах придворных торговцев, не сохранилось. Возможно, это молчание было обусловлено тем, что Мехмед в изобили снабдил Императорский Двор мехом соболя, и, может быть, еще и тем, что период с 1569 по 1572 гг. был отмечен большими походами Крымского ханства на Московию. В 1569 г. состоялся османский поход на Астрахань; в 1570 г. два татарских вторжения разоряют южные рубежи России; в 1571 г. (год сражения при Лепанто), сам Девлет-Гирей переходит Оку и сжигает Москву, причиняя Московии самый большой ущерб со времени монголов. Наконец, в 1572 г., в момент, когда волжские татары восстали против русского господства, хан начинает новый поход на Москву, но на этот раз терпит неудачу уже на подступах к столице. С наступлением татар совпали бесконечные вылазки украинских казаков против Буджака, Крымского ханства и Молдавии[73].

[70] См. императорское послание «королю московитов» от 2 *мухаррама* 976 г.х. (27 июня 1568 г.) (там же, VII, hüküm № 2744).

[71] См. императорское послание королю Польши от 11 *мухаррама* 976 г.х. (6 июля 1568 г.) (там же, VI, hüküm № 2746).

[72] Приказ молдавскому воеводе от 5 *мухаррама* 976 г.х. (30 июня 1568 г.) (там же, VIII, hüküm № 1629).

[73] За период между 1568 и 1574 гг. у нас есть множество документов, подтверждающих, что торговые маршруты стали особенно опасными для торговых караванов. Так, императорское послание хану Девлет-Гирею от месяца *зулькаада* 975 г.х. (28 апреля – 27 мая 1568 г.), упоминает разграбление османского каравана, возвращающегося из Москвы «христианами, подданными Польши» из Минкирмана (Киева) (там же, VII, hüküm № 2771).

Императорское послание королю Польши от раби I 978 г.х. (3 августа – 1 сентября 1570 г.), содержит представления о постоянных нападениях «польских казаков» на ханство, и особенно на разграбление караванов придворных купцов, возвращающихся из

Документы о торговле пушниной вновь появляются в 1574 г. Речь идет о двух августейших посланиях султана Селима II Девлет-Гирею и царю Ивану IV, датированных февралем 1574 г.[74]. В них содержалась рекомендация, данная придворному торговцу-христианину Михалу, который должен был купить мех соболя и «другие товары отличного качества и наиболее редкие, достойные нас»[75]. 1574 г. был особенно неспокойным и не очень благоприятным для торговых сношений с Московией. Воевода Молдавии, Ион Вода, восстал против османского господства. Он не мог рассчитывать на поддержку короля Польши Генриха Валуа, поэтому позвал на помощь украинских казаков, которые не замедлили к нему присоединиться. В первый раз запорожцы предприняли большой поход на империю. Они захватили османскую крепость Аккирман, перешли через Дунай и осадили Браилу. Только 9 июня османские войска при поддержке валашских подразделений разгромили молдавских повстанцев и казаков. По этой причине караван Михала оказался вынужденным отказаться от привычного маршрута через Молдавию и Польшу и воспользовался другим, более рискованным, путем через Крым и Московию. Михалу пришлось остаться в Москве несколько лет. Он вернулся в Стамбул лишь в 1577 г., если верить султанскому посланию королю Стефану Баторию, содержащему просьбу облегчить возвращение купца в Османскую Порту, возвращение, которое падишах считал «важным и необходимым»[76].

После 1574 г. торговля мехами вступает в очередной период упадка из-за того, что регион на пути следования караванов был неспокоен по причине постоянных стычек между татарами и казаками. Осенью 1575 г. казаки под предводительством князя Богдана Ружинского громят Буджак и север Крыма, а татары нападают на польскую Подолию. В начале следующего года запорожские казаки продолжают свои опустошительные набеги на Буджак, сжигают Бендеры и разрушают Ислам-Кирман[77]. Крымские татары сжигают и вырезают Волынь весной 1577 г., в это же время запорожцы под предводительством Ивана Подковы еще раз захватывают Молдавию.

страны московитов (там же, XIV, hüküm № 575). См. также императорское послание от *джумада* I 978 (1–30 октября 1570) Девлет-Гирею (там же, XIV, hüküm № 723).

[74] Оба императорских послания датированы второй третью месяца *шевваля* 981 г.х. (2–12 февраля 1574 г.). Копии этих посланий находятся в Архиве Музея Дворца Топкапы, E. 2082 (хану) и E. 3227 (царю).

[75] Это выражение встречается в императорском послании Мурада III королю Польши Стефану Баторию, составленное во второй трети месяца *рамазана* 985 г.х. (21–30 ноября 1577 г.). В нем речь идет о возвращении Михаила через Польшу. Архив Музея Дворца Топкапы, E. 7707.

[76] См. Архив Музея Дворца Топкапы, там же.

[77] См. императорское послание султана Мурада III королю Польши от 25 *раби* I 984 г.х. (22 июня 1576 г.), предписывающее принять исключительные меры предосторожности для охраны вплоть до границ Московии придворных купцов, отправившихся в Москву (*Mühimme Defterleri*, XXV, hüküm № 418).

Только в 1578 г., когда твердая рука Стефана Батория усмирила, хоть и ненадолго, неугомонных казаков, и когда польско-татарский договор от сентября 1578 г. принес зыбкий мир на северные границы Османской империи, большие караваны османских купцов смогли вновь пуститься в путь к далекой Московии.

Первый караван вел очень важный персонаж, Махмуд, о котором мы узнаем из документов, что он был «владельцем зеамета»[78]. Ему пришлось выбрать морской путь между Стамбулом и Варной, затем по Молдавии и Буджаку достичь территории Крымского ханства и, наконец, через Киев и Чернигов добраться до Московии. Отправлению его каравана предшествовали, в месяце *джумада I* 986 г.х. (6 июля – 4 августа 1578) многочисленные султанские приказы и послания, рекомендующие Махмуда интендантам *(emin)* городов, находящихся между Стамбулом и Молдавией[79], воеводе Молдавии[80], крымскому хану[81] и королю Польши[82]. Всем было предписано не взимать пошлин и предоставить каравану необходимую охрану.

В императорском послании царю было рекомендовано оказать этому придворному купцу, «имеющему золотые монеты и одежды из императорской казны, посланному за мехом соболя», достойный прием и оградить его от любого нападения и от грубого обращения[83]. Кроме того, русские власти должны были передать ему товары, купленные другим придворным торговцем, скончавшимся в России, которые хранились в «караван-сарае» в Москве[84].

Составленное в том же году императорское послание Мурада III польскому королю позволяет нам представить трудности, с которыми сталкивалась османская казна в отношениях со своими не очень щепетильными придворными торговцами. Из этого послания, состоящего из настоятельных выражений, мы узнаем, что Михал, придворный торговец (мы уже упоминали о нем выше), поручил одному из своих компаньонов Андрию купить в России мех соболя. Андрия получил для этой миссии деньги в казне. На обратном пути из Москвы, находясь в Польше, он узнал о смерти Михала и предпочел скрыться с мехами. Порта послала в Польшу чавуша в сопровождении уполномоченного сына

[78] В приказе от 14 *джумада* II 989 г.х. [16 июля 1581 г.] знатным лицам *(ayan)* Польши (там же, XLII, hüküm № 175). [Зеамет – крупное ленное владение с годовым доходом от 20 000 до 99 999 акче (аспров). – *И.З.*].

[79] Там же, XXXV, hüküm № 178, *джумада* I 986 г.х. (6 июля – 4 августа 1578 г.).

[80] Там же, hüküm, №177, та же дата.

[81] Там же, hüküm, №180, та же дата.

[82] Там же, hüküm, №176, та же дата.

[83] Там же, hüküm, №174, та же дата.

[84] Там же, hüküm, №175, та же дата.

Михала и посыльного с султанским посланием, требующим немедленного ареста и доставки Андрии[85].

Возвращение Махмуда в Стамбул не обошлось без происшествий. В 1579 г. Стефан Баторий и шведы начали большое наступление на Московию, и турецкий караван должен был пройти через зону военных действий. Нам известно, что в 1581 г. Махмуд дошел до Стамбула, но ему пришлось оставить часть товара в Польше у неких знатных лиц. Из приказа *(hüküm)* Императорского Дивана знатным лицам Польши мы узнаем, что в 1581 г. Махмуд послал одного из своих доверенных лиц, Омера, в Польшу, чтобы он забрал мех соболя, который остался там на складах[86]. Видимо, Омер не справился со своей задачей, так как через несколько лет, в 1585 г., Махмуд сам вернулся в Польшу, чтобы забрать 114 дюжин шкурок соболя, которые он там оставил[87]. Другая партия товаров была отправлена Махмудом не через Польшу и Молдавию, а через Украину и Крым в порт Кафы. Из императорского послания королю Польши Стефану Баторию, мы узнаем, что по дороге казаки из Черкес-Кирмана (Черкасс) преградили дорогу каравану, увели рабов и женщин и разграбили товары[88].

80-е гг. XVI в. были отмечены явным улучшением политической и военной обстановки в Восточной Европе. В 1581 г. Ям-Запольское перемирие положило конец польско-русскому конфликту. Через два года Московия подписывает перемирие со Швецией. Политика экспансии, которую вел Иван IV на западе, потерпела крах, но короткий период мира, совпавший с царствованием весьма миролюбивого царя Федора (1584–1598) позволил Московскому государству «немного отдышаться». Даже татарские набеги стали редкими. Их совсем не было в 1583, 1585 и 1588 гг. Этот период будет использован Высокой Портой для направления в Москву двух больших [торговых] караванов.

Первый [караван] вышел из Стамбула летом 1585 г. и, вероятно, следовал туда и обратно по маршруту V (2) через Киев и Смоленск. Его вел христианин, возможно грек, Димитрий. Его отправлению предшествовали два дипломатических османских документа:

– императорское послание «королю Московии», датированное *шаабаном* 993 г.х. (конец июля – начало августа 1585), сообщало царю о прибытии придворного торговца «христианина Димитрия», которому было дано некоторое количество золотых монет и другие предметы для покупки мехов. В нем содер-

[85] См. императорское послание Мурада III Стефану Баторию от месяца *джумада* I 986 г.х. (6 июля – 4 августа 1578 г.) (там же, hüküm № 211).

[86] Послание знатным лицам Польши от 14 *джумада* II 989 г.х. [16 июля 1581 г.].

[87] См. императорское послание султана Мурада III королю Польши Стефану Баторию от *джумада* II 993 г.х. (1–28 июня 1585 г.) (там же, LVIII, hüküm № 308).

[88] См. императорское послание султана Мурада III королю Польши Стефану Баторию от 28 *сефера* 991 г.х. (23 марта 1583 г.) (там же, XLVIII, hüküm № 1018).

жалась просьба освободить Димитрия от выплаты пошлин и предоставить ему охрану для преодоления опасных участков[89];

– императорское послание королю Польши того же периода с просьбой об освобождении от выплаты пошлин и о предоставлении ему [Димитрию] охраны до границы с Московией[90].

Наконец, два приказа были посланы в это же время воеводам Молдавии и Валахии. Они требовали обеспечить безопасность каравана на пути туда и обратно[91].

Вероятно, торговая экспедиция Димитрия прошла без происшествий. В 1586 г. он уже вернулся в Стамбул.

Последний караван, о котором мы располагаем османскими документами, покинул столицу Османской империи в начале 1588 г. Судя по различным августейшим посланиям, это был, вероятно, самый большой из торговых походов османского двора второй половины XVI в. Предводителями каравана являлись очень высокопоставленные лица, *мютеферрика* двора Махмуд, и два *силяхдара* [придворное звание, дословно, оруженосец. – *И.З.*] – Мехмед и Халил, сопровождаемые множеством слуг, как мусульман, так и христиан. Военные действия между Польско-Литовским государством и Московией были приостановлены, и караван воспользовался маршрутом V (1): Стамбул – Эдирне – Молдавия – Аккирман – Киев – Смоленск – Москва или (Киев – Вязьма – Москва).

О прибытии придворных торговцев царю было сообщено в императорском послании от 18 *раби II* 996 г.х. (1 марта 1588 г.):

«Махмуд, *мютеферрика* Двора и мой торговец, так же как и мои другие купцы Мехмед и Халил, оба *силяхдары*, отправились в русскую страну с некоторым количеством золотых монет и других предметов, которые им дала государственная казна. Они посланы для покупки в вашей стране меха соболя и других товаров для нашего Двора.

Надлежит, чтобы по получении нашего послания и как только мои купцы купят мех соболя и другие товары, вы их освободили от всех пошлин, от всех налогов, как это вошло в традицию в наших странах. [Надлежит также], чтобы вы обеспечили их [купцов] безопасность, чтобы на обратном пути никто не нанес им вреда, ни им, ни их товарам»[92].

Спустя несколько месяцев, летом 1588 г., когда придворные купцы находились в Москве, Мурад III послал царю Федору свое второе послание, в котором потребовал возвращения имущества и товаров, оставленных на складах в Москве Рамазаном, уполномоченным османских купцов, скончавшимся в России:

[89] Там же, LVIII, hüküm № 506.

[90] Там же, hüküm № 507.

[91] Там же, hüküm № 508, приказ молдавскому воеводе; аналогичный приказ был направлен воеводе Валахии.

[92] *Mühimme Defterleri*, LXII, hüküm № 466.

«Часть этого имущества была арестована [московскими властями] под некими предлогами, что не соответствует традициям наших отношений. Необходимо, чтобы имущество, оставленное на складах Рамазаном и арестованное, было полностью возвращено моим торговцам. Вы должны проследить, чтобы никто не причинил им вреда и не придирался к ним, что было бы противным традициям наших двух стран, чтобы купцы могли спокойно путешествовать по вашей стране»[93].

Можно предположить, что купцы везли значительное количество ценных мехов, в которых султанский дворец крайне нуждался, так как обратное путешествие большого каравана было окружено исключительными мерами предосторожности и прошло без осложнений. Действительно, мы находим кроме обычного послания королю Польши с просьбой обеспечить купцам защиту [на отрезке пути] между границами Московии и Молдавии[94], два грозных повеления ответственным за безопасность каравана воеводе Молдавии[95], беям и *кади* населенных пунктов, находящихся между молдавской границей и Стамбулом[96]. В них говорилось о неизбежности строгих наказаний в случае нанесения ущерба торговцам или их товарам.

У нас нет документов, относящихся к периоду после 1588 г., но торговля пушниной не пришла в упадок, во всяком случае, при царе Федоре. Возможно, что после восшествия на престол Бориса Годунова (1598–1605), Османская Порта утратила свои позиции единственного покупателя московских мехов. Новый царь был действительно заинтересован в открытии московским торговцам новых рынков, которые им предоставлял Иран, и вероятно, что, по крайней мере, часть вывоза была переориентирована в Исфахан.

Очевидно, что торговля московскими мехами была полностью остановлена после смерти царя Бориса в период анархии, царившей в Смутное время с 1605 по 1614 гг. Однако, нам известно также, что караваны торговцев османского двора вновь отправились в Москву после окончания этого периода и прихода к власти династии Романовых.

Но из-за усиления военной мощи донских казаков и постоянного отсутствия безопасности на Украине, терзаемой казацкими войнами, маршруты по Дону и Днепру перестали использоваться. С тех пор османскими караванами чаще всего

[93] См. императорское послание «королю Московии» (царю Федору [Ивановичу]), от месяца *рамазан* 996 г.х. (25 июля – 23 августа 1588 г.) (там же, LXII, hüküm № 468).

[94] См. императорское послание королю Польши Сигизмунду III от 18 *раби* II 996 г.х. (17 марта 1588 г.) (там же, LXII, hüküm № 467).

[95] Послание падишаха воеводе Молдавии, без указания конкретной даты (*рамазан* 996 г.х. (25 июля – 23 августа 1588 г.) (там же, hüküm № 469).

[96] Приказ беям и кади населенных пунктов, расположенных между Молдавией и Стамбулом, от месяца *рамазан* 996 г.х. (25 июля – 23 августа 1588 г.) (там же, hüküm № 470).

используются крымские пути [Ш], проходящие по степям, расположенным между Днепром и Донцом.

Париж – Стамбул, 1970 г.

Приложения

I

Императорское послание султана Селима II крымскому хану Девлет-Гирею

Его Величеству, которому было присвоено княжество и даровано правление, имеющему счастье быть во главе государства, обладающему совершенством прекрасного характера и действующего полновластно, щедрому на дары и милости Девлет-Гирею, да поможет ему Аллах, – пусть его достоинство будет вечным! – наше приветствие, благоухающее амброй и нарциссом.

Михал, один из торговцев нашего Императорского Двора, предъявитель полновластного и величественного приказа, образец благородных христианской нации, направляется в Московию для покупки меха соболя и других товаров, предназначенных для нашего Императорского Двора. Эта миссия очень важна и необходима [для нас]. Поэтому он должен добраться в полной безопасности до названной страны.

Когда предъявитель нашего приносящего радость послания – названный купец прибудет [к вам], надлежит, чтобы, соблюдая обычаи, [действующие] с давних времен, и согласно верности и преданности, которые вы всегда проявляли к нашей Счастливой Порте, вы сделали все необходимое и послали для его сопровождения охрану, дабы он смог добраться туда [в Московию] в целости и сохранности и вернуться оттуда к нашему Блистательному Порогу.

Написано в середине месяца шевваль года 981
[2–12 февраля 1574 г.].
В нашей Богохранимой резиденции Константинополе

TSMA, E. 2082

II

Императорское послание султана Мурада III королю Польши Стефану Баторию

Гордость великих христианских князей, посланник прославленных великих людей христианского общества, распорядитель государственных дел христианских наций, несущий свой шлейф с величием и достоинством и обладающий знаками славы и гордости король страны Польши, Стефан Баторий, – да окончатся его дни во благе!

По достижении Вас [сей] блистательной императорской печати да будет ведомо, что мы – порог убежища процветания, врата полного счастья, пристанище самых могущественных султанов, убежище хаканов и воинов, столь же многочисленных, сколь и звезды. Один из торговцев нашего Дома, Михал, образец благородных христианской нации, предъявит данный императорский указ, обязательный для всех. Мы отправляем его в Московскую страну. Он снабжен средствами из нашей казны, чтобы купить и привезти мех соболя и другие товары исключительного качества и редчайшего выбора, достойные нас.

Его приезд очень важен и необходим. В свое время наш отец, – да будет земля на его могиле чиста и легка, и да пребудет он в раю! – снабдил его императорской грамотой о важности и необходимости его прибытия: вот почему он просил у нашей милости послать еще одно императорское послание [о его полномочиях].

Как только наше ознаменованное счастьем послание достигнет Вас, надлежит, чтобы [Вами] были направлены [надежные] люди для обеспечения благополучного и безопасного приезда сюда вышеуказанного торговца, в соответствии с Вашим постоянным искренним почтением к Порогу нашего вечного процветания и несокрушимой чести. Пусть также будут сделаны похвальные усилия для обеспечения его возвращения к нашему обиталищу счастья.

Написано во второй трети священного месяца рамазан года 985
[21 ноября – 1 декабря 1577 г.].
В нашей Богохранимой резиденции Константинополе

TSMA, E. 7707

Александр Беннигсен
Жиль Вайнштейн

Большая Ногайская Орда и торговля в Причерноморских степях (конец XV в. – 1560-е гг.)*

Ослабление и раздробление Монгольского Улуса и Золотой Орды основательно меняют условия для политических и экономических контактов в Дешт-и Кипчаке. Возникают новые мощные силы, затягивающие под свое влияние другие государства, они присоединяют их к себе через политические и экономические связи: в результате этого формируются неустойчивые коалиции, соперничающие между собой за монгольское наследие. В эту сложную систему альянсов и оппозиций входят Польско-Литовское государство, Москва, Османская империя, господствовавшая над Черноморским побережьем благодаря победам Мехмеда II и Баязида II, а также государства, отколовшиеся от самой Золотой Орды: Казанское, Астраханское, Крымское ханства и Большая Ногайская Орда. Последняя из названных государств историками в расчет не принималась и не признавалась[1]. Поэтому в данной статье мы хотели бы привлечь внимание к изменениям в истории ее торговых отношений, происходившим в период с конца XV в. до 1560-х гг. Мы попытаемся показать, что имевшей место во второй половине указанного периода экономической зависимости Большой Ногайской Орды от Москвы предшествовала аналогичная зависимость Орды от Османской империи.

В этот период Большая Ногайская Орда являлась крупным союзом племен, обширная территория которого простиралась от Азовского моря, долины Кубани и кабардинской земли на западе до Аральского моря на востоке, доходя до устья Терека на юге и до края больших лесов на севере. Основанный в XIII в., в середине XV в. этот союз представлял из себя очень сильное государство

---

* *Bennigsen A., Veinstein G. La Grande Horde Nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XVe siècle – 1560) // Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071–1920. Ankara, 1980. P. 49–63.*

[1] Недавно в специальной статье мы предприняли исследование политической ситуации в Ногайской Орде и ее отношений с Османской империей и Москвой в период завоевания Казанского и Астраханского ханств русскими: *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* La Grand Horde Nogay et le probleme des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'etudes turques. T. VIII/2. Paris–Strasbourg, 1976. P. 203–236. [Тезис о забвении Ногайской Орды со стороны историков (ср. также следующий абзац о необходимости написать ее историю) в настоящее время после выхода в свет монографии В.В.Трепавлова «История Ногайской Орды» (М., 2001), разумеется, уже устарел. – *И.З.*].

монгольской традиции, имевшее бюрократический аппарат. Государством правил верховный правитель – бег [бий]. Ему помогали калга, нурадин, кейковат и тайбуга, а также аристократия из мирз, все из которых являлись потомками Эдиге. Это государство, историю которого еще предстоит написать, в то время составляло основную военную мощь региона. Оно могло одновременно выставить несколько десятков, а то и сотен тысяч всадников[2], как в битве на Ворскле в 1399 г., в которой ногайское войско, разбив Витовта, похоронило его претензии на литовскую гегемонию [над Золотой Ордой]. Ногайская Орда сыграла решающую роль и в 1481 г., когда ей удалось разгромить Золотую Орду и убить хана Ахмеда. Позднее, во второй половине XVI в., Орда распадается и вследствие этого утрачивается ее былое величие[3]. Впрочем, существование Орды в

[2] В XV и еще в XVI вв. Орда могла выставить значительное количество всадников, намного большее, чем большинство соседних оседлых государств. Определить абсолютно точное их количество, впрочем, невозможно. Вместе с тем следует отметить, что указанные князем Юсуфом в послании царю Ивану IV от 24 октября 1551 г. цифры значительны, несмотря на их явное преувеличение. Ногайский предводитель хвалился, что может выставить одновременно войско в триста тысяч всадников, к которым он добавлял армии своих восьми сыновей, каждая из которых была в десять тысяч человек, то есть всего триста восемьдесят тысяч человек. В другом послании, доставленном в Москву 31 мая 1552 г., он же говорит о своей мангытской армии из ста тысяч человек (ПДРВ, т. IX, с. 1). С другой стороны, брат и преемник Юсуфа, Исмаил, в грамоте, доставленной в Москву 15 декабря 1553 г., со своей стороны упоминает армию в двести тысяч всадников (там же, с. 110). [Речь идет о грамоте князя Юсуфа, привезенной послом Байбахтыем «с товарищи» 14 октября в Москву и переданной царю 24 октября 1551 г. (см.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 75), вторая грамота князя Юсуфа была доставлена в Москву 23 мая 1552 г. послом Янмагметем «с товарищи» и передана 31 мая царю Ивану IV, как это было принято, через дьяка И.М.Висковатого (см. там же л. 112об.). Грамота Исмаила мирзы была привезена 15 декабря послом Темирем «с товарищи» и 17 декабря 1553 г. передана царю (см. там же, л. 197). – *Д.М.*].

[3] Распад [Ногайской] Орды повлечет за собой постепенное обустройство некоторых из ее элементов на территориях, относящихся к Крымскому ханству и к Османской империи. В 1549 г., после смерти верховного правителя [Ногайской] Орды Шейх-Мамая, потомки его племянника и его предшественник, Сеид Ахмед, под предводительством его внука Гази [Гази б. Урак б. Алчагир, Казый Ураков русских источников. – *И.З.*], отказываясь признавать нового предводителя Юсуфа, переселяются сначала к кубанским черкесам, затем в район Азака, где они попали под защиту крымского хана и османского правителя Азака. С тех пор этот юрт будет известен как «Малая Ногайская Орда» (Казыевская орда [точнее – Казыев улус. – *И.М.*] русских источников). [Из последних работ о Казыевом улусе см.: *Трепавлов В.В.* Казыев улус – рудимент кочевой цивилизации на Северном Кавказе // Medieval Nomads. First International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. May 11–16, 2004. Szeged. P. 23–24. – *И.З.*]. К 1557 г. к Малым Ногаям присоединятся многочисленные ногайские мирзы, в частности, изгнанные из Большой Ногайской Орды прорусской фракцией князя Исмаила дети князей Юсуфа и Шейх-Мамая, которые также усилят военный потенциал крымского хана (см.: *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.*, op. cit., p. 208 – 209 et n. 8; грамота

качестве сильного и престижного государства было возможно лишь благодаря внешней поддержке. В экономическом плане ногаи имели ценные ресурсы в виде лошадей, быков и овец, исключительное качество и огромное изобилие которых отмечали очевидцы из иностранцев; эти кочевники[4] имели обменную монету, но она им больше нужна была для всего остального: они платили за иностранный ввоз.

Конкретное подтверждение указанной ситуации мы находим в документах русских архивов, относящихся к «Ногайским делам»[5], которым исследователи

Исмаила царю от 22 июня 1556 г. (ПДРВ, т. X, с. 11) [Речь идет о грамоте князя Исмаила об отъехавших в Крым мирзах, она была доставлена 8 декабря 1555 г. в Москву послом Байтереком и Тинишом (см.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 352–352об.)], а также грамота главы русского посольства Мальцова к Исмаилу, доставленная в Москву 1 сентября 1558 г. (ПДРВ, т. X, с. 17) [эту грамоту Е. Мальцова доставил его сын Владимир (см.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 5. Л. 83об.–84). – *Д.М.*]. Наряду с этим, в ходе повсеместного раздробления улусов, другие мирзы присоединяются к казахскому царю (*«приложилися к казатцкому царю»*), грамота Исмаила от 27 июля 1557 г., (ПДРВ, т. IX, с. 282–283) [грамота была доставлена 26 июля послом Таузаром в Москву и 1 августа передана царю (см.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 5. Л. 32об.–33). – *Д.М.*]. Великий голод, обрушившийся в 1560 г. на кочевавшие между Доном и Волгой улусы Больших Ногаев, вытолкнул голодающие племена к османской территории Буджак и до границ Молдавии. Множество документов из *Mühimme Defterleri* («Реестров важных дел»), хранящихся в Османском архиве, упоминают это перемещение (см.: *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere lithuanien du XVIe siècle: le prince Dimitrij Visneveckij et l'origine de la Seč Zaporogue d'après les Archives ottomanes // CMRS, X/2, Paris-La Haye, 1969, p. 271 et n. 5). Позднее, до продвижения калмыков в начале XVII в., жители Большой Ногайской Орды, перейдя через Волгу, вынуждены были бежать к западу; часть улусов к 1640 г. оказалась под протекцией крымского хана и растворилась в Малой Ногайской Орде.

Миграция улусов Большой Ногайской Орды на запад, конечно, составила новую и большую главу в отношениях между османами и ногаями (что и было проиллюстрировано в начале XVII века Кантемиром, предводителем клана Мангыт). Однако остающийся за рамками данной работы период, на протяжении которого ногаи являлись своего рода подданными крымского хана и османского султана, следует отличать от более раннего и современного величию Орды. Изучению этого более раннего периода истории Ногайской Орды посвящена вторая часть данного исследования.

[4] Кроме отдельной небольшой группы оседлых земледельцев, живших в нижнем течении р.Урал (Яик), ногаи были кочевниками, разводили скот и лошадей: зимой их племена кочевали на побережье Каспийского моря, а летом поднимались до долины Камы и Западной Сибири. Отметим однако, что позднее, после 1556 г., раздробление Орды, кажется, совпадает с фазой деномадизации (прекращения кочевого образа жизни); см. грамоту Исмаила царю, доставленную 29 ноября 1558 г.; автор описывает свирепствующий тогда голод и заявляет: «у нас много людей некочевников» (ПДРВ, т. X, с. 40–41) [В оригинале: *«а людей некочевных у нас много»*. См.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 5. Л. 99об. – *Д.М.*].

[5] «Ногайские дела» за 1489–1521 гг., в которых речь идет об отношениях между Московией и Ногайской Ордой, а также между Крымом и Османской империей, были опубликованы с примечаниями и комментариями в Сборнике Императорского Русского

не придавали значения, хотя они и были опубликованы ранее (частично уже в конце XVIII в.). До 1534 г. источниковые материалы фрагментарны, но для периода с 1534 по 1575 гг. полны, детальны и позволяют проследить год за годом торговлю, осуществлявшуюся между ногаями и Москвой. Торговые связи между ними установились в середине XV в. и мы знаем, например, что итальянец Амброджо Контарини присоединился в 1476 г. к конному каравану, отправившемуся из Астрахани в Москву[6]. Однако торговые отношения стали значимыми для обеих сторон только в 1520-х гг. и продолжали крепнуть вплоть до 1556 г. Затем, после 1560 г., они заметно ослабли. Это совпало с ослаблением самой Орды. По правде говоря, все это касается официальной стороны торговли, той, что отражает не деятельность частных купцов, а лишь отношения между правителями: несколько раз в год послы бия и различных ногайских мирз отправлялись в Москву. Для этого они шли двумя караванными путями, соединявшими территорию Ногайской Орды и центральную Россию, оба пути ис-

Исторического Общества (СИРИО), тома 41 (1489–1505) и 95 (1508–1521). СПб., 1884 и 1895. Что касается «Ногайских дел» за 1534–1575 гг., содержащих переписку между царем и ногайскими мирзами, то они были опубликованы Новиковым в его «Продолжении древней российской вивлиофики». См. выше и ниже: ПДРВ, т. VII–XI, Санкт-Петербург, 1791–1801 (переизд. Mouton, 1970). Документы ногайских архивов после 1575 г. и [материалы] московских архивов после 1521 г., касающиеся Крымского ханства (*Крымские дела*) и Османской империи (*Турецкие дела*), опубликованы не были и, по нашим сведениям, недоступны для иностранных исследователей. [К настоящему времени часть ногайских посольских книг опубликована. См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. – *Д.М.*].

Из имеющихся в нашем распоряжении русских источников мы можем извлечь много ценной информации не только о дипломатическом и политическом, но и о торговом аспекте отношений между Москвой и Ногайской Ордой; однако необходимо отметить их ограниченность. Что касается вывозимых ногайских товаров, то русские источники позволяют точно определить лишь число поставок лошадей, осуществленных в ходе ногайских посольств в Москву, но цифры поставок в Москву, Казань и т.д. скота (быков и овец) указываются редко. В них также отсутствует информации о других товарах, вероятно, вывозимых ногаями, а также товарах, поставляемых в частном порядке, вне рамок государственной торговли. Кроме того, данные источники не содержат никакой информации о закупках ногайских торговцев во время их пребывания в Москве, кроме тех редких случаев, когда этих торговцев грабили казаки при возвращении первых из Москвы. Зато эти источники содержат очень точную информацию о запросах подарков, адресовавшихся царю ногайскими мирзами. Благодаря этому мы узнаем, чего не было у ногаев и чего они ждали из-за границы, не будучи, впрочем, в большинстве случаев уверены в том, в какой мере эти ожидания будут удовлетворены.

[6] Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 196.

пользовались зимой, когда реки покрывались льдом. Первый из этих путей, проходивший по долине Волги, вряд ли часто использовался ногаями, которые предпочитали степные дороги. Однако русские, желавшие осуществлять контроль в Нижнем Новгороде, казалось, пытались способствовать его использованию в XV в.: грамота великого князя Ивана III «царю Иваку», верховному правителю Ногайской Орды, содержит требование, чтобы ногайские послы воспользовались исключительно волжским путем, проходившим через Казань и Нижний Новгород[7].

Но в следующем [XVI] веке данный путь оказался почти полностью заброшенным. С этого времени ногайские караваны поднимались вдоль левого берега Волги до того места, где Волга максимально приближается к Дону*. Они переходили через реку (в основном зимой), затем шли по Дону, пересекая его притоки Медведицу и Хопер, доходили почти до Воронежа и Рязани. И, наконец, пересекали Оку в Касимове (кстати, по этому же пути ногайские армии совершали свои походы на Московию). Не имевшие речного флота ногаи никогда не пользовались речным путем. Однако русские архивы иногда упоминают «астраханские корабли», принадлежавшие, очевидно, астраханскому хану[8]. Кроме того, русские суда отправлялись в Ногайскую Орду, причем после взятия Астрахани в 1556 г. их число возросло. На судах перевозили большие объемы продовольственных товаров (в особенности зерно, муку, крупу и другое продовольствие), а после прибытия на место суда продавали в качестве строительного леса[9].

[7] СИРИО, т.41, док.23, с. 80–87.

* Район т.н. Переволоки. – *И.З.*

[8] См., например, грамоту Севастьяна, русского посла в Астрахани, царю от 24 апреля 1552 г., свидетельствующую о разграблении астраханского корабля казаками: ПДРВ, т.VIII, с. 325. [Речь идет о нападении на судно астраханского царя Ямгурчи и Асантая «с товарищи», возвращавшихся из Казани в Астрахань (см.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 99об.–100). – *Д.М.* Подробнее о кораблестроении в низовьях Волги в указанный период см.: Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 221–223. – *И.М.*].

[9] Множество документов русских архивов подтверждает подобное использование разобранных лодок в качестве строительного леса. Например, грамота бия Орды Исмаила царю (24 ноября 1557 г.) [По всей видимости, авторы имеют в виду грамоту Исмаила, доставленную в Москву 30 октября послом Бекчурой и 7 ноября 1557 г. переданную посольскому дьяку И.М.Висковатому. Однако в грамоте речь идет лишь об отпуске «естовных» судов, присылке мастеров и соснового леса (см.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 5. Л.43–44.). Правда, прибывшие 10 сентября 1557 г. в Москву ногайские послы Бекчура «с товарищи» 14 сентября передали казначеям для перевода и пересылки отсутствовавшему в столице царю грамоту, в которой Исмаил просил прислать к нему пять или три судна с хлебом и оставить им эти суда (см. там же, л. 90об.). В грамоте, привезенной 22 сентября ногайским послом Темирем в Москву и 3 октября 1558 г. переданной посольскому дьяку И.М.Висковатому, Исмаил просит отдать ему суда, как это делалось прежде (см. там же, л. 131об.). – *Д.М.*]; отметим, что такая практика на Днестре под-

Нельзя не признать, что эти маршруты, связывавшие ногаев и русских, имели некоторые «небезопасные зоны», которые приводили к нестабильности торговли: до взятия Астрахани и установления контроля русских над волжской долиной. На реке хозяйничали волжские казаки – пираты, не признававшие ничью власть, перемещавшиеся на своих быстрых судах, нападавшие и разорявшие всех торговцев; множество документов свидетельствует об их достаточно опасной активности, что приводило в отдельные периоды времени к абсолютной невозможности навигации для одиночных судов. Так, в апреле 1552 г. Севастьян, русский посол при астраханском хане, писал царю, что «купцы» (намек на ногаев и астраханских татар) не осмеливаются больше отправляться в Москву из-за опасения нападений казаков[10].

Между 1552 и 1556 гг., как мы узнаем из документов «Ногайских дел», правители Москвы приняли необходимые меры для очистки Волги от этих пиратов. В январе 1553 г. царь смог написать бию Исмаилу, правителю Большой Орды, и пригласить ногайских торговцев начать торговлю во вновь завоеванной Казани: «мы прогнали казаков с Волги, чтобы никто не мог навредить вашим улусам, вашим послам и вашим гостям» [В оригинале цитата такова: «А мы ныне с Волги своих казаков всех велели свести, чтобы вашим улусом и вашим послом и гостем лиха не делали». – *Д.М.*][11]. На следующий год царь писал тому же Исмаилу: «те из казаков, которые грабили ваших гостей, были нами казнены в присутствии ваших послов… что же касается тех, кто еще прячется на Волге, мы пошлем против них многочисленные войска, как только лед растает, чтобы уничтожить их на месте» [В оригинале цитата такова: «А которые казаки на Волге гостей ваших грабили и били, и мы тех казаков перед вашими послы велели казнити. А которые вперед учнут на Волге стояти, и послом и гостем лихо делати, и мы тех так же велим казнити. А которые казаки ныне от нас бегают и хоронятца на Волге, и как лед проидет, и мы на тех посылаем многих своих людеи и велим их там побити, чтобы лихих людеи меж наших земель не было» (см. РГАДА. Ф.127. Кн.4. Л.209–209об.). – *Д.М.*][12].

тверждается османским таможенным регламентом Бендер (по-румынски Tighina) за 1566–1567 гг. (*BOA, Tapu ve tahrir*, №. 483, с. 21).

[10] Грамота царю от 24 апреля 1552 г. (ПДРВ, т. VIII, с. 326). [Речь идет о грамоте Севастьяна, адресованной не царю, а дьяку Посольского приказа Ивану Михайловичу Висковатому; написана она была не ранее 25 января 1552 г. А 24 апреля указанного года были присланы из Темникова в Москву вернувшиеся из Ногайской Орды от кн. Исмаила служилый татарин Б.Кииков, вож С.Ордазаев и семеро ногайских гонцов, надо полагать, с данной грамотой (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 97–97об.). – *Д.М.*].

[11] Грамота царя Ивана Исмаилу, 23 января 1553 г. (ПДРВ, т. IX, с. 65). [Грамота была написана в январе 1553 г., 23 января состоялся прием послов, на котором им объявили об отпуске в Ногаи (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 156об., 161). – *Д.М.*].

[12] Грамота царя Ивана Исмаилу, 26 января 1554 г. (ПДРВ, т. IX, с. 121). [Речь идет о словах, которые должен был устно произнести глава посольства Николай Иванович Бровцын, о направлении которого к кн. Исмаилу царь принял решение 22 января, а

Территория, расположенная западнее Казани, между Казанью и Нижним Новгородом, представляла собой вторую опасную зону. Она была населена отюреченными и обращенными в ислам финнами-мишарями (по-русски *мещера*, по-татарски *мишар*). Они не подчинялись власти казанского хана, напротив, еще до завоевания ханства составляли что-то вроде пограничного «казацкого» населения, аналогичного тем «линейным казакам», которые жили в достаточно неопределенной зависимости от русских воевод Нижнего Новгорода и нападали, в принципе, лишь на нерусских торговцев. Впрочем, многочисленные жалобы ногайских мирз позволяют предположить, что именно мещерские «разбойники» закрывали наземный путь вдоль Волги для ногайских караванов[13].

Третья небезопасная зона находилась в верховьях Дона, в районе Воронежа. Где обосновались донские казаки, сумевшие избежать, по крайней мере, вначале, всякого контроля со стороны Москвы. Сопровождаемые караванами торговцев ногайские послы в начале XVI в., проходя через степи, подвергались атакам казаков недалеко от Воронежа. Жалобы ногайских мирз, упрекавших царя в попустительстве своим «холопам» в верховьях Дона, составляли фон всей дипломатической переписки между Москвой и ногаями[14].

---

26 января ногайские послы Темир и Енай были приведены к шерти, т.е. дали клятвенное обещание на аудиенции у царя, что проводят посольство к кн. Исмаилу в целости и сохранности, не подвергая унижениям и грабежу. (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 203об., 204об., 209–209об., 219–219об.) Аналогичного содержания слова присутствовали в письмах к Юнус мирзе (л. 230об.), к Касаи мирзе (л. 234), к Белек Булат мирзе (л. 238), к Аисе мирзе (л. 239–239об.) от января 1554 г. – *Д.М.*].

[13] См., например, грамоту мирз Келмехмета и Касая царю, 22 июня 1538 г. (ПДРВ, т. VIII, с. 50–51 и 111–112). [Речь идет о грамотах, написанных в апреле 1538 г., а 22 июня 1538 г. вместе с казаками К. Кудиновым «с товарищи» в Москву приехали послы от Кошума (Кошмагмета) и Келмагмета, доставившие письма. О бесчинствах городецких казаков говорилось в письме Келмагмета (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 2. Л. 192), упоминалось в наказе, данном Якову Кашинцову, отправленному к кн. Шеидяку (там же, л. 208об.–209). Реакция на отмеченные жалобы на мещеряков=городецких казаков нашла отражение и в письме Ивана IV к Келмагмеду (там же, л. 230–230об.). – *Д.М.*].

[14] См., например, жалобы мирзы Юсуфа, предводителя Большой Орды царю от 28 июля 1549 г. и от 9 декабря 1549 г., мирзы Юнуса, сына Юсуфа, от 1 ноября 1549 г. (ПДРВ, т. VIII, с. 147–148, 174–177, 187–188). [Жалобы Юсуфа были изложены во втором из двух писем, доставленных 18 июля 1549 г. в Москву гонцом Байсунгуром «с товарищи». В ходе приема 20 июля письма были переданы Ивану IV, следовательно, написаны были не позднее июня, 11 августа 1549 г. гонцы уехали обратно. Очередное письмо от Юсуфа было доставлено в Москву послом Исергепом «с товарищи» 9 октября, а не декабря, и 13 октября передано царю. Как видно из текста самого послания, написано оно было в августе (см. РГАДА.Ф. 127. Кн. 3. Л. 104–105, 124–126об.). Письмо от Юнуса мирзы было доставлено также 9 октября (см. там же, л. 133об.–134). – *Д.М.*].

Царь, отказываясь от всякой ответственности, систематически отвергал эти обвинения под тем предлогом, что донские казаки не подчиняются его власти, будучи по сути «лихими людьми разных государств»[15].

Ногайские послы, использовавшие эти пути и сталкивавшиеся с отмеченными препятствиями, были одновременно и купцами – по монгольской системе ортаками или ордобазарцами, хотя иногда к ним присоединялись и частные торговцы, ибо русские источники в некоторых случаях различают понятия «послы» и «купцы» (*гости*)[16].

В то время как для Казани, Бухары[17] и Ургенча предназначались в основном овцы, лошадей же ногайские послы направляли в Москву. В их числе были породистые, высоко ценившиеся верховые лошади, называемые «аргамаками»

[15] Грамота царя мирзе Юсуфу, июль 1549 г. (ПДРВ, т. VIII, с. 153–154.). [Речь идет о грамоте Юсуфу, написанной в августе 1549 г. и отправленной в Ногайскую Орду с гонцом Кадышем Кудиновым «с товарищи» (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 3. Л. 109.). – *Д.М.*].

[16] Например, в мае 1553 г., ногайское посольство насчитывало 13 послов и 1000 гостей (ПДРВ, т. IX, с. 72); в декабре 1555 г., 1500 послов и гостей (*там же*, т. IX, с. 208), в январе 1556, 500 послов и гостей (там же, т. IX, с. 218) [В мае 1553 г. имело место два ногайских посольства: в первом было 5 послов и 500 гостей и их людей с 3000 лошадей (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 171об.), во втором 13 послов и 1000 гостей с 7000 коней (см. там же, л. 166). В декабре 1555 г. на Москву был пропущен лишь один из караванов, состоявший из 1000 чел. послов, гонцов и гостей с 20 тыс. лошадей и 4 тыс. овец (см. там же, л. 300), второй, в котором насчитывалось 1500 послов и гостей с 20 тыс. лошадей и 20300 овец, был задержан воеводой кн. П.И.Шуйским в Казани, где купцов обязали распродать всех животных (см. там же, л. 350об.). О прибывших в январе 1556 г. см. там же, л.358об.). – *Д.М.*].

[17] Русские источники, как мы уже упоминали, дают нам очень редко указания на ногайские закупки, кроме лошадей. Однако мы узнаем, что в декабре 1555 г., например, караван, направляющийся в Москву, ведомый ногайскими послами, останавливается в Казани и продает там 20 300 баранов (ПДРВ, т. IX, с. 208, см. таблицу) [В посольских книгах написано: «А всех послов и гостеи 1500 человек, а лошадеи с ними 20000, а овец 20300 овец. И гостем всем велели торговати в Казани, а Баитерека с таварищи 3-х человек отпустили к Москве ноября же.» (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 350об.). Следовательно, высказанный авторами тезис о том, что лошадей ногайских обязательно продавали лишь в Москве, а овец только в Казани, может быть подвергнут сомнению. – *Д.М.*]. Исмаил, глава Большой Ногайской Орды, писал в грамоте, адресованной думному дьяку Ивану Висковатому 23 января 1555 г.: «мы продаем наших лошадей в Москву, а наших овец в Казань» (там же, т. IX, с. 168–169) [В оригинале цитата такова: «с коньми бы гости наши ходили к вам, а с овцами бы ходили в Казань». Как видно из приведенного текста, Исмаил высказывает пожелание, а не констатирует характер практики торговых операций. Тем более, что в этом письме заключалась просьба о разрешении возобновления (!) торговли в Казани, которая фактом завоевания вошла в состав Московского государства. Он просит: «…поволил еси нам дорогу казанскую, чтобы гости наши туда ходили… и торг бы нам казанскои ослободил». И даже согласен торговать в Казани лишь овцами, а конями – в Москве. Послы Исмаила прибыли 23 января в Москву, и 26 января передали доставленные грамоты (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 260). – *Д.М.*].

или небольшие, самые обычные, но выносливые ногайские лошади[18]. Кони для верховой езды отвечали имперским нуждам Московского государства, которое хотело создать кавалерию, способную противостоять противникам: Польско-Литовскому государству, рыцарям-меченосцам, Швеции и, в особенности, Крымскому ханству на юге. Поэтому поголовье ногайских лошадей, проданных в Москву ортаками, было впечатляющим. По подсчетам М.Фехнер, оно достигало в среднем десяти тысяч голов в год в первой половине XVI в.[19], но, по-видимому, в отдельные годы эта цифра существенно возрастала, как можно увидеть из следующей таблицы[20].

[18] Цены на лошадей значительно варьировались в зависимости от их породы: в 1516 г. аргамак, купленный в Кафе для великого князя Василия III стоил 130 золотых рублей (около 260 турецких алтын), в то время как в 1593 г. обычная ногайская лошадь будет куплена монахом Соловецкого монастыря за 4 золотых рубля, то есть за 8–10 турецких алтын. См.: *Фехнер М.* Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 95. Отметим, что в 1552 г., [Ногайская] Орда продала в Москву 25 000 лошадей, что представляло собой значительную сумму в примерно 100000 золотых рублей (около 200 000 турецких алтын).

[19] *Фехнер М.* Указ. соч. С. 94–95.

[20] Данные, приведенные авторами статьи в таблице, нуждаются в уточнении. По материалам посольских книг в состав второго посольства, прибывшего в октябре 1548 г. во главе с Тягрибердеем, входили 30 послов; информация о гостях и конском поголовье отсутствует. В таблице не нашло отражения посольство, прибывшее в Москву 1 ноября 1548 г. в составе 80 человек послов, 30 гонцов, 450 гостей, пригнавших 16 тысяч коней. В мае 1551 г. в Москву прибыло два ногайских посольства. В первом было 242 посла и гостя с 1006 лошадьми, во втором – 892 посла и купца с 5750 лошадьми. В июле 1551 г. 19 гонцов сообщили о приходе 1305 человек послов, гонцов, гостей и их людей со 10 500 лошадьми. В таблице отмечены три случая пригона коней в апреле 1552 г., тогда как в посольских книгах приведена информация о двух посольствах в апреле и одном – в мае. 9 гонцов сообщили в апреле о посольстве, прибывшем 29 мая в Москву. Оно состояло из 300 послов (в таблице 200), гонцов и гостей пришли с 3 тысяч голов коней. В 1553 г. был зафиксирован приезд 4 посольств, соответственно двух в мае и по одному в августе и ноябре. При этом в мае сначала 13 послов и 1000 гостей пригнали 7000 коней, затем – 5 послов, 500 гостей и их людей пригнали 3 тыс. коней. В августе же 1553 г. 270 послов и гостей пришли с 1000 лошадьми, а в ноябре 1553 г. 400 послов, гостей и их людей прибыли с 3 тысячами лошадей. В 1555 г. коней пригоняли пять раз: в январе, в апреле (дважды), в ноябре и декабре, а посольств было шесть. В таблице не отражен приезд в апреле 15 человек со 150 лошадьми, приезд в апреле же 50 человек с 300 лошадьми, а также приезд в ноябре 1555 г. 1000 послов, гонцов и гостей с 20 тыс. коней и 4 тыс. овец. См.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 2. Л. 113. Кн. 3. Л. 4, 9, 13об., 16об., 99, 135. Кн. 4. Л. 1об., 5об., 28, 58об., 63об., 71об., 97об., 109об., 121–121об., 130–130об., 136, 136об., 150, 166, 171об., 181об., 192об., 245, 256, 300, 350об., 358об., 373. Кн. 5. Л. 27об. – *Д.М.*

Экспорт ногайских лошадей в Москву между 1536 и 1557 гг.

Дата	Послы и купцы	Количество лошадей	Источник (ПДРВ)
октябрь 1536 г.	60 послов	500	т. VII, с. 317
июнь 1538 г.	100 купцов	2000	т. VIII, с. 50–51
октябрь 1548 г.	1 посол и 50 купцов	200	т. VIII, с. 83
октябрь 1548 г.	1 посол и 30 купцов	1800	т. VIII, с. 86
октябрь 1548 г.	400 купцов	2000	т. VIII, с. 92
Всего за 1548 г.		4000	
июль 1549 г.	70 послов и 200 купцов	3000	т. VIII, с. 141
октябрь 1549 г.	70 послов и 430 купцов	4000	т. VIII, с. 189
Всего за 1549 г.		7000	
май 1551 г.	892 посла и купца	5750	т. VIII, с. 223
июль 1551 г.	19 послов и 1305 купцов	10050	т. VIII, с. 249
август 1551 г.	750 послов и купцов	7000	т. VIII, с. 289
сентябрь 1551 г.	250 послов и купцов	2000	т. VIII, с. 293
сентябрь 1551 г.	500 послов и купцов	2000	т. VIII, с. 301
Всего за 1551 г.		26800	
апрель 1552 г.	700 послов и купцов	8000	т. VIII, с. 323
апрель 1552 г.	200 послов	3000	т. IX, с. 1
апрель 1552 г.	100 послов и 1500 купцов	10000	т. IX, с. 16
июнь 1552 г.	140 послов и купцов	700	т. IX, с. 28
сентябрь 1552 г.	300 послов и купцов	2500	т. IX, с. 35
сентябрь 1552 г.	140 послов и купцов	500	т. IX, с. 35
октябрь 1552 г.	150 послов и купцов	500	т. IX, с. 51
Всего за 1552 г.		25200	
май 1553 г.	13 послов и 1000 купцов	7000	т. IX, с. 72
август 1553 г.	500 послов и купцов	3000	т. IX, с. 79
ноябрь 1553 г.	400 послов и купцов	3000	т. IX, с. 105
Всего за 1553 г.		13000	
январь 1555 г.	350 послов и купцов	2500	т. IX, с. 62
декабрь 1555 г.	1500 послов и купцов	20000 (+20300 овец)	т. IX, с. 208
Всего за 1555 г.		22500 (+20300 овец)	
январь1556 г.	500 послов и купцов	3000	т. IX, с. 218
декабрь 1556 г.	670 послов и купцов	7000	т. IX, с. 238
Всего за 1556 г.		10000	
июль 1557 г.	340 послов и купцов	2000	т. IX, с. 281
октябрь 1557 г.	30 послов и купцов	150	т. IX, с. 295
Всего за 1557 г.		2150	

Такие крупные поставки делали Москву единственным рынком сбыта большого количества ногайских лошадей, что исключало других возможных покупателей – Крым, Бухару или Османскую империю (через Азак).

Таким образом, ногайские посольства в Москву часто имели вид огромных караванов: например, караван, пришедший в декабре 1555 г., состоял из 1500 послов и гостей, 20 000 лошадей и 20 300 овец[21]. Торги проходили только в Москве, где послы были освобождены от налогов и жили в особых караван-сараях на Ногайском дворе. Они жили там около месяца, питаясь за счет московского правительства и получая содержание (*жалованье*). По прибытии и перед отправлением царь лично принимал этих уважаемых людей и приглашал их на обед. Случалось, впрочем, что на обратном пути, минуя Рязань и Касимов, те же послы превращались в разбойников и разоряли рубежи Московского государства.

Русские источники говорят также – и это не самый незначительный из интересов ногайской аристократии – о запросах «подарков» (по-русски *поминков*), которые бий и правители ногайских кланов направляли царю. Хотя мы редко можем знать о решениях, принимаемых по этим запросам, сами они позволяют, по крайней мере, точно узнать нужды ногайского государства и общества, а также оценить их зависимость от московских поставщиков. Запрашиваемые подарки могут быть подразделены на три категории: продукты первой необходимости, продукты цивилизации, предметы роскоши и престижа.

Продукты первой необходимости требовались лишь в период нужды, как, например, в 1557 г., когда ногаям угрожал голод. Они ожидали прихода из Москвы кораблей, груженных мукой, крупой и хлебом – тех самых, которые должны были, как мы уже упоминали, по прибытии быть разобраны на строительный лес[22].

Продукты цивилизации, напротив, являлись объектом постоянного спроса. Речь идет о металлах или металлических предметах: гвоздях, которых требовалось сотнями тысяч, железа, как уточняется в документах, из Германии, олове «в большом количестве», золоте тысячами листов; металлических слитках [жести? *И.М.*] из олова или свинца, которые особенно часто запрашивались после 1552 г. Кроме того, пользовались спросом красители (киноварь и шафран), а также мед, ртуть, мышьяк, льняное масло, все исходные материалы и ингредиенты для некоего ремесла, о котором мы даже не знаем. Помимо этого

[21] ПДРВ, т. IX, с. 208, см. таблицу. [Речь идет о тех самых прибывших 8 декабря 1555 г. трех ногайских послах, возглавляемых Байтереком. 1500 послов и гостей с 20 тысячами коней и 20300 овец в ноябре добрались до Казани и поступили в распоряжение боярина и воеводы князя П.И.Шуйского. Купцам было дано указание торговать в Казани, а Байтерека «с товарищи», одним из которых был князь Тиниш, имильдеш Исмаила, казанский воевода отпустил в Москву (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 350об.). – *Д.М.*].

[22] Для периода 1557–1559 гг., см. ПДРВ, т. IX, с. 28, 298; т. X, с. 12, 26–27, 70–71.

запрашиваются стопы бумаги[23] – бюрократия обязывает! – и, наконец, ткани, предназначенные как для покрытия повозок, так и для пошива одежды. Явное предпочтение отдается поставам сукна. Желаемые виды его тщательно уточняются: сукно из Лондона (*лундское сукно*)[24], из Бреслау[25] (*рославское сукно*)[26] и из других городов Германии, фламандское сукно (*ипское сукно* – сукно из Ипра (Ypres)*[27].

Что касается предметов роскоши и престижа, то ногайские мирзы просят шубы, подбитые мехом, меховые шапки и парадные платья. Однако гораздо больше одежды их интересовало, кажется, блестящее парадное оружие и конская сбруя, – и они требуют, часто также уточняя, что изделия должны быть немецкого производства, полные доспехи, шлемы, сабли, трубы и барабаны, а также кожаные кирасы, украшенные седла, знамена, и еще [требуют] охотничьих птиц, роскошные шатры, моржовую кость, кубки и другие предметы из серебра и золота. Несколько раз они потребовали также некоторое количество пушек с артиллеристами и аркебуз с аркебузирами[25 bis].

Эти постоянные и массовые запросы подарков, как и монополия, полученная русскими на экспорт ногайских лошадей, наглядно подтверждают тесную зависимость Орды от Московского государства: «если я буду воевать с Москвой, – вынужден был писать в середине XVI в. мирза Исмаил, правитель западной части Орды, Юсуфу, правителю восточной части, – я не только останусь гол, как

[23] См., в частности, ПДРВ, т. VIII, с. 25; т. IX, с. 238. [Бумагу просили и Юсуф, и Исмаил (см. РГАДА.Ф. 127. Кн. 4. Л. 10об., 142об., 362, 376). – *Д.М.*].

[24] См., например, ПДРВ, т. VIII, с. 196.

[25] Современный г.Вроцлав. – *И.З.*

[26] ПДРВ, т. VIII, с. 239. [См. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 21. – *Д.М.*].

* В Посольских книгах упоминается «луньское», «ипское» и другие сукна. – *И.З.*

[27] ПДРВ, т. VIII, с. 245. [Упоминания об ипском сукне см.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 4.Л. 21, 22об., 25, 26об., 56об. – *Д.М.*].

[25 bis] 1 пушка с 6 пушкарями, Исмаил – царю, 2 октября 1548 г. (ПДРВ, т. VIII, с. 86), 2 пушки с пушкарями, 19 мая 1551 г., (там же, т. VIII, с. 226); 5 пушек и 200 аркебузиров, Исмаил – царю, 14 декабря 1555 г. (там же, т. IX, с. 191); 6 пушек и 300 аркебузиров, Исмаил царю, 14 июля 1557 г. (там же, т. IX, с. 279); 8 пушек и 300 аркебузиров, Исмаил – царю, 7 ноября 1557 г. (там же, т. IX, с. 296) [Исмаил обратился с просьбой о высылке одной пушки со стрельцом в грамоте, доставленной в Москву послом Тягрибердеем 11 октября 1548 г. и переданной И.И.Третьяковым царю после перевода 12 октября (см. РГАДА.Ф. 127. Кн. 3. Л. 7об.). О двух пушках со стрельцами речь шла в грамоте, доставленной в Москву послом Таузаром 19 мая и врученной царю 26 мая 1551 г. (см. там же. Кн. 4. Л. 12); о пяти орудиях и 200 пищальниках – в грамоте, доставленной послом Янболдой 11 декабря и врученной 15 декабря 1555 г. (см. там же. Кн. 4. Л. 304); о шести орудиях и 300 пищальниках – в грамоте, доставленной 13 июля Кельдиуразом и врученной 14 июля 1557 г. (см. там же. Кн. 5. Л. 29об.); о восьми орудиях и 300 пищальниках – в грамоте, доставленной послом Бекчурой 30 октября и врученной 7 ноября 1557 г. (см. там же. Кн. 5. Л. 43). – *Д.М.*].

сокол, мне даже не из чего будет сделать саван» [В оригинале фраза такова: «Твои деи люди ходят торговати в Бухару, а мои люди ходят к Москве. И только мне завоеватца, и мне самому ходити нагу. А которые люди учнут мерети, и тем и саванов не будет». См.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 191. – *Д.М.*][28].

Однако мы видели, что эта зависимость начала утверждаться лишь в 1520-е гг.; в связи с этим встает вопрос, какое же государство (или государства) занимало место Москвы по отношению к Орде до этого?

* * *

Несомненно, что ногаи всегда искали рынок сбыта для своего скота, которого у них было в изобилии, чтобы эти страны, в свою очередь, могли им доставить некоторые из тех немногих товаров, которых у них не было.

Ибн Баттута считал лошадей единственным средством выживания для жителей района Азака еще в 1330-е гг. и описывал организацию их экспорта в Северную Индию[29]. Позднее венецианец Иосафат Барбаро, побывавший в Тане (итальянское название Азака), подтвердил значительность масштабов торговли лошадьми с Персией; в то время как быки, которых тот же очевидец охарактеризовал как «bellisimi e grandi» («красивейшие и большие»), направляются в Польшу и, частично, в Молдавию и в Трансильванию, а затем в Германию и оттуда в Италию[30], все это свидетельствует о начале торговых отношений с Западом.

Однако, начиная с момента установления османского господства в портах Черного моря Кафе и Азаке в 1475 г., а затем в Килии и Аккермане (по-румынски – Chilia и Cetatea Alba, по-русски – Кинбурн и Белгород[31]) в 1484 г., только эти города (кроме Ургенча и Бухары, находившихся на другом конце страны ногаев, рынок которых, впрочем, неизвестен) могли играть роль торговых партнеров ногаев, которую Москва будет играть через несколько десятков лет.

Фактически, мы имеем доказательство существования торговых отношений между Османской империей и Ногайской Ордой, которые затем прервались. На это указывает кануннаме порта Азак, в начале правления Сулеймана I внесенное в реестр, отложившийся в Османском архиве в Стамбуле. В его тексте имеется запись, относящаяся ко времени Селима: «если будут овцы или лошади из

[28] *Соловьев С.М.* История России. Т. III. М., 1960. С. 482, [М., 1989. Кн. III. Т. 6. С. 468 – *Д.М.*], цитата из письма касимовского хана Шах-Али, царю Ивану, 13 октября 1553 г. (ПДРВ, т. IX, с. 103). [Слова Исмаила, прозвучавшие в его разговоре со старшим братом Юсуфом, были пересказаны вожем Карамышем Мустояповым, которого 13 октября 1553 г. царь Шиг-Али отправил из Городка в Москву. (См.: РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 191.). – *Д .М.*].

[29] *Voyages d'Ibn Battûta* / Traduction de C.Defremery et B.R.Sanguinetti. T. II (reimpression de l'ed. 1854. P., 1968. P. 371 –374.

[30] Барбаро и Контарини... С. 125.

[31] Имеется в виду г. Белгород-Днестровский на территории Одесской области Украины. – *И.М.*

Хаджи-Тархана (т.е. Астрахани) или от *ногаев* (выделено нами. – *Авт.*) и если их продавать [в Азаке], то мы возьмем шесть аспров[32] за овцу и восемь за коня». Тогда как в более позднем списке того же кануннаме, переписанном на этот раз из реестра, хранящегося в Османском архиве и датированного 1542–1543 гг., это упоминание исчезло. Выпадение такого упоминания означает, что за это время подобная торговля перестала существовать, по крайней мере, перестала быть регулярной и значимой[33].

Однако в известных нам документах мы не нашли прямых доказательств того, что обмен товарами осуществлялся и в обратном направлении. Что османы поставляли ногаям через Кафу и Азак необходимые им товары, подобно тому, как это видно из упомянутых нами ранее русских источников[34]. Мы хотим однако показать, что такая торговля была возможна и даже очень вероятна.

Прежде всего, напомним, что наиболее близкие к ногайской территории османские порты Кафа и Азак были связаны хорошо известными торговыми путями с текстильными и металлургическими центрами Центральной и Западной Европы, продукцией которых, как мы это видели, ногаи особенно интересовались, также как [поддерживали отношения], впрочем, и с другими зонами.

[32] Аспр – европейское название османской серебряной монеты «акча». – *И.З.*

[33] Старейшее из двух списков кануннаме Азака нам известно благодаря копии, находящейся в Османском архиве (BOA, Tapu ve tahrir, №370). Этот реестр относится к началу правления Сулеймана I, поэтому Т.Гёкбильгин датирует его 1529 г. (Gökbilgin T. Kanunî Sultan Süleyman devri baslarında Rumeli eyaleti livaları, şehir ve kasabaları // *Belleten*, XX, 78, Ankara, 1956, s. 279, n. 143); но информация о разных *лива* Румелии, которую он содержит, может основываться на данных различных периодов, взятых из разных источников. Так, в части, касающейся *ливы* Кафы (s. 491), мы находим запись: «'Padişahımız Sultan Selim Han', которая позволяет рассматривать данную часть как относящуюся ко времени правления Селима I (1512–1520 гг.). При подготовке к публикации французского перевода и факсимиле этого списка в одной из статей мы указали на более позднее исчезновение упоминания, отражающего торговлю между Азаком и ногаями (см.: *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq. De la Presence Italienne a l'Empire Ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siecle) // Turcica. Revue d'etudes turques. T. VIII/2. P.; Strasbourg, 1976. P. 147, 150, 197–199)». Что касается списка регламентов провинции Кафы за 1542–1543 гг., мы позволим себе сослаться на следующую статью: *Berindei M., Veinstein G.* Réglements de Süleymān Ier concernant le Livā' de Kefe // CMRS. XVI/1. P.; La Haye, 1975. P. 57–104. Даже если изменения *кануннаме* предполагают значительную перемену в торговле, это вовсе не означало прекращения торговых отношений между Азаком, Астраханью и ногаями. Мы видим, как в грамоте, доставленной царю 28 июня 1560 г., мирза Исмаил жалуется на разграбление черкесами гостей (своих же подданных?) по пути из Азака в Астрахань (ПДРВ, т. X, с. 91) [Речь идет о грамоте Исмаила, доставленной 28 мая в Москву послом Исенбахтыем «с товарищи» и 5 июня 1560 г. переданной дьяку И.М.Висковатому. В ней князь Исмаил жалуется не на черкес, а на нашедшего пристанище в Черкасах (Кабарде) Казыя (Гази б.Урака; см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 5. Л. 166). – *Д.М.*].

[34] Berindei M., Veinstein G. Réglements… Doc. II, 1, V, VII, 1.

Средний Восток и особенно Анатолия могли предоставить аналогичную продукцию, в которой нуждались ногаи. Но, не ограничиваясь указанием возможности наличия подобных изделий на рынках Кафы и Азака, мы попытаемся найти тому реальные доказательства в источниках, которыми располагаем.

Что касается продуктов первой необходимости, как мы их назвали, то мы узнаем из налоговых документов (*кануннаме*) *ливы* (провинции) Кафы, что этот город получал злаковые из Крыма и других регионов. Азак, в свою очередь, получал злаковые (пшеницу, измельченную рожь, просо) из Кафы[35], а из Керчи – муку[36]. Следовательно, нельзя исключать, что при наступлении голода, османы могли поставлять ногаям зерно, хотя Порта не имела монополию на продукты питания в причерноморской зоне и разрешала венецианским и генуэзским кораблям загружать зерно в порту Кафы[37].

Что же касается продуктов цивилизации и роскоши, напомним, что в Кафу, как и в Москву в XVI в., поступали изделия текстильной и металлургической промышленности из Центральной и даже Западной Европы по трем путям. «Татарский» путь через Украину и Подолию соединял Крым со Львовом, из которого можно было через Богемию и Германию попасть во Фландрию. К тому же, по мнению Мариана Маловиста, этот путь активно использовался благодаря османскому господству над проливами[38]. С другой стороны, как и до 1484 г., Кафа была связана с торговыми городами Килия и Аккерман[39], являвшимися

[35] *Ibid.* Doc. XVII, 1.

[36] *Ibid.* Doc. XIII, 4: «если кто-то приобретет муку здесь /в Керчи/ и поедет в Азак, чтобы торговать…»

[37] См. об этом: *Ibid.* P. 68; C.Villain–Gandossi. Contribution a l'etude des relations diplomatiques et commerciales entre Venise et la Porte ottomane au XVIeme siècle // *Südost Forschungen.* XXVI. Munich, 1967. P. 33, 40.

[38] Malowist M. Kaffa kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. Warszawa, 1947. P. XI–XII (резюме на французском): автор пишет об экспорте из Львова в Кафу немецкого, силезского и польского сукна, а также изделий из металла.

[39] Подтверждений торговых связей между Кафой и Молдавией достаточно. Так, в предшествующий османскому завоеванию период краковский каноник Длугош упоминает о 160 молдавских купцах и послах, схваченных турками и убитых во время взятия Кафы в 1475 г. См.: Joannis Dlugossii seu Longini canonici Cracoviensis. *Historiae Polonicae Libri XII* / Ed. par Al. Przezdziecki. T. V. Liber XII. Cracovie, 1878. P. 629–631.

Навигация между Кафой и портами нижнего Дуная в начале XVI в. подтверждается актом, изданным Селимом I в 1520 г. (Beldiceanu-Steinherr I., Beldiceanu N. Actes du regne de Selim Ier concernant quelques echelles danubiennes de Valachie, de Bulgarie et de Dobroudja // *Südost Forschungen.* XXIII. Munich, 1964. P. 105–107). Османский хронист Турсун-бег в своей *Ta'rih-i Ebu'l-Feth Sultan Mehmed Han*, напечатанной в *Ta'rih-i 'osmani encümeni mecmu'asi* (T. XXVI–XXXVIII. Istanbul, 1914–1916. S. 186–187), называет Килию «ключом Востока» и намекает на связи Аккермана не только с Галицией, Венгрией и Польшей, но и с Кафой и страной татар [т.е. Крымским ханством. – *И.М.*], что упоминается и у Н.Бельдичеану (см.: Beldiceanu N. La Moldavie ottomane a la fin du XVeme et au debut du XVIe siecle // *Revue des Etudes islamiques.* 1969/2. P. 240). Действительно,

промежуточными пунктами «молдавского пути», проходившего через Яссы и Таргул Лапушна и заканчивавшегося также во Львове[40]. Таможенный регламент Аккермана, составленный сразу же после победы Баязида II, упоминает ткани (*qumaš*) и полотно (*bez*) из «Руси» (термин, обозначающий Галицию или «Червонную Русь», то есть регион Львова или более широко Украину)[41]. Кроме того, торговые пути соединяли Килию с трансильванским городом Брашов (Кронштадт)[42], а через него с Венгрией. Вследствие этого, как установила Н.Бельдичеану на основе османских и молдавских документов, на рынках Килии и Аккермана можно было купить немецкий, литовский и фламандский текстиль, оружие, мечи и сабли, сбрую, железные инструменты, предметы и трубы из олова, ножи, колеса для повозок. Эти разнообразные изделия поступали из Венгрии, Трансильвании, Молдавии и Польши[43].

Наконец, Кафа и Азак могли также получать западную продукцию через Стамбул морским путем. Так, по регламенту Баязида II, касающемуся таможенного сбора[44] в Стамбуле и Галате мы установили, что покупательский спрос на ткани удовлетворялся за счет полотна из Вирвири (Барбари (Barbarie) или, может быть, Вервика (Wervik) возле Ипра), лондрина (Londrins) – английского полотна, каталонского полотна *(kadlani)*, полотна из Майорки, из Бергама (в Италии) и из Флоренции, а также – за счет других «франкских тканей, представляющих собой цельные куски и не используемых для пошива одежды»[45]. Кроме того, таможенные регламенты Кафы и других портов *ливы*, в том числе Азака, действительно, упоминают о прибытии тканей по морю из Стамбула[46].

«Регламент о таможенных и иных пошлинах, взимаемых в Аккермане» от 22–23 августа 1484 г., упоминает купцов-«русов» (из Львова) и торговцев иного происхождения, приехавших в Аккерман с Запада и уезжающих оттуда по морю (в частности, к Кафе) и вывозящих товары (*Idem.* Recherche sur la ville ottomane au XVe siècle. Etude et actes. P., 1973. P. 173–174).

[40] Более точно, начинавшийся во Львове «молдавский путь» проходил через Галич, Коломыю, Черновцы, Сирет и Сучаву, потом доходил до Пащани, где разделялся на два направления, одно из которых вело в Валахию через Роман, Бакэу, Аджуд и Тыргул Путней, а другое – в Яссы и Тыргул Лапушна, откуда вело либо в Аккерман через Бендеры (Tighina), либо, спускаясь на юг, в Килию (Ibid. P. 124).

[41] Ibid. P. 173.

[42] Через Аджуд, Тротуши и Бреш (Ibid. P. 124).

[43] Ibid. P. 125.

[44] Авторами статьи использован термин «courtage». – *И.М.*

[45] Ibid. P. 269 и сл. Подобный же регламент Мехмеда II, датируемый временем после 1461 г., см.: Beldiceanu N. Les actes des premiers sultans conserves dans les manuscrits turc de la Bibliotheque nationale a Paris. P.; La Haye, 1960. P. 126 и сл.

[46] Berindei M., Veinstein G. Réglements… Doc. XII, XIV, XV, XVII. Из всего вышесказанного следует, что Кафа различными путями соединялась с центрами производства и сбыта текстильной продукции. Данное обстоятельство объясняет, что этот город получал ткани по морю и по суше: ткани *(qumaš)* поступали в Кафу через «Татарские

Итак, Кафа была связана со странами Европы, а через Стамбул и порты черноморского побережья Анатолии, особенно Синоп и Трапезунд[47] – с остальной частью Османской империи. Таким образом, крымский порт имел хорошее местоположение для приема товаров, в которых нуждались ногаи. Чтобы достоверно оценить эту роль Кафы, необходимо представить всю совокупность морского и сухопутного товарооборота. Однако сделать это не представляется возможным. Отложившийся в Османском архиве небольшой реестр таможенных недоимок, охватывающий четырехлетний период с 1486 по 1490 гг., дает сведения лишь о морской части товарооборота[48].

Текст этого источника, как мы с удовлетворением узнали, в ближайшее время планирует опубликовать профессор Халиль Иналджик*. Безусловно, данные реестра неполны и отрывочны, в частности в отношении происхождения и «пути следования» зафиксированных в нем товаров, однако он нам необходим для выявления записей, подтверждающих наличие на рынках Кафы типичных товаров, которые покупали ногаи.

Лучшим подтверждением присутствия в Кафе [продукции] европейского металлопроизводства служат три записи о погрузке *kard-i Eflaq* (валашских ножей), содержащиеся в реестре. Речь идет о ножах, которые провозили через Валахию, но производили в другом месте, в частности в Штирии[49]. Упоминались и другие металлические предметы, но без уточнения их происхождения: железо *(hadid)*, гвозди *(mismar)*, олово *(qalay)*, предметы обихода *(evani-i musta'mel)*, котлы *(qazgan)* и т.д. Некоторые из этих предметов, не будем об этом забывать, могли быть сделаны в османских мастерских.

В реестре встречаются и другие «продукты цивилизации», привезенные в Кафу торговцами из анатолийских городов. Это красители *(boya;* записаны семь раз, из них в трех говорится о красной краске), индиго *(civit;* очень большие партии зафиксированы восемь раз), квасцы *(šab)*, хлопковое масло (*rugan-i pembe*), мышьяк *(zïrnïh)*, строительный лес (две записи о партии балок – *mertek*, две же записи о партии досок – *tahta*, одна о партии дранок – *pedavra*)[50].

ворота» (*Ibid.* Doc. II), а перевозимые в повозках *kïrbas* (отрезы ткани: см. ниже) – через «Башенные ворота» (*Ibid.* Doc. V).

[47] Современный Трабзон в Турции. – *И.М.*

[48] Kamil Kepeci tasnifi, № 5280 bis («Kefe iskelesi gümrük»).

* Этот таможенный реестр Кафы не так давно опубликован коллективом авторов (Х.Иналджик, В.Остапчук). См.: *İnalcık H.* The Customs Register of Caffa, 1487–1490 (Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. Vol. I). Cambridge,1996. – *И.З.*

[49] *Manolescu R.* Schimbul de marfuri dintre Tara Românească şi Braşov in prima jumatate a secolului al XVI-lea // *Studii şi materiale de istorie medie.* T. II. Bucarest, 1957.

[50] Судя по записям в реестре, лес в Кафу доставлялся, по-видимому, из Крыма и Причерноморья. Партия досок (*tahta*) была привезена торговцем из Гурзуфа (Harzof), местности в Крыму. Кстати, и регламенты о Татарских и Башенных воротах в Кафе свидетельствуют, что через эти ворота в город поступали лес, рейка, балки и доски (Berindei M., Veinstein G. Réglements… Doc. II, 2 и V). С другой стороны, одна из партий

Из приведенных сведений видно, что ассортимент товаров из Кафы мог быть аналогичным предлагавшемуся Москвой в XVI в., но нередко товары отличались по месту производства. Реестр, который действительно дает возможность представить лишь морские закупки Кафы, выявляет преобладание Анатолии в обеспечении этого порта. И, как мы видим, в отношении тканей частично справедливо утверждение Х. Иналджика[51] о том, что ногаи ждали из Москвы в основном ткани, произведенные в Центральной и Западной Европе. В рассматриваемом реестре не только содержатся записи о доставке поставов *(pastav)* сукна *(cuqa)* в Кафу[52], но и уточняется, что дважды сукно было поставлено итальянскими торговцами Маркета Эфрендж (т.е. «франк») и Бортма (без сомнения, Бартоломео) Балестрин (Палестрино); одна из партий состояла из семи штук *cuqa bergamešqo* (бергамского сукна из Италии)[53].

Однако эти поставки сукна, отмеченные восемь раз, кажется, занимают относительно скромное место на рынке Кафы. В Кафе, действительно, продают другие шерстяные товары, например, *bataniye* (вид одеяла) из Бергама, привезенные торговцами из Стамбула и Анатолии[54]. В числе других разнообразных видов тканей, представленных в Кафе, особого внимания заслуживает упоминание парчи и дорогих шелковых тканей. Скорее всего, они предназначались для знати *ливы*, для аристократии Крымского ханства и для России[55], ибо были, без сомнения, слишком дорогими, чтобы заинтересовать ногаев, которые, вероятно, никогда не отличались большой взыскательностью. По этому поводу в начале XVII в. один итальянский путешественник заметил: «vivono da bestie in compagnia con quelle»[56], а о мирзах все-таки добавил, что они живут «con un poco piu

---

балок *(mertek)* стоимостью 2450 аспров, фигурирующая в данном реестре, была привезена на корабле из Трапезунда и еще одна партия досок – из Керпе, порта на черноморском побережье Анатолии.

[51] *Inalcik H.* The Ottoman Empire, the classical age, 1300–1600. L., 1973. P. 129 и далее.

[52] В [таможенных] регламентах упоминается также о взимании двух пошлин – *tuta* и *qabala* с поставов сукна, поставляемых в Кафу (Berindei M., Veinstein G. Réglements… Doc. III и XII).

[53] Тот же товар фигурирует в [таможенных] регламентах Мехмеда II и Баязида II, при упоминании о таможенных пошлинах, взимаемых в Стамбуле и Галате (Beldiceanu N. Actes… P. 127 (*bergamüsk)*; idem. *Recherche...*, P. 270 *(bergamaski)*.

[54] Торговцы приезжают из Бурсы, Мерзифона, Анкары, Коньи, Ушака, Нигде. Цена за штуку *(qat)* варьируется от 20 до 50 аспров (средняя цена 37 аспров). Поставки идут по 10–140 *qat*.

[55] Упоминаются также *atlas* (атлас), *darai* (разновидность дорогой шелковой материи), *kemha* (камка), *qadife* (бархат), *tafta* (тафта), *valah, kisai, pesiveri* и др.

О торговых отношениях между Россией и Крымом в этот период см.: *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века // Известия Академии наук СССР. Отделение Общественных наук, VII, 3. С. 193–237; *Он же.* Гости сурожане. М.; Л., 1935.

[56] Они живут, как скоты, в сельской местности с этими…

di politia»[57] и носят – и днем, и ночью – либо шубу на меховой подкладке (как раз такие, на которые мы обратили внимание в их запросах в Москву), либо «una camisia di tela turchina assai grossa[58]»[59]. Следовательно, ногаи могли интересоваться некоторыми товарами, имевшимися в наличии в Кафе, в частности дешевыми кафтанами (*qaftan*), даже поношенными кафтанами (один торговец из Бурсы, например, привез их 80), либо другими предметами одежды[60]. Ногаев могли интересовать также отрезы относительно дешевых тканей. Скажем, льняное (четыре записи о *kïrbas-i keten*) и конопляное полотно (три записи о *kenevirge* и две о *kïrbas-i kendir*)[61], отрезы так называемых бокассин (*bogasi*)[62] из Анатолии, аладжа[63] и камлот (*sof*)[64] из Анатолии и Сирии, а также ткани, использовавшиеся

---

[57] Немного более цивильно.

[58] Рубаху из довольно грубой турецкой ткани.

[59] *«Nuova e vera relatione del viaggio fatto da Nicolo Barti (en fait, Barsotti) da Lucca nell' anno 1632 sin all' 1639 nelle parti di Tartaria, Circassia, Abbaza e Mengriglia, dove si narrano molti successi strani e curiosi. Data in luce dall'istesso e dedicata al... (blanc)» //* Bibliothèque nationale de Paris, Département des manuscrits. Nouvelles acquisitions latines, 1891, fol. 76–76v. Выражаем самую горячую признательность г-ну Матею Казаку, обратившему наше внимание на этот отрывок. Часть рукописи, посвященная Молдавии, была опубликована. См.: Giurescu C.C. Le voyage de Niccolo Barsi (sic) en Moldavie. P.; Bucarest, 1925.

[60] *Bašmaq* (вид женской обуви), *müğevveze* (вид головного убора), *qušaq* (пояс), *papuc* (вид мужской обуви) и др.

[61] Вероятно, что, по крайней мере, часть льняного и конопляного полотна, присутствовавшего на рынке Кафы, была произведена в *ливе* Кафы либо в Крымском ханстве: Кафа получала коноплю (Berindei M., Veinstein G. Réglements… Doc. V), а Керчь – коноплю и лен (Ibid. Doc. XIII, 4) – сырье, предназначавшееся, вероятно, для местного ремесла. К слову, фирман от 1493 г. о таможенных пошлинах, взимаемых в Андрианополе, сообщает о ввозе в этот город «одежды из льняного полотна из Кафы» (Beldiceanu N. Recherche… P. 178); со своей стороны, Тамань получает рулоны тканей из Татарской страны (Berindei M., Veinstein G. Réglements… Doc. XV, 1). В этом же реестре имеется запись о погрузке 800 штук конопляной материи *(kendir kïrbas)*, привезенных в Кафу торговцем из Балаклавы – османского города на юго-западе Крыма.

[62] В реестре упоминается как белая, так и окрашенная хлопковая ткань. Штуки *(qat)* привозятся торговцами Стамбула, Карахисара, Бурсы, Кастамону, Анкары, Болу, Тосьи, Коньи; их поставки колеблются между 1 и 190 *qat*. Цена за единицу варьируется от 16 до 250 аспров (средняя стоимость цитируемых случаев: 62 аспра). Согласно *Kanunname-i Ihtisab-ı Bursa* от 1502 г., необработанный бокассин из Карамании и Хамидели ввозился в Бурсу для шитья кафтанов (Beldiceanu N. Recherche… P. 234).

[63] Данный термин обозначает любой вид хлопчатобумажной ткани в полоску (или другой ткани, возможно, шелковой). В реестре присутствуют 13 записей, среди них пардестия *alağa*, цветной *(levni)*, одна из 24 штук *(qat)* алеппская *(halebi)*, одна из 4 штук ширазская *(širazi)*. Средняя стоимость штук составляет 92 аспра. Торговцы, привозившие эти партии, состоявшие от 1 до 95 штук, были из Стамбула, Синопа, Коньи, Анкары, Бурсы; одна из этих партий значится как «татарская».

не для шитья одежды: ткани для изготовления шатров (*cadïr-i rus* и *kïrbas-i cadïr*), ткани для изготовления одеял *(yorganlïq)*[65], чехлы (*yük örtüsü*) и т.д.

Однако присутствие типов тканей, наиболее подходящих нетребовательной клиентуре, и даже исключительное изобилие их на рынке Кафы может быть объяснено лишь реальным спросом у покупателей, в числе которых наряду с ногаями могли быть крымские татары и черкесы: мы имеем в виду *кырбас* (*kïrbas*)[66], которые появляются в реестре Кафы (66 записей). Речь идет о небольших отрезах около 1 *зира* в длину (около 67 см)[67], чаще всего из хлопка (60 записей из 66), средняя цена которых варьировалась от 3 до 4 аспров. Купцы из Стамбула или из Анатолии (особенно из Мерзифона, Бурсы, Анкары, Кайсери, Кастамону, Ушака, Гёрдеса)[68] закупали эти ткани в портах Стамбула, Синопа, Инеболу и привозили в Кафу партиями по несколько тысяч и даже по несколько десятков тысяч [отрезов] (один торговец из Мерзифона их привозит 12 500. Для справки также отметим, что в реестре их более 175 000, а их стоимость составляла более 700 000 аспров). Если мы правы в предположении, что, по меньшей мере, часть этих *kïrbas* потреблялась ногаями, то следует отметить, что именно хлопчатобумажная ткань занимала у них то же место, какое займет сукно, когда они обратятся [с целью закупок] в Москву.

[64] Ткань из козьей шерсти упоминается в реестре 15 раз. Имеются две записи *duruzi sof* («друзский камлот») и одна запись о продаже [этой материи] торговцем Исмаилом Дурузи. Присутствуют также записи о поставках этой материи анатолийскими торговцами из Кастамону, Бурсы, Анкары в Стамбул, Инеболу, Герзе, Синоп; цена за штуку (*qat)* составляла около 100 аспров, но могла доходить до 181 или опускаться до 24 аспров.

[65] Букв. ткань для шитья *yorġan* (вид пуха, перина). Штука стоит от 45 до 50 аспров; 5 записей о поставках торговцами из Стамбула, Кастамону, Анкары, Коньи.

[66] Персидское *kirpas* означает льняную или хлопчатобумажную ткань (Desmaisons J.J.P. Dictionnaire person-français. Vol. III. Rome, 1913. P. 55).

[67] Метрический эквивалент *zira* непостоянен. Зира стамбульская соответствует 67,3 см (*Hinz W. Islamische Masse und Gewichte umgerechnet ins metrische System.* Leiden, 1955. P. 58–69) [русское издание см.: *Хинц В.* Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. – *И.З.*]. Можно констатировать удивительное постоянство стоимости за единицу этих *kïrbas*,, которая стабильна, кроме некоторых отклонений в меньшую (до 2,3 аспров) и в большую (до 9 аспров) сторону, около 3 или 3,3 аспров (цифра получена путем деления общей стоимости партии на количество штук). Льняные *kïrbas* более дорогие (4, 5, 10 аспров за штуку). Соответствие стоимости *kïrbas,* явно обозначенных как хлопковые и приведенных без уточнения материала, позволяет заключить, что они тоже из хлопка. Отталкиваясь от цен, можно определить также объемы *kïrbas:* мы узнаем из описанной партии, что 120 *zira kïrbas* стоят 400 аспров; из этого можно заключить, что данные *kïrbas,* стоимостью около 3,3 аспра, составляют примерно 1 *zira.*

[68] Упомянутые в реестре торговцы *kïrbas* по своему происхождению подразделяются следующим образом: Кастамону – 6 торговцев; Мерзифон – 5; Стамбул – 4; Синоп – 4; Ушак – 3; Анкара – 3; Бурса – 3; Кюре – 3; Кафа – 2; Кайсери – 2; Тосья – 1; Амасья – 1; Тире – 1; Бейшехир – 1; Зиле – 1; Конья – 1; Керпе – 1.

Заметим, что характер наших источников не позволяет утверждать, что все названные нами товары предназначались именно ногаям, так как через Кафу снабжались и другие потребители. Но эти источники ценны тем, что доказывают возможность приобретения ногаями товаров в Кафе. Кроме того, мы знаем, что эти товары были нужны ногаям, которые могли найти их только в Кафе или других османских портах региона (например, в Азаке).

Впрочем, наша гипотеза не основывается только на этом рассуждении. Так, в списке кануннаме Азака от 1542–43 гг. исчезает запись об импорте лошадей и овец от ногаев. В ней также нет намека на присутствующие в списке времен Селима I ткани, которые «везут сухопутным путем» из Азака. Это дает нам право считать, что оба пути были связаны между собой, и ткани экспортировались из Азака к ногаям, активно участвовавшим в торговле кырбасом в Кафе.

* * *

Мы надеемся, что доказали факт существования торговых отношений между османами и Большой Ногайской Ордой, которая в 1520-е гг. прекратила торговые отношения с османскими портами, предпочтя наладить товарообмен с Москвой. Остается лишь найти причины этих событий и показать всю их важность.

Относительно первого (т.е. причин) на ум приходит множество замечаний. Они касаются, прежде всего, особенностей дипломатических контактов, в которых должна быть подчеркнута роль Крымского ханства. Его правители в противостоянии Золотой Орде с 1480 по 1515 г.[69] опирались сначала на Польско-Литовское государство, а затем сблизились с Москвой. Именно Крым в это время поставляет московской армии лошадей, в которых она нуждается. Впоследствии, напротив, хан Мухаммед-Гирей I начинает вести открыто враждебную политику по отношению к Москве, вынуждая ее обратиться к другим поставщикам[70].

[69] Имеется в виду татарское государство, образовавшееся в XV в. после распада Улуса Джучи. Располагалось в степном междуречье Волги и Днепра. В тюрко- и персоязычных источниках известно под названием «Тахт эли», «Тахт мемлекети», «вилайет-и Тахт» («Престольное владение» или «Престольная держава»); в русских источниках именуется «Большой Ордой». Принято считать, что это государство прекратило свое существование после его окончательного разгрома крымским ханом Менгли-Гиреем в 1502 г. – *И.М.*

[70] Что касается данного периода истории Крымского ханства, мы позволим себе сослаться на статью А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже (Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Le khanat de Crimée au début du XVI siecle. De la tradition mongole a la suzeraineté Ottomane d'aprés un document inédit des Archives ottomanes // *CMRS.* XIII/3. P.; La Haye, 1972. P. 322–337).

Османское государство, со своей стороны, без труда находит другие источники снабжения лошадьми и скотом, кстати, намного более близкие к центру империи: например, Крым, упоминавшийся еще в кануннаме Азака периода правления Селима I в качестве экспортера лошадей и овец в этот порт. После разрыва отношений между Крымским ханством и Москвой его роль в качестве поставщика скота в Османскую империю только возросла, так как в Крыму имелись излишки этого товара. В кануннаме Азака от 1542–1543 гг. имеется новая запись об овцах, поставляемых «на судах из страны татар». В кануннаме того же времени, касающихся других портов османской провинции Кафа – Кафы, Керчи и Тамани – содержатся упоминания о привозе из этих городов татарских лошадей[71].

Вместе с тем, у Порты появляются и другие места приобретения лошадей – это регионы, расположенные к северу от столицы. Например, аннексированный турками в 1538 г. Буджак или находящееся в ленной зависимости Молдавское княжество, где разводят «чудесных турецких и молдавских лошадей», как свидетельствует посетивший страну в 1527 и 1535 гг. Райхерторфер (Reicherstorffer). Этот же автор указывает, что страна ежегодно дарила 500 лошадей османскому султану[72]. В любом случае, очевидно, что породистые лошади являлись частью подарков, отправляемых молдавскими воеводами, параллельно с данью (*harac*), султану и другим высоким османским сановникам. Дмитрий Кантемир привезет в начале XVIII в. пословицу: «Acem dilberi Boğdan bargiri meşhurdur» ([В мире] известны персидские красавцы [и] чистокровные кони молдавской породы)[73].

В сложившихся условиях торговые отношения с ногаями теряли интерес для османов, тем более, что они не получали от них рабов. Большие расстояния между ногаями и османами также делали отношения между партнерами неудобными. Напомним в связи с этим, что центр обширного владения Большой [Ногайской] Орды (все изменится, когда она раздробится, и часть ее населения переберется к западу) располагался в Сарайчике на реке Урал (Яик)[74]. К тому же

[71] Berindei M., Veinstein G. Réglements… Doc. I, 2; VII, 2; X; XIII, 1; XV, 1.

[72] Moldaviae, quae olim Daciae pars chorographia Georgio a Reicherstorffer Transylvano autore (румынский перевод, примечания и комментарии M. Holban) / Calatori straini despre tarile române. I. Bucarest, 1968. P. 194–203. О дани, которую платила Молдавия Османской империи, см.: *Berza M.* Haraciul Moldovei si Tarii Românesti in sec. XV – XIX // Studii şi materiale de istorie medie. II. Bucarest, 1957; Mehmet M. Un document turc concernant le haratch de la Moldavie et de la Valachie // Revue des études sud-est européennes. V/162. Bucarest, 1967; *Guboglu M.* Le tribut paye par les principautes roumaines a la Porte jusqu'au debut du XVIe siecle // Revue des études islamiques. XXXVII. Paris, 1969; *Berindei M.* La revolte de Ioan Voda et les relations moldavo-ottomanes 1538–1574 (рукопись, хранящаяся в Ecole pratique des hautes études. P., 1972. P. 5–13).

[73] Dimitrie Cantemir. *Descriptio antiqui et moderni status Moldaviae* / Ed. G.Gutu, introd. M.Holban. Bucarest, 1973. P. 116.

[74] Позднее, в 1552 г., Сулейман I сможет написать крымскому хану Девлет-Гирею: «Поскольку страна ногаев находится на удаленном расстоянии /от нашей Порты/ и все

как сухопутные, так и морские связи ногаев со странами к западу от Волги в начале XVI в. нарушались разбоем казаков восточнее Дона, о котором мы говорили выше, а также абхазским пиратством на кавказском побережье[75].

Вышеперечисленные факторы представляются естественными для объяснения постепенного ослабления ставшей объектом нашего исследовательского интереса торговли между Большой [Ногайской] Ордой и Османской империей и переориентации ногаев на Москву, о чем мы находим многочисленные свидетельства в русских источниках. Возможно, на второй план этой полной переориентации нужно также поставить и основную психологическую реальность: отсутствие интереса и взаимопонимания, разделявшие два народа, ногаев и османов, принадлежащих, по крайней мере в XVI в., к разным культурным мирам. Несмотря на видимый парадокс, московская династия и произошедшая от Эдиге ногайская аристократия, установившие, кстати, между собой определенные родственные связи[76], чувствовали себя, несмотря на различие религий, безусловно, более близкими, так как они были объединены общим идеологическим наследием, чингизидской традицией (*adet-i cengiziyye*)[77], специфику которой признавали и османы.

дела, касающиеся этой страны, вам известны /лучше/, мы полагаемся на вас во всем, что ее касается» (см.: Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La Grand Horde Nogay et le probleme des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'etudes turques. T. VIII/2. P.; Strasbourg, 1976. P. 219).

[75] В «Реестрах важных дел» (*Мюхимме дефтерлери*) и в более поздний период (1571–1574 гг.) зафиксировано множество случаев разграбления кавказского побережья абхазами, представлявшими угрозу даже Трапезунду. См.: BOA, Mühimme Defteri № 14, hüküm 58; Mühimme Defteri № 16, hüküm 228 (приказ бею Батума о запрете торговым кораблям из османских портов отправляться в абхазскую страну); Mühimme Defteri № 17, hüküm 26; Mühimme Defteri № 18, hüküm 268 и 269 (февраль 1572 г., запись об угрозе нападения абхазов на Трапезунд); Mühimme Defteri № 24, hüküm 330.

[76] Вторая жена Ивана Грозного, Мария, на которой он женился в мае 1561 г., была дочерью Темрюка, мусульманского князя Кабарды, а другая дочь Темрюка вышла замуж за бия Исмаила, правителя Большой Ногайской Орды между 1555 и 1563 гг.; племянница Темрюка стала женой крымского хана Девлет-Гирея.

[77] В грамоте, врученной царю 28 октября 1551, Белек Булат мирза, один из сыновей мирзы Исмаила, обращается к царю Ивану Грозному, подчеркивая эту связь словами: «в этой стране (то есть, в стране царя) его называют (царя) прямым потомком Чингиза и сувереном и прямым царем. В этой же стране, меня называют сыном Эдиге» [В оригинале цитата такова: «В тои земле он сказываетца Чингисовым прямым сыном и прямым государем царем называетца, а в сеи земле яз Идигиевым сыном зовуся.» (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 90об.). – *Д.М.*], и он выражает подчинение своего брата Дервиша, астраханского хана, царю, говоря, что «он припадает к ногам сына Чингиза, белого князя, православного правителя, милосердного…» (ПДРВ, т. VIII, с. 316–317) [В оригинале цитата такова: «Дервиш царь к Чингишеву сыну белому князю прямословному государю и жалостливому государю белому князю в ноги ево пасти…» (см. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 90об.–91). Речь идет о грамоте, переданной Ивану IV послом Белек Булат (Пулад)

Произошедшая в 1520-е гг. перемена в торговых сношениях ногаев, каковы бы ни были ее причины, может рассматриваться как историческое событие большой значимости: с тех пор [Ногайская] Орда (как и другие татарские ханства, кроме Крымского) попадает в экономическую зависимость от Москвы. Поэтому она не использует свою военную мощь против захватнических намерений Москвы на Каспийском море. Более того, русские воспользуются ее благожелательным нейтралитетом в ходе завоевания Казанского и Астраханского ханств в 1552 и 1556 гг.[78], тем самым, способствуя разъединению тюркского мира на Волге, что приведет к полному отделению Османской империи от Тюркского мира (*Türk eli*) Центральной Азии.

мирзы Карагозей «с товарищи». Белек-Пулад являлся не сыном князя Исмаила, а его племянником, сыном брата Исмаила – Хаджи-Мухаммеда б. Мусы. Астраханский хан Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар (1537–1539 гг.) являлся сыном сестры Юсуфа и Исмаила – Ширин-бикэ. Автор письма называет его братом, указывая в соответствии с традициями того времени на равенство их социально-политического статуса. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. – С. 237, 238, 243 и др. – *Д.М.*].

[78] В момент завоевания Казани, мы наблюдаем, что поставки ногайских лошадей московитам не уменьшаются, а наоборот (см. таблицу, приведенную выше и Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La Grand Horde Nogay… P. 204–205). Ногайский правитель Исмаил мирза в августе 1562 г. сможет ясно напомнить царю через гонца и, к слову сказать, упрекнуть его в неблагодарности: «…ты взял Казань, и я не помогал Казани… И после этого, ты взял Астрахань, и, во имя дружбы с тобой, я не поддержал Астрахань» (ПДРВ, т. X, с. 207–208, 212–213, 235). [В оригинале цитаты таковы: «Тебя для деи есми отстал от братьи своеи и от детеи своих отстал, и от всех нагайских мырз для к себе твоей дружбы. Казань деи еси взял, яз деи в том дружбу учинил, Казани помочи никоторые не чинил. И царь деи и великии князь Казань взял. И хотел деи мне Казань // дати, да Казань не дал. А после того Азсторохань взял. И моя ж к нему по тому ж дружба была, за Азсторохань есми не вступился. И хотел был мне царь и великий князь Азсторохань дати, и Азсторохани ж мне не дал. А в своем прямом слове не устоял»; «Преж того братство и дружба твоя к нам была, и слово твое к нам было: коли возмешь Казань, и ты хотел нам отдати. И ты Казань взял, Казани еси нам не отдал. А опосле того Асторохань еси взял. А хотел еси мне отдати, и Асторохани еси мне не отдал же». – *И.З.*].

Жиль Вайнштейн

Москва и Большая Ногайская Орда за кулисами покорения Сибири*

Памяти Александра Беннигсена

Среди историков преобладает мнение, что, нейтрализовав вначале Новгород, а затем Казань, русские до своего столкновения с Сибирским ханством оказались в безлюдном пространстве перед «политической пустотой», на передовой линии у [подножия] Урала и по ту сторону от него в Западной Сибири. Там они столкнулись не со слабым сопротивлением отсталых племен, находившихся под властью местных правителей мелкого масштаба (*князьков* русских источников), но с настоящим государством монгольской традиции, [которое] с приходом к власти Кучума получило властителя, окруженного ореолом несравненного авторитета чингизидов и укрепившего их волю к сопротивлению.

Эта точка зрения сводится к игнорированию существования ногайских орд на юге зоны продвижения русских или, по меньшей мере, к отрицанию за ними такого же статуса военной и политической татарской державы, что и за другими ханствами, с которыми имела дело Москва.

Без сомнения, во второй половине XVI в. ногаи уже не были той великой непобедимой державой, какой они являлись в конце XIV и в XV вв., но было бы чрезмерным видеть в них не более, чем «маленькие племена, независимые друг от друга, имеющие своих собственных вождей», как их представлял еще сравнительно недавно, сравнивая с их соседями башкирами, один специалист по истории формирования Российской империи (Nolde 1952, с. 167). Московские великие князья не заблуждались, когда своими действиями, словно доказывая обратное, на протяжении всего столетия упорными дипломатическими усилиями и предоставлением Орде жизненно необходимых экономических льгот, как об этом свидетельствуют «Ногайские дела», пытались нейтрализовать то, что осталось от этой державы[1].

* *Veinstein G. A l'arrière-plan de la conquête de Sibir: Moscou et la Grande Horde nogaye // Sibérie, II, Questions sibériennes, B. Chichlo, éd., Paris, Institut d'Etudes slaves. P. 49-58.*

[1] «*Ногайские дела*», содержащие переписку между Москвой и ногайскими вождями, были опубликованы с комментариями в томах 41 (1489–1505 гг.) и 95 (1508–1521 гг.) *Сборника Императорского Русского исторического общества*, Санкт-Петербург, 1884 и 1895; за период 1534–1575 гг. они были опубликованы Новиковым в *Продолжении древней русской вивлиофики* (далее: ПДРВ), тома VII–XI, Санкт-Петербург, 1791–1801

Мы намерены напомнить об этих реалиях и попытаться выяснить позицию Орды в период борьбы между Москвой и Кучумом.

История Ногайской орды изучается до сих пор. Она образовалась в XIII в., чтобы в конце XIV в. стать военной державой под управлением Едигея – полководца Золотой Орды, сыгравшего решающую роль в монгольском ханстве. Это его помощь позволила в 1399 г. хану Тимур-Кутлуку победить на р.Ворскле литовского князя Витовта, после бегства бывшего хана Токтамыша. Впоследствии в течение пятнадцати лет во времена Тимур-Кутлука и двух его преемников, Едигей играл роль предводителя в Золотой Орде. Отныне главы ногаев, а также верховные главы-мирзы различных племен, все будут потомками Едигея. К середине XV в., к моменту отделения различных татарских ханств от Золотой Орды в период ее упадка, Ногайская орда оформляется в настоящее государство, представляя уже не только военную силу как раньше, но и силу политическую. У нее есть свой глава, хан, за которым русские источники признают титул царя (Bennigsen, Lemercier 1976, p. 201–205 et n.5). Его первый наследник имеет титул *нуреддин*, от имени сына Едигея, а второй *кейкобад*. Позднее, во второй половине XVI века, появляется четвертый титул в царском роду, *тайбуга* (Bennigsen, Lemercier 1976, p. 209, n. 4)[2].

Если окинуть взором необъятную географическую область, где кочевала Орда, понимаешь, как жизненно необходимо было для Москвы попытаться оставить за собой это государство и избежать его использования остальными противниками татар. Эта область была ограничена на западе Азовским морем, Кубанской равниной и Кабардинским краем, на юге лиманом Терека, она доходила на севере до границы Великого леса и на востоке достигала Аральского моря. В своих сезонных миграциях племена спускались зимой к Каспийскому побережью и снова поднимались летом до долины Камы и до Западной Сибири. Из этого следует, что московиты сталкивались с ногаями на различных направлениях экспансии на юг: не только на Волге и Дону, но также к Кавказу и южным отрогам Урала. На этих различных направлениях они рисковали стать препятствием первой величины.

Однако в связи с эволюцией Орды: вследствие дробления ее, начиная с конца XV в., на несколько более или менее независимых *улусов*, их способность к сопротивлению значительно уменьшится, а возможности дипломатической игры для Москвы значительно возрастут. Верховный правитель продолжает существовать, но его власть над другими мирзами ослабевает. Русские источники отныне определяют его как *князя*, соответственно уже не как *хана*, но еще и не просто как *бея*. Герберштейн передает это в своей обычной манере «у них нет короля, но есть герцоги» (Herberstein 1965, p. 179–180). Тот же очевидец, посе-

(*переизд.* Mouton, 1979); см. также за период 1585–1586: *Пекарский П.* Когда и для чего основаны Уфа и Самара // *Записки Императорской АН*, XXI (1872). С. 232–260.

[2] Итоги изучения Ногайской Орды, в том числе и вопросов, обсуждаемых в статье см. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. – *И.З.*

тивший Московию около 1526 г., указывает, что страна «в [его] время» была разделена между тремя братьями и упоминает *юрты* Шейх-Мамая на востоке Урала, в долине реки Сиры, на границе с Сибирским ханством; князя Хасана между нижней Волгой и долиной Кумы на севере Дагестана; наконец, Сейид-Ахмеда между Волгой и рекой Яик, *юрт*, который будет соответствовать Большой Ногайской Орде. Однако единство полностью не было изжито, так как один из происходивших от Едигея мирз, играл роль бея [беклербека. – *И.М.*] Орды в целом, управляя ею как личным юртом без возможности, правда, препятствовать большой свободе действия других мирз.

Раскол в ордах, не только разобщенных, но в ряде случаев враждующих друг с другом, окончательно установился в 1549 г., когда беем ногайских орд становится мирза Юсуф. Потомки предыдущего бея, уже упоминавшегося Сейид-Ахмеда, отказались признать власть Юсуфа. Среди них внук Сейид-Ахмеда – Гази, покинувший Орду, чтобы, в конечном счете переселиться в район Азака, где он находился под покровительством крымского хана и османского наместника Азака. Этот *улус* получит наименование «Малая Ногайская Орда» (а по имени ее основателя: *Казыевская орда*[3]) и будет верным союзником крымского хана. [Улусы], оставшиеся в Орде, будут именоваться в противоположность «Малой» – «Большой Ногайской Ордой».

Обратим внимание, что, начиная с 1549 г., основная часть ногаев остается под властью бея Большой Орды Юсуфа. Соответствующие [ногайские] племена кочевали в громадном четырехугольнике, ограниченном на западе Волгой, на севере Камой, на юге Каспийским морем и на востоке Яиком. В низовьях этой реки [Яик] находился Сарайчик, город с каменными домами, мечетями и богатыми лавками, столица Орды и зимняя резиденция бея[4]. Этот элемент бывшей ногайской державы, наиболее важный среди прочих и сильный в военном отношении, находился в непосредственной опасности от русского продвижения на Волгу, и можно было ожидать, что из соображений татарской солидарности и в своих личных интересах он как можно дольше будет противодействовать захвату Москвой Казанского и Астраханского ханств.

Царь Иван Грозный умел, однако, избегать опасности, используя два козыря, которые у него были.

Первый козырь был политическим: соперничество между князем Юсуфом и его братом мирзой Исмаилом за *юрт*, кочевавший по восточным берегам Волги между Камой и Астраханью. Вследствие этой вражды происходят постоянные

[3] Точнее *Казыев улус*. О нем см.: *Трепавлов В.В.* Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 273–311. – *И.З.*

[4] Подробнее о Сарайчуке см.: *Трепавлов В.В.* Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник 2001. М., 2002. – *И.З.*

конфликты ногайских кланов между Волгой и Яиком: они продолжаются до смерти в 1555 г.[5] Юсуфа и замены его Исмаилом в качестве бея Большой Орды.

Второй козырь Москвы, продолжавший существовать и после указанной даты, был экономический: полная торговая зависимость Большой Орды, в особенности личного *юрта* мирзы Исмаила, от русских (Bennigsen, Veinstein 1980, p. 49–63). *Ногайские дела*[6] много сообщают нам об этих реалиях. Если в конце XV и в начале XVI веков ногаи имели возможность торговать с османскими портами на Черном море, то позже это движение было прервано, и в середине столетия Орда могла сбывать свое основное богатство – лошадей только Москве. Это было справедливо, во всяком случае для Исмаила и для западной части Орды, потому что Юсуф равным образом торговал с Ургенчем и Бухарой. В то же время оба правителя, так же как их мирзы, были зависимы от русской столицы во всех видах товаров, называемых предметами цивилизации и роскоши, которые в ту эпоху они не могли добыть в другом месте. Действительно, как видно из переписки с царем, их [товары] требуют от него в качестве «подарков» (*поминок*).

Несколько раз в год послы ногайских беев и мирз отправлялись в Москву. Их отряды принимали форму громадных караванов как, например, в декабре 1555 г., который состоял из 1500 «послов» и «торговцев» (*гостей*), в сопровождении 20000 лошадей и 20300 овец. По некоторым оценкам, в первой половине XVI в. в Москве ежегодно в среднем продавалось десять тысяч голов ногайских лошадей. Члены отряда размещались в Москве в специальном караван-сарае (*Ногайском дворе*[7]). Они проживали там приблизительно месяц, питались за счет правительства и получали пенсион (*жалование*). По прибытии и перед отъездом эти послы и торговцы приглашались царем к ужину.

В просьбах о подарках, которые они излагали, отметим присутствие металлов и металлических изделий: олова, свинца, железа, золота, а также гвоздей, требуемых сотнями тысяч, и котлов.

[5] Точнее, Юсуф погиб в конце 1554 г. Если исходить из того, что письмо о «вокняжении» брата Юсуфа – Исмаила было доставлено в Москву 25 января 1555 г., а дорога из Ногайской Орды на Русь занимала от одного до трех месяцев, то смерть бия предположительно могла произойти не позднее 25 декабря 1554 г. См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561. Казань, 2006. С. 162–163. О существующих датировках гибели Юсуфа см.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 271. – *Д.М.*

[6] Имеются в виду посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, отложившиеся в фонде «Сношения России с ногайскими татарами» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) – *Д.М.*

[7] Это был особый посольский двор, точное местоположение его в Москве неизвестно. См. об этом: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561. Казань, 2006. С. 221, примеч. 11. – *Д.М.*

Видное место в них также занимают роскошные одежды: меховые шапки, шубы, подбитые мехом, придворные мантии; также ткани различных видов: сукна, пригодные для одежды или чтобы покрывать грузы, тенты.

Назовем также золотые предметы, деньги и различное сырье: киноварь, шафран, ртуть, мышьяк и т.д.

В равной степени находим там парадные военные предметы, такие как: трубы, барабаны, знамена, украшенные седла; большое место занимало также собственно оружие: металлические или кожаные доспехи, шлемы, сабли. Неоднократно мирза Исмаил настойчиво просил к орудиям сопровождающих артиллеристов и аркебузиров.

Вследствие своей однородности источники не сообщают нам, в какой мере эти прошения были удовлетворены. Во всяком случае, политические и военные последствия экономической зависимости были отчетливо видны заинтересованным лицам. Мирза Исмаил писал своему брату и сопернику Юсуфу: «И толко мне завоеватца [с Москвой] и мне ходить нагу»[8] (ПДРВ, IX, с. 103).

Для того, чтобы понять причины доброжелательного нейтралитета, проявленного Ордой и, в частности, западной ее частью, во время завоевания Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.), должны быть приняты во внимание эти подспудные интересы. Позже, в 1562 г., Исмаил бей, упрекая за неблагодарность, резко напомнит царю: «Ты взял Казань и я не помогал Казани... после этого ты взял Астрахани и из-за дружбы с тобой я не поддержал Астрахань...» (ПДРВ, X, с. 207–208, 212–213)[9].

Вместе с тем, позволив московитам захватить два татарских ханства или, по крайней мере, не пытаясь этому воспрепятствовать, ногаи подвергли более или менее долгосрочной опасности свое собственное положение. С апреля 1557 г. московиты сооружают Лаишевскую крепость на Нижней Каме, чтобы оборонять южные территории Казани от ногайских набегов (Nolde 1952, p. 39–40). С другой стороны, завоевание Казани, без сомнения, стало для московитов решающим

[8] Не писал, а будто бы заявил. В оригинале цитата такова: «Твои деи люди ходят торговати в Бухару, а мои люди ходят к Москве. И толко мне завоеватца, и мне самому ходити нагу. А которые люди учнут мерети, и тем и саванов не будет». См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561. Казань, 2006. С. 130, л. 191. – *Д.М.*

[9] В оригинале цитата такова: «Тебя для деи есми отстал от братьи своей и от детей своих отстал, и от всех Нагайских мырз для к себе твоей дружбы. Казань деи еси взял, яз деи в том дружбу учинил, Казани помочи никоторые не чинил. И Царь деи и великий Князь Казань взял. И хотел деи мне Казань дати, да Казань не дал. А после того Асторохань взял. И моя ж к нему потому ж дружба была, за Азсторохань есми не вступился. И хотел был мне Царь и великий Князь Азсторохань дати. И Азсторохани ж мне не дал. А в своем прямом слове не устоял». «Преж того братство и дружба твоя к нам была, и слово твое к нам было: коли возмеш Казань, и ты хотел нам отдати. И ты Казань взял, Казани еси нам не отдал. А опосле того Асторохань еси взял. А хотел еси мне отдати, и Асторохани еси мне не отдал же». – *И.З.*

этапом в захвате Западной Сибири: население, которое это татарское ханство прежде контролировало, чтобы обеспечить свою торговлю мехами, отныне было обречено попасть под власть Москвы или Сибири. В этот момент сибирский хан Ядигар согласился платить дань Москве.

На 1552–1556 годы, очевидно, приходится апогей торговли между ногаями и Москвой. Она идет к упадку после наступившего в 1560 г. большого голода в степи, повлекшего за собой потери и перемещение населения и вызвавшего резкое ослабление Орды. В то же самое время, преемники умершего в 1563 г. Исмаила, Дин-Ахмед и Урус-бей, проявят, как мы увидим, гораздо меньшую любезность по отношению к Москве.

Это заставило царя еще больше озаботиться тем, чтобы объявить себя покровителем ногаев перед лицом бесчинств донских и волжских казаков. Он уже играл эту роль в пятидесятые годы, когда подобная позиция была необходимым условием процветания ногайско-московской торговли.

Перед завоеванием Астрахани непрерывные нападения волжских казаков, совершавшиеся на быстрых лодках, представляли значительную угрозу для ногайских караванов, направлявшихся в Москву. Между 1552 и 1556 годами московитское правительство принимало энергичные меры, стараясь разрешить данную проблему. В январе 1553 г. царь писал бею Исмаилу, приглашая Ногаев вернуться торговать в недавно завоеванную Казань: «Мы изгнали волжских казаков для того, чтобы никакой вред не был причинен вашему *улусу*, вашим послам и вашим *гостям*» (ПДРВ, IX, С. 121)[10].

После 1563 г. речь шла о продолжении существования этой торговли (как впрочем, и связей с Персией и Бухарой) и о том, чтобы препятствовать неконтролируемым элементам портить отношения между двумя партнерами. Позиция Ивана IV в этом направлении отчетливо просматривается в эпизоде, имеющем косвенное отношение к завоеванию Сибири: после разграбления Сарайчика донскими казаками, в ответ на жалобу Урус-бея, царь посылает карательную экспедицию на Волгу, куда сбежал атаман Иван Кольцо с товарищами, с приказом захватить последних (Semenov 1938, с. 91). Известно, что они скрылись и в сложившихся обстоятельствах присоединились к Ермаку Тимофеевичу, чтобы в итоге перейти на службу к Строгановым. Эти последние, согласно «Строгановской летописи», убедились в храбрости Ермака и других атаманов, узнав, «как они убивали ногаев и грабили и убивали правительственных торговцев (*ардобазарцев* или *ордобазарцев*) на переправах через Волгу» (Armstrong 1975, p. 40). Позднее, в письме от 16 ноября 1582 г., царь вернется к обвинениям против казаков и сильно упрекнет Строгановых в том, что они посылали Ермака и его людей биться в Сибири вместо того, чтобы охранять Пермский край, атакуемый в

[10] В оригинале цитата такова: «А которые наши казаки были на Волге, и мы вас для тех всех своих казаков велели с Волги свести, чтоб вашим послом и людем и улусом лиха никаторого не делали». – *Д.М.*

то время князем Пелыма. Он «обличает» этих «атаманов и казаков, которые уже прежде... – пишет он, – привели нас к вражде с Ногайской Ордой, убивали ногайских посланников на переправах через Волгу [и] грабили и убивали торговцев» (Armstrong 1975, p. 293).

Позиция Ивана Грозного не была, разумеется, лишена неискренности, так как, укоряя казаков в осложнении ситуации с ногаями, он сам не питал иллюзий относительно реакции Орды, которую могли вызвать территориальные пожалования, сделанные Строгановым на юго-западе Урала, а потом и в Сибири. Мы уже видели, что Лаишевская крепость, построенная в 1557 г. на нижней Каме, была предназначена для защиты от ногайских набегов территории, приобретенной к югу от Казани.

По царской грамоте от 4 апреля 1558 г., жалующей Григорию Строганову земли по обоим берегам Камы и в бассейне Чусовой, ему позволялось возвести там крепость в лесу, снабдить ее пушками и мушкетами, канонирами, мушкетерами и артиллеристами «против народа ногайского и других орд» (Armstrong 1975, p. 282). Строительство второй крепости, Кергедана (Орлов, Орел) было разрешено в 1564 г. грамотой, которая приведена в Строгановской летописи (Armstrong 1975, p. 36). Подобное же разрешение, содержащее намек на ногайскую угрозу, было дано Якову Строганову в грамоте от 25 марта 1568 г.: постройка этой крепости была призвана обеспечить защиту эксплуатируемых последним солеварен на Чусовой (Armstrong 1975, p. 285). После того, как пермский воевода недвусмысленно сообщил о нападениях черемисов и других соседних народов на пермских торговцев и камских рыболовов, Иван [IV] побуждает в августе 1572 г. Якова и Григория Строгановых набрать и вооружить добровольцев и отправить их сражаться с «Черемисами, Остяками, Вотяками и, добавляет царь, Ногаями, которые, говорит он, нас предали и отделились от нас» (Armstrong 1975, p. 288).

Расширение поля деятельности Строгановых по ту сторону Урала обозначило новые сферы возможных конфликтов с ногаями. В грамоте от 30 мая 1574 г. Якову и Григорию Строгановым, предоставлявшей им освобождение на двадцать лет от пошлин на земли и народы Такшеи (вероятно, наименование бассейна Туры) и Тобола, Иван признает, что область, которую он даровал, считая ее своей, расположена «между Сибирью и Ногаями»; далее он ссылается на документ, утвердивший его «султаном Сибири», согласно которому до сих пор Такшеи не посылали дани нам [имеется в виду Москва] или в Казань, но посылали дань Ногаям». Эта грамота, как и предшествующие, разрешает Строгановым в ответ на их ходатайство о постройке крепостей на вышеупомянутой территории держать там артиллерию и гарнизоны канониров и мушкетеров и охранять «от сибиряков и ногайского народа» (Armstrong 1975, p. 289–290).

Как видим, царь в своей политике шел на риск, желая ослабить враждебность ногаев, которую сам же провоцировал. Что мы знаем о реакции ногаев в то время, по меньшей мере, верхушки Большой Орды?

То обстоятельство, что сообщения «Ногайских дел» прерываются в 1575 г., создает историку трудности. Однако работы, имеющиеся сейчас в распоряжении, в частности несколько недавних исследований, позволяют обосновать отдельные позиции и выдвинуть некоторые замечания.

Общепризнано, что у ногайского бея 1580-х гг., Урус-бея, было явное желание противодействовать Москве. Но возможность для его маневров отныне сильно сократилась: позиции, достигнутые в прошлом русскими на территории собственно Большой Ногайской Орды, значительно ее ослабили. Московское продвижение, представлявшее наиболее продуманную цель правительства царя Федора, преемника Ивана, угрожавшего ногайскому бею непосредственно в сердце его владений, которому нужно было противостоять, осуществлялось по нескольким направлениям: не только в Сибирь, но еще более открыто на Кавказ.

В довершение всего Урус рассеивает свои силы: например, в 1584 г. он посылает в Крым войска десяти племен Большой Орды, чтобы попытаться возвести на крымский престол своего зятя Саадет-Гирея, сына предыдущего правителя, вместо османского ставленника хана Ислам-Гирея II. В этом столкновении союзниками ногаев были дагестанские кумыки и донские казаки. Борьба завершилась победой османов и их союзников (Малой Ногайской Орды), значительными потерями для Большой Орды, казнью главы ногайских войск Езен-бея и большого числа беев и мирз (Bennigsen, Lemercier 1973, p. 461).

В то же время московская дипломатия среди ногаев не бездействовала, и бей был стеснен в своих поступках промосковской группировкой, возглавляемой сыновьями своего брата, Дин-Ахмеда.

Тем не менее, он старался действовать. Невзирая на то, что в османской попытке захвата Астрахани[11] в 1569 г. ногаи, насколько позволяют судить источники, не играли заметной роли, Урус бей пытался убедить османского султана Мурада III отвоевать Астрахань. В 1584 г. посол царя Федора в Стамбуле сообщал, что Урус угрожал Порте перейти со своими подданными под протекторат Москвы, если турки откажутся от этого (Смирнов 1946, с. 132). На следующий год Урус обращается также к крымскому хану Ислам-Гирею, чтобы при своем

[11] О турецком походе 1569 г. на Астрахань см.: *Refik A.* Bahr-i Khazar-Karadeniz Kanali ve Edjerkhan Seferi // *Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuasi, № 43,* İstanbul, 1917, s. 1–14; *Inalcik H.* The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal (1569) // *Annales de l'Universite d'Ankara,* I, Ankara. 1946–1947, p. 47–110; *Kurat A.N.* The Turkish Expedition to Astrakhan in 1669 and the Problem of the Don-Volga Canal // The Slavonic and East European Review, XL, 94, decembre 1961, p. 7–23; *Bennigsen A.* L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les registres des «Affaires importantes» des Archives ottomanes // CMRS, VIII–3, 1967, p. 427–446; *Gökbilgin T.* L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // CMRS, XI–1, 1970, p. 118–123; *Veinstein G.* Une lettre de Selim II au roi de Pologne Sigismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569 // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 82, 1992. In memoriam* Anton C. Schaendlinger. P. 397–420.

посещении османского сюзерена он убедил его перейти к действиям в Астрахани (Новосельский 1948, с. 34–35).

Основание в начале 1586 г. крепости Уфа вызвало протесты ногайских мирз, изобличавших эту инициативу как противоречащую традиционной дружбе, объединяющей их с царями. Ведущему переговоры Ивану Страхову было поручено успокоить умы, дав обоснование строительства. Это было необходимо чтобы:

Во-первых, противодействовать хану Кучуму, собиравшему *ясак* (дань) с башкир, подчиненных Казани;

Во-вторых, – аргумент более правдоподобный – обеспечить связь между Казанью и русскими городами, основанными в Сибири;

В-третьих, – аргумент, предназначенный задобрить ногаев – препятствовать тому, чтобы беглые волжские казаки приходили на Белую Воложку (приток реки Уфы, на которой была построена крепость) и наносили ущерб, «вашему государству», как было сказано ногаям (Пекарский 1872, с. 251).

Как и отец его, царь Федор представлялся защитником ногаев от казаков.

В сентябре того же года очень похожее выступление началось по поводу основания Самары. Урус-бей и ногайские мирзы отправили тогда посольство в Астрахань, требуя оставления и разрушения Самары (Перетяткович 1882, с. 313–316). В этих условиях переговоры со стороны московитов вел никто иной, как *ханзаде* Мурад-Гирей, брат Саадета, зятя Уруса. Убедительный и щедрый в своих подарках он добился очевидного поворота в позиции Урус-бея: тот согласился принести присягу воеводе Астрахани и дать ему заложников (Bennigsen, Berindei 1979–80, p. 75). Оправдываясь по этому случаю перед османским султаном, он пишет ему, ссылаясь на слова царя: «Тот, кто владеет Астраханью, Волгой и рекой Яик будет властвовать над Ногайской ордой» (Новосельский 1948, с. 35).

Если и предположить, что отказ от прежних намерений был искренним, то лишь ненадолго, так как, возродив свой старый замысел, о котором мы намекали, Урус посылает эмиссара в Стамбул вместе с посланником узбекского хана Абдуллы, чтобы убедить *падишаха* предпринять новую кампанию против Астрахани. Венецианец Лоренцо Бернардо, как и османский хронист Селаники, представляют главу ногаев как истинного инициатора данного проекта (Bennigsen, Berindei 1979–80, p. 74). Приготовления с османской стороны велись достаточно основательно. Однако они не были должным образом завершены и это неудавшееся честолюбивое начинание, кажется, было последней попыткой Урус-бея.

В следующем году, с приходом к власти крымского хана «Бора» Гази-Гирея, значительная часть Большой Орды, под руководством *нурадина* Урус-бея, трех его сыновей и сына Дин-Ахмеда, перешла Волгу и ушла на равнины в низовьях Дона под защиту крымского хана. Это событие, изменившее положение значительной части Орды в османской орбите, сопровождалось гибельными последствиями для ногаев. Оно повлекло за собой долгий и кровавый конфликт между Большой и Малой Ордой по причинам не вполне выясненным; два больших пле-

менных ногайских объединения обескровят друг друга, а их главы Урус и Яхши-Саат погибнут в 1590 г.

С тех пор ногайская мощь будет, не переставая, ослабевать до начала XVII в., когда неумолимое продвижение калмыков к Волге нанесет ей последний удар.

Таким образом, перед лицом московской экспансии бей Урус не был более удачлив, чем Кучум, и в сопротивлении Москве правитель мангытов, в конечном итоге, проявил меньше стойкости, чем хан шейбанидов Сибири.

Мы, очевидно, должны спросить себя, пытались ли они в какой-то мере объединить усилия. К несчастью, источники, которыми мы располагаем, как правило, немы по этому поводу, что, впрочем, может действительно свидетельствовать об ослаблении отношений. Отмечу однако, что в донесении воеводы г.Тары Андрея Войкова [Воейкова. – *Д.М.*] царю Борису Годунову от 1598 г. сообщалось о женитьбе одного из сыновей Кучума, Чурея, на дочери Уруса, точную дату которой [женитьбы], впрочем, установить не удалось (Nolde 1952, p. 164). Мы не знаем, имел ли этот союз какие-нибудь политические и военные последствия. Мы видели, что Урус был слишком занят на Волге (а также в Крыму), чтобы иметь возможность существенно влиять на ситуацию в другом месте.

По большей части отношения между Кучумом и ногайскими мирзами остаются для нас неизвестными. Обратим внимание, что они не относились к потомкам монгольских родов и в то же время имели шансы конкурировать с ними – ситуация, из которой Москва могла извлечь пользу. Есть несколько упоминаний сомнительного свойства: в 1570 г. в момент, когда Кучум отказал Москве в дани, Иван IV с раздражением отклонил предложение одного ногайского мирзы принять участие в карательной экспедиции против сибирского хана (Nolde 1952, p. 158). С другой стороны, в 1582 г., когда Кучум собирал вокруг себя все возможные силы, чтобы ответить на первые успехи Ермака, возник вопрос о прибытии одного ногайского мирзы по имени Гулей-мирза: мы не знаем, что он собой представлял (Semenov 1938, c. 107).

Кроме того, известно, что намного позднее, в 1598 г. Кучум, бежавший от калмыков, к которым он направился вначале, за неимением лучшего укрывается у ногаев, от чьих рук в итоге и погибает. По всей видимости, ногаи, о которых шла речь, не составляли часть Большой Орды. Они располагались восточнее и мы можем осторожно предположить, что они относились к подчиненной орде, составлявшей *юрт* Шейх-Мамая, который кочевал в Сибири в районе Сыры. Напомним, что поведению этих Ногаев были даны два различных объяснения. Есиповская летопись на первый план выдвигает страх перед русскими: «Если русские воины узнают, что вы здесь живете, – говорили ногаи старому Кучуму – они нам сделают то же, что и вам» (Armstrong 1975, p. 82). Но для Ремезовской летописи первопричина – злопамятность, которая двигала ногаями; они уже подвергались прежде бесчинствам от отца Кучума, Муртазы, и были убеждены, что

Кучум ограбил и убил бы их при ином развитии событий, как он поступал с другими народами, если б старый слепой и глухой беглец имел такую возможность (Armstrong 1975, p. 238).

Каждое из этих двух объяснений не было правдоподобным. Но оба они свидетельствуют о той степени бессилия, до которой опустились ногаи, чьи предки еще за сто лет до этого принадлежали к большой военной державе, расположенной частью в степях и частью на Урале.

Использованные работы

Armstrong T. (ed.) Yermak's Campaign in Siberia. A selection of documents translated from the Russian by Tatiana Minorsky and David Wileman. Hakluyt Society, second series. No 146. L., 1975.

Bennigsen A., Berindei M. Astrakhan et la politique des steppes (1587–1588) // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak. Harvard Ukrainian Studies, III–IV (1979–1980), 1re partie: 71–91.

Bennigsen A., Lemersier-Quelquejay Ch. La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée: la tradition nomade contre le modele des monarchies sédentaires // Cahiers du monde russe et soviétique (CMRS), XIV, 4 (1973): 453–487.

Bennigsen A., Lemersier-Quelquejay Ch. La grande horde nogay et le probleme des communications entre l'Empire ottoman et l'Asie centrale en 1552–1556 // Turcica: Revue d'études turques, VIII/2 (1976): 203–236.

Bennigsen A., Veinstein G. La grande horde nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XV – 1560) // Social and Economic History of Turkey (1071–1920). Papers presented to the «First International Congress of the Social and Economic History of Turkey». Ankara, 1980: 49–63.

Herberstein S. La Moscovie du XVI siecle vue par un ambassadeur occidental, Herberstein. Presentation et traduction de R. Delort. P., 1965.

Nolde B. La formation de l'Empire russe. Etudes, notes et documents. I. P., 1952.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., [1948. – 447 с.].

Пекарский П.[П]. Когда и для чего основаны [города] Уфа и Самара[: Историческое разыскание] // Записки Императорской Академии наук. – Т.XXI. СПб., 1872. С. 232–260.

Перетяткович Г.[И]. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. [404 с.]

Semenov Y. La conquete de la Siberie du IX au XIX siecle. (Trad. M.Tenine). P., 1938.

Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. I. М., 1946. 174 с.

Михня Бериндей

Роль мехов в торговых взаимоотношениях между Россией и Османской империей до завоевания Сибири*

Торговля ценными мехами (соболь, горностай, черная лиса, рысь) и двумя другими предметами роскоши – ловчими птицами и моржовым клыком – занимала центральное место в отношениях между Москвой и Османской империей. Эта торговля, основанная на исключительной [обоюдной] заинтересованности (с одной стороны – значимости ценной пушнины в церемониале османского двора, с другой – прибыли, приносимой ими в московскую казну), на протяжении веков составляла единственную непрерывную связь между двумя странами; она предшествовала установлению дипломатических контактов и продолжалась, несмотря на часто напряженные политические отношения, опасности пути и другие дорожные трудности.

Настоящее исследование преследует цель кратко проанализировать некоторые аспекты этой торговли накануне завоевания Сибири – хронологию, пути, участников, организацию и дипломатические последствия. Отметим сразу, что данная тема изучалась лишь фрагментарно, и документы московских и османских архивов (не выделяем, какие из них более значимы) продолжают изучаться для получения исчерпывающих данных. Таким образом, речь идет о первых итогах – итогах предварительных, нуждающихся в уточнениях и дополнениях, и опирающихся на результаты опубликованных исследований и выполненных научных работ.

В этой торговле могут быть выделены два основных периода. Первый, который, по нашему мнению, охватывает ее начало, и включает в себя промежуток времени между 1480 и 1515 (и даже 1519) годами: в течение этих приблизительно сорока лет союз между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем против Польско-Литовского государства и Большой Орды способствовал расширению контактов между Московией и Османской империей через Крым. Становлению этих торговых связей содействовали еще два фактора:

1. Быстрое развитие Московии в правление Ивана III (1462–1505 гг.), объединившего под своей властью Тверь, Ростов, Ярославль, Новгород и – начиная с 1470 гг. – районы северо-востока, богатые ценными мехами (Великая Пермь, Вогулы, Югра, Вятка). Таким образом, в последней четверти XV в. Москва контролировала добычу и производство подавляющей части объема

* *Berindei M. Le rôle des fourrures dans les relations commerciales entre la Russie et l'Empire ottoman avant la conquête de la Sibérie.*

пушнины – и, прежде всего, драгоценного меха соболя – не только в долине Печоры и низовьях Оби, но и определенной части продукции с территорий по ту сторону Оби или Иртыша[1].

2. Установление в 1475 г. османского господства на юге Крыма и в Тане (Азаке) позволило установить контакты между османскими и московскими торговыми людьми. Крым являлся перекрестком торговых путей и извлекал из торговли выгоду, объем которой с установлением торговых взаимоотношений между Москвой и Османской империей, не мог не возрасти.

Таким образом, начиная с 1480 г. по этому пути осуществляется интенсивное движение с главной целью – [с целью] обмена предметами роскоши. Ценные меха (соболь, горностай, черная лиса, рысь, бобер) занимали первое место в московском экспорте; к ним следует прибавить меха более заурядные: куницу, каменную куницу, рыжую лису, белку; [а также] ловчих птиц (соколы, ястребы, кречеты), моржовые клыки, кожу и холсты.

Османские купцы взамен привозили шелк разных цветов, шелковые (парча, тафта), шерстяные и хлопчатобумажные ткани, пряности (перец, шафран, гвоздика, ревень, мускус, камфара, ладан), сахар, мыло, краски, мануфактурные изделия (гребни, вуали, пояса, шатры), наконец, жемчуг и драгоценные камни. В.Сыроечковский установил, что в течение этого периода караваны, состоящие из десятков и даже сотен торговцев из Москвы, Твери, Коломны, Новгорода, Можайска почти каждый год направлялись в Крым. Там они пересекались с торговцами Османской империи или [Крымского] ханства: турками, татарами, армянами, евреями, свободно торговавшими в Крыму. Большинство этих торговцев составляли мусульмане – это доказывает фрагмент реестра таможенных пошлин, уплаченных в Кафе с 1480 г. по 1490 г. Они [торговцы] приезжали из Стамбула, а также из городов Анатолии (Синоп, Кастамону, Бурса, Мерзифон, Амасия, Кония, Токат, Анкара). Впрочем, отдельные московские торговцы [и] сами отправлялись в поездки в некоторые из этих городов (а именно, в Стамбул, Бурсу, Синоп, Токат). Однако основная торговля шла в Крыму, особенно в Кафе, а также в Азаке (в устье Дона), в Бахчисарае (резиденции хана) и, начиная с 1495 г., в Озю (Джанкермане), основанном Менгли-Гиреем в устье Днепра[2].

[1] *Сыроечковский В.Е.* Гости сурожане. М.; Л., 1935. С. 64–68; *Он же.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XII века // Известия Академии наук СССР. Отделение Общественных наук. VII, 3, 1932. С. 193–237; *Delort R.* Le commerce des fourrures en Occident a la fin du Moyen Age (vers 1300 – vers 1450) // Ecole francaise de Rome, 1978. P. 269–276; *Martin J.* Muscovy's northeastern expansion: the context and a cause // CMRS. T. 24 (1983). № 4. P. 459–470.

[2] *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 39 и след.; *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age, 1300–1600, New York; Washington, 1973. P. 129–132; *Idem.* The question of the Black Sea under the Ottomans // Αρχειον Ποντογ (Афины), 1979. P. 91–107; *Berin-*

В свете источников, относящихся к этому периоду, видно, что основными поставщиками ценных мехов, предназначенных для Крыма, являлись московские торговцы (включая особенно крупных, известных как *гости сурожане*). Соболя, горностаи, черные лисы, так же, как ловчие птицы (эти почти полностью) и моржовые клыки, составляли в равной степени часть подарков – практически обязательную – преподносимых послами великого князя или главами караванов хану и главным *мирзам*. Такие же подарки посылались султану, начиная с 1492 г. – года первого московского посольства в Стамбул[3].

Хотя мы знаем, что меха составляли большую часть московского экспорта, мы не имеем соответствующих документов, позволивших бы отразить эту специфическую торговлю в цифрах и иметь более или менее точное представление о ее объемах или других подобных категориях. Единственные сохранившиеся цифровые данные касаются чрезвычайных случаев: ограбления караванов или смерти торговцев в чужой стране. Эти цифры, вероятно, преувеличены, но, тем не менее, [в целом] соответствуют действительности, свидетельствуя о большой ценности потерянных грузов: 2255 рублей (в османских золотых монетах по ценам той эпохи сумма была вдвое большей) в 1489 г.; 1500 рублей в 1495 г. и столько же в 1498 г.; 1413, 1080 и 930 рублей в 1500 г.; 3325 рублей в 1501 г. Один торговец был ограблен в 1500 г. с грузом, состоящим только из мехов стоимостью в 400 рублей (800 османских золотых монет)[4]. Имеющиеся в нашем распоряжении османские документы не упоминают о ценных мехах: вероятно, в указанную эпоху торговля этим товаром уже была освобождена от таможенных пошлин и он предназначался, главным образом, для императорского двора.

Изменение крымской политики по отношению к Москве, заметное в последние годы правления Менгли-Гирея и особенно после его смерти в 1515 г., вскоре положило конец торговым связям. Разрыв произошел в 1519 г., когда Василий III и Мухаммед-Гирей выступили друг против друга за наследование Казани; в 1521 г. хан руководил большим набегом на Москву, первым из долгой череды набегов крымских татар, осуществленных на протяжении XVI в. (точнее, до 1593 г.). Не позднее 1519 г. московские торговцы забросили пути, ставшие слишком опасными для тех, кто путешествовал через крымские владения. Главная дорога, пролегавшая вдоль течения Дона, использовалась лишь от случая к случаю отдельными послами, направлявшимися в Стамбул. На первый взгляд кажется удивительным, что османы не реагировали на внезапное прекращение функционирования столь прибыльного торгового пути. Объясняется это существ-

---

dei M., Veinstein G. La presence ottomane au sud de la Crimee et en mer d'Azov dans la premiere moitie du XVI siecle // CMRS. T. 20 (1979). № 3–4. P. 437.

[3] *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 53, 59–62; *Berindei M., Veinstein G.* Op. cit. P. 437–438.

[4] *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 77–81, 92, 100–101.

вованием запасного пути поступления московских мехов – пути через Молдавию и Польшу[5].

Итак, мы приступаем ко второму периоду [развития] этой торговли, [начавшемуся] с момента ее возобновления примерно в 1520 г. и продолжавшемуся до 1582 г. Данный период более известен, чем предшествующий, благодаря работам Раймонда Фишера, Марии Фехнер[6], Александра Беннигсена, Шанталь Лемерсье-Келькеже и моим собственным. Однако все эти исследования касаются, главным образом, второй половины XVI в. Я же утверждаю, что уже на начальном этапе (1520–1550 гг.) происходит организация торгового обмена по новому пути.

Сначала несколько слов о молдавско-польском пути, с конца XIV в. ставшем поистине международным, по которому часто ходили итальянские купцы. Его основные пункты – города Килия (в устье Дуная) и Монкастро (Цетатеа-Альба) в устье Днестра в Молдавии и Львов в Польше, с XV в. составлявший конкуренцию Каменцу-Подольскому. Османы в нем присутствуют с 1456 г. (об этом свидетельствуют торговые привилегии, предоставленные султаном торговцам Цетатеи-Альбы)[7]; завоевание в 1484 г. Килии (Кили) и Цетатеи-Альбы (Аккермана) обеспечило османам контроль над рынками сбыта; наконец, в 1538 г. оккупация юго-востока Молдавии, Буджака, упрочила их позиции. С другой стороны, заключение мирного договора между Портой и Польшей в 1489–1490 гг., возобновлявшегося впоследствии в течении всего XVI в. (исключая время короткого конфликта между 1497 и 1501 г.) откроет для османских торговцев польские рынки. Первое известие о появлении меха соболя на этом пути датируется 1463 годом, когда упоминается 256 *pelles sabellines* [соболиных шкурок. – *И.М.*], купленных во Вроцлаве генуэзскими купцами (впрочем, это единственное упоминание об участии итальянцев в данной торговле), но мы ничего не знаем о происхождении этих мехов[8]. Во всяком случае, в конце XV в. Османская империя получала ценную пушнину по этому пути; пути, без сомнения, менее важному, чем проходящий через Крым, но достаточному, чтобы

---

[5] *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitie du XVI siecle // CMRS. T. 11 (1970). № 3. P. 371–377; *Berindei M.* Contribution a l'etude du commerce ottoman des fourres moscovites. La route moldavo-polonaise, 1453–1700 // CMRS. T. 12 (1971). № 4. P.398–400; *Berindei M., Veinstein G.* Op. cit. P. 439–440.

[6] *Fisher R.* Russian fur trade, 1550–1700. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1943. P. 217–218; *Фехнер М.* Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. 2-е изд. М., 1956.

[7] Более подробное издание см. *Mehmed M.A.* Documente turcesti privind istoria Romaniei. Bucarest, 1976, I. P. 2–3.

[8] Akta grodzkie i ziemskie z czasow Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardynskiego we Lwowie, X. Liske, ed., Lwow, 1876, VI, doc. LIII. P. 81 (dans la meme serie une attestation anterieure de 1440 de fourrures fournies par Lwow au roi mais elles etaient destinees a servir de cadeaux au sultan: *Ibid.*, V, 1875. P. 97); *Iorga N.* Studii si documente cu privire la istoria. Bucarest, 1913, XXIII, p. 304, doc. 40.

привлечь внимание налоговых учреждений (см. таможенный регламент Эдирне от 1493 г.)[9].

Именно по этой дороге налаживается в дальнейшем торговля дорогими мехами между Москвой и Османской империей. Инициатива здесь принадлежала султану и относится она к 1519 г. – напомню, совпадающему со знаменательной датой – годом неожиданного разрыва между Москвой и Крымом. Падишах просит польского короля разрешить свободный проезд своему торговцу Андрею Каркоканделла, направляющемуся в Москву, чтобы купить «товары»[10]. Андрей Каркоканделла или «Грек Андрей» – первый, кого мы узнаем из длинного списка имперских торговцев, уполномоченных приобретать меха и ловчих птиц для османского двора. Мы встречаем его на этом пути на протяжении более чем тридцати лет. До 1548 г. он, кажется, единственный имперский торговец – по меньшей мере главный, так как в частых, регулярных посещениях Москвы ему помогали несколько других торговцев. Это был важный персонаж. Будучи приравненным к послу, он доставлял письма султана или великого визиря, открывавшие ему двери, закрытые для рядовых торговцев. Он торговал для султана, но пользовался своим положением, чтобы работать на себя или других влиятельных лиц, таких, как воевода Молдавии Петр Рареш или Алоизио Гритти, серый кардинал Ибрагим-паши – великого визиря и наперсника султана. Таким образом, он навлек на себя гнев короля Сигизмунда, который в письме от 1532 г. угрожал забрать обратно данное ему разрешение, если он продолжит поступать в том же духе[11]. Из тех же соображений он был задержан в 1539 г., когда направлялся в Москву, и освобожден лишь после поспешных обязательств султана впредь предоставлять королю точную ведомость сумм денег или количества товаров, доверенных имперским торговцам[12]. Каркоканделла, тем не менее, сохранил доверие Порты и продолжал свои деловые поездки до 1553 г., когда его след теряется[13]. Тем временем появились другие имперские торговцы, занимающиеся приобретением пушнины (особенно соболей) или ловчих птиц: Муслихуддин в 1548 г., Мустафа Челеби в 1550 г., Мехмед в 1561 г. и многие другие, пришедшие им на смену[14].

Торговля быстро расширялась. В 1526 г. власти Львова пожаловались на королевских офицеров Каменца-Подольского, позволивших османским и молдавским торговцам отправиться в Москву через Литву, не заезжая сначала в их

[9] *Beldiceanu N.* Recherche sur la ville ottomane au XV siecle. Etude et actes. P., 1973. P. 177–178, doc. 14.

[10] *Abrahamowicz Z. Katalog dokumentow tureckich. Documenty do dziejow Polski i krajow osciennych w latach 1455–1672.* Warszawa, 1959. S. 33, doc. 18.

[11] *Documente privitoare la istoria romanilor culese de Eudoxiu de Hurmuzaki,* I. Bogdan, ed. (Documents des Archives Polonaises), Bucarest, 1893, Suppl.II, vol. I, p. 47, doc. 15.

[12] *Abrahamowicz Z.* Op. cit. P. 63–64, docs 51–52.

[13] *Ibid.*, p. 137, doc. 137.

[14] *Ibid.*, p. 101, 119–120, 162, docs 95, 120, 163.

город, нарушив тем самым право этапа[15]. Таким образом, отдельные торговцы Османской империи следовали по этому пути и мы знаем, что некоторые возвращались с пушниной (как, например, Махмуд, скончавшийся на обратном пути в 1544 г. в Каменце: султан распорядился, чтобы имущество покойного досталось его брату[16], но мы не знаем, о каком виде пушнины идет речь).

Зато молдаване, по крайней мере, направлявшиеся воеводой, определенно являлись покупателями ценных мехов. Их роль в снабжении имперского двора значительна; один документ 1532 г. содержит подробное описание подарков, ежегодно посылаемых [молдавскими] воеводами [в Порту] дополнительно к дани:

«*султану двенадцать "сороков" [помеченных гербом. – примеч. авт.[17]] соболей, двенадцать шуб рысьих хребтовых и двенадцать шуб беличьих черевчатых; великому визирю четыре "сорока" соболей и четыре рысьих шубы (то же для второго визиря)*»;

«*султану восемь "сороков" хороших соболей, восемь рысьих шуб, двенадцать соколов и двенадцать шуб беличьих черевчатых*»;

великому визирю и второму визирю – каждому «*два "сорока" соболей, два сокола и две рысьих шубы*»[18].

Люди воеводы не имели льгот, предоставленных торговцам султана. Король Польши часто отказывал им в свободном проезде в Московию под двояким предлогом: из-за состояния войны с великим князем (даже во время перемирия с 1522 по 1534 гг.), и вследствие существующей для них возможности приобрести редкие, пользующиеся спросом товары (соболя, горностаи, моржовые клыки, ловчие птицы), в Люблине (документ 1523 г.) или другом месте в Польше или Литве (документы 1527 и 1528 гг.) Тем не менее, как только эти дорогостоящие товары исчезли с польского рынка, воевода попытался обойти препятствие, прибегнув – как мы видели – к услугам Андрея Каркоканделлы или отправляя своих людей в Крым (обмен посольствами с Московией в 1531, 1532, 1533 гг.). Война, которую Петр Рареш вел против Польши за Покутье с 1530 по 1538 гг., исключала, разумеется, все торговые операции[19].

Потребность молдаван в ценных мехах, получаемых из Москвы, стала еще более острой после 1541 г., в период второго правления Петра Рареша. Воевода лелеял надежду – ему было дано обещание в этом смысле – добиться возвращения Буджака (оккупированного султаном в 1538 г.) взамен большой суммы

[15] *Iorga N.* Op. cit. P. 334, doc. 138.

[16] *Abrahamowicz Z.* Op. cit. P. 88–89, doc. 27.

[17] В действительности «сорокá» (от числительного 40) здесь являются нумеративом, указывающим на количество соболиных шкурок в связке. – *И.М.*

[18] Documente... E. de Hurmzaki, Op. cit. P. 66–67, doc. 27.

[19] *Panaitescu P.P.* Petru Rareş şi Moscova // In memoria lui Vasile Parvan. Bucarest, 1934. P. 3–16; *Giurescu C.C.* Relatii economice dintre romani şi ruşi // *Revista istorica romana* (Bucarest) XVII, 1–2, 1957. P. 12–13.

денег и подарков. Он безрезультатно выпрашивает финансовую помощь у Сигизмунда, с которым заключил мирный договор *in extremis* в 1538 г.; он обращается также к Московии, положившись на хорошие отношения между двумя странами и родственные связи. С 1541 по 1545 гг. он беспрестанно просит у короля Польши разрешения послать через его территорию посольство к великому князю[20]. В конце концов, в 1545 г. согласие ему было дано, но на обратном пути в 1546 г. его люди были ограблены около Вильны князьями Федором и Димитрием Вишневецкими (последний впоследствии станет основателем Запорожской Сечи). Таким образом, молдаване потеряли часть подарков, полученных от московитов: 36 «сороков» соболей, 50 отдельных шкурок соболя, 30 шуб из куницы и двух ястребов[21].

Отношения между Молдавией и Польшей впоследствии улучшились, тем не менее, торговцы воевод вновь сталкивались с трудностями. Мы видим, например, как в 1564 г. Порта добивается освобождения Драгана, посланца воеводы Александра Лапушняну (посетившего Москву в 1560 г. и 1562 г.), арестованного во Львове с партией соболей и моржовых клыков; султан даровал ему свое покровительство как имперскому торговцу[22].

В качестве заключения – несколько выводов о развитии торговли московскими мехами во второй период:

1. Территории, контролируемые крымскими татарами, в дальнейшем перестали использоваться; в период кризиса отношений с Польшей единственными, кто их пересекал после принятия мер предосторожности, были молдаване или некоторые имперские торговцы, вынужденные держаться подальше от полей сражений (1564 г., 1574 г.). Молдавско-польский путь, хотя и более долгий, особенно в отношении маршрутов, лежащих западнее, оказался более безопасным для османов. Восточный путь, пролегавший через Киев и Литву, будет также покинут купцами в середине XVI в. из-за опасения перед запорожскими казаками. Наконец, отметим наличие более неожиданного маршрута, заимствованного у Андрея Каркоканделла: в 1531 г. он, застигнутый врасплох в Аккермане польско-молдавской войной, направился вначале в Варад (Орадею) в Трансильвании, достиг Кракова, затем перешел Буде, чтобы продолжить далее свой путь к Москве[23].

2. Торговцы, направлявшиеся в Москву в поисках мехов, являлись профессионалами, специализировавшимися на этом виде торговли. Имперские торговцы, кажется, обладали, монополией на самые дорогие меха (хотя у нас нет в этом полной уверенности). Как бы там ни было, они имели фактическую моно-

[20] *Panaitescu P.P.* Op. cit.; *Rezachevici C.* Politica externa (1541–1546) // Petru Rareş, ouvrage collectif sous la red. de L. Simanschi. Bucarest, 1982. P. 183 sq.

[21] *Corfus I.* Documente privitoare la istoria Romaniei culese din arhivele polone, secolul al XVI-lea. Bucureşti, 1979. P. 107–113, 115–123, docs 56–57, 59–60.

[22] *Berindei M.* Op. cit. P. 406–407.

[23] *Iorga N.* Op. cit. P. 13, doc. 15.

полию: для них, практически приравненным к дипломатам, были открыты все дороги (даже в случае войны) и они были освобождены от таможенных пошлин. В этих условиях они не боялись конкуренции [со стороны] частных торговцев.

3. Как мы видели, инициатива открытия этого пути снова принадлежит османам. Они (вместе с их молдавскими помощниками) единственные активные участники в этой торговле. Московиты приобретают предметы роскоши и культуры, которые получали раньше из Османской империи, в других местах (в Иране, Бухаре, на Западе и др.). Имперские торговцы еще продолжают привозить некоторые ценные товары, но за большую часть своих покупок они расплачивались наличными деньгами. Согласно цифрам, которыми мы располагаем, каждый торговец имел в своем распоряжении суммы, которые никогда не были меньше 10 000 золотых монет (с 1519 г. по 1551 г.), 14 000 (около 1560 г.), а впоследствии превышали 20 000 (23 000 в 1565 г. и 25 000 в 1567 г.). К этим суммам добавлялись те, что привозились молдаванами: (это составляло несколько тысяч золотых монет (например, 6 000 в 1562 г.)[24].

Таким образом, для московитов речь шла об источнике все возраставшего постоянного дохода. Во второй половине XVI в. экспорт ценных мехов становится монополией казны, денежный эквивалент вырученной за меха суммы возвращается государству (в *Соболиную казну)* или непосредственно царю (*Казенный двор).*

Такими были очень бегло обрисованные реалии османской торговли московитскими мехами накануне завоевания Сибири – завоевания, открывшего Москве новые районы обеспечения, не повлекшего за собой, тем не менее, никакой модификации в организации рассматриваемой торговли.

[24] *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Op. cit. P. 370–371; *Berindei M.* Op. cit. P. 402–403, 407.

Список сокращений

АКД – Автореферат кандидатской диссертации

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.

ДИВУР – Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А.Мустакимов; науч. ред. Д.А.Мустафина; под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. Казань: Гасыр, 2008

Др. – Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собств. Его Имп. Велич. канцелярии. Т.II. СПб., 1851

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИИЯЛ ДФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР

КР – Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением собств. Его Имп. Велич. канцелярии. Т.2. СПб., 1855

ОР СПбФ ИВ РАН – Отдел рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук

ПДРВ – Продолжение древней Российской вивлиофики

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РК – Разрядная книга

РО ЦНБ НАН – Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Украины

СИРИО – Сборник императорского Русского исторического общества

СИЭ – Советская историческая энциклопедия

СМОМПК – Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа. Тифлис, 1901

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

AGAD – Archiwum Główne Akt Dawnych

Belleten – Belleten. Türk Tarih Kurumu

BNF – Bibliothèque nationale de France

BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi

CMRS – Cahiers du monde russe et soviétique

CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique

EPHE – Ecole pratique des hautes études

EHESS – École des hautes études en sciences sociales

KCAMPT – Le khanat de Crimee dans les archives du Musee du palais de Topkapı / Pres. par A.Bennigsen e.a. Paris; Le Haye, 1978

TSM – Topkapı Sarayı Müzesi.

TSMA – Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi.

RCP – Recherches Coopératives sur Programme

J.A. – Journal Asiatique

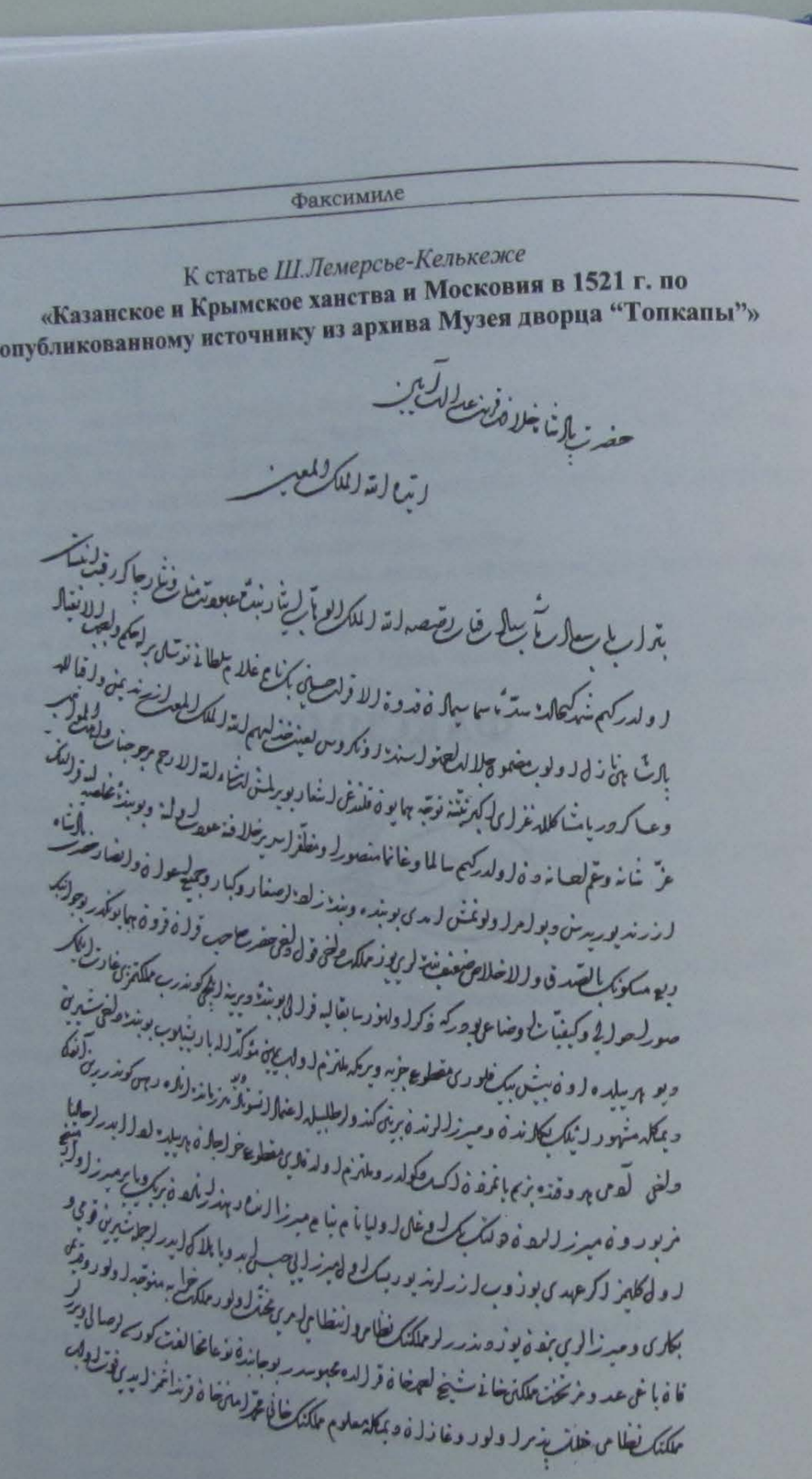
MD – Mühimme Defteri

DC – Archivio di Stato di Venezia, Dispacci degli Ambasciatori al Senato. Constantinopoli

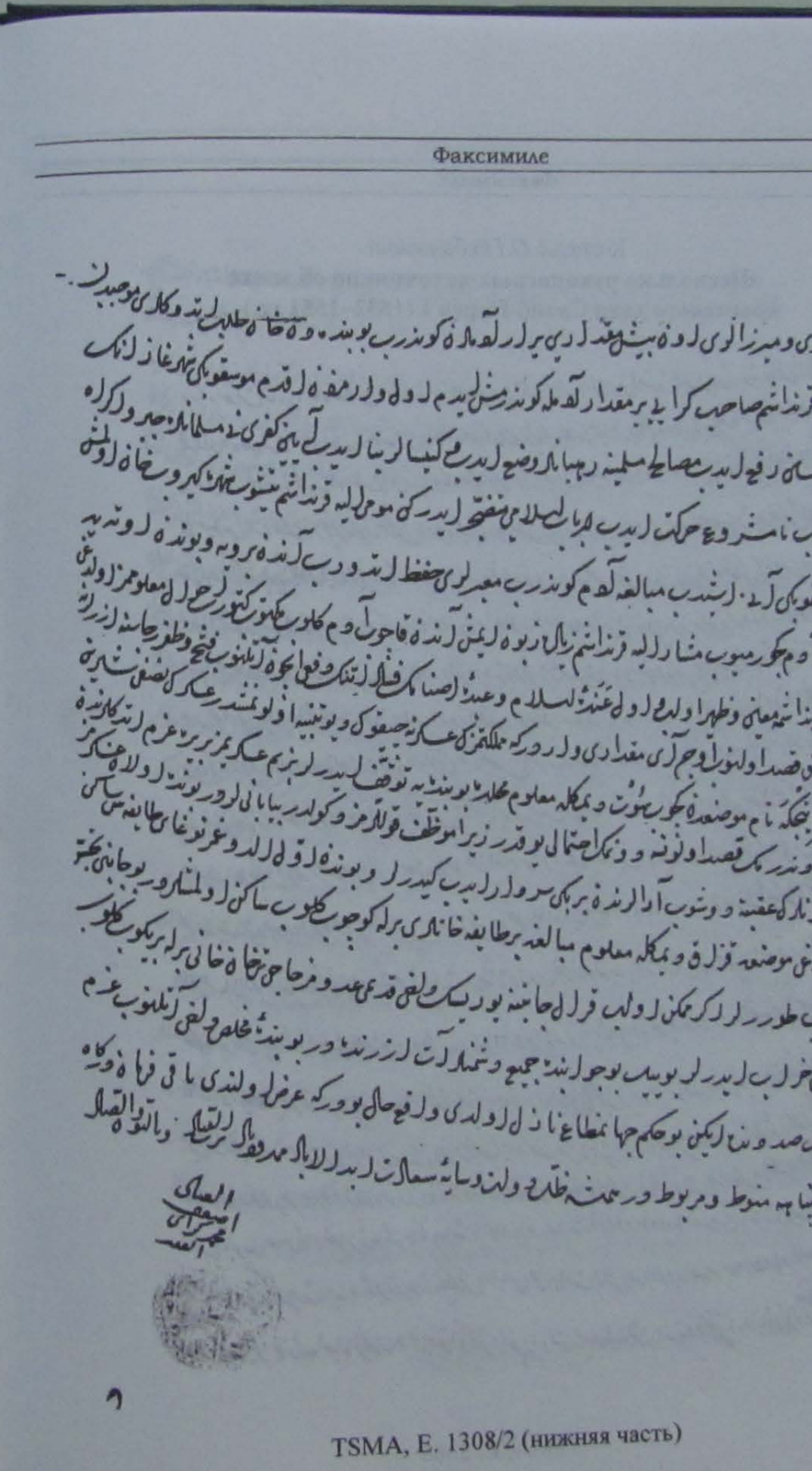
ФАКСИМИЛЕ

К статье *Ш.Лемерсье-Келькеже*

«Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному источнику из архива Музея дворца “Топкапы”»



TSMA, E. 1308/2 (верхняя часть)



TSMA, E. 1308/2 (нижняя часть)

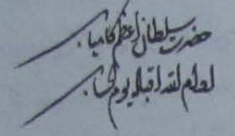
К статье *О.Гёкбильгина*

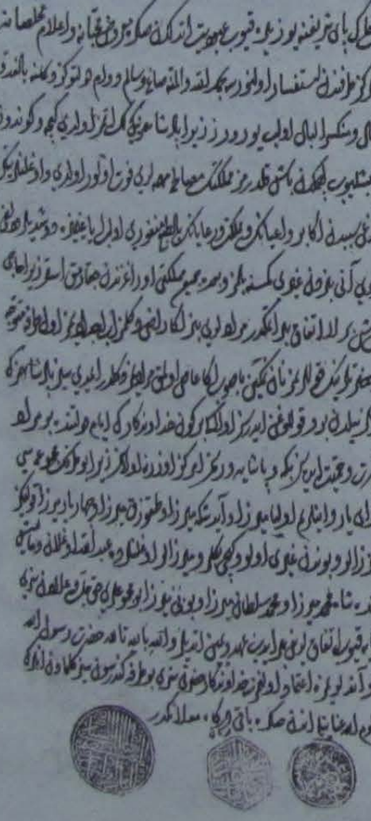
«Несколько рукописных источников об эпохе крымского хана Сахиб-Гирея I (1532–1551 гг.)...»

TSMA, E. 2365

TSMA, E. 1308/3

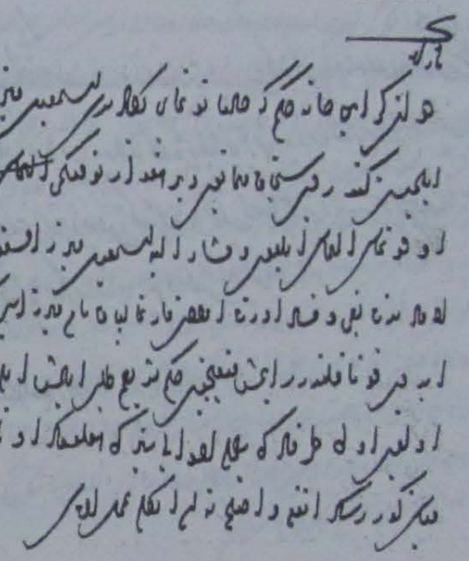
К статье *А.Беннигсена* и *Ш.Лемерсье-Келькеже*
**«Крымское ханство в начале XVI в.:
от монгольской традиции к османскому сюзеренитету...»**





TSMA, E. 6474/1

К статье *А.Беннигсена* и *Ш.Лемерсье-Келькеже*
**«Большая Ногайская Орда и проблема контактов между
Османской империей и Центральной Азией в 1552–1556 гг.»**



TSM, K. 888, folio 74a

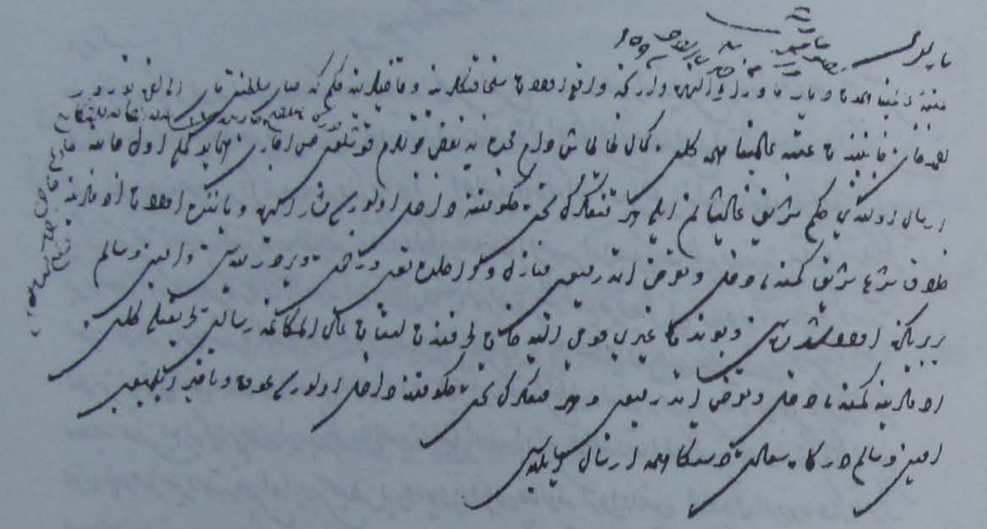
TSM, K. 888, folio 98b

TSM, K. 888, folio 160b

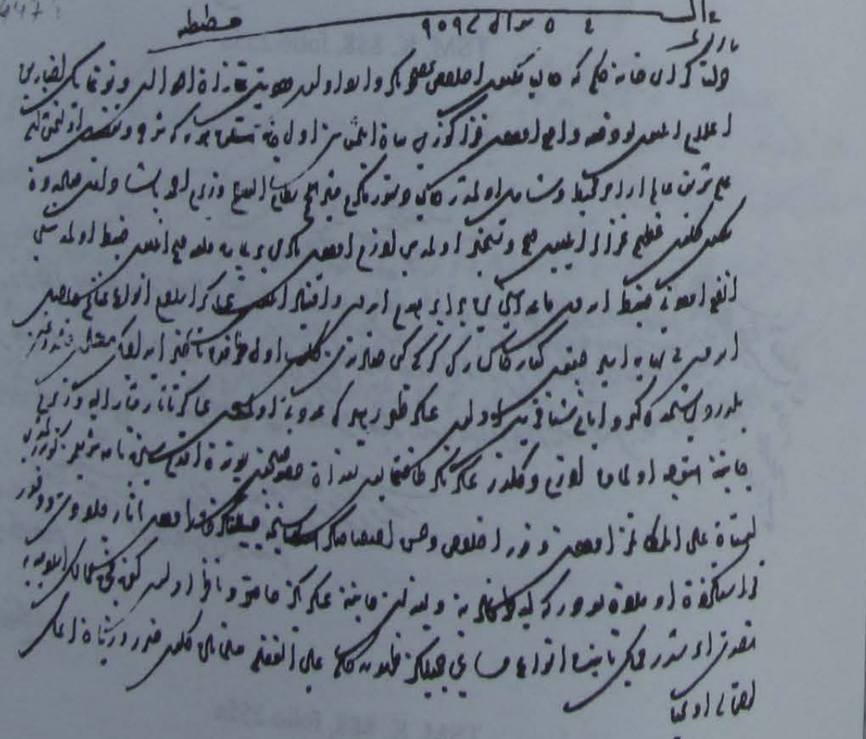
TSM, K. 888, folio 255a

TSM, K. 888, folio 255a

TSM, K. 888, folio 237b



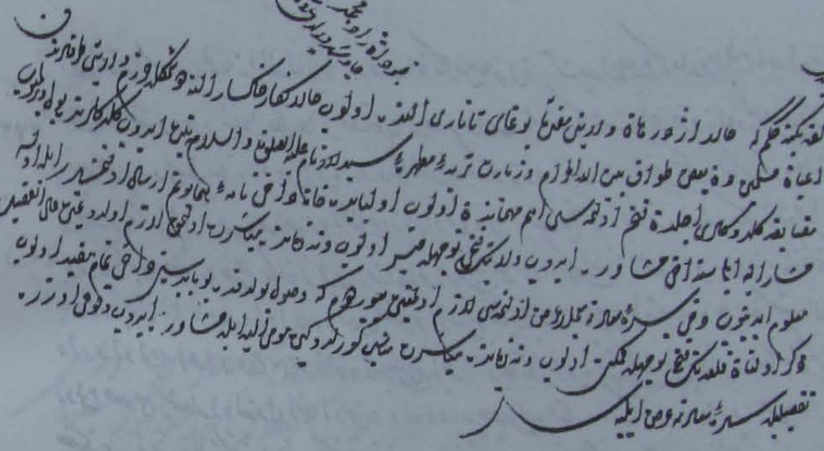
TSM, K. 888, folio 255b



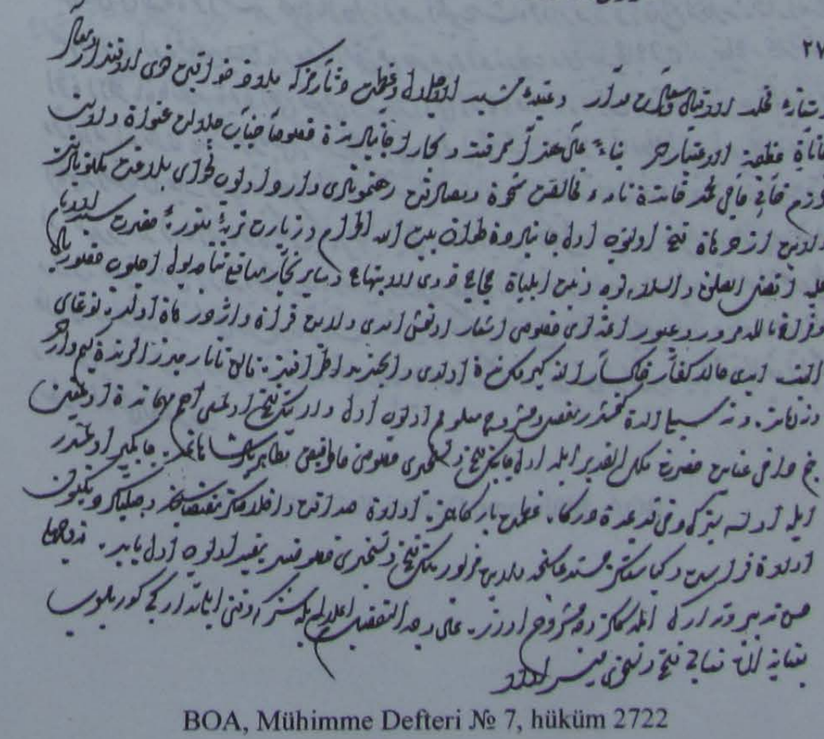
TSM, K. 888, folio 447a

К статье *А.Беннигсена*

«Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. ...»



BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 838



BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 2722

صورت نامهٔ خوارزم خان

٢٧٢٣

BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 2723

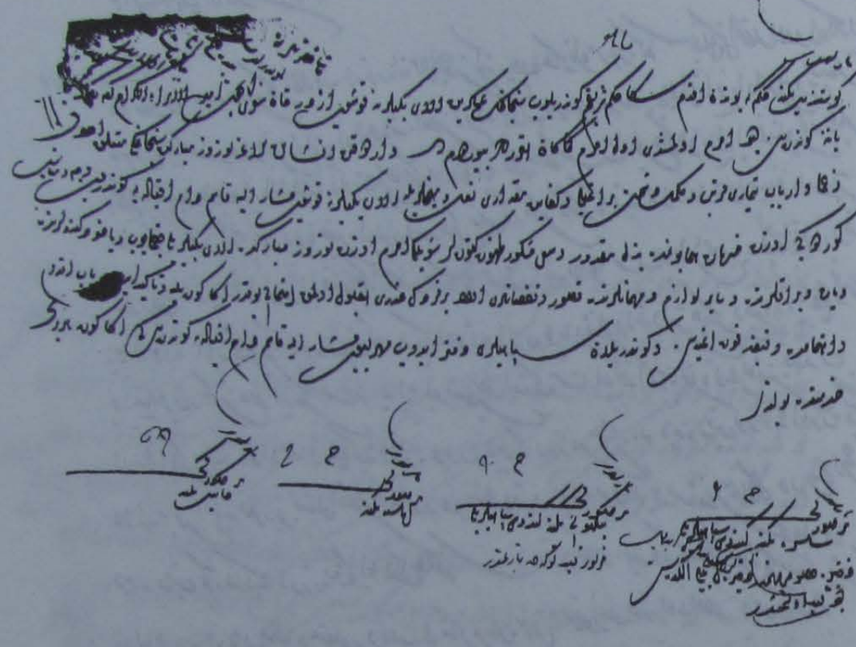
١٩٦٢

BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 1962

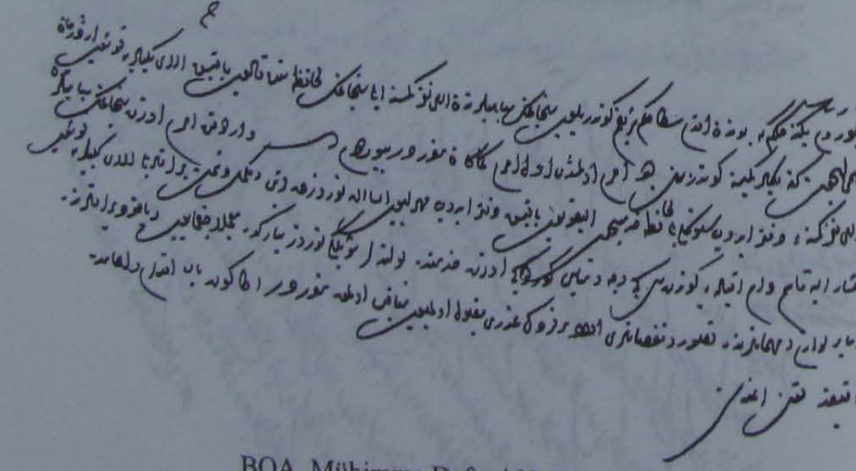
BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 2757

BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 2745

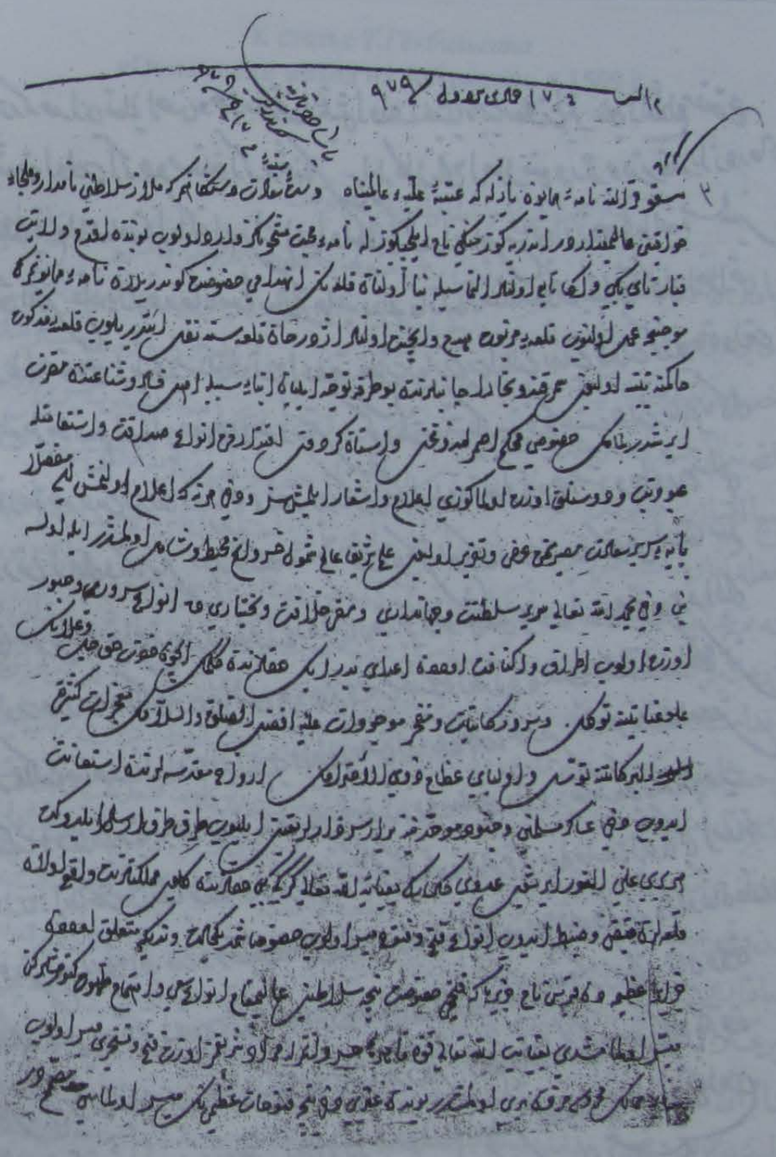
BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 2691



BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 2692



BOA, Mühimme Defteri № 7, hüküm 2693



BOA, Mühimme Defteri № 16, hüküm 3 (sayfa 2)

BOA, Mühimme Defteri № 16, hüküm 3 (sayfa 3)

К статье *Т.Гёкбильгина*

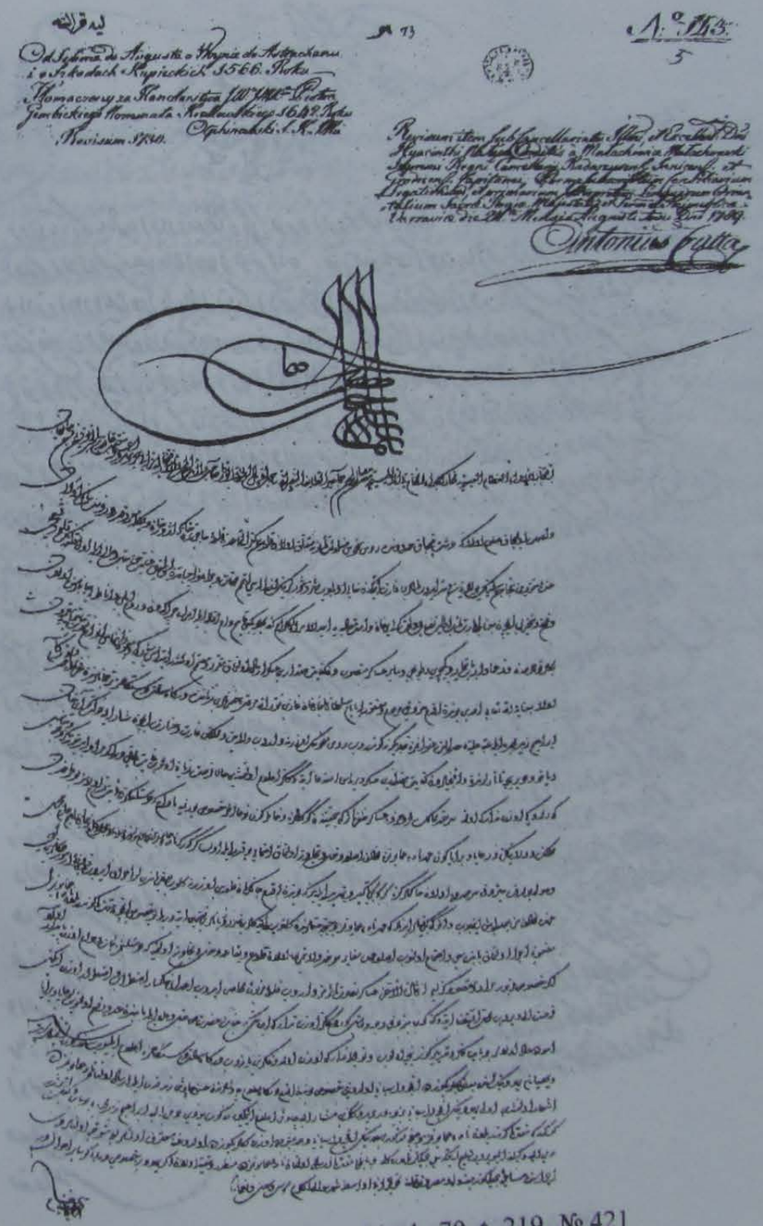
«Османский поход на Астрахань в 1569 г.»

TSMA, E. 1247 (верхняя часть)

TSMA, E. 1247 (нижняя часть)

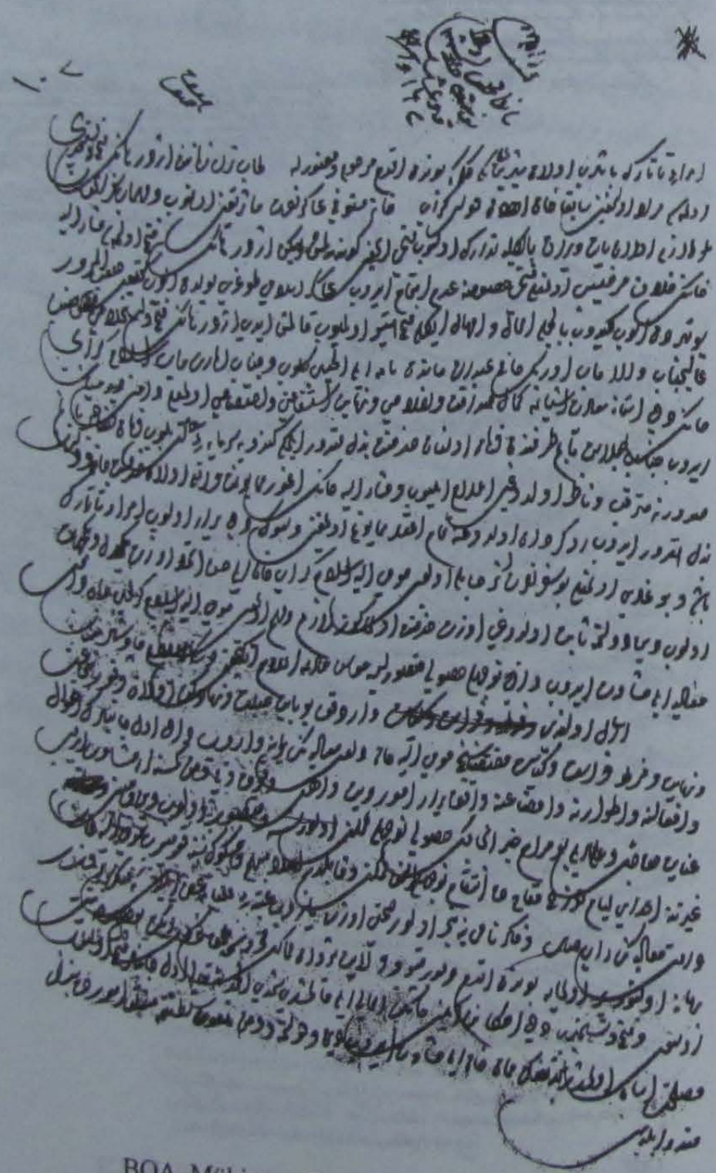
К статье *Ж.Вайнштейна*

«Послание Селима II польскому королю Сигизмунду-Августу об астраханской кампании 1569 г.»



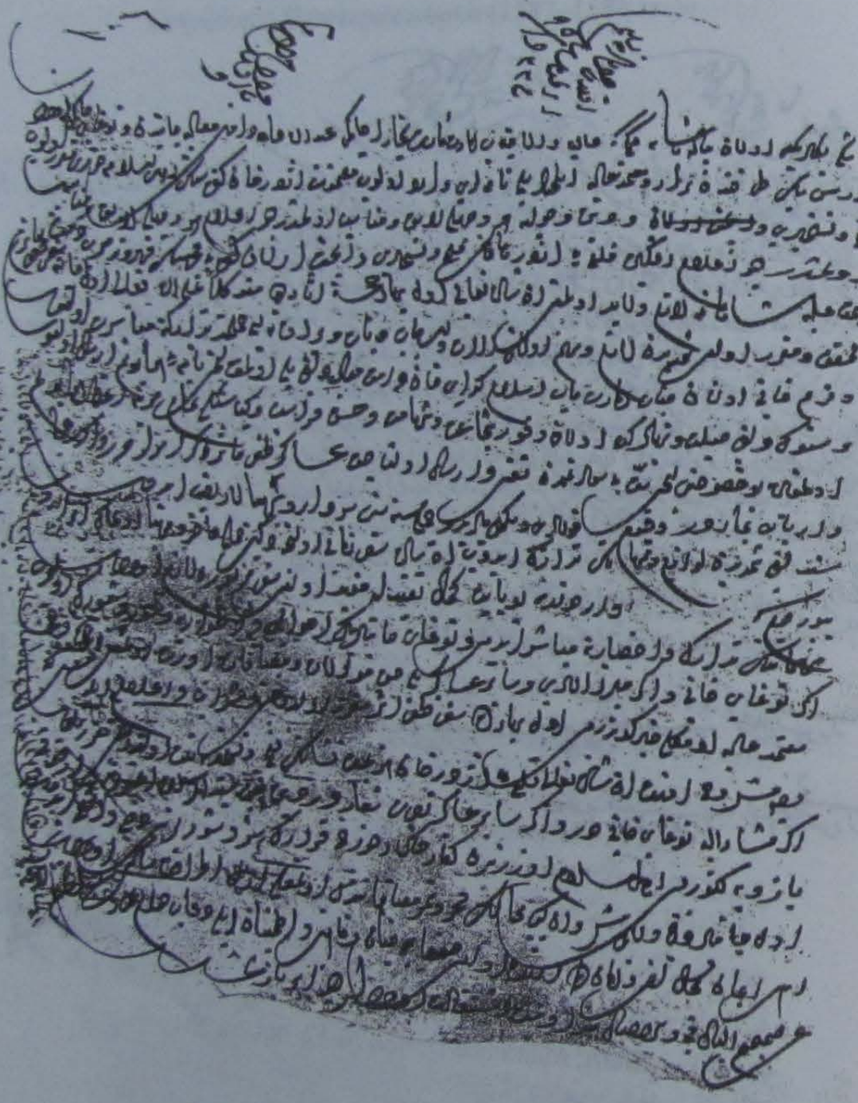
AGAD, AKW tureckie, k. 70, t. 219, № 421

К статье *А.Беннигсена* и *М.Бериндея*
«Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.)»



BOA, Mühimme Defteri № 62, hüküm 226

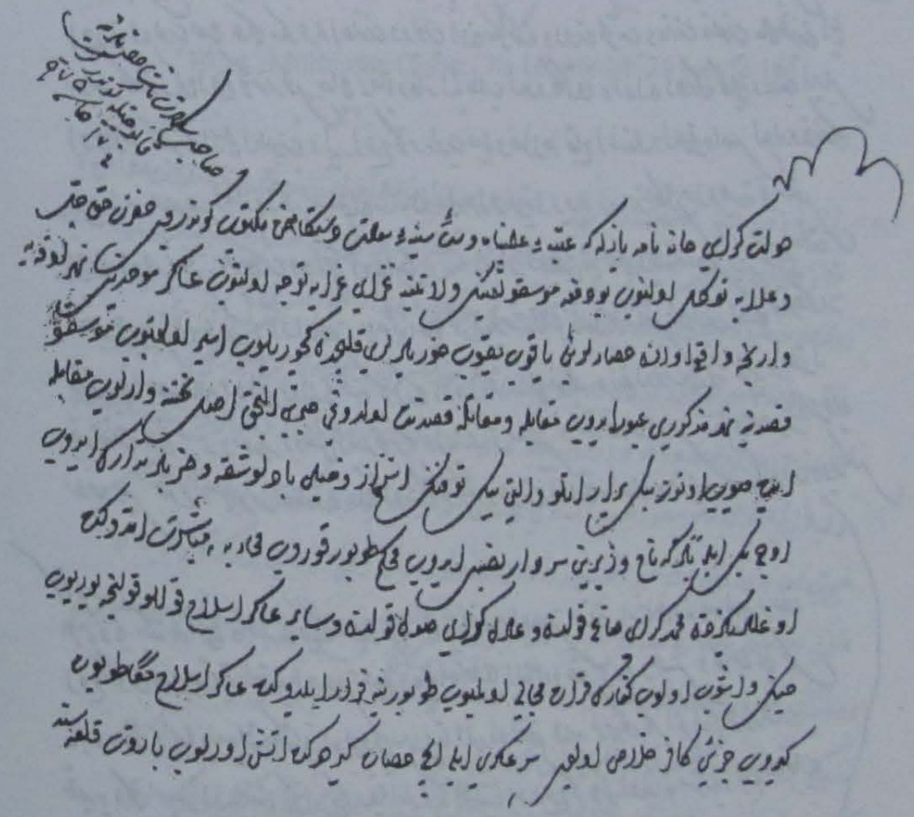
BOA, Mühimme Defteri № 62, hüküm 231



BOA, Mühimme Defteri № 62, hüküm 233

К статье *Ш.Лемерсье-Келькеже*

«Походы Девлет-Гирея против Москвы в 1571 и 1572 году по документам Османского архива»



BOA, Mühimme Defteri № 16, hüküм 26 (sayfa 14)

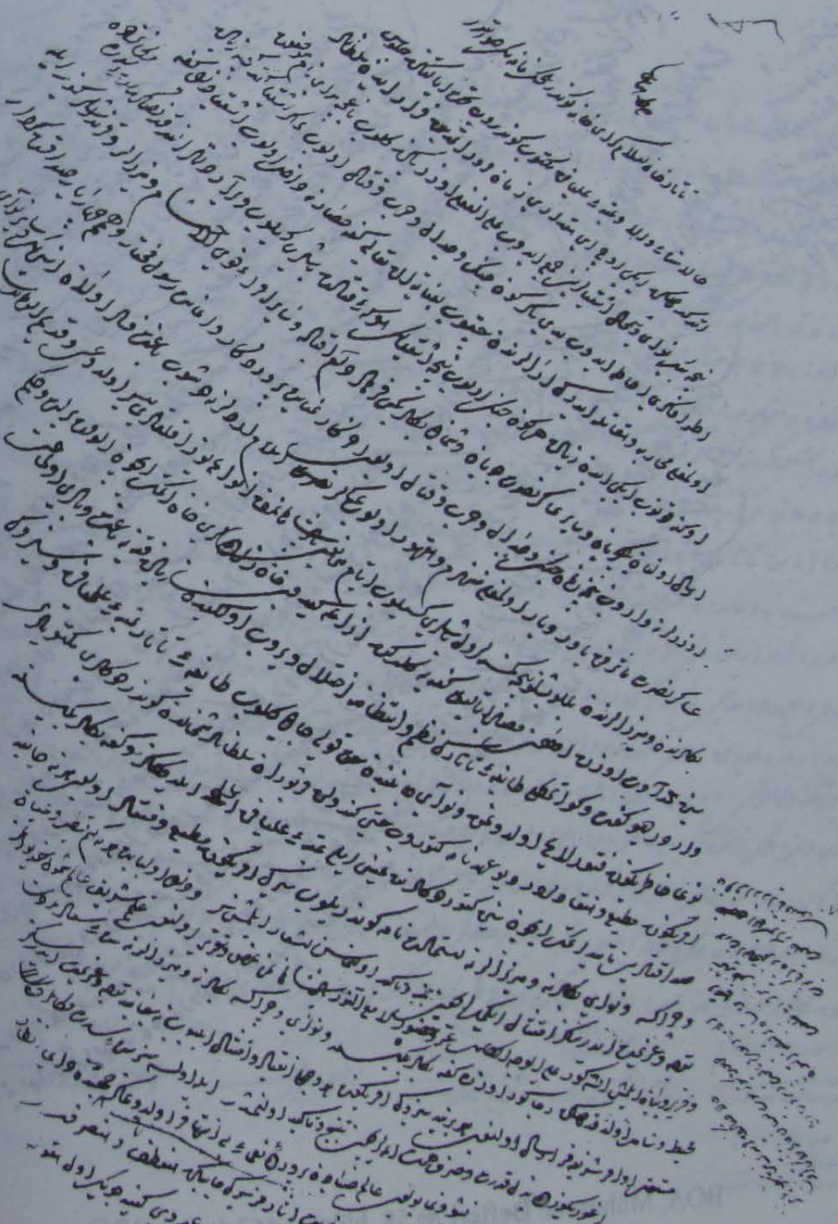
BOA, Mühimme Defteri № 16, hüküm 26 (sayfa 15)

BOA, Mühimme Defteri № 16, hüküm 26 (sayfa 16)

BOA, Mühimme Defteri № 19, hüküm 387 (sayfa 185)

BOA, Mühimme Defteri № 19, hüküm 387 (sayfa 186)

К статье *А.Беннигсена* и *Ш.Лемерсье-Келькеже*
«Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг.»



BOA, Mühimme Defteri № 58, hüküm 462 (sayfa 175)

BOA, Mühimme Defteri № 58, hüküm 462 (sayfa 176)

BOA, Mühimme Defteri № 58, hüküm 454

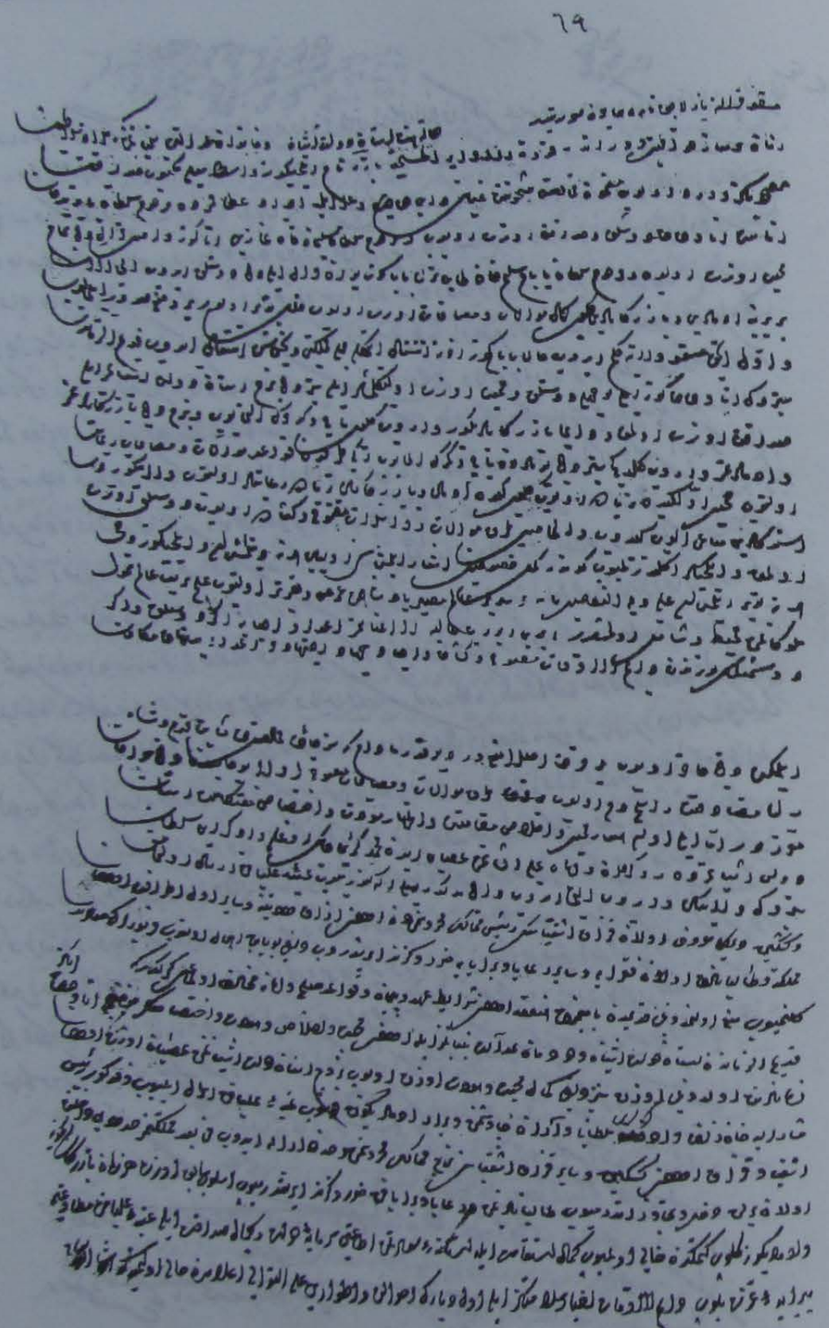
BOA, Mühimme Defteri № 60, hüküm 572

BOA, Mühimme Defteri № 62, hüküm 433 (sayfa 193)

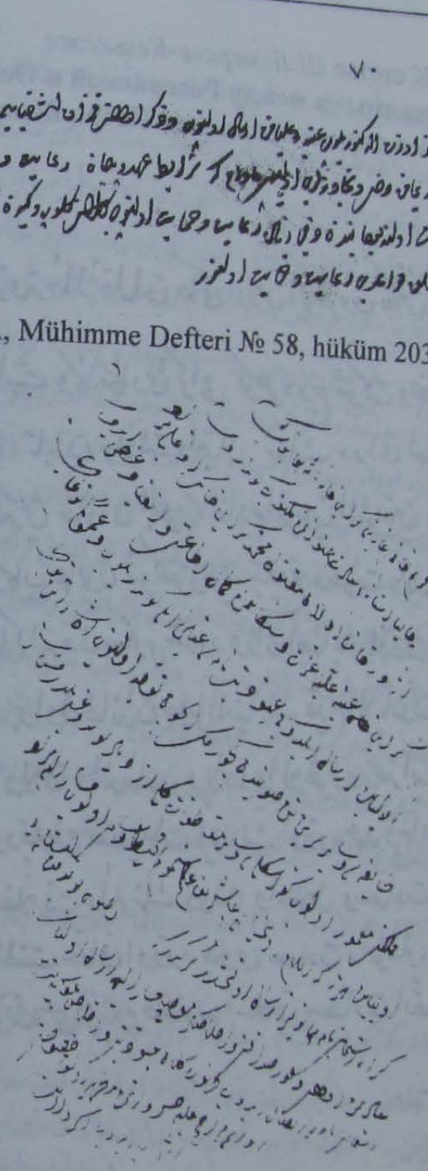
BOA, Mühimme Defteri № 62, hüküm 433 (sayfa 194)

BOA, Mühimme Defteri № 62, hüküm 516

BOA, Mühimme Defteri № 62, hüküm 67



BOA, Mühimme Defteri № 58, hüküm 203 (sayfa 69)



BOA, Mühimme Defteri № 64, hüküm 232

К статье *Ш.Лемерсье-Келькеже*
«Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого...»

BOA, Name-i Hümayun Defteri № 6, sayfa 89

BOA, Name-i Hümayun Defteri № 6, sayfa 90

BOA, Name-i Hümayun Defteri № 6, sayfa 90

٥٢٠

٣٠٧

قالماق حاکمنه مکتوب ١٤٢ ١٢١

قدوة امراء طوایف قلماق زبدهٔ کبراء دشت قبچاق اولان ایوکه خان ختمت عواقبه بالخیر قبلنه
دوستلغه لایق ومراسم محبته موافق پیام مودت انجام وکلام مسالمت ارتسام ابلاغیله
دوستانه انها وصادقانه ابنا اولنورکه مرجع سلاطین عظام وملجاء خواقین کرام اولان شوکتلو
قدرتلو عظمتلو عنایتلو پادشاه جهانپناه ضاعف الله تعالی اقتداره الی یوم الانتباه افندمز
حضرتلرینک سدهٔ سنیه سعادتمدارلرینه اولان عبودیت نامه کز ایله ارسال اولنان قدوة
الاماثل والاقران نوغایلی محمد صالح بک آستانهٔ سعادت آشیانه کلوب وصول بولوب وقانون
قدیم جهانبانی ودأب مستدیم سلطانی اوزره برحین سعادت قرینده الچیکز عتبهٔ علیهٔ خسروانیه
یوز سوروب ونامه کزی تسلیم ایدوب مفهوم اخلاص ملزومنده عتبهٔ سنیهٔ شهریاری یه عرض
عبودیت سیاقنده مقدما دولت علیه نک دوستنه دوست ودشمننه دشمن اولمق اوزره
عقد وجزم اولنان نیتکز مقتضاسنجه قریم خاننه عصیان ایدن قبارطای چرکسی جانبندن
طرفکزه کوندریلان الچیسنی قبول ایتمدوککزی اشعار ایله جادهٔ صداقت وعبودیتده ثبات
قدمکزی اثبات واظهار ایلمشسز بالجمله محاط علم عالم آرای جهانداری اولوب الچیکز مومی الیه
حشنده دأب قدیم اوزره مراسم التفات شاهانه مرعی قلندقدن صکره طرفکزه عودته مأذون
اولمغله طرفکزدن مکتوب تحریر وارسال اولنمشدر ان شاء الله المولی وصولنده فیما بعد دخی
طریق صداقتده ثابت قدم واظهار عبودیتده راسخ دم اولوب وسرحد منصورهٔ خسروانیده
واقع قریم ولایتی قرب وجوارکزده اولمغین باباوده لریکز زماننده برو اولیکلدیکی اوزره
مزدخی قبایل وعشایرکز ایله حالا قریم خانی اولان سعادتلو شهامتلو جلادتلو دولتکرای
خان حضرتلریله وقریم خلقی ایله دائما حسن معاشرت ولوازم الفتی رعایت اوزره اولوب
علی الدوام صدق وسدادکزی اشعار ایدر اطوار مرضیه اختیاریله استحصال رضای
جهانداری یه سعی واهتمام ایلیه سز

BOA, Name-i Hümayun Defteri № 6, sayfa 520

٩١

وعبودیت عرض واظهار ایلمشسز تأییدات یزدانی وتوفیقات صمدانی ایله قدرت قاهره سی
عالمگیر وسطوت باهره سی مستغنی عن التعبیر اولان بو آستان سعادت آشیانه کمربستهٔ
عبودیت اولوب دوستلق وقوللق عرض ایدنلردن برفردک عنایت عالمشمول خسروانه دن محروم
قالمدوغی عامهٔ عالمیانه مجزوم اولمغله سزدخی جادهٔ عبودیتده نمرتبه ثابت قدم اولورسکز
اضعاف مضاعف مکافاتن وتوجهات عنایت آیات پادشاهانه ایله مجازاتن مشاهده ایدرسز
حق سبحانه وتعالی طریق عبودیتده صدق نیتکزی وشاهراه صداقته سلوک وعزیمتکزی ظاهر
وآشکار ایدر حرکات پسندیده واطوار حمیده یه موفق ایده حالیا عبودیت نامه کز پایهٔ سریر سعادت مصیر
شهریاری یه عرض اولنوب والچیکز عتبهٔ علیهٔ جهانداری یه یوز سوروب ادای خدمت ایلدکدنصکره
عود وانصرافه مأذون اولمغله طرفکزدن مکتوب تحریر وارسال اولنمشدر لدی الوصول مأمولدرکه فیما بعد
دخی دولت علیه نک دوستنه دوست ودشمننه دشمن اولمغله عرض ایلدیکز عزم وجزمی قوتدن فعله
کتورمکه همت ومسلمانلر ایله بارشقلغه ودوستلغه موافق ودولت علیه یه صدق عبودیتی مصدق
حرکته بذل قدرت باخصوص سرحد منصوره دن قریم ولایتنک اولکه کزه فی الجمله قرب مسافه سی
اولمغله باباکز ودده لریکزدن ظهور ایدن حسن اطواری دولت علیه طرفنه قریم خانلری عرض
واعلام ایده کلدکلرندن ماعدا حالیا قریم خانی اولان سعادتلو شهامتلو الحاج سلیمکرای خان
حضرتلرینک مدت مدید وعهد بعیددن برو وفور حمیت وکمال رویت ایله اکر امور سرحد منصور
واکر اقتضا ایدن جهاد وغزالرده مساعی جمیله لری ظاهر اولمغله کهف الانام ظهیر الاسلام
شوکتلو شجاعتلو عظمتلو مهابتلو افندم پادشاه عالمپناه ابد الله سلطنته وقواه حضرتلرینک
انلره اعتماد همایون وتوجه خاطر سعادتمقرونلری کمالده اولمغین خان مشار الیه حضرتلریله
وقریم خلقیله طرفکزدن وقبایل وعشایرکزدن لوازم حسن جواره متعلق ظهور ایدن اطوار
دخی حقکزده حسن اعتقاد شهریاری یه باعث اولمغله خان عالیشان حضرتلرینک طرف
شریفلرندن دخی ادملریکز اکسک ایتمیوب کوندن کونه دوستلق ازدیادینه وصدق وسداد
اظهارینه سعی واهتمام ایلیه سز وبیوک اوغلکز مکتوبنده دخی صدق نیت ایله عرض عبودیت
اولنمغله حظ اولنمشدر حق تعالی دولت علیه قوللوغنده توفیق احسان ایلیه

BOA, Name-i Hümayun Defteri № 6, sayfa 91

رکاب همایون شوکتمقرونه قالموق حاکمی ابوکه خان طرفندن الچیسی پهلوان قولیلك یدیله کلان

هدیه‌در

۲۰۸

سنه اواخر م ۱۱۴۲

سنغور جانع بر | سیلك نافه طقوز | بحاق عدد اوج | تنزوی خطایی سنسیکه بش | تلاتین جلد طقوز | تیرایغراك زاش بر | تیراکدیش بارکیر راس بر

الاکدیش بارکیر راس بر

BOA, Name-i Hümayun Defteri № 6, sayfa 520

۲۰۰
۱۱۸

دولتلو سعادتلو صدر اعظم حضرتلرینه قلموق حاکمی ابوکه خانك الچیسی پهلوان قولی بای
یدیله کلان مکتوبك ترجمه سیدر
عالیمنزلت نیکو اسمالت وزیر اعظمسز دوستکزه دوستز سوز ومحبت ایلرز
وهرنیجه که سوزیمز واریسه الچیمز پهلوان قولی بای دن در
قالموق حاکمی ابوکه خانك الچیسی پهلوان قولی بای لساناً تقریر ویرر
ابوکه خانك بندن اول کلان الچیسی محمد صالح ایله طرف همایون پادشاهیدن کوندریلن
نامه همایونی وکندوسنه اولان توجه ملوکانه دن زیاده سیله مسرور اولوب نیجه
خزینه لر کلسه ده بوزیاده عزت ولزوم واراسه حاصل اولسه بومرتبه مسرور اولمازدم دیو اظهار
تشکر ایلدوککی تقریر ایتدکدنصکره ینه کلامه آغاز ایدوب اشتك قومی کر الحاله مسلمانلردر
بوندن اقدم مسقوف تحت قهرنده ایدیلر بو اثناده کندولرده بعض مرتبه قوت مشاهده ایتدیلر
اشتك قومندن برسلطان مسقوف نهر اتل کنارنده ترك دیمکله معروف برقلعه سی اوزرینه
تبدیل صورت برمقدار آدم ایله چاپوب وقلعه مزبوره نك طشره سنی ضبط ایدوب لکن تدبیری
تقدیره موافق اولمامغله درون قلعه یه دخی بوطریقله کیروب ضبط ایتمك لیدیرده ایکن اسیر
اولوب مذکور اولنان سلطانی مسقو چارلری قتل ایتمکله اشتك قومی وقره قلپاق وقیرغز قزاقلر
بو اوج طائفه اوج اوروغ وجمله سی مسلمانلردر اتفاق واتحاد ایله قره قلپاقدن اشتك
قومنه برسلطان نصب ایدوب وبزم خانمز اولان ابوکه خان ایله بو اوج اوروغ مسقو ممالکنه
چاپغنه وارون بشی سنه یه دك ایصال الخسارت ونهب وغارت ایتمکه اتفاق وعهد ومیثاق
ایلدیلر حتی مسقودن ابوکه خانه ایکی دفعه الچی کلوب ایتدکلری الچیسی کتور امداد ایچون
عسکر استیوب ابوکه خان ویرمدی ایکنجی دفعه ده کلان الچیسی ایسه چونکه عسکر ویرمدك
باری اشتك قومنی مسقو مملکتنه چاپمقدن منع ایله دیو التماس ایلدی اناخانمز اندخی
قبول ایتمیوب سن اشتك سلطانی قتل ایلدك انلر دخی سنك قان دعواسی ایلدیککی
بن انلری منع ایدهم وایتم وجمله مز الچیکزدن دیرارونفرت ایزیوبزایله اتفاق دخی ایلدك
دیوب ایکی الچیسی بوجواب ایله یوللادی وکچن سنه قیش ایامنده نهر اتل بوزطوتدیغی وقتده
مسقوه تابع قزق بیك متداری روس طائفه سی اشتك قرشوب اوزرینه یورودکده ابوکه خان
اشتکه امداد ایدوب اشتك قومی دخی مزبور روس طائفه سنی قارشولیوب طائفه مزبوره

BOA, Name-i Hümayun Defteri № 6, sayfa 200

۲۰۱
۲۰۲

اشتکه متاوستدن عجزلرین مشاهده ایدجك نهر اتل که اول محلده یوزطوتمش ایدی
اشتك قومی بوز اووزرینه کلمزلر دیو روس طائفه سی بوز اووزرینه تحصن ایتدکلرنده
اشتك دخی بوقارودن واشاغیدن بوزی قطع ایدوب روس قومی اتمری وکاربارلیلری
صویه غرق اولدیلر وبزم بو ایشلرمز وعهد ومیثاقمز دولت علیه نك بو وجهه اوزره
معلومی اولسون دولت علیه وکلاسنه عینیله بویلجه خبر ویر دیو ابوکه خان بکا بنیه وسپارشی
ایدی والحالة هذه قریم خانی دولتکرای خان حضرتلریله دخی خانمز ابوکه خان وقومز بینده
کمال مرتبه اتفاق واقع اولمشدر حتی شول مرتبه که بزم خرسزلرمز تاتار طائفه سندن برشئ
سرقه ایلسه البته بولدروب خان حضرتلرینه کوندرویورلر وبزدن دخی تاتار طائفه سی برنسنه
غصب ایلسه اندخی تاتار خان حضرتلری بولدروب بزه کوندرور واشتك وقره قلپاق وقیرغز
بو اوج اوروغك الچیلری ابوکه خانك یاننده ایکن بنی ابوکه خان بوطرفه کوندردی دولت علیه
بزه هر نه خدمت تکلیف ایدرسه بو دوست طائفه اتفاقیله اولخدمتی ادایه عقد نیت ایتمشلردر
ودولت علیه نك فرمانینه منتظر ودوستنه دوست دشمننه دشمن ایدوکمز لساناً سپارش
ایلمشلردر سن لساناً خبر ویر وبزم بو اتفاقمزه وعهد ومیثاقمزه دولت علیه تمام اعتماد حاصل ایتك
استرسه سن عودت ایلدوکده سنکله برمعتمد آدم قوشوب معاً کوندرسونلر کلوب بو اتفاقمزی
مشاهده ایتسون ودولت علیه یه دخی یقین حاصل اولسون دیو ابوکه خان سپارش ایلدی
حتی عودت ایدوب کلدیکمده بکا کتوردیکك نامه همایونده سکا لساناً امانت ایلدیکم احوالی
تبلیغ ایلدوککی مشعر جواب کتور مجرد لساناً تبلیغ ایلدیم دیدیکله دخی اعتماد ایتم اکر نامه همایونده
بنم لساناً سپارش ایلدوکم کلامی تبلیغ ایلدیکك اشارت اولنمز ایسه سنك باشنی الورم دیو ابوکه خان
بکا زیاده تهدید ایتمکله بنداخی واقع حال نه ایسه اعلام ایلدم دیو تقریر ایلدی فی اواخر ج ۱۱۴۲

BOA, Name-i Hümayun Defteri № 6, sayfa 201

Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*
Подписано в печать 25.12.2009 г.
Печ. листов 26,75. Тираж 400 экз.

Отпечатано в ОАО «Фолиантъ»
г. Казань, ул. Дементьева, 1А